ИСТОРИЯ

Исчерпывающий труд от сотрудников Института российской истории РАН

РОССИИ

С древнейших времен до наших дней

история в одном томе

Людмила Евгеньевна Морозова
Александр Николаевич Боханов
Владимир Алексеевич Шестаков
М. А. Рахматуллин

История России с древнейших времен до наших дней

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21996600
История России с древнейших времен до наших дней: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-090465-5

Аннотация

В основу этого труда положены не только достижения российской исторической науки конца XX – начала XXI вв., но и опыт мировой исторической науки применительно к изучению истории Человечества в целом и истории России в частности.

«История России» охватывает период от глубокой древности до начала XXI в. В основу периодизации книги положены хронологическо-территориальный и цивилизационный подходы.

Великолепное учебное пособие для студентов гуманитарных вузов и широкого круга читателей, интересующихся историей своей страны.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Раздел I. Древняя Русь 12
Глава 1. Предыстория народов России 12
§ 1. Появление человека на территории Восточной Европы 12
§ 2. Неандертальцы. Современные люди 18
§ 3. Послеледниковый период 22
§ 4. Неолитическая революция 25
§ 5. Производящее хозяйство 27
§ 6. Конец былого равенства людей 31
§ 7. Индоевропейцы и первый «раздел Европы» 34
§ 8. Расселение индоевропейцев 38
Глава 2. Происхождение славян. Их соседи и враги 43
§ 1. Место славян среди индоевропейцев 43
§ 2. Первые нашествия 45
§ 3. Греческие колонии и скифы 47
§ 4. Появление восточного славянства и новые враги 49
§ 5. Другие народы на территории России в глубокой древности 51
§ 6. Великое переселение народов и Восточная Европа 55

§ 7. Анты и первое восточнославянское государство 59
§ 8. Славянский вождь Кий. Основание Киева 63
§ 9. Борьба с аварами и хазарами 65
§ 10. Болгары 67
Глава 3. Древняя Русь 70
§ 1. Восточнославянские племена VIII–IX вв. 70
§ 2. Религия восточных славян 82
§ 3. Появление государства у восточных славян 87
§ 4. Первые русские князья 101
§ 5. Правление Святослава 117
§ 6. Русь во времена Владимира Святославича 127
Глава 4. Эпоха Ярослава Мудрого 146
§ 1. Основные черты русской истории к началу XI в. 146
§ 2. Вторая междоусобица на Руси. Борис и Глеб – князья-мученики 162
§ 3. Борьба Ярослава с Мстиславом Тмутараканским и новое объединение Руси 177
§ 4. Расцвет Руси при Ярославе Мудром 180
§ 5. Церковь и религия при Ярославе. Митрополит Иларион. Печерские 194

святители
§ 6. Становление раннефеодальных отношений. Государственная власть. Города. Торговля. Армия 209
§ 7. От языческих мятежей к социальному протесту 238
Глава 5. Русь на перепутье 250
§ 1. Междоусобица на Руси в 70-е гг. XI в. 250
§ 2. Мятеж Олега Гориславича и новая распря 258
§ 3. Начало военной деятельности Владимира Мономаха 261
§ 4. Трагедия 1096–1097 гг. 271
§ 5. Крестовый поход в степь 1111 г. 283
§ 6. Восстание 1113 г. и эпоха Владимира Мономаха 291
Глава 6. Политический распад Руси 302
§ 1. Смерть Мстислава Великого и начало очередной смуты 302
§ 2. Начало политической раздробленности Руси 305
Глава 7. Образование на территории Руси княжеств-государств 313
§ 1. Киевское княжество 313
§ 2. Черниговское и Северское княжества 317
§ 3. Галицко-Волынское княжество 323

§ 4. «Господин Великий Новгород» 331
§ 5. Владимиро-Суздальское княжество 339
Глава 8. Культура Руси X – начала XIII века 354
§ 1. Как зарождалась культура Руси 354
§ 2. Письменность, грамотность, школы 359
§ 3. Летописи 362
§ 4. Литература 369
§ 5. Архитектура 374
§ 6. Искусство 377
§ 7. Быт народа 385
Глава 9. Начало монголо-татарского вторжения на Русь 390
§ 1. Рождение монгольской державы 390
§ 2. Чингисхан 394
§ 3. Завоевания монголов 396
§ 4. Трагедия на Калке 399
Раздел II. Северо-Восточная Русь 404
Глава 10. Ордынское владычество 404
§ 1. Батыево нашествие на Русь. Оборона Рязани 404
§ 2. Завоевание остальной Руси 408
Глава 11 415
§ 1. Ордынское иго 415
§ 2. Натиск врагов на северо-западе. Первые схватки с крестоносцами и литовцами 419

§ 3. Александр Невский 423
§ 4. Ледовое побоище 428
§ 5. Возрождение Руси. Русь и Золотая Орда при Александре Невском 432
§ 6. Великие «малые дела» 441
§ 7. Возвышение новых русских центров 453
Глава 12. Возвышение Москвы 464
§ 1. Схватка Твери и Москвы за первенство 464
§ 2. Возвышение Москвы. Иван Калита 470
§ 3. Вильно или Москва? 474
§ 4. Начало борьбы с Ордой. Куликовская битва 482
Глава 13. Русь при преемниках Дмитрия Донского: тернистый путь к единству и независимости 501
§ 1. Наследие Дмитрия Донского 501
§ 2. Правление Василия I 503
§ 3. Борьба за московский стол между потомками Дмитрия Донского 510
Глава 14. Русская культура второй половины XIII – первой половины XV века 523
§ 1. Общественная мысль 523
§ 2. Архитектура и живопись 531
§ 3. Прикладное искусство 536
§ 4. Быт 538
Раздел III. Создание русского национального 541

государства со столицей в Москве (конец XV–XVI века)

Глава 15. Московское княжество в XV веке 541
§ 1. Территория и население 541
§ 2. Власть московского князя, доходы, устройство двора, армия, способ управления княжеством 546
§ 3. Социальная структура 552
§ 4. Православная церковь 558
Глава 16. Великие деяния государя всея Руси Ивана III 564
§ 1. Вступление на престол 564
§ 2. Присоединение Новгорода 566
§ 3. Конец татаро-монгольского ига 573
§ 4. Расширение границ государства 579
§ 5. Во главе единого государства 590
§ 6. Общественная мысль 604
§ 7. Проблема престолонаследия 609
Глава 17. Наследник государя всея Руси Василий III 619
§ 1. Вступление на престол 619
§ 2. Расширение границ государства 623
§ 3. Дела семейные 640
Глава 18. Дальнейшее развитие Русского государства при Иване Грозном 653
§ 1. Регентство Елены Глинской 653

§ 2. Боярское правление 657
§ 3. Формирование личности Ивана IV Васильевича Грозного 660
§ 4. Венчание на царство 664
§ 5. Взятие Казани и Астрахани 671
§ 6. Время реформ 680
§ 7. Ливонская война и опричнина 684
§ 8. Последние годы грозного царя 701
Глава 19. Закат династии московских князей. Царь Федор Иванович 712
§ 1. Оценка личности царя Федора в историографии 712
§ 2. Первые мероприятия нового правительства 717
§ 3. Учреждение патриаршества 725
§ 4. Нарвский поход 1590 г. 728
§ 5. Последнее нападение крымского хана на Москву 732
§ 6. Проблема престолонаследия 735
Глава 20. Русская культура XVI века 741
§ 1. Общественная мысль 741
§ 2. Школа, просвещение, книгопечатание 751
§ 3. Архитектура 754
§ 4. Живопись 760
§ 5. Декоративно-прикладное искусство 763
§ 6. Быт 765

Глава 21. Кризис русской государственности в Смутное время 767
§ 1. Первый выборный царь Борис Федорович Годунов 768
Конец ознакомительного фрагмента. 790

А. Н. Боханов,
Л. Е. Морозова,
М. А. Рахматуллин,
А. Н. Сахаров,
В. А. Шестаков
История России с древнейших времен до наших дней

© А. Н. Боханов, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин (наследники), А. Н. Сахаров, В. А. Шестаков, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Раздел I. Древняя Русь

Глава 1. Предыстория народов России

§ 1. Появление человека на территории Восточной Европы

Мы начинаем повествование о русской истории с того времени, когда на территории нашей страны появились первые люди. Но почему наш интерес уходит так далеко в глубь тысячелетий? И какое отношение это древнейшее население имеет к последующей истории России? Ответ на эти вопросы весьма прост. Все разноплеменные поколения постепенно, шаг за шагом, становились строителями истории той части Европы и Азии, которые впоследствии образовали Россию. Они первыми ступали по этой земле, плыли по ее рекам и озерам, впоследствии распахивали землю, пасли стада и построили здесь первые хижины, а уходя в небытие, давали жизнь последующим поколениям. История может исчезнуть лишь вместе с человечеством, но и возникла она лишь вместе с людьми, которые обитали в этих краях. Это еще не

была история человечества в полном смысле этого слова. Не было еще человеческих обществ, народов, государств, которые составляют смысл истории, не было письменности, освоив которую люди и положили начало письменной истории человеческого рода. Но начало всему этому было положено вместе с появлением человека. Поэтому этот период мы называем «предысторией».

К какому времени относится появление человека и что означает само понятие «человек»? Ученые считают, что выделение людей из животного мира произошло около 2,5 млн лет назад. Связано это прежде всего с тем, что древнейшие люди стали осознавать себя в этом мире и научились создавать орудия труда, что и было ярким проявлением этого высшего по сравнению с животными сознания. Это были различные предметы из камня: режущие орудия – рубила, разного рода скребки, подобие каменных ножей; их изготовление достигалось путем удара камня о камень. При помощи этих заостренных каменных орудий первые люди раскапывали землю в поисках съедобных корней, оборонялись от хищников и охотились. Климат большей части Земли в то время был теплым, поверхность суши была покрыта густыми вечнозелеными деревьями. В то время на Земле обитали огромные животные – мамонты, саблезубые тигры, пещерные медведи, гигантские олени. Люди не нуждались в жилищах и одежде. Среди этих лесов, подстерегаемые повсюду опасностью, небольшими группами – первобытными ста-

дами – бродили люди, устраивали стоянки на открытых местах, чтобы можно было заранее обезопасить себя от приближающейся, но вовремя замеченной опасности. Здесь же, на месте этих стоянок, ученые и обнаружили первые каменные орудия и останки самого человека. Люди, еще слабые, почти беззащитные, лишь недавно вставшие на ноги, нуждались друг в друге в борьбе с могучими животными. Поэтому они собирались в первобытные коллективы. Люди учились общаться друг с другом при помощи отдельных звуков, восклицаний. Они все крепче стояли на ногах, руки их освободились для работы. Следы стоянок этих людей (ок. 500 тыс. лет назад) обнаружены на огромных и отдаленных друг от друга пространствах – в Африке, Азии, Европе, на стыке Европы и Азии, в районе Закавказья.

Этих древнейших людей ученые назвали питекантропами, т. е. обезьяночеловеками (от *греч.* «питекос» – обезьяна и «антропос» – человек). Он стоял на кривых ногах, его длинные руки доходили почти до колен. Торс был покрыт густыми волосами, а голова наклонена вниз, словно это существо еще боялось оторваться от земли. Лоб такого обезьяночеловека был низким, подбородок срезанным. И все лицо было угрожающе грубым. Но это был уже человек: он мыслил, он придумывал себе орудия труда и первое оружие. Он начал свой путь в истории. Естественно, что в ту пору не было ни наций, ни различных языков, но уже определялись районы обитания древнейших человеческих коллективов.

От этих получеловеков до людей современного облика был еще долгий путь. Но начало человеческой истории уже было положено. Кстати, ученые отмечают, что проникновение предков человека на территорию Восточной Европы, в том числе в Россию, началось с юга – из регионов Африки, Средиземноморья, Южной Азии. Не случайно здесь впоследствии появились первые мировые цивилизации – в Египте, Вавилоне, Индии, Китае. Оттуда люди постепенно распространились на север.

Решительный сдвиг в истории человечества произошел в период между 100–30 тыс. лет до н. э., когда под влиянием геологических, климатических, а возможно, и космических изменений на Земле началось оледенение значительных территорий и в первую очередь в северных широтах Земли. Резко изменился климат, исчезли гигантские животные – часть их вымерла, другие ушли в теплые края. Иной стала растительность: районы тундры, арктической растительности продвинулись далеко на юг. Граница ледника доходила до среднего Днепра и Дона, пересекала Волгу у устья реки Ветлуги и Камы, там, где в нее впадает река Чусовая.

В этих условиях перед человеком встал трудный, поистине исторический выбор – как выжить, уцелеть, сохранить потомство?

В течение всех этих многих и суровых тысячелетий человек отчаянно боролся за жизнь. Часть людей подалась на юг, другие же в изменившихся условиях стали осваивать земные

пространства на границах ледниковой зоны. Человека спас разум и умение создавать. К этому времени люди научились пользоваться огнем и получили искусственное тепло. Видимо, вначале человек получал огонь от лесных возгораний, а потом тщательно берег его и хранил. В ту пору лишиться огня значило погибнуть от холода. Позднее люди научились получать огонь при помощи трения сухого дерева о дерево. Такой способ требовал большой сноровки и терпения, а главное, подбора соответствующих пород дерева. Огонь дал человеку возможность жарить на углях мясо. Новый вид пищи существенно менял саму физиологию человека, делал ее более совершенной; люди со временем научились использовать в качестве жилищ пещеры и укрываться в них, согреваясь теплом костра от стужи и непогоды. Но большинство пещер уже было обжито хищниками: пещерными львами, медведями. Человек бросил им вызов: за свои первые жилища он вступил в борьбу с животными и выиграл ее. Сколько страшных схваток произошло в тех темных пещерах, где сегодня найдены останки древних людей у старых кострищ! В это же время появляются и первые построенные человеком жилища из дерева, камня, камыша, зарождается и такой вид жилья, как землянка, которой довелось дожить до конца XX в. В эти суровые тысячелетия человек научился из шкур животных делать себе одежду, что дало ему дополнительный шанс на защиту от холода и выживание. Одновременно люди совершенствовали орудия труда и оружие. Они по-прежнему

были сделаны в основном из камня, поэтому весь этот древнейший период в истории человечества назван палеолитом (от *греч.* «палайос» – древний и «литос» – камень). Появились копья с кремневыми наконечниками, тонкие каменные ножи, более совершенные скребки, скобели. Их использовали для обработки шкур убитых животных, для строгания.

Наконец, и это очень важно, человек того времени стал хоронить своих умерших соплеменников. От этого времени доходят первые человеческие захоронения. Появился культ умерших. А это значит, что люди осознали себя смертными и одновременно утвердили в своем сознании надежду на потустороннюю жизнь. Попытки познать сокровенные тайны мироздания, тайны рождения и смерти, которые с тех пор люди стали связывать с проявлением высших сил, божества или божеств. Зарождение религиозных представлений окончательно выделило человека из животного мира. В это же время зарождается искусство, развивается речь. Именно с этого времени человек окончательно стал на путь превращения в существо, которое ученые определили латинскими словами «гомо сапиенс» (в переводе с лат. – «человек разумный»).

Появились признаки дальнейшего совершенствования человеческого коллектива. Новые условия заставили людей сплотиться, осуществлять постоянную взаимопомощь в борьбе с природой и животным миром. Это уже не было первобытное стадо, но хорошо организованные общины, где у

каждого их члена – и у женщин и у мужчин – существовали определенные задачи в домашнем хозяйстве, на охоте, в период борьбы с врагами. Вооруженные более современным оружием, такие коллективы вели охоту облавой, загоняли крупных зверей в ямы, к обрывам и добивали их; потом в пещерах, у теплых костров праздновали свои первые победы.

§ 2. Неандертальцы. Современные люди

Впервые останки человека такого типа ученые нашли в Германии, в долине Неандерталь. С тех пор людей этого времени стали называть по месту находки – неандертальцами.

Мозг неандертальцев по своему объему уже близок к мозгу современного человека, но неандерталец еще имел покатый лоб, мощные надбровные дуги, выступающие вперед лицевые кости. Это говорило о том, что он не слишком далеко ушел от питекантропа.

В отличие от питекантропа, он уже стоял более прямо, хотя ноги его еще были слегка согнуты. Именно неандерталец стал хозяином больших территорий в Европе, Азии, Северной Африке, Средиземноморье, на Кавказе. Следы неандертальцев – их стоянки, пещерные жилища, погребения – обнаружены и на территории России: на Кубани, Днепре, Десне, Донце, на Волге в районе Волгограда, Южной Сибири, на реке Лене. Смелые и предприимчивые неандертальцы, несмотря на холод, упорно двигались в пределы Восточно-Европей-

ской равнины, осваивали новые земли и на этом пути сами развивались и совершенствовались.

Это движение на территорию современной России шло как со стороны Центральной Европы, так и из районов Кавказа и Малой Азии, а это значит, что уже в ту отдаленную эпоху проглядывала связь формирующегося здесь населения как с Европой, так и с Азией, хотя до появления этнических, т. е. национальных или расовых, признаков у тогдашних людей было еще далеко. Однако уже в те давние времена территория современной России оказалась причастной к формированию населения на просторах Евразии. Около 40 тыс. лет назад на рубеже верхнего палеолита человек разумный становится единственным представителем семейства гоминид. Однако до сих пор неясно, были ли это неандертальцы. Согласно некоторым данным их сменила новая человеческая особь – кроманьонцы (от находки останков этого человека в пещере Кро-Маньон во Франции) – люди современного типа, которые распространились по тогдашнему миру, мигрировав из Африки. Они либо истребили неандертальцев, либо жили с ними несколько тысяч лет верхнего палеолита бок о бок, но затем все-таки взяли верх.

Проходили новые тысячелетия, и подходило к концу время древнего каменного века. В период между 40 тысяч и 13 тысяч лет до н. э. в истории человечества на территории России произошли новые крупные перемены. Ледник еще попрежнему цепко держал земли Восточной Европы и Север-

ной Азии в своих руках, но люди здесь учились все успешней преодолевать его суровые условия.

Во-первых, они начали с себя. В древних коллективах были запрещены браки между сородичами, а это сразу улучшило человеческую природу. Именно в это время и появился человек современного типа – «гомо сапиенс». Походка его стала вертикальной, плечи распрямились, лицо потеряло животные черты. Его мозг стал более развитым, чем прежде, человек значительно поумнел. И следствием этого явился ряд полезных новшеств в его жизни. Каменные орудия труда и оружие стали еще совершенней. Из кремня люди научились делать тонкие ножи, наконечники копий. И теперь кремневые копья, топоры стали их главным оружием. Научились они обрабатывать и кости животных – мамонтов, шерстистых носорогов. Из кости выделывались также наконечники копий, гарпуны, кинжалы, копьеметалки. Изобрели люди и иглу, при помощи которой стали шить меховую одежду. Они продолжали совершенствовать свои жилища: строили полуземлянки с крышей из жердей, покрытых дерном. Часто основанием такой крыши служили крупные кости мамонтов или их черепа. В центре такого дома складывали очаг из камней для обогревания и приготовления пищи. Охота на крупных животных, собирательство ягод, грибов, съедобных корней, рыбная ловля при помощи остроги и гарпуна стали основными направлениями хозяйства. Постепенно люди переходили на полуоседлый образ жизни.

В центре такого хозяйства находилась женщина – мать, хранительница очага, хозяйка, которая регулярно поставляла пищу своему роду, тогда как охота – главное занятие мужчин – зависела от удачи, от случая, как и рыбная ловля. Поэтому тогдашние человеческие коллективы, или родовые общины, которые называют так потому, что члены этих общин были родственниками, руководились женщинами. Это было время матриархата.

Следы людей позднего палеолита обнаружены во многих местах нынешней России – на Дону, под Воронежем, на Оке, близ Мурома, на Десне, в Приуралье, на Каме, на Урале, Енисее, на Ангаре, в Забайкалье. Самое северное место подобных находок – на берегу Лены – под 62° северной широты.

При всем сходстве людей позднего палеолита и их занятий уже в это время наблюдается и некоторое их различие. Люди, населявшие Азию, отличались от тех, кто обитал в Европе, Африке. Это видно в приемах хозяйствования, орудиях труда и даже во внешнем облике. Так закладывалась основа для будущего разделения людей на расы. Природа сама определяла пути человеческой истории, разводила людей по хозяйственным и климатическим зонам. И люди, подчиняя себе природу, одновременно подчинялись ее законам и требованиям.

К этому времени относится появление первых образцов человеческого искусства. Фантазия человека вызвала к жиз-

ни скульптуру, рисунок, украшения. За 15–13 тысяч лет до н. э. люди стали выделывать из камня статуэтки хранительницы очага, руководительницы общины – женщины, а также различных зверей – мамонтов, оленей, носорогов – их постоянную, опасную и вожделенную добычу на охоте. Появляются из камня и кости украшения – браслеты, бусы, подвески. Их носили не только тогдашние модницы женщины, но и мужчины.

Захоронения людей приобретают в это время явно религиозный характер. Вместе с умершим в могилу кладут предметы быта, украшения. Появляются представления о вечно живой душе человека, о загробной жизни. Это примиряет человека со смертью, облегчает ему земное существование, помогает в борьбе за жизнь.

§ 3. Послеледниковый период

На рубеже 13–12 тысяч лет до н. э. ледник начал отступать. Под влиянием общих климатических сдвигов меняется облик огромных евразийских территорий от Атлантики до Тихого океана.

Там, где царило ледяное безмолвие, появляются густые леса, раскинулась тайга на 10 тыс. км от берегов Балтики до нынешней Якутии. Исчезают гигантские животные, появившиеся в пору оледенения, – мамонты, шерстистые носороги и другие. Животный мир мельчает, приобретает, как и рас-

тительный мир, современный вид. В этих новых условиях, которые названы мезолитом, или средним («месос» означает по-гречески «средний») каменным веком, продолжавшимся на земле до V тысячелетия н. э., человек смело двинулся на север вслед за отступившим ледником. Что подвигло его к этим передвижениям? Только ли тяга к неведомым землям, к незнаемому, чем всегда отличался «человек разумный»? Было и это. Но главное, люди осваивали новые охотничьи и рыболовные угодья, искали места, где жить было сытнее, а значит, лучше и проще. Они покидали свои оседлые стоянки, прежние обжитые пещеры и переходили к подвижному, охотничьему образу жизни, их жилищами стали временные стоянки, шалаши, которые они легко оставляли. Зимой они укрывались по-прежнему уже в новых пещерах и землянках. Главным достижением людей в эту пору стало изобретение лука и стрел с кремниевыми и костяными наконечниками; тетивой в луках служили высушенные жилы животных. Лук и стрелы произвели буквально переворот в жизни людей, хотя человек продолжал владеть всем арсеналом каменных орудий труда и оружием, которое совершенствовалось, стало более легким, удобным, острым.

Теперь люди могли поражать животных и птиц на расстоянии. Отпала необходимость в загонном методе охоты как единственном способе добычи пищи, хотя он и сохранил свое значение при облавах на мелких животных. Теперь можно было охотиться небольшими группами и даже в оди-

ночку.

В период мезолита на воду были спущены первые маленькие несовершенные лодки – плоты, что позволило людям двигаться по рекам и озерам. Они еще не отваживались выходить на утлых суденышках в открытое море, но успешно осваивали внутренние водоемы.

Пешком, на лодках, имея в руках лук, стрелы, копьеметалки, гарпуны, овладев искусством ставить силки и охотничьи ловушки, люди начали осваивать новые места, где еще не ступала их нога: Северную Европу, северную часть Сибири вплоть до Ледовитого океана. Есть данные и о том, что наиболее отважные из них переправлялись через Берингов пролив на Северо-Американский континент. До этого фактов присутствия человека в Северной Америке не отмечалось.

Люди среднего каменного века продолжали продвижение в северные районы Восточно-Европейской равнины с юго-запада к юго-востоку. Так оказались заселенными берега Верхнего Поволжья, Прибалтики, огромные пространства Сибири. Охота, рыболовство, собирательство, приручение диких животных, в первую очередь собаки и свиньи, стали основным видом хозяйства тогдашних людей. С тех пор и на долгие времена в суровых условиях северных лесов эти хозяйственные занятия стали здесь для человека основными.

Новый образ жизни привел к дроблению больших родовых коллективов на небольшие, но многочисленные груп-

пы постоянно передвигавшихся охотников и рыболовов; они осваивали и обживали территории, которые уже считали своими угодьями. Начиналось формирование племен, в которые объединялись люди, близкие по образу жизни, хозяйственным навыкам, территории, рождающемуся языку. Эти племена отличались от других племен, живших на других территориях и имевших свои особые обычаи, традиции, хозяйственные навыки.

§ 4. Неолитическая революция

Мы привыкли к тому, что чем далее время уводит нас в глубь веков и тысячелетий, тем более дикой и несовершенной представляется нам жизнь человека. С высоты современных знаний и культуры мы порой снисходительно усмехаемся по поводу достижений древнего человека. Между тем это не совсем справедливо. Все познается в сравнении. И то, что произошло на рубеже IV–III тысячелетий до н. э., можно сравнить лишь с самыми великими достижениями человечества во все времена и на всех континентах.

Именно в это время начинается знаменитая неолитическая революция. Неолит – означает новый каменный век («неос» – по-гречески означает «новый»).

Постепенно изменившаяся природная среда, новые благоприятные климатические условия послеледникового периода, совершенствование самого человека и привели к рево-

люционным, т. е. коренным и быстротечным, изменениям в жизни человеческого общества на огромных пространствах Европы, Северной Африки, Азии, включая и территорию современной России.

Прежде всего новый шаг вперед сделала обработка каменных орудий. Техника этой обработки, кажется, достигла совершенства. Люди при помощи каменных долот научились сверлить камень, стали полировать его поверхность. Изготовлением массивных полированных острых топоров с отверстиями для насаживания их на деревянную рукоятку, скребков, ножей, наконечников, копий, стрел занимались целые мастерские. Замечательные каменотесы того времени обменивали продукты своего труда на пищу, одежду. Начался первый обмен товарами. Это было преддверие будущей торговли. В качестве оружия появились булавы – огромные деревянные дубины, которые при ударе могли сокрушить даже сильного и большого зверя. Новые орудия труда помогали рубить деревья, вязать из них плоты, долбить из стволов лодки, челноки, строить бревенчатые хижины.

Широкое распространение лодок способствовало появлению рыболовства не только при помощи удочек и костяных крючков, но и сетей, которые делали из лыка и стеблей крапивы. Но, пожалуй, наиболее впечатляющими изобретениями человека в век неолита стало появление гончарного круга и начало выделки глиняной посуды. Вероятно, люди заметили, что глина, которой обмазывали плетеные сосуды для со-

хранения огня, становится под действием жара прочной и огнестойкой. Сначала люди научились лепить сосуды вручную и обжигать их, потом появился гончарный круг, и эта работа механизировалась. Сосуды стали ровными и удобными для питания, хранения продуктов, воды. В то же время зародилось прядение шерсти и ткачество как из шерстяных, так и из растительных волокон. Это позволило человеку использовать более удобную одежду по сравнению с прежней, изготовленной из шкур животных, шить различного рода мягкие и теплые настилы и покровы. Наконец, в период неолита люди изобрели колесо, что произвело подлинную революцию в средствах передвижения, строительной технике, быту.

§ 5. Производящее хозяйство

На исходе неолита, который продолжался вплоть до II тысячелетия до н. э., в человеческом обществе окончательно сформировались такие новые отрасли хозяйства, как скотоводство и земледелие. Это были отрасли производящего хозяйства, означающего, что человек не просто брал то, что ему давала природа, – ягоды, орехи, дикий мед, коренья, злаки, не только то, что он брал у нее с боем, убивая диких животных, но создавал, производил, выращивал сам.

Во многом это произошло потому, что люди стали использовать наряду с каменными орудиями труда и оружием металл: сначала они научились выплавлять медь, которая, од-

нако, была мягким металлом и не могла еще конкурировать с камнем. Позднее в мир камня, кости, дерева прочно вошла бронза, сплав меди и олова, что позволило в более короткие сроки делать твердые и острые орудия труда и оружие. Появились бронзовые мотыги, топоры, кинжалы, серпы, ножи, пилы, а еще позднее мечи. Из бронзы стали делать и украшения. Постепенно каменный век стал уступать место веку бронзовому, который уже охватил огромные пространства земли со II тысячелетия до н. э.

Раньше всего скотоводство, земледелие, выплавка металла появились там, где природные условия жизни людей были наиболее благоприятными. Этими районами стали Египет, Двуречье, Индия, Китай.

Думается, что основоположником производящего хозяйства явилась женщина. Именно она, собирая злаки, обратила внимание на то, что, оброненные в землю, они дают всходы. Именно она первая в своем домашнем хозяйстве приручила детенышей убитых животных, а потом стала использовать этот опыт для создания постоянного стада, которое давало пищу, молоко, кумыс, кожу. Женщина полностью оправдала отведенную ей историей роль в период матриархата, создав основу для будущего взлета человеческой цивилизации. Тем самым она подготовила почву для ведущей роли в обществе мужчине-земледельцу, запахивающему обширные поля и вырубающему и выжигающему лес для новых посевов; скотоводу, пасущему тысячи голов скота и находящемуся

долгое время в седле; охотнику, воину. В новых хозяйственных условиях требовалась мужская сила, ловкость и мужская доблесть. Наступало время патриархата, когда ведущее место в семье, роде, племени заняли мужчины. Женщина с этого времени подчинилась мужчине. Появилась даже трагическая традиция вместе с умершим главой семьи хоронить его жену, чтобы ему не было одиноко в загробном мире. На черепах захороненных таким образом женщин видны следы от смертельных ударов.

Новые условия жизни породили на обширных пространствах Европы и Азии новые типы человеческих коллективов. Родовой строй достигает своего расцвета. Роды́, т. е. большие родовые семьи и их объединение в племена, по-прежнему являются основой общественной организации людей. В это время дальнейшее развитие в обществе получают коллективный труд и коллективная, или общественная, собственность, в том числе и на окружающие земли. Это происходит потому, что при помощи новых орудий труда и оружия люди могут получить значительно больше продуктов питания, разного рода полезных вещей, могут строить более надежные и удобные жилища. Коллективный труд действительно создает то, что можно назвать собственностью. Общий труд и общее присвоение, в соответствии с еще скромными возможностями общества и такими же скромными нуждами рода (элементарное питание, простая одежда, жилье, но все это уже прочно, гарантировано за счет усилий всего коллектива), да-

ли возможность ученым назвать это общество «первобытным коммунизмом». И способ жизни вполне соответствовал этому коллективистскому строю. В зависимости от условий природы люди в то время селились небольшими компактными поселками. Это позволяло им вполне использовать охотничьи угодья, рыболовные водоемы, позднее – земли и пастбища. Если у племени не хватало таких угодий, то начиналась борьба за земли с соседними племенами. Так борьба за жизнь не только с животным миром, но и людей между собой прочно вошла в человеческую историю вместе с неолитом.

Тогдашние поселения представляли собой несколько десятков землянок, полуземлянок или наземных жилищ, срубленных из дерева (на севере). В центре такого жилья находился очаг, на котором люди готовили пищу и который обогревал их. Первые деревянные дома были еще невысоки, жались к земле, словно люди, веками привыкшие к вырытому в ней жилью, все никак не могли от нее оторваться. В других местах (например, на юге) это были большие общие дома с очагами для каждой обитающей в таком доме семьи. На месте таких поселков больших общих домов обнаружены культовые религиозные сооружения, около которых люди молились своим первым богам, в первую очередь огню. Его культ был распространен на широких просторах Евразии.

Люди неолита стали наследниками прежних территорий, осваиваемых человеком с незапамятных времен. Они как бы продолжали здесь уже в новых условиях жизнь и двигали

вперед человеческое общество.

На территории России стоянки людей неолита обнаружены на больших пространствах от берегов Белого и Балтийского морей до Приазовья и Северного Кавказа. Это – Карелия, берега Печеры, Каргополь, берега Ладожского, Онежского озер и озера Ильмень, вся лесная полоса Восточно-Европейской равнины, берега Волги и Оки (около Рязани, Мурома, Балахны), а далее – на обширных пространствах Сибири, на Ангаре, Лене. Одна из таких стоянок обнаружена в 40 км к северо-востоку от Москвы близ села Льялово.

Характерно, что все эти стоянки жмутся к воде. Рыбная ловля и охота в прибрежных лесах давали значительную часть пищи. На заливных лугах, прибрежных полянах получали первый опыт местные земледельцы и скотоводы. Реки и озера при наличии лодок стали в лесных чащах первыми удобными дорогами, по которым можно было плыть десятки километров и никогда не сбиться с пути.

§ 6. Конец былого равенства людей

В период неолита резко нарушается равномерное развитие человеческого общества на огромных пространствах Европы, Азии, Африки. Новые возможности позволяют людям лучше, эффективней использовать благодатные преимущества природы. И напротив, там, где природа и климат суровы, плохо приспособлены к человеческому общежитию, лю-

дям было труднее использовать замечательные достижения неолита. Поэтому эти несколько тысячелетий стали решающими с точки зрения темпов развития отдельных районов мира. На юге – в районах Средиземноморья, Передней Азии (долины рек Тигр и Евфрат), Северной Африке (долина Нила), Индии, Китая – в условиях мягкого климата, плодородных почв, удобных водных путей цивилизационное развитие шло более быстрыми темпами. Особенно успешно здесь развивалось земледелие.

В районах Южной Сибири, Дальнего Востока, в обширных монгольских степях шло формирование кочевых скотоводческих обществ. Уже на исходе неолита новые условия жизни привели в этих районах к быстрому увеличению населения, накоплению общественного богатства, появлению возможностей для выделения из состава родовых общин отдельных семей, которые вполне могли обеспечить свое существование. Это вело к ликвидации былого равенства родоплеменного строя. Племенные вожди, старейшины, воины имели возможность захватить лучшие земли, лучшие пастбища, собрать в своих руках большие богатства, нанять людей, чтобы защитить и умножить эти богатства, организовать их захваты на чужих территориях. Дело шло к переходу от родоплеменного строя к государству. И действительно, задолго до нашей эры такие государства появились в Египте, Месопотамии, Индии, Китае.

Медленнее развивались эти процессы в центре Европей-

ского континента и совсем медленно – в Северной Европе, на Восточно-Европейской равнине. На полторы тысячи лет позднее, чем на юге, здесь осуществлялся переход от присваивающего хозяйства (охота, рыбная ловля, собирательство) к хозяйству производящему. И когда в истории уже заблистали первые государства – в Египте, Вавилоне, Индии, Китае, когда в Египте и Месопотамии уже были построены первые ирригационные системы для снабжения водой плодородных полей, когда вознеслись к синему небу первые пирамиды и были написаны первые иероглифы на глиняных табличках, а боевые колесницы устрашающе несли в бой воинов, вооруженных боевыми топорами и бронзовыми мечами, здесь, в северных лесах, все еще неторопливо и замкнуто жили своими небольшими поселками охотники и рыболовы. Они отставали во всем: в типе орудий и оружия, утвари, жилищах, религиозных обрядах и даже украшениях.

Это различие путей развития человечества в период неолита повлияло и на складывание различных больших групп людей. Так, на северо-востоке Европы, в Зауралье, Западной Сибири стал складываться тип людей, которые стали предками угро-финских народов.

В Восточной Сибири, на безраздельных степных пространствах Азии, в зоне появления пастушеских племен стали формироваться предки будущих монгольских и тюркских народов.

На юго-востоке Европы, в Средней Азии, в Северной

Индии стали складываться земледельческо-скотоводческие племена, которые стали предками будущих так называемых индоевропейцев.

В районе Северного Кавказа, Малой Азии, Западном Иране начали формироваться кавказские народы и складываться кавказские языки.

Во всех этих крупных группах населения Евразии идет бурный рост. Им тесно на прежних территориях, а земля велика, обильна и прекрасна. Люди поняли это очень давно. Они продолжают мигрировать, т. е. перемещаться с места на место в поисках лучшей доли. А это значит, что уже в те времена начинается не только обособление больших групп населения земли, но и их смешение. Как известно, процесс этот продолжается и по сей день.

Этому способствовали начавшиеся обмены продуктами питания, орудиями труда, оружием, ознакомление с производственным опытом друг друга. Война и мир продолжали идти рядом по нашей планете.

§ 7. Индоевропейцы и первый «раздел Европы»

Индоевропейцы – это древнее население огромных территорий Европы и Азии, которые дали начало многим современным народам двух континентов Земли, а позднее, переплыв уже в Новое время Атлантику, Индийский и Тихий

океаны, распространились в Северной и Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии, на различных островах и архипелагах.

Где была древняя прародина индоевропейцев? И почему древних предков большинства народов Европы, в том числе славян, называют индоевропейцами? Большинство ученых считают, что такой прародиной стал большой район Юго-Восточной и Центральной Европы, в частности Балканский полуостров и предгорья Карпат, и, вероятно, юг России и Украины. Здесь, в омываемых теплыми морями частях Европы, на плодородных почвах, в прогретых солнцем лиственных лесах, на покрытых мягкой изумрудной травой горных склонах и долинах, где текли неглубокие прозрачные речки, и складывалась древнейшая индоевропейская общность людей. Они пришли на смену человеку палеолита.

Когда-то люди, принадлежавшие к этой общности, говорили на одном языке. Следы этого общего происхождения до сих пор сохранились во многих языках народов Европы и Азии. Так, во всех этих языках есть слово «береза», обозначающее дерево или название самой березы, и так – от Балкан до Индии. Немало в этих языках и иных общих названий и терминов. Индоевропейцы занимались скотоводством и земледелием, позднее овладели металлургией и стали выплавлять бронзу.

От этого времени до нас дошли следы поселений, открытых археологами. На больших пространствах плодородных

земель, вдоль берегов полноводных рек от Карпатских гор до Поднепровья начали расселяться в основном земледельцы-скотоводы. А далее на Восток, на необозримых степных пространствах вплоть до южных отрогов Уральских гор складывались в основном скотоводческие хозяйства.

Примером поселений земледельцев-скотоводов стали остатки древнего поселка в Поднепровье у села Триполье, относящиеся к IV–III тысячелетиям до н. э. Поэтому жителей той поры назвали условно «трипольцами».

«Трипольцы» жили уже не в землянках, а в больших деревянных домах, стены которых для тепла обмазывались глиной. Из сухой глины настилался и пол. Площадь таких домов достигала 100–150 м^2. В них жили большие коллективы – возможно, родовые общины, разделенные на семьи. Причем каждая семья обитала в отдельном, отгороженном, отсеке с печью, сделанной из обожженной глины, для обогревания и приготовления пищи.

В центре дома располагалось небольшое возвышение – жертвенник, где «трипольцы» совершали свои религиозные обряды и жертвоприношения богам. Одним из их главных культов было поклонение богине-матери – покровительнице плодородия. Женские фигурки из глины и камня широко распространены в этих поселениях. Дома часто располагались по кругу и составляли вместе большое поселение из десятков жилищ. В центре поселения располагался загон для скота, а само оно нередко возникало на труднодоступных

речных мысах, огораживалось от нападений людей и хищных зверей валом и частоколом. Но удивительно, что в этих поселениях ученые не обнаружили остатков оружия – боевых топоров, кинжалов и других средств самообороны и нападения. А это значит, что здесь обитали в основном мирные племена, для которых война еще не стала частью их жизни.

Найденные в поселениях рыболовные снасти (костяные и медные крючки, сети) указывают на то, что жители хорошо знали рыболовство, а остатки костей диких животных – лосей, оленей, кабанов, пушных зверей – говорят о том, что «трипольцы», как и их предки, занимались охотой. И все же главным было не это. Основным занятием «трипольцев» стали земледелие и скотоводство. Они засевали большие пространства земли пшеницей, ячменем, просом, горохом, обрабатывали поле мотыгами, собирали урожай при помощи деревянных серпов со вставленными в них кремниевыми вкладышами, мололи зерно каменными зернотерками, хранили его в глиняных сосудах, сделанных при помощи гончарного круга и укрытых в ямах-хранилищах, обмазанных изнутри глиной. «Трипольцы» разводили домашних животных – рогатый скот, свиней, коз, овец. Кости этих животных в изобилии попадаются на древних стоянках.

Со временем в трипольских поселениях возрастает роль мужчин. В их погребениях часто находят сельскохозяйственные орудия, а в могилах женщин – пряслица, а это значит, что ткачество, домашний труд становятся уделом жен-

щины, а основное хозяйство, дающее жизнь общине, – земледелие и скотоводство – ложится на плечи мужчины. Общество на территории Восточной Европы постепенно переходит в стадию патриархата.

Переход к земледелию и скотоводству значительно продвинул вперед хозяйственную мощь индоевропейских племен, способствовал росту их населения. А приручение лошади, освоение бронзовых орудий труда и оружия сделали индоевропейцев в III тысячелетии до н. э. более легкими на подъем в поисках новых земель, более смелыми в освоении новых территорий.

§ 8. Расселение индоевропейцев

С юго-востока Европы и началось триумфальное распространение индоевропейцев по Евразии. Одни двинулись на запад и завладели просторами Европы до Атлантики. Другая их часть распространилась на север, восток и юго-восток. Они заняли север Европы и Скандинавский полуостров. Клин индоевропейских переселений врезался в среду обитания угро-финских народов и уткнулся в Уральские горы, дальше которых индоевропейцы не пошли. На юге, в лесостепной и степной полосе, они продвинулись в Малую Азию, на Северный Кавказ, вышли на Иранское нагорье и расселились в Индии.

Уже в ходе переселений в IV–III тысячелетиях до н. э. бы-

лая общность стала распадаться. Образовывались крупные языковые блоки. Так, один из них включал германцев, славян, балтов. Когда-то все они были одним народом и говорили на одном языке. Лишь позднее выделились германцы. А балты и славяне составляли единое целое. Но жизнь шла, индоевропейцы продолжали расселяться по территории Евразии, и количество их увеличивалось. В условиях постоянного движения, освоения новых территорий, их обживания индоевропейцы продолжали обособляться. В конце концов из индоевропейцев в дальнейшем выделилась восточная группа языков и народов (индийцы, иранцы, армяне, таджики, жители нынешнего Афганистана – пушту и дари и др.), западноевропейская группа (англичане, германцы, французы, итальянцы, греки и др.), славянская группа (восточные, западные и южные славяне: русские, украинцы, белорусы, поляки, болгары, чехи, сербы, словаки, хорваты, словенцы и др.), балтская группа (прибалтийские народы – литовцы, латыши и др.).

Однако несмотря на это обособление, следы былой общности, глуби́ны исторической памяти этих народов проглядывают повсюду. Во-первых, в языке. Так, у славянских и иранских народов немало общих слов и понятий: «бог» (господин, владыка), «хата» (дом), «боярин» (ближний господин), «топор», «собака», «богатырь» и многие другие – все они пришли к нам от древних иранцев. Ранее уже упоминалось о слове «береза» как названии дерева, которое исполь-

зовалось от Индии до Карпат и Балкан.

Эта общность видна и в прикладном искусстве, например в узорах вышивок, в украшениях на глиняных сосудах – повсюду использовалось сочетание ромбов и точек. В районах расселения индоевропейцев на столетия сохранился домашний культ лосей и оленей, хотя, как известно, в Иране, Индии, Греции эти животные не водятся. То же относится и к ряду народных праздников, например к «медвежьим праздникам», проводимым многими народами в весенние дни пробуждения от зимней спячки медведя. Все это следы северной прародины индоевропейцев.

Много общего у этих народов и в религиозных культах. Так, известный славянский языческий бог Перун-громовержец сродни литовскому Перкунасу, древнеиндийскому Парджанье, кельтскому Перкуниа, и сам он очень напоминает главного греческого бога Зевса. Славянская языческая богиня Лада – покровительница брака и семьи – сопоставима с греческой богиней Латой. У многих других божеств разных индоевропейских народов единые древние корни.

Воинственные, энергичные индоевропейцы приходили туда, где уже жило местное неолитическое население. Эти вторжения носили далеко не мирный характер. Задолго до того как на территории Евразии появились первые государства, армии, начались войны, наши древние предки бились за удобные земли, щедрые рыбные угодья, богатые зверем леса. На месте многих древних стоянок различимы следы по-

жара, жарких схваток, там обнаружены черепа, кости, пробитые стрелами и проломанные боевыми топорами.

Уже в это время началось смешение индоевропейцев с жившими здесь ранее племенами, а также с иной человеческой ветвью – угро-финнами, занимавшими ранее большие районы Севера нашей страны, Предуралья и Зауралья. В частности, потомками древних монголов стали калмыки и буряты. А сами угро-финны, как и индоевропейцы, стали распадаться на новые ветви – на угров и финнов. В дальнейшем потомками угро-финского населения стали многие российские народы Поволжья и Севера страны – мордва, удмурты, мари, коми и др. Все они в дальнейшем также являлись полноправными древними обитателями Восточно-Европейской равнины, как и славяне.

В районе Северного Урала, между устьем Печеры и Оби, расположились неолитические предки уральских народов, говоривших на так называемых уральских языках. В Южной Сибири, на Алтае, в Саянах сложилось население древних алтайцев, которые объяснялись на особых, алтайских, языках, отличных от всех остальных. Алтайцы стали в древности основными хозяевами этих земель.

Бурные процессы протекали на Кавказе, где формировалось население, говорившее на кавказских языках (древние жители Дагестана, Адыгеи, Абхазии). К югу от Кавказского хребта выделились предки грузин.

Каждый из этих древних народов, как и индоевропей-

цы, вносил свой вклад в развитие древнего хозяйства нашей страны. Северокавказцы раньше, чем кто-либо, освоили плавку металла (благо он в изобилии имелся на Кавказе) и выделку металлических орудий и оружия, приручили лошадь, крупный рогатый скот, свиней и перешли к скотоводству. Они первыми освоили и колесные повозки.

Уральские народы первыми спустили на воду лодки, изобрели лыжи, сани. Поселившиеся в лесной зоне индоевропейцы вместе с другими здешними обитателями переходили к скотоводству и земледелию лесного типа, по-прежнему развивали охоту и рыболовство, однако население в суровых условиях леса и лесостепи отставало от набиравших быстрые темпы развития народов Средиземноморья, юга Европы, Передней Азии, Двуречья, Египта. Природа в это время являлась главным регулятором человеческого развития, а она была не в пользу севера.

Глава 2. Происхождение славян. Их соседи и враги

§ 1. Место славян среди индоевропейцев

Можно ли называть «трипольцев» и другие племена, обитавшие в Восточной Европе, предками славян? Конечно нет. В это время индоевропейцы еще не разделились на отдельные языки и народы.

Но на рубеже III–II тысячелетий до н. э. на территориях между Вислой и Днепром начинает просматриваться обособление племен предков европейских народов. Индоевропейцы, продолжая перемещаться и группироваться на необъятных просторах Евразии, уже во II тысячелетии до н. э. составили в Центральной и Восточной Европе особый массив из германцев, балтов, славян. Все они говорили еще на одном языке и представляли в течение ряда веков одно целое, и, конечно, они уже резко отличались от тех, кто осел в Индии, Средней Азии или на Кавказе.

Позднее, уже в середине II тысячелетия до н. э., обособились германские племена, а балты (литовцы, латыши) и славяне составляли общую балтославянскую группу народов. Тогда-то эта общая группа и стала занимать большие пространства Восточной Европы. Причем балты расположились

в северных районах Восточной Европы, германские племена передвинулись к западу, а на юге расселились другие ветви индоевропейцев – греки, италики.

Центром расселения славянских народов стал бассейн реки Висла. Отсюда они двинулись на запад до реки Одер, но далее их не пустили уже занявшие большую часть Центральной и Северной Европы германские племена.

Переселялись предки славян и на восток и дошли вплоть до Днепра, а далее их движение в сторону междуречья Оки и Волги наткнулось на живших здесь угро-финнов. Двигались они и к югу, в сторону Карпатских гор, Дуная и Балканского полуострова. На севере их переселения доходили до реки Припять.

Со второй половины II тысячелетия до н. э. единообразие славянского мира начинает нарушаться. У европейских племен появляется бронзовое оружие, организуются конные дружины. Все это приводит к увеличению их военной активности. Наступает эпоха войн, завоеваний, переселений. Теперь эпоха мирных хлебопашцев и скотоводов уходит в прошлое. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. в Европе появляются новые общности людей. Свое место среди них занимают предки славян. Они компактно расселяются в двух районах Европы. Первый – в северной части Центральной Европы: в будущем здесь появятся западные славяне, а второй – в Среднем Поднепровье; века спустя здесь сформируются племена наших предков – восточных славян и возникнет госу-

дарство Русь.

В X–VII вв. до н. э. эта ветвь славянства овладевает выплавкой железа из болотной и озерной руды. Это помогает местным поселенцам создавать новые орудия труда, оружие, что значительно меняет их быт, помогает успешнее осваивать природу, способствует прогрессу местного земледелия и скотоводства. Это же помогает вести оборонительные и наступательные войны.

В это время по-прежнему были еще близки между собой восточные славяне и балты, и только с веками они обособились окончательно и перестали понимать друг друга. Тесными были контакты с североиранскими кочевыми племенами, из числа которых впоследствии выделились будущие соперники праславян – киммерийцы, скифы и сарматы.

§ 2. Первые нашествия

Но уже в это время, едва отделившись от германского мира, еще будучи тесно связанными с балтами, предки славян вступили в жесткое противоборство с сильными и жестокими пришельцами из глубины Азии. Это были кочевые племена индоиранцев – киммерийцев. В ряде древних языков их имя происходило от слова «силач», «богатырь». Киммерийцы заняли степные пространства Северного Причерноморья и атаковали расселившихся севернее предков восточных славян. Славяне на их пути насыпали высокие валы,

затруднявшие бег киммерийской коннице, перегораживали лесные дороги завалами и рвами, строили укрепленные городища, и все-таки силы мирных пахарей, скотоводов и конных воинов-кочевников были неравны. Под натиском опасных соседей славяне покидали плодородные солнечные земли и уходили в северные леса.

Периодически, век за веком, из глубин Азии, прорываясь через широкий и свободный проход между южными отрогами Уральских гор и Каспийским морем, выходили в Восточную Европу кочевые орды, и первыми на их пути вставали восточные славяне. Борьба с кочевниками с тех пор стала частью их постоянной жизни. Это нескончаемое противоборство уносило тысячи жизней, отвлекало людей от мирного труда, заставляло в трудные дни бежать на север, приводило к разорению поселений. Все это, конечно, замедляло общее развитие Восточной Европы, которая вставала на пути кочевников и защищала тем самым Запад.

С тех незапамятных времен у восточных славян сохранились мифы о борьбе со степными кочевниками. В центре этих мифов стоит божественный кузнец-богатырь, выковавший железный плуг и подаривший его людям. Сам образ кузнеца и его деятельность отражают овладение местными жителями искусством добычи железа, ковки из него орудий труда и оружия; именно могучий кузнец начинает борьбу с огнедышащим многоголовым Змеем, который в мифах обозначал степную конную многоголовую орду. Кузнец по-

беждает Змея своим кузнечным инструментом – клещами, запрягает его в кованый плуг и пропахивает на нем гигантские борозды. Следы этих «змиевых валов», видимо древних укреплений, сохранились с тех пор в Поднепровье на долгие века.

С VI по IV в. до н. э. земли предков восточных славян подверглись новому нашествию. То были иранские кочевники – скифы. Они передвигались большими конными массами, жили в кибитках. Их кочевья в течение десятилетий продвигались с Востока в степи Северного Причерноморья. Скифы оттеснили киммерийцев и заняли принадлежавшие им территории. Они теперь стали южными опасными соседями славян и балтов. Часть их земель была захвачена скифами, и местное население, как и прежде, вынуждено было спасаться в лесных чащах от набегов кочевников.

Скифы, как и киммерийцы, захватив огромные пространства от Нижнего Поволжья до устья Дуная, по существу, встали неодолимой стеной между жившим в лесостепной и лесной полосе балтославянским населением и быстро развивающимися народами, обитавшими на благодатных и теплых берегах Средиземного, Эгейского и Черного морей.

§ 3. Греческие колонии и скифы

К тому времени, когда скифы заняли своими кочевьями северные берега Черного моря, на Южном побережье Кры-

ма, близ Керченского пролива, в устье Южного Буга уже появились греческие колонии, основанные смелыми мореходами, купцами из знаменитых греческих городов, расположенных на Балканах и в Малой Азии. Это были крепости – торговые фактории, которые торговали со всем окрестным миром. Из греческих городов сюда привозили различные ремесленные изделия, в том числе ткани, посуду, дорогое оружие. А с берегов Черного моря греческие корабли уходили нагруженными хлебом, рыбой, воском, медом, кожами, мехами, шерстью. Заметим, что хлеб, воск, мед, меха испокон веку были как раз товаром, который поставлял на рынок славянский мир. Известно, что половина из потреблявшегося в Афинах зерна шла именно отсюда. Позднее греки вывозили из своих колоний купленных здесь на рынках невольников. Это были пленники, захваченные скифами во время набегов на своих северных соседей. Однако эти рабы не пользовались популярностью в Греции, так как были вольнолюбивы и строптивы. К тому же, в отличие от греков, они пили вино неразбавленным, быстро пьянели и поэтому не могли хорошо работать.

Но весь этот разноязыкий, динамичный, торгующий, быстро развивающийся мир был далек от земледельцев Поднепровья, так как скифы прочно контролировали все пути на юг и были удачливыми посредниками в тогдашней международной торговле.

Скифы со временем создали в Северном Причерноморье

мощное государство, объединяющее все скифские племена во главе с царями. Центр его был в Нижнем Поднепровье. Там до сих пор стоят курганы, насыпанные над могилами царей. Часть древнеславянского населения, оставшаяся на своих землях, вошла в состав скифской державы. Предки славян по-прежнему занимались земледелием и с годами передали свой опыт скифам, особенно тем, кто жил поблизости. Так, некоторые скифские племена перешли на оседлый образ жизни. И тех и других греки называли, в отличие от кочевников, скифами-пахарями. А позднее, уже после исчезновения скифов со страниц истории, греки стали называть скифами и живших здесь славян.

§ 4. Появление восточного славянства и новые враги

Как раз в скифское время зарождаются племенные образования восточного славянства, формируется население, говорившее уже по-славянски, а не на балтославянском языке. Там, где жили поднепровские земледельцы-пахари, позднее появится славянское племя полян и их главный город – Киев. Несмотря на суровые по сравнению с Западной Европой природные условия, постоянный натиск кочевников, восточные славяне медленно, но упорно совершенствовали свою жизнь.

В ходе археологических раскопок выяснено, что местные

земледельцы стали жить в небольших избах, расположенных внутри городищ-укреплений. Большие родовые дома «трипольцев» отошли в прошлое. Семьи еще более обособились. Эти городища ставились на прибрежных возвышенностях, где был хороший обзор, или среди труднопроходимых для врага заболоченных низин. В одной такой крепости могло размещаться до тысячи изб, где жили отдельные семьи. А сама изба представляла собой деревянное рубленое строение, без перегородок. К дому примыкали небольшие хозяйственные постройки, навес. В центре дома стоял каменный или глинобитный очаг. Нередко встречаются и большие полуземлянки с очагами. Такие жилища лучше выдерживали сильные морозы.

Начиная со II в. до н. э. эти земли испытали новый натиск врагов. С востока, из-за Дона сюда продвинулись кочевые орды сарматов.

Сарматы нанесли серию ударов по Скифской державе, захватили здешние земли и проникли в глубь северной лесостепной зоны.

Археологи обнаружили здесь следы военного разгрома ряда поселений и городищ-крепостей. Одновременно сарматы внедрились и в среду греческих колоний в Северном Причерноморье. Происходит их «варваризация», упадок, упрощение жизни. Варвары-кочевники не подтягивались до высокого тогдашнего уровня северных земледельцев или греческих мореходов, ремесленников и торговцев, а старались

их низвести до своего уровня. И зачастую пришельцам и в эту эпоху, и в последующие это удавалось. Прахом шли вековые достижения. Так и восточным славянам после сарматского разгрома во многом приходилось начинать все сначала – осваивать земли, строить свои поселки.

У сарматов во главе племен нередко стояли женщины-вожди. Это были следы былого матриархата. И не случайно в древних славянских сказаниях говорится о борьбе народных богатырей с Бабой-ягой, стоявшей во главе степного воинства.

§ 5. Другие народы на территории России в глубокой древности

В те далекие времена формируются не только племена, которые впоследствии превратились в восточных славян, а в дальнейшем дали начало трем славянским народам, в течение долгих веков населявших Россию, – русскому, украинскому и белорусскому. Во второй половине II тысячелетия до н. э. на просторах будущей России одновременно продолжают складываться и другие этнические сообщества, отличные от славян. Так, мы уже говорили, что параллельно со славянским миром формируется мир балтов – будущих литовцев, латышей и других, – занявших большие пространства к северу от славянских обществ. Они уже тогда расселялись от берегов Балтики до междуречья Оки и Волги.

Поблизости от балтов и славян издревле жили и угро-финские народы, которые в то время были властителями обширных территорий северо-восточной части Европы вплоть до Уральских гор и в Зауралье. В непроходимых лесах, вдоль берегов Оки, Волги, Камы, Белой, Чусовой и других местных рек и озер обитали предки нынешних народов – мордвы, марийцев, черемисов (мери), коми, зырян, перми и других угро-финских народов. Они на этой земле были столь же древними, как и балты и славяне, зачастую жили вперемежку с ними. У всех этих народов на северо-востоке Европы было много общего в укладе хозяйства, быту, привычках, традициях, одежде и даже украшениях. Северные жители в основном были охотниками и рыболовами. Их жизнь, в отличие от южан, менялась медленно.

В южных районах Восточной Европы по соседству с предками славян складывались племена, потомки которых и сегодня живут на тех же территориях и входят в состав России; в районах Северного Кавказа с древних времен обитали известные по сведениям греческих авторов предки адыгов, осетин (аланов) и других горских народов.

Меоты стали частью населения так называемого Боспорского царства, возникшего в скифскую эпоху на Таманском полуострове, близ Керченского пролива, в предгорьях Кавказских гор. Его центром стал греческий город Пантикапей, а в составе царства были многонациональные жители этих мест: греки, скифы и большей частью местные жители – ады-

ги, также относившиеся к индоевропейской группе народов.

В начале новой эры в городах Боспорского царства появляются и еврейские общины. С тех пор евреи – купцы, ремесленники, ростовщики – неизменно присутствуют среди населения будущих южнорусских территорий, их молельные дома, синагоги, появляются в Пантикапее, Херсонесе, других боспорских и греческих городах юга. Придя сюда с Ближнего Востока в поисках лучшей доли, они восприняли греческий разговорный язык, многие здешние порядки и обычаи. В дальнейшем часть еврейского населения перейдет и в возникшие славянские города, дав начало постоянному присутствию евреев на славянских землях.

Боспорское царство существовало несколько сотен лет. Раскопки вокруг Керченского пролива открыли ученым города, сельские усадьбы, мастерские ремесленников. Древние авторы рассказали, что в Боспорском царстве население уже делилось на привилегированных членов общества, к которым относились греки, и на низшие слои, простой люд – местных жителей, или «варваров», как их называли греки. И уже в эти древние времена, как и на протяжении всей истории человечества, униженные и бедные не хотели мириться со своей долей. Они боролись за свои права, отстаивали человеческое достоинство. В 107 г. до н. э. здесь произошло, возможно, первое известное нам на территории Южной России восстание бедноты против царской власти. Его возглавил местный житель Савмак, которого восстав-

шие, убив прежнего властелина, провозгласили царем. Однако знать обратилась за помощью к соседнему Понтийскому царству, которое располагалось на южных берегах Черного моря. При помощи понтийской армии восстание было подавлено, а Савмак убит.

Так, уже на заре истории резко различались судьбы народов России – северных охотников и рыболовов, живших небольшими общинами в лесной глуши, и жителей юга, где кипели человеческие страсти и люди гибли в борьбе за место под солнцем, за власть и богатство.

В предгорьях Кавказа примерно в это же время становится известным еще один мощный племенной союз, которому суждена была долгая жизнь в истории, – это аланы, предки нынешних осетин. Аланы были родственны сарматам. Уже в I в. до н. э. аланы нападали на Армению и другие соседние государства, проявили себя неутомимыми и храбрыми воинами. Их главным занятием было скотоводство, а основным средством передвижения – лошадь.

За Уралом, в Южной Сибири, складывались различные тюркоязычные племена. Одно из них стало известным благодаря древним китайским хроникам. Это народ хунну, который в III–II вв. до н. э. завоевал другие окрестные народы, в частности жителей Горного Алтая, которых китайцы называли юэчжи.

Через несколько веков усилившиеся хунну, или гунны, как их впоследствии назвали в Европе, начали победоносное

наступление из Сибири на запад.

§ 6. Великое переселение народов и Восточная Европа

С конца IV в. н. э. многочисленные германские племена перешли от набегов на Римскую империю к завоеваниям. К этому времени многие народы Евразии научились изготовлять железное оружие, сели на коней, создали боевые дружины. Война, дальние походы стали в повестку дня истории и евразийской части мира. Вожди звали народы в походы. Так, германские племена гнало вперед желание обрести добычу и новые, богатые, уже заселенные и освоенные римлянами земли. На пути их лежали богатые города и роскошные усадьбы. Так началось Великое переселение народов на Запад. Но это явление оказалось свойственным и всему Евразийскому континенту, от Атлантики до Зауралья и Южной Сибири. Участниками Великого переселения стали, правда с большим историческим запозданием, и народы Восточной Европы, в том числе славяне, угро-финны, балты, аланы и другие.

Первыми на территории Восточной Европы сдвинулись с мест германские племена готов. Ранее они жили в Скандинавии, позднее расселились в Южной Прибалтике, но оттуда их потеснили западные славяне, и готы пустились в путь. От берегов Балтики во II–III вв. н. э. через земли балтов и

восточных славян они пришли в степные пространства современной Украины, прожили там два столетия. Отсюда они вторгались на Балканы, в Малую Азию, атаковали римские владения, греческие колонии, наносили удары по жившему здесь сарматскому населению. Они заключили союз с аланами и вместе с их конницей нападали на Крым. Но количество готов было невелико по сравнению с многочисленным балтославянским и прочим населением лесостепной зоны и района Северного Причерноморья. Они составляли лишь верхушку местного общества и держались у власти, используя распри местных племен. Во главе готов стоял вождь Германарих, который, по некоторым сведениям, дожил до 100 лет. Его имя было первым, упоминаемым на древней территории России. От готов в славянском языке остались слова «хлеб», «плуг», меч», «шлем».

В 70-х гг. IV в. с Востока надвинулось новое нашествие в лице гуннов. Они безуспешно пытались сокрушить Китай, но китайцы упорно оборонялись: именно против гуннов была выстроена в III в. н. э. знаменитая Великая Китайская стена. Потерпев неудачу на востоке, воинственные гунны двинулись на запад и в IV в. были уже на подходах к Северному Причерноморью – этой дороге всех кочевых орд с востока.

Нашествие гуннов было еще одним, может быть, самым крупным явлением в истории переселения народов.

Гунны были тюркским народом, и вместе с их появлением начинается господство тюрко-монгольских племен на степ-

ных просторах Евразии. Они знали железоделательное производство, ковали мечи, стрелы, кинжалы, во время стоянок гунны жили в глинобитных домах и полуземлянках, но основой их хозяйства было кочевое скотоводство. И почти все время они проводили или в седле, или в кибитках. Все гунны были превосходными наездниками: и мужчины, и женщины, и дети. Главной их силой была легкая кавалерия, вооруженная луками и стрелами. К стрелам они прикрепляли глиняные свистульки, которые при полете стрел издавали пронзительный свист, сеющий панику среди врагов. По данным римских историков, вид гуннов был ужасен: невысокие, заросшие волосами, плотные, с толстыми затылками, кривыми ногами, одетые в меховые малахаи и обутые в грубую обувь, сшитую из козьих шкур. Об их диких нравах и зверствах рассказывали легенды.

В своем движении гунны увлекали всех, кто попадался им на пути. Вместе с ними снимались со своих мест угро-финские племена, алтайские народы. Вся эта огромная орда вначале обрушилась на аланов, отбросила часть их на Кавказ, а остальных также втянула в свое нашествие. Тяжелая, закованная в броню, вооруженная мечами и копьями, аланская конница стала существенной частью армии гуннов.

Затем гунны двинулись в причерноморские степи и разгромили государство готов. Они прошли огнем и мечом и по южнославянским поселениям. В очередной раз спасаясь от гибели, славянское население бежало под укрытие лесов,

бросало свои плодородные южные черноземы. Готы откатились на запад, и в конце концов часть их осела в Испании. А часть славян в составе армии гуннов также устремилась на запад.

Центром своей державы гунны сделали земли по Дунаю, с прекрасными пастбищами. Отсюда они атаковали римские владения и наводили ужас на всю Европу. С тех пор имя гуннов стало нарицательным. Оно означало грубых и беспощадных варваров, разрушителей цивилизации.

Своей наивысшей славы держава гуннов достигла при их вожде Аттиле. То был талантливый полководец, опытный дипломат, но грубый и беспощадный властитель. Судьба Аттилы еще раз показала: сколь бы велик, могуч, страшен ни был властелин, но и он не может продлить вечно свою власть, свое величие. Это непререкаемый закон истории. В середине V в. попытка Аттилы завоевать всю Западную Европу закончилась в 451 г. грандиозным сражением в Северной Франции, на Каталаунских полях провинции Шампань. Римская армия, куда входили отряды многих народов Европы, разгромила наголову столь же многонациональную армию Аттилы. Вождь гуннов увел остатки своего войска на Дунай, где вскоре и умер во время пира на собственной очередной свадьбе. Утомившись от пищи и вина, он заснул и захлебнулся кровью, хлынувшей из носа в горло.

Вскоре между гуннскими вождями начались распри, и держава гуннов распалась. Но движение народов, вспенен-

ное гуннской волной, еще продолжалось несколько столетий.

§ 7. Анты и первое восточнославянское государство

Участниками Великого переселения народов стали и славяне. Но случилось это не сразу.

Несколько веков длилось владычество сарматов в причерноморских степях. Несколько веков предки славян вынуждены были либо спасаться в лесах, либо признавать власть кочевников, платить им дань, постоянно находиться под страхом набегов и плена. Но к началу I в. н. э. давление сарматов начинает ослабевать. Они частично растворились среди южного, степного населения, слились с адыгами, аланами, частично ушли на запад, часть их, особенно на границе лесостепной полосы, славянизировалась. Сказать об этом в нескольких строках легко, но эти процессы в действительности протекали столетиями, человеческое общество менялось медленно, но менялось постоянно, приводя по прошествии времени к удивительным результатам.

Так произошло и со славянами. Они пережили сарматское нашествие и постепенно стали восстанавливать свою жизнь.

Смерчем пронеслось мимо славянских земель нашествие гуннов, которое затронуло лишь южную часть славянского мира и частично увлекло славян на запад. Теперь, после падения державы гуннов, вновь наполняются населением ду-

найские и днепровские берега, лесные поляны в чащах вдоль рек Припять, Десна, верховьев Оки. Это был, как говорят ученые, подлинный демографический взрыв, т. е. быстрое и громадное увеличение славянского населения и его распространение на больших пространствах Восточной Европы. Произошло это в V–VI вв. н. э. Прежде всего выросло славянское население там, куда не доходила конница гуннов, – за Карпатами, в Центральной и Северной Европе. В славянской среде идут мощные переселенческие процессы. Население, укрывшееся в северо-восточных лесах, начинает возвращаться на юг, на свои древние исконные земли, в районы Среднего Поднепровья, бассейны рек Днестр и Буг. Из Повисленья и из-за Карпат славяне двигаются на плодородные земли по Дунаю, и с V в. население этих земель надолго становится чисто славянским по своему составу.

Славяне занимают территории, покинутые германцами, продвигаются до реки Эльба на западе и из Среднего Поднепровья распространяются на восток.

Оказалось, что гунны принесли славянам не только огромный вред, но они вместе с тем расчистили для них территории от других поселенцев и как бы указали им пути движения.

Одновременно в славянской среде происходят крупные перемены в социальном составе общества – усиливается роль племенных вождей, старейшин, вокруг них стали складываться боевые дружины, общество начало делиться на бо-

гатых и бедных.

Возобновляется торговля поднепровских и подунайских жителей с Балканами и греческими городами.

Мир и покой в славянских землях дали свои плоды. Начиная с V в. н. э. на землях, где раньше хозяйничали скифы, сарматы, гунны, в бассейнах Днепра и Днестра складывается мощный союз восточнославянских племен, которых называли антами, что на иранском наречии означало «жители окраин». Именно таковыми были анты – древние восточные славяне – по отношению к иранским племенам, жившим в юго-восточной части России. А в том, что это были именно славяне, убеждают древние греческие авторы. Они рассказывают, что в V–VI вв. в юго-восточной части Европы сложились два крупных славянских племенных образования. Одно – это племенной союз склавинов, или славян, а второе – родственный им союз антов.

Племенной союз склавинов образовался в северной части Балканского полуострова, а племенной союз антов располагался на пространствах от нижнего Дуная до Азовского моря.

Опираясь на свои освоенные территории, анты начали с V в. мощное движение в районы Подунавья, на Балканский полуостров, в пределы Византийской империи. Итак, германские племена наступали на Римскую империю на западе, а славяне начали терзать Византийскую империю на востоке. Великое переселение народов продолжалось.

В своем движении анты враждовали с балканскими славянами. Византия даже пыталась противопоставить их друг другу.

В эти десятилетия славяне предпринимают дальние рискованные походы, создают сильные военные союзы, объединяют племенные дружины, формируют речные и морские флотилии, на которых быстро передвигаются по рекам и морям на дальние расстояния. Они постоянно переходят Дунай, захватывают византийские города, берут в плен жителей и требуют за них выкуп. Отряды славян доходят даже до средиземноморских берегов. По существу, как и германские племена на западе, восточные славяне начинают колонизацию территорий Византийской империи на Балканах.

Против напора антов византийские императоры построили ряд крепостей по Дунаю. Не имея сил сдержать натиск славян, византийские власти пытаются откупиться от их нашествий богатыми дарами – золотом, дорогими тканями, драгоценными сосудами, предоставляют им некоторые пограничные территории, берут славянских вождей к себе на службу.

От того времени до нас доходят описания славян греческими историками. Вот одно свидетельство: племена славян «любят свободу и не выносят рабства. Они особенно храбры и мужественны в своей стране и способны ко всяким трудам и лишениям. Они легко переносят жар и холод, и наготу тела, и всевозможные неудобства и недостатки. Очень ласко-

вы к чужеземцам». А вот другое: «Они превосходные воины, потому что военное дело становится у них суровой наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах – погибнуть в битве. Они вообще красивы и рослы; волосы их отливают в русый цвет». Сохранились описания и военной тактики славян: «Величайшее их искусство состоит в том, что они умеют прятаться в реках под водою. Часто, застигнутые неприятелем, они лежат очень долго на дне и дышат с помощью длинных тростниковых трубок».

Удивительно и такое наблюдение: «Славяне никакой власти не терпят и друг к другу питают ненависть».

§ 8. Славянский вождь Кий. Основание Киева

Греческие сочинения той поры полны паническими известиями о натиске славян на византийские владения. Позднее об этом вспоминает и русская летопись. Именно от тех времен до нас доходит история о некоем славянском вожде Кие и об основании им города Киева, будущей столице Руси.

В летописи рассказывается, что один из вождей племени полян, живших по среднему Днепру, вместе со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью основали город и назвали его в честь старшего брата Киевом. Затем Кий побывал в Царьграде (так называли на Руси столицу Византии Константинополь), был там принят императором с большой

честью, а возвращаясь обратно, осел со своей дружиной на Дунае, основал там городок, но позднее вступил в борьбу с местными жителями и вновь вернулся на днепровские берега.

В этом сказании есть все, о чем говорят и греческие историки: попытка установить со славянским вождем мирные отношения, стремление освоить новые земли по Дунаю, борьба с местными славянами. Археологи же подтверждают, что действительно в конце V–VI вв. на Киевских горах уже существовало укрепленное поселение, а некоторые Киевские горы носили название Щековицы, Хоревицы, речка же, которая протекала поблизости, называлась Лыбедью.

Но не только на юг, на Балканы, рвутся славянские дружины. В колонизационный поток вовлекаются большие массы славянского населения, живущего на просторах Центральной и Восточной Европы от Балтики до Карпат.

Из бассейна Балтики часть славянских племен двигается на запад, на земли ушедших в глубь Европы германцев. Другая их часть заселяет земли, расположенные к востоку – вплоть до берегов озера Ильмень. Здесь, на пересечении древних торговых путей, от берегов Балтики на восток и юг, встречаются два славянских переселенческих потока. Один – это славянские колонисты с запада, а другой – славянские переселенцы с юга, которые периодически уходили на север под натиском кочевых орд.

Так проходило формирование мощного славянского цен-

тра в Приильменье, здесь позднее возник союз племен, получивших название новгородских словен.

Как мы видели прежде, существовали и тесные связи между закарпатским и дунайским центрами расселения славян и их восточнославянскими родичами, жившими по Днепру, Десне, южному Бугу.

По существу, через всю Восточную Европу протягивались в V–VI вв. крепкие нити, связывающие все славянство этих территорий. Переселенческие процессы стали тем рычагом, который формировал славянские племенные союзы.

§ 9. Борьба с аварами и хазарами

Но не долог был век расцвета антского племенного союза славян. В середине VI в. новая волна кочевников вышла из глубин Азии – то были авары, многочисленная тюркская орда, которая продвинулась в Восточную Европу, вела постоянные войны с Византией и в конце концов осела в дунайских долинах, на склонах Карпатских гор; здешний мягкий климат, богатые пастбища и плодородные земли давно влекли сюда многих завоевателей.

Как и 200 лет назад во время гуннского нашествия, удару подверглись южные области восточных славян. С горечью писал позднее летописец о том, что авары «примучивали» славян, издевались над славянскими женщинами, запрягая их в телеги вместо волов и лошадей.

Но прошло то время, когда славяне безропотно терпели насилие кочевников. К этому времени сами они уже не раз ходили походами на своих соседей, имели сильные дружины. В течение VI–VII вв. славяне вели с аварами постоянные войны, заключали мирные договоры. Во время таких мирных переговоров вероломно был убит один из славянских вождей по имени Мезамир. Об этом рассказали византийские авторы.

Лишь после того как войска франков в конце VII в. разгромили аваров, начинается быстрый упадок их кочевой державы. Окончательное поражение аварам нанесла тюркская орда с востока – хазары. Они прошли через Нижнее Поволжье в Северное Причерноморье, заняли территории в предгорьях Кавказа. На долгие столетия эти кочевники стали опасными соседями восточных славян. Но и на этот раз славяне сумели выстоять. Лишь часть их племен, особенно на левобережье Днепра, а потом в Окско-Волжском междуречье, на несколько десятилетий оказалась в зависимости от Хазарского каганата. Вассалами хазар стали также угро-финские, окско-волжские народы – буртасы, мордва, марийцы и некоторые другие. Владыка хазар именовал себя каганом или ханом ханов.

В устье Волги была основана столица Хазарии город Итиль. В дальнейшем значительная часть хазар перешла на оседлый образ жизни. Они первыми и единственными на территории Восточной Европы приняли иудейскую религию,

но значительная часть хазар приняла мусульманство. С землями восточных славян у Хазарии сложились соседские, но непростые отношения. Через Хазарию шла славянская торговля с Востоком. Немало славянских купцов торговали и в Итиле. Мирные отношения перемежались военными конфликтами, потому что славяне стремились освободить свои юго-восточные территории, левобережье Днепра от хазарского владычества.

§ 10. Болгары

В то время как хазары обживали территорию Нижней Волги, Подонья, Северного Кавказа, они пришли в соприкосновение с тюркской ордой – болгарами, которые также вышли из Азии на просторы Европы.

Что гнало тюрков из глубин Азии, из Южной Сибири на завоевания европейских пространств? Там происходили процессы, близкие к европейским, улучшалось скотоводческое хозяйство, люди достигали более ощутимых результатов в овладении природой, росло количество населения. Усилившиеся тюркские племена стремились занять лучшие, чем прежде, жизненные позиции, но место было давно уже занято. В Юго-Восточной Азии господствовала мощная Китайская империя, отгородившаяся от кочевников Великой Китайской стеной, сильными армиями и постоянной дозорной службой, а далее, на западе, вдоль южной кромки Сиби-

ри стояли непроходимые горные хребты, которые не пускали кочевников на полуостров Индостан и к теплому Индийскому океану. На севере сплошным массивом шла тайга, а за ней тундра. Оставался лишь один путь – на запад, через проход между Уральскими горами и Каспийским морем. И через него, как через жерло огромной пушки, периодически «выстреливали» кочевые орды, группировавшиеся на просторах холодной и трудной для жизни Сибири. На западе же их ждали мягкий климат, благодатные пастбища, отсутствие сильных, вроде Китая и Индии, государств. Кочевники шли за новой, лучшей жизнью, и они точно знали, куда они идут и чего они хотят, потому что уже в то время на Земле не было тайн от проживающих на ней людей. Торговцы, воины, пленные от села к селу, от города к городу, от земли к земле несли сведения о жизни людей в других краях, и вожди кочевых народов поднимали своих коней в поход.

Болгары во главе со своим ханом Кубратом в Причерноморье, в районе греческих городов-колоний, создали в конце VI – начале VII в. государство Великая Болгария. Но оно не выдержало давления хазар и распалось на части. Часть болгар после смерти Кубрата продвинулась на север, на Среднюю Волгу, и создало новое государство – Волжскую Булгарию с центром в городе Булгар, которая встала в дальнейшем на восточных границах Руси, заняв земли по среднему течению Волги и в низовьях Оки и Камы.

Значительная часть болгар осталась на месте, приняла

власть хазар и перешла к оседлому образу жизни. Здешние болгары вместе с частью аланов, адыгами, греками, евреями составили основную часть населения Хазарии. Остальная болгарская орда во главе с ханом Аспарухом в конце VII в. ушла знакомым для кочевников путем на запад и осела на Балканском полуострове, в землях племенного союза склавинов. В дальнейшем болгары перешли к оседлости, растворились в многолюдной земледельческой славянской среде, восприняли славянский язык и дали начало уже славянской Болгарии на Балканах.

Глава 3. Древняя Русь

§ 1. Восточнославянские племена VIII–IX вв.

Союзы племен. К тому времени, когда имя «Русь» стало применяться к восточным славянам, т. е. к VIII в., их жизнь претерпела существенные изменения.

В «Повести временных лет» отмечается, что накануне объединения большинства восточнославянских племен под властью Киева здесь существовало по меньшей мере 15 крупных племенных союзов. В Среднем Поднепровье обитал мощный союз племен, объединенный именем поляне.

Центром полянских земель издавна был город Киев. На севере от полян жили новгородские словене, группировавшиеся вокруг городов Новгород, Ладога. К северо-западу располагались древляне, т. е. жители лесов, главным городом которых был город Искоростень. Далее, в лесой зоне, на территории современной Беларуси, сформировался племенной союз дряговичей, т. е. болотных жителей (от слова «дрягва» – болото, трясина). На северо-востоке, в лесных чащах междуречья Оки, Клязьмы и Волги, жили вятичи, в землях которых главными городами были Ростов и Суздаль. Между вятичами и полянами, в верховьях Волги, Днепра и За-

падной Двины, обитали кривичи, проникшие позднее в земли словен и вятичей. Их главным городом стал Смоленск. В бассейне Западной Двины обитали полочане, получившие имя от речки Полота, впадающей в Западную Двину, главным городом полочан позднее стал Полоцк. Племена, расселившиеся по рекам Десна, Сейм, Сула и жившие к востоку от полян, прозвали северянами или обитателями северских земель; их главным городом со временем стал Чернигов. По рекам Сож и Сейм жили радимичи. К западу от полян, в бассейне реки Буг, расселились волыняне и бужане; между Днестром и Дунаем обитали уличи и тиверцы, граничившие с землями Болгарии.

В летописи упоминаются также племена хорватов и дулебов, обитавших в Подунавье и Прикарпатье.

Во всех древних описаниях расселения восточнославянских племен говорится о том, что жили они не изолированно от своих иноязычных соседей. Восточно-Европейская равнина настойчиво перемешивала народы, соединяла их речными и озерными путями, лесными дорогами. Так, в районе обитания новгородских словен рядом с вятичами и кривичами жили угро-финские племена: меря, весь, корела, чудь, мурома, мордва. Ростов был поначалу главным поселением мери, а Белоозеро – веси. Муром являлся главным поселением угро-финского племени мурома, располагавшегося в то время в междуречье Волги и Оки, где также обитали мордва и марийцы. Ученые считают, что название Москва также

восходит к угро-финскому языку.

Сильные и многолюдные восточнославянские союзы племен подчиняли своему влиянию окрестные малочисленные народы, облагали их данью. Между ними происходили столкновения, но отношения в основном были мирными и добрососедскими. Против внешнего врага славяне и их соседи зачастую выступали единым фронтом.

Собирая дань с окрестных племен, некоторые славяне сами находились в даннической зависимости от более сильных иноплеменных соседей. Так, поляне, северяне, радимичи, вятичи платили долгое время дань хазарам – по белке и горностаю от «дыма», новгородские словене и кривичи вместе с чудью и мерей платили дань варягам. Да и сами славяне, победив и подчинив какое-либо другое славянское племя, облагали его данью. Поляне, начав «собирать» под свою руку восточнославянские земли, обложили данью радимичей, северян, вятичей, которые раньше платили ее хазарам.

К концу VIII – началу IX в. полянское ядро восточных славян освобождается от власти хазар.

Хозяйство, социальные отношения восточных славян. Что собой представляла в VIII–IX вв. жизнь восточнославянских племенных союзов? Говорить о них однозначно невозможно. Знал об этом еще летописец Нестор в XII в. Он писал, что наиболее развиты и цивилизованны среди всех были поляне, чьи обычаи, семейные традиции стояли на весьма высоком уровне. «А древляне, – заметил он, – жи-

вут звериным образом», это лесные жители; недалеко от них ушли и жившие в лесах радимичи, вятичи и северяне.

Конечно, киевский летописец особенно выделял полян. Но в его наблюдениях есть и доля истины. Среднее Поднепровье было наиболее развитым районом среди других восточнославянских земель. Именно здесь, на привольных черноземных землях, в условиях сравнительно благоприятного климата, на торговой «днепровской» дороге, прежде всего сосредоточивалось наибольшее количество населения. Именно здесь сохранялись и развивались древние традиции пашенного земледелия, сочетаемого со скотоводством, коневодством и огородничеством, совершенствовались железоделательное, гончарное производства, зарождались другие ремесленные специальности.

В землях новгородских словен, где было обилие рек, озер, хорошо разветвленная водная транспортная система, ориентированная, с одной стороны, на Балтику, а с другой – на днепровскую и волжскую «дороги», бурно развивались мореходство, торговля, различные ремесла, производящие продукцию для обмена. Новгородско-ильменский край был богат лесами, там расцветал пушной промысел; важной отраслью хозяйства здесь издревле была рыбная ловля. В лесных чащах, вдоль берегов рек, на лесных опушках, где жили древляне, вятичи, дряговичи, ритм хозяйственной жизни был замедленным, здесь люди особенно тяжело осваивали природу, отвоевывая у нее каждую пядь земли для пашни,

лугов.

Земли восточных славян были весьма различны по своему уровню развития, хотя люди медленно, но верно осваивали весь комплекс основных хозяйственных занятий и производственных навыков. Но вот быстрота их внедрения зависела от природных условий, от количества населения, наличия ресурсов, скажем железной руды.

Поэтому когда мы говорим об основных чертах хозяйства восточнославянских племенных союзов, то имеем в виду прежде всего уровень развития Среднего Поднепровья, которое становилось в те дни хозяйственным лидером среди восточнославянских земель. Именно здесь, в силу природных условий, выгодных путей сообщения, относительной близости к мировым культурным центрам, быстрее, чем в иных местах, развивались все основные виды хозяйства, характерные для восточнославянских земель в целом.

Особенно интенсивно продолжало совершенствоваться земледелие – этот основной вид хозяйства раннесредневекового мира. Улучшались орудия труда. Широко распространенным видом сельскохозяйственной техники стало «рало с полозом», с железным лемехом или плуг. Жернова заменили древние зернотерки, при уборке урожая использовались железные серпы. Каменные и бронзовые орудия труда отошли в прошлое. Высокого уровня достигли агрономические наблюдения. Восточные славяне прекрасно знали наиболее удобное время тех или иных полевых работ и сделали эти

знания достижением всех здешних земледельцев.

А главное в землях восточных славян в эти сравнительно «спокойные века», когда опустошительные нашествия кочевников не очень тревожили жителей Поднепровья, с каждым годом расширялись пахотные земли. Широко осваивались удобные для земледелия, лежавшие неподалеку от жилищ степные и лесостепные земли. Железными топорами рубили славяне вековые деревья, выжигали мелкую поросль, выкорчевывали пни в тех местах, где господствовал лес.

Двухпольные и трехпольные севообороты стали распространенным явлением в славянских землях VII–VIII вв., заменяя собой подсечное земледелие, которое характеризовалось очищением земли из-под леса, использованием ее до истощения, а потом забрасыванием. Широко стало практиковаться унавоживание почвы. А это делало урожаи более высокими, обеспечение жизни людей более прочным. Поднепровские славяне занимались не только земледелием. Рядом с их селениями лежали прекрасные заливные луга, на которых пасся крупный рогатый скот, овцы. Здешние жители разводили свиней, кур. Тягловой силой в хозяйстве стали волы и лошади. Коневодство превратилось в одно из важных хозяйственных занятий. А рядом находились реки, озера, богатые рыбой. Рыболовство являлось для славян важным подсобным промыслом. Особенно они ценили богатые рыбные ловли в днепровских лиманах, где благодаря мягкому причерноморскому климату почти полгода можно было

вести ловлю рыбы.

Пахотные участки перемежались лесами, которые становились все гуще и суровее к северу, реже и веселее на границе со степью. Каждый славянин был не только прилежным и упорным земледельцем, но и опытным охотником. Шла охота на лосей, оленей, серн, лесную и озерную птицу – лебедей, гусей, уток. Уже в это время сложился и такой вид охоты, как добыча пушного зверя. Леса, особенно северные, изобиловали медведями, волками, лисами, куницами, бобрами, соболями, белками. Ценные меха (скора) шли на обмен, на продажу в близлежащие страны, в том числе в Византию; они являлись мерой обложения данью славянских, балтских и угро-финских племен поначалу, до введения металлических денег, являлись их эквивалентом. Не случайно и позднее один из видов металлической монеты на Руси называли кунами, т. е. куницами.

Начиная с весны и до глубокой осени восточные славяне, как и их соседи балты и угро-финны, занимались бортничеством (от слова «борть» – лесной улей). Оно давало предприимчивым промысловикам много меда, воска, который также высоко ценился при обмене. А из меда делали хмельные напитки, использовали при изготовлении пищи в качестве сладкой приправы.

Постоянно улучшающееся хозяйство восточных славян в конце концов привело к тому, что отдельная семья, отдельный дом перестали нуждаться в помощи рода, сородичей.

Единое родовое хозяйство начало постепенно распадаться; огромные дома, вмещавшие до ста человек, все чаще стали уступать свое место небольшим семейным жилищам. Общая родовая собственность, общая пахотная земля, угодья стали распадаться на отдельные участки, принадлежавшие семьям. Родовая община спаяна и родством, и общим трудом, охотой. Совместная работа по расчистке леса, охота на крупного зверя при примитивных каменных орудиях труда и оружии требовали больших коллективных усилий. Плуг с железным лемехом, железный топор, лопата, мотыга, лук и стрелы, дротики с железными наконечниками, обоюдоострые стальные мечи значительно расширили и усилили власть отдельного человека, отдельной семьи над природой и способствовали отмиранию родовой общины. Теперь она стала соседской, где каждая семья имела право на свою долю общинной собственности. Так зарождалось право частного владения, частной собственности, появлялась возможность для отдельных сильных семей освоить большие участки земли, получить больше продуктов в ходе промысловой деятельности, создать определенные их излишки, накопления.

В этих условиях резко возрастали власть и хозяйственные возможности племенных вождей, старейшин, племенной знати, воинов, окружавших вождей. Так зарождалось в славянской среде, а особенно явственно в районах Среднего Поднепровья, имущественное неравенство.

Ремесла. Торговля. Путь «из варяг в греки». Во мно-

гом этим процессам помогало развитие не только земледелия и скотоводства, но и ремесел, рост городов, торговых связей, потому что здесь также создавались условия для дополнительного накопления общественного богатства, которое чаще всего попадало в руки имущих, углубляло имущественное различие между богатыми и бедными.

Среднее Поднепровье стало местом, где ремесла в VIII – начале IX в. достигли большого совершенства. Так, близ одного из сел во время археологических раскопок нашли 25 кузнечных горнов, в которых плавили железо и изготовляли из него до 20 видов орудий труда.

С каждым годом множились продукты ремесленников. Постепенно их труд все более отделялся от труда сельского. Ремесленники теперь уже могли содержать этим трудом себя и свою семью. Они начинали селиться там, где им было удобней и легче продавать или обменивать свои изделия на продукты питания. Такими местами, конечно, были поселения, расположенные на торговых путях, места, где жили племенные вожди, старейшины, где находились религиозные святыни, куда прибывало на поклонение множество людей. Так зарождались восточнославянские города, которые становились средоточием и племенных властей, и центром ремесла и торговли, и местом отправления религиозного культа, и местом обороны от врага.

Города зарождались как поселения, которые выполняли одновременно все эти задачи – политические, хозяйствен-

ные, религиозные и военные. Только в этом случае они имели перспективы дальнейшего развития и могли превратиться в действительно крупные населенные центры.

По всем славянским землям археологи находят монеты, пришедшие сюда со всех концов света – из Византии, стран Арабского Востока, Западной Римской империи, Причерноморских государств. Еще не став самостоятельным политическим целым, восточнославянские племенные союзы вели оживленную торговлю со своими соседями. Именно в VIII–IX вв. зародился знаменитый путь «из варяг в греки», который способствовал не только торговым контактам славян с окружающим миром, но и связывал воедино сами восточно-славянские земли. На этом пути возникали крупные славянские городские центры – Киев, Смоленск, Любеч, Новгород, которые играли позднее столь важную роль в истории Руси.

Сам путь древний автор описывает так. Он шел из Византии по Черному морю и Днепру, затем суда волоком перетаскивали из Днепра в реку Ловать, впадающую в озеро Ильмень, из него путь продолжался по реке Волхов, соединяющей Ильмень и Ладожское озеро, или, как его называли в древности, озеро Нево. Оттуда путники попадали в реку Неву, соединяющую Ладожское озеро с Финским заливом, а уж затем по Балтике, или, как ее называли, Варяжскому морю, отправлялись в сторону Рима. Тут-то, в землях варягов, собственно, и начинался путь «из варяг в греки», т. е.

из южной Балтики к Константинополю. Рим был здесь лишь промежуточным пунктом.

Но кроме этого, основного для восточных славян, торгового пути существовали и другие. Прежде всего – это восточный торговый путь, осью которого были реки Волга и Дон. Торговые караваны шли из полянских земель либо сушей до Дона, либо сюда же по Днепру, затем мимо Крыма по Черному и Азовскому морям. Далее суда волоком перетаскивались из Дона в Волгу в том месте, где сейчас находится Волго-Донской канал. Дальнейший путь шел вниз по Волге через хазарские владения мимо столицы Хазарии, Итиля, находившегося в устье Волги, на Каспий и в страны Востока, в первую очередь в Хорезм, Бухару, на восточное побережье Каспия, к «Железным воротам» – Дербенту, в Хорасан.

К северу от этого Волжско-Донского пути пролегали дороги из государства болгар, располагавшегося на Средней Волге, через воронежские леса, на Киев, и вверх по Волге, через Северную Русь, в районы Прибалтики. Из Окско-Волжского междуречья на юг, к Дону и Азовскому морю, вела Муравская дорога, названная так позднее. По ней шли как торговцы с севера из вятичских лесов, так и те, кто двигался на север, направляясь из стран Востока. Наконец, существовали и западные, и юго-западные торговые пути, которые давали восточным славянам прямой выход в сердце Европы. Один из них шел от Киевских гор на юг по Днепру, затем по Черному морю, а далее в устье Дуная и вверх по этой реке,

уходящей в центр Европы и подходящей почти к верховьям Рейна. Другой же путь пролегал строго на запад, в польские земли, и шел на Краков и далее в германские земли.

Все эти пути покрывали своеобразной сетью земли восточных славян, перекрещивались друг с другом и, по существу, накрепко привязывали восточнославянские земли к государствам Западной Европы, Балкан, Северного Причерноморья, Поволжья, Кавказа, Прикаспия, Передней и Средней Азии.

Восточные славяне в канун создания своей государственности, когда племенные союзы начали борьбу за первенство в славянских землях, занимали свое, не похожее ни на кого из окружающих соседей, место в истории Европы. В то же время восточнославянское общество несло в себе черты, общие и для других стран и народов. Так, восточные славяне оказались по темпам хозяйственного, общественного, политического, культурного развития на среднем уровне. Они отставали от западных стран – Франции, Англии. Византийская империя и Арабский халифат с их развитой государственностью, высочайшей культурой, письменностью стояли для них на недосягаемой высоте, но восточные славяне шли вровень с землями чехов, поляков, скандинавов, значительно опережали еще находившихся на кочевом уровне венгров, не говоря уже о кочевниках-тюрках, угро-финских лесных жителях или живущих изолированной и замкнутой жизнью литовцах.

§ 2. Религия восточных славян

Сложной, разнообразной, с детально разработанными обычаями была и религия восточных славян. Ее истоки уходят в индоевропейские древние верования и еще дальше – к временам палеолита. Именно там, в глубинах древности, зарождались представления человека о сверхъестественных силах, которые управляют его судьбой, о его отношении к природе и о ее отношении к человеку, о своем месте в окружающем мире. Религия, существовавшая у разных народов до принятия ими христианства или ислама, называется язычеством.

Как и другие древние народы, в частности древние греки, славяне населили мир разнообразными богами и богинями. Были среди них главные и второстепенные, могучие, всесильные и слабые, шаловливые, злые и добрые.

Во главе славянских божеств стоял великий Сварог – бог Вселенной, напоминающий древнегреческого Зевса.

Его сыновья – Сварожичи – солнце и огонь – были носителями света и тепла. Бог солнца Дажьбог весьма почитался славянами. Недаром автор «Слова о полку Игореве» называл славян «дажьбожьи внуки». Молились славяне Роду и рожаницам – богу и богиням плодородия. Этот культ был связан с земледельческими занятиями населения и был поэтому особенно популярен. Бог Велес почитался у славян в

качестве покровителя домашних животных, это был своеобразный «скотий бог». Стрибог, по их понятиям, повелевал ветрами, как древнегреческий Эол.

По мере слияния славян с некоторыми иранскими и угро-финскими племенами их боги перекочевывали и в славянский пантеон.

Так, в VIII–IX вв. у славян почитался бог солнца Хорс, который явно пришел из мира иранских племен. Оттуда же появился и бог Симаргл, который изображался в виде пса и считался богом почвы, корней растений. В иранском мире это был хозяин подземного царства, божество плодородия.

Единственным крупным женским божеством у славян была Мокошь, которая олицетворяла рождение всего живого, была покровительницей женской части хозяйства.

Со временем, уже по мере выдвижения в общественной жизни славян князей, воевод, дружин, начала великих военных походов, в которых играла молодая удаль зарождающегося государства, на первый план у славян все больше выдвигается бог молнии и грома Перун, который затем становится главным небесным божеством, сливается со Сварогом, Родом как более древними богами. Происходит это не случайно: Перун был богом, чей культ родился в княжеской, дружинной среде.

Если солнце всходило и заходило, ветер дул, а потом стихал, плодородие почвы, бурно проявлявшееся весной и летом, утрачивалось осенью и исчезало зимой, то молния ни-

когда в глазах славян не теряла своего могущества. Она не была подвластна другим стихиям, не была рождена каким-то другим началом. Перун – молния, высшее божество – был непобедим. К IX в. он стал главным богом восточных славян.

Но языческие представления не исчерпывались лишь главными богами. Мир был населен и другими сверхъестественными существами. Многие из них были связаны с представлением о существовании загробного царства. Именно оттуда к людям приходили злые духи – упыри. А добрыми духами, оберегающими человека, являлись берегини. Славяне стремились защищаться от злых духов заговорами, амулетами, так называемыми «оберегами». В лесу обитал леший, у воды жили русалки. Славяне верили, что это души умерших, выходящие весной насладиться природой.

Название «русалка» происходит от слова «русый», что означает на древнеславянском языке «светлый», «чистый». Обитание русалок связывали с близостью водоемов – рек, озер, которые считались путем в подземное царство. По этому водному пути русалки выходили на сушу и обитали уже на земле.

Славяне считали, что каждый дом находится под покровительством домового, которого отождествляли с духом своего родоначальника, пращура, или щура, чура. Когда человек считал, что ему грозят злые духи, он призывал своего покровителя – домового, чура – защитить его и говорил: «Чур меня, чур меня!»

Вся жизнь славянина была связана с миром сверхъестественных существ, за которыми стояли силы природы. Это был мир фантастический и поэтичный. Он входил в каждодневную жизнь каждой славянской семьи.

Уже накануне нового года (год у древних славян начинался, как и теперь, 1 января), а потом поворота солнца на весну начинался праздник Коляды. Сначала в домах гасли огни, а потом люди добывали трением новый огонь, зажигали свечи, очаги, славили начало новой жизни солнца, гадали о своей судьбе, совершали жертвоприношения.

Другой праздник, совпадающий с природными явлениями, отмечался в марте. То был день весеннего равноденствия. Славяне славили солнце, праздновали возрождение природы, наступление весны. Они сжигали чучело зимы, холода, смерти; начиналась Масленица с ее блинами, напоминающими солнечный круг, проходили гулянья, катания на санях, разные потехи.

1–2 мая славяне убирали лентами молодую березу, украшали ветками с только что распустившимися листьями свои дома, снова славили бога солнца, отмечали появление первых весенних всходов.

Новый всенародный праздник приходился на 23 июня и назывался праздником Купалы. На этот день приходился летний солнцеворот. Поспевал урожай, и люди молились о том, чтобы боги послали им дождь. Накануне этого дня, по представлениям славян, русалки выходили на берег из во-

ды – начиналась «русальная неделя». Девушки в эти дни водили хороводы, бросали в реки венки. Самых красивых девушек обвивали зелеными ветками и поливали водой, как бы призывая на землю долгожданный дождь.

Ночью вспыхивали купальские костры, через которые прыгали юноши и девушки, что означало ритуал очищения, которому как бы помогал священный огонь.

В купальские ночи совершались так называемые умыкания девиц, когда молодые люди сговаривались и жених уводил невесту от домашнего очага.

Сложными религиозными обрядами обставлялись рождения, свадьбы, похороны. Так, известен обычай восточных славян хоронить вместе с прахом человека (славяне сжигали на кострах своих покойников, помещая их сначала в деревянные ладьи; это означало, что человек уплывает в подземное царство) одну из его жен, над которой совершалось ритуальное убийство; в могилу воина клали останки боевого коня, оружие, украшения. Жизнь продолжалась, по представлениям славян, и за гробом. Затем над могилой насыпали высокий курган, и совершалась языческая тризна: родственники и соратники поминали умершего. Во время печального пиршества также проводили в его честь воинские состязания. Эти обряды, разумеется, касались лишь племенных вождей.

§ 3. Появление государства у восточных славян

Первые упоминания о Руси. Первое государство в землях восточных славян получило название «Русь». По имени его столицы – города Киева – ученые стали впоследствии называть его Киевской Русью, хотя само оно никогда себя так не называло. Просто «Русь» или «Русская земля». Откуда же возникло это имя?

Первые упоминания имени «русь» относятся к тому же времени, что и сведения об антах, славянах, венедах, т. е. к V–VII вв. Описывая племена, жившие между Днепром и Днестром, греки называют их антами, скифами, сарматами, готские историки – росоманами (русыми, светлыми людьми), а арабы – русью. Но совершенно очевидно, что речь шла об одном и том же народе.

Проходят годы, имя «русь» все чаще становится собирательным для всех племен, живших на огромных пространствах между Балтикой и Черным морем, окско-волжским междуречьем и польским пограничьем. В IX в. имя «русь» упоминается в трудах византийских, западных и восточных авторов несколько раз.

860 г. датировано сообщение византийских источников о нападении Руси на Константинополь. Все данные говорят за то, что эта Русь была расположена в Среднем Поднепровье.

От этого же времени доходят сведения об имени «русь» и на севере, на побережье Балтийского моря. Содержатся они в «Повести временных лет» и связаны с появлением легендарных и неразгаданных до сего времени варягов.

Летопись под 862 г. сообщает о призвании племенами новгородских словен, кривичей и чуди, живших в северо-восточном углу восточнославянских земель варягов. Летописец сообщает о решении жителей тех мест: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву. И пошли за море к варягам, к Руси». Далее автор пишет, что «те варяги назывались русью», точно так же, как свои этнические названия имели шведы, норманны, англы, готландцы и др. Таким образом, летописец обозначил этническую принадлежность варягов, которых он называет «русью». «Земля наша велика и обильна, а наряда (т. е. управления) в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Летопись не раз возвращается к определению того, кто такие варяги. Варяги – это пришельцы, «находники», а коренное население – словени, кривичи, угро-финские племена. Варяги же, по словам летописца, «сидят» на востоке от западных народов по южному берегу Варяжского (Балтийского) моря.

Таким образом, пришедшие к славянам варяги, словени и иные жившие здесь народы и стали называться русью. «А словеньский язык и русский одно есть», – пишет древний автор. В дальнейшем и поляне, жившие южнее, также стали

называться русью.

Таким образом, имя «русь» появилось в восточнославянских землях на юге, постепенно вытеснив местные племенные наименования. Появилось оно и на севере, принесенное сюда варягами.

Надо вспомнить, что славянские племена овладели в I тысячелетии н. э. огромными пространствами Восточной Европы между Карпатами и южным побережьем Балтийского моря. Среди них названия русы, русины были весьма распространены. До настоящего времени на Балканах, в Германии живут их потомки под своим собственным названием «русины», т. е. русые люди, в отличие от блондинов – германцев и скандинавов и темноволосых обитателей юга Европы. Часть этих «русинов» передвинулась из Прикарпатья и с берегов Дуная в Поднепровье, о чем сообщает и летопись. Здесь они сошлись с обитателями этих краев, также славянского происхождения. Другие русы, русины осуществляли контакты с восточными славянами в северо-восточном районе Европы. Летопись точно указывает «адрес» этих русов-варягов – южные берега Балтики.

Варяги воевали с восточными славянами в районе озера Ильмень, брали с них дань, затем заключили с ними какой-то «ряд», или договор, и в пору их межплеменных усобиц пришли сюда в качестве миротворцев со стороны, в качестве нейтральных правителей. Такая практика приглашения князя или короля на правление из близких, зачастую родствен-

ных, земель была весьма распространена в Европе. Эта традиция сохранилась в Новгороде и позднее. Туда приглашали на княжение владетельных особ из других русских княжеств.

Конечно, в рассказе летописи много легендарного, мифического, как, например, весьма распространенная притча о трех братьях, но немало в нем и реального, исторического, говорящего о старинных и весьма противоречивых отношениях славян со своими соседями.

На основании сообщения летописи о варягах некоторые ученые, и зарубежные, и русские, в XVIII – XX вв. создали и отстаивали так называемую норманнскую теорию происхождения Русского государства. Ее суть заключается в том, что государство на Руси было привнесено извне приглашенными князьями, что оно было создано норманнами, скандинавами, носителями западной культуры, – именно так понимали варягов эти историки. Сами же восточные славяне якобы не могли создать государственного устройства, что говорило об их отсталости, исторической обреченности и т. д. Эта теория нередко использовалась на Западе в периоды противостояния нашей Родины и ее западных противников.

Ныне историки убедительно доказали развитие государственности на Руси задолго до «призвания варягов». Однако до настоящего времени отзвуком этих споров является дискуссия о том, кто такие варяги. Норманнисты продолжают настаивать на том, что варяги были скандинавами, основываясь на свидетельствах разветвленных связей Руси со Скан-

динавией, на упоминании имен, трактуемых ими как скандинавские, в составе русской правящей верхушки.

Однако подобная версия полностью противоречит данным летописи, помещающей варягов на южных берегах Балтийского моря и четко отделяющих их в IX в. от скандинавов. Против этого говорит и возникновение контактов восточных славян с варягами как с государственным объединением в то время, когда Скандинавия, отстававшая от Руси в своем социально-экономическом и политическом развитии, не знала в IX в. ни княжеской или королевской власти, ни государственных образований. Славяне же южной Прибалтики знали и то, и другое. Конечно, споры о том, кем были варяги, будут продолжаться.

«Военная демократия». В VIII – первой половине IX в. у восточных славян стало складываться общественное устройство, которое историки называют «военной демократией». Это уже не первобытность с ее равенством членов племени, племенными собраниями, вождями, выбранными народом, народными племенными ополчениями, но еще и не государство с его сильной центральной властью, объединяющей всю территорию страны и подчиняющей себе подданных, которые сами резко различаются по политической роли в обществе, по своему материальному, правовому положению.

В руках тех, кто руководил племенем, а позднее союзами племен, кто организовывал набеги на ближних и даль-

них соседей, собиралось все больше богатств. Вожди, которые прежде выбирались благодаря своей мудрости, справедливости, теперь превращаются в племенных князей, в чьих руках концентрируется все управление племенем или союзом племен. Они возвышаются над обществом и благодаря своим богатствам, поддержке военных отрядов, состоящих из сподвижников. Рядом с князем выделяется у восточных славян и воевода, являющийся предводителем племенного войска. Все более значительную роль играет дружина, которая отделяется от племенного ополчения, становится группой воинов, лично преданных князю. Это так называемые «отроки». Эти люди уже не связаны ни с земледелием, ни со скотоводством, ни с торговлей. Их профессия – война. А поскольку мощь племенных союзов постоянно растет – война становится для этих людей постоянным занятием. Их добыча, за которую приходится платить увечьем или даже жизнью, намного превышает результаты труда земледельца, скотовода, охотника. Эти люди становятся в обществе особой, привилегированной частью. Обособляется со временем и племенная знать – главы родов, сильных патриархальных семей. Выделяется и знать, чьим основным качеством является воинская доблесть, мужество. Поэтому вся эта демократия периода становления государства приобретает военный характер.

Военный дух пронизывает весь строй жизни этого переходного общества. Грубая сила, меч лежат в основе выде-

ления одних и начавшегося принижения других. Но традиции старого строя еще существуют. Действует племенное собрание – вече. Князья и воеводы еще выбираются народом, но уже просматривается стремление сделать власть наследственной. Сами выборы со временем превращаются в хорошо организованный спектакль, который ставят сами князья, воеводы, представители знати. В их руках вся организация управления, военная сила, опыт.

Сам народ перестает быть единым. Основную часть племени составляли «люди» – «людины». Это определение означает в единственном числе «свободный человек». У восточных славян в таком же смысле использовалось название «смерд». Но среди «людей», «смердов» стали выделяться «вои», которые имели право и обязанность участвовать в войске и в народном собрании – «вече». Вече в течение долгих лет оставалось верховным органом племенного самоуправления и суда. Степень богатства еще не являлась основным признаком неравенства, оно определялось другими обстоятельствами – тем, кто играл основную роль в хозяйстве, кто был наиболее сильным, сноровистым, опытным. В обществе, где преобладал тяжелый ручной труд, такими людьми были мужчины, главы больших патриархальных семей, так называемые «мужи», они среди «людей» стояли на высшей общественной ступеньке. Женщины, дети, другие члены семьи («челядь») подчинялись «мужам». Уже в это время в семье появился слой людей, находившихся в услу-

жении, – «слуги». На нижних ступенях общества обретались «сироты», «холопы», которые не имели семейных связей, а также совсем бедная часть соседской общины, которых называли «убогими», «скудными», «нищими» людьми. На самом низу социальной лестницы находились «рабы», занимавшиеся принудительным трудом. В их число, как правило, попадали пленные – иноплеменники. Но как отмечали византийские авторы, славяне по истечении определенного срока отпускали их на волю, и они оставались жить в составе племени.

Таким образом, весь строй племенной жизни периода «военной демократии» был сложным, разветвленным. В нем четко наметились социальные различия.

Два русских государственных центра: Киев и Новгород. К концу VIII – началу IX в. экономические и социальные процессы в восточнославянских землях привели к объединению различных племенных союзов в сильные межплеменные группировки. Этому способствовали и дальнейшее развитие торговых связей, как бы стягивающих земли воедино, и религиозная общность – большинство славян к этому времени молились уже одним и тем же языческим богам, – и необходимость объединять военные усилия для отпора внешним врагам и организации дальних завоевательных походов.

Центрами такого притяжения и объединения стали Среднее Поднепровье во главе с Киевом и северо-западный рай-

он, где группировались поселения вокруг озера Ильмень, вдоль верховьев Днепра, по берегам Волхова, т. е. близ ключевых пунктов пути «из варяг в греки». Поначалу речь шла о том, что эти два центра стали все более и более выделяться среди других крупных племенных союзов восточных славян.

У полян ранее, чем у других племенных союзов, обнаружились признаки государственности. В основе этого лежало наиболее быстрое экономическое, политическое, социальное развитие края. Полянские племенные вожди, а позднее киевские князья держали в своих руках ключи от всей днепровской магистрали, а Киев был не только центром ремесла, торговли, к которому тянулась вся земледельческая округа, но и хорошо укрепленным пунктом, прекрасно укрытым лесами от степных кочевников. В ту пору леса подходили к самому Киеву, и летописец отмечал, что здесь был «бор велик». Здесь раньше, чем в других славянских землях, сложилась княжеская власть, заиграли мускулами боевые дружины.

На рубеже VIII–IX вв. в Среднем Поднепровье уже зародилось государственное образование, которое стало называть себя «Русь». Точно так же его называли византийские, немецкие, арабские авторы.

Боевые походы на юг и восток. К этому времени относятся нападения русской рати на крымские владения Византии. Русы передвигались на быстроходных ладьях, которые могли идти и на веслах, и под парусами. Таким образом они

покрывали огромные расстояния по рекам, Черному, Азовскому, Каспийскому морям. Из одного водоема в другой суда перетаскивались волоком, для чего использовались специальные катки.

С моря русы повоевали южное побережье Крыма от Херсонеса до Керчи, взяли штурмом город Сурож (нынешний Судак) и разграбили его. Здесь с русским вождем приключилась беда. Победителя поразил недуг: лицо его «обратилось вспять». И только прекращение насилий и грабежей, освобождение пленных по просьбе местных христиан привели к чуду: князь выздоровел и тут же принял крещение. До нас, пусть в легендарной форме, доходит известие о первом крещении Руси, которое, несомненно, отразило общее стремление народов Европы к переходу к христианству вслед за принятием этой религии Франкской империей, королевствами Англии, другими государствами Европы. Русь в пору своих первых государственных шагов, задолго до создания единого государства, не стала здесь исключением.

К началу IX в. полянские земли уже освободились из-под власти хазар и перестали уплачивать им дань, но другие русские земли еще платили дань Хазарии.

Через несколько лет воинственные русы вновь предприняли поход к черноморским берегам. На этот раз объектом нападения стал богатый византийский порт Амастрида – тогдашний «Багдад» Малой Азии. Русская рать овладела городом, но затем заключила мир со здешними жителями и ушла

восвояси. В Малую Азию русское войско пришло на судах, пройдя мимо пролива Босфор, т. е. мимо стен Константинополя, штурмовать который русские вожди еще не решались.

Оба эти похода указали на то, что в Среднем Поднепровье рождалась новая мощная держава, которая сразу же определила свои основные военно-стратегические интересы, тесно связанные и с торговыми интересами, защитой и отвоеванием новых торговых путей.

Первое направление – это овладение землями вдоль всего течения Днепра, затем – движение к византийским колониям в Крыму, вдоль берегов Черного моря, которое с IX в. стало называться Русским морем. Все чаще через Северное Причерноморье русские дружины проходили в Приазовье и, минуя хазарские заставы, – в низовья Волги, на Северный Кавказ и в Закавказье. Здесь Руси еще предстояло столкнуться с Хазарией.

Второе направление – это овладение землями вдоль западного побережья Черного моря, движение к устью Дуная с последующим нападением на Константинополь.

В 860 г. Константинополь неожиданно подвергся яростной атаке русского войска. Русы подошли со стороны моря, высадились у самых стен византийской столицы и осадили город. Со страхом взирали вышедшие на крепостные стены греки, как по глади Босфора проплывали все новые и новые вражеские суда и новые толпы врагов лавиной шли на город. Они проходили мимо наглухо запертых ворот, мимо могу-

чих константинопольских стен, по которым могла проехать боевая конница.

Русы застали греков врасплох. Их разведка донесла, что в это время византийская армия во главе с императором и флот ушли на борьбу с арабами. Но взять город у русов не хватило сил – их попытки взобраться на стены были отбиты. Началась осада, которая продолжалась ровно неделю. Затем начались мирные переговоры. Греки пошли на уступки: уплатили нападавшим огромную контрибуцию, обещали платить ежегодные денежные платежи, дали русам возможность беспрепятственно торговать на византийских рынках. Был заключен мир между Русью и Византией, начался отсчет их дипломатических отношений. Русский князь и византийский император в личной встрече скрепили условия этого мира. А через несколько лет, согласно этому же договору, византийские священники крестили вождя русов и его дружину. Это было уже вполне историческое крещение. В это же время, в 864 г., принял христианство и князь Болгарии Борис, которого также крестили византийские священники.

Вскоре после этого русская рать появилась на берегах южного Каспия. Это был первый известный нам поход на восток по ставшей потом проторенной дороге: Днепр – Черное и Азовское моря – Волга – Каспийское море.

Одновременно киевские правители ведут борьбу с появившимися в причерноморских степях печенегами, предпринимают поход против дунайской Болгарии.

Киевские дружины появляются и на севере – они пытаются подчинить полянам верховья Днепра, овладеть Полоцком, контролирующим путь по Западной Двине в Прибалтику. К этому времени киевские князья стали именовать себя титулом «каган» – точно так, как это делали суверенные правители Аварского и Хазарского каганатов.

События в новгородских землях. Рюрик. В это время в северо-западных землях восточных славян, в районе озера Ильмень, по течению Волхова и в верховьях Днепра, назревали события, которым также суждено было стать одними из примечательных в русской истории. Здесь формировался мощный союз славянских и угро-финских племен, объединителем которых стали приильменские словени. Этому объединению способствовала начавшаяся здесь борьба словен, кривичей, мери, чуди с варягами, которым удалось на некоторое время установить контроль над здешним населением. И точно так же, как поляне на юге скинули власть хазар, на севере союз местных племен сбросил варяжских правителей.

Варяги были изгнаны, но «встал род на род», как рассказывает летопись. Вопрос был решен так, как его нередко решали и в других странах Европы: для установления мира, покоя, стабилизации управления, введения справедливого суда ссорящиеся племена пригласили князя со стороны.

Выбор пал на варяжских князей. Почему именно на них? Во-первых, рядом не было другой организованной военной силы. Во-вторых, варяги, являвшиеся, видимо, либо бал-

тами, либо славянами с южного побережья Балтики, были близки ильменским словенам по языку, обычаям, религии. В-третьих, их приход мог положить конец натиску других варяжских дружин на славянские и угро-финские земли.

Летописные источники под 862 г. сообщают, что после обращения к варягам оттуда в славянские и угро-финские земли прибыло три брата: Рюрик, Синеус и Трувор. Первый сел княжить у ильменских словен, сначала на Ладоге, а затем в Новгороде, где он «срубил» крепость; второй – в землях веси, на Белоозере, а третий – во владениях кривичей, в городе Изборске.

Историки не раз обращали внимание на легендарный характер этих сведений, которые напоминают сказание о пришествии на правление трех братьев и у других европейских народов. Фольклор здесь допустим. Но ясно и то, что появление варяжского правителя в северо-западных землях является историческим фактом.

По некоторым летописным данным, новгородские словени начали против Рюрика борьбу, которая, вероятно, разгорелась после того, как он превысил свои полномочия «арбитра», «наемного меча» и взял всю полноту власти в свои руки. Но Рюрик подавил восстание и утвердился в Новгороде. После смерти братьев он объединил под своим началом весь север и северо-запад восточно-славянских и угро-финских земель.

Таким образом, в восточнославянских землях к 60-м гг.

IX в. образовалось, по существу, два сильных государственных центра, каждый из которых охватывал огромные территории: среднеднепровский, полянский во главе с Киевом и северо-западный во главе с Новгородом. Оба они стояли на знаменитом торговом пути, оба контролировали стратегически важные пункты, оба складывались с самого начала как многоэтнические государственные образования. Оба они со временем стали называть себя Русью: Русь южная, где в Киеве утвердилась местная полянская династия, и Русь северная, где власть взяли выходцы из южной Прибалтики.

Соперничество за руководство над всеми славянскими землями между Новгородом и Киевом началось едва ли не сразу после создания этих двух государственных центров. Сохранились сведения о том, что часть славянской верхушки, недовольной Рюриком, бежала в Киев. В то же время Киев повел наступление на север и попытался отвоевать у Новгорода земли кривичей с Полоцком. Рюрик также вел войну за Полоцк. Назревало историческое противоборство между двумя складывающимися русскими государственными центрами.

§ 4. Первые русские князья

Борьба Новгорода и Киева. Князь Олег. Рюрик умер в 879 г., оставив малолетнего сына Игоря. Все дела в Новгороде взял в свои руки то ли воевода, то ли родственник

Рюрика Олег. Именно он и предпринял поход на Киев, тщательно подготовив его. Он собрал большую рать, куда вошли представители всех подвластных Новгороду народов. Здесь были ильменские словени, кривичи, чудь, меря, весь. Ударную силу Олегова войска составила варяжская дружина.

Олег взял главный город кривичей Смоленск, затем Любеч. Приплыв к Киевским горам и не рассчитывая взять сильную крепость штурмом, Олег пошел на военную хитрость. Спрятав воинов в ладьях, он послал княжившим в Киеве Аскольду и Диру весть о том, что с севера приплыл купеческий караван и он просит князей выйти на берег. Ничего не подозревавшие киевские правители пришли на встречу. Воины Олега выскочили из засады и окружили киевлян. Олег поднял на руки маленького Игоря и заявил киевским правителям, что они не принадлежат к княжескому роду, но он сам «есть роду княжа», а Игорь является сыном князя Рюрика. Аскольд и Дир были убиты, а Олег утвердился в Киеве. Войдя в город, он заявил: «Да будет Киев матерью городам русским».

Так Новгородский север победил Киевский юг. Но это была лишь чисто военная победа. И экономически, и политически, и в культурном смысле Среднее Поднепровье намного обогнало другие восточнославянские земли. В конце IX в. это был исторический центр русских земель, и Олег, сделав Киев своей резиденцией, лишь подтвердил это положение. Возникло единое Древнерусское государство с центром

в Киеве. Произошло это в 882 г.

Во время этой войны князь Олег проявил себя решительным и коварным военачальником, незаурядным организатором. Овладев киевским престолом и проведя здесь около 30 лет (умер Олег в 912 г.), он отодвинул в тень Игоря. На этот счет среди историков нет единства. Одни считают, что Олег явился вначале просто регентом при малолетнем Игоре, а потом узурпатором его власти. Другие полагают, что в ту пору на Руси, как и в других странах Восточной Европы, еще не существовало прочной наследственной власти, а во главе государства вставал наиболее сильный вождь, за которым шла дружина. Таким и оказался Олег после смерти Рюрика.

Свои военные успехи Олег на этом не завершил. Обосновавшись в Киеве, он обложил данью подвластные ему территории – «уставил дань» новгородским словенам, кривичам, другим племенам и народам. Олег заключил с варягами соглашение и обязался уплачивать им ежегодно по 300 серебряных гривен за то, чтобы на северо-западных границах Руси был мир. Он предпринял походы на древлян, северян, радимичей и обложил их данью. Но здесь он столкнулся с Хазарией, которая считала северян и радимичей своими данниками. Военный успех вновь сопутствовал Олегу. Отныне эти восточнославянские племена прекратили свою зависимость от Хазарского каганата и вошли в состав Руси. Данниками хазар оставались вятичи.

На рубеже IX – X вв. Олег потерпел чувствительное пора-

жение от венгров. В это время их орда передвигалась по Причерноморью на запад. По пути венгры обрушились на русские земли. Олег был разбит и заперся в Киеве. Венгры предприняли осаду города, но безуспешно, и тогда между противниками был заключен мирный договор. С тех пор стал действовать венгеро-русский союз, который просуществовал около двух веков.

Объединив восточнославянские земли, отстояв их от натиска чужеземцев, Олег придал княжеской власти невиданный доселе авторитет и международный престиж. Теперь он принимает на себя титул князя всех князей, или Великого князя. Остальные же властители отдельных русских княжений становятся его данниками, вассалами, хотя и сохраняют еще права по управлению в своих княжествах.

Русь появилась на свет как объединенное восточнославянское государство. По своим масштабам оно не уступало империи Карла Великого или территории Византийской империи. Однако многие его районы были мало заселены и плохо пригодны для жизни. Слишком велика была и разница в уровне развития различных частей государства. Появившись сразу как многоэтническое образование, это государство не отличалось поэтому той прочностью, которая характеризовала государства, где население было в основном мононациональным.

Внешняя политика Руси в первой половине X в. Уже первые схватки с хазарами и поход против уличей и тиверцев

показали внешнеполитические интересы молодого государства. Русь стремилась, во-первых, объединить все восточнославянские племена; во-вторых, обеспечить для русского купечества безопасность торговых путей как на Восток, так и на Балканский полуостров; в-третьих, овладеть важными в военно-стратегическом смысле территориями – устьем Днепра, устьем Дуная, Керченским проливом.

В 907 г. огромная русская рать сушей и морем во главе с Олегом двинулась на Константинополь. Греки замкнули гавань цепью, перекинув ее с одного берега на другой, и заперлись за могучими константинопольскими стенами. Тогда русы «повоевали» всю округу, захватили огромную добычу, пленных, ограбили и пожгли церкви. А потом Олег приказал своим воинам поставить ладьи на колеса и двинуть их в обход установленного над водой препятствия. При попутном ветре русы развернули паруса, и ладьи пошли к стенам города. Греки ужаснулись при виде этого необычного зрелища и запросили мира.

По мирному договору византийцы обязались выплатить Руси денежную контрибуцию, а затем ежегодно уплачивать еще и дань, предоставлять для приходящих в Византию русских послов и купцов, как и для представителей других государств, определенное продовольственное содержание. Олег добился для русских купцов права беспошлинной торговли на византийских рынках. Русы даже получили право мыться в константинопольских банях столько, сколько они захотят.

Договор был закреплен во время личной встречи Олега с императором Львом VI. В знак окончания военных действий и заключения мира русский великий князь повесил свой щит на воротах города. Таков был обычай многих народов Восточной Европы.

В 911 г. Олег подтвердил свой мирный договор с Византией.

В ходе длительных посольских переговоров был заключен первый в истории Восточной Европы развернутый письменный договор между Византией и Русью. Этот договор открывается многозначительной фразой: «Мы от рода русского… посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его – светлых и великих князей, и его великих бояр…»

В договоре подтверждены «мир и любовь» между двумя государствами. В 13 статьях соглашения стороны договорились по всем интересующим их экономическим, политическим, юридическим вопросам, определили ответственность своих подданных в случае совершения ими каких-либо преступлений в чужой земле. В одной из статей речь шла о заключении между Русью и Византией военного союза. Отныне русские отряды регулярно появляются в составе византийского войска во время его похода на врагов.

Русско-византийская война 941–944 гг. Дело князя Олега продолжал князь Игорь, уже в зрелом возрасте вступивший на престол.

После смерти могучего воителя Олега созданное им государство стало распадаться: восстали древляне, к границам Руси подошли печенеги. Но Игорю и русской верхушке удалось предотвратить распад. Древляне были вновь завоеваны и обложены тяжелой данью. С печенегами Игорь заключил мир. Одновременно русские поселенцы, поддержанные военной силой, начали продвижение к устью Днепра, появились на Таманском полуострове, близ Керченского пролива, где была основана русская колония. Русские владения подступали вплотную к хазарским границам, к византийским колониям в Крыму и Причерноморье.

Это вызвало негодование в Византии. К тому же местное купечество требовало от императора отменить льготы для русских торговцев. Обострение отношений между двумя странами привело к новой кровопролитной войне, которая продолжалась с 941 по 944 г.

Летом 941 г. огромное русское войско морем и сушей двинулось на Константинополь. Русы учинили разгром пригородов и двинулись к столице, но на подступах к ней были встречены флотом противника, вооруженным «греческим огнем». Под стенами Константинополя весь день и вечер шел бой. Греки направляли через специальные медные трубы на русские корабли горящую смесь. Это «страшное чудо», как сообщает летопись, поразило русских воинов. Пламя металось по воде, в непроглядной тьме горели русские ладьи. Поражение было полным. Но значительная часть войска уцелела.

Русы продолжали поход, двинувшись вдоль побережья Малой Азии. Было захвачено много городов, монастырей, взято в плен изрядное количество греков.

Но Византия успела и здесь мобилизовать силы. Произошли ожесточенные сражения на суше и на море. В сухопутной битве греки сумели окружить русов и, несмотря на яростное сопротивление, одолели их. Потерпел поражение уже потрепанный русский флот. Несколько месяцев продолжалась эта война, и лишь осенью русское войско возвратилось на родину.

В 944 г. Игорь собрал новую рать и вновь выступил в поход. В это же время союзники Руси венгры совершили рейд по византийской территории и подошли к стенам Константинополя. Греки не стали искушать судьбу и выслали навстречу Игорю посольство с просьбой о мире. Новый мирный договор был заключен в 944 г. Между странами восстанавливались мирные отношения. Византия обязалась по-прежнему выплачивать Руси ежегодную денежную дань и предоставить военную контрибуцию. Были подтверждены многие статьи старого договора 911 г. Но появились и новые, соответствовавшие отношениям Руси и Византии уже в середине X в., одинаково выгодные обеим странам. Право беспошлинной русской торговли в Византии было отменено.

Византийцы признали владение Русью рядом новых территорий в устье Днепра, на Таманском полуострове. Был усовершенствован и русско-византийский военный союз: на

этот раз он оказался направленным против Хазарии, что было выгодно Руси, стремящейся освободить от хазарской блокады свои пути на Восток. Русские военные отряды, как и прежде, должны были приходить на помощь Византии.

Утверждение договора происходило сначала в Константинополе. Там русское посольство привело к присяге на тексте договора императора Романа I Лакапина, здесь же русские язычники, обращаясь к Перуну, клялись на оружии быть верными договору. Христианская часть русов дала такую же клятву в храме Святой Софии. Затем византийское посольство явилось в Киев.

Ранним утром к холму, на котором возвышалась статуя Перуна, двинулась процессия. Ее возглавлял сам киевский князь. Следом шли его бояре, дружинники. Сюда же явились и члены византийского посольства. Игорь и его люди сложили к стопам Перуна свое оружие, щиты, золото и в присутствии греческих послов торжественно поклялись в верности договору. После церемонии на холме Перуна часть собравшихся двинулась в церковь Святого Ильи, и там византийское посольство приняло клятву русских христиан из ближайших сподвижников Игоря на верность договору.

Полюдье. Смерть Игоря. Во времена Игоря государство Русь еще больше расширилось. В его состав вошло племя уличей, с которым вел безуспешную войну еще князь Олег. Теперь уличи, как и другие княжения, обязались платить Киеву дань.

Как же собиралась дань с подвластных великому киевскому князю княжений?

Глубокой осенью князь вместе с дружиной объезжал свои владения с целью сбора с них положенной дани. Этот объезд князем своих вассальных владений назывался полюдьем. Таким же образом поначалу собирали дань князья и короли в некоторых соседних странах, где был еще невысок уровень государственного развития, например в Швеции. Название «полюдье» происходит от слов «ходить по людям».

Объезд продолжался всю зиму и заканчивался ранней весной. Путь шел через земли древлян, их главный город Искоростень; затем княжеский караван направлялся на север к городу Любеч на Днепре, а оттуда попадал в землю дреговичей, здесь же неподалеку жили и радимичи. В верхнем течении Днепра княжеский объезд вступал в землю кривичей и достигал их главного города – Смоленска. Далее путь шел по зимней Десне на северские земли, а затем через Чернигов киевский князь возвращался назад в Киев. Весь путь, таким образом, был круговой, его длина составляла около 1200–1500 км. День конного пути обычно приравнивался к 30 км. Движение всего каравана с учетом остановок, ночлегов было, конечно, более медленным.

Из чего состояла дань? Конечно, на первом месте стояли меха, мед, воск, лен. Еще со времен Олега основной мерой дани подвластных племен являлись меха куницы, горностая, белки. Причем брались они «с дыма», т. е. от каждого жило-

го дома. Кроме этого, в состав дани входили продукты питания, даже одежда. Короче говоря, брали все, что можно было взять, примеряясь к той или иной местности, к виду хозяйства.

Была ли дань фиксированной? Судя по тому, что частью полюдья было и кормление князя и его сопровождения, запросы нередко определялись потребностями, а они, как правило, не поддавались учету. Вот почему во время полюдья нередкими были насилия над жителями, их выступления против княжеских людей. Примером этого может служить трагическая смерть князя Игоря.

В первую же зиму после утверждения русско-византийского договора Игорь отправился в полюдье. Путь его поначалу лежал в земли древлян. С древлянами у Игоря были старые счеты. Именно они восстали и попытались отложиться от Киева, едва он вступил на престол. Именно их он обложил данью более тяжелой, чем это сделал Олег.

Во время сбора дани в 945 г. воины Игоря творили над древлянами насилия. Собрав дань, Игорь отправил основную часть дружины и обоза восвояси, а сам, оставшись с «малой» дружиной, решил еще побродить по древлянским землям в поисках добычи. Древляне во главе со своим князем Малом восстали и перебили дружину Игоря. Сам князь был схвачен и казнен лютой смертью: его привязали к двум склоненным деревьям, а затем отпустили их.

Княгиня Ольга. В Киеве осталась жена Игоря с мало-

летним сыном Святославом. Едва сложившееся государство находилось в критическом состоянии. Однако киевляне не только признали права Ольги на престол в связи с малолетством наследника, но и безоговорочно поддержали ее.

К этому времени княгиня Ольга находилась в расцвете своих физических и духовных сил. Согласно одному преданию, она происходила из простого варяжского рода и жила поблизости от Пскова. Игорь увидел ее во время своего пребывания в псковской земле и пленился ее красотой. В ту пору еще не существовало строгой иерархии при подборе супруги наследнику. Ольга стала женой Игоря.

Интересно, что при распространенной практике многоженства в славянской языческой среде, особенно среди богатых славян, Ольга была единственной женой Игоря. Некоторые историки полагают, что сам князь был скрытым христианином и руководствовался в своей семейной жизни правилами христианской морали.

С первых шагов своего княжения Ольга проявила себя как решительная, властная, дальновидная и суровая правительница. Она отомстила древлянам. Во время переговоров древлянские послы в Киеве были зверским образом убиты, а затем Ольга, поддержанная воеводами Игоря Свенельдом и Асмудом, организовала военный поход в древлянские земли.

В первом же бою киевская рать разгромила древлян. Летопись рассказывает, что бой ритуально начал малолетний Святослав, метнув свое копье в сторону врага. Древляне бе-

жали и заперлись в стольном городе Искоростень. Несколько месяцев осаждали киевляне древлянскую столицу и в конце концов взяли ее штурмом, предварительно сумев поджечь деревянные постройки города. Древляне были обложены тяжкой данью, часть их была уведена в плен и передана в рабство киевским дружинникам.

В то же время Ольга упорядочила взимание дани, понимая, что всякие произвольные поборы могут вызвать новое восстание свободолюбивого и мятежного населения. Она прошла с дружиной по древлянской земле и установила для местного населения нормы уплаты дани и места, куда она должна была свозиться.

Такая же реформа взимания дани, ее упорядочение, была проведена и в других землях. Отныне взимать дань должны были представители княжеской администрации на местах. Это был конец полюдья и начало организованной системы обложения налогами Русской земли.

Установив порядок внутри государства, Ольга обратила свои взоры на внешнюю политику. Перед Русью стоял и вопрос установления прочных политических и экономических отношений с сильными соседями. Это могло бы возвысить авторитет и государства, и династии, которая уже прочно утверждалась на киевском престоле.

В 957 г. Ольга отправилась в Константинополь, возглавив пышное и многолюдное посольство, состоявшее более чем из ста человек, не считая обслуги, корабельщиков. Ольга бы-

ла принята по самому высокому рангу. Ее пригласили в императорские покои на обед, была она принята и императрицей. В ходе бесед император Константин Багрянородный и Ольга подтвердили действие прежнего договора как и военный союз двух государств, направленный в первую очередь против арабов и Хазарии.

Крещение княгини Ольги. Важным вопросом переговоров стало крещение русской княгини.

К середине IX в. почти все крупные государства Западной Европы, а также часть народов Балканского полуострова и Кавказа приняли христианство – одни по римскому, другие по византийскому образцу. Христианство приобщало государства и народы к новой цивилизации, обогащало их духовную культуру, поднимало на более высокий уровень престиж крестившихся государственных деятелей.

Но для языческого мира процесс этот был непростым и болезненным. Вот почему в большинстве стран принятие христианства проходило в несколько этапов, имело различные формы. Во Франкском государстве король Хлодвиг принял христианство вместе с дружиной еще на рубеже V–VI вв. Цель крещения была ясна: получить помощь со стороны папского Рима в борьбе с сильными противниками в еще языческой Европе. Основная часть франкского общества еще долгое время оставалась языческой и лишь позднее была христианизирована. В Англии в VII в. короли принимали личное крещение, но потом под влиянием языческой оппозиции

отрекались от него, а затем снова крестились. В Болгарии в IX в. к христианству вместе с Борисом I перешло все население. Там корни христианства под влиянием соседней Византии были весьма глубоки.

Ольга выбрала для себя в качестве образца личное крещение английских королей. Она, будучи весьма прозорливой правительницей, понимала, что дальнейшее укрепление государственного престижа страны и династии было немыслимо без принятия христианства. Но она понимала и сложности этого процесса на Руси с ее мощной языческой традицией, с большой приверженностью народа и части правящих кругов к старой религии. В крупных городах среди купечества, горожан, части боярства было уже немало христиан, и они имели равные права с язычниками. Но чем дальше от центра государства, тем влияние языческих порядков, а главное – языческих волхвов было сильнее. Поэтому Ольга решила принять личное крещение, положив этому процессу начало в княжеской среде.

К тому же и в нравственном отношении княгиня была уже подготовлена к этому акту. Пережив трагическую смерть мужа, кровавые бои с древлянами, уничтожение в огне их столицы, Ольга могла обратиться за ответом на тревожившие ее человеческие вопросы к новой религии, которая как раз настраивалась на внутренний мир человека и пыталась ответить на его извечные вопросы о смысле бытия и своем месте в мире. Если язычество искало ответы на все вечные вопро-

сы вне человека, в могучих действиях сил природы, то христианство обращалось к миру человеческих чувств и человеческого разума.

Крещение Ольга обставила с подобающей для великого государства пышностью. Крещение происходило в храме Святой Софии. Ее крестным отцом был сам император, а крестил ее патриарх. Ольга приняла в крещении имя Елена, в честь матери Константина Великого, византийского императора, сделавшего в IV в. христианство официальной религией империи. После крещения Ольга была принята патриархом и имела с ним беседу о вере.

По возвращении в Киев Ольга пыталась склонить к христианству Святослава, говоря, что за князем крещение примет и дружина. Но Святослав, будучи ярым язычником, поклонявшимся дружинному богу Перуну, отказал ей.

Через несколько лет после поездки в Константинополь Ольга направила посольство к германскому императору Оттону I. Цель посольства была двоякой – установить постоянные политические отношения с Германией и укрепить религиозные связи. Ревностный христианин, Оттон I направил в Киев христианских миссионеров. Ольга продолжала свою линию. Однако киевские язычники выгнали миссионеров из города и едва не перебили их.

Умирая, княгиня завещала похоронить ее по христианскому обряду, а на могиле не справлять языческую тризну.

§ 5. Правление Святослава

Святослав – «Александр Македонский» Восточной Европы. Начиная с того времени, когда в 962 г., возмужав и встав во главе дружины, Святослав реально стал править государством, он принялся за дальнейшее расширение Руси. Ему удалось то, что не сумели сделать предшественники: он подчинил себе княжество вятичей, находившееся в междуречье Оки и Волги.

Продолжил он усилия Олега и Ольги по централизации власти. Олег посадил своих наместников лишь в городах по верховью Днепра – в Смоленске и Любече, а в остальных землях сидели местные князья, хотя и подчинявшиеся ему. Ольга направила управителей в пункты сбора дани. Теперь Святослав, уходя на войну, послал в наиболее важные земли Руси своих сыновей. Старшего сына, Ярополка, он оставлял в Киеве, второго сына, Олега, отправил управлять древлянской землей, а младшего, Владимира, послал с его дядей, известным воеводой Добрыней, управлять Новгородом. Сыновья великого князя в прежних полусамостоятельных княжествах, по существу, становились его наместниками.

Продолжил Святослав и внешнюю политику своих предшественников. Но он придал ей такие масштабы, вдохнув в нее такую силу и страсть, что поразил воображение и современников, и потомков.

В 964 г. он направился в поход на восток. Главной целью этого похода явилось сокрушение старинного врага – Хазарии.

К этому времени Святослав был уже сложившимся предводителем дружины, смелым в бою, неприхотливым к тяготам воинской жизни. Вот как его описывает летописец: «И легко ходил в походах, как пардус (гепард), и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах… и посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас итти». Его внешность хорошо передал византийский историк: бритая по русскому обычаю голова с длинной прядью волос, свисающей вниз, золотая серьга с крупным рубином в левом ухе, мрачный взгляд, незатейливая скромная одежда, отличающаяся своей чистотой, высокое чувство собственного достоинства, веявшее от всей его фигуры.

Пройдя через окско-волжские леса, землю вятичей, свой первый удар Святослав обрушил на Волжскую Булгарию – союзника Хазарии. Армия булгар была разгромлена, а их столица Булгар и другие города были взяты, а население разогнано. Попутно Святослав разгромил враждебных Руси буртасов, захватил и пожег их города, а население рассеял.

Затем русская рать спустилась вниз по Волге и подошла к границам Хазарского каганата. Удар с севера был стреми-

тельным и неожиданным. Обычно русские рати приходили к границам Хазарии по Азовскому морю и Дону. Теперь же они вначале разгромили союзников Хазарии. В этом виден хорошо продуманный план всей военной кампании.

Сам каган вышел с войском навстречу русам, но был разбит, а столица Хазарии, город Итиль в низовьях Волги, была также захвачена Святославом.

Огнем и мечом прошла русская рать по всей хазарской земле, оставив позади себя разрушения и пепелища. Сначала путь Святослава лежал в хазарские владения на Северном Кавказе. Оттуда он двинулся к Дону, разбив по пути враждовавшие с Русью и союзные Хазарии племена ясов и касогов (нынешних осетин и черкесов). На берегу Дона войско Святослава взяло штурмом хазарскую крепость Саркел, которая была построена здесь еще в IX в. с помощью византийских инженеров для охраны хазарских границ от русских. Следы пожарищ, разрушенных зданий, разбитых крепостных стен – таким предстает Саркел по данным археологов. Крепость буквально была стерта с лица земли.

Таким образом, цель похода была достигнута. Хазария, по существу, прекратила свое существование как сильное государство.

Оставив на захваченной территории гарнизоны, Святослав вернулся в Киев, а его отряды начали нападения на крымские владения Византии. Русы продолжали линию прошлых лет: богатые греческие колонии по-прежнему привле-

кали их внимание. Отношения с Византией стали напряженными.

Походы на Дунай. В ходе трехлетнего Восточного похода Святослав захватил огромные территории от окских лесов до Северного Кавказа. Византийская империя при этом хранила молчание: действовал русско-византийский военный союз.

Но теперь, когда северный исполин стал оказывать давление на византийские владения в Крыму, в Константинополе забеспокоились. В Киев был срочно послан гонец с целью уладить отношения между Русью и Византией.

Уже в это время в Киеве вызревает план вторжения в Подунавье и присоединения устья Дуная к Руси. Но эти земли принадлежали Болгарии, и Святослав заручился нейтралитетом Византии во время его предстоящего похода на Дунай, а за это он обещал отступиться от крымских владений империи. Это была уже большая дипломатия, которая имела в виду интересы Руси как на Востоке, так и на Западе.

Летом 967 г. русское войско во главе со Святославом двинулось на юг. Русскую рать поддерживали венгерские отряды. Болгария опиралась на помощь враждебных Руси ясов и касогов и на хазарские отряды.

Война с Болгарией была закончена очень быстро. Верный своей молниеносной манере ведения военных действий, Святослав прорвался через болгарские форпосты и в чистом поле разбил войско болгарского царя Петра. Болгары были

вынуждены заключить мир, по которому нижнее течение Дуная с сильной крепостью Переяславец отошло к Руси.

Вот здесь-то и выявились истинные планы Святослава. Он переносит сюда свою резиденцию и, согласно летописи, заявляет: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки (драгоценные ткани), вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии – серебро и кони, из Руси же – мех и воск, мед и рабы».

Появление Святослава на Дунае и поражение Болгарии встревожили Византию. Теперь рядом появился жестокий, удачливый и беспощадный соперник. Попытка византийской дипломатии стравить Болгарию и Русь и тем самым ослабить обеих не удалась.

Подкупив печенегов, византийцы организовали их поход на Киев. Святослав был вынужден идти на выручку своему стольному городу. Отогнав печенегов и заключив с ними мир, Святослав в 969 г. вновь вернулся на Дунай. Именно в это время он посадил своих сыновей-наместников в русских княжествах.

За время его отсутствия болгары овладели Переяславцем, но Святослав быстро восстановил прежнее положение: болгарское войско было вновь разбито, и Переяславец оказался в руках русов.

Русско-византийская война и гибель Святослава. В Константинополе в это время пришел к власти талантливый

полководец и государственный деятель, армянин по национальности, Иоанн Цимисхий. Византийцы потребовали ухода русской рати из Подунавья. Но Святослав за оставление здешних городов запросил немыслимый выкуп. И когда греки ответили отказом, то гордо заявил, что он скоро поставит свои шатры перед стенами Константинополя. Стороны шли к войне.

Иоанн Цимисхий для борьбы со Святославом создал специальный отряд «бессмертных», куда вошли лучшие воины империи, закованные в панцири. Император сам командовал этим отрядом.

Святослав сумел привлечь к военному противоборству с Византией своих давних союзников – венгров; нанял он и печенежскую конницу. В состав объединенного войска вошел также отряд дружественных Руси болгар.

Широкие военные действия разгорелись на просторах Фракии и Македонии летом 970 г. По данным византийских авторов, киевский князь вел за собой 60 тысяч человек, не считая союзников.

Первый этап войны русы выиграли. В решающей битве с полководцами Иоанна Цимисхия Святослав одержал победу.

В критический момент битвы, когда русы устрашились превосходящих сил противника, Святослав обратился к воинам с речью:

«Да не посрамим земли Русской, но ляжем костьми, мерт-

вые сраму не имут». Русы дружно ударили на врага и победили.

Однако византийцы подтянули новые войска, сумели разгромить одну из частей русского войска, которая поддерживалась союзниками. С обеих сторон было уже много жертв, война принимала затяжной характер. Сам Святослав с основным войском находился уже на подступах к Константинополю, и греки запросили мира.

По миру, заключенному в 970 г., русы добились сохранения своих позиций на Дунае, византийцы обязались выплачивать, как и прежде, дань Руси, сохранялись условия прежних договоров.

После этого Святослав ушел на Дунай, а Иоанн Цимисхий начал готовить новую армию. Для этого были мобилизованы все силы, стянуты отовсюду лучшие войска.

Весной 971 г., в дни, когда весь христианский мир праздновал Пасху, неожиданно для русов Иоанн Цимисхий осуществил прорыв своих войск через Балканский хребет и вышел в Болгарию. Там на ее полях поспешивший навстречу врагу Святослав дал грекам несколько сражений. Но перевес сил был уже на стороне Византии. Союзники Святослава покинули его. В конце концов византийская армия блокировала русское войско в дунайской крепости Доростол. В июле 971 г. Святослав попытался прорвать кольцо блокады и вышел из крепости на последнее сражение. Натиск русов, предводительствуемых самим князем, был столь стремите-

лен, что греки дрогнули, и тогда Иоанн Цимисхий, сияя золочеными латами, сам повел в бой своих «бессмертных». Святослав был ранен в бою. Русам пришлось отступить. Русский великий князь запросил мира, который был с радостью принят византийцами.

По условиям мирного договора 971 г., скрепленного личной встречей Святослава и Иоанна Цимисхия, русы должны были покинуть Дунай; они обязались не нападать более на здешние земли. Но за Русью сохранились завоевания в Причерноморье и Поволжье. Восстанавливались условия старого русско-византийского договора.

Святослав обратился также к византийскому императору с просьбой помочь в проходе русской рати через земли, контролируемые печенегами. Иоанн Цимисхий обещал сделать это. Но вместо того чтобы выполнить условия договора, греки решили убрать своего опасного соперника: к печенегам греческое посольство везло золото, дорогие подарки и просьбу императора нанести удар Святославу во время его возвращения в Киев.

Осенью русская рать появилась в устье Днепра. Но все пути на север были перерезаны печенегами. Тогда Святослав зазимовал в русских поселениях, расположенных на берегах днепровского устья.

Весной 972 г. он снова попытался прорваться в Киев, но на порогах, там, где русы перетаскивали свои ладьи берегом, минуя бурлящие водовороты, печенеги подстерегли его.

Небольшое русское войско было окружено и уничтожено. Сам Святослав погиб в бою. А из его черепа печенежский хан Куря по старому степному обычаю сделал чашу, оковал ее золотом и пил из нее на пирах.

Первая усобица на Руси. Посли гибели Святослава в Киеве власть взял юный Ярополк, окруженный отцовскими воеводами. Олег, который был на год младше, правил в древлянской земле, самый младший, Владимир, сын Святослава от наложницы Малуши, сидел в Новгороде.

После смерти отца и Олег, и Владимир оказались самостоятельными правителями своих земель. Они стали центром притяжения сил, которые хотели вновь добиться самостоятельности от Киева.

Ярополк зарекомендовал себя поначалу как правитель, который стремился закрепить завоеванное предшественниками. С малолетства оторванный от отца, он находился под большим влиянием своей бабки – христианки Ольги. Его женой стала красавица гречанка – монахиня, которую Святослав захватил во время войны с Византией. Есть основание полагать, что Ярополк, слывший кротким и мягким юношей, либо стал христианином, либо склонялся к христианству, чем вызвал недовольство язычников-киевлян и особенно дружины.

Однако через три года положение резко изменилось. И вновь угроза единству Руси пришла из древлянских земель. По приказу княжившего там Олега, которому было всего 13

лет, в древлянских лесах был убит во время охоты сын Свенельда, Ярополкова воеводы, того самого Свенельда, который еще во времена Игоря собирал там дань. Можно думать, что древляне мстили ему за прежние обиды и взяли курс на отделение от Киева.

Результатом этой распри явился через два года поход киевской рати во главе с Ярополком против древлян. Киевляне одолели древлян, те бежали за крепостные стены города Овруч. На мосту через крепостной ров произошла давка, в которой и погиб молодой князь Олег. Древляне снова были подчинены Киеву.

Стремление отделиться выказал и Новгород. Получив весть о гибели брата, Владимир бежал к варягам. На его место Ярополк послал своего наместника. Русская земля вновь была объединена. Но Владимир не смирился с положением князя-изгоя. Проведя два с лишним года на чужбине, он нанял отряд варягов и выбил наместника Ярополка из Новгорода. Потом он собрал большую рать, состоящую из словен, кривичей и чуди, и вместе с варягами двинулся на юг, повторяя путь Олега.

Снова Север предъявил свои претензии на лидерство в русских землях. Снова Новгород взял на себя инициативу объединения Руси. По пути Владимир овладел Полоцком, где убил княжившего там варяга Рогволда и его сыновей, а его дочь Рогнеду насильно взял себе в жены. В Киеве положение Ярополка было непрочным. Дружина с недоверием

относилась к князю, который покровительствовал христианам. К тому же Владимир вступил в тайные переговоры с некоторыми киевскими боярами, в том числе и близкими к Ярополку.

В результате Ярополк не сумел собрать войска для борьбы с братом и заперся за киевскими стенами. Чувствуя, что в Киеве назревает против него заговор, Ярополк бежал из города, а потом по совету своих бояр, уже тайно перешедших на сторону Владимира, явился к нему на переговоры. Едва Ярополк вошел в шатер Владимира, как тут же был поднят на мечи двумя варягами.

§ 6. Русь во времена Владимира Святославича

Правление Владимира. С 980 г. Владимир стал единым правителем Руси. Празднуя свою победу над Ярополком и отдавая должное поддержавшим его язычникам Севера и Киева, он поставил на холме неподалеку от своего дворца статуи всем наиболее популярным языческим богам во главе с Перуном. Его дядя Добрыня был направлен наместником в Новгород, где также над Волховом торжественно поставил изображение Перуна.

В первые годы своего правления Владимир вел себя как необузданный и жестокий язычник. Он строго наказал своих противников в Киеве, заставил выйти за себя замуж жену

убитого брата, которая ждала ребенка. Летописец характеризует Владимира того периода как нравственно распущенного человека, «женолюбца».

Но уже в эти годы Владимир решал крупные государственные вопросы. Хотя Новгород и Киев были вновь объединены, древляне вели себя смирно, а весь днепровский путь оказался в руках Владимира, Киеву перестали подчиняться радимичи и вятичи. Владимиру потребовалось три года, чтобы покорить восставшие племена.

Как и его отец, Владимир в дальнейшем крепкой рукой держал единство Руси. Он посылал в различные земли, бывшие племенные княжения, своих сыновей, которые являлись его наместниками. Старшего, Вышеслава, он направил в Новгород, а после его смерти послал туда третьего сына – Ярослава, Бориса отправил в Ростов, в землю вятичей, Глеба – в Муром, Святослава – в древлянскую землю, Всеволода – во Владимир на Волыни, Мстислава – в далекую Тмутаракань на Таманском полуострове. Святополк, родившийся от Ярополка и усыновленный Владимиром, был отослан в Туров.

Продолжил Владимир и внешнюю политику своего отца Святослава, вновь нацелившись на земли по Дунаю. Поход против Болгарии хотя был успешен, но русские не рискнули закрепиться там и заключили с Болгарией мир.

В начале правления Владимира обозначилось новое направление внешней политики Руси – западное. К этому вре-

мени на западных границах Руси сложилось сильное Польское государство во главе с его основателем князем Мешко I из династии Пястов. Он вместе с дружиной принял христианство по римскому образцу. С этого времени польская церковь стала ориентироваться на папу Римского. Главным противником Польши на западе были германские княжества, на востоке же мощным противником стала Русь. Спорными на долгие годы оказались земли так называемой Червенской Руси с городами Перемышль, Червен и другими. Едва заняв престол, Владимир организовал поход на юго-запад и подчинил эти земли Руси. Таким образом, территория Руси еще более расширилась.

Из приазовских степей в течение всего X в. в Причерноморье выходили все новые и новые орды печенегов. Печенежские орды, или колена, как их называли на Руси, объединялись в большие союзы. С этими-то союзами Русь и имела дело со времен Игоря и Святослава. С одними из них русские князья вели упорное противоборство, с другими заключали мирные договоры и привлекали их золотом и подарками на свою сторону в качестве союзников.

Печенеги периодически грабили русские города и села, уводили жителей в плен, а после продавали их на невольничьих рынках. Крупное поражение Владимир нанес печенегам в 992 г. В честь этой победы князь основал город Переяславль [от слов «переять» («перенять») «славу»]. Но через четыре года новая печенежская орда подошла к городу

Василеву близ самого Киева. Владимир вышел против врагов с небольшой дружиной, был разбит, и лишь чудо спасло его. Во время бегства князь спрятался под мостом, а печенежские всадники проносились над ним. В этот критический час своей жизни Владимир (уже принявший к этому времени христианство) обещал в случае спасения поставить в Василеве церковь Преображения, так как на этот день пришелся этот церковный праздник. Вскоре князь выполнил обет, и в Василеве появилась новая церковь, как бы напоминая о превратностях человеческой жизни.

Создание оборонительной системы на юге. Стремясь оградить южные границы Руси от постоянных набегов печенегов, Владимир предпринял строительство крепостей, которые располагались на днепровском левобережье, вдоль рек, впадающих в Днепр. Здесь было меньше лесов, и степь подходила вплотную к Чернигову, от которого был один день конного пути до Киева. Четыре линии крепостей на расстоянии 15–20 км встали в этом районе на границе со Степью. Большинство этих форпостов располагалось близ бродов, куда в первую очередь устремлялась печенежская конница. Киев, как известно, расположен на правом берегу Днепра. Печенегам, чтобы попасть на этот берег, надо было перейти реку вброд под городом Витичев, а затем пройти через долину реки Стугна. Но как раз здесь и стояли крепости Владимира, соединенные высокими валами.

В глубине этой линии киевский князь построил го-

род-крепость Белгород, который со временем стал местом сбора всех русских сил во время нашествия печенегов.

Для предупреждения об опасности Владимир ввел систему светового оповещения. На высоких холмах или специально насыпанных курганах стояли сигнальные башни. Оттуда был хороший обзор на многие километры. Как только вдали степь начинала «дымиться», это означало, что конные массы печенегов идут походом на Русь. Огненные сигналы передавались от одной башни к другой, и через несколько минут в Киеве уже знали о приближающейся опасности.

Но, пожалуй, самым важным в этой системе противоборства со степными кочевниками стала практика привлечения в города-крепости наиболее смелых, сильных, мужественных воинов. По указу Владимира сюда стали привлекаться прежде всего удальцы с Русского Севера – новгородские словени, кривичи, выходцы из чудских земель, а также вятичи. В этих пограничных со степью городках-крепостях в постоянных сечах с печенегами формировались русские богатыри, о которых сложено столько легенд и былин.

Истоки русского христианства. Правление Владимира Святославича связано с таким историческим событием, как принятие Русью христианства.

Самые ранние известия о проникновении христианства в восточнославянские земли восходят еще к первым векам новой эры, когда в Малой Азии, на Балканском полуострове, в Северном Причерноморье и Крыму вели свои пропо-

веди первые христианские апостолы и их ученики. В Крыму и на Таманском полуострове от тех времен сохранились тайные катакомбные церкви. Первые подступы к крещению Русь сделала в IX в. Тогда дважды русы принимали крещение. Но языческая реакция бесследно поглощала эти первые попытки русских князей приобщить свой народ к христианству. И все же христианство медленно, но верно вербовало себе сторонников. Под влиянием Византии христианские храмы были построены на Таманском полуострове, в Керчи. Христианские проповедники обращали в христианство русов, живших в Крыму. Херсонес стал центром христианства во всем Северном Причерноморье. Здесь с незапамятных времен существовала самостоятельная митрополия, т. е. церковная организация во главе с митрополитом. Мощное влияние оказали проповеди и широкая просветительская деятельность «славянских апостолов» Кирилла и Мефодия, которых высоко чтили на Руси даже в языческие времена.

Во времена Игоря в Киеве уже было немало христиан и стояла церковь Святого Ильи. После крещения Ольги христианизация пошла более быстрыми темпами. Связи киевского двора с западными христианами показывают, что в ту пору Русь не хотела ориентироваться на какую-то одну из церковных сторон: добрые отношения поддерживались и с византийской, и с римской церковью.

Несмотря на подавляющее значение язычества, Русь отли-

чалась большой веротерпимостью. Здесь свободно отправляли свои религиозные культы мусульмане и иудеи, христиане из Византии, из немецких, польских, чешских земель.

Приход к власти Владимира, казалось, надолго определил торжество язычества. Но жизнь брала свое. Русская правящая верхушка прекрасно понимала необходимость принятия христианства. И не случайно Владимир поставил на холме главных языческих богов во главе с Перуном, пытаясь в языческой религии найти опору государственного единства страны. Во-первых, этого требовали интересы развивающегося государства. Оставаться в христианском мире языческой окраиной означало изоляцию от всего европейского сообщества стран. Во-вторых, новая религия с ее монотеизмом (единобожием) вполне соответствовала сущности нового единого государства во главе с монархом. В-третьих, христианство цементировало семью, ячейку общества, вводило новую мораль, требовало гуманного отношения к женщине, матери, детям, к человеку вообще. Это не могло не содействовать прогрессу общества. В-четвертых, приобщение к христианству могло помочь в развитии культуры, духовной жизни страны: христианство уже обладало хорошо разработанной философской системой, породило богатую богословскую литературу. Постепенные контакты с христианскими странами содействовали приобщению Руси к духовности и культуре этого мира. В-пятых, вызревание на Руси новых общественных отношений, все более быстрое и глу-

бокое социальное расслоение требовали новой идеологии. Язычество с его равенством людей перед силами природы не могло объяснить и оправдать происхождение и нарастание неравенства.

Отвечая на исконные вопросы человека о смысле жизни, о его судьбе после смерти, христианство направляло личность на поиск нравственного совершенствования, уводило его от решения чисто мирских задач. Оно облегчало человеку жизнь, примиряло его со смертью, обещало вечное блаженство его душе в ином, благодатном мире. Любой простой человек благодаря христианскому учению мог чувствовать себя и независимым, и более духовно богатым, чем любой стоящий над ним потому, что смысл жизни определяется не вещами, не землями, не дворцами, а способностью человеческой души совершать добро, нравственно совершенствоваться.

Возможно, и сам Владимир не раз задумывался над содеянным в своей бурной жизни, где были и убийства, в том числе брата, и клятвопреступления, и разврат. Главным судьей для человека является его собственная душа. И чем ближе конец жизни, тем больше человек ищет защиты от неумолимого рока.

Христианство могло отпустить грехи, очистить душу, дать возможность для возрождения и обновления личности, надежду на счастливую жизнь в вечности. Во всяком случае, после принятия крещения в личной жизни Владимира про-

изошел крутой поворот, и он во многом стал иным человеком, хотя власть по-прежнему диктовала ему свои жестокие законы.

Несмотря на экономические, политические, культурные и религиозные связи Руси с Византией, христианство по византийскому образцу не сразу получило преимущественное право на официальное внедрение в русских землях.

В летописи рассказывается о том, как к Владимиру приходили религиозные ми́ссии из мусульманской Волжской Булгарии, из иудаистской Хазарии, из немецких земель, где утверждалось христианство римского толка. Прибыл проповедник и из Византии, который изложил Владимиру смысл православного христианства.

Владимир внимательно выслушивал миссионеров, советовался с боярами и киевлянами. Приводится и такой эпизод: когда мусульманские миссионеры, хваля свою религию, обмолвились, что ислам запрещает употребление вина, Владимир будто бы воскликнул: «Руси есть веселье питие, не можем без того быть».

Крещение Владимира. На первых порах все новые черты христианской религии, конечно, не могли себя проявить полностью. Поначалу перед русским правительством стояли чисто практические вопросы: как использовать принятие христианства для возвышения престижа Руси и авторитета династии? Византия же стремилась христианизировать Русь для того, чтобы оказывать на нее политическое влияние и

обезопасить себя от русских набегов.

С этими прямо противоположными целями начали Русь и Византия в 987 г. переговоры, в ходе которых Империя просила у Руси помощи против мятежников. Была затронута и проблема крещения. На этих переговорах Владимир потребовал себе в жены сестру императора Василия II принцессу Анну. Это могло бы сильно возвысить государственный престиж Руси в Европе и Азии, укрепить авторитет династии внутри страны. Не случайно многие монархи Европы и Азии стремились породниться с византийским императорским домом.

Византийцы, нуждавшиеся в русской помощи, согласились с требованием Владимира, но предложили ему принять крещение. Владимир согласился и принял в 987 г. индивидуальное крещение, либо оглашенние, в узком кругу. Русский отряд был направлен в Византию, и антиправительственный мятеж был подавлен. Но когда опасность миновала, греки не торопились выполнять договор о браке Анны и Владимира. Ситуация резко изменилась. Владимир собрал рать и в 988 г. двинулся на центр византийских владений в Крыму – Херсонес (Корсунь).

Осада продолжалась несколько месяцев. В конце концов с крепостных стен в стан Владимира была пущена стрела, к которой была прикреплена записка. В ней говорилось, что для взятия города необходимо перекрыть водопровод, который находится к востоку от городских стен. Стрела была послана

от имени священнослужителя Анастаса. Воины Владимира нашли трубопровод и перекрыли его. Вскоре изнемогающие от жажды жители города сдались на милость победителя.

После этого Владимир послал в Константинополь гонцов и передал с ними, что если Анна не прибудет к нему в Херсонес, то русская армия атакует Константинополь. Владимир вторично подтвердил свое обещание принять крещение. Анна отказывалась ехать на Русь, плакала и говорила: «Лучше мне умереть». Но Василий II уговорил ее помочь Византии, и вскоре корабль, на котором находились принцесса, ее свита, священники, прибыл к берегам Крыма.

В Херсонесе Владимир в 989 г. принял широкогласное крещение, подчеркнув тем самым добровольность этого акта со стороны Руси и независимость от воли Византии. В христианстве он взял имя Василий в честь императора Василия II, с которым Владимир становился как бы вровень. Херсонес был возвращен империи. Вместе с великим князем крестилась и часть дружины. Подобным же образом Хлодвиг, король франков, принял крещение вместе со своими воинами.

Владимир вернулся в Киев, взяв с собой из Херсонеса иконы, церковную утварь, выведя оттуда часть священников. Прихватил он с собой и мощи святых Климента и Фива. Ушел с Владимиром и священнослужитель Анастас, помогший ему овладеть городом.

Христианизация Руси. Между крещением князя Влади-

мира и крещением всей Русской земли прошло немало времени. Лишь в 990 г. Владимир предпринял первые шаги по введению христианства на всей территории Руси. Это было большое испытание для народа, особенно на Севере, где язычество было в большой силе и языческие волхвы являлись выразителями умонастроения людей.

Вначале крещение приняло население Киева. В один из летних дней по приказу Владимира были опрокинуты языческие идолы во главе с Перуном. На следующее утро все жители города явились к реке. Там все они – мужчины, женщины, дети – вошли в воду, и над ними священники провели обряд крещения. Тут же великий князь приказал начать строительство церквей. Первую из них – церковь Святого Василия – он указал поставить на холме, где прежде возвышалось изображение Перуна. Следом за этим началось обращение в христианство других русских городов и земель. Этот процесс занял несколько лет.

Христианизация Новгорода была поручена дяде князя Добрыне. Языческий Новгород выступил против прихода Добрыни со священниками и крестами. Лишь после ожесточенных стычек, в ходе которых язычники разгромили двор Добрыни и убили его близких, новгородскому наместнику удалось сломить сопротивление восставших. Много людей было жестоко наказано. С таким же трудом вводилось христианство в Ростове и других землях. В сельских, лесных районах язычество еще долго сохраняло свои позиции.

Христианизация Руси проводилась не только путем княжеских указов, но и другими путями. В Киев из Византии привозили иконы, священные книги; был организован их перевод на славянский язык, повсюду воздвигались христианские храмы.

Одной из особенностей византийского христианства являлось то, что оно разрешало вести церковную службу в землях новообращенных народов на их родном языке, в отличие от римской церкви, которая допускала богослужение лишь на латинском языке. Это приближало новую религию к народу, делало ее частью его духовной жизни, быта и культуры.

Владимир не мог не учитывать и еще одной особенности византийской церковной организации. Во главе ее стоял не церковнослужитель, как римский папа, а глава светской власти – император, ему подчинялся патриарх. Эта традиция переносилась на Русь.

В 996 г. в Киеве было окончено строительство огромного главного храма Руси – каменного собора Богородицы. Строилась и украшалась эта церковь греческими мастерами и иконописцами. В этот собор Владимир передал церковную утварь и иконы, вывезенные из Херсонеса. Службу там вели херсонесские священники во главе с Анастасом. Возможно, он встал во главе всей русской церковной организации в качестве митрополита – независимо от санкции константинопольской патриархии. Тем самым Владимир как бы подчеркивал независимость русской церковной организации. На

содержание этого храма Владимир дал десятую часть княжеских доходов. Поэтому с тех пор церковь стала называться «Десятинной».

Вместе с христианством на Русь пришла грамотность, стали создаваться первые школы. Туда Владимир приказал забирать детей из «нарочитых», т. е. богатых семей. Со страхом и плачами отдавали матери в учение своих детей, не ведая, для чего все это делается.

Историческое значение крещения Руси. Поначалу христианские церкви были маленькими очагами в море язычества. Лишь позднее при поддержке государственной власти церковь стала укореняться в народной среде, в городах и селах. Но пройдет еще несколько веков, прежде чем она повсеместно возьмет верх над язычеством.

Но язычество так до конца и не сдалось. Русь стала страной, где осуществилось необычайное и довольно прочное сочетание христианских догматов, правил, традиций и старых языческих представлений. Возникло так называемое двоеверие. Христиане молились в церквах, клали поклоны перед домашними иконами, но одновременно справляли старые языческие праздники. Так, праздник Коляды слился с Рождеством Христовым и Крещением. Сохранился и праздник Масленицы, который и доныне отмечается перед Великим постом. Веря в Христа и святых угодников, представители всех слоев общества, но особенно простой люд, продолжали считаться с домовыми и лешими, русалками и упыря-

ми. Святой Илья-пророк очень напоминал Перуна, а святой Власий, покровитель скотоводства, сливался с древним Велесом.

Народное сознание упорно вплетало старые языческие поверья в свой быт, приспосабливая христианскую обрядность к проверенным веками явлениям природы, которые так внимательно и точно определялись язычеством. Двоеверие стало удивительной отличительной чертой истории русского и других христианских народов, населявших Россию.

Когда мы говорим об историческом значении введения христианства, то прежде всего имеем в виду последующее развитие церкви, ее постепенное укоренение на русской почве и то всестороннее влияние на русскую жизнь – экономическое, политическое, духовное, культурное, которое церковь стала со временем оказывать.

В дальнейшем церковь получила обширные земли, на которых стала организовывать собственное хозяйство. В первую очередь это относится к монастырям – религиозным братствам, где члены этого братства – монахи – давали обет безбрачия, уходили от всего земного и целиком обязались посвятить себя Богу. Монастыри стали управляться игуменами. Они, получив от великих князей земли в собственное владение, развернули на них земледельческое хозяйство, в котором использовали труд зависимых, обедневших людей; практиковали они и разведение скота, огородничество. Монастыри обеспечивали себя всем необходимым. Со време-

нем они стали центрами торговли и даже ростовщичества.

В монастырях было немало монахов, которые вели высоконравственную жизнь, становились подвижниками христианской идеи и христианской морали. Тем самым они оказывали сильное духовное и религиозное влияние на окружающий мир.

С течением веков, укрепившись в экономическом смысле, воспитав из русской среды высокообразованные кадры, церковь стала оказывать все большее влияние на политическую жизнь страны. Некоторые крупные церковные иерархи – митрополиты, епископы – участвовали в государственных интригах, поддерживали того или иного князя в политической борьбе. Однако церковь старалась быть выше мелких политических интересов, и ее лучшие представители выступали за единство Руси, против междоусобиц. Известно немало случаев, когда видные церковные деятели выполняли миссии миротворцев, возглавляли общерусские патриотические движения, обличали князей за их корыстолюбие, эгоизм, политическую ограниченность, трусость.

При церквах и монастырях создавались школы, и первые древнерусские грамотеи прошли выучку в монастырских кельях. Здесь же трудились и первые русские художники, создавшие с течением времени прекрасную школу иконописи. Монахи, деятели церкви в основном являлись создателями замечательных летописных сводов, разного рода светских и церковных сочинений, поучительных бесед, философских

трактатов. С ними мы познакомимся несколько позже.

С годами великие князья поручали церкви судопроизводство по всем религиозным делам, а также по делам семейным. В церковных «уставах», которые были основанием для такого судопроизводства, церковь выступала за поддержание христианских начал в обществе и семье, за человеколюбие, терпимость, за уважение детей к родителям, за уважение к личности женщины, старалась защитить обиженных и угнетенных. Церковь выступила против языческих обычаев: похищения девиц, многоженства, браков в близких степенях родства, насильственной выдачи дочерей замуж; преследовала преступления, унижающие человеческую личность. В этом смысле церковь, духовенство активно работали на укрепление семьи, общества, государства, способствовали снижению уровня эксплуатации.

Однако, содействуя развитию культуры, грамотности, церковь одновременно всеми силами подавляла культуру, основанную на языческих традициях и обрядах. Преследовались веселые праздники Коляды и Масленицы как бесовские, карались скоморошество, игра на народных инструментах.

Помогая экономическому, культурному, религиозному сближению с Византией и другими православными странами (Болгарией, Сербией), церковь в своей борьбе против «латинства», против папского Рима (особенно после окончательного раскола византийской и римской церквей в 1054 г.)

способствовала изоляции Руси от некоторых духовных процессов, протекавших на Западе.

Личность Владимира. Владимир предстает перед нами как личность исключительно сложная и противоречивая.

Он был младшим сыном Святослава, рожденным от его наложницы, ключницы княгини Ольги, Малуши. В детстве Владимир был отослан отцом в Новгород и тем самым оторван от княжеской семьи, от влияния со стороны бабки – княгини Ольги, христианки.

На Русском Севере, среди языческого окружения, находящийся под влиянием своего дяди Добрыни, Владимир сформировался не только как убежденный язычник, но и как противник киевских порядков, как враг той среды, которая отринула и вытолкнула его на обочину жизни.

Возможно, все это и явилось причиной той ярости и страстной воли, с которыми Владимир включился в борьбу за престол. Он водворился в Киеве через насилия, убийства, прошел по пути ожесточенных войн, грандиозных побед и тяжких поражений.

С каждым годом Владимир все более проявлял себя как крупный государственный деятель, подлинный реформатор. Словно забыв жестокие и порой вздорные дела своей молодости, он приступил к решению важных государственных проблем, среди которых были организация обороны русских земель от набегов печенегов, христианизация Руси, реорганизация управления русскими землями, развитие культуры

и образования.

В народных преданиях, былинах Владимир изображался как князь «Красное Солнышко», организатор богатырских застав, щедрый правитель, жаловавший простых людей многочисленными пирами и подарками, как человек, преданный своим товарищам по оружию, своей дружине, которую он ставил превыше всего.

С течением времени православная церковь объявила Владимира святым, равноапостольным (т. е. равным апостолам раннего христианства).

Глава 4. Эпоха Ярослава Мудрого

§ 1. Основные черты русской истории к началу XI в.

15 июля 1015 г. умер великий киевский князь Владимир I Святославич, четвертый в династии Рюриковичей, прожив немногим более 50 лет. Князь занемог уже давно. Болезнь с каждым днем усиливалась, и становилось ясно, что ближайшее время может породить на Руси очередной династический кризис. Рядом с собой в своем загородном дворце в селе Берестово великий князь держал постоянно одного из младших сыновей, любимого им Бориса, ростовского князя, родившегося, как и другой его сын, Глеб, от византийской принцессы Анны, т. е. в христианском браке. Именно поэтому он рассматривался некоторыми современниками как действительно легитимный наследник престола. Но у Владимира было к этому времени в живых 11 сыновей. Его старший сын от полоцкой княжны Рогнеды Ярослав не собирался отказываться от своих прав на киевский стол. Но был еще Святополк, по рождению старше Ярослава, пасынок Владимира, сын убитого им брата Ярополка.

У каждого из братьев и при дворе, и в тех местах, где они «сидели» на княжениях, была своя партия, были свои дру-

жины, готовые поддержать претендентов на киевский стол. Но пока был жив Владимир, династические противоречия между его наследниками не проявлялись столь остро, хотя уже имелись некоторые признаки надвигавшейся драмы. Так, Святополк, женатый на дочери польского короля Болеслава I, организовал заговор против ненавидевшего его отчима. Вдохновителем заговора стал епископ колобжегский Рейнберн, который прибыл в Киев вместе с польской принцессой. Вероятно, заговор возник в пору обострения польско-русских отношений и упорной борьбы между Польшей и Русью за так называемые червенские города – Перемышль, Червен и др. Но заговорщики, в том числе и Святополк, были схвачены и посажены в темницу, где епископ и закончил свои дни. Святополк же был выпущен на свободу и отправлен на княжение в недалекий от Киева Туров, где находился под постоянным присмотром отца. Болезнь и смерть Владимира вновь всколыхнули все приглушенные было противоречия.

Вместе с Владимиром уходила в прошлое целая эпоха – едва ли не поворотная – в истории Древней Руси. И, как всякая поворотная эпоха, с уходом ее вдохновителя и конструктора она обещала вылиться в новые тяжелейшие испытания и для династии, и для страны. Прошлое еще цепко держало настоящее и будущее Руси.

Ко времени смерти Владимира Русь, пережив немалые потрясения, превратилась в одну из сильнейших держав Во-

сточной Европы. Владимир наследовал вместе с киевским столом по меньшей мере уже вековую и славную историю объединенного государства восточных славян. Четко определились внешние границы этого государства. К началу XI в. в состав Руси вошли практически все крупные восточнославянские союзы племен, а также населявшие Восточно-Европейскую равнину на севере, северо-западе и северо-востоке угро-финские и балтские племена, на юге и юго-востоке – тюркские. Русь к этому времени была уже полиэтническим государством, в котором иные, неславянские, народы были и данниками, и союзниками, и полноправными жителями огромной страны. Сцепленные воедино государственной волей киевских князей, общими жизненными, хозяйственными, торговыми интересами, а также необходимостью обороняться от внешних врагов, многочисленные бывшие восточнославянские и иноязычные племена и племенные конфедерации уже несколько десятилетий существовали в составе единого государства, деля с ним его историю, достижения, успехи и неудачи.

Но это единство было еще непрочным, относительным, как и единство других европейских раннесредневековых государственных образований, скажем сначала Франкского государства, с X в. – Священной Римской империи, позднее – Франции, Германии, Англии, а также Польши, Чехии. Давали себя знать прежние племенные распри, стремление вновь присоединенных племенных конфедераций во главе со сво-

ими крупными городскими центрами к былой самостоятельности. Иноязычные народы еще не стали органической частью страны, нередки были их волнения, колебания, особенно в критические для Руси периоды. Давало себя знать и старинное соперничество Киева и Новгорода за политические влияния на Руси. В X в. одно за другим следовали восстания и подчиненных Киеву земель, бывших ранее племенными конфедерациями. Неоднократно брались за оружие древляне, приходилось подчинять силой «отлагавшихся» вятичей, радимичей. И конечно, камнем преткновения для Киева оставался Новгород, Новгородская земля.

Сложилась парадоксальная ситуация: Новгород неоднократно в ходе становления объединенного государства диктовал свою политическую волю Киеву, но последний попрежнему оставался «матерью городов русских», как назвал Киев, согласно летописи, князь Олег, и посылал в северную столицу своих наместников. Действительно, в 80-е г. IX в. новгородский правитель Олег, собрав огромную армию из северо-западных, восточнославянских, а также иноязычных земель, либо подчиненных Новгороду, либо союзных с ним, захватил весь южный отрезок пути «из варяг в греки», подчинил себе поднепровские города и овладел Киевом. Однако Новгород не стал первым; он остался после этого на позициях второго русского центра и принял владычество Киева.

После смерти Святослава в ожесточенной междоусобной борьбе Новгород и княживший там от имени киевского кня-

зя Владимир Святославич вновь одержали верх над Киевом. Владимир овладел великокняжеским столом, опираясь на те же силы, что и несколькими десятилетиями ранее Олег, – на варяжскую помощь и войско, составленное из жителей северо-западных земель.

И снова, добыв престол своему ставленнику, Новгород остался на вторых ролях. На княжение в Новгород Владимир послал сначала своего старшего сына Вышеслава, а после его смерти – третьего по старшинству сына – Ярослава. Посадив на княжение в Турове Святополка, Владимир тем самым как бы подчеркнул безосновательность династических притязаний пасынка.

Не случайным было это привилегированное положение Новгорода, куда со второй половины X в. посылался наместником старший из княжеских сыновей. Заметим, что определенное время, по некоторым данным, там правил и юный Святослав. И не случайно в объединенном государстве Новгород постоянно, уже в те ранние времена истории Руси, был источником традиционного политического сепаратизма.

Стремясь связать воедино земли бывших племенных княжений и окончательно и бесповоротно подчинить их Киеву, Святослав первым из киевских правителей послал своих сыновей в различные земли восточных славян, заменив ими местных племенных князей. Эту же политику проводил и Владимир, отправивший своих сыновей править не только в Новгород и Туров, но и в Ростов, Муром, к древлянам, во

Владимир-Волынский и даже в далекую Тмутаракань, куда был посажен Мстислав. Но единство существовало лишь при жизни могучего отца, который легко мог свести с княжений любого из своих сыновей, что он, впрочем, иногда и делал. Но как обернется этот новый порядок при новых правителях – этого не мог предугадать никто.

К началу XI в. четко обозначились границы Руси: на севере земли Новгорода вплотную подходили к владениям карелов по берегам Финского залива и озера Нево (Ладожского озера); на северо-западе новгородские и полоцкие земли граничили с владениями балтских племен по среднему течению Немана и Западной Двины. На западе русско-польская граница, по наблюдениям В. Т. Пашуто, стабилизировалась по среднему течению Западного Буга, а далее по линии Дорогичин – Берестье – Червен – Перемышль. «Червенские города» отошли к Руси, а по ту сторону простирались Мазовия и Малая Польша с городами Люблин и Сандомир, далее граница шла по среднему течению Южного Буга, Днестра и Прута. Эта часть границы была скреплена «любами» (договорами) с польским королем. На юге владения Руси упирались в оборонительную систему городов и крепостей, основанных Владимиром в борьбе против печенегов. Эта часть границы была непостоянна, изменчива; здесь шла извечная борьба с кочевниками. На юго-востоке и востоке русские владения доходили до верховьев Дона, Сейма и Сулы, а далее, от верховьев Дона, упирались в рязанские леса. Южнее и здесь

шла степь, откуда постоянно осуществлялись набеги кочевников на черниговские земли. На северо-востоке владения Руси выходили в междуречье Оки, Клязьмы и Волги, где жили вятичи, и подходили к границам Волжской Булгарии. Здесь, в северо-восточном углу Руси, в суровых лесах, вперемежку жили угро-финские племена, которые были своеобразной «исторической прокладкой» между Русью и Булгарией. К концу X в., несмотря на постоянную опасность с юга со стороны кочевников, Русь сумела отвоевать себе форпосты на Таманском полуострове, где появилось русское Тмутараканское княжество, и в устье Днепра, в районе Олешья, где зимовал перед роковым возвращением в Киев Святослав Игоревич.

К началу XI в. Русь, стабилизировав свои границы с соседями и обозначившись как единое, с централизованным управлением, восточнославянское государство, определила и свои долговременные интересы, которые просматривались сквозь первые нападения русских дружин на берега Пропонтиды (земли, расположенные у входа в Босфор) и южное побережье Малой Азии; их прорывы через хазарские посты на Волгу, на Северный Кавказ и в Закавказье, сквозь грандиозные походы Святослава на Восток и Балканы, с попыткой закрепиться на Дунае, а также сквозь тяжелые и длительные войны Руси с Польшей за «червенские города» и постоянное противоборство с карелами, чудью, балтскими племенами.

Из глубокой древности обозначилось стремление Руси к

овладению восточной частью пути «из варяг в греки», стратегически важными землями в устье Днепра и всем юго-западным побережьем Черного моря, которое было ключом, открывающим торговые пути в сердце Европы по Дунаю и через земли Болгарии в Византию и на Балканы. Активную политику в этом направлении проводили Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир. Но если днепровское устье было завоевано и русские владения порой простирались до подступов к Дунаю, то само Подунавье оставалось за семью печатями. В XI в. Русь вступила, так и не решив этой своей внешнеполитической и военно-стратегической задачи.

Не удалось Руси поставить под свой контроль и торговый путь, идущий из Прибалтики через новгородские земли и далее в северо-восточные русские земли на Волгу и Каспий. Ключи от этого пути держали волжские булгары. Кочевники контролировали торговый путь, осью которого были Дон, Азовское море, Волга и берега Каспия, – так называемый Восточный путь, по которому открывались дороги на Восток – в Хорезм, Бухару, к «Железным воротам» – Дербенту, в Закаспий, в Хорасан. Хотя Хазария и государство булгар и были значительно ослаблены Святославом, но постоянная опасность со стороны кочевников не дала возможность Руси закрепиться на восточных путях.

Со времени Владимира во внешней политике Руси четко обозначилось и новое направление – западное: борьба за русско-польское пограничье, позволявшее контролировать за-

падные торговые пути, ведущие в Польшу, Чехию, Германию, и сохранять владычество над славянскими землями в междуречье Западного Буга, Прута, Днестра и Южного Буга. К началу XI в. Русь овладела этими землями, но Польша готова была продолжать противоборство.

Поэтому на всех этих внешнеполитических направлениях, за исключением северо-западного, где Руси противостояли отдельные балтские и угро-финские племенные союзы, для великих киевских князей вся борьба была еще впереди.

X в. явился для Руси поворотным и в смысле развития социально-экономических отношений.

В рамках единого государства, мужание которого происходило в конце IX – начале X в. прежде всего под воздействием борьбы с сильными и опасными соседями, такими как хазары, пришедшие в Европу венгры, позднее – печенеги, социальные процессы развивались быстрее. Этому способствовало и то, что, несмотря на постоянное противоборство с Хазарией и со степью в IX – X вв., Русь не знала столь масштабных и опустошительных нападений со стороны степняков, как в прежние века. Древнерусская государственность стойко вырастала на основе развивающихся новых социальных явлений, под воздействием мощного, но не губительного для Руси внешнеполитического фактора. И в рамках этой крепнущей государственности проходили свою историческую эволюцию разложение родоплеменных отношений и появление первых знаков раннего феодализма. К

началу XI в. этот процесс на Руси стал уже необратимым. Именно в это время общинные земли, по существу, становятся принадлежностью коллективного собственника – государства, которое начинает их отчуждать по своему усмотрению вместе с крестьянами. Процесс разложения общины и появления частной собственности, аллода, ведет к дальнейшему социальному расслоению общины; создаются предпосылки складывания феодальных вотчин.

От X в. доходят первые сведения о формировании земельных владений великих князей – княжеского домена. Аналогичные процессы происходят в отдельных землях Руси, где на верху социальной лестницы оказывается бывшая племенная знать, начинающая прибирать населенные земли к своим рукам. Появляются данные и о том, что княжеские дружинники также становятся владельцами земель. Зарождается и вассалитет, который, однако, в это время был связан не с земельными пожалованиями, а с предоставлением права получения дани с пожалованных великим князем земель. В X в. к сонму верхов Руси, стремящихся к овладению населенными землями, присоединяется и церковь, которая пока располагает лишь правом на государственную десятину – десятую часть сбора от даней, в том числе сельских миров, а также судебных и торговых пошлин.

Однако на рубеже X – XI вв. отдельные земельные приобретения великих князей, местных княжат, бояр и дружинников тонули в море свободного общинного землевладе-

ния; свободный, платящий дань лишь государству смерд был главной фигурой сельского мира Руси. Но факт есть факт: территории, на которых жили свободные смерды, были уже «окняженными», т. е. принадлежащими великому князю как верховному руководителю государства. Сколь скоро свободные общинники могли оказаться в поземельной зависимости от верхушки общества, как в быстро развивающихся западных странах, на этот вопрос могло ответить лишь время, в частности наступающий XI в.

Разложение общины, появление в ее рамках отчуждаемой частной собственности на землю открывали путь дальнейшему социальному расслоению общины, появлению на одном полюсе лиц, имеющих условия для привлечения в своем хозяйстве на добровольной или принудительной основе чужого труда, а на другом – людей, уже лишенных средств производства и попадающих в зависимость к земельным собственникам.

В X в. молодая русская государственность решала в основном вопросы объединения страны, централизации власти, изживания племенного сепаратизма и архаичных форм отношений с подданными вроде «полюдья». Что касается регулирования вновь складывающихся социальных отношений, то это оставалось уже на долю XI в., хотя определенные шаги в этом отношении уже сделали Ольга и Владимир.

Следует заметить, что в этом смысле Русь заметно отставала от передовых стран Западной Европы, но шла вро-

вень (или даже опережая) со странами Восточной Европы, Скандинавии и Балканского полуострова. Скажем, Англия данную стадию раннефеодальных отношений и связанную с этим организацию господствующего класса прошла в VII–VIII вв. Однако темпы формирования феодальной земельной собственности были более быстрыми, а характер поземельных отношений, сложившийся в среде господствующего класса, – более определенный, четкий; поместная система сразу же заняла здесь ведущее место в системе поземельно-служебных отношений. Русские же «кормления» растянулись на долгий срок и лишь в XI в. стали уступать место вассалитету, основанному на земельном пожаловании.

Еще более резкие различия могут быть отмечены при сравнении развития феодальной земельной собственности на Руси и в раннесредневековой Франции. Здесь уже в VI–VII вв. короли, служилая франкская знать, вобравшая в свой состав и родовую и дружинную знать, становятся собственниками земель, скота, колонов, рабов. Расширяются судебные и административные права земельных собственников. Зарождается патронат служилой знати над обедневшими общинниками. Развивается практика отчуждения земельных владений оскудевших семей. Социальное могущество и земельные богатства магнатов увеличиваются. С середины VII в. здесь уже складывается феодальная вотчина с разделением земли на господскую (домен) и крестьянскую (на правах держания).

Русь напоминала раннюю Францию по длительному существованию мощной крестьянской общины. Однако на Руси свободное крестьянство, хотя и являлось частью общерусского войска в масштабных походах, не стало постоянной основой армии, как у франков, поскольку эти походы были лишь эпизодическими. Между тем как франкское общество, как и германское, взросло на перманентных завоеваниях. Именно завоевания и стали в известной мере, наряду с влиянием феодализирующейся античной социально-экономической структуры, материального производства и духовной культуры, доставшейся франкам, лангобардам от античного мира, мощным катализатором и ускорителем общественного прогресса западных «варварских» государств. Бурный мир Запада, полный социальных и политических катаклизмов, не мог не торопить события. Русь в этом смысле не имела экспансионистских стимулов таких масштабов. Потому и рост служилой знати шел здесь более медленными темпами, потому и поместье не было поставлено в повестку дня и крестьянство надолго оставалось в состоянии относительной свободы и не было охвачено так быстро феодальным поместьем, а потом вотчиной, как на Западе. Да и само формирование земельного фонда феодалов на Руси шло в основном за счет экспроприации социальной верхушкой земель разлагающейся сельской общины, а также за счет расхищения ее князьями, дружиной, церковью.

Переломным стал рубеж X – XI вв. и в отношении религи-

озном, в смысле духовного обновления восточнославянского мира.

Принятое Русью на исходе X в. христианство к началу XI в. затронуло лишь верхний слой древнерусского общества. Вековая борьба язычества против христианства закончилась формальной победой последнего. Но это вовсе не означало, что с язычеством было покончено. Напротив, уже введение новой религии в Новгороде показало глубокую приверженность народа старой вере.

И хотя на Руси утверждались новые епископства, множился церковный клир, возводились храмы и в селах, и в городах, большинство населения молилось еще старым языческим богам. Языческие пласты были тем глубже, чем дальше отстояла та или иная земля от центров миссионерской деятельности – Киева, Новгорода, Переяславля, Чернигова.

Главная же трудность для поборников новой религии заключалась в том, что Русь пока еще усваивала лишь внешние формы христианства; овладение его философской сущностью, гуманистическим началом лишь начиналось. Поэтому древнеславянское язычество с его давно и тщательно разработанной системой взглядов, с его изощренной сказочной фантазией, отвечающей как природному окружению, так и натуре восточного славянства, еще гордо несло свою голову и не собиралось так быстро сдаваться. По мере утверждения новой религии и упорного сопротивления религии старой на Руси стал формироваться своеобразный духовный

феномен – двоеверие, которое обещало не только вылиться в синтез двух религий, способствовать не только их взаимному духовному обогащению на чисто бытовом уровне, но и острому соперничеству и ожесточенной борьбе на уровне государственном, политическом. В XI в. Русь вступала полная драматических религиозных и духовных коллизий, которые шли рука об руку с обостряющимися социальными процессами.

Десятый век оставил веку одиннадцатому неравномерность регионального развития страны в области социально-экономической, политической, культурной.

Подобное состояние страны, особенно на начальных этапах истории, было свойственно и другим государствам Европы и Передней Азии, скажем Франции или германским землям, но на Руси эта неравномерность углублялась в значительной мере благодаря огромным пространствам страны. Здесь соседствовали как бы государства в государстве. По сравнению со Средним Поднепровьем значительно отставали в своем цивилизационном развитии северо-восточные земли Руси в междуречье Оки – Волги – Клязьмы, а также северные районы с центром в Белоозере, восточные окраины. И это были не узкие полоски пограничных с соседями земель, а огромные регионы, чье население постоянно увеличивалось и за счет естественного прироста, и благодаря постоянным миграционным потокам, особенно бурным во время вражеских степных нашествий. Тогда население массами

снималось с юга и уходило под прикрытие могучих северных лесов. Конечно, оно приносило с собой привычки, традиции, сноровку тех мест, где христианство, весь уклад жизни были на более высоком уровне, но сразу изменить общую цивилизационную ситуацию в обширных и глухих углах земли оно не могло. Такие различия в уровне развития отдельных регионов Руси оказывали в X в. большое влияние на судьбы страны, но еще большее значение они должны были иметь в период постоянно развивающихся социально-экономических, политических, религиозных процессов уже в рамках XI столетия. Усложняющаяся с каждым десятилетием внутренняя политика Руси, ориентированность этой политики на передовые в экономическом отношении регионы Среднего Поднепровья и новгородской округи должны были неминуемо упереться в стену косности, традиционализма во всех сферах жизни в иных регионах страны.

Наконец, X в. вывел Русь на путь международного признания. Особенно успешными в этом смысле были годы правления Ольги, Святослава и Владимира. Но это было лишь признание Византии, восточноевропейского мира. В орбиту отношений с Русью давно и прочно были втянуты Польша, Венгрия, Болгария, скандинавские королевства, Хазария, Волжская Булгария, т. е. страны, имевшие с Русью общую границу. Однако «большая» Европа, и прежде всего быстро развивающиеся Франция, Германская империя, государства Апеннинского полуострова, была еще вне сферы

прочных международных связей Руси, и киевские правители по мере усиления Руси, возрастания ее роли в восточноевропейском и ближневосточном мире должны были расширять и далее свои внешнеполитические контакты, стремиться к возвышению европейского престижа и к участию в делах всего Европейского региона. В этом плане на первое место постепенно выходили отношения с Германской империей, которая в ту пору являлась средоточием основных нитей европейской политики.

Но сумеречным представлялось будущее Руси в день смерти князя Владимира Святославича. Государство стояло на пороге новой большой междоусобицы, которая становилась традиционной не только для Руси, но и для других стран Европы и Передней Азии, где государственные раннесредневековые институты были еще не прочны и где многочисленные факторы еще отрицательно влияли на состояние государственной стабильности.

§ 2. Вторая междоусобица на Руси. Борис и Глеб – князья-мученики

Как уже говорилось ранее, в пору болезни Владимира выявились определенные династические противоречия, за которыми стояла большая политика, религиозные, княжеские, боярские и дружинные кланы.

Восстал Ярослав Владимирович.

Трудно сказать точно, когда это случилось, до болезни или уже в то время, как великий князь занемог; «Повесть временных лет» лаконично сообщает, что «хотящю Володимиру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего…». Но Владимир разболелся, «в се же время бяше у него Борисъ» – сообщает далее летопись. В. Н. Татищев в своей «Истории Российской», опираясь на летописные известия, расшифровывает последнее глухое упоминание Нестора таким образом: «Борис нареченный отцем на великое княжение», что в принципе не противоречит данным «Повести временных лет», сообщившей, что в это время Владимир приблизил к себе Бориса, посланного ранее княжить в Ростов. И еще одно событие происходит в эти дни: начинается очередной набег печенегов, и Владимир направляет против кочевников именно Бориса, предоставив ему свою дружину и «воев», т. е. народное ополчение. Затем летописец сообщает, что в момент смерти Владимира его старший – приемный – сын Святополк оказался в Киеве.

Таким образом, становится очевидным, что в последние недели жизни Владимира, возможно уже во время его тяжелой болезни, на Руси стал нарастать очередной политический кризис. Связан он был прежде всего с тем, что Владимир попытался передать престол вопреки установившейся традиции одному из своих младших и любимых сыновей, рожденному в христианском браке, – Борису, с чем не смог-

ли смириться ни Святополк, ни Ярослав. Кроме того, оба имели все основания ненавидеть Владимира. Святополк не мог не знать, что его истинный отец, боголюбивый и мягкий Ярополк, погиб от рук отчима. Ярослав же, как и другие сыновья от полоцкой княжны Рогнеды, не мог не знать о кровавой расправе Владимира со всем семейством полоцкого князя во время захвата в 980 г. Полоцка, о насильственном принуждении их матери к замужеству, а также о последующей ее опале и изгнании после появления византийской принцессы в великокняжеском дворце. Сохранилась легенда о попытке одного из сыновей Рогнеды еще в малолетнем возрасте вступиться за мать.

К 1015 г. оба старших сына Рогнеды – Вышеслав и Изяслав – умерли, и теперь старшим среди всех великокняжеских сыновей оставался Ярослав, княживший ранее в Ростове, а затем переведенный в Новгород.

Но вряд ли можно думать, что лишь личные мотивы побудили Ярослава выступить против отца. Дело было, видимо, и в том, что за Ярославом виделась новгородская верхушка, стоявшая на традиционно сепаратистских по отношению к Киеву позициях. Не случайно в источниках сохранилось свидетельство о том, что Ярослав отказался платить Киеву положенную ежегодную дань в 2000 гривен, а еще тысячу собирать с новгородцев для раздачи княжеским людям. По существу, Новгород отказывался нести свои прежние финансовые обязательства перед Киевом. Практически Ярослав

повторял судьбу отца, поддержанного новгородцами и варягами против Киева. Его личные династические амбиции совпали со стремлением Новгорода вновь подтвердить свое особое положение в составе русских земель и, опираясь на варяжскую помощь, еще раз сокрушить Киев. Теперь у Ярослава, который при жизни своих старших братьев не имел никаких шансов на престол, появилась реальная возможность воцариться в Киеве. В этом смысле он также повторял судьбу Владимира, бывшего младшим и «неперспективным» сыном Святослава Игоревича.

Итак, в момент смерти великого киевского князя его официальный наследник был в походе против печенегов; старший из его сыновей, Святополк, опирающийся на своих бояр и часть киевлян, ждал в Киеве развития событий, а действительно старший из его собственных сыновей, Ярослав, уже собрал в Новгороде рать, чтобы выступить против занемогшего отца.

К этому дню Святополку было 35 лет, Ярославу, родившемуся где-то в середине 80-х гг. X в., было около 27 лет. Возраст Бориса установить трудно, но по всем данным он был намного моложе своих братьев, так как христианский брак Владимира состоялся лишь в 989 г. Великая княгиня Анна умерла в 1011 г. Если принять версию о том, что Борис и Глеб родились от византийской принцессы, что косвенно может подтверждаться и стремлением Владимира сделать своим наследником именно Бориса, то можно признать, что в

1015 г. он был в возрасте 20 с небольшим лет. К тому же в ряде источников о нем и о Глебе говорится как об очень молодых людях.

Если Борис был, как бы мы сегодня сказали, «вполне благополучным ребенком», то Святополк и Ярослав несли в своей душе колоссальные личные комплексы.

Святополк был не только приемным сыном Владимира, т. е. человеком, не обладавшим даже формальными правами на престол. Его мать, многострадальная красавица «гречанка», была наложницей Святослава, а потом досталась как военный трофей его старшему сыну Ярополку. Судя по тому, что она была единственной женой Ярополка в то языческое время, можно предположить, что она была любима Ярополком и имела на него большое духовное влияние. Недаром в ряде источников говорится о том, что Ярополк не противился христианам, а некоторые историки предполагают, что и сам Ярополк под влиянием жены стал скрытым христианином, что и обрекло его среди киевской языческой стихии на поражение в борьбе с ярым язычником Владимиром. Затем «грекиня» досталась женолюбивому Владимиру. Можно лишь предположить, какие страсти кипели в детской и юношеской душе Святополка, как он относился к своим сводным братьям, к отцу. Не случайно он оказался в темнице вместе со своей женой-полькой. Теперь наступал его час, и нетрудно было предугадать, что в начавшуюся борьбу он должен был вложить всю свою энергию, весь пыл души, все свои явные

и мнимые обиды.

Под стать ему был и Ярослав, обладавший железным характером отца и бешеной неукротимостью Рогнеды, потерявшей из-за Владимира и свою полоцкую родню, и честь. Не случайно дальнейшая ветвь полоцких князей – Изяслав Владимирович, Брячислав Изяславич, Всеслав Брячиславич – на целых сто лет стала противником Киева. «Рогволдовы внуки» (убитого Владимиром отца Рогнеды Рогволда) в течение долгого времени вспоминали Киеву свои родовые обиды, которые, конечно, были подкреплены и сепаратистскими тенденциями самой Полоцкой земли, державшейся, как и Новгород, несколько обособленно в составе Руси.

Святополк, бывший в час смерти Владимира либо в Киеве, либо в Вышгороде, оставался ближе всех к Берестово. Однако близкие к Владимиру люди, видимо сторонники Бориса, поначалу решили скрыть смерть великого князя, выиграть время и послать гонцов к Борису. Гонцы еще были в пути, а Святополк уже овладел инициативой. Он приказал везти тело Владимира в Киев и, по существу, взял бразды правления в свои руки. Ярослав, как известно, обретался на севере, а Борис скакал по степи во главе княжеской дружины в поисках печенегов. Все данные говорят за то, что Святополк умело распорядился выгодами своего положения. Тело великого князя было доставлено по древнему обычаю на санях в столицу. Его смерть привела народ в горесть и

замешательство. Тут же Святополк начал раздавать горожанам «имение», т. е., по существу, подкупать их, привлекая на свою сторону. Но уже гонцы дочери Владимира и сестры Ярослава Предславы гнали коней в Новгород. Предслава, бывшая скрытой союзницей Ярослава, именно ему спешила сообщить весть о смерти отца и о захвате Святополком власти в Киеве.

Гонцы из Киева нашли в степи, на реке Альта дружину Бориса, который, не обнаружив печенегов, готовился вернуться обратно в Киев. Близкие к Борису люди уговаривали молодого князя повести дружину на Киев и взять власть, завещанную ему отцом. Однако Борис отказался сделать это, то ли руководствуясь нравственными мотивами и не желая нарушать порядок престолонаследия, установленный ранее (именно на этом настаивают древние источники, подчеркивая безупречный, истинно христианский облик Бориса), то ли опасаясь штурмовать Киев, где Святополк уже успел собрать достаточно сил и сплотить своих сторонников.

Говоря о характере Бориса, следует заметить, что он не был таким непротивленцем, каким его рисуют позднейшие источники, созданные уже после канонизации Бориса и Глеба Русской православной церковью. Отец поручил ему командование войском, доверял свою дружину, и уже сам этот факт говорит о многом, во всяком случае может представить нам Бориса, который к тому же долгое время сидел на княжении в Ростове, как решительного и опытного князя.

Получив от Бориса отрицательный ответ, дружина разошлась по домам: для опытных воинов и политиков было ясно, что отныне все люди, близкие к Борису, да и он сам будут обречены.

Святополк не сразу пошел на организацию заговора против Бориса, а лишь после того, как до него дошли сведения, что дружина и «вои» покинули Бориса и он остался на Альте лишь с небольшим отрядом телохранителей, «съ отроки своими». Святополк собрал в вышгородском дворце своих сторонников; там же и был сформирован отряд убийц во главе с боярином Путшей, которые обещали князю сложить за него голову.

Когда отряд Путши поздним вечером появился на Альте, Борис уже был извещен о намерении Святополка убить его. Однако он либо не мог, либо не стал сопротивляться. Убийцы застали его в шатре, молящимся перед образом Христа.

Борис был убит, когда лег спать: нападавшие бросились к шатру и пробили его копьями в том месте, где находилась постель князя. Затем они разметали малочисленную охрану, завернули тело Бориса в шатер и повезли к Святополку. В Вышгороде убийцы обнаружили, что Борис еще дышит. По приказу Святополка верные ему варяги добили Бориса. Так Святополк убрал со своего пути самого опасного соперника, действуя решительно, быстро и жестоко.

Но оставался еще муромский князь Глеб, рожденный, как и Борис, в христианском браке Владимира от византийской

принцессы и бывший теперь единственным законным наследником престола. Святополк направил к Глебу гонцов с просьбой прибыть в Киев, так как отец тяжело болен. Ничего не подозревавший Глеб с небольшой дружиной отправился в путь – сначала на Волгу, а оттуда к Смоленску и затем в ладье в Киев. Уже в пути он получил известие о смерти отца и убийстве Бориса. Глеб остановился и пристал к берегу. Здесь, на полпути к Киеву, на Днепре, и застали его люди Святополка. Они ворвались на корабль, перебили дружину, а потом по их приказу повар Глеба зарезал его ножом.

Смерть юных братьев поразила древнерусское общество. Борис и Глеб со временем стали символами непротивления злу, праведности, добра и мученичества во славу светлых идей христианства. Оба князя были в XI в. объявлены православной церковью первыми русскими святыми, намного ранее княгини Ольги и князя Владимира.

Святополк уничтожил и еще одного из братьев – Святослава, который правил в древлянской земле и, спасаясь от беспощадного Святополка, бежал в Венгрию. Убийцы настигли его в пути.

Теперь друг против друга вновь встали Киев, где окончательно утвердился Святополк, получивший в народе прозвище «Окаянного», и Новгород, где оставался Ярослав Владимирович. Теперь он вел на Киев сорокатысячную рать. Перед тем как выступить в поход на юг, Ярослав, по свидетельству летописи, рассорился с новгородцами. Варяги, появившие-

ся по его призыву еще до смерти Владимира, начали чинить насилия и притеснения новгородцам, и те «иссекли» часть варягов. В ответ Ярослав расправился с «нарочитыми мужами», т. е. видными новгородцами. Каково же было чувство соперничества Новгорода по отношению к Киеву, если даже после этого, получив известие о смерти Владимира и узнав о вокняжении в Киеве после убийства других братьев Святополка, новгородцы откликнулись на призыв Ярослава и собрали значительную рать?! Поистине Север вновь поднялся против Юга, как это было уже не раз в истории Руси. Святополк выступил навстречу Ярославу с киевской дружиной и нанятой печенежской конницей.

Противники встретились на Днепре ранней зимой 1016 г. близ города Любеча и встали на противоположных берегах реки.

Ярослав атаковал первым. Ранним утром на многочисленных ладьях его рать переправилась на противоположный берег. Зажатые между двумя уже замерзшими озерами, воины Святополка пришли в замешательство и вступили на тонкий лед, который стал ломаться под их тяжестью. Печенеги, ограниченные в своих маневрах рекой и озерами, никак не могли развернуть свою конницу. Разгром Святополковой рати был полным. Сам великий князь бежал в Польшу.

Ярослав в 1017 г. занял Киев. В том же году он заключил союз с германским императором Генрихом II против Польши. Однако борьба на этом не кончилась. Святополк Окаян-

ный вернулся на Русь вместе с Болеславом I и польским войском. Решающая схватка произошла на берегу Буга. Ярослав потерпел поражение и бежал в Новгород с четырьмя дружинниками, а Святополк с поляками заняли Киев.

Польские гарнизоны были поставлены в русских городах. Поляки начали «чинить насилия» над людьми. В ответ население стало браться за оружие. В этих условиях Святополк сам призвал киевлян выступить против своих союзников. Тем самым князь пытался спасти собственный авторитет и сохранить власть.

Вскоре против поляков вспыхнуло восстание горожан. Поднялся каждый дом, каждый двор, поляков избивали повсюду, где они попадались вооруженным киевлянам. Осажденный в своем дворце, Болеслав I принял решение оставить столицу Руси. Но уходя из Киева, поляки ограбили город, увели с собой в плен массу людей, и впоследствии вопрос об этих пленных не на один год станет камнем преткновения в отношениях между двумя государствами. Среди тех, кого Болеслав увел с собой, была и Предслава, сестра Ярослава Владимировича. Она стала наложницей польского короля. Ушел вместе с поляками и верховный иерарх русской церкви, знаменитый сподвижник Владимира грек Анастас, оставшийся верным законному правителю. Ушел, взяв с собой все ценности и всю казну Десятинной церкви. В прошлом он являлся херсонесским церковным иерархом, который в период осады Владимиром Херсонеса перешел на его

сторону и помог русским овладеть городом. Как известно, после взятия Херсонеса Анастас перебрался в Киев и стал там иерархом главного собора Руси – Десятинной церкви, церкви Святой Богородицы («и поручию Настасу Корсунянину, и попы корсуньскыя пристави служити в ней»).

Поразительно, что русские летописи, сообщив, пусть и противоречиво, о крещении Руси, кроме этой неясной фразы не обмолвились ни словом о том, какова же была организационная основа русской церкви, ее взаимоотношения с греческой патриархией, кто был первым русским митрополитом после крещения Руси. Все, что мы имеем, – это глухую фразу об Анастасе как главном священнике Десятинной церкви.

Это породило двухвековую полемику в мировой исторической литературе по поводу статуса русской церкви в первые годы после ее образования. Обращалось внимание на отсутствие известий о поставлении митрополита на Руси в эти годы и на то, что лишь под 1039 г. в летописи упоминается первый русский митрополит – грек Феопемт, освятивший Десятинную церковь. В дискуссии отмечалось, что позднейшие русские источники называли в качестве первых русских митрополитов, поставленных после крещения Руси, разных греческих церковных деятелей. Все это были лишь гипотезы. Но никто из историков прошлого не обратил внимания на запись в «Повести временных лет» о бегстве из Киева с поляками Анастаса и, по существу, об ограблении им глав-

ной русской православной святыни. А в этом факте кроется, возможно, ключ к разгадке и статуса русской церкви в первые годы ее существования.

В период утверждения христианства на Руси, как мы видели, Владимир был в значительной степени озабочен тем, чтобы вместе с новой религией на Русь не пришло византийское политическое влияние. Во многом именно поэтому он предпринял военную акцию против Византии на Крымском полуострове, именно поэтому широковещательно крестился в поверженном Херсонесе (что не исключало его первоначального индивидуального крещения и ранее), именно поэтому русы связали воедино крещение и женитьбу Владимира на прибывшей в захваченный Херсонес византийской принцессе Анне. В этой же связи следует рассматривать и вопрос о первом высшем русском церковном иерархе. Им не мог быть митрополит, поставленный из Византии на византийских же условиях. И не случайно на сцене появляется Анастас, который в течение всей жизни Владимира и был, вероятно, главой вновь организующейся русской церкви. Во всяком случае известно, что он являлся главой Десятинной церкви с момента ее появления еще в деревянном варианте в 989 г. и до бегства Анастаса в Польшу в 1018 г. Это без малого 28 лет.

Однако его бегство за рубеж, к врагам Руси, да еще «латинянам», какими воспринимались поляки уже после раскола церквей и, конечно, в пору создания «Повести временных

лет» в начале XII в., являлось тяжким обвинением против первого русского прелата. Вполне возможно, именно поэтому его имя как первого русского митрополита или, во всяком случае, епископа, поставленного Владимиром в Киеве и имеющего статус независимого от Византии иерарха, оказалось скрытым позднейшими летописцами. Митрополит – изменник и вор – это было невыносимо для русского православного сердца. Так и возник в русском летописании вакуум сведений о первом русском митрополите на исходе X и в начале XI в.

Покинув Русь, оставив Святополка в Киеве без поддержки, поляки одновременно захватили и «червенские города». Таким образом, новый узел острых противоречий завязывался в отношениях между двумя странами. В это время Ярослав в Новгороде набирал новую рать. Богатые горожане оказали ему поддержку, пожертвовав большие средства на наем войска. Собрав достаточно сил, Ярослав вторично двинулся на юг. Святополк не стал искушать судьбу. Слишком велико было против него негодование киевлян, не простивших ему привод в Киев поляков. Он бежал в степь к дружественным печенегам.

Соперники вновь встретились в открытом бою в 1018 г. Сражение произошло на реке Альта, неподалеку от того места, где был злодейски убит Борис. Это придало войску Ярослава дополнительные силы. Битва закончилась победой Ярослава. Святополк бежал в Польшу, а потом двинулся да-

лее, в землю чехов, но умер в пути.

Любопытный штрих дает летопись по поводу последних дней Святополка уже во время его бегства за рубеж. Когда беглецы достигли пограничного с Польшей Берестья и остановились передохнуть, Святополк начал подгонять их: «Побегнете со мною, женуть (т. е. гонятся) по насъ». Когда же бывшие с ним дружинники возразили, что погони нет, князь настаивал на своем, и путники вновь двинулись в дорогу. В конце концов Святополк полностью обессилел и был взят на носилки, но и в этом положении он, привставая, продолжал твердить: «Осе женуть, о женуть, побегните» (т. е.: «Вон гонятся, ой гонятся, бегите»). Так беглецы «пробежали» всю Польшу, Чехию, и лишь смерть тяжелобольного, психически надломленного князя остановила этот сумасшедший бег.

В позднейших русских источниках, а также в знаменитом «Слове о полку Игореве» немало досталось проклятий на долю Олега Святославича, внука Ярослава Мудрого, который не раз во время междоусобных войн конца XI – начала XII в. приводил на Русь верных себе половцев. Однако эти печальные лавры Олег «Гориславич», как называет его «Слово», получил в истории незаслуженно. Первым в этом смысле был, конечно, Святополк, который не раз в борьбе с Ярославом Владимировичем водил на Русь печенегов. И позднее, задолго до Олега, этим сомнительным средством в междоусобных войнах пользовались дети и внуки Ярослава Мудрого, и Олег Святославич был лишь одним из них.

Эта одиозная традиция сохранилась на Руси и позднее, когда в XII в. русские князья боролись друг с другом, опираясь на половецкую силу, и в XIII–XIV вв., когда половцев сменили татары, которых не раз водили друг против друга князья уже Северо-Восточной Руси.

§ 3. Борьба Ярослава с Мстиславом Тмутараканским и новое объединение Руси

В 1019 г. Ярослав Владимирович, новгородский князь, четвертый сын Владимира I, вторично и теперь уже навсегда вступил в Киев и сел на русском престоле. Ему было в ту пору немногим более 30 лет.

Но не сразу удалось Ярославу восстановить единство Руси. Смута начала XI в. надолго потрясла страну. И если за четыре года удалось вновь объединить Север и Юг страны, то некоторые окраины оказались неподвластны Киеву, и в первую очередь Полоцкая земля, где правил внук Рогволда Брячислав, и далекое Тмутараканское княжество, где «сидел» один из сыновей Владимира, рожденный в браке от «чехини», – Мстислав Владимирович.

Если с мятежом полоцкого князя, который на короткое время захватил Новгород, Ярослав справился быстро, то отношения с Мстиславом складывались не столь благополучно. Во время междоусобицы Мстислав Владимирович дер-

жался в стороне и укреплял свои позиции на Таманском полуострове. Он проявил себя смелым рыцарем и талантливым полководцем. Пока Ярослав дрался со Святополком, усмирял мятеж Полоцка и пытался, пока безуспешно, вернуть Руси «червенские города», Мстислав прославился своими победами над северокавказскими народами. В летописи даже сохранилась поэтическая легенда (которая, возможно, имеет под собой и некоторые реальные исторические факты) о том, как во время похода на касогов (черкесов) Мстислав вызвал на боевой поединок касожского князя Редедю, сумел одолеть его, обратившись к помощи Богородицы, и, согласно договору между бойцами, овладел землей и «имением» Редеди. По возвращении в Тмутаракань он заложил храм в честь Святой Девы, который стоял в городе и ко времени появления легенды в летописи. Летописец рисует Мстислава красивым, высоким, храбрым, щедрым человеком, который больше всего на свете любил свою дружину.

В 1023 г. между братьями вспыхнула открытая война, которая, по существу, являлась продолжением большой междоусобицы 1015–1019 гг. Мстислав двинулся на север, собрав большую рать и включив в нее отряды из подвластных ему народов, в частности хазар и касогов. Он выбрал удобное время для похода: Ярослав находился в своем любимом Новгороде. Тмутараканская рать подошла под самые стены Киева, но горожане «затворились» и не приняли Мстислава. Не решившись штурмовать столицу, Мстислав отошел к

Чернигову и занял этот стольный город огромной земли, куда входила чуть ли не половина страны, включая всю Северо-Восточную Русь.

Ярослав вновь обратился за помощью к варягам. Он послал к ним гонцов, и вскоре в Новгород вошел варяжский отряд.

Встреча противоборствующих сторон произошла в 1024 г. под городом Лиственом, неподалеку от Чернигова, в кромешной тьме, в дождь и грозу. Характерно, что против ударной силы Ярослава – варягов – Мстислав выставил в «челе» войска, т. е. в центре, черниговскую дружину северян. Именно северяне и приняли на себя удар варягов, а потом при поддержке дружины самого Мстислава стали одолевать их. Ярославова рать не выдержала натиска Мстиславовых полков, и Ярослав вместе с предводителем варягов бежал с поля боя, минуя Киев, в Новгород. Русь снова раскололась надвое. Ярослав сохранил за собой Новгород, Мстислав остался властителем Черниговской и Тмутараканской земель. В Киеве сидели Ярославовы «мужи». Мстислав не решился на захват русской столицы.

Через два года Ярослав, собрав дружину на севере, появился в Киеве. На этот раз братья воздержались от дальнейшего «кроворазлитья» и заключили мир. Русь по этому миру была разделена на две части. Все левобережье Днепра с Северской землей, Черниговом, Переяславлем и другими городами отошло к Мстиславу. За ним оставалась и Тмутара-

канская Русь. Своей резиденцией Мстислав, ставший, по существу, правителем соседнего государства, сделал Чернигов. Под управлением Ярослава остались Киев с правобережными землями, весь Север Руси во главе с Новгородом.

Русь вновь оказалась расколотой. Поэтому фактически о едином государстве, применительно к этому времени, можно говорить лишь условно, хотя в последующие годы братья жили мирно друг с другом.

В начале 30-х гг. XI в. Польшу, как и Русь, потрясла междоусобица. К тому же новый польский король Мешко II ввязался в войну с Германией, не имея надежного тыла внутри страны. Ярослав использовал сложившуюся ситуацию. Как когда-то Болеслав I отнял у Киева во время междоусобных войн на Руси «червенские города», так теперь Ярослав в союзе с Мстиславом нанес удар по польским землям. Практически Русь выступила союзником Германии. Братья собрали большое войско, «повоевали» польские земли, заняли вновь «червенские города», захватили огромный полон.

В 1036 г. Мстислав умер, не имея наследников, а его часть Руси отошла к Ярославу. Так, через двадцать с лишним лет после смерти Владимира I, Русь снова стала единой, а Ярослав, как отметил летописец, наконец стал «самовластцем».

§ 4. Расцвет Руси при Ярославе Мудром

Междоусобица показала, сколь непрочным еще было объ-

единение Руси, сколь сильны были стремления некоторых земель к отделению от Киева. Эти стремления не могли притушить и сыновья Владимира. Напротив, сами они попадали под влияние той среды, в которой жили и правили.

На Руси, которая отличалась своими огромными территориями, по существу, никогда не было и не могло быть прочного единства, как, впрочем, и в других государствах Европы. Уровень различия земель во всех отношениях, но в первую очередь в развитии хозяйства, культуры, во многом содействовал постоянной борьбе окраин против центра, децентрализации страны. Кроме того, к началу XII в. на ее территории проживало 22 различных племени и народа. Они вносили неповторимый колорит в жизнь страны, содействовали складыванию ее культуры, но они же постоянно вели к обособлению отдельных ее земель от центра, стремились к сохранению национальной самобытности, что часто порождало острые конфликты в древнерусском обществе, поскольку Киев рассматривал их как своих подданных и не хотел мириться с волеизъявлением этнических меньшинств.

Став «самовластцем», Ярослав пошел по пути отца. Он послал в крупные города и земли своих сыновей и требовал их беспрекословного повиновения. В Новгород отправился старший сын, Владимир, а после его смерти – следующий по старшинству сын Изяслав. Святославу он отдал под управление Черниговскую землю, Всеволоду – выросший к этому времени в сильную крепость Переяславль. И другие его сы-

новья были посланы в Ростов, Смоленск, Владимир-Волынский.

Воссозданное единство Руси, сосредоточение власти в руках великого князя, подчинение Киеву отдельных русских земель посредством направления туда великокняжеских сыновей-наместников стали той политической основой, на которой развились новые хозяйственные процессы, расцвели города, усложнилась общественная жизнь, развивалась культура страны. Этому способствовало и то, что с середины 30-х и до начала 60-х гг. Русь не видела на своей территории вражеских нашествий, а если и вела войны, то вдали от родных очагов.

Последнее крупное нападение кочевников-печенегов произошло в 1036 г. (до этого Русь уже более десяти лет жила в мире и покое). В это время Ярослав оставил Киев и находился в Новгороде. Видимо, этим обстоятельством, а также тем, что не стало великого воителя Мстислава, и решили воспользоваться печенеги.

Известие о нашествии врагов и о том, что они обступили Киев со всех сторон, пришло к Ярославу в Новгород в то время, когда он был занят обустройством своей земли. Именно в это время он «поставил» в Новгороде сына Владимира, назначил и нового епископа. Великий князь срочно собрал войско, и снова это были варяги, новгородская дружина и новгородские «вои» – ремесленники, смерды. Ярослав сначала пробился в Киев, а затем уже вышел в чистое поле

для решающего сражения. Как обычно, в центре княжеского войска встали ударные силы – варяги, а на фланге выступали киевляне и новгородцы. Весь день длился бой, и лишь к вечеру русы стали одолевать печенегов, и те побежали «розно», т. е. кто куда. Многие из них были убиты, многие утонули в окрестных реках, спасаясь от преследователей вплавь. От этого поражения печенеги так и не смогли оправиться. После 1036 г. их набеги на Русь практически прекратились. В 1037 г. Ярослав в ознаменование блистательной победы над печенегами на месте битвы заложил храм – собор Святой Софии. Он был наименован так же, как и главный собор Константинополя, и в этом была своя политическая символика: Русь как бы подчеркивала свое государственное равенство с великой империей и одновременно свою религиозную и духовную преемственность по отношению к ней.

Этот год стал знаменательным и в другом смысле: по мнению ряда исследователей, в первую очередь А. А. Шахматова, в это время зарождается русское летописание, создается древнейший летописный русский свод. Его связывают со строительством Софийского собора, который сразу становится не только религиозным, но и духовным центром страны. Правда, существует и иная точка зрения, согласно которой первый летописный свод появился на исходе X в. и вобрал в себя древние сказания о походах Олега, крещении княгини Ольги и т. п. Нам представляется, что если такой свод и существовал ранее XI в., то это вовсе не исключает

появления его новой, наиболее полной редакции именно после 1036 г. в связи с объединением Руси, с установлением нового государственного порядка, который нуждался в идеологическом обрамлении. К тому же, вероятно, в это время появился и первый свод законов – «Русская Правда» Ярослава Владимировича. Время возникновения этого памятника исследователи датируют довольно широко: от 1015–1016 гг. (М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков) до 30-х г. XI в. (Б. Д. Греков, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин).

Полагаем, что исторически более обоснована вторая точка зрения. Дело в том, что до 1036 г. в связи с расколом Руси фактически на два государства не мог быть принят общерусский свод законов, так как распространение его норм упиралось бы в политические перегородки. Но это был свод не Ярослава и Мстислава, а одного Ярослава, и нормы распространялись на все государство, а таким оно стало лишь после смерти Мстислава в 1036 г. Относительно того, что там в значительной мере преобладают нормы взаимоотношений жителей Руси с варягами и колбягами, т. е. лицами пришлыми, которые, по мнению приверженцев более ранней даты «Русской Правды», буйно проявили себя именно во время новгородских событий 1015–1016 гг., и жители Новгорода получили от Ярослава в благодарность за поддержку эту грамоту, заметим, что варяги и далее активно участвовали в междоусобице на Руси; они входили в войско Ярослава и во время последующих военных событий сражались на стороне

Ярослава против Мстислава. Так что регулирование их отношений с местными жителями касалось не только Новгорода, но и других местностей Руси. Кстати, это подтверждается и самой «Русской Правдой», нормы которой относятся ко всей территории Руси, не ограничены каким-то одним регионом и действуют на всей ее территории как единого государства, каким Русь и стала после 1036 г. К тому же сомнительно, что в период, наиболее сложный для Ярослава, т. е. в 1015–1016 гг., у него и у его соратников было время и желание для кодификационной работы. Таким образом, и в этом смысле вторая половина 30-х г. стала переломной. Наконец, следует обратить внимание и на то, что в летописи под 1039 г. упоминается впервые имя митрополита Руси Феопемпта.

После горделивой позиции Владимира I, не желавшего мириться с политико-церковным давлением Византии, а потому пытавшегося утвердить собственного ставленника на высший церковный пост в стране, после длительной междоусобицы начала XI в. и раскола страны единого иерарха для двух ее равноправных частей просто не могло быть по политическим соображениям. После 1036 г. объединенная Русь смогла наконец обрести собственного митрополита. Однако в это время положение великого князя было несколько иным, нежели Владимира, поставившего, по существу, в 987–989 гг. Византию на колени. Ярослав Владимирович лишь утверждался как великий князь Руси, он нуждался не только в широкой идеологической поддержке внутри стра-

ны, но и в благожелательном политическом климате за рубежом. Поэтому и последовало приглашение из Константинополя митрополита, что сразу же нормализовало русско-византийские отношения в «послесмутное время» и стабилизировало международные связи Руси.

Все указывает на то, что объединение Руси Ярославом стало поворотным пунктом во многих отношениях. Принятие первого на Руси свода законов, упорядочение церковной организации, начало составления нового летописного свода были теми чертами государственной, религиозной, культурной жизни Руси, которые как бы подчеркнули этот знаменательный поворот.

«Русская Правда», если говорить точно, не являлась абсолютно первым российским сводом законов. До нее существовал «Закон Русский», который упоминается в договорах Руси с Византией X в. Отечественные историки неоднократно обращались к сопоставлению норм «Закона Русского» и «Русской Правды» и выявили, что так называемый «Закон Русский» предшествовал «Русской Правде» и питал ее своими идеями. Делались попытки сопоставить нормы «Закона Русского» не только с «Русской Правдой» Ярослава, но и с византийскими правовыми нормами, а также с некоторыми ранними судебниками «варварских» европейских государств, в частности с Салической правдой франков времен короля Хлодвига (481–511), с германскими правдами – Саксонской, Фризской, Тюрингской, Баварской, Але-

маннской (начало IX в.), а также с англосаксонскими правдами (VII–VIII вв.). Специальное исследование в этой области истории Древней Руси предпринял петербургский ученый М. Б. Свердлов, который путем реконструкций и сравнений выявил, что «Закон Русский», отразившийся в договорах Руси с Византией в 911 и 944 гг., воспроизводил нормы обычного устного права восточнославянских племенных конфедераций, которое регулировало общественную жизнь возникшего на исходе IX в. единого государства Русь. Эти нормы, однако, одной ногой еще стояли на почве разлагающихся родоплеменных отношений, но другой сделали уже шаг в развивающееся раннефеодальное общество с его начавшейся социальной дифференциацией населения, усилением центральной власти. Так, в договорах нашли отражение нормы наказаний за те же преступления, что позднее появились в «Русской Правде». Любопытно сравнение наказаний за убийство. В договоре 911 г. говорится, что если кто-либо убьет «христианина» (т. е. грека) или русина (т. е. жителя Поднепровской Руси), «да умрет» там, где сотворил убийство. Если же убийца убежит, то его имущество (в случае, если это будет «имовитый», т. е. зажиточный, человек) получают ближние родственники убитого, кроме той части, что останется его жене. Если же убийца будет «неимовит» (бедный человек), то его надлежит искать и по нахождении предать смерти. Эта же норма повторяется и в договоре 944 г. В этом случае совершенно очевидно, что дого-

воры воспроизводят нормы кровной мести за убитого, свойственные родоплеменным отношениям, но уже появляется возможность для богатого человека после бегства откупиться своим имуществом. Это черта уже нового нарождающегося общества, где имущественное расслоение дает богатому человеку определенные выгоды. В «Русской Правде» аналогичная статья идет первой; она, естественно, не упоминает греческую сторону, дает обобщающую характеристику русского общества: «Убьеть мужъ мужа…», также допускает кровную месть, но ограничивает ее лишь близкими родственниками (брат, отец, сын, дядя). Если мстителей не окажется, то убийца должен заплатить 40 гривен «за голову».

Таким образом, традиция, пришедшая из родоплеменного быта и зафиксированная в «Законе Русском» первой половины X в. (который также уже допускал возможность откупа за убийство), трансформировалась и подверглась законодательному ограничению в XI в. Любопытно, что лишь в наиболее древней германской правде – Саксонской – сохраняется право кровной мести за убийство, хотя наряду с этим допускается и «вергельд» – штраф, между тем как в позднейших германских правдах речь идет лишь о денежном штрафе. И другие статьи «Закона Русского» и германских правд во многом близки по своему значению, как близки им и статьи «Русской Правды» Ярослава, восходящие к 30-м гг. XI в. За увечье, побои также следовало наказание вирами – штрафами. Первый русский писаный закон, как и правды других

народов, касался прежде всего вопросов общественного порядка, защищал людей от насилий, бесчинств, драк, которых было так много на Руси, особенно в смутные годы.

Сравнение с германскими правдами было предпринято потому, что и Русь, и германские земли развивались в замедленном по европейским масштабам темпе, что было обусловлено рядом общих причин, в том числе отсутствием прямой преемственности с общественными институтами, культурой, юриспруденцией античного мира, о чем уже говорилось выше. И все же по некоторым параметрам германские правды отразили более высокий уровень общественных отношений, чем на Руси, что, кстати, нашло место и в статьях о кровной мести, которая оказалась сохраненной лишь в наиболее архаичной по своим нормам Саксонской правде.

Но в целом «Закон Русский» X в. и древнейшие германские правды IX в. весьма близки по духу. И этот дух близости норм права восточных славян и германцев перешел и в «Русскую Правду» Ярослава.

Характерно, что во всех сравниваемых документах заметна общность подхода к вопросам о зависимом населении: челяди и холопах – в «Законе Русском», сервах и зависимых людях – в германских правдах. Укрывательство бежавшего челядина, серва строго наказывалось во всех законодательных актах и германцев, и Руси. В этих статьях просматриваются черты развивающегося социального неравенства, которое быстро обгоняло само законодательство.

Но заметим здесь, что на Руси с самого начала челяди, холопам законы предоставляли признание определенных прав, в частности право давать показания в суде. Это указывало на то, что общественные отношения в русских землях развивались, как и на Западе, не по сценарию старых рабовладельческих обществ, а по иным законам, законам раннего Средневековья, которые эволюционировали в сторону феодальных отношений. В центре этих отношений стояли зависимый смерд, крестьянин и феодал, фактический пользователь земли, а не раб и рабовладелец.

Общность норм «Закона Русского», «Русской Правды» Ярослава и западных правд, пожалуй, является одним из наиболее весомых аргументов в пользу того, что Ярослав создавал свою «Правду», имея в виду не новгородское общество, а всю Русь, объединенную после 1036 г. «Закон Русский» и западные правды также апеллировали ко всему обществу. Но уже в момент создания нового свода законов, состоявшего из 17 статей, было ясно, что общество стремительно уходило вперед. Нужен был новый правовой кодекс, который бы защитил быстро складывающуюся собственность «сильных мира сего» на землю и связанные с этим материальные приобретения и разного рода общественные преимущества. И такой новый свод законов начал создаваться еще при жизни Ярослава Владимировича.

С большим упорством и настойчивостью Ярослав Владимирович продолжал внешнюю политику своего отца и деда.

Но он расширил ее масштабы, совершенствовал методы проведения в соответствии с растущей хозяйственной, военной, политической мощью государства. Он утвердил власть Руси на западном берегу Чудского озера и вывел русские границы к Прибалтике. Здесь был основан город Юрьев (нынешний эстонский город Тарту). Город получил свое название в честь Георгия – Юрия, таково было христианское имя Ярослава. Ярослав предпринимал неоднократные походы на воинственное балтское племя ятвягов; в летописях упоминается и его поход на Литву. Тем самым Ярослав стремился обеспечить выход Руси к Балтийскому морю, укрепить безопасность ее северо-западных границ.

Еще в 30-е гг. XI в. Русь продолжала успешное противоборство с Польшей. Но после того как были отвоеваны «червенские города», Польша, испытывая давление со стороны Германской империи и Чехии, а также прибалтийских славянских языческих племен, теперь нуждалась в поддержке со стороны Руси. Союз двух государств был укреплен династическими браками: польский король женился на сестре Ярослава Добронеге (христианское имя Мария), а старший сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира I. Русь оказала Польше помощь в войнах с Чехией и прибалтийскими славянами.

На севере Русь связывали тесные дружественные отношения со Швецией. Ярослав был женат на дочери шведского короля Ингигерде. Добрыми были отношения и с Норвеги-

ей, куда была выдана замуж за норвежского короля младшая дочь Ярослава Елизавета.

После долгого периода мирных отношений с Византией Русь при Ярославе начала в 1043 г. новую войну с великой империей. Поводом послужила расправа с русскими купцами в Константинополе.

Большая русская рать под началом старшего сына Ярослава Владимира двинулась на ладьях к Константинополю. Но около западных берегов Черного моря флот попал в бурю, которая разметала и потопила часть русских судов. Около шести тысяч воинов во главе с воеводой Вышатой высадились на сушу, другие морем двинулись обратно.

Узнав об этом, император Константин Мономах приказал преследовать русский флот и уничтожить сухопутное войско. Но в морском сражении русы нанесли поражение грекам и лишь после этого двинулись на Родину.

Судьба сухопутной рати была трагичной. Греки окружили и взяли в плен отряд Вышаты, многих из них ослепили и отпустили восвояси для устрашения Руси. Долго еще по русским селам и городам брели несчастные слепцы, пробираясь к родным очагам.

Лишь в 1046 г. Русь заключила новый мирный договор с Византией. В знак возобновления дружеских связей между двумя странами был устроен брак византийской принцессы, дочери Константина Мономаха, и четвертого сына Ярослава – Всеволода. В 1053 г. у молодой четы родился сын, ко-

торого назвали в честь деда Владимиром, а в христианстве дали ему, как и деду, имя Василий. Это и был будущий великий киевский князь Владимир Мономах.

Этот брак лишь подчеркнул, как вырос за последние десятилетия международный авторитет Руси. Русь поистине стала европейской державой. С ее политикой считались Германская империя, Византия, Швеция, Польша, Норвегия, Чехия, Венгрия, другие европейские страны. На востоке вплоть до низовьев Волги у нее теперь практически не было соперников. Ее границы простирались от Карпат до Камы, от Балтийского моря до Черного. Периметр территории Древней Руси равнялся 7000 км. К середине XI в. там жило около 4 млн человек.

Рост международного престижа Руси подтверждали и династические браки киевского княжеского дома. Все сыновья Ярослава были женаты на владетельных принцессах – Византии, Польши, Германии. Его дочери были выданы замуж за правителей разных стран. Старшая – Анна – за французского короля Генриха I, Анастасия – за венгерского короля Андрея, младшая, красавица Елизавета, – за норвежского короля Гарольда.

Интересна судьба этих женщин. После смерти мужа Анна Ярославна во время малолетства сына была регентшей Франции, Елизавета после гибели на войне короля Гарольда вторично вышла замуж за короля Дании и играла большую роль в европейской политике.

§ 5. Церковь и религия при Ярославе. Митрополит Иларион. Печерские святители

Во времена Ярослава христианская церковь получила на Руси более широкое распространение и приобрела определенный вес в обществе. Этому способствовал и сам великий князь, который, по отзывам современников, отличался большой набожностью, знанием церковных сочинений. При жизни он получил прозвище «Мудрый».

Ярослав заложил великокняжеский монастырь святых Георгия и Ирины – в честь христианских святых, своего и своей жены. Монастыри стали появляться повсеместно и в больших городах, и в сельской местности, знаменуя собой дальнейшее распространение христианства и упрочение роли церкви в обществе.

В середине 50-х гг. XI в. под Киевом возник знаменитый Печерский монастырь. У истоков его создания стоял Иларион, священник великокняжеской церкви в селе Берестово, загородной резиденции великих князей. Иларион был глубоко верующим человеком. Свои молитвы к Богу он возносил в уединении. С этой целью он уходил на берег Днепра, где выкопал себе пещеру в горе, и проводил там долгие часы в молитвах, размышлениях и посте. «Мужъ благъ, и книжникъ, и постникъ», – говорит о нем древний источник.

Именно Илариону принадлежит ряд произведений, написанных в 40–50-е гг. Первое место среди них занимает блестящий памятник идеологии и культуры XI в. «Слово о законе и благодати». По существу, в этом произведении Иларион излагает государственно-идеологическую концепцию Древней Руси, концепцию, которая повлияла на мировоззрение других русских авторов XI в. Совокупно они создали идеологическое обоснование места Руси в мировой истории, определили роль киевской великокняжеской власти в системе мировой государственности, ее значение для русских земель, подчеркнули значение русской церкви.

По наблюдению ряда авторов, «Слово» было написано между 1037 и 1050 гг. Чтобы понять смысл этого памятника и последующих произведений русской письменности второй половины XI в., следует хотя бы коротко охарактеризовать тот исторический фон, в рамках которого возникло «Слово» Илариона.

Начинается «золотой век» Ярославова правления. И закладка нового Ярославова города в Киеве, строительство монументальной Софии, обращение к реформам в области культуры, составление древнейшего летописного свода, появление «Русской Правды» стали замечательным проявлением этого «золотого века». Восторженная хвала Ярославу Мудрому, помещенная в летописи под 1037 г., как бы венчает эту первую крупную русскую летопись. В 1039 г. закончена постройка Софийского собора, и уже в этом году

упоминается первый киевский митрополит Феопемпт. Начиная с этого времени резко активизируется внешняя политика Древней Руси, быстро развиваются ее политические, экономические, культурные, династические (см. выше) связи со странами Запада. Она поддерживает регулярные контакты с папской курией, Польшей, Венгрией, Данией, Чехией, скандинавскими странами, становится участницей крупных международных акций. Новый взлет международных связей Киева относится ко времени правления Всеволода – Владимира Мономаха, чьи матримониальные связи охватывали буквально всю Европу. М. А. Алпатов справедливо отметил, что «в эту пору с днепровских круч Западная Европа была видна достаточно отчетливо». Но одновременно именно с конца 30-х гг. XI в. нарастали острейшие противоречия между Киевом и Константинополем, вылившиеся в 1043 г. в кровопролитную войну между двумя странами.

Отношения между двумя государствами и прежде, в IX – X вв., складывались не просто. Парадоксальность этих отношений заключалась в том, что со времени известных нам противоборств русов с греками каждое новое военное предприятие, каждый новый мирный договор между ними были буквально пронизаны вопросами политического престижа. Русь настойчиво старалась приблизиться по уровню своих политических претензий к политическим вершинам империи; Византия тщательно оберегала свое исключительное политическое положение в тогдашнем мире, держа Русь на

почтительном расстоянии, как и другие «варварские» страны. Договоры Руси с греками, заключенные в 860, 907, 911, 944, 971, 987–989 гг., отражают весь драматизм этих отношений. Каждое такое политическое завоевание давалось с боя. Именно благодаря Византии, политическим, экономическим, культурным, религиозным, династическим связям с нею Русь могла восходить к вершинам международного политического признания. Но именно Византия в течение столетий свято оберегала это свое право, поступаясь политическими прерогативами лишь в крайних случаях, как это было во время походов русов на Константинополь в 860, 907, 941–943 гг., войны 970–971 гг., во время похода Владимира I на Херсонес в 989 г.

Конечно, во всех этих случаях дело вовсе не сводилось лишь к престижно-политическим вопросам. Острые противоречия между странами возникали на почве территориальных притязаний в пограничных регионах (Северное Причерноморье, Крым, Таманский полуостров, Нижнее Подунавье), в сфере торгово-экономической, в области церковно-политической (вопрос об организационных основах русской церкви и ее взаимоотношениях с константинопольским патриархатом), но во всех случаях неизменно присутствовала проблема греческой гегемонии и русского суверенитета, в которых как бы аккумулировались все остальные вопросы. И закономерно, что один из византийских историков, рассказавших о русско-греческой войне 1043 г., Михаил Пселл, в

«хронографии» среди проблем, вечно разделяющих Русь и Византию, называет следующую: «Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами». И дело здесь не в конкретном политическом отношении Руси к Византии, не в борьбе против церковно-политической зависимости от Византии, а в широком историческом взаимоотношении двух стран. Стеснение прав русского купечества, убийство знатного руса, о чем сообщают греческие хроники, стали лишь поводом к войне. Говоря о беспричинности войны, Пселл пишет тем не менее о том, что русы «вспомнили о своей старой вражде к нам и стали мало-помалу готовиться к будущей войне».

Мы лишь отметим, что назревание этой «беспричинной» вражды, затем обострившейся в результате конфликта между русами и греками в Византии, падает на истечение срока так называемого «глубокого» 50-летнего мира, который нередко заключали греки со своими противниками (существовали и 30-летние «глубокие» миры). Так, после похода 860 г. новый конфликт Руси и Византии произошел по истечении 47 лет, следующий – 34 лет. Русско-византийская война 970 г. возникла по прошествии 26 лет после Игорева договора, а война 1043 г. – по истечении 44 лет после соглашения, заключенного в Херсонесе Владимиром. И каждый раз на исходе действия срока такого мира отношения между странами обострялись: Русь, медленно, но верно, насту-

пая и отступая, побеждая и терпя поражения, от договора к договору продвигалась вперед в своих политических, территориальных, экономических, церковно-политических, династических требованиях.

Взлет Руси в конце 30-х гг. XI в. совпал с окончанием действия последнего мирного договора с Византией, заключенного в конце 80-х гг. X в., и это, естественно, накаляло обстановку. Этот накал стал отражением общего хода развития отношений между двумя государствами в течение веков – глубоко противоречивого, порой драматичного. Наступила новая полоса обострения отношений между продолжающей набирать силу Русью и Византией, и это обострение не было снято ни последующим мирным договором 1046 г. между бывшими противниками, ни браком Всеволода Ярославича с византийской принцессой. Поступательный шаг Руси лишь высвечивал политическое высокомерие империи, ее раздражающую близость. Поставление в 1051 г. Ярославом без ведома константинопольской патриархии, а лишь «собравъ епископы», митрополитом русина Илариона только подчеркнуло общую ситуацию. К этому следует добавить и стремление русских властей канонизировать Владимира и тем самым еще раз подтвердить суверенитет и русской церкви, и Русского государства, чему противился Константинополь.

Именно тогда, в 40-е гг. XI в. на Руси впервые возникла концепция о закономерной связи Руси с мировой историей,

с мировыми державами. Вся обстановка XI в. требовала создания таких государственно-идеологических концепций.

Представляется, что в «Слове» Илариона концепция о связи Руси с «мировыми державами» и трактовка Руси как наследницы римского величия, римского царства прозвучали совершенно слитно. Сквозь церковную фразеологию Иларион проводит мысль о равенстве и тождестве действий Владимира I с римскими апостолами. Если Рим хвалит «похвалными гласы» апостолов Петра и Павла, Азия, Эфес и Патмос – Иоанна Богослова, Индия – Фому, Египет – Марка, то Русь славит и хвалит своего учителя и наставника – великого «кагана» Владимира, внука старого Игоря, сына славного Святослава. Языческие князья и «русский апостол» Владимир объединяются здесь не случайно, так как они, правя Русью «въ своа лета», действовали храбро и мужественно, прославились во многих странах своими победами и крепостью духа. А далее следует патетический пассаж о Руси: «Не в худе бо и неведоме земли владычьствоваша, нъ въ Русьце, яже ведома и слышима есть вьсеми четырьми коньци земле».

Как видим, о Византии в этом ряду нет ни слова, но Русь, Владимир сопоставлены с великими римскими вероучителями, а хвала Владимиру идет на фоне прославления подвигов его предков – языческих князей, не раз ставивших Византию на грань катастрофы, и это тоже нельзя признать случайным упоминанием.

Иларион сравнивает Владимира I с римским императором

Константином Великим («подобьниче великааго Коньстаньтина»), потому что киевский князь, как и он, утвердил веру во всей земле, а «не въ единомъ сюборе». Как Константин со своей матерью Еленой принес свой крест из Иерусалима и утвердил веру в Римской империи, так и Владимир со своей «бабою» Ольгой принес крест «от нового Иерусалима» – града Константина и утвердил веру в Русской земле. Его дело продолжал сын – «благоверный каган» Ярослав, укрепивший силу и могущество Руси.

Следует обратить внимание и на такую антивизантийскую тенденцию «Слова» Илариона, как стремление подчеркнуть самостоятельность и независимость решения Владимира крестить Русь. Не Византия, не ее церковные иерархи побудили Русь к принятию христианства, хотя в действительности оно стало одним из условий межгосударственного соглашения Руси с Византией в 987 г., а побуждение свыше, божественное озарение Владимира. В этой версии столь же мало религиозного, сколь и в версии о равнозначности Владимира первым римским апостолам, хотя вся фразеология – чисто церковного свойства. «Приде на нь посещение Вышьняаго, – пишет Иларион. И си слыша, възжела сьрдьцемь».

Эта концепция совершенной самостоятельности решения Владимира принять новую веру лежит в общем русле отвержения византийского приоритета в столь важном для государства деле и апелляции к римским первоучителям. Здесь уже слышится настойчивая мысль о святости Владимира, его

«блаженности», виден прозрачный намек на необходимость канонизации русского первокрестителя.

Не случайно Иларион называет и Владимира, и Ярослава Мудрого каганами, обращаясь к высокому титулу восточного происхождения, равному по своему значению титулу царя, и тем самым подчеркивая высокие политические претензии Руси XI в.

Таким образом, историю Руси, деятельность ее властителей Иларион рассматривает на широком, поистине всемирном фоне. В основе политических и религиозных импульсов Руси находятся римские образцы. Эти же идеи отражались в Древнейшем русском летописном своде, вошедшем составной частью в начальную русскую летопись. Думается, что эта близость русского летописания 30–50-х гг. XI в. к кругу Илариона и определила ту идеологическую направленность, которую летопись сохранила применительно к пониманию места Руси в тогдашнем мире и ее соотношению с историей Рима и Византии. Иларион давал ответ на ключевые запросы времени, запросы развивающейся русской государственности.

Эту линию продолжил позднейший современник Илариона, другой видный автор XI в. Иаков Мних. В своей «Памяти и похвале Владимиру» он, как и Иларион, сравнивает Владимира с римским императором Константином, а Ольгу – с его матерью Еленой. Так же как Иларион, Иаков Мних характеризует Владимира как «апостола», «господня апостола» «в

князехъ», называет его в соответствии с явной тенденцией к канонизации «божественным» и «блаженным». Он, как и его предшественник, настаивает на абсолютной самостоятельности Владимира в принятии решения крестить Русь – «разгорешася святым духомъ».

Те же мотивы относительно княгини Ольги, Владимира мы видим в других произведениях XI в. Источником их также, видимо, является «Слово» Илариона и летописный рассказ о крещении Руси. В принадлежащем перу Нестора «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» Владимир также объявляется «вторым Константином», самостоятельно принявшим решение крестить Русь.

Итак, все первые известные русские авторы едины в своей концепции преемственности Руси с «великими державами» и прежде всего с Римом, сопоставлении Владимира и Ольги с римскими первокрестителями-апостолами, императором Константином, императрицей Еленой. Создается впечатление, что, разделенные немногими годами, они черпали свое идейное оружие либо последовательно друг у друга вплоть до фразеологии, либо, как это предположили историки, и Иларион, и Иаков Мних, и Нестор пользовались Древнейшим сводом, восходящим, как уже отмечалось, к концу 30-х гг. XI в. и принадлежащим, возможно, перу Илариона. Как бы там ни было, но задолго до «Повести временных лет» в Киеве уже существовала концепция о месте Руси в мировой истории и о связи русской церкви и русской

государственности с «первым», но не со «вторым» Римом. И конечно, не прав был Н. М. Карамзин, когда, характеризуя культурно-политические усилия Ярослава, записал, что великий князь стремился превратить Киев во «вторый Царьград». Нет, не о Царьграде грезили в то время русские государственные деятели, идеологи; их волновали более значительные политические мотивы, более древние и глубокие мировые связи.

В полной мере эта тенденция проявилась через несколько десятилетий в «Повести временных лет», вобравшей в себя все ранние русские письменные источники. «Повесть временных лет» не изменила уже сложившейся идеологической традиции прошлого. Она лишь развила, обогатила, укрепила ее.

С именем Илариона связан и первый церковный «Устав» Ярослава, т. е. система церковной юрисдикции, отнесение к ведомству церкви ряда дел, связанных с семейным и брачным правом. Это были нормы, которые помогали формированию семьи, укреплению моногамии в противовес языческому многоженству, освящению частной собственности, повышению авторитета центральной власти. «Устав» вводил запрет на умыкание невест, защищал честь девушки, строго наказывал родителей за принуждение детей к вступлению в брак. Новый церковный судебник защищал честь женщины, давал ей более широкое представительство в суде. Церковь выступала в «Уставе» защитником христианской нравствен-

ности, призывала к гуманизму, умеряла жестокости ранних веков русской истории.

В 1051 г. на общем собрании русских епископов Иларион был избран митрополитом. Он покинул свою пещеру, и она некоторое время пустовала. Но затем в ней появился новый отшельник. Это был монах Антоний.

Еще молодым человеком некто Антипа родом из Любеча побывал в Византии в знаменитом своей святостью и премудростью монастыре на горе Афон. Там он принял монашеский постриг и под именем Антония вернулся на родину с твердым намерением продолжить служение христианской вере и содействовать распространению монашества. Антоний поселился в покинутой Иларионом пещере на крутом берегу Днепра, проводя дни и ночи в молитве. Питался он черствым хлебом, который запивал ключевой водой. Слава о святости и подвижничестве Антония быстро распространилась по округе, и к пещере началось паломничество. Люди приносили отшельнику пищу, просили благословения. Приходил к святому угоднику и великий князь Ярослав, а позднее и сменивший его на престоле старший сын Изяслав Ярославич.

Вскоре около Антония собрался круг отшельников, которые, выкопав большую пещеру, поселились в ней. Это было начало Печерского (от слова «печора» – пещера) монастыря. Монахи добывали собственным трудом пропитание, проводили время в молитвах. Все новые и новые верующие при-

ходили в монастырь. Антоний же ушел из начавшей жизнь обители, выкопал себе новую пещеру, где продолжал жить в уединении до самой смерти, прожив в пещере около 40 лет.

Печерский монастырь продолжал расти, отстраиваться. Монахи перебрались из пещер в кельи, появились церкви. Монастырь завел большое собственное хозяйство, где применялся труд зависимых людей. Ему уже принадлежали окружающие земли, подаренные монастырю великим князем. Слава монастыря особенно возросла, когда его игуменом стал отец Феодосий.

Феодосий отличался ревностным благочестием, глубокой верой в Бога, в христианское учение. В то же время он выделялся твердостью характера, нетерпимостью к инакомыслию. Юношей он ушел из богатого дома в Курске и стал вести отшельнический и подвижнический образ жизни. Никакие уговоры матери, угрозы, попытки посадить его под домашний арест не имели успеха. Как только Феодосий выходил на волю, он сразу же превращался в религиозного пилигрима: одетый в лохмотья и питаясь подаянием, он бродил по Руси. Его появление в пещере Антония было закономерным итогом его странствий и поиска идеалов.

При игумене Феодосии Печерский монастырь стал сильной церковной, а также мощной хозяйственной организацией, он приобрел большой общественный вес. Феодосий выступал за единство Руси, против влияния «латинства», т. е. Западной церкви. Великие князья считались с авторитетом

игумена. Уходя на войну, князь и воеводы просили благословения святого отца.

Такие религиозные подвижники, как Антоний и Феодосий, становились со временем гордостью русской церкви. Из их среды и формировался первый состав русских святых.

Ярослав Мудрый вошел в русскую историю не только как крупный государственный деятель. Он показал себя и как человек, сумевший преодолеть самого себя. Не обладая физической силой, будучи хромым, Ярослав был смелым воином и бесстрашно вел войско в бой. Родившись еще в языческой среде, он стал истым христианином. Отодвинутый историей на задворки, являясь всего лишь четвертым сыном Владимира, он сумел пробиться к великокняжескому престолу и сохранить его в течение почти тридцати пяти лет. Имея полуграмотного язычника-отца и мать, которую Владимир вскоре вместе с детьми отослал из Киева и заставил жить в глуши, он стал одним из образованнейших людей своего времени.

Великий князь в то же время показал себя человеком исключительно разносторонним. Ярослав остался в истории как крупный градостроитель. При нем в Киеве был построен новый «Ярославов город», и Киев намного расширил свои пределы. Были воздвигнуты многочисленные церкви. В то время в Киеве уже числилось около 400 церквей. В честь побед над врагами Ярослав выстроил так называемые «Золотые ворота», поражавшие иностранцев своим великолепием. Его строительный размах выходил далеко за пределы рус-

ской столицы. Он основывал города на Волге и берегах Балтики, на южных границах Руси. Мы уже упоминали и Ярославль, и Юрьев.

Великий князь был ревностным поборником образования, открытия школ, развития грамотности. При нем были созданы первые библиотеки, получила признание и поддержку переводческая деятельность. Многие книги древних авторов, сочинения византийских отцов Церкви и историков были переведены на славянский язык.

Сам Ярослав любил беседовать со знающими и грамотными людьми, охотно встречался со священнослужителями, вел с ними долгие разговоры на богословские темы. Его не случайно называли «Книгочеем» и «Мудрым».

Ярослав Мудрый умер в 1054 г. на 76-м году жизни, в ореоле русской и международной славы, почитаемый тогдашним обществом, любимый своими многочисленными сыновьями и дочерьми. Перед смертью он сам разделил Русскую землю между сыновьями, оставил свой престол старшему сыну Изяславу и наказал остальным не вступать во владения других братьев.

Вторым по значению становился князь, получивший в управление Чернигов, третьим – Переяславль; были поделены и другие стольные города. За каждым из них стояла округа с другими городами и селами.

Кажется, теперь была выработана новая и прочная система единства Руси – передача великокняжеской власти по

старшинству. Старший в роду становился великим князем. Наследие по прямой линии отступило перед патриархальным, чисто семейным принципом. Однако и такой подход к престолонаследию имел свои серьезные изъяны. Великие князья старались передать свой престол не старшим после них братьям, а своему старшему сыну. К то-му же передвижение князей из владения во владение по старшинству не всегда совпадало с желанием населения, что порождало острые общественные конфликты. Наконец, пока были живы сыновья Ярослава, все было ясно. Но после их смерти старший в роду порой вовсе не являлся сыном великого князя. Династия дробилась, что создавало невероятно запутанные ситуации с наследием великокняжеского престола.

А пока же Русь хоронила Ярослава Мудрого, которого Иларион назвал «великим каганом». Ярослава похоронили в его любимом Софийском соборе, на стене которого была сделана многозначительная надпись о смерти «царя нашего». Впервые царский титул прозвучал в применении к русскому властелину.

§ 6. Становление раннефеодальных отношений. Государственная власть. Города. Торговля. Армия

С начала X до середины XI столетия Русь развивалась в сравнительно благоприятных условиях. Создание мощного

государства, объединившего большинство восточнославянских земель, и в первую очередь Среднее Поднепровье во главе с Киевом и Северо-Западную Русь во главе с Новгородом, способствовало освобождению части восточнославянских земель из-под власти хазар. Укрепилась оборона границ. За Русью были прочно закреплены спорные с Польшей «червенские города». Активизировалось наступление Руси на юго-западе, западе, юго-востоке, временами границы Руси подходили к Дунаю. Хазария была сокрушена, а русские поселения появились на Дону и Таманском полуострове.

Стабилизировалась экономика страны, осваивались новые пахотные земли, совершенствовалось земледелие, развивались ремесла, торговые связи внутри страны и с ближайшими зарубежными соседями, появлялись новые городские центры, а многие старые города быстро набирали силу.

Складывающаяся государственная власть способствовала всем этим переменам. В свою очередь прогрессивное развитие страны содействовало стабилизации власти, ее развитию и совершенствованию в связи с запросами времени.

В XI в. во главе Руси, как и прежде, стояли великие киевские князья, которые были уже не первыми среди других князей, а полноправными правителями страны. Прежних мужей племенных княжений именовали боярами. Они составляли верхушку дружинного слоя, старейшую дружину. Низшим слоем была младшая («молодшая») дружина, где состояли люди менее знатные, более молодые. Но и те и

другие являлись слугами великого князя. Они исполняли его различные поручения – в военном деле, управлении страной, суде и расправе, сборе дани и податей, в области дипломатических отношений с другими государствами.

В услужении князя были и личные слуги, личная дружина, так называемые отроки и детские. Все они были членами младшей дружины и в то же время оказывали различные услуги как в великокняжеском дворце, так и в княжеских делах. Дружины, старшая и младшая, прежде выполнявшие чисто военные функции, с конца X в. и в течение всего XI в. все более сливаются с аппаратом управления, превращаясь в рычаг государственной власти.

В городах князь опирался на бояр-посадников, в армии – на воевод, тысяцких, которые также являлись, как правило, представителями видных боярских родов. Так, воеводой был известный боярин Вышата, который командовал сухопутным русским войском во время русско-византийской войны 1043 г. Позднее воеводой стал и его сын Ян Вышатич.

Сам же великий князь пользовался большой властью. Он руководил войском, организовывал оборону страны и направлял все завоевательные походы, нередко как верховный военачальник он шел впереди своего войска. Великий князь руководил всей системой управления страной и судопроизводством. Его власть была разнообразной и комплексной. И чем больше распадались, исчезали остатки старого родоплеменного строя, тем более возрастала роль великого князя и

его аппарата управления в центре и на местах.

В чьих интересах действовал князь? Конечно, прежде всего он выражал интересы верхушки общества – бояр, младших дружинников, богатого купечества, духовенства. Эти люди, эти слои были наиболее близки к княжеской власти, были прежде всего заинтересованы в ней для защиты своих привилегий и доходов. Но эти люди были одновременно наиболее жизнеспособной, динамичной частью общества. Его прогресс осуществлялся в основном их организаторскими усилиями, их личными способностями. Поэтому их союз с властью был естественным и закономерным.

В то же время княжеская власть выражала интересы всего общества в целом, так как осуществляла оборону страны от иноземных вторжений, поддерживала порядок внутри страны, карала за уголовные преступления, насилие против личности, защищала права собственности, на которых держалось и прогрессировало общество. К тому же, несмотря на развитие в обществе социальной розни, в нем еще четко не обозначились отдельные классы, социальные слои. Основная часть общества состояла из лично свободных людей, и княжеская власть выражала их интересы в целом.

На Руси XI–XII вв. одновременно сохранялось еще немало остатков старого строя. Так, в городах при решении важнейших вопросов традиционно собиралось вече, куда приходили все свободные жители. Их волеизъявление имело большое значение при формировании политики великого

князя или его вассалов, стоящих во главе отдельных княжеств. Вече были продолжением старых народных собраний. И хотя на них заправляли в основном наиболее влиятельные, богатые горожане, они сохранили свои народные черты. Судебные разбирательства в сельской местности производились непременно в присутствии представителей местных крестьянских общин. А это тоже говорило о сильных корнях родоплеменного быта.

Да и в самой великокняжеской власти, в порядке ее передачи от одного властелина к другому не было еще стройности и четкого порядка: несмотря на завещание Ярослава, власть в период XI–XII вв. передавалась и по старшинству, и по завещанию, и по наследованию от отца к сыну, и благодаря призванию князя жителями того или иного города – центра княжества. Порой княжеская власть захватывалась и надолго удерживалась силой. Все это свидетельствовало об отсутствии прочного и строгого ее регламентирования, говорило о переходном, неустойчивом характере всего общества.

И все же государственная власть в XI–XII вв. значительно отличалась от первых лет правления Олега и Игоря.

Именно в этих условиях прежние качественные изменения, происходившие внутри родоплеменных отношений, привели к дальнейшему развитию всего строя русской жизни.

Прежде всего все большую ценность приобретала в глазах общества земля с работающим на ней населением. Обла-

дание такими землями сулило получение больших для того времени доходов, усиление личного богатства, мощи, процветания, политической власти, к чему постоянно стремились люди, не только имевшие объективные возможности для этого (княжеская, боярско-дружинная среда, зарождающееся духовенство, богатые верхи городов), но и наделенные от природы определенными свойствами характера – энергией, напористостью, умением быстро ориентироваться в обстановке, способностями к получению знаний, честолюбием, хитростью, жестокостью.

Первым этапом подчинения князем, боярами, дружинниками населения, работающего на земле, было, как уже говорилось выше, «полюдье», а позднее – регулярный и упорядоченный сбор дани с подвластного населения. Лично люди были еще свободны, но они уже попадали в определенную зависимость от государственной власти.

Дань являлась первой известной на Руси формой зависимости населения от государства. Облагались ею и вновь завоеванные и присоединенные к Киеву княжества, и собственное население – свободные жители сельских общин. Все эти земли превращались в даннические, а жившие на них люди – в данников. Происходило так называемое окняжение подвластных земель великому князю, государству, так как получаемая дань шла на нужды не только князя, но и всего складывающегося государства. Государство тем самым утверждало свою верховную собственность на все подвласт-

ные земли. Таким образом, политические права на территорию выражались в притязаниях чисто хозяйственных.

Основу принципа обложения данью составляло наличие в крестьянском хозяйстве пахотной земли. Земля – вот что было главным объектом обложения, земля и хозяйствующий на ней крестьянин.

Одновременно с установлением власти великого киевского князя над всеми восточнославянскими землями шел и другой процесс, о котором уже говорилось выше и который начался еще в период «военной демократии»: обогащение одних и обеднение других, появление в общине богатых землевладельцев и людей, потерявших землю, нищенствующих, вынужденных идти на работу к своим разбогатевшим соседям.

К середине XI в. этот процесс продвинулся далеко вперед. На огромных пространствах Руси, но особенно ощутимо в Среднем Поднепровье, в Новгородских землях все чаще земли попадают в частные руки. Первыми здесь, конечно, были великие князья, представители княжеской семьи. Пользуясь силой, влиянием, они в одних случаях откровенно присваивали себе общинные земли, в других – «сажали» на свободные земли пленных и превращали их в своих работников, строили в личных владениях хозяйственные дворы, собственные хоромы, охотничьи дома, поселяли в этих местах своих управителей, начинали организовывать здесь собственное хозяйство. С ужасом и страхом смотрели рядо-

вые свободные общинники, связанные ранее с князем, с государством лишь тонкой ниточкой ежегодной дани, как все плотнее окружают их владения княжеские земли, как в княжеское хозяйство переходят лучшие пахотные участки, луга, леса, озера, рыбные ловли; как многие из них, обедневшие и не могущие вести собственное хозяйство, оказываются под покровительством князя и превращаются в зависимых от него работников.

Создается, как и в других странах Европы, княжеский домен, т. е. комплекс населенных земель, принадлежащих непосредственно главе государства, главе династии. Такие же владения появляются у братьев великого князя, у его жены, у других княжеских родственников. В XI в. таких владений было еще не много, но их возникновение знаменовало наступление новых порядков, основанных на зарождении земельной собственности и появлении зависимых людей, живущих и работающих на земле, принадлежащей уже не им, а господину.

К этому же времени относится образование собственных земельных владений, личных больших хозяйств бояр и дружинников. Как складывались первые такие земельные приобретения богатой родоплеменной верхушки, мы показали выше. Теперь же, с созданием единого государства, в руках близких к князю бояр, старшей дружины, а также рядовых или младших дружинников, бывших оплотом военной силы князей, появилось больше возможностей для присвоения

как населенных крестьянами земель, так и пустующих участков, которые, заселив, можно было быстро превратить в процветающие хозяйства.

Одним из путей обогащения древнерусской верхушки стало предоставление великими князьями, в первую очередь местным князьям, а также боярам права на сбор дани с тех или иных земель. Мы помним, что свою дань с древлян собирал видный деятель времен князей Святослава, Игоря и Ольги знаменитый воевода Свенельд. Эти земли с правом сбора с них дани давались князьям и боярам как бы в кормление. Это было средством их содержания и обогащения. Позднее в разряд таких «кормлений» перешли и города. А далее вассалы великого князя передавали часть этих «кормлений» уже своим вассалам из числа собственных дружинников. Так зарождалась система феодальной иерархии. Слово «феод» (от *лат*. feodum) означает наследственное земельное владение, которое сеньор жаловал своему вассалу за разного рода службу (военное дело, участие в управлении, судопроизводстве и т. д.). Поэтому одной из главных черт феодализма как системы является наличие отношений между сеньором и вассалом на многих уровнях. Такая система как раз и зарождалась на Руси в XI–XII вв. В это время появляются первые вотчины бояр, воевод, посадников, старших дружинников.

Вотчиной (или «отчиной») называлось земельное владение, хозяйственный комплекс, принадлежащие владельцу на

правах полной наследственной собственности. Однако верховная собственность на это владение принадлежала великому князю, который мог вотчину пожаловать, но мог и отнять ее у владельца за преступления против власти и передать ее другому лицу. К концу XI–XII в. многие младшие дружинники также обзаводятся своими земельными владениями.

С XI в. отмечено и появление церковных земельных владений. Великие князья предоставляли эти владения высшим иерархам церкви – митрополиту, епископам, а также монастырям, церквам.

С течением времени правители стали жаловать своим вассалам не только право владения землей, но и право суда на подвластной территории. По существу, населенные земли попадали под полное влияние своих господ – вассалов великого князя, которые затем жаловали часть этих земель и часть прав на них уже своим вассалам. Выстраивалась некая пирамида власти, в основе которой лежал труд работающих на земле крестьян, а также живущего в городах ремесленного люда.

Но по-прежнему на Руси многие земли оставались еще вне притязаний феодальных владельцев. В XI в. эта система лишь появлялась. Огромные пространства были заселены свободными людьми, жившими в так называемых волостях, над которыми был лишь один хозяин – сам великий князь как глава государства. И таких свободных крестьян-смердов, ремесленников, торговцев было в то время в стране боль-

шинство.

Что представляло собой феодальное хозяйство какого-нибудь крупного боярина, который сам жил на своем богатом дворе в Киеве, находился на службе близ самого великого князя и лишь изредка наезжал в свои сельские владения?

Деревни, населенные крестьянами, пахотные земли, луга, огороды самих крестьян, хозяйственные земли, принадлежащие владельцу всей этой округи, в состав которых также входили поля, луга, рыбная ловля, бортные леса, сады, огороды, охотничьи угодья, – все это составляло хозяйственный комплекс вотчины. В центре владений находился господский двор с жилыми и хозяйственными постройками. Здесь были хоромы боярина, где он жил во время приезда в свою вотчину. Княжеские и боярские хоромы как в городах, так и в сельской местности состояли из терема (высокого деревянного здания-башни), где находились отапливаемое помещение – изба, «истобка», а также холодные горницы-повалуши, летние спальни-клети. Сени соединяли избу и летние неотапливаемые помещения, примыкающие к терему. В богатых хоромах, в том числе в княжеских дворцах, на городских боярских дворах была еще гридница – большая парадная горница, где хозяин собирался со своей дружиной. Иногда для гридницы строилось отдельное помещение. Хоромы не всегда представляли собой один дом, нередко это был целый комплекс отдельных зданий, соединенных переходами, сенями.

Дворы богатых людей в городах и в сельской местности были окружены каменными или деревянными оградами с могучими воротами. На дворе же находились жилища господского управителя – огнищанина (от слова «огнище» – очаг), тиуна (ключника, кладовщика), конюхов, сельских и ратайных (от слова «орать» – пахать) старост и других людей, входящих в состав управления вотчины. Неподалеку располагались кладовые, зерновые ямы, амбары, ледники, погреба, медуши. В них хранились зерно, мясо, мед, вино, овощи, другие продукты, а также «тяжкий товар» – железо, медь, изделия из металла. В хозяйственный сельский комплекс вотчины входили поварня, скотный двор, конюшня, кузница, склады дров, гумно, ток.

От конца XI в. до нас доходят сведения о княжеских и боярских замках, которые представляют собой центры вотчинных владений и являются настоящими крепостями, напоминающими английские и французские баронские земли. Одним из таких замков, который принадлежал внуку Ярослава Мудрого князю Владимиру Мономаху, тогдашнему черниговскому князю, был знаменитый любечский замок, исследованный и воссозданный в макете академиком Б. А. Рыбаковым.

Замок стоял на высокой горе близ старинного города Любеч, бывшего одной из ключевых крепостей в верховьях Днепра. Несколько месяцев строил князь свой замок. Он прислал сюда лучших каменщиков, плотников, кузнецов из сво-

их сел и городов. Тяжкой повинностью легло строительство замка на любечан. От них требовались телеги с лошадьми, землекопы и другие работники. Надзор за строительством князь поручил своему любечскому огнищанину.

Все строительство размещалось на площади в тридцать пять на сто сажен с небольшим (одна сажень = 2,1 м). Стены любечского замка состояли из огромных дубовых бревен, которые укладывались в могучие срубы и забивались глиной. Эту глину притискивали к стенам тяжелыми колодками, которые едва поднимали четверо человек. Между срубами вкапывали в землю сторожевые башни из камня и дубовых бревен.

Въехать или войти на гору можно было лишь по крутому подъему, обращенному в сторону города. Здесь-то и были построены въездные ворота, перед которыми через ров строители перекинули подъемный деревянный мост. За воротами въездной башни шел узкий проезд вверх, огороженный с обеих сторон поднимающейся уступами крепостной стеной. А дальше шли главные ворота крепости и начиналась основная крепостная стена. Если бы враги сумели овладеть первыми воротами и ворваться внутрь прохода, им пришлось бы продвигаться к основным воротам крепости под ударами обороняющихся, которые располагались на уступах стены по обеим сторонам прохода, а дальше они наткнулись бы на могучие бревна основной стены.

Следующие ворота с двумя башнями, стоящими по бокам

от них, пройти тоже было непросто. Выход внутрь замка шел через глубокий и длинный крытый проход с тремя заслонами, каждый из которых, опускаясь, мог преградить путь врагам. Проход кончался небольшим двориком, где размещалась замковая стража. Отсюда был ход на стены. На этом дворике располагались каморки с очагами для обогрева стражи в холодное время. В стенах, огораживающих дворик, было прорезано множество отверстий – клетей, в которых хранились различные съестные припасы – вяленая и сушеная рыба, мед, вина, зерно, крупы. В глубине дворика стражи стояла самая высокая, массивная четырехъярусная башня замка – вежа. Если бы враг все-таки прорвался через замковую стражу, ему пришлось бы миновать на пути к княжескому дворцу эту башню. В ее глубоких подвалах располагались ямы – хранилища зерна и воды. Только миновав вежу, можно было попасть к клетям с едой, заделанным в стене, только через нее шел путь внутрь замка. Именно в этой башне жил огнищанин – управляющий замка. За вежей шел парадный двор, ведущий к княжеским хоромам. На этом дворе стоял шатер для дворцовой стражи. Отсюда же был проложен тайный спуск к стене.

Сам дворец князя весьма походил на настоящую крепость. Он был трехъярусный, с тремя высокими теремами. В нижнем ярусе находились печи, жилье для челяди, клети для всяких запасов. Во втором ярусе располагались княжеские хоромы. Здесь были выстроены широкие сени для лет-

них сборов и пиров, рядом находилась гридница, где могло поместиться за столами до ста человек. Около дворца была срублена небольшая церковь с кровлей, крытой свинцовыми листами. С плоских крыш дворца можно было по бревенчатым скатам спуститься прямо на подходящие вплотную замковые стены.

Замок был приспособлен для мощной и долговременной обороны. Вдоль его стен, кроме клетей с припасами, стояли вкопанные в землю медные котлы для горячей смолы, кипятка, которые опрокидывали на врагов, идущих на приступ стен крепости. Из дворца, из церкви, а также от одной из клетей в стене шли подземные ходы, уводившие в стороны от замка. В тяжкий час по этим глубоким, скрытым от неприятеля ходам можно было тайно покинуть замок.

В таком замке его хозяин и 200–250 человек защитников могли продержаться только на своих припасах более года.

А за стенами замка шумел многолюдный город, где жили торговцы и ремесленники, холопы, разная челядь; стояли церкви, кипел торг. Здесь было все, что нужно для существования княжеской семьи, если бы ей потребовалось укрыться в Любече, в своем родовом гнезде.

Феодальное владение, кроме своей вассальной подчиненности, имело еще одну характерную черту. Оно было неотделимо от труда зависимого населения. На господской земле, будь это земли князя, бояр, дружинников, церковных собственников, трудились жители сел и деревень, на которые

распространялась владельческая власть феодала. За право пользоваться собственными участками пахотной земли, лугами, лесами, реками, которые были отданы великим князем своему вассалу со всеми правами на эти территории, они должны были платить владельцу земли определенные платежи натурой. Дело в том, что торговое и денежное обращение в сельской местности было еще не развито и хозяйство являлось натуральным, т. е. оно потребляло в основном то, что производило. Вот эту «натуру» – зерно, пушнину, мед, воск и другие продукты – жители и должны были предоставлять в виде платежей своему господину. Они также обязаны были исполнять подводную повинность – предоставлять по требованию господина телеги летом и сани зимой, запряженные лошадьми, исполнять различные работы, связанные с починкой дорог, мостов и т. д. Все обязанности, которые ранее население выполняло на великого князя, на государство, теперь выполнялись на нового господина – боярина, дружинника, церковь, монастырь.

Но оставались и общегосударственные поборы и повинности.

Постепенно в сельской местности появлялся слой людей, которые по различным причинам (неурожай, засуха, военные разорения) теряли собственное хозяйство и либо за взятые у господина в долг деньги, либо за помощь в поддержании своего пошатнувшегося хозяйства (ссуда семенами, предоставление тяглого или молочного скота) обязывались

выполнять сельские работы на своего господина – обрабатывать землю, косить сено, собирать урожай, ухаживать за скотом, выполнять другие работы. Такие люди назывались «рядовичами», так как заключали с хозяином «ряд» – договор или «закупами», т. к. брали у хозяина «купу» – долг. Они не могли уйти от господина ранее, чем выполнят условия договора.

На господской земле трудились и пленники, отрабатывавшие свой выкуп, «наймиты», нанимавшиеся за плату; на церковных землях трудились «прощенники» – те, кому были прощены их долги или преступления, или те, кого церковные организации выкупали у государства, скажем воров, заплатив за них необходимые штрафы.

Наиболее неполноправными людьми как в городе, так и в сельской местности были холопы, о которых уже шла речь выше; в XI–XII вв. их стали привлекать к сельским работам, «сажать» на землю и заставлять работать на своего господина. Холопами становилось все больше и больше людей: свободный человек мог продать себя в холопы от великой нужды; он превращался в холопа, если женился на холопке, заранее не оговорив свою свободу; если поступал на службу к господину без специального договора. Холопами становились также дети холопов; проворовавшиеся и нарушившие договор «рядовичи» и «закупы»; в состав холопов попадали и пленники. Сельские усадьбы и городские дворы светской и духовной знати были полны такими людьми, которые испол-

няли многие работы по дому и в поле. И все же русские холопы отличались от рабов в античном мире. Они имели кое-какие права. Их убийство каралось законом. Иногда, в случае отсутствия иных свидетелей, холопы могли давать показания в суде. Церковь стремилась смягчить бесправное положение холопов, что ей и удалось сделать к концу XI – началу XII в.

Новые явления в хозяйственной жизни страны, в становлении новых отношений между людьми нашли отражение в развитии городской жизни на Руси.

Города у восточных славян зародились задолго до возникновения единого государства. Но поначалу это были либо центры племенных княжений, либо места, где стояли языческие боги и находились языческие капища, где славяне-язычники внимали своим жрецам – волхвам и приносили жертвы Перуну. Уже в это время зарождались города как центры наиболее оживленного торгового обмена и ремесленного производства, как укрепленные «детинцы» (замки), стоящие в неприступных для врагов местах – на высоких горах, речных кручах, куда население близлежащей округи сбегалось в случае нашествия врагов.

По мере развития хозяйственной жизни на Руси, совершенствования ремесла, торговли, сельского хозяйства, по мере создания единого государства и затухания прежних родоплеменных порядков городская жизнь стала заметно меняться. Зачахли прежние городки, где жила племенная

знать. Так случилось с центром древлянских земель городом Искоростень, который еще во времена Игоря и Ольги политически соперничал с Киевом. С принятием христианства многие священные языческие места оказались в запустении, а люди, селившиеся вокруг них и обслуживавшие потребности жрецов и верующих, разбрелись по другим краям. Зато набирали силу города, которые стояли на оживленных торговых путях, где оседали купцы, куда тянулись ремесленники, стремящиеся выгодно продать свои изделия.

Однако наибольшую экономическую мощь, богатство, известность приобрели города, которые сочетали в себе целый комплекс наиболее важных городских черт. Они были политическими и административными центрами. Там жили князь, его бояре, размещалась княжеская дружина. Там князь со своими помощниками правил суд, отсюда управлял подвластными землями. Одновременно города росли и расширялись как торговые и ремесленные центры. Здесь же сосредоточивалась религиозная жизнь, стояли наиболее важные храмы княжества, жили и исправляли свои христианские службы митрополит и епископы, стояли крупные монастыри.

В то же время эти города, как правило, занимали весьма выгодные военно-стратегические позиции. Они заключали в себе качества неприступных замков-крепостей, но масштабы их были неизмеримо больше. Такие города были и центрами культуры. В них расцветало искусство, создавались

летописи, организовывались библиотеки. Все это с самого начала формирования крупных городов Руси и определяло городскую жизнь.

Точно так же возникали известные города Западной Европы. Однако развитие их городской жизни определялось еще одной весьма важной чертой, которой не знала Русь. Многие западные города возникали на месте старых римских городских поселений или римских крепостей. Таким центром римского владычества в Британии был, например, Лондон. В таких центрах сосредоточивалось наиболее подготовленное в хозяйственном отношении население, наиболее грамотные люди, военные, юристы. С переходом римских городских центров под власть варваров весь экономический и культурный потенциал этих городов был поставлен на службу новым властям. И хотя варвары в ходе завоеваний, грабежей, разрушений значительно затормозили городскую жизнь прежнего римского общества, все же со временем эта жизнь, даже то, что от нее осталось, вошла в плоть и кровь наиболее крупных западных городских центров – таких, как Лондон в Англии, Кёльн в Германии, Арль, Марсель во Франции и, конечно, многие города на территории Италии, включая последнюю столицу Римской империи город Равенна, да и сам Вечный город – Рим.

Русь не имела этого великолепного наследства и питалась в основном лишь собственными силами, что во многом замедляло русскую городскую жизнь по сравнению с ведущи-

ми странами Запада. Но все же города на Руси возникли ранее, чем в ряде стран Восточной Европы, скажем в Венгрии, Польше, Скандинавии (Швеции и Норвегии).

IX в., время складывания государства на Руси, изживания родоплеменных отношений, стал и рубежом появления всех наиболее крупных древнерусских городов. В X – начале XI в. на Руси насчитывалось уже около 30 крупных городских центров с укрепленными «детинцами», кремлями, площадь которых была свыше 2,5 га. В середине XI – первой половине XII в. таких городов было уже 42, а к середине XIII в. – 62. Среди них выделялись те, которые обладали всеми характерными чертами городской жизни, – Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Новгород, Суздаль, Ростов, Ладога, Любеч, Переяславль, Перемышль и другие. Все они сложились как крупные городские центры именно в IX – X вв., т. е. в период укрепления и развития экономики восточнославянских земель, становления восточнославянской государственности. Все они были обнесены мощными стенами, имели сложную систему укреплений, являлись княжескими резиденциями. Там были княжеские дворцы, административные постройки. Сюда свозились дань, военные контрибуции. Здесь князь творил «суд и расправу», здесь собирались судебные и торговые пошлины. В городах стояли дворы знати, привилегированных богатых горожан.

Значительную часть жителей городов составлял различный торговый люд – от богатых купцов, «гостей», веду-

щих торговлю с другими странами, до мелких торговцев-разносчиков. В городах зарождались купеческие объединения, имевшие свои уставы, общие денежные фонды, из которых оказывалась помощь купцам, попавшим в беду.

В Киеве, Новгороде, Чернигове, других крупных городах Руси находились дворы иноземных купцов. Существовали целые районы, где жили торговцы из Хазарии, Польши, скандинавских стран. Большую общину составляли купцы и ростовщики – армяне и евреи, в руках которых был значительный торговый и ростовщический капитал. Еврейское купечество, пользуясь своими постоянными контактами с сородичами и партнерами-единоверцами в других странах, связывало русские торговые центры не только с ближними, но и с отдаленными частями Европы, включая Англию и Испанию. Армянские купцы осуществляли торговые связи Руси со странами Кавказа и Передней Азии. Немало в русских городах было и торговцев из Волжской Булгарии, стран Востока – Персии, Хорезма и других. И русские купцы были желанными гостями на рынках Константинополя и Кракова, Регенсбурга и Будапешта, в Скандинавии, в прибалтийских и немецких землях. В Константинополе существовало русское подворье, где постоянно останавливались торговцы из Руси. Зная задиристость русских купцов и сопровождавшей охраны, их буйный нрав, византийские власти одновременно допускали в город не более пятидесяти человек, тщательно следя за тем, чтобы с ними не было оружия.

По многим большим и малым городам Руси шумели торги. По широким степным шляхам, по тенистым лесным дорогам, в зимнюю стужу – по ледяной глади замерзших рек к крепостным воротам русских городов тянулись нескончаемые купеческие караваны. В Новгород, вокруг которого было мало плодородных земель, шли возы с зерном; с юга, из Волыни, по всем русским городам везли соль. С севера на юг шла рыба всех видов. Из Киева, Новгорода и других больших городов коробейники развозили по весям и градам изделия искусных ремесленников. В окрестные страны русские «гости» везли воск, скору (пушнину), льняное полотно, разные поделки из серебра, знаменитые русские кольчуги, кожи, пряслица, замки, бронзовые зеркальца, изделия из кости. Нередко вместе с караванами купцы гнали на продажу и челядь – захваченных русскими дружинами во время военных походов пленников, которые высоко ценились на невольничьих рынках Херсонеса, Булгара, Константинополя.

На Русь же отовсюду иноземные купцы везли свои товары: из Византии – дорогие ткани, оружие, церковную утварь, драгоценные камни, золотые и серебряные утварь и украшения; из стран Кавказа, Персии, Прикаспия – благовония и пряности, бисер, который так ценили русские женщины, и вино; из Фландрии – тонкие сукна. Торговали русские купцы с прирейнскими городами, венгерскими, чешскими, польскими землями, откуда шли изделия из металла, а также ору-

жие, вина, кони. Большие пошлины собирали с этой разнообразной торговли как великие киевские князья, так и местные. В торговых делах участвовали и представители княжеских домов: они либо доверяли свои товары купцам, либо имели своих торговых представителей в многочисленных торговых караванах, которые под усиленной охраной шли из русских земель во все концы света.

Каждый город был к тому же центром торговли всей близлежащей округи. К нему тянулись ремесленники из окрестных городков и смерды из сельской местности, чтобы продать плоды своих трудов, купить что-либо необходимое в хозяйстве.

В Киеве главный торг располагался на Подоле, под горой, у впадения реки Почайны в Днепр. У причалов Почайны белели паруса многочисленных кораблей, сновали лодки-однодеревки. В торговых рядах сидели греки и болгары, евреи и поляки, немцы и чехи, армяне и арабы, варяги и скандинавы. Товары лежали на причалах и в амбарах, ими были завалены лавки на площадях Красной и Житной, на улицах, идущих от воды вверх по Подолу. На жердях купцы с севера развешивали песцовые, собольи, куньи меха, греки и арабы развертывали паволоки (дорогие ткани); прямо на земле, на тряпицах, раскладывали драгоценные камни, браслеты, ожерелья.

Весь торг был заполнен изделиями киевских умельцев. Сияла на солнце посуда из серебра, отделанная чеканным

узором, радовали глаз тисненые серебряные колты (подвески к серьгам), золотые украшения с перегородчатой эмалью, украшенные тончайшей сканью серьги, изделия из черненого серебра. Рядами стояли гончарные поделки – кувшины, черпаки, амфоры, корчаги. Сюда же приносили труды своих рук кожевенники и кузнецы, косторезы и плотники, прочий ремесленный люд, чьи слободы, состоящие из рубленых деревянных изб, глинобитных домиков, полуземлянок, сплошным муравейником спускались вдоль склонов Старокиевской горы к берегам Днепра и Почайны. Сотни ремесленных профессий давали на рынки русских городов самую разнообразную продукцию.

На рынках Руси звенели различные монеты. Здесь были и собственной чеканки серебряные гривны и куны, и арабские дирхемы, и византийские золотые номисмы, и немецкие талеры. Но в северной глуши и на степном юге, как и в старину, еще использовали в качестве денежных единиц шкурки ценных зверей, скот. Недаром ведь деньги на Руси с древности назывались кунами, т. е. мехом куниц, что говорило о том времени, когда не металл, а пушнина была в этих краях денежным эквивалентом.

Описание древнерусского города было бы неполным, если бы мы не упомянули о находящихся там храмах и монастырях. В каждом городе стояли свои главные городские соборы. В Киеве это были сначала Десятинная церковь, а потом храм Святой Софии, в Чернигове – храм Спаса, в Новгоро-

де – также по киевскому образцу – рано умерший старший сын Ярослава Мудрого Владимир построил Софийский собор.

В XI в. в Киеве уже существовали кроме Печерского монастыря Выдубицкий, принадлежавший княжеской семье, а также женский монастырь. Монастырская жизнь тесно вплеталась в общий городской уклад.

Помимо главных, кафедральных соборов, где церковную службу вели главы местных церковных приходов – архиепископы и епископы, подчинявшиеся киевской митрополии, или митрополичьей кафедре, в каждом крупном городе стояли десятки других церквей, которые строились князьями, боярами, богатыми купцами, а то и ремесленниками на собственные деньги. Богатые люди близ собственных хором и даже внутри этих хором нередко строили свои домовые церкви, где отправляли религиозный культ только члены их семьи.

Армия, военные люди являлись неотъемлемой частью древнерусского общества, неотделимой чертой жизни русских городов, органической частью уклада великокняжеского дворца, дворцов других князей и бояр.

Прошли те времена, когда против врага поднималось все племя или когда великие киевские князья вели с собой в далекие походы десятки тысяч своих соплеменников, ставя под свои боевые стяги значительную часть мужского населения различных княжений во главе со своими князьями. На долю

этих временных боевых формирований приходилась часть военной добычи и ежегодной дани, уплачиваемой побежденным врагом. На их долю приходились и тяжкие поражения и тысячи смертей, обескровливающие развивающуюся страну.

С созданием сильного и относительно единого государства военное дело оказалось в руках профессиональных воинов, для которых война стала смыслом жизни. Профессиональные воины служили князю и находились на его содержании. Для старшей дружины это, как уже говорилось ранее, была раздача «кормлений», позднее земель, для младшей – содержание на довольствии, выплата денег, части захваченной добычи и т. д.

Дружина отныне становилась ядром армии, наиболее сильной и хорошо вооруженной частью княжеского войска. У киевского великого князя дружина насчитывала от 500 до 800 человек. Эти воины передвигались либо на конях, либо в быстрых и легких ладьях по рекам и морям. Вооружены они были мечами, копьями, саблями. На голове у них были «шишаки» – изящные остроконечные шлемы; щиты, броня или кольчуги защищали их тела. Каждая дружина дралась рядом со своим князем, а князь или боярин сам руководил во время боя своей дружиной. Во время рукопашных схваток специальные телохранители оберегали князя, защищали его своими щитами и телами от вражеских сабель и стрел.

Но дружина была лишь частью древнерусского войска. Другой его частью был «полк», простые «вои» – смерды и ре-

месленники. Великий князь и другие князья привлекали их к военной деятельности либо тогда, когда государству, всему населению грозила смертельная опасность, как это бывало во время страшных набегов печенегов, а позднее половцев, либо тогда, когда вся Русь поднималась на большой поход, как это было во время войн с Византией, Польшей, Хазарией. В этом случае горожане приходили в «полк», где они делились на десятки и сотни во главе со своими десятскими и сотскими. Сельские жители являлись в «полк» во главе со своими старостами и тоже затем делились на десятки и сотни. Всем «полком» командовал, как уже говорилось выше, тысяцкий. Вооружение «воев» было попроще: лук, колчан со стрелами, копье либо тяжелый боевой топор, который пробивал насквозь крепкую броню; у каждого на поясе был нож на случай рукопашных схваток. Броню «вои» не носили. Она была слишком дорогой. Кольчуга была тоже редкостью. Зато щиты имелись в руках у каждого.

Войско выступало в поход под княжескими знаменами. Трубачи трубили поход. Впереди ехал князь, за ним гарцевала дружина, далее шли пешие «вои». Следом тянулся обоз, в котором находилось сложенное до времени вооружение воинов и съестные припасы. Незадолго до битвы воины разбирали «брони» оружие, готовили его к бою.

Сражения нередко начинались с поединка богатырей, которых выставляла каждая сторона. Успех своего богатыря исторгал из уст войска восторженный крик, и воодушевлен-

ные воины бросались в атаку. Таким был поединок Мстислава с касожским князем – богатырем Редедей. В одной битве с печенегами в период Владимира Святославича русский богатырь, простой кожемяка, во время поединка броском наземь убил печенежского силача. После этого русичи ударили по врагу и победили.

Во время боя все войско, как правило, разделялось на «чело» – центр, где находились самые надежные воины, могущие выдержать удары вражеской конницы: пешие, вооруженные щитами, копьями и топорами. На правом и левом «крыльях» располагались конные воины, княжеская дружина. Задача «крыльев» заключалась в окружении противника и нанесении ему ударов с флангов после того, как «чело» выдержит удар врага.

Нередко поодаль от основного войска вместе с русами в поход выступали наемные или союзные иноплеменные войска: варяги либо отряды дружественных кочевников – торков, берендеев. Привлекали киевские князья на службу тех же печенегов, а позднее половцев. Летописец с осуждением писал о тех случаях, когда русские князья водили в походы кочевников против своих же соотечественников.

Наемники и союзники, как правило, не сливались с русским войском, подчинялись своим командирам. В случае неудач они нередко бежали с поля боя, оголяя фронт.

Если русское войско отправлялось на штурм вражеской крепости, то в обозе находились специальные осадные при-

способления – тараны (огромные бревна, обитые железом), камнестрелы, приступные лестницы, вежи (передвижные деревянные башни).

§ 7. От языческих мятежей к социальному протесту

Вторая половина IX и X вв. в русской истории стали временем грандиозных перемен, и в первую очередь в сфере социально-экономической и политической. Наступление частной собственности и частного собственника на свободный мир прошлого круто менял судьбы людей. Принятие Русью христианства означало начало крушения старой языческой веры, которая долгие века господствовала в душах и умах людей.

Все эти перемены проходили почти синхронно, хотя их темпы по сравнению с рядом западноевропейских стран были замедленными в силу общих геополитических причин развития восточно-славянских земель. Но к концу X – началу XI в. они становились все более и более ощутимыми, вносили совершенно иные краски в жизнь сотен тысяч людей. Особенно болезненно эти перемены выявлялись в периоды острых общественных потрясений – тяжких княжеских междоусобиц, иноземных нашествий, стихийных бедствий – засух, голода, пожаров. В эти дни обострялись обычные беды, всплывали старые обиды, несчастья сплачивали людей

на почве общих интересов, ненависти к тем, кого они считали виновными за все свои горести и унижения.

Долгое время в нашей науке господствовал классовый подход к общественным явлениям, выдвинутый на первый план марксизмом. Именно этот подход призван был объяснить течение истории борьбой антагонистических классов в обществе, хотя, думается, основоположники марксизма как подлинные диалектики вовсе не стремились найти простейшую логическую отмычку, которая объясняла бы все сложнейшие перипетии общественной жизни от глубокой древности до современности. И такую отмычку спроецировали уже их так называемые последователи, которые борьбу сделали смыслом и своей жизни. И как объяснить нарастание общественного противоборства в Древней Руси в то время, когда классовая структура феодального общества лишь складывалась и когда совсем иные мотивы поднимали людей на общественное противоборство. Причем социальный мотив был лишь одним из многих, что влиял на общественное поведение людей.

Человеческая природа, человеческая жизнь и человеческое общество устроены так, что противоречия между отдельными людьми, между спаянными одними интересами группами людей, между целыми сословиями и классами неизбежны. Неизбежность этих противоречий объясняется многими причинами. Во-первых, тем, что люди от рождения отличаются разными способностями. Это не позволяет им

одинаково воспринимать мир и при равных условиях обретать равные возможности. Во-вторых, неравенством самих этих условий, определяемых социальным положением людей (князь, дружинник, смерд), в которых даже более одаренные по рождению вынуждены занимать низшие ступени общественной лестницы. В-третьих, сочетанием различных жизненных ситуаций, в которых люди проходят свой жизненный путь. По существу, судьба каждого человека неповторима, как неповторим и он сам. Человек весьма редко осознает свою истинную ценность, которая определяется как его врожденными способностями, так и объективными условиями его существования и тем самым объективными возможностями его самовыражения. Зато каждый человек, даже весьма ограниченных умственных способностей, прекрасно понимает и ощущает превосходство другого, и в первую очередь в сфере общественного положения. Именно это во многом сближает весьма разных людей в большие группы по интересам: в одном случае по ущемленным интересам, в другом – по защите своего уже завоеванного привилегированного положения. Так было всегда, во всех обществах, так будет и впредь, пока будет жив человеческий род.

Но это вовсе не значит, что люди находятся в постоянной борьбе друг с другом. Люди, группы, сословия, классы нуждаются друг в друге, и в то же время индивидуальные интересы людей, их общественные интересы порой прямо противоположны. Личные интересы человека – двигатель общества,

но интересы людей одновременно являются взрывоопасным «материалом», который может это общество взорвать, если накал противоречий переходит в накал страстей, которые усиливаются в том случае, если они овладевают большими массами, чьи интересы совпадают.

Древняя Русь не была в этом смысле исключением. Людские интересы, людские противоречия выражались на всем протяжении ее истории и вполне соответствовали материальному и духовному уровню развития тогдашнего общества.

Первые крупные общественные схватки в зарождающемся государстве возникли тогда, когда Киев подминал под себя другие племенные княжения. Древлян, вятичей, другие племена сплачивало желание отстоять свою независимость и свободу. И здесь сходились интересы, скажем, древлянского князя Мала и безвестного древлянского смерда. Несколько раз поднимали в X в. восстание против Киева древляне, вятичи; самостоятельный путь своего развития искали полочане. Племенной сепаратизм был главным общественным чувством, которое объединяло людей и поднимало их на борьбу.

К концу XI в. Русь, кажется, более не тревожили племенные или региональные распри и ничто не нарушало ее внутреннего государственного покоя. Но это было обманчивое впечатление. Да, пожаров вроде племенных восстаний больше не было, но угли политического сепаратизма, который уходил еще в прошлую племенную жизнь, тлели постоянно.

Это чувствовалось в постоянной угрюмой настороженности вятичей, в особой позиции Полоцка, который десятилетиями, из поколения в поколение своих князей Рогволдовичей, вел нескончаемую войну с Киевом, и в извечной оппозиции Новгорода, не забывшего свои былые вольности еще варяжской поры.

По мере развития общественных отношений на Руси, появления богатых и бедных, складывания княжеско-боярско-дружинной верхушки, начала ее наступления на земли свободных крестьян племенной сепаратизм отступал в тень. Но другие противоречия выходили на первый план.

С конца X в., со времени введения христианства на Руси, появились противоречия между теми, кто был предан старой языческой вере, и носителями идей христианства. Язычество было сильно, как уже говорилось, на севере и северо-востоке страны. Именно на новгородском севере, на вятичском северо-востоке вспыхнули первые пожары неповиновения. Нежелание принять христианство в качестве новой религии шло рука об руку со старыми племенными традициями. А обострявшиеся социальные отношения, потеря частью населения свободы, повышение налогового гнета со стороны государства и частных владельцев лишь осложняли общую обстановку в этих частях страны.

Ряд мятежей произошел в связи с введением христианства на Новгородской земле.

В 1024 г. на северо-востоке страны, в Суздальской земле,

произошло новое выступление народа. Это было время большого голода. Среди населения прошел слух, что богатые люди скрывают хлеб. Люди бросились во дворы богачей, стали избивать их и разыскивать хлеб. Во главе движения встали волхвы – языческие жрецы. Так в этом мятеже сплелись мотивы социальные, религиозные и племенные. Потребовалось вмешательство самого́ великого киевского князя Ярослава. Он явился в Суздальскую землю с дружиной, схватил и казнил руководителей мятежа – волхвов, утихомирил край.

В 1068 г. в Русской земле произошло еще одно крупное общественное потрясение.

Все началось с поражения от половцев русского войска, которым командовал сам великий князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, и его братья Святослав и Всеволод. Разгромленная и потрепанная в открытом бою княжеская дружина заперлась за киевскими стенами и со страхом ждала появления врагов. Именно в это время началось брожение среди горожан. Они требовали у князя оружие и были готовы защитить город. На горе горожане собирались кучками, в толпе говорили, что князья их предали, что воевода Коснячко нарочно не дает им оружие, опасаясь, что оно повернется против богатых людей. Ремесленно-торговый Подол гудел. Там шло нескончаемое вече. Люди требовали освободить из тюрьмы вероломно захваченного сыновьями Ярослава их соперника, неустрашимого воина и талантливого полководца полоцкого князя Всеслава. Народ требовал поста-

вить его во главе войска в борьбе с половцами. Одновременно раздавались голоса о злоупотреблениях княжеских воевод и управителей, о притеснении народа, несправедливых поборах. На Подоле восстали холопы и растерзали бывшего в Киеве новгородского архиепископа Стефана, который пытался их унять. С Подола сотни людей двинулись к княжескому дворцу, ко двору ненавистного воеводы Коснячко. Другая часть направилась к тюрьме, где томился полоцкий князь Всеслав.

Восставший народ захватил и разгромил многие дворы княжеских бояр и воевод. Княжеский дворец был окружен возбужденной толпой. Близкие к Изяславу люди советовали князю послать воинов к тюрьме и убить Всеслава, но князь колебался. Время было упущено. Народ пошел на приступ дворца. Великий князь, его брат Всеволод со своими чадами и домочадцами, среди которых был и будущий великий киевский князь, пятнадцатилетний Владимир Всеволодович Мономах, бежали.

Толпа разгромила и разграбила княжеский дворец. Оттуда было унесено много золотых и серебряных изделий, дорогие меха. Князь Всеслав был освобожден из тюрьмы и возведен восставшим народом на киевский стол. Изяслав бежал в Польшу.

Семь месяцев правил в Киеве Всеслав – избранник народа. Но прежние правители Киева не сдавались. К этому времени Святослав Черниговский, брат великого князя, разгро-

мил половцев и обезопасил на время русские границы. Изяслав собрал в Польше большую рать и двинулся на Киев, вместе с ним шли польские отряды. Всеслав с киевлянами выступили навстречу. Войска сошлись близ самого Киева. Но битва не состоялась. В канун ее, ночью, Всеслав тайно покинул киевлян и бежал к себе в Полоцк. Оставшееся без вождя войско побежало. Вскоре войско Изяслава было уже около стен Киева. Восставший город открыл ворота великому князю и повинился.

Но Изяслав не сразу вошел в город. Сначала он послал туда своего сына Мстислава с дружиной. Тот учинил жестокую расправу над мятежниками, убил около 70 горожан – зачинщиков бунта, тех, кто участвовал в освобождении и возведении на престол Всеслава, часть мятежников он приказал ослепить, иных же наказал, даже не проведя расследования. Город был повержен. Лишь после этого Изяслав вступил в Киев. Тут же он послал войско в Полоцк и занял его. Всеслав бежал из города в леса.

Так закончилось это первое крупное восстание на Руси, в котором уже просматриваются социальные мотивы. Новые заботы начинают оттеснять на второй план прежние племенные и религиозные интересы.

Пламя мятежа, охватившее Киев, распространилось и на другие русские земли. Бунтовали смерды вокруг самого Киева. Отказывалось платить дань и налоги население Смоленской земли. Поднялся народ в далеком Белоозере. Отту-

да смятение перекинулось в Ростово-Суздальскую землю, в край вятичей. Мятеж возглавили здесь два волхва, которые призывали простых людей к расправе над имущими.

Были разграблены житницы, амбары, медуши богатых людей. Отряд восставших насчитывал около 300 человек. Потребовались немалые усилия со стороны властей для подавления мятежа. Волхвы были схвачены и убиты великокняжеским воеводой Яном Вышатичем.

В Новгороде в 1071 г. начался мятеж, направленный против архиепископа и христианской веры. И снова волхв встал во главе восставших. По существу, город разделился надвое. На епископском дворе стояла княжеская дружина. Весь остальной город оказался в руках восставших. И только убийство волхва во время переговоров помогло обезглавить восстание и рассеять восставших.

Лишь к 1072 г. на Руси был восстановлен порядок, и трое Ярославичей – Изяслав, Святослав и Всеволод – приняли меры по «успокоению» земли. Жестокие кары, обрушившиеся на мятежников, были лишь частью этих мер. Другой частью стала разработка нового законодательства, так как старая Ярославова «Русская Правда» уже не отвечала запросам времени.

Вопрос о том, когда возникли статьи, продолжающие и дополняющие «Древнейшую Правду» Ярослава, является спорным. Большинство исследователей полагали, что эти статьи появились на свет именно после восстания 1068 г. Ос-

новой для этого послужила запись перед статьей 18 о том, что последующие статьи, вплоть до статьи 41, – это Правда, «уставленная русской земле», когда собрались три сына Ярослава Мудрого – Изяслав, Святослав и Всеволод, а также видные киевские вельможи и среди них – воевода Коснячко. Обращалось внимание на то, что Ярославичи могли собраться вместе не позднее 1073 г., когда младшие братья, согласно летописи, выступили против киевского князя Изяслава. Триумвират распался. А это значит, что крайней датой создания «Правды Ярославичей» является 1072 г. Таким образом, дальнейшая разработка «Русской Правды» связывалась именно с событиями 1068–1071 гг. Но имеется и иная точка зрения, которая утверждает, что продолжение и развитие «Древнейшей Правды» состоялось еще при жизни Ярослава Мудрого, т. е. до 1054 г. На это, в частности, указывает то, что следующая за статьей 41 статья 42, «Покон вирный», т. е. закон вирникам, княжеским сборщикам штрафов, определяющий их содержание, во-первых, установлен самим Ярославом, а во-вторых, она близка по духу предыдущей статье, где также говорится об отчислениях от штрафов на содержание других княжеских слуг. Что касается записей о собрании Ярославичей, то они, возможно, попали в Правду ошибочно. Но вполне вероятен и еще один вариант времени появления «Правды Ярославичей»: она была замыслена и разработана при самом великом князе Ярославе, а получила завершение уже после его смерти. Тем более мы тщетно искали бы в ее

тексте прямое отражение грозных событий 1068 г.

В то же время среди аналитиков «Правды Ярославичей» нет разногласий в том, что она отражает защиту княжеской домениальной собственности, о которой говорилось выше, так как наказания и штрафы положены именно за действия против княжеских слуг – огнищанина, тиуна, княжеского сельского старосты и других. Но в то же время новая «Правда» карает за нарушение имущественных прав и личной безопасности жителей страны в целом. Статьи нового закона носят обобщающий характер, они имеют в виду вовсе не экстремальную ситуацию – восстание горожан против князя и его близких людей, а ситуацию, так сказать, повседневную, обыденную. Суровые наказания устанавливались за разбой, поджог, убийство, увечья, кражи, нарушение межевых знаков. Но это были случаи, связанные не с какими-то уникальными общественными явлениями, а с постоянным функционированием господского хозяйства. Государство стремилось поддерживать порядок, защитить собственность состоятельных людей. Характерно, что вторая «Русская Правда» уже не имеет норм, отражающих право кровной мести. Убийство почти во всех случаях заменяется высокими вирами. В этом смысле новый закон был значительно ближе западным Правдам, где также кровная месть заменялась штрафами. За убийство княжеских огнищанина и тиуна полагался штраф в 80 гривен, за убийство княжеского сельского или ратайного старосты – 12 гривен. Но если огнищанин будет убит у клети,

конюшни или скотного двора, т. е. при защите собственности, убийцу следовало убить «в пса место» (как собаку). Вора можно было убить лишь в ночное время на месте преступления. Любопытно, что в Баварской правде и в Саксонской правде германцев также разрешалось убивать вора на месте преступления в ночное время. Штрафы были установлены за покражи собственности, скота, птицы, нарушение бортных владений, запашки чужой земли и т. д.

Особо оговаривались, как и в Салической правде франков, в германских правдах, наказания за кражу и укрывательство холопов. Но не надо думать, что новая «Русская Правда» заботилась лишь о власть имущих. В ней были и статьи, защищавшие право на жизнь и собственность любого жителя Руси. Так, за убийство смерда или холопа полагался штраф в 5 гривен. Наказание назначалось не только за убийство княжеского коня (3 гривны), но и за убийство коня смерда (2 гривны). Вводился новый порядок судопроизводства, появился институт свидетелей и свидетельских показаний.

Новый государственный закон отразил не только развитие новых социально-экономических отношений в стране, но и возросший уровень самой русской государственности.

Глава 5. Русь на перепутье

§ 1. Междоусобица на Руси в 70-е гг. XI в.

Наступил 1073 г., и новая междоусобная борьба за власть началась на Руси. На этот раз распря произошла между сыновьями Ярослава Мудрого. Период их мирного совладения Русской землей длился с 1054 по 1072 г. Народные волнения конца 60-х – начала 70-х гг. XI в., появление на киевском столе полоцкого князя, бегство Рюриковичей из Киева нарушили государственную стабильность, которая существовала на Руси в последние годы жизни Ярослава и в течение двух десятков лет правления его сыновей.

Общая политическая ситуация обострялась и в связи с новой серьезной внешнеполитической опасностью: место печенегов заняла новая волна половцев. Они пришли в причерноморские степи тем же путем, что и некогда печенеги. Половецкие орды перевалили через Волгу, появились на Дону, заняли бескрайние степи между Доном и Днепром. Половцы отогнали печенегов на запад и, преследуя их, дошли до византийских сторожевых крепостей на Дунае.

В 1061 г. половцы впервые подошли к русским границам. К этому времени их напор на запад ослабел, и они принялись обживать огромные пространства, раскинувшие-

ся между Доном и Дунаем. Главные их кочевья расположились между Дунаем и Днепром. Но были еще и причерноморские половцы, кочевавшие от Днепра до нижнего Дона. Другие половецкие орды кочевали по реке Донец, по обоим берегам Дона.

От пастбища к пастбищу, от одной земли к другой передвигались половецкие орды, все сокрушая на своем пути.

Зимой они уходили к югу, поближе к теплым черноморским берегам, а летом постепенно перемещались на север; их стада тучнели в ковыльных степях, и половцы подходили к самой кромке южнорусских земель. Осенью же, когда кони были сыты, начиналась пора набегов. В поход поднимались все взрослые половцы. Их конные лавины внезапно возникали перед изумленным и испуганным врагом. Вооруженные луками и стрелами, саблями, арканами, копьями, половецкие воины с пронзительным криком бросались в бой, стреляя на скаку из луков, засыпая врага тучей стрел. Сокрушив противника, они мгновенно исчезали, на месте набега оставались развалины и пожарища, а за кочевниками тянулись следы многочисленных пленников, которых гнали на невольничьи рынки Юга.

Тактика кочевников состояла в том, чтобы напасть врасплох, смять численно слабого противника, подавить его, разъединить вражеские силы, заманить их в засаду, уничтожить – так они вели свои войны. Но если половцы сталкивались с сильным противником и вынуждены были отступать,

они умели и обороняться: быстро составляли свои телеги в несколько кругов, накрывали их бычьими шкурами, чтобы враг не мог поджечь лагерь, и, укрывшись внутри, отчаянно отбивались от неприятеля. Через проходы между телегами вырывались они порой конными отрядами на вылазки, сея ужас среди осаждавших.

Со временем, уже прочно осев в южных степях, некоторые половецкие орды перешли на полуоседлый образ жизни, у них появились постоянные становища и возникли небольшие городки, огороженные земляными валами. Столицей донских половцев позднее стал город Шарукань, который так был назван в честь всесильного половецкого хана Шарукана.

В течение долгих десятилетий половцы вели постоянные войны с Русью. Но в отношениях Руси с половцами были и долгие периоды мирных отношений, когда народы вели торговлю, широко общались в приграничных районах. Русские князья и половецкие ханы нередко заключали династические браки между своими сыновьями и дочерьми. Известно, что вторая жена Всеволода Ярославича была половецкой княжной.

Постоянное половецкое присутствие вблизи русских границ создавало на Руси внутреннее напряжение, особенно в южных районах страны. Князья в борьбе друг с другом нередко обращались к помощи половцев. Русские земли с последних десятилетий XI в. периодически стали превра-

щаться в кровопролитные поля междоусобных битв.

Мир на Руси рухнул в то время, когда два младших Ярославича – Святослав и Всеволод – выступили против старшего брата – киевского князя Изяслава. Еще не так давно, в 1072 г., братья совместно устраивали перенесение мощей Бориса и Глеба и провозглашение убитых Святополком братьев первыми святыми русской церкви. Мощи были перенесены из деревянной церкви в Киеве в новый каменный вышгородский храм. На перенос мощей собрался весь княжеский, боярский, дружинный мир Руси: трое Ярославичей, их сыновья, митрополит Георгий, грек, который до последнего противился признанию Бориса и Глеба святыми и сдался лишь под натиском властей, а также епископ Переяславский, игумены крупных русских монастырей, в том числе знаменитый руководитель Печерского монастыря Феодосий. Затем, после торжественного богослужения, был обед, на котором братья-князья восседали со своими боярами. Кажется, все обещало мир и покой на Руси, осененной святостью Бориса и Глеба. Но «кото́ра» (распря, ссора) была уже близка.

Поводом стал слух, возникший в княжеской среде, будто Изяслав заключил союз против братьев, решив стать «самовластцем» на Руси по примеру Владимира и Ярослава, что он пошел на союз с Всеславом Полоцким против братьев. Братья со своими дружинами подступили к Киеву, и Изяслав вместе с семьей вновь бежал в Польшу. Киевский князь вывез с собой много золота, серебра, дорогих вещей, стремясь

нанять на них войско. Но польский король Болеслав II, приняв от Изяслава дорогие дары, не оказал ему помощи.

Несколько лет скитался Изяслав по Европе, прося помощи у германского императора и даже у папы Римского. Изяслав преподнес в Майнце богатые дары Генриху IV, германскому императору. В те дни один из немецких хронистов писал в своем труде: «Явился русский князь по имени Дмитрий (христианское имя Изяслава. – *А. С.*), принеся ему (Генриху IV. – *А. С.*) неисчислимые богатства, состоящие из золотых и серебряных сосудов и драгоценных тканей, и просил у него помощи против своего брата (Святослава. – *А. С.*), который силой изгнал его из княжения. Генрих IV взялся быть посредником в противоборстве между братьями и направил Святославу послание с просьбой вернуть трон Изяславу». Послание повез в Киев трирский пробст Бурхард – сводный брат Оды, второй жены Святослава Ярославича. Итак, межкняжеский конфликт на Руси стал событием европейского масштаба. В дальнейшем в эту борьбу включился знаменитый папа Григорий VII (Гильдебрант), соперник германского императора. Папа, стремящийся к распространению влияния римской церкви, получил обещание от русских беглых князей верно служить церкви святого Петра и оказал воздействие на польского короля, заставив его вернуть взятые у Изяслава ценности и помочь ему в снаряжении войска. На имя Изяслава была прислана папская булла, что означало принятие вассальной зависимости русского великого князя

от папы Римского.

А в это время на Руси правил Святослав Ярославич. Он посадил своих сыновей во всех крупных русских городах, отодвинул третьего Ярославича – Всеволода – в тень, отправил его сына Владимира на далекую пограничную Волынь.

В 1076 г. Святослав, помогая Польше, которая не приняла Изяслава, снарядил большой поход в Центральную Европу. Русская рать пошла войной на чехов, союзников Германии и противников Польши. Командовали ратью два молодых князя, два друга, двоюродные братья Владимир Мономах, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, не ведая, что скоро жизнь разведет их в жестокой борьбе за власть. Поход русских князей был успешным. Они одержали ряд побед над объединенными чешско-немецкими войсками и заключили почетный мир. Впервые Русь стала участницей крупных политических событий в центре Европы.

В 1076 г. Святослав внезапно умер. Власть на короткое время принял Всеволод, но к границам Руси уже подходило войско Изяслава. Всеволод добровольно сдал ему Киев и отправился в Чернигов, второй по значению город на Руси.

Теперь на Руси на первое место выдвинулись два Ярославовых сына – Изяслав и Всеволод. Соответственно выдвинулись вперед и их сыновья, ставшие уже взрослыми князьями: наследник Изяслава – Святополк и наследник Всеволода – Владимир. Сыновья же третьего Ярославича, Святослава, после смерти отца остались не у дел: действовал уста-

новленный Ярославом Мудрым порядок передачи власти по старшинству, а не от отца к сыну. Старший сын Святослава, деятельный и честолюбивый Олег, продолжал жить в родном городе своего отца Чернигове, но здесь уже правил князь Всеволод. Все другие крупные и славные русские города были поделены между Изяславом и Всеволодом.

Через два года, в 1078 г., Олег Святославич бежал из города, уведя с собой верных ему людей и свою личную дружину в далекую Тмутаракань, где укрылся его младший брат Роман. Олег поклялся вернуться и отвоевать отцовский Чернигов. Так на Руси началась новая большая междоусобица.

По существу, в течение X и XI вв. междоусобная борьба в Киевской Руси не прекращалась. Но если Владимиру I и Ярославу Мудрому удалось в течение долгого времени сохранять после захвата власти единство Руси, то сыновьям и внукам Ярослава Мудрого сделать это оказалось труднее. Это объяснялось, во-первых, самим порядком престолонаследия, установленным Ярославом. Сыновья не хотели отдавать власть старшим по возрасту князьям, своим дядьям, а те не пускали племянников к власти, ставя на их место своих сыновей, хотя те и были помоложе. В этом случае распри были неизбежны.

Во-вторых, среди преемников Ярослава Мудрого не нашлось такой яркой, целеустремленной и волевой личности, какой были Владимир I и сам Ярослав. Его старший сын, Изяслав, был правителем вялым, ограниченным и скупым.

Выгнанный своими братьями, он с трудом вернулся в Киев и теперь всеми силами стремился сохранить мир.

Святослав был невероятно честолюбив, деятелен, стремился занять киевский стол в обход существующего порядка. В конце концов он этого добился, сокрушил Изяслава, подавил своих противников, принялся за решительное управление страной, послал рать в Европу, готовился к войне с Византией, покровительствовал культуре. Но судьба отвела ему слишком мало времени. Как известно, он умер в 1076 г.

Третий брат, Всеволод, женатый на византийской принцессе, дочери императора Константина IX Мономаха – Марии, был человеком образованным – он знал пять языков, слыл знатоком книг, – но был больше склонен не к решительным действиям, а к размышлениям, покойной неторопливой жизни. Многие дела он передоверял своему способному и деятельному сыну Владимиру (Владимиру II Мономаху). Но когда наступал час решительных испытаний, Всеволод преображался, он становился расчетливым полководцем и бесстрашным воином, за которым без колебаний шла дружина, и в этом смысле он напоминал своего отца Ярослава Мудрого.

В-третьих, в последние десятилетия XI в., после мирного и созидательного времени Ярослава Мудрого, стали набирать еще большую силу крупные русские города и земли. На днепровском пути выделялись Смоленск, Любеч, в Сред-

ней Руси – Чернигов, Переяславль, на юго-западе – Владимир-Волынский, Перемышль, на северо-востоке – Ростов, Суздаль. Набирали силу Минск, Ярославль и другие неизвестные ранее или основанные совсем недавно городские центры. Появление крупных вотчинных хозяйств, в том числе церковных и монастырских земельных владений, с их концентрацией рабочей силы, материальными возможностями способствовало общему прогрессу хозяйственной жизни отдельных земель, питало их стремление к независимости от Киева, особенно с учетом находившихся там посредственных правителей.

В-четвертых, дезорганизации политической жизни Руси способствовало и постоянное вмешательство половцев в ее внутренние дела.

§ 2. Мятеж Олега Гориславича и новая распря

Итак, Олег Святославич поднял мятеж против Киева и Чернигова, требуя принадлежащий отцу черниговский княжеский стол. Тмутараканская рать братьев Святославичей была подкреплена половцами. Летописец писал позднее, что Олег привел «поганыя на Руськую землю, и пойдоста (т. е. пошел) на Всеволода с половци».

За этот союз Олега с половцами, постоянными врагами Руси, за инициативу в начавшейся распре, за последующие

междоусобицы и несогласия, связанные с именем Олега Святославича, автор «Слова о полку Игореве» назвал его «Гориславичем», т. е. человеком, принесшим горе Руси. Но разве дело было в одном Олеге? Междоусобицу вели все ее участники. Олег, возможно, был среди них наиболее решительным и бескомпромиссным, но унижений и обид он, возможно, испытал больше остальных князей.

Натиск Олега был стремителен. На реке Сожица, близ Чернигова, 25 августа 1078 г. он при помощи половецкой конницы разгромил черниговское войско. Всеволод и Владимир II Мономах бежали в Киев. Победители, как сказано в летописи, овладели Черниговом и «земле Русской много зла сотворили, пролили кровь христианскую».

Общая опасность сблизила недавних соперников: Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с Владимиром Мономахом выступили против Олега во главе рати, собранной со всех русских земель. Олег вновь бежал из Чернигова за подмогой на юг.

Братья Ярославичи осадили Чернигов. Восточные ворота города штурмовал Владимир Мономах вместе со смоленским полком. Во время штурма войска союзников подожгли Чернигов. Весь город выгорел. Осажденные заперлись в «детинце» и ждали решающего приступа. Такова была тяжелая плата не только этого, но и других русских городов за княжеские междоусобицы. В момент осады князьям донесли, что войско Олега стремительно приближается к городу.

Войска противников встретились в решающей битве 3 октября 1078 г. на Нежатиной ниве. В упорном сражении старшие князья одолели Олега и его союзников. Но во время боя погиб великий киевский князь Изяслав, пораженный копьем в спину. Олег бежал на юг. Власть в Киеве взял единственный из оставшихся в живых Ярославичей – Всеволод. Своего старшего сына Владимира Мономаха он теперь посадил править в Чернигове – в наследственной «отчине» Олега. Отныне между двоюродными братьями завязался тугой узел вражды на всю оставшуюся жизнь.

Удивительна и драматична была судьба Олега. После поражения на Нежатиной ниве он укрылся в Тмутаракани. Но на этот раз Олег был почти один – ни дружины, ни друзей. Родной брат Роман погиб, пытаясь доискаться своей черниговской «отчины»: его предали и убили союзники – половцы. Сам Олег был схвачен в Тмутаракани хазарами и увезен в Константинополь. Только через четыре года, в 1083 г., он вернулся в родные края. За это время Олег жил на острове Родос, женился на знатной гречанке, сумел выкупиться из плена и вместе с женой оказался опять в Тмутаракани. Там он укрепился, снова собрал дружину, выгнал тамошних правителей. Десять лет провел Олег в Тмутаракани в качестве полноправного правителя. Но он никогда не оставлял мысли вернуть себе отцовский город Чернигов, отнятый у него Всеволодом и Владимиром Мономахом.

В 1093 г. положение на Руси резко осложнилось. В этот

год умер последний из Ярославичей – князь Всеволод. В последние годы жизни он резко постарел, много болел, все дела передоверил Владимиру Мономаху и окружавшим его молодым соратникам. Старые киевские бояре роптали.

§ 3. Начало военной деятельности Владимира Мономаха

Именно в 80-е гг. XI в. молодой Владимир Мономах, бывший черниговский князь, выдвинулся на Руси как один из самых талантливых и удачливых полководцев. Молва связала с его именем успешный поход против Чехии. Но особенно прославился он в борьбе с половцами. Уже в ту пору Мономах, воюя с кочевниками, не медлил ни часа, если рать была готова, если выступать можно было, не откладывая поход на завтра. Кочевники быстры, а значит, надо быть еще быстрее, они хитры и коварны, значит, надо быть еще хитрее, иначе побед не видать. В 1080 г. он отбил набег половцев на черниговские земли, причем ударил половцам в тыл в то время, когда те, нагруженные добычей, уходили к себе в степь. Позднее разгромил вышедших против Руси кочевников-торков. Затем Мономах отличился, подавив новый мятеж вятичей и выступление против отца владимиро-волынского князя Ярополка, сына умершего Изяслава. И везде он действовал смело, решительно. Затем была новая сеча с половцами под Прилуками, и снова Мономах взял верх. И тут же, не да-

вая врагу передышки, он сам углубился в половецкую степь и около Белой Вежи разгромил еще одно половецкое войско. До 900 половцев было убито, а два видных половецких хана взяты в плен. И снова битву за битвой проводит Мономах, одерживая одну победу за другой. Видимо, в это время у Мономаха появилась мысль о необходимости самому идти все глубже в степь, искать половецкие становища, наносить упреждающие удары, а не гоняться за быстрыми степняками. К началу 90-х гг. XI в. Владимир Мономах стал, по существу, самым сильным и влиятельным князем на Руси, самым опытным и удачливым полководцем. В народе он слыл как князь-патриот, который не жалел ни сил, ни жизни ради обороны русских границ. К этому времени он был женат на Гите, дочери последнего англосаксонского короля Гарольда, погибшего в битве с норманнами при Гастингсе в 1066 г.

После смерти Всеволода любой из внуков Ярослава Мудрого мог занять киевский стол: и старший сын Всеволода Владимир Мономах, и старший сын Святослава Олег, и, наконец, старший сын погибшего на Нежатиной ниве Изяслава Святополк, которому при Всеволоде была уготована незавидная участь – княжение в Турове.

Все решила киевская боярская группировка: опираясь на неотмененный порядок наследования престола по старшинству, киевские бояре передали престол Святополку, хотя Владимир Мономах, как старший в семье правившего князя, также имел определенные права. Но Мономах так и остался

в Чернигове.

Святополк был человеком заурядным, слабым политиком, нерешительным, отличался мелким интриганством, чувством зависти. К тому же был заносчивым, жадным, подозрительным и мстительным. В нем, казалось, отразились все наиболее отрицательные черты человека власти. Но это открылось со временем. А пока же он держался в тени, и бояре, видимо, рассчитывали, что могут направлять действия Святополка по своему усмотрению.

Теперь на Руси образовались три враждующие политические группы: одна – во главе со Святополком в Киеве, другая – во главе с Владимиром Мономахом в Чернигове, третья – во главе с Олегом в Тмутаракани. Олег был сыном среднего Ярославича, а Владимир – младшего. Поэтому Олег вполне обоснованно претендовал теперь по старшинству на Черниговское княжество и все земли, находившиеся под властью Чернигова, – Смоленск, Ростово-Суздальскую землю, Белоозеро и др. Но для того чтобы доказать свое право на Чернигов, ему надо было потягаться с могучим Владимиром Мономахом.

В 1093 г. половцы осуществили большой набег на Русь. Все началось с того, что после смерти Всеволода они, подступив к русским границам, потребовали у вставшего на киевский стол Святополка подтверждения мирного договора, который заключил с ними осторожный Всеволод, использовав родственные связи своей второй жены – половчанки. За

мир половцы требовали много золота, драгоценных подарков. Жадный, легкомысленный Святополк не нашел ничего лучшего, как бросить послов в темницу. Это означало войну. Половцы двинулись в глубь Руси, а Святополк начал готовиться к противоборству. Однако собрать большое и сильное войско было трудно. За год до этих событий Русь поразили неурожай и голод. Население обнищало. Советники убеждали Святополка не рисковать и договориться с половцами по-хорошему, отдать им деньги и подарки. Наконец Святополк согласился, отпустил послов и запросил мира, но было уже поздно: половцы отказались вести переговоры после такого неслыханного оскорбления.

Тогда Святополк обратился за помощью к Владимиру Мономаху. Тот прибыл в Киев и стал убеждать двоюродного брата покончить дело миром. Но теперь уже упорствовал Святополк, не желающий лишаться своих богатств. В княжеской гриднице между братьями началась перебранка. И бояре заявили князьям: «Почто вы распря имата межи собою? А погании губять землю Русьскую. Последи ся уладита (после договоритесь. – *Авт.*), а ноне поидита противу поганым любо с миромъ, любо ратью». Владимир настаивал на мирных переговорах, учитывая тяжелое положение Руси и недостаток сил. Святополк выступал за войну и настоял на своем. Объединенная киевско-черниговско-переяславская рать (переяславцами командовал младший брат Мономаха от второй жены Всеволода, половчанки, Ростислав) вы-

ступила навстречу половцам.

Войска сошлись неподалеку от города Треполя 26 мая 1093 г. Лишь река Стугна разделяла враждующие войска. Надвигалась гроза. Киевляне рвались в бой и предлагали перейти реку и ударить на половцев. Мономах предпочитал стоять на своем берегу и продолжал уговаривать брата начать мирные переговоры. Но победили сторонники сражения. Русская рать с трудом перешла взбухшую от половодья реку и изготовилась к бою. В центре стояла переяславская дружина Ростислава, на правом крыле – Святополк с киевлянами, слева – Мономах с черниговцами. Пошел проливной дождь. Вода в Стугне прибывала на глазах.

Первый конный удар половцы нанесли по дружине Святополка. Киевляне не выдержали натиска и побежали. Затем всей массой половцы смели левое крыло Мономаха. Русское войско распалось. Воины бросились назад к бурлящей реке. Во время переправы Ростислава снесло с коня, и он, отягощенный доспехами, начал тонуть. Владимир попытался подхватить брата, но того уже отнесло в сторону. Начал тонуть и сам Мономах, которого вытащили из воды дружинники. Лишь небольшая часть русского войска выбралась на противоположный берег реки и укрылась за крепостными стенами своих городов. Это было единственное поражение, которое Мономах потерпел в своей жизни.

Гибель Ростислава, трагедия русского войска заставляют задуматься над тем, что не так легка была княжеская доля,

сама власть и борьба за нее. Защищая русские границы, князья и дружинники нередко получали тяжелые ранения, а порой и расставались с жизнью.

В тот год половцы нанесли огромный ущерб Руси. Они разграбили многие города и села, взяли большую добычу, увели много пленников. Пленники эти, как говорил летописец, «стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, въ алчи и в жажи и в беде, опустневшие лици, почерневше телесы; незнаемою страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем; со слезами отвещеваху другъ къ другу, глаголюще: «Азъ бехъ сего города», и други: «Язъ сея вси»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой поведающе и въздышюче» («страдающие, печальные, измученные стужей, скованные, в голоде, жажде и несчастьях, с осунувшимися лицами, почерневшие телом, в чужой стране, с языком воспаленным, голые и босые, с ногами, израненными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я жил в этом городе», а другой: «Я – из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, называя свое происхождение, вздыхая»).

1093 г. стал началом последующей большой междоусобицы, в которую оказались втянуты все русские земли.

Пользуясь слабостью киевского и черниговского князей, летом 1094 г. в русские пределы вошел Олег Святославич, князь Тмутараканский. Олег внимательно следил за событиями на Руси, готовился к реваншу и теперь вел на Русь, на

свой родной Чернигов тмутараканскую дружину и половецкую конницу. Вот этот приход Олега с половцами в самое сердце Руси не могли простить ему ни современники событий, ни потомки, обвиняя Олега в предательстве интересов Родины, хотя и другие князья до него и после использовали половцев в своих междоусобных бранях.

Олег подошел к Чернигову, за стенами которого с малым числом дружинников укрылся Мономах. Помощи ему было ждать неоткуда. Киев сам в это время залечивал раны прошлогоднего нашествия. До Ростова, где в это время правил его старший сын Мстислав, было далеко, и тот все равно не успел бы на помощь.

Олег приказал жечь вокруг Чернигова пригороды и монастыри; половцы, не встречая сопротивления, учинили грабеж всей Черниговской земли. Восемь дней штурмовал Олег Чернигов, дружинники Мономаха и верные ему жители отбили все штурмы Олега, но положение было безнадежным. Тогда Мономах пошел на переговоры: он уступает Олегу его родовое гнездо – Чернигов, возвращается в Переяславль, а Олег обещает пропустить невредимыми самого Мономаха, членов его семьи, оставшуюся дружину.

2 мая, в день гибели святого князя Бориса, Мономах вышел из города. Вот как описал он это позднее: «И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова, и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза на

горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля». Вместе с Владимиром Мономахом ехали его жена, английская принцесса Гита, уже взрослые дети Изяслав, Ярополк, Вячеслав, девятилетний Святослав и совсем маленький Юрий, будущий великий князь и «основатель» Москвы Юрий Владимирович Долгорукий.

На время Русь успокоилась. Ни у кого из князей недоставало сил нанести другому решающий удар. Святополк Киевский играл на противоречиях между Владимиром Мономахом и Олегом и поэтому чувствовал себя в относительной безопасности. Владимир Мономах, приняв переяславский стол, оказался на самой границе с половецкой степью. Сама географическая ситуация сделала его защитником всех русских земель. В этом краю не проходило года, чтобы то одна, то другая половецкая орда не выходила на Русь.

В феврале 1095 г. большое половецкое войско во главе с ханами Итларем и Китаном подошло к Переяславлю. Этим походом половцы нарушили мир, который заключил с ними Святополк, откупившись богатыми дарами. Ханы требовали от Мономаха дорогих даров, денег в обмен за новый мир. В противном случае новая война была неизбежна. Они были убеждены, что их давний недруг Владимир Мономах после ухода из Чернигова еще не создал новую сильную дружину и не имеет достаточно оружия, что Олег ему не союзник, а Святополк едва ли оправился после поражения под Трепо-

лем. Мономаха ханы собирались взять голыми руками.

Владимир, как и ожидали ханы, согласился на переговоры и пригласил хана Итларя с отборными воинами войти в Переяславль. Остальная часть войска во главе с ханом Китаном расположилась лагерем неподалеку от города. Для пущей безопасности ханы запросили заложников, и Мономах отправил в половецкий стан своего десятилетнего сына Святослава. Хана Итларя с дружиной разместили на дворе воеводы Ратибора.

В это время из Киева прибыл гонец князя Святополка Славята, который вместе со старым мономаховым воеводой Ратибором начал уговаривать князя убить Итларя с телохранителями, а затем перебить и войско Китана. Мономах поначалу отказывался, так как не осмеливался нарушить клятву, данную послам. К тому же он опасался за судьбу заложника-сына. Но старшие дружинники ему отвечали:

«Князь! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав клятву, разоряют землю Русскую и кровь христианскую проливают беспрестанно» (дано в переводе).

Дружинники обещали ему ночью незаметно выкрасть сына из половецкого стана. Лишь после этого Мономах дал согласие.

В ту же ночь из Переяславля во главе со Славятой тайно ушел вооруженный отряд, ведомый кочевниками-торками, хорошо знающими половецкий язык. Несколько человек лазутчиков подобрались к шатру, где содержался Святослав,

и, перебив половецких охранников, освободили княжича. И тут же княжеская дружина обрушилась на ничего не подозревающих половцев. Хан Китан был убит, его войско перебито и рассеяно.

Наутро воины Ратибора снарядили для половцев Итларя специальную избу. Хорошо истопили ее, расставили по столам яства. Мономах прислал к Итларю гонца, который передал слова князя о том, чтобы половцы позавтракали в теплой избе, а потом пожаловали к Мономаху на переговоры. Как только половцы вошли в избу и расселись за столы, двери избы оказались запертыми. В тот же миг воины Мономаха во главе с сыном воеводы Ратибора молодым Ольбегом с чердака подняли вверх заранее подрезанные потолочные доски и стали расстреливать половцев из луков. Ольбег Ратиборович поразил самого хана Итларя. Вскоре все половцы были перебиты.

Стремясь развить успех, Владимир Мономах направил гонцов в Киев и Чернигов, предлагая братьям организовать поход в степь. Олег обещал привести дружину, но не пришел в назначенный срок. Настрадавшийся от половцев, Святополк принял предложение Мономаха, и объединенная киевско-переяславская рать углубилась в степь и разгромила несколько половецких становищ. Князья захватили богатую добычу – скот, коней, верблюдов, пленников. Это был первый большой успех на вражеской территории.

Война с половцами продолжалась. На Русь приходили и

донские, и причерноморские половцы. Что ни год, то новый набег. Мономах настойчиво стремился объединить силы Руси в борьбе с половецкой опасностью, но он мог рассчитывать лишь на Киев. Одновременно он укреплял и собственные позиции в русских землях: его сыновья сидели в Новгороде, Смоленске, Ростове, Суздале. Его сын ростовский князь Изяслав выбил Олегова посадника из Мурома.

Весь северо-восток Руси объединил под своей рукой Владимир Мономах.

Враждуя с Мономахом, Олег и его братья отказывались принимать участие в походах против половцев, которые были их верными союзниками.

§ 4. Трагедия 1096–1097 гг.

В течение долгих лет в исторической науке как дореволюционной, так и послереволюционной России существовало мнение, что после смерти Ярослава Мудрого Русь необратимо встала на путь феодальной раздробленности и – как следствие этого – политической децентрализации. Поводом для такого заключения стали факты многочисленных и масштабных междоусобиц, которые сотрясали Русь на протяжении второй половины XI в. и которые, приобретя еще большие масштабы с 30-х гг. XII в., окончательно развалили страну как политическое целое.

Однако эта традиционная точка зрения в последние го-

ды стала оспариваться. Действительно, если внимательно всмотреться в исторический путь Руси со второй половины XI в. до второй трети XII в., то окажется, что смуты перемежались в ней с длительными периодами политической стабилизации, когда политическое единство возрождалось. Более того, в эти годы стабилизации Русь набирала еще большую силу, чем во времена Владимира I и Ярослава Мудрого. Это касалось внутренней целостности русских земель и их внешнеполитической безопасности. Так, после междоусобицы 1073–1078 гг. наступило время, когда к власти на долгие годы пришел Всеволод Ярославич, поддержанный своими сыновьями и в первую очередь молодым, но уже снискавшим себе всерусскую славу Владимиром Мономахом. До 1093 г. «дом Всеволода» владел всей Русью. В его воле были и Новгород, и Чернигов со всей Северо-Восточной Русью, и далекая Волынь. Лишь в Тмутаракани отсиживался мятежный Олег Святославич, но и сама тмутараканская Русь благодаря тому, что половцы заняли все причерноморские и приазовские степи, стала для «большой Руси» неким политическим образованием, которое отдалялось все более и более, переходя под контроль иных, иноязычных сил.

Восемнадцать лет сидел Всеволод в Киеве. Это ровно столько, сколько провел на троне в качестве единственного властелина его знаменитый отец Ярослав Владимирович. Это было время, когда Русь, снова сплоченная и единая, мощно противостояла центробежным тенденциям, властной

рукой отводила от своих границ внешнюю опасность.

Всеволод и Мономах организовали успешную оборону страны от половцев и торков, подавляли мятежи племянников Всеволода.

При Всеволоде продолжалось строительство городов, создавался новый летописный свод, обустраивалось монастырское хозяйство. При нем связи Руси со странами Европы, Передней Азии, с Византией стали более масштабными, чем это было даже при Ярославе Мудром. Евпраксия Всеволодовна, его дочь, стала женой германского императора Генриха IV и играла заметную роль в европейской политике, его внуки были женаты на особах из видных владетельных домов Европы. Генрих IV просил помощи Всеволода в войне с венгерским королем; дочь Всеволода Янка, ставшая игуменьей Киевского женского монастыря, играла большую роль в церковных связях Руси и Византии. Именно ей было доверено вести переговоры о посылке из Константинополя на Русь нового митрополита, взамен умершего. К Всеволоду приходило посольство от папы Римского.

Время сменившего его Святополка не было столь впечатляющим в истории Руси. Связано это, скорее, не с ее политическим закатом, а с тем, что великий князь был государственным деятелем весьма посредственным, ограниченным в своих взглядах и действиях, а наиболее яркие фигуры тех лет – Владимир II Мономах и Олег Святославич – занимали второстепенные места в политической иерархии и истощали

силы и таланты в борьбе друг с другом.

И все же, когда Мономах занял великокняжеский стол в 1113 г. после смерти Святополка Изяславича, Русь очень скоро предстала во всем блеске сильного и единого государства, с динамично развивающимся хозяйством, с современным для той поры законотворчеством, с новым летописанием, основанием новых городов и масштабными походами в степь против половцев, которые прогремели на весь тогдашний мир.

А пока в 1096 г. Святополк и Мономах вновь предложили Олегу объединить силы в борьбе с половцами и приехать в Киев на всерусский княжеский съезд, чтобы разобраться во всех обидах в присутствии духовенства, видных бояр и горожан и заключить договор о порядке на Руси. Однако Олег высокомерно ответил: «Не вместно меня судить епископам, игуменам или смердам». На это князья ответили Олегу: «Это ты потому ни на поганых не ходишь, ни на совет к нам, что злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, – пусть Бог рассудит нас».

Напряжение между братьями нарастало, и наконец объединенное киевско-переяславское войско двинулось на Чернигов. В пути к ним присоединился волынский князь Давыд Игоревич, также внук Ярослава Мудрого.

Не надеясь на верность черниговцев, которые осуждали Олега за постоянную связь с половцами, князь бежал в город Стародуб. После долгой осады, полной блокады города и

нескольких приступов горожане потребовали от Олега пойти на мировую с двоюродными братьями.

Смирив гордость, Олег явился на переговоры. Приговор братьев был суров: Олег был лишен Чернигова, ему определили жить в лесном Муроме, подальше от половецкой степи, а пока же обретаться у брата в Смоленске, потому что в Муроме находился сын Мономаха Изяслав; Чернигов же оставляли за другими братьями Олега. От Олега потребовали также явиться на общий съезд русских князей для объединения сил против половцев.

К этому времени против Руси объединились две мощные половецкие орды – хана Тугоркана и хана Боняка. Их набеги происходили почти одновременно. Не помогало и то, что Святополк Изяславич женился на дочери Тугоркана, – тесть продолжал свои опустошительные набеги на владения зятя. В 1096 г. Тугоркан напал на переяславскую землю. Святополк и Мономах вышли навстречу половцам и разгромили их, в битве был убит и сам Тугоркан. Хан по приказу Святополка был похоронен близ княжеского села Берестово под Киевом. А в это время орда Боняка осадила Киев, захватила Печерский и Выдубицкий монастыри, забрала там ценные вещи – драгоценные оклады икон, серебряные кресты, разный скарб, ограблены были монашеские кельи. Братья бросились назад к Киеву, но не смогли догнать Боняка.

Пока Святополк и Мономах проводили время в изнурительной и жестокой борьбе с половцами, Олег снова подал о

себе дурную весть. Он ушел из Смоленска, двинулся на Рязань, взял ее и направился к Мурому, где еще княжил Изяслав Владимирович. Дядя шел на племянника, считая Муром своей «отчиной». А племянник поднимал против дяди весь Северо-Восточный край. Поскакали гонцы в Ростов, Суздаль, Белоозеро, а также в Новгород: Изяслав просил у братьев помощи против Олега.

Около Мурома войска Олега и Изяслава встретились в решающей битве. Олег одолел муромскую дружину малоопытного и молодого Изяслава. Сам муромский князь пал в бою. Мономах лишился в междоусобной борьбе первого сына. Олег взял Муром и двинулся на Суздаль. Не имея достаточных сил для сопротивления и не получив помощи ни от Мономаха, ни от его старшего сына Мстислава, княжившего теперь в Новгороде, суздальцы сдались Олегу. Затем Олег так же легко взял Ростов. Везде он назначил своих посадников.

Но вскоре из Новгорода от старшего сына Мономаха Мстислава к Олегу пришел посол с требованием покинуть земли, принадлежащие Мономахову дому. В обмен Мстислав обещал помирить Олега с отцом. Но Олег ответил отказом. В эти же дни Олег получил письмо от Владимира Мономаха. Тот взялся за перо, когда узнал из письма Мстислава о гибели сына. «О я, многострадальный и печальный! – писал потрясенный Владимир Мономах своему заклятому врагу. – Много борешься душа с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать

перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собой». Мономах обращался к Олегу со словами мира и страдания. Он предлагал не губить Русскую землю, сам же не собирался мстить за сына, полагая, что смерть воина в бою – естественное дело. «А мы что такое, люди грешные и худые? – философски размышлял Владимир. – Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты – другие собранное нами разделят». Мономах призывал Олега положить конец кровопролитию, договориться о всех взаимных обидах. Мономах признавал свою неправоту и говорил, что он простой смертный человек. Говорил он и о несправедливостях и жестокости Олега. В заключение он писал: «Не от нужды говорю я это, не от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего. На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю».

Это письмо, написанное рукой отца, тяжело переживающего смерть сына, являет собой образец высокого гражданского мужества, способности человека перешагнуть через личное несчастье, через попранные амбиции ради интересов Родины. В этом письме Владимир Мономах показал себя истинным христианином, которому, несмотря на жестокости времени, не чужды высокие гуманистические христианские идеалы.

Олег и на этот раз ответил отказом. Более того, он начал готовиться к походу на Новгород, чтобы выбить оттуда стар-

шего сына Мономаха, своего крестника Мстислава. Теперь против Олега поднялось все Мономахово племя во главе с самим князем Владимиром. Против Олега выступила новгородская рать. В подмогу ей Мономах направил другого сына, Вячеслава, дав ему свой родовой стяг.

Новгородцы быстро выбили отряды Олега из северных городов. Уходя из Суздаля, Олег поджег город. Укрылся он в Муроме. Здесь, неподалеку от города, Мономаховичи при поддержке дружественных половцев одолели войско Олега. В решающий момент битвы юный Вячеслав приказал вынести вперед стяг Мономаха, и воины Олега дрогнули, полагая, что это сам Владимир пришел отомстить за смерть сына. Сдав Муром, а потом Рязань, Олег запросил мира и поклялся на кресте прибыть на княжеский съезд для решения всех общерусских дел.

В 1097 г. Русь стала свидетелем необычайного события: впервые в ее истории все наиболее крупные и известные русские князья Рюриковичи, внуки и правнуки Ярослава Мудрого, съехались в родовой замок Мономаха – в городе Любеч – для того, чтобы устроить порядок на Руси. На съезд прибыли Святополк Киевский, Владимир Мономах, князь Переяславский, братья Святославичи Олег и Давыд, Давыд Игоревич из Владимира-Волынского, Василько Ростиславич, князь Теребовльский, враждовавший на Волыни с Давыдом Игоревичем, другие князья, их бояре и дружинники. По словам летописца, князья сказали на съезде:

«Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны. Да с этих пор объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей» («каждо да держить отчину свою»).

Князья договорились, что за каждым из них сохраняются земли их отцов – детей Ярослава Мудрого. За нарушение этого порядка князьям-отступникам надлежало держать ответ перед всей землей. Им грозило наказание со стороны остальных князей. На этом договоре участники Любечского съезда целовали крест в знак верности соглашению.

В отечественной исторической науке сложилось твердое убеждение, что Любечский съезд стал той гранью, которая ознаменовала начало политического распада Руси, узаконила его. Это виделось в знаменитой летописной фразе «каждо да держить отчину свою». Данная точка зрения нашла отражение в школьных и вузовских учебниках.

Однако при этом не только выпадали из рассмотрения факты о последующем могучем единстве Руси времен Владимира Мономаха и Мстислава, но и безусловное укрепление этого единства даже при относительно слабом великом князе Святополке. А ведь это был период, довольно значительный в истории Руси, почти тридцать лет. Следует также заметить, что акцент всего летописного пассажа делается как раз не на обособлении отдельных княжеских «отчин», а на

другом. «Да ноне отселе имемся въ едино сердце, и блюдемъ Рускые земли» – так передает летописец основной смысл договоренности князей, а далее и следует известная фраза об «отчинах». Но о каких же «отчинах» идет речь?

Святополк держит за собой все владения, принадлежащие Изяславу Ярославичу, Владимир Мономах – владения Всеволода Ярославича, а за детьми Святослава Ярославича закреплялись владения их отца. Закреплялся и порядок, установленный великим князем Всеволодом: за Давыдом Игоревичем оставался Владимир-Волынский, за Володарем Ростиславичем (правнуком Ярослава Мудрого) – Перемышль, а за его братом Васильком – Теребовль в той же Волынской земле.

Эта запись появилась именно потому, что потомки Ярослава Мудрого начали рушить его завет о том, чтобы каждый его сын сохранял за собой определенную часть Руси. И теперь надлежало вновь вернуться к этому завету и нерушимо держаться заповедей великого предка.

Но ни в этих записях, ни позднее нигде не оспаривался основной смысл предсмертного распоряжения Ярослава о том, что во главе Руси остается его старший сын («Се же поручаю в собе место столъ старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене»). Любечский съезд не только не отменил этот порядок, но и закрепил его своим решением о единстве Русской земли. Необходимо помнить, что весь пафос съезда был на-

правлен на выработку таких решений, которые помогли бы объединить Русь в борьбе с половцами («А половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати»).

Итак, князья возвращались к порядку, установленному Ярославом, и подтверждали его крестным целованием. Ничего иного, а тем более узаконенного политического распада русских земель, здесь прочитать невозможно. И хотя дальнейшие события поколебали этот порядок, но их преодоление и последующее единство Руси при том же Святополке и особенно при Владимире Мономахе и Мстиславе лишь подчеркивают ошибочное традиционное толкование значения Любечского съезда в историографии прошлых лет. Что касается немедленного нарушения крестного целования некоторыми князьями, то ведь известно, что моральные категории в борьбе за власть не имеют обязательной и долговременной силы. Но это уже другой разговор.

Едва князья разъехались по домам, как из Киева пришло ошеломляющее известие: Святополк и Давыд Игоревич в Киеве схватили, а затем ослепили смелого и независимого князя Василька. Тот приехал в русскую столицу помолиться в храме Святого Михаила в Выдубицком монастыре. Его зазвал к себе в гости Святополк, у которого Василько и был схвачен. Пойти на это злодеяние уговорил Святополка Давыд Игоревич, опасавшийся на Волыни предприимчивого Василька. Он запугал великого князя тем, что Василько и Мономах замышляют против него заговор.

Давыд отвез Василька в Белгород, где в деревенской избе слуга Давыда ослепил князя. Затем Василька отвезли на Волынь во владения Давыда и заключили в темницу. Город Теребовль и близлежащие земли, принадлежащие Васильку, были захвачены Давыдом.

Этот поразительный по жестокости и вероломству случай показал, чего стоят в действительности клятвы князей жить в мире и согласии. Там, где нет крепкой власти, где безудержное властолюбие диктует свои законы, – там не может быть и крепкого мира. В период непрочности государственных структур раннего Средневековья такое положение становилось для них обычным. Буйство феодальных кланов в X – XI вв. надолго разорвало на части Францию, где образовалось 14 крупных феодальных полугосударств. Такая же судьба постигла и Германию, которая с конца X в. стала разваливаться на самостоятельные феодальные княжества, владетели которых на своих съездах избирали германских императоров. В связи с общим замедлением по сравнению с Западной Европой темпов социально-экономического и политического развития на Руси эти процессы стали набирать здесь силу лишь с конца XI в., но особенно быстро – со второй трети XII в.

Мономах решил наказать князей-отступников. Большое войско, состоявшее из дружин самого Мономаха, его сыновей Олега и Давыда Святославичей, которые на этот раз подчинились Любечскому договору, двинулось на Киев. Вот

где сработал основной пафос любечских договоренностей: единство, а не раскол. Город был осажден. В самой столице начались выступления населения против Святополка, и тот был вынужден принять ультиматум Мономаха – отправиться в совместный поход против владимиро-волынского князя Давыда Игоревича.

Поход начался. Но Давыд упросил князей не наказывать его, так как сообщил, что он освободил Василька и они договорились миром. Это подтвердил и посол от самого Василька. Соединенное войско русских князей повернуло назад.

Но долго еще гроза, разразившаяся в 1097 г., грохотала по русским просторам. Освободившись из-под стражи, Василько вскоре начал вместе со своим братом войну против Давыда. Братья вернули себе все свои земли. Давыд был осажден во Владимире-Волынском и по требованию изнемогающих от осады горожан выдал Васильку тех, кто организовал его похищение и увечье. Все они были по приказу Василька повешены прямо перед городскими стенами на специально сколоченных виселицах, а затем их расстреляли из луков.

§ 5. Крестовый поход в степь 1111 г.

И все же, несмотря на долго еще продолжающуюся смуту среди князей, Мономаху удалось добиться главного: Любечский съезд положил начало объединению русских военных сил против половцев. В 1100 г. в город Витичев, неподале-

ку от Киева, князья съехались вновь, для того чтобы окончательно прекратить междоусобицу и договориться о совместном походе против половцев. Зачинщик смуты Давыд был наказан: у него отняли город Владимир-Волынский – Святополк послал туда своего наместника. Лишь после этого Мономах вновь выдвинул свою идею об организации общерусских сил против половцев.

К этому времени Руси противостояли две наиболее сильные половецкие орды – приднепровские половцы во главе с ханом Боняком и донские половцы во главе с ханом Шаруканом. За каждым из них стояли другие ханы, сыновья, многочисленные родственники. Оба хана были опытными полководцами, дерзкими и смелыми воинами, старинными противниками Руси; за ними числились десятки сожженных русских городов и деревень, тысячи угнанных в плен людей. За мир русские князья платили ханам огромные выкупные деньги. Теперь Мономах призывал князей освободиться от этого тяжкого налога, нанести половцам упреждающий удар.

Половцы словно почувствовали назревающую угрозу: по их предложению в 1101 г. в городе Саков состоялся съезд ведущих русских князей и половецких ханов, который рассмотрел отношения Руси со Степью. На этом съезде стороны снова заключили мир, обменялись заложниками. Кажется, что это соглашение поставило под вопрос все усилия Мономаха, но правильность его линии подтвердилась уже на следующий год. Осенью, когда он был в Смоленске, гонец при-

нес ему весть из Киева о нападении войска Боняка на переяславские земли. Получив после встречи в Сакове год передышки, половцы сами перешли в наступление.

Святополк и Владимир Мономах тщетно гнались за войском Боняка. Тот, разграбив переяславские земли, вышел к Киеву. Братья поспешили за ним, но половцы уже ушли на юг. И снова все более ощутимой становилась задача предупредить дальнейшие половецкие набеги.

В 1103 г. русские князья съехались к Долобскому озеру, где договорились наконец о совместном походе против половцев. Мономах настаивал на немедленном весеннем выступлении, когда половцы еще не вышли на летние пастбища и вволю не накормили своих коней. Но возражал Святополк, который не хотел отрывать смердов от весенних полевых работ и губить их лошадей. Кое-кто из князей поддержал его. Мономах выступил с короткой, но яркой речью: «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут! А почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчин застрелит его из лука, а лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и детей его и все его имущество? Так лошади вам жаль, а самого смерда не жаль». Выступление Мономаха положило конец спорам и колебаниям.

Вскоре русское войско, в которое вошли дружины всех видных русских князей (не пришел лишь, сославшись на болезнь, черниговский князь Олег, старинный друг половцев), а также пешие полки, выступило в весеннюю степь. Решаю-

щая битва с половцами произошла 4 апреля близ урочища Сутень, неподалеку от Азовского побережья. На стороне половцев в ней принимали участие более 20 видных ханов. Летописец позднее записал: «И поидоша полкове, аки борове, и не бе презрети ихъ. И Русь поидоша противу имъ» («И двинулись полки половецкие, как лес, конца им не было видно; и Русь пошла им навстречу»). Но на истомленных долгой зимой конях половцы не сумели нанести своего знаменитого стремительного удара. Их войско было рассеяно, большинство ханов убиты. Хана Бельдюза взяли в плен. Когда он предложил за себя огромный выкуп, Мономах сказал ему, что хан предлагает просто вернуть награбленное на Руси, и приказал зарубить его в назидание другим. А затем русские дружины пошли по половецким «вежам», освобождая пленников, захватывая богатую добычу, отгоняя к себе табуны коней, стада.

Это была первая большая победа русов в глубине степи. Но до основных становищ половцев они так и не дошли. На три года прекратились половецкие набеги. Лишь в 1105 г. половцы потревожили русские земли. Они воспользовались тем, что русские князья были втянуты в этот год в войну с полоцким князем. На следующий год половцы нагрянули снова. Через год объединенное войско Боняка и Шарукана опять появилось на Руси, разоряя киевские и переяславские земли. Объединенное войско русских князей неожиданным встречным ударом опрокинуло их на реке Хорол. Русы за-

рубили брата Боняка, едва не пленили Шарукана, захватили огромный половецкий обоз. Но основные силы половцев ушли восвояси.

И снова затихли половцы. Но теперь русские князья не стали ждать новых набегов. Дважды русские дружины наносили удары по половецкой территории. С ближними же, дружественными, половцами закреплялись мирные отношения. В эти годы Мономах и Олег женили своих сыновей, Юрия Владимировича (будущего Юрия Долгорукого) и Святослава Ольговича, на дочерях союзных половецких ханов. Так в семье Рюриковичей кроме славян, шведов, греков, англичан появилась и половецкая династическая линия.

В 1111 г. Русь организовала против половцев грандиозный поход, который достиг сердца их земель – города Шарукань вблизи Дона.

Этот поход начался необычно. Когда в конце февраля войско подготовилось к выходу из Переяславля, то впереди него выступили епископ, священники, которые с пением вынесли большой крест. Его водрузили неподалеку от ворот города, и все воины, в том числе и князья, проезжая и проходя мимо креста, получали благословение епископа. А затем на расстоянии 11 верст представители духовенства двигались впереди русского воинства. В дальнейшем они шли в обозе войска, где находилась и вся церковная утварь, вдохновляя русских воинов на ратные подвиги.

Мономах, бывший инициатором этой войны, придал ей

характер крестового похода – по образцу Крестовых походов западных властелинов против мусульман Востока. Инициатором тех походов выступил папа Римский Урбан II. А в 1096 г. начался Первый крестовый поход западных рыцарей, закончившийся взятием Иерусалима и созданием рыцарского Иерусалимского королевства. Священная идея освобождения «Гроба Господня» в Иерусалиме от рук неверных стала идеологической основой этого и последующих походов западных рыцарей на Восток.

Сведения о Крестовом походе и освобождении Иерусалима быстро распространились во всем христианском мире. Было известно, что во Втором крестовом походе принимал участие граф Гуго Вермандуа, брат французского короля Филиппа I, сын Анны Ярославны, двоюродный брат Мономаха, Святополка и Олега. Одним из тех, кто принес эти сведения на Русь, был игумен Даниил, побывавший в начале XII в. в Иерусалиме, а потом оставивший описание своего путешествия о пребывании в крестоносном королевстве. Даниил был в дальнейшем одним из сподвижников Мономаха. Возможно, ему и принадлежала идея придания походу Руси против «поганых» характера крестового похода. Этим и объясняется та роль, которую отвели духовенству в этом походе.

В поход вышли Святополк, Мономах, Давыд Святославич с сыновьями. С Мономахом находились его четыре сына – Вячеслав, Ярополк, Юрий и девятилетний Андрей.

Достигнув реки Ворскла, перед выходом в половецкую

степь Мономах снова обратился к духовенству. Священники воздвигли на холме большой деревянный крест, украшенный золотом и серебром, и князья целовали его на глазах всего воинства. Крестовая символика похода продолжала соблюдаться.

Половцы отступали в глубь своих владений. Вскоре русское войско подошло к городу Шарукань – это были сотни глинобитных домов, кибиток, опоясанных невысоким земляным валом. Ни хана Шарукана, ни его войска в городе не было. Перед приступом Мономах снова выдвинул вперед духовенство, и оно освятило русскую рать. Но депутация горожан вынесла русским князьям на огромных серебряных блюдах рыбу и чаши с вином. Это означало сдачу города на милость победителей и желание дать выкуп за сохранение жизни горожан.

Жители города Сугров, к которому русское войско подошло на следующий день, отказались сдаться. Тогда под прикрытием подвижных «веж» русы подошли к городу и забросали его горящими факелами, засыпали стрелами с подожженными смоляными наконечниками. Пылающий город был взят приступом. Пленных в этом бою не брали: Мономах хотел надолго выбить орду хана Сугрова из общеполовецких воинских сил.

На следующий день русская рать вышла к Дону, а 24 марта встретилась с большим половецким войском на речке Дегей. Перед битвой князья обнялись, попрощались друг с дру-

гом и сказали: «Убо смерть намъ зде, да станемъ крепко». Половцы, не готовые сражаться с хорошо организованным и многочисленным войском, не выдержав натиска, отступили.

27 марта основные силы сторон сошлись на реке Сольница, притоке Дона. По словам летописца, половцы «выступиша, яко борове (лес) велиции и тмами тьмы», они со всех сторон обступили русское войско. Мономах не стал, как обычно, стоять на месте, ожидая натиска половецких всадников, а повел войско им навстречу. Воины сошлись в рукопашной битве. Половецкая конница в этой толчее потеряла свой маневр, а русы в рукопашном бою начинали одолевать. В разгар битвы началась гроза, усилился ветер, пошел сильный дождь. Русы так перестроили свои ряды, что ветер и дождь били в лицо половцам. Но те сражались мужественно и потеснили «чело» (центр) русского войска, где дрались киевляне. Им на помощь пришел Мономах, оставив свой «полк правой руки» сыну Ярополку. Появление стяга Мономаха в центре битвы воодушевило русов, и они сумели преодолеть начавшуюся было панику. Наконец половцы не выдержали яростной схватки и бросились к донскому броду. Их преследовали и рубили – пленных и здесь не брали. Около десяти тысяч половцев полегло на поле боя, остальные бросали оружие, прося сохранить им жизнь. Лишь небольшая часть во главе с Шаруканом ушла в степь. Другие ушли в Грузию, где их взял на службу Давид IV.

Весть о русском крестовом походе в степь была доставле-

на в Византию, Венгрию, Польшу, Чехию и Рим. Таким образом, Русь в начале XII в. стала левым флангом общего наступления Европы на Восток.

§ 6. Восстание 1113 г. и эпоха Владимира Мономаха

После 1111 г. донские половцы надолго потеряли способность к ведению активной войны против Руси, затихли и приднепровские половцы. Покой надолго воцарился на южных границах. Но нарастало внутреннее напряжение в русских землях, особенно в крупных городах. С каждым годом происходило усиление социального напряжения в обществе, вызванного наступлением князей, бояр, дружинников, духовенства на крестьянские земли, на доходы смердов, ремесленников в виде повышения налогов, поборов. Все больше людей не имело возможности самостоятельно вести свое хозяйство в сельской местности и в городах; они шли в кабалу к богатым, брали деньги, семена, орудия труда в долг. Потом не могли вернуть этот долг своим заимодавцам, задерживали выплату процентов. Особенно отличались городские, в первую очередь киевские, ростовщики, которые ссужали нуждающихся людей деньгами, но брали с них высокие проценты. Ростовщичеством занимались князья, бояре, монастыри. Большим сребролюбцем и жестоким ростовщиком слыл и сам великий князь Святополк.

Положение простого люда особенно ухудшилось со времени большой общерусской смуты – с начала 90-х гг. XI в. Междукняжеские битвы сопровождались поджогом городов, разорением сел, поборами у крестьян и горожан продовольствия, коней, фуража. Порой смердов, ремесленников, торговцев насильно гнали на войну, а вернуться они могли и к пепелищам. Дело довершали и нескончаемые половецкие набеги. На бесконечные сечи с половцами уходили народные силы и средства. Деньги для откупа брались все с тех же городов и смердов. Походы князей в степь также ложились тяжким бременем на русское хозяйство.

Эти невзгоды давно уже давали о себе знать. В 1111 г. осенью неожиданно погорел Подол в Киеве, сгорели ремесленные слободы в других русских городах. Среди народа пополз слух, что это богатые люди специально запугивают бедноту, дабы помешать ей поднять руку на богачей, как это было в 1068 г.

Ситуация обострилась, когда в Киеве 16 апреля 1113 г. неожиданно умер великий князь Святополк. Загадочной осталась эта смерть. За два дня до смерти он отстоял всю пасхальную службу, а потом сидел за праздничным столом. После обеда князь внезапно занемог, а на следующий день скончался в своем загородном дворце. И сразу в Киеве начали борьбу за власть сторонники трех могучих княжеских кланов. На власть мог претендовать старший из Рюриковичей – Олег, но он к этому времени был постоянно болен; дру-

гой его брат, Давыд, отошел от политических дел и ни на что не претендовал. Затем по старшинству шел Владимир Мономах. Были свои сторонники и у сыновей покойного Святополка.

Киевский тысяцкий Путята начал уговаривать киевлян пригласить на великокняжеский трон Олега, но против Святославичей сплотилась партия Мономаха. Их представители поскакали в Переяславль звать Владимира на киевский стол. А в это время загудел торгово-ремесленный Подол. Там прошел слух, что ненавистный Путята сносится со Святославичами, что он держит сторону ростовщиков – угнетателей народа, что именно по его указу спалили Подол. Не исключено, что эти слухи разносили по городу сторонники Мономаха.

Сотни людей с топорами, косами, вилами, палками в руках двинулись на гору. Толпа разгромила двор Путяты, дворы богатых ростовщиков, удар пришелся и по богатым еврейским купцам и ростовщикам, которые заперлись в киевской синагоге. В Софийском соборе по зову митрополита Никифора сошлись бояре и старшие дружинники, епископы, игумены монастырей. Их решение было однозначным: немедленно звать в Киев Мономаха, только он мог унять начавшееся выступление народа. Но поначалу переяславский князь не внял этому призыву. Он боялся вновь ввергнуть страну в междоусобицу, если бы вдруг Святославичи, бывшие старше его в роду, опротестовали его решение. Страшился он и киевской верхушки, которая долгие годы слу-

жила его скрытому противнику Святополку. У него также не было желания противопоставлять себя восставшим киевским низам.

Восстание ширилось. На следующее утро народ снова высыпал на улицы. В осаде оказался уже княжеский дворец. Большая толпа бросилась в сторону Печерского и Выдубицкого монастырей, грозясь расправиться с монахами – плутами и мздоимцами. Мятеж нарастал, вовлекая в свой водоворот все новые и новые сотни людей; пробудились окрестные слободы и деревни, поднялись против своих господ смерды, закупы, рядовичи. Должники отказывались выплачивать проценты и расправлялись с наиболее ненавистными заимодавцами, холопы вышли из повиновения господам.

И вновь митрополит собрал верхушку города. Вновь было принято решение пригласить Мономаха в Киев. Теперь этот шаг диктовался необходимостью спасти существующий порядок в стране. Гонец вез Мономаху отчаянное письмо, в котором говорилось: «Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор, или сотских, или евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою (великую княгиню, жену Святополка), и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят монастыри» (дается в переводе).

20 апреля Владимир Мономах во главе переяславской дружины вступил в Киев. Сторонники Мономаха разнесли весть, что теперь князь проведет правый суд и накажет мздо-

имцев. Это несколько успокоило людей. Но более всего на них произвело впечатление появление грозного князя во главе отборного войска. Мятеж в Киеве стал стихать.

Через несколько дней после совещания с боярами Владимир Мономах дал Руси новую «Русскую Правду», названную «Устав Владимира Всеволодича». Отныне расчеты за взятый долг были изменены. Если человек, взявший в долг, заплатит в виде процентов его сумму, то он обязан был вернуть и сам долг, но если проценты в полтора раза превышали сумму долга, то он автоматически погашался. Отныне нельзя было брать более 20 % годовых за предоставленный долг. Эти статьи освободили от долгов многих должников, ограничили произвол ростовщиков. «Устав» включал новые статьи об облегчении участи смердов, закупов, рядовичей, холопов. Так четко определялись источники холопства: самопродажа в холопство, превращение в холопа человека, женившегося без специального договора на холопке, а также поступление на службу к господину в качестве тиуна без специально оговоренной в этом случае свободы. Холопом становился и бежавший от господина закуп. Но если он уходил в поисках денег, чтобы отдать долг, то в этом случае его нельзя было превращать в холопа. Во всех остальных случаях попытки холопить свободных людей пресекались. Нельзя было обращать в холопа человека, получившего в долг хлеб или какую-либо другую «дачу».

Все это на некоторое время сняло социальное напряжение

в обществе. Вот уж действительно «Устав» Владимира Мономаха был самой прямой и непосредственной реакцией на восстание 1113 г.

По существу, Мономах выступил в истории Руси как первый серьезный реформатор. Он сумел устранить наиболее откровенные язвы складывающегося строя. Тем самым на время был достигнут социальный мир и упрочены основы самого этого развивающегося строя русской жизни.

Незадолго перед этим Владимиру Мономаху исполнилось 60 лет. Для того времени это было немало. Он овладел верховной властью в таком возрасте, когда люди уже расстаются и с властью, и с жизнью. Впереди у него еще было 12 лет правления.

За это время Владимир Мономах показал себя сильным и волевым правителем. Он сумел на время не только приостановить естественный процесс распада Руси на отдельные земли, но и значительно укрепил русскую государственность. Во-первых, он сокрушил своеволие отдельных князей, заставил подчиняться себе братьев Олега и Давыда Святославичей, которые послушно исполняли его просьбы о помощи в борьбе с половцами. Своих сыновей он, как Владимир I и Ярослав Мудрый, рассадил по крупным городам. Они управляли Новгородом и Смоленском, Ростовом и Суздалем. Он подавил мятеж своего племянника, сына Святополка – Ярослава, который правил на Волыни.

В 1115 г. умер Олег Святославич, и на время ослаб клан

Святославичей, но уже поднимались к власти его дети – Ольговичи, которых тоже надо было держать в узде.

В 1116 г. Мономах организовал новый большой поход против половцев. Затем посылал на Дон своих сыновей. Он нанес удар по Полоцкому княжеству, где сидели вечно мятежные потомки князя Всеслава, который умер в 1101 г., так и не смирившись с властью Киева. Попытался Мономах продолжить балканскую политику своих предков и утвердиться на Дунае. На юг было направлено русское войско, но Византия поспешила прислать Мономаху богатые дары, греки предложили обручить внучку Мономаха, дочь Мстислава Добронегу, с сыном византийского императора. Это была высокая честь. Русское войско было отозвано.

При этом великом князе Русь восстановила свое единство, свою мощь. Другие князья беспрекословно выполняли указания Мономаха.

Он проявил себя не только как видный полководец и властный политик, но и как рачительный хозяин. Его «Устав» был направлен на то, чтобы не только уберечь бояр, дружинников, духовенство, богатое купечество от народного гнева, но и поддержать хозяйство смерда и ремесленника, которое составляло основу государственного благосостояния.

Много внимания он уделял строительству, развитию культуры. При нем был создан новый летописный свод, в котором были подчеркнуты все заслуги Всеволодова дома. Авто-

ром свода явился Сильвестр – игумен домового Мономахова Выдубицкого монастыря. За составлением свода следил старший сын Мономаха Мстислав.

На закате жизни Владимир Мономах создал свое знаменитое «Поучение», в котором не только рассказал о своей трудной, полной опасностей жизни, но и поделился размышлениями о смысле жизни, об отношениях между людьми, дал практические советы о том, как вести вотчинное хозяйство. Он писал, что рано или поздно зло будет наказано, а добро восторжествует: «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте изобильную. Это ведь – начало всякого добра». «…Не соревнуйся с лукавым, не завидуй творящим беззаконие, – продолжал он, – ибо лукавые будут истреблены, а богопослушные – те будут владеть землей». «Молод был и состарился, – писал он далее, – и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба». Отрокам он наказывал: «Еде и питью быти без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь, не свирепствовать словом, не хулить в беседе; не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держать книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет». «Всего же более убогих не забывайте, – продолжал он, – но, насколько можете, по силам, кор-

мите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его».

Ставит Мономах и нравственно-философские вопросы:

«Более всего гордости не имейте в сердце своем и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; это все, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на малое время» (дается в переводе).

Многое в его личной жизни, полной драм и жестокостей, расходилось с этими заповедями, тем более удивительна была эта исповедь, высказанная человеком на склоне лет.

Владимир Мономах умер 19 мая 1125 г. на реке Альта, в небольшом доме, который был выстроен рядом с часовней на месте убийства святого Бориса. Он уехал туда, когда почувствовал приближение смерти.

Один древний источник сохранил такое описание Владимира Мономаха: «Лицом был красен (т. е. красив), очи велики, ростом не весьма велик, но крепкий телом и силен».

После смерти Владимира Мономаха, вопреки Ярославовой традиции старшинства в роду, на престол вступил его старший сын Мстислав, хотя были еще живы его дяди, двоюродные братья, старшие его по возрасту. Но в последние годы жизни Мономаха Мстислав, находясь постоянно около стареющего отца, по существу, вел все управление государством. Черниговские князья, считая себя старейшими в роду, были, естественно, недовольны, но на этот раз смолчали,

так как слишком велика была власть в руках Мстислава, могучими его военные силы. Да и сам князь, проделавший с отцом не одну военную кампанию, слыл способным и решительным военачальником.

Поначалу Мстислав урегулировал отношения в княжеской семье. Он сохранил за своими братьями их владения. Наиболее деятельные из них – Ярополк Владимирович и Юрий Владимирович Мономаховичи – заняли соответственно престолы в Переяславле, который стал со времени пребывания там еще Владимира Мономаха, по существу, вторым по политическому значению городом на Руси, и в Ростове. Своего старшего сына Всеволода новый киевский князь «посадил» в Новгороде, другому сыну отдал Смоленск. Таким образом, «племя» Мономаха продолжало владеть всей Русской землей. Лишь Полоцк да Чернигов, где правил сын Олега Всеволод, непосредственно не входили в Мономахову «отчину».

С черниговскими князьями Мстислав заключил компромисс, оставив черниговский престол за Всеволодом Ольговичем, хотя был еще жив брат Олега Ярослав, старший в этом роду. Но тем самым Мстислав добился лояльности со стороны Чернигова. На Полоцк же вскоре было послано войско, которое овладело Полоцкой землей. В полоцкие города были направлены посадники Мстислава.

Сын Мономаха продолжал проводить энергичную политику наступления на половецкую степь. Ударной силой здесь

продолжало выступать Переяславское княжество, которое испытало немало бед от половецких нашествий.

Все попытки половцев воспользоваться смертью Владимира Мономаха и вернуть утраченные позиции натолкнулись на мощь объединенных киевско-переяславских сил. Руководил русским войском, как правило, смелый и решительный полководец Ярополк Владимирович, очень напоминавший на поле брани своего отца Владимира Мономаха. Недаром современники говорили про него: «благоверного князя корень». Половецкое нашествие 1129 г. было отбито, а позднее Мстислав и Ярополк в ходе масштабных походов в степь сумели оттеснить часть половцев за Дон и Волгу, некоторые из них откочевали даже к реке Яик.

Мстислав обезопасил и северо-западные границы Руси. Он предпринимал походы против чуди и литовских племен, которые не раз тревожили русские границы. По словам летописца, Мстислав «много пота утер за землю Русскую».

Глава 6. Политический распад Руси

§ 1. Смерть Мстислава Великого и начало очередной смуты

В 1132 г. Мстислав Владимирович умер. На киевский стол взошел старший из Мономаховичей, Ярополк, бывший до этого переяславским князем. На первый взгляд казалось, что все идет своим чередом, что могучее Киевское государство просто переживает очередную смену князя. Но начиная с 1132 г. события на Руси стали приобретать такой характер, что становилось ясным: страна вступила в новый исторический этап, который готовился исподволь в течение предшествовавших десятилетий.

Внешне это выразилось в том, что на Руси разгорелась очередная междукняжеская смута. Ее главными действующими лицами снова были Мономаховичи и Ольговичи.

Вначале произошла ссора между сыновьями и внуками Мономаха. Попытка великого киевского князя Ярополка отдать Переяславль своему племяннику Всеволоду Мстиславичу, как он пообещал Мстиславу перед его кончиной, встретила сопротивление Юрия Владимировича Ростовского и Андрея Владимировича, который правил на Волыни. Сыновья Мономаха не без основания заподозрили, что бездетный

Ярополк намеревается подготовить передачу киевского стола сыну Мстислава Великого. Их отпор привел к тому, что Переяславль был отдан Юрию Долгорукому.

Распрю среди Мономаховичей использовал Всеволод Ольгович Черниговский, который при поддержке половцев и нейтралитете ростовского и волынского князей атаковал Киев. Три дня стоял Всеволод под городом; половцы учинили в это время разгром поднепровских земель. Но взять город черниговскому князю не удалось, и он ушел восвояси.

Наступление черниговского князя сплотило сыновей Мономаха – Ярополка, Юрия и Андрея. Теперь они начинают дружно выступать против Всеволода Ольговича, но тот заключает союз с внуками Мономаха, сыновьями Мстислава, которых их дядья активно начали оттирать в тень.

В середине 30-х гг. XII в. эта вражда вылилась в серию войн, в которых на стороне черниговского князя традиционно выступали половецкие отряды.

В 1139 г. Ярополк умер. После его смерти стол в Киеве занял старший из оставшихся в живых детей Мономаха, Вячеслав, но через несколько дней он был изгнан из города Всеволодом Ольговичем. Наконец-то черниговские князья реализовали свое право старшинства и заняли Киев. Ни у Юрия, ни у Андрея Владимировичей не было веских оснований вмешиваться в борьбу: оба они были лишь младшими в большой семье правнуков Ярослава Мудрого.

Вокняжение черниговского князя не покончило с междо-

усобицами, а лишь сделало их более упорными и масштабными. Отныне постоянными врагами киевского князя стали сыновья и внуки Мономаха, и наиболее активный из них – Юрий Владимирович Долгорукий.

После смерти Всеволода Ольговича в 1146 г. киевский стол ненадолго перешел к его брату Игорю. Но вскоре вспыхнуло очередное восстание «меньших» людей, и испуганная киевская верхушка послала ходоков, как когда-то, в 1113 г., в Переяславль, где княжил внук Мономаха Изяслав Мстиславич. Тот с войском подошел к Киеву, и бояре сдали ему город. Так династия Мономаха вновь вернула себе киевский стол. Однако это было сделано снова в обход старших в роду. На этот раз племянник обошел своих дядьев, и в первую очередь ростовского князя Юрия Долгорукого. Тот ответил войной.

В ходе почти десятилетней междоусобной борьбы Киев несколько раз переходил из рук в руки. В нем правили то черниговские князья, то дети и внуки Мономаха. Активную роль в этой распре играл ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий. Дважды в эти годы он воцарялся в Киеве. Второй раз он занял киевский стол в 1156 г., потеснив из Киева черниговского князя. Но киевская верхушка не благоволила к Юрию, считая его чужаком с севера.

В мае 1157 г. Юрий Долгорукий внезапно умер. Еще утром он пировал на дворе у одного из киевских бояр, а в ночь занемог и через пять дней скончался. Современни-

ки предположили, что великий князь был отравлен киевскими боярами, не желавшими делиться своими привилегиями и доходами с выходцами из Ростово-Суздальской Руси. В день похорон Юрия Долгорукого его противники разгромили двор ненавистного им князя, перебили ростовских и суздальских бояр и дружинников и разграбили их имущество.

И снова киевский стол перешел к представителям черниговского княжеского дома.

В ходе этой ожесточившейся борьбы за Киев князья-претенденты, занимая киевский стол, тем не менее сохраняли за собой и свои прежние владения. Так, Юрий Долгорукий, став великим киевским князем, продолжал жить на своем любимом северо-востоке, в городе Владимире-на-Клязьме, куда он перенес свою резиденцию. На Чернигов опирались и Ольговичи, оставаясь прежде всего черниговскими князьями, а потом уже князьями киевскими.

В чем же смысл этого нового положения, в котором оказалась столица Руси в XII в.?

§ 2. Начало политической раздробленности Руси

Начиная с 30-х гг. XII в. Русь необратимо вступила в полосу феодальной раздробленности, которая стала закономерным этапом развития всех крупных государств Европы в период раннего Средневековья. Если ее ранние проявления

еще гасились силой инерции, волей таких выдающихся государственных деятелей, как Владимир Мономах и Мстислав, то после их ухода с исторической арены новые экономические, политические, социальные тенденции властно заявили о себе.

К середине XII в. Русь раскололась на 15 княжеств, которые были лишь в формальной зависимости от Киева. В начале XIII в. их стало уже около 50. В течение XII в. политическая карта Руси стала похожа на лоскутное одеяло.

Конечно, одной из причин такого состояния государственности на Руси были постоянные княжеские разделы земель между Рюриковичами, их бесконечные междоусобные войны и новые переделы земель. Однако не только политические причины лежали в основе этого явления. В рамках единого государства за три века сложились самостоятельные экономические районы, выросли новые города, зародились и развились крупные вотчинные хозяйства, владения монастырей и церквей. В каждом из этих центров за спиной местных князей встали выросшие и сплотившиеся феодальные кланы – боярство со своими вассалами, богатая верхушка городов, церковные иерархи.

Становление в рамках Руси самостоятельных княжеств проходило на фоне бурного развития производительных сил общества, прогресса сельского хозяйства, ремесла, внутренней и внешней торговли, усиливавшегося обмена товарами между отдельными русскими землями.

Усложнилась и социальная структура русского общества, более определенными стали его слои в отдельных землях и городах: крупное боярство, духовенство, торговцы, ремесленники, низы города, включая холопов. Развивалась зависимость сельских жителей от землевладельцев. Вся эта новая Русь уже не нуждалась в прежней раннесредневековой централизации. Земли, отличавшиеся от других природными, экономическими данными, в новых условиях все более обособлялись. Для новой структуры хозяйства нужны были иные, чем прежде, масштабы государства. Огромная Киевская Русь с ее весьма поверхностным политическим сцеплением, необходимым прежде всего для обороны от внешнего врага, для организации дальних завоевательных походов, теперь уже не соответствовала нуждам крупных городов с их разветвленной феодальной иерархией, развитыми торгово-ремесленными слоями, нуждами вотчинников, стремящихся иметь власть, близкую их интересам, – и не в Киеве, и даже не в лице киевского наместника, а свою, близкую, здесь, на месте, которая могла бы полно и решительно отстаивать их интересы.

Зарождалось дворянство, в основу жизнедеятельности которого была положена служба сюзерену в обмен на земельное пожалование на время этой службы. Эта система еще более укрепляла позиции местных князей. Они также нередко опирались в борьбе со своеволием боярства на возросшую политическую активность горожан. Городские слои ста-

ли превращаться в определенный противовес в отношениях между князьями и боярством. Все это определило смещение исторических акцентов с центра на периферию, с Киева на центры отдельных княжеств.

Потеря Киевом своей исторической роли была в известной мере связана и с перемещением основных торговых путей в Европе и Передней Азии. В связи с бурным ростом итальянских городов и активизацией итальянского купечества в Южной Европе и Средиземноморье теснее стали связи между Западной и Центральной Европой, между Византией и Малой Азией. Крестовые походы приблизили Ближний Восток к Европе. Эти связи развивались, обходя Киев стороной. В Северной Европе набирали силу германские города, на которые все более стал ориентироваться Новгород и другие города русского Северо-Запада. Померк былой блеск некогда славного пути «из варяг в греки».

Не могли для Киева и Русской земли пройти бесследно и столетия напряженной борьбы с кочевниками – печенегами, половцами. Эта борьба истощала народные силы, замедляла общий прогресс края, обрекала его в новых экономических, социальных и политических условиях на отставание. Преимущество получали те районы страны, которые, хотя и находились в менее благоприятных природных условиях (Новгородская земля, Ростово-Суздальская Русь), не испытывали такого постоянного и изнуряющего давления со стороны кочевников, как Среднее Поднепровье.

Все это вместе взятое и определило ослабление Киева, власти великих князей и обусловило начало политического распада Руси.

Ожесточенная борьба князей друг с другом, нескончаемая междоусобица являлись лишь внешним выражением глубинных процессов развития русских земель. Если раньше междоусобицы являлись отражением тенденций либо племенного сепаратизма, либо были связаны с кризисами власти после смерти великих князей, то теперь эти войны были следствием новых обстоятельств русской жизни. В них отстаивалось право князей решать судьбу своих владений. Как образно сказал один историк, Киевская Русь «вынянчила и вырастила другие русские княжества, и теперь они, как самостоятельные птенцы, разлетелись по свету».

В сознании последующих поколений политический распад Руси на отдельные части понимался как большое несчастье, как откат общества назад. Тем более что такой распад привел к активизации противников Руси – половцев. В дальнейшем раздробленная Русь не смогла противостоять полчищам монголо-татар. Все это так. Но история меряет не годами и даже не десятилетиями, а столетиями. С точки зрения общеисторического развития, политическое дробление Руси – лишь закономерный этап на пути к будущей централизации страны и будущему экономическому и политическому взлету уже на новой цивилизационной основе. Об этом говорит и бурный рост городов и вотчинного хозяйства в отдель-

ных княжествах, и выход этих практически самостоятельных государств на внешнеполитическую арену: собственные договоры с прибалтийскими землями, с немецкими городами заключали позднее Новгород и Смоленск; Галич на Волыни активно вел дипломатические сношения с Польшей, Венгрией и даже с папским Римом. В каждом из этих княжеств-государств продолжала развиваться культура, строились замечательные архитектурные сооружения, создавались летописные своды, расцветала литература, публицистика. Знаменитое «Слово о полку Игореве» родилось как раз в пору этого политического распада некогда единой Руси.

В рамках княжеств-государств набирала силу русская церковь. Из кругов духовенства вышло в эти годы немало замечательных литературных, философско-богословских творений. А главное – в условиях становления новых экономических районов и оформления новых политических образований шло неуклонное развитие крестьянского хозяйства, осваивались новые пахотные земли, происходило расширение и количественное умножение вотчин, которые для своего времени стали наиболее прогрессивной формой ведения крупного комплексного хозяйства, хотя и происходило это за счет подневольного труда зависимого крестьянского населения, либо отданного князем вотчиннику вместе с землями, либо попавшего по бедности в кабалу к богатому землевладельцу. Но таковы парадоксы истории, где прогресс порой основывается на страдании и где будущий расцвет стра-

ны порой проходит через ее великие трудности.

К тому же политический распад Руси никогда не был полным. Сохранялись центростремительные силы, которые постоянно противостояли силам центробежным. В первую очередь это была власть великих киевских князей. Пусть порой призрачная, но она существовала, и даже Юрий Долгорукий, оставаясь на дальнем северо-востоке, именовал себя великим киевским князем. И позднее среди других русских княжеств существовало Киевское княжество, которое пусть и формально, но цементировало всю Русь. Недаром для автора «Слова о полку Игореве» власть и авторитет киевского князя стояли на высоком политическом и нравственном пьедестале.

Сохраняла свое влияние и общерусская церковь. Киевские митрополиты являлись руководителями всей церковной организации. Церковь, как правило, выступала за единство Руси, осуждала междоусобные войны князей, играла большую миротворческую роль. Клятва на кресте в присутствии церковных деятелей являлась одной из форм мирных договоренностей враждующих сторон.

Противовесом силам распада и сепаратизма была и постоянно существовавшая внешняя опасность для русских земель со стороны половцев. С одной стороны, соперничающие княжеские кланы привлекали половцев в качестве союзников, и те разоряли русские земли, с другой – в общерусском сознании постоянно жила идея единения сил в борьбе с

внешним врагом, сохранялся идеал князя – радетеля за Русскую землю, – каким были Владимир I и Владимир II Мономах. Недаром в русских былинах образы этих двух князей слились в один идеальный образ защитника Русской земли от злых ворогов.

Всем этим противоречивым силам русского общества еще предстояло пройти испытание временем. Но этого времени история отвела удивительно мало – всего несколько десятков лет: с востока надвигалась новая грозная опасность – монголо-татары.

Глава 7. Образование на территории Руси княжеств-государств

Среди полутора десятков княжеств, которые образовались в XII в. на территории Руси, наиболее крупными были Киевское с центром в Киеве, Черниговское и Северское с центрами в Чернигове и Новгороде-Северском, Новгородская земля с центром в Новгороде, Галицко-Волынское с центром в Галиче, Владимиро-Суздальское с центром во Владимире-на-Клязьме, Полоцкое, с центром в Полоцке, Смоленское с центром в Смоленске. Каждое из них занимало обширные земли, ядром которых были не только исторические территории еще старых племенных княжений, но и новые территориальные приобретения, новые города, которые выросли в землях этих княжеств за последние десятилетия.

§ 1. Киевское княжество

Киевское княжество хотя и утратило свое значение политического центра русских земель, однако Киев сохранил свою историческую славу «матери русских городов». Оставался он и церковным центром русских земель. Но главное – Киевское княжество продолжало оставаться средоточием наиболее плодородных земель на Руси; Днепр по-прежнему оставался крупнейшей водной артерией восточных сла-

вян, хотя и потерял свое значение «европейской дороги». Здесь сосредоточивалось наибольшее количество крупных владельческих вотчинных хозяйств и находилось наибольшее количество пахотных земель. В самом Киеве и городах Киевской земли – Вышгороде, Белгороде, Василеве, Турове, Витичеве и других – по-прежнему трудились тысячи ремесленников, чьи изделия славились не только на Руси, но и далеко за ее пределами. Киевское княжество занимало обширные пространства на правобережье Днепра, почти весь бассейн реки Припять, на юго-западе его земли граничили с Волынским княжеством. С юга, юго-запада и юго-востока Киев по-прежнему охранялся полосой городов-крепостей.

Смерть Мстислава Великого в 1132 г. и последующая борьба за киевский стол между Мономаховичами (Мономашичами) и Ольговичами стали поворотным пунктом в истории Киева. Именно в 30–40-е гг. XII в. он безвозвратно потерял контроль над Ростово-Суздальской землей, где правил энергичный и властолюбивый Юрий Долгорукий, над Новгородом и Смоленском, боярство которых само начало подбирать себе князей.

После очередной борьбы киевский стол переходит к князю Святославу Всеволодовичу, внуку Олега Черниговского. Именно его описывает автор «Слова» как могучего и властного князя, бывшего авторитетом для всех русских земель. Именно он урезонивал своего двоюродного брата, молодого северского князя Игоря, героя «Слова о полку Игореве»,

повременить с походом на половцев и дождаться сбора общерусских сил. Однако Игорь Святославич, сын Святослава Ольговича и внук знаменитого Олега Черниговского, не внял голосу осторожных князей и без подготовки двинулся в степь, что и обрекло его на поражение.

Для Киевской земли остались в прошлом большая европейская политика, дальние походы в сердце Европы, на Балканы, в Византию и на Восток. Теперь внешняя политика Киева ограничивается двумя направлениями: продолжается прежняя изнуряющая борьба с половцами, кроме того, новым сильным противником становится мужающее с каждым годом Владимиро-Суздальское княжество, которое при Юрии Долгоруком захватило Переяславль и теперь угрожало Киеву и с северо-востока, и с юго-востока.

Если половецкую опасность киевским князьям удавалось сдерживать, опираясь на помощь других княжеств, которые сами страдали от половецких набегов, то справиться с северо-восточным соседом было труднее. После смерти Юрия Долгорукого владимиро-суздальский престол перешел к его сыну Андрею Юрьевичу Боголюбскому, который в 60-е гг. уже предъявил права старшего князя на Киев, где правил в то время один из потомков Мономаха. Владимиро-суздальский князь подступил к Киеву в 1169 г. со своими союзниками, другими князьями. После трехдневной осады дружины осаждавших Киев князей ворвались в город. Впервые в своей истории Киев был взят «на щит», и не внешними вра-

гами, не печенегами, торками или половцами, а самими же русскими.

Несколько дней победители грабили город, жгли церкви, убивали жителей, уводили их в плен, грабили частные дома и монастыри. Как говорил летописец, были тогда в Киеве «на всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные».

Однако гроза миновала, и Киев, несмотря на этот жестокий разгром, продолжал жить полнокровной жизнью столицы крупного княжества. Здесь сохранились прекрасные дворцы и храмы, сюда, в киевские монастыри, сходились паломники со всей Руси. Киев отстроился после пожара и поражал приходящих сюда людей своей красотой. Здесь писалась общерусская летопись. Наконец, именно здесь было создано «Слово о полку Игореве».

Известной стабильности и благополучия Киевское княжество добилось при уже упомянутом Святославе Всеволодовиче, который делил власть в княжестве со своим соправителем Рюриком Ростиславичем. Так, киевские бояре иногда объединяли на престоле представителей враждующих княжеских кланов и избегали очередной междоусобицы. Когда умер Святослав, то Рюрик Ростиславич до начала XIII в. делил власть с претендовавшим на киевский трон Романом Мстиславичем Волынским, праправнуком Мономаха.

Затем между соправителями началась борьба. И снова в киевские дела вмешался владимиро-суздальский князь, на

этот раз знаменитый Всеволод Большое Гнездо, брат убитого к этому времени Андрея Боголюбского. В ходе борьбы враждующих сторон Киев несколько раз переходил из рук в руки. В конце концов победивший Рюрик сжег Подол, разграбил Софийский собор и Десятинную церковь – русские святыни. Его союзники, половцы, грабили киевскую землю, уводили людей в плен, в монастырях изрубили старых монахов, а «юных черниц, жен и дочерей киевлян увели в свои становища». Так грабил город его недавний правитель. Затем Роман захватил Рюрика в плен и постриг его и всю его семью в монахи. А вскоре погиб и новый победитель: он был убит поляками во время охоты, так как заехал слишком далеко во время пребывания в своих западных владениях. Это было в 1205 г. В огне междоусобной борьбы один за другим гибли русские князья, горели русские города.

§ 2. Черниговское и Северское княжества

Попытки обособиться Чернигов делал еще при Ярославе Мудром, когда его брат Мстислав, одержав над Ярославом победу, провел границу по Днепру и стал владыкой земель от Чернигова до Тмутаракани. После его смерти Русь вновь воссоединилась, новая попытка обособить Чернигов была сделана при Святославе Ярославиче, а затем при его сыне Олеге. Но в ту пору Киев еще крепкой рукой держал бразды

правления. Когда же хозяином там стал Владимир Мономах, а потом его сын Мстислав, Чернигов покорно шел в фарватере общерусской политики. И все же с каждым годом Черниговское княжество все более обособлялось. И здесь дело было не столько в личных качествах, честолюбии Олега Святославича и его энергичных сыновей, сколько в общих экономических и политических особенностях края. Сам Чернигов стал одним из крупнейших русских городов. Здесь сформировалось мощное боярство, опиравшееся на вотчинное землевладение. Здесь был свой епископ, в городе возвышались величественные храмы, и в первую очередь кафедральный собор Спаса, появились монастыри. У черниговских князей были сильные, искушенные в боях дружины. Торговые связи черниговских купцов простирались по всей Руси и за ее пределами. Есть известие о том, что они торговали даже на рынках Лондона. Черниговское княжество охватывало огромную территорию от Таманского полуострова до границ со Смоленским княжеством, от вятичских лесов, от пограничного ростово-суздальского городка Москва до половецкой степи. В состав Черниговского княжества входило немало крупных и известных городов. Среди них Новгород-Северский (т. е. новый город, основанный в земле северян), Путивль, Любеч, Рыльск, Курск, Стародуб. Позднее здесь стали известны Брянск, Козельск, Мосальск, Воротынск, Мценск. К Черниговскому княжеству также «тянули» в течение ряда лет, т. е. входили в его подчинение, Муром и Рязань. В

40–50-е гг. XII в. Северская земля во главе с Новгородом, что стоял на реке Десне, частично обособилась от Чернигова. Там утвердилась одна из ветвей князей Ольговичей, но все равно князь черниговский был верховным сюзереном северских князей.

Особые отношения сложились у Черниговского княжества в пору владычества там Ольговичей с половцами. Выше не раз говорилось о том, что Олег Черниговский дружил с половцами, что они нередко помогали ему в борьбе с двоюродным братом – Владимиром Мономахом. Авторы XII в. не раз ставили в вину Олегу связь с половцами, хотя дружеские и даже союзные отношения с ними (как и войны) были характерны для политики многих русских князей. И дело здесь не только в личных симпатиях Олега и его потомков. Черниговское княжество издавна включало в свой состав земли вплоть до Таманского полуострова, которые затем стали местом половецких кочевий. Курск, а позднее Курское княжество в составе Великого Черниговского княжества было пограничным с половецкой степью. Степь, половцы были традиционными соседями черниговских князей, и те традиционно не столько воевали, сколько дружили со своими соседями. Но, конечно, этому сближению помогало и постоянное соперничество черниговских князей с Мономаховичами, захватившими верховную власть в Киеве.

После смерти Олега, а затем и его братьев власть в Чернигове перешла в руки его старшего сына Всеволода; дру-

гие сыновья Олега «сидели» в иных городах Черниговского княжества. Тогда-то в Северской земле утвердился Святослав Ольгович, отец знаменитого новгород-северского князя Игоря, неудачливого героя «Слова о полку Игореве».

В течение всей второй половины XII в. черниговские князья активно боролись с потомками Мономаха за киевский стол, который, правда, все более утрачивал свое былое значение. Поначалу успех в этой борьбе сопутствовал Мономаховичам. Но позднее старший в роду Рюриковичей Всеволод Ольгович утвердился в Киеве, и теперь черниговские князья надолго закрепились в Киеве, уступив лишь на некоторое время престол знаменитому ростово-суздальскому князю Юрию Долгорукому.

В 80-е гг. XII в. сын Всеволода Ольговича Святослав занял по старшинству киевский стол, сохранив за собой титул великого князя Черниговского. Именно к этому времени относится воспетый в «Слове» поход северского князя Игоря на половцев в 1185 г., который раскрывает весь смысл политики тогдашних черниговских и северских князей в отношении и Киева, и половецкой степи.

Еще в 1180 г. Игорь вместе с другими черниговскими и северскими князьями в союзе с половцами «повоевал» Смоленскую землю. Затем он же вместе с половецкими ханами Кончаком и Кобяком направился на Киев, где княжил в то время один из потомков Мономаха. Черниговские и северские князья стремились возвести здесь на престол старше-

го в их роду – Святослава Всеволодовича. В ходе боев за Киев черниговские князья потерпели поражение, союзники Игоря, половцы, были разбиты киевской ратью, а сам князь Игорь вместе со своим будущим противником ханом Кончаком в одной лодке переплыли Днепр и тем спаслись от гибели. Но через некоторое время Святослав, заключив мир с тогдашним правителем Киева, все же овладел киевским престолом.

В Киеве появились два князя – один из рода Мономаха, другой из рода Олега.

Теперь уже двоюродные братья Святослав и Игорь – один в Киеве, другой в Новгороде-Северском – ведут противоборство с половцами, которые ежегодно предпринимают походы на Русскую землю. Киевский князь Святослав вместе с переяславским, волынским и галицким князьями осуществил нападение на половцев, кочевавших во главе с ханом Кобяком близ днепровских порогов, и разгромил их. Одновременно Игорь вместе со своим братом, курским князем Всеволодом, предпринял поход против донских половцев, во главе которых стоял его недавний союзник хан Кончак. Северские князья одержали победу. А в 1185 г. ранней весной Кончак двинулся в ответный поход. Против него выступила киевская рать и снова одержала победу. Затем Святослав Киевский углубился в Половецкую степь и нанес половцам еще одно поражение, захватив много добычи и пленников.

В этих боях весной 1185 г. черниговские и северские

князья не принимали участия, соблюдая нейтралитет. Но позднее, когда половцы были сокрушены киевским князем, Игорь Новгород-Северский решил, что теперь и он может ударить по ослабленным половецким силам и взять свою долю добычи. Так родилась идея нового похода в степь силами лишь северских князей.

В то время как киевский князь Святослав отдыхал после победоносных походов в степь, Игорь начал самостоятельный поход против половцев. 23 апреля 1185 г. северские князья выступили в степь. Между Северским Донцом и Азовским морем русское войско натолкнулось на первые половецкие кочевья и, разбив половецкое войско, овладело большой добычей. Но на следующий день на помощь своим сородичам подоспели основные силы во главе с самим Кончаком. Три дня на берегу реки Каялы, неподалеку от Азовского побережья, кипел бой между русскими и половецкими войсками. Русская рать была почти полностью уничтожена, князь Игорь и некоторые другие князья и бояре были взяты в плен.

Теперь половцы двинулись на Русь – во-первых, на Северские земли, во-вторых, на Переяславль, в-третьих, на Киев. Неподготовленный и проведенный малыми силами поход Игоря лишь спровоцировал это масштабное нашествие. Только большим напряжением сил русским княжествам удалось противостоять половцам.

В дальнейшем князь Игорь бежал из плена, а в 1198 г.,

оставшись старшим в роду Ольговичей, он стал великим князем черниговским. Князь Игорь умер в Чернигове в 1202 г. (родился в 1150 г.).

§ 3. Галицко-Волынское княжество

Галицко-Волынское княжество сформировалось на основе земель бывшего Владимиро-Волынского княжества, которое располагалось на западных и юго-западных границах Руси. В XI–XII вв. во Владимире-Волынском правили второстепенные князья, направляемые сюда великими киевскими князьями. Свою службу здесь в качестве наместника великого князя Святослава Ярославича прошел и молодой Владимир Мономах.

Галицко-Волынская земля располагалась в местах, исключительно благоприятных для хозяйства, торговли, политических контактов с окружающим миром. Ее границы подходили с одной стороны к предгорьям Карпат и упирались в течение Дуная. Отсюда было рукой подать до Венгрии, Болгарии, торгового пути по Дунаю в центр Европы, до балканских стран и Византии. С севера, северо-востока и востока эти земли обнимали владения Киевского княжества, которое, потеряв свою былую мощь и не претендуя на контроль над Галицко-Волынским княжеством, в то же время ограждало его от натиска могучих ростово-суздальских князей.

В здешних местах за время существования единого го-

сударства Русь выросли и расцвели многие крупные города. Это Владимир-Волынский, названный так по имени Владимира I. Город был долгие годы резиденцией великокняжеских наместников. Здесь же располагался выросший на солеторговле Галич, где в середине XII в. сформировалось мощное и независимое боярство, активные городские слои. Заметно выросли центры местных удельных княжеств, где «сидели» потомки Ростислава – сына рано умершего Владимира, старшего сына Ярослава Мудрого. Ростиславу Владимировичу дали в пожизненное владение малозначительный Владимир-Волынский. И теперь Ростиславичам принадлежали Перемышль, Дорогобуж, Теребовль, Бужеск, Турийск, Червень, Луцк, Холм. Эти города были богатыми и красивыми, в них было немало каменных зданий, почти все они были хорошо укреплены, имели мощные детинцы-крепости. Когда-то многие из этих городов были отвоеваны у Польши сначала Владимиром, а потом и Ярославом Мудрым. С тех пор они и вошли сначала в состав Руси, а затем стали основой создания независимого Галицко-Волынского княжества с опорой на два крупных города – Владимир-Волынский и Галич.

На рубеже XII и XIII вв. князь Роман Мстиславич Волынский объединил воедино Волынское и Галицкое княжества и создал большое и мощное княжество в юго-западном углу Руси – Галицко-Волынское. Но прежде чем это произошло, галицко-волынские земли пережили немало драмати-

ческих страниц, наполненных междоусобицами князей, боярскими заговорами, воинственной активностью горожан, вмешательством в политические конфликты иностранных государей и в первую очередь ближайших соседей – венгров и поляков.

Во второй половине XII в. наиболее примечательными фигурами на политическом горизонте Галицко-Волынской Руси были все те же потомки Ростислава и Мономаха. Назовем здесь пятерых князей: галицких князей – внука Ростислава Владимира, его сына, знаменитого по «Слову о полку Игореве» Ярослава Осмомысла, двоюродного брата Ярослава – Ивана Берладника, а также волынских князей, потомков Мономаха – его праправнука Романа Мстиславича Волынского и его сына, участника битвы на Калке с монголо-татарами, Даниила Романовича Галицкого.

В середине XII в. в Галицком княжестве, которое к этому времени стало самостоятельным и отделилось от Волыни, началась первая большая княжеская смута, за которой просматривались интересы как боярских группировок, так и городских слоев. В 1144 г. горожане Галича, воспользовавшись отъездом своего князя Владимира Володаревича на охоту, пригласили на княжение его племянника из младшей ветви Ростиславичей, Ивана Ростиславича, который княжил в небольшом городке Звенигороде. Судя по позднейшим делам этого князя, он выказал себя правителем, близким к широким городским слоям, и его приглашение вместо

взбалмошного и драчливого Владимира Володаревича было вполне закономерным. Владимир осадил Галич, но горожане встали горой за своего избранника. Лишь неравенство сил и отсутствие у горожан военного опыта склонило чашу весов в пользу галицкого князя. Иван бежал на Дунай, где обосновался в Берладе, отчего и получил в истории прозвище Берладника. Владимир занял Галич и жестоко расправился с мятежными горожанами.

После долгих скитаний Иван Берладник еще раз попытался вернуться в Галич. Летопись сообщает, что «смерды» открыто переходили на его сторону, но он столкнулся с сильной княжеской оппозицией. К этому времени его противник Владимир Володаревич уже умер, но галицкий престол перешел к его сыну – энергичному, умному и воинственному Ярославу Осмомыслу, женатому на дочери Юрия Долгорукого Ольге. О Ярославе Осмомысле «Слово» говорит, что он «подпер своими железными полками» горы Угорские, т. е. Карпаты. Против Ивана поднялись владетели Венгрии, Польши; его головы домогались и черниговские князья. Поддержку он получил от киевского князя, стремившегося в те годы ослабить своего противника Ярослава Осмомысла, активно поддерживаемого Юрием Долгоруким. Осмомысл одержал верх в борьбе за галицкий престол и надолго сохранил его за собой. Именно при нем Галицкое княжество достигло наивысшего расцвета, славилось своим богатством, развитыми международными связями, особенно с Венгри-

ей, Польшей, Византией. Правда, далось это Ярославу Осмомыслу нелегко. Автор «Слова о полку Игореве», рассказывая о его успехах и мощи, опускает те политические трудности, которые привелось испытать этому князю в борьбе с боярскими кланами. Сначала он боролся с претендентом на престол Иваном Берладником, за которым стояли все враги Ярослава Осмомысла. Позднее против него поднял мятеж его сын Владимир, который вместе со своей матерью Ольгой и видными галицкими боярами бежал в Польшу. За этим мятежом ясно читается противоборство своевольного галицкого боярства политике Ярослава Осмомысла, стремившегося, как и в Ростово-Суздальской земле Юрий Долгорукий и его сын Андрей Боголюбский, к централизации власти с опорой на «молодшую дружину» и горожан, натерпевшихся от своеволия бояр.

Галицкие бояре, оставшиеся в городе, уговорили Владимира вернуться и пообещали помощь в борьбе с отцом. И действительно, в ходе боярского заговора Ярослав Осмомысл был взят под стражу и освободился лишь после того, как «целовал крест» на том, что он проявит лояльность в отношении жены и сына. Однако борьба между Ярославом и Владимиром продолжалась еще долго. Владимир бежал, оказался в Новгороде-Северском у своей сестры Евфросиньи Ярославны, жены Игоря, участвовал в неудачном половецком походе северского князя. Он вернулся в Галич лишь после смерти отца в 1187 г., но был вскоре изгнан оттуда бо-

ярами.

Если Галицкое княжество прочно находилось в руках Ростиславичей, то в Волынском княжестве, в городе Владимире, так же прочно сидели потомки Мономаха. Здесь правил внук Мономаха Изяслав Мстиславич. Затем Мономаховичи разделили Волынское княжество на несколько уделов, т. е. еще более мелких княжеств, входивших в состав Волынского княжества.

К концу XII в. и в этом княжестве, как и других крупных русских княжествах-государствах, стало просматриваться стремление к объединению, к централизации власти. Особенно ярко эта линия проявилась при князе Романе Мстиславиче. Опираясь на горожан, на мелких землевладельцев, он противостоял своеволию боярских кланов, властной рукой подчинял себе удельных князей. При нем Волынское княжество превратилось в сильное и относительно единое государство. Теперь Роман Мстиславич стал претендовать на всю Западную Русь. Он воспользовался раздорами среди правителей Галича после смерти Ярослава Осмомысла и попытался воссоединить Галицкое и Волынское княжества под своей властью. Вначале ему это удалось, но в междоусобную борьбу включился венгерский король, который захватил Галич и изгнал оттуда Романа. Его соперник, сын Осмомысла, неудачливый друг и деверь северского князя Владимир Галицкий, был схвачен, выслан в Венгрию и там заточен в башне. Но вскоре предприимчивый князь бежал из плена.

Он появился в Германии у императора Фридриха Барбароссы и при поддержке немецких и польских войск вновь вокняжился в Галиче. Лишь после его смерти в 1199 г. Роман Мстиславич вновь объединил, и теперь уже надолго, Волынь и Галич. В дальнейшем он стал и великим князем киевским, владетелем огромной территории, равной Германской империи.

Роман, как и Ярослав Осмомысл, продолжал политику централизации власти, подавлял боярский сепаратизм, содействовал развитию городов. Подобные же стремления были видны в политике зарождающейся централизованной власти во Франции, Англии, других странах Европы. Правители крупных русских княжеств в этом смысле шли тем же путем, опираясь на растущие города и мелких землевладельцев, зависимых от них в поземельном отношении. Именно этот слой стал и в Европе, и позднее на Руси основой дворянства – опоры центральной власти. Но если в Европе этот процесс шел естественным путем, то на Руси он был прерван в самом начале опустошительным монголо-татарским нашествием.

Политику Романа Мстиславича продолжил его сын, Мономахович в пятом колене, Даниил Романович. Он потерял отца в 1205 г., когда ему было всего лишь четыре года. Галицко-волынское боярство тут же подняло голову. Княгиня с малолетним наследником бежала из княжества, найдя приют в Польше. Боярство пригласило в Галич, ставший теперь

стольным городом объединенного княжества, сыновей Игоря Северского. В ходе междоусобицы княжество вновь раскололось на ряд уделов, что позволило Венгрии завоевать его. Игоревичи продолжали борьбу за власть, в ходе которой погибло немало боярских фамилий, богатых горожан; но больше всего от междоусобицы страдали простые люди, чьи хозяйства разорялись, а сами они гибли на полях сражений.

В 1211 г. Даниил вернулся в Галич, но ненадолго – боярство снова изгнало его вместе с матерью из города. Бояре поставили во главе княжества ставленника из своих родов, что вызвало недовольство среди всех Рюриковичей. Лишь в 1221 г. Даниил Галицкий вернул себе сначала волынский престол, а за несколько лет до монголо-татарского нашествия, в 1234 г., утвердился и в Галиче. Он прослыл смелым и талантливым полководцем. О его личной храбрости ходили легенды.

В годы борьбы со своевольным и богатым галичским боярством Даниил опирался на горожан, «молодшую дружину», как и другие русские князья-централизаторы. Один из его помощников советовал Даниилу: «Господине, не погнетши пчел – меду не едать», то есть не удержать власти, не расправившись с боярством.

Но и после утверждения Даниила в княжестве боярство продолжало борьбу против его политики централизации власти, вступало в сговор то с Венгрией, то с Польшей, расшатывало политическую и военную мощь княжества.

§ 4. «Господин Великий Новгород»

«Господин Великий Новгород», как называли его современники, занимал особое место среди других русских княжеств.

Новгородские земли простирались на огромные расстояния – от Балтики до Уральских гор, от Белого моря и берегов Ледовитого океана до междуречья Волги и Оки.

Получив известность уже в IX в. как центр славянских земель в северо-западном углу Руси, Новгород с тех пор быстро набирает силу и к концу IX в. становится соперником Киева (см. § 1 данной главы). Киевские князья смотрели на Новгород как на свой северный форпост.

Он не стал, как, скажем, Чернигов, Полоцк, Переяславль, позднее Ростов или Владимир-Волынский, «отчиной» какой-нибудь княжеской ветви – Мономаховичей, Ольговичей или Ростиславичей. Присланные сюда князья были временными людьми, и их власть не укоренилась здесь, как в других центрах различных княжеств. Причина особого положения Новгорода кроется во всем строе жизни древнего города.

Новгород с самого начала вырос не столько как резиденция варяжских князей, но в первую очередь как торговый и ремесленный центр. Он располагался на знаменитом пути «из варяг в греки». Отсюда шли пути в Южную Прибалтику, в немецкие земли, в Швецию и Норвегию. Через озеро Иль-

мень и реку Мету пролегал путь на Волгу, а оттуда в Волжскую Булгарию, Хазарию, страны Востока. По днепровскому пути новгородские купцы доходили до Западного Причерноморья, Балкан, Византии. Новгородцам было чем торговать. Они вывозили прежде всего пушнину, которую добывали в северных лесах, ремесленники поставляли на внутренний и зарубежный рынки свои изделия. Славился Новгород своими мастерами кузнечного и гончарного дела, золотых и серебряных дел, оружейниками, плотниками, кожевенниками. Улицы и «концы» (районы) города зачастую носили названия ремесленных профессий: Плотницкий конец, улицы Кузнецкая, Гончарная, Щитная. На пушном промысле, искусных и разветвленных ремеслах взрастала торговля Новгорода. Здесь ранее, чем в других городах Руси, появились объединения крупных купцов, развилась кредитная система. Богатые торговцы имели не только речные и морские суда, но и склады, амбары. Они строили богатые каменные дома, церкви. В Новгород приходило немало иноземных купцов. Здесь располагались «Немецкий» и «Готский» дворы, что указывало на тесные торговые связи города с немецкими землями. В торговлю включались не только купцы, ремесленники, отдававшие свою продукцию скупщикам, но и бояре, представители церкви, в том числе новгородский владыка – архиепископ.

Уверенное хозяйственное развитие Новгорода во многом объяснялось не только выгодными природными и географи-

ческими условиями, но и тем, что он со времени варяжских нашествий в IX в. более не знал внешней опасности. Ни печенеги, ни половцы не доходили до здешних мест. Немецкие рыцари появились здесь позднее. Это оберегало народный труд, создавало благоприятные условия для развития края.

Большую силу в Новгороде со временем получили крупные бояре-землевладельцы. Именно их земельные владения, леса, рыбные угодья давали основную торговую продукцию – пушнину, мед, воск, рыбу, другие продукты земли, леса, воды. Именно бояре и крупные купцы нередко организовывали дальние экспедиции «ушкуйников», речных и морских мореплавателей, в целях овладения новыми промысловыми землями, добычи пушнины. Интересы боярства, купечества, церкви сплетались здесь воедино; вот почему верхушка города, так называемая аристократия, опираясь на свои несметные богатства, играла такую большую роль в политической жизни Новгорода. И здесь она вела за собой ремесленников, прочий люд. Новгород выступал единым фронтом против постоянного политического давления то со стороны Киева, то со стороны Ростово-Суздальского княжества. Все новгородцы были заодно, защищая свое особое положение в русских землях, свой суверенитет. Но во внутренней жизни города такого единства не было: нередки были острейшие столкновения интересов простых горожан и городской верхушки, что выливалось в открытые столкновения, восстания низов против боярства, богатого купечества, ростовщиков.

Не раз врывались восставшие горожане и на архиепископский двор. Городская аристократия также не представляла собой единого целого. Остро соперничали между собой отдельные боярские и купеческие кланы. Они боролись за земли, доходы, привилегии, за то, чтобы поставить во главе города своего ставленника – князя, посадника или тысяцкого.

Подобные же порядки складывались и в других крупных городах Новгородской земли – Пскове, Ладоге, Белоозере, Изборске, где были свои сильные боярско-купеческие кланы, своя ремесленная и работная масса населения. Каждый из этих городов, являясь частью Новгородского княжества, в то же время претендовал на относительную самостоятельность, боролся за свои права и привилегии с новгородской аристократией.

Новгород соперничал с Киевом не только в смысле хозяйственном, торговом, но и по части внешнего облика города. Здесь, на левом берегу Волхова, на взгорье, рано появился свой кремль, обнесенный каменной стеной, в отличие от многих других русских детинцев, огороженных деревянно-земляными укреплениями. Сын Ярослава Мудрого Владимир выстроил здесь свой Софийский собор, который соперничал по красоте и монументальности с киевской Софией. Напротив кремля располагался торг, где обычно проходило городское вече – сход всех политически активных новгородцев. На вече решались многие важные вопросы жизни города: выбирались городские власти, обсуждались кандида-

туры приглашаемых князей, определялась военная политика Новгорода.

Между левобережным и правобережным Новгородом был выстроен мост через Волхов, который играл важную общественную роль в жизни города. Здесь нередко происходили кулачные бои между различными новгородскими враждующими группировками и их сторонниками. Отсюда по приговору городских властей сбрасывали в глубины Волхова осужденных на смерть преступников.

По берегам Волхова стояли многочисленные пристани. У причалов теснились речные и морские суда. Они стояли так тесно, что в случае пожаров огонь порой по судам переходил с одного берега на другой. На окраинах города располагались богатые монастыри, чьи стены служили как бы дополнительными оборонительными укреплениями. На берегу озера Ильмень, к югу от города, стоял Юрьевский монастырь. В северной части располагался Антониев монастырь.

Новгород был для своего времени городом высокой культуры быта. Он был мощен деревянными мостовыми, власти внимательно следили за порядком и чистотой городских улиц. Признаком высокой культуры горожан служит повсеместная грамотность, которая проявлялась в том, что многие новгородцы владели искусством письма на бересте. Берестяные грамоты в изобилии находят археологи при раскопке древних новгородских жилищ. Берестяные грамоты посылали друг другу не только бояре, купцы, но и простые горожа-

не. Это были долговые расписки и просьбы о займах, записки к жене, приглашение на похороны, челобитные грамоты, завещания, любовные письма и даже стихи.

Особый хозяйственный, политический, социальный и культурный облик города, а также городов Новгородской земли, которые во многом копировали свой город-сюзерен, привел к тому, что и после воссоединения Севера и Юга страны Новгород постоянно боролся за свою «особность» от Киева. Не случайно, зная это стремление Новгорода, киевские князья зорко следили за политической жизнью города. Не случайно они направляли туда своих старших сыновей-наместников, которым со временем надлежало не укореняться в оппозиционном Новгороде, а возвращаться в Киев и принимать родительский престол.

И все же даже в этом случае наместники – сыновья киевского князя – силой обстоятельств, силой всей обособленности Новгорода от общерусской жизни входили в противоречие с Киевом, даже когда там сидел отец или старший князь. Так, мы знаем, новгородское общество сплотилось вокруг Владимира в его борьбе со своим братом Ярополком. Позднее против Владимира I выступил его сын Ярослав, который был послан в Новгород наместником киевского князя. Во времена Владимира II Мономаха в Новгороде в 1118 г. созрел боярский заговор против центральной власти. Лишь вызов в Киев новгородских бояр и их арест сорвали намерение новгородской аристократии обособиться и на этот раз от

власти Киева, утвердить на новгородском столе своего ставленника.

Уже в течение XI в., принимая от киевских князей наместников-сыновей, местная аристократия тем не менее стремилась «выкормить» своего князя, который бы прежде всего отстаивал интересы «господина Великого Новгорода». Так, своим «вскормленником» новгородцы считали сына Мономаха Мстислава Владимировича. И когда Святополк, заняв киевский стол, отодвинул в Чернигов, а затем в Переяславль Владимира Мономаха, а потом попытался сместить Мстислава из Новгорода и послать туда своего сына, то новгородцы выразили резкий протест и заявили, что если у него два сына, то пускай посылает своего кандидата на верную смерть. Киевский князь отступил перед угрозой новгородской аристократии. В 1118 г. новгородцы воспротивились присылке сюда вместо Мстислава, которого Мономах перевел на Юг, его сына и своего внука Всеволода Мстиславича. Всеволод не был с малолетства «выкормлен» в Новгороде, поэтому город выступил против него.

В дальнейшем во времена Владимира Мономаха и его сына Мстислава Новгород вел себя более или менее лояльно. Тем более что на киевском престоле сидел «его» князь – Мстислав Владимирович, благоволивший Новгороду.

Но затем по мере ослабления власти киевских князей и развития политического сепаратизма Новгород стал проявлять все больше независимости от Киева. Особенно ярко это

проявилось после смерти Мстислава Великого. На киевский престол, как мы помним, встал другой сын Мономаха, Ярополк, а в Новгороде продолжал «сидеть» Всеволод Мстиславич. Когда же он выехал из Новгорода и попытался неудачно добыть себе более почетный в княжеской семье престол Переяславля, новгородцы не пустили его обратно и выгнали из города. Но Новгород нуждался в княжеской руке – для командования войском, для обороны новгородских границ. Считая, видимо, что Всеволод Мстиславич получил хороший урок, бояре вернули его назад, но Всеволод, выросший в традициях сильной киевской власти и чувствуя себя представителем Киева, вновь попытался, опираясь на Новгород, проводить собственную династическую политику, ввязавшись в межкняжескую борьбу за власть, за «столы». Он втянул Новгород в противоборство с Суздалем, которое закончилось поражением новгородской рати. Это переполнило чашу терпения новгородского боярства. Против князя выступили и «черные люди», не поддержали его ни церковь, ни купечество, которое он ущемлял в правах. 28 мая 1136 г. Всеволод с семьей по приговору веча, в котором приняли участие представители от Пскова и Ладоги, был заключен под стражу в архиепископском дворце, где он находился под охраной 30 вооруженных воинов два месяца. Затем Всеволода выслали из города, обвинив его в том, что он «не блюдет смерд», т. е. не выражал интересов простых людей, плохо руководил войском во время противоборства с суздальцами,

втянул Новгород в межкняжескую борьбу на Юге.

После событий 1136 г. к власти в Новгороде окончательно пришла городская аристократия – крупное боярство, богатое купечество, архиепископ. В Новгород в качестве наемного военачальника был приглашен Святослав Ольгович из Чернигова, отец Игоря Северского, героя «Слова о полку Игореве». Так после событий 1136 г. Новгород вышел на дорогу полной независимости от других русских княжеств, стал своеобразной аристократической республикой, где несколько крупных боярских и купеческих фамилий, посадник, архиепископ определяли всю политику Новгородской земли.

Со временем Новгород в своих хозяйственных связях все менее ориентировался на Юг, теснее становились его связи с южнобалтийским миром, скандинавскими и немецкими землями. Среди русских земель наиболее прочные связи Новгород сохранял со своими ближайшими соседями Полоцким и Смоленским княжествами и Ростово-Суздальской Русью.

§ 5. Владимиро-Суздальское княжество

Северо-Восточная Русь в течение долгих веков была одним из самых глухих углов восточнославянских земель. В то время когда в X – XI вв. Киев, Новгород, Чернигов и другие города Среднего Поднепровья и Северо-Запада благодаря своему выгодному географическому положению, хо-

зяйственному и политическому развитию, сосредоточению здесь основной части восточнославянского населения стали видными экономическими, политическими, религиозными и культурными центрами, вышли на международную арену, стали основой создания единого государства, в междуречье Оки, Волги, Клязьмы, там, где позднее возникло Владимиро-Суздальское княжество, царили еще первобытные нравы.

Лишь в VIII–IX вв. здесь появилось племя вятичей, передвинувшееся сюда с юго-запада. До этого здесь обитали угро-финские, а западнее – балтские племена, которые были основными жителями края. Славянская колонизация этих мест шла по двум направлениям – с юго-запада и запада, из района Среднего Поднепровья и с северо-запада, из новгородских земель, района Белоозера, Ладоги. Здесь пролегала старинная торговая дорога из Новгородской Руси на Волгу; следом за торговцами шли по этой дороге поселенцы, которые вместе с местным племенем вятичей, а также жившими неподалеку кривичами, угро-финнами начали освоение этих мест.

Почему же славянское население так упорно шло в эти, казалось, забытые Богом места? Во-первых, в междуречье Оки, Волги, Клязьмы было немало пригодных для земледелия пахотных земель, особенно в будущей Суздальской Руси; на сотни километров простирались здесь великолепные заливные луга. Умеренный климат давал возможность развивать и земледелие, и скотоводство; густые леса были бо-

гаты пушниной, здесь в изобилии росли ягоды, грибы, издавна процветало бортничество, что давало столь ценимые в то время мед и воск. Широкие и спокойно текущие реки, полноводные и глубокие озера изобиловали рыбой. При упорном и систематическом труде эта земля могла вполне накормить, напоить, обуть, согреть человека, дать ему материал для постройки домов, и люди настойчиво осваивали эти неприхотливые места.

К тому же Северо-Восточная Русь почти не знала иноземных нашествий. Сюда не доходили волны яростных нашествий степняков в первом тысячелетии н. э. Позднее сюда не достигал меч предприимчивых завоевателей – варягов, не добиралась в эти дали и половецкая конница, разбивавшаяся о непроходимые лесные чащи. Жизнь здесь текла не так ярко и динамично, как в Поднепровье, но зато спокойно и основательно. Позднее Владимиро-Суздальская Русь, держащаяся на отлете, хотя и принимала активное участие в междоусобных битвах XII в., сама редко становилась ареной кровопролитных схваток. Чаще ее князья водили свои дружины на Юг, доходили до Чернигова, Переяславля, Киева и даже до Владимиро-Галицкой Руси.

Все это содействовало тому, что пусть и в замедленном ритме, но жизнь здесь развивалась, осваивались новые земли, возникали торговые фактории, строились и богатели города; позднее, чем на Юге, но также зарождалось вотчинное землевладение.

В XI в. здесь уже стояли крупные городские центры – Ростов, Суздаль, Ярославль, Муром, Рязань. При Владимире Мономахе возникли построенный им и названный в его честь Владимир-на-Клязьме и Переяславль (северный).

К середине XII в. Владимиро-Суздальская Русь обнимала огромные пространства восточнославянских, угро-финских, балтских земель. Ее владения простирались от таежных лесов Севера, низовьев Северной Двины, побережья Белого моря до границ с половецкой степью на юге, от верховьев Волги на востоке до смоленских и новгородских земель на западе и северо-западе.

Еще в XI в. земли Ростова и Суздаля с их отсталыми хозяйственными порядками, где преобладали охота и промыслы, с населением, упорно державшимся своих племенных традиций и старых языческих верований, представляли собой постоянный оплот племенного, позднее языческого сепаратизма. И Киеву стоило больших усилий держать в узде непокорное племя вятичей, преодолевать сильные восстания, руководимые языческими волхвами. В борьбе с вятичами испытали свои военные таланты и Святослав, и Владимир I, и Ярослав Мудрый, и Владимир Мономах.

Но едва этот северо-восточный угол окончательно вошел в орбиту влияния Киева, как заработали новые центробежные силы, которые как бы вдохнули новую жизнь в стремление Северо-Восточной Руси к обособленной от Киева жизни.

Возвышаться Владимиро-Суздальская Русь, которая то-

гда называлась Ростовским, а позднее Ростово-Суздальским княжеством, по названию главных городов этих мест – Ростова и Суздаля, стала при Владимире Мономахе. Сюда он попал на княжение в возрасте 12 лет, посланный своим отцом Всеволодом Ярославичем. С тех пор Ростово-Суздальская земля прочно вошла в состав «отчины» Мономаха и Мономаховичей. В пору трудных испытаний, в пору горьких поражений дети и внуки Мономаха знали, что здесь они всегда найдут помощь, поддержку. Здесь они смогут набраться новых сил для жестоких политических схваток со своими соперниками.

Сюда в свое время Владимир Мономах послал на княжение одного из своих младших сыновей – Юрия Владимировича, потом, заключив мир с половцами, женил его на дочери союзного половецкого хана. До поры до времени Юрий, как младший, оставался в тени других своих братьев. Да были властелины на Руси и постарше – его дядья и черниговские Ольговичи.

Но по мере мужания, по мере того как уходили из жизни старшие князья, голос ростово-суздальского князя звучал на Руси все громче и его претензии на первенство в общерусских делах становились все основательней. И дело было не только в его неуемной жажде власти, стремлении к первенству, не только в его политике захвата чужих земель, за что он и получил прозвище Долгорукого, но и в экономическом, политическом, культурном обособлении огромного края, ко-

торый все более стремился жить по своей воле. Особенно это относилось к большим и богатым северо-восточным городам. Слов нет, они были меньше, беднее, неказистей, нежели Киев, Чернигов, Галич, но в здешних местах они все более становились средоточием экономической мощи и независимости, предприимчивости и инициативы. Если «старые» города – Ростов и особенно Суздаль – были, кроме того, сильны своими боярскими группировками и там князья все более чувствовали себя неуютно, то в новых городах – Владимире, Ярославле – они опирались на растущие городские сословия, верхушку купечества, ремесленников, на зависимых от них мелких землевладельцев, получавших землю за службу у великого князя.

В середине XII в. усилиями в основном Юрия Долгорукого Ростово-Суздальское княжество из далекой окраины, которая прежде покорно посылала свои дружины на подмогу киевскому князю, превратилось в обширное независимое княжество, которое проводило активную политику внутри русских земель, расширяло свои внешние границы.

Юрий Долгорукий неустанно воевал с Волжской Булгарией, которая в пору ухудшения отношений пыталась блокировать русскую торговлю на Волжском пути, перекрывала дорогу на Каспий, на Восток. Вел он противоборство с Новгородом за влияние на смежные и пограничные земли. Уже тогда, в XII в., зародилось соперничество Северо-Восточной Руси и Новгорода, которое позднее вылилось в острую борь-

бу Новгородской аристократической республики с поднимающейся Москвой. В течение долгих лет Юрий Долгорукий упорно боролся также за овладение киевским столом.

Участвуя в междукняжеских усобицах, воюя с Новгородом, Юрий имел союзника в лице черниговского князя Святослава Ольговича, который был старше ростово-суздальского и ранее него предъявил свои права на киевский престол. Юрий помогал ему войском, сам же предпринял успешный поход на новгородские земли. Святослав не завоевал себе киевского престола, но «повоевал» смоленские земли. А потом оба князя-союзника встретились для переговоров и дружеского пира в пограничном суздальском городке Москва. Юрий Долгорукий пригласил туда, в маленькую крепостицу, своего союзника и написал ему: «Приди ко мне, брате, в Москов». 4 апреля 1147 г. союзники встретились в Москве. Святослав подарил Юрию охотничьего гепарда, а Юрий отдарился «многими дарами», как отметил летописец. А потом Юрий устроил «обед силен» и пировал со своим союзником. Так в исторических источниках впервые была упомянута Москва. Но не только с этим городом связана деятельность Юрия Долгорукого. Он построил ряд других городов и крепостей. Среди них – Звенигород, Дмитров, Юрьев-Польский.

В конце концов в 50-е гг. XII в. Юрий Долгорукий овладел киевским столом, но вскоре умер в Киеве в 1157 г.

В. Н. Татищев, в руках которого находилось немало ста-

ринных русских летописей, не дошедших до нас, так описывал внешность и характер Юрия Долгорукого: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицем белый, глаза не вельми великии, нос долгий и накривленный, брада малая; великий любитель жен, сладких писч и пития; более всего о веселиах, нежели о разправе (управлении. – *А. С.*) и воинстве прилежал, но все оное состояло во властии и смотрении вельмож его и любимцев». Известия о пирах в Москве и в Киеве как будто подтверждают эту характеристику, но в то же время нельзя не видеть и ее некоторую односторонность. Юрий Долгорукий был одним из первых крупных государственных деятелей Северо-Восточной Руси, при котором этот край прочно занял ведущее место среди других русских земель. И даже то, что он передоверил все дела своим помощникам и советникам, никак не умаляет его достоинств: князь умел подбирать людей, которые проводили его политику в жизнь.

В 1157 г. на престол в Ростово-Суздальском княжестве вступил сын Юрия Долгорукого Андрей Юрьевич (1157–1174), рожденный от половецкой княжны.

Андрей Юрьевич родился около 1120 г., когда еще был жив его дед Владимир Мономах. До тридцати лет князь прожил на севере. Отец отдал ему в удел город Владимир-на-Клязьме, где провел Андрей свои детские и юношеские годы. Он редко бывал на юге, не любил Киев, смутно представлял себе все сложности династической борьбы среди Рюрикови-

чей. Все его помыслы были связаны с севером. Еще при жизни отца, который после овладения Киевом наказал ему жить рядом в Вышгороде, независимый Андрей Юрьевич против воли Юрия уехал на север, в свой родной Владимир.

В юности Андрей Юрьевич проделал с отцом не одну военную кампанию на юг и прослыл смелым воином и умелым военачальником. Он любил начинать битву сам, врубаться в ряды врагов. О его личном мужестве ходили легенды.

После смерти Юрия Долгорукого бояре Ростова и Суздаля избрали своим князем Андрея, стремясь утвердить в Ростово-Суздальской земле собственную династическую линию и прекратить сложившуюся традицию великих князей посылать в эти земли на княжение то одного, то другого из своих сыновей.

Однако Андрей сразу же спутал все их расчеты. Прежде всего он согнал с других ростово-суздальских столов своих братьев. Среди них был и знаменитый в будущем владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Затем Андрей удалил от дел старых бояр Юрия Долгорукого, распустил его поседевшую в боях дружину. Летописец отметил, что Андрей стремился стать «самовластцем» Северо-Восточной Руси.

На кого же опирался Андрей Юрьевич в этой борьбе? Прежде всего на города, городские сословия. Подобные стремления проявили в это время и властелины некоторых других русских земель, например Роман, а потом Даниил Га-

лицкие. Укреплялась королевская власть и во Франции, Англии, где городское население также начало активно поддерживать королей и выступать против своеволия крупных землевладельцев. Таким образом, действия Андрея Боголюбского лежали в общем русле политического развития европейских стран. Свою резиденцию он перенес из боярских Ростова и Суздаля в молодой город Владимир; близ города в селе Боголюбово он построил великолепный белокаменный дворец, отчего и получил прозвище Боголюбский. С этого времени и можно называть Северо-Восточную Русь Владимиро-Суздальским княжеством, по имени ее главных городов.

В 1169 г. вместе со своими союзниками Андрей Боголюбский взял штурмом Киев, выгнал оттуда своего двоюродного племянника Мстислава Изяславича и отдал город на разграбление. Уже этим он показал свое небрежение по отношению к прежней русской столице, всю свою нелюбовь к Югу. Андрей не оставил город за собой, а отдал его одному из своих второстепенных родственников, а сам же вернулся во Владимир-на-Клязьме, в свой пригородный белокаменный дворец в Боголюбове. Позднее Андрей предпринял еще один поход на Киев, но неудачно. Воевал он, как и Юрий Долгорукий, и с Волжской Булгарией.

Действия Андрея Боголюбского вызывали все большее раздражение среди ростово-суздальского боярства. Их чаша терпения переполнилась, когда по приказу князя был каз-

нен один из родственников его жены, видный боярин Степан Кучка, чьи владения находились в районе Москвы (в отличие от угро-финского, она носила и древнерусское название – Кучково). Захватив владения казненного боярина, Андрей приказал построить здесь свой укрепленный замок. Так в Москве появилась первая крепость.

Брат казненного, другие родственники организовали заговор против Андрея Боголюбского. В заговор были вовлечены также его жена и ближайшие слуги – осетин Анбал, дворцовый ключник и слуга Ефрем Моизевич.

Накануне заговора Анбал выкрал из спальни меч князя, а в ночь на 29 июня 1174 г. заговорщики вошли во дворец и приблизились к княжеским покоям. Однако их обуял страх. Тогда они спустились в подвал, подкрепились там княжеским вином и уже в воинственном и возбужденном состоянии вновь подошли к дверям княжеской спальни. Андрей отозвался на их стук, и когда заговорщики ответили, что это пришел Прокопий – любимец князя, Андрей Боголюбский понял, что ему грозит беда: из-за двери прозвучал незнакомый голос. Князь приказал постельничьему не открывать дверь, а сам тщетно пытался найти меч. В это время заговорщики взломали дверь и ворвались в спальню. Андрей Боголюбский отчаянно сопротивлялся, но силы были неравны. Заговорщики нанесли ему несколько ударов мечами, саблями, кололи его копьями. Решив, что Андрей убит, заговорщики вышли из спальни и уже покидали хоромы, когда вдруг

его ключник Анбал услыхал стоны князя. Они вернулись и добили князя внизу у лестницы, куда ему удалось добраться.

Затем заговорщики расправились с близкими князю людьми, ограбили его сокровищницу.

На следующее утро весть об убийстве Андрея Боголюбского облетела стольный град. Во Владимире, Боголюбове и окрестных селах начались волнения. Народ поднялся против княжеских посадников, тиунов, сборщиков налогов. Нападениям подверглись и дворы богатых землевладельцев и горожан. Лишь через несколько дней бунт утих.

События во Владимиро-Суздальской земле показали, что центр политической власти окончательно переместился с Юга на Север Руси, что в отдельных русских княжествах-государствах стали крепнуть централизаторские тенденции, которые сопровождались отчаянной борьбой за власть между различными группами верхов населения. Эти процессы осложнялись выступлениями низших слоев городов и деревень, которые боролись против насилий и поборов со стороны князей, бояр, их слуг.

Гибель Андрея Боголюбского не остановила процесса централизации Владимиро-Суздальской Руси. Когда боярство Ростова и Суздаля попыталось посадить на престол племянников Андрея и управлять за их спиной княжеством, поднялись «меньшие люди» Владимира, Суздаля, Переяславля, других городов и пригласили на владимиро-суздальский престол Михаила – брата Андрея Боголюбского. Его ко-

нечная победа в нелегкой междоусобной борьбе с племянниками означала победу городов и поражение боярских клик.

После смерти Михаила его дело взял в свои руки вновь поддержанный городами третий сын Юрия Долгорукого Всеволод Юрьевич (1176–1212). В 1177 г. он, разгромив своих противников в открытом бою близ города Юрьева, овладел владимиро-суздальским престолом. Мятежные бояре были схвачены и заточены в тюрьму, их владения конфискованы. Поддержавшая мятежников Рязань была захвачена, а рязанский князь попал в плен. Всеволод III стал великим князем (вслед за Всеволодом I Ярославичем и Всеволодом II Ольговичем). Он получил прозвище «Большое Гнездо», так как имел восемь сыновей и восемь внуков, не считая потомства женского пола. В своей борьбе с боярством Всеволод Большое Гнездо опирался не только на города, но и на мужающее с каждым годом дворянство (в источниках к ним применяются термины «отроки», «мечники», «вирники», «гриди», «меньшая дружина» и т. д.), социальной чертой которого является служба князю за землю, доходы и другие милости. Эта категория населения существовала и прежде, но теперь она становится все более многочисленной. С увеличением значения великокняжеской власти в некогда заштатном княжестве роль и влияние дворянства также вырастали год от года. Оно, по существу, несло всю основную государственную службу: в войске, судопроизводстве, посольских делах, сборе податей и налогов, расправе, дворцовых

делах, управлении княжеским хозяйством.

Укрепив свои позиции внутри княжества, Всеволод Большое Гнездо стал оказывать все большее влияние на дела Руси: вмешивался в дела Новгорода, овладел землями в Киевской земле, подчинил полностью своему влиянию Рязанское княжество. Он успешно противоборствовал Волжской Булгарии. Его поход на Волгу в 1183 г. закончился блестящей победой.

Тяжело заболев в 1212 г., Всеволод Большое Гнездо собрал своих сыновей и завещал престол старшему, Константину, сидевшему в то время в Ростове в качестве наместника отца. Но Константин, уже крепко связавший свою судьбу с ростовским боярством, попросил отца оставить его в Ростове и туда перенести престол из Владимира. Поскольку это могло нарушить всю политическую ситуацию в княжестве, Всеволод при поддержке своих соратников и церкви передал престол второму по старшинству сыну, Юрию, наказав ему оставаться во Владимире и отсюда управлять всей Северо-Восточной Русью.

Всеволод умер в возрасте 58 лет, «просидев» на великокняжеском престоле 36 лет. Его преемнику Юрию не сразу удалось взять верх над старшим братом. Последовала новая междоусобица, продлившаяся целых шесть лет, и только в 1218 г. Юрий Всеволодович сумел овладеть престолом. Тем самым была окончательно нарушена старая официальная традиция наследования власти по старшинству, отны-

не воля великого князя-«единодержавца» стала сильней, чем былая «старина».

Северо-Восточная Русь сделала еще один шаг к централизации власти. В борьбе за власть Юрий, однако, вынужден был пойти на компромисс со своими братьями. Владимиро-Суздальская Русь распалась на ряд уделов, где сидели дети Всеволода III. Но процесс централизации был уже необратим. Монголо-татарское нашествие нарушило это естественное развитие политической жизни Руси и отбросило его назад.

Глава 8. Культура Руси X – начала XIII века

§ 1. Как зарождалась культура Руси

Культура народа является частью его истории. Ее становление, последующее развитие тесно связаны с теми же историческими факторами, которые воздействуют на становление и развитие хозяйства страны, ее государственности, политической и духовной жизни общества. В понятие «культура» входит, естественно, все, что создано умом, талантом, рукоделием народа, все, что выражает его духовную сущность, взгляд на мир, природу, человеческое бытие, на человеческие отношения.

Культура Руси складывается в те же века, что и становление русской государственности. Рождение народа шло одновременно по нескольким линиям – хозяйственной, политической, культурной. Русь складывалась и развивалась как средоточие огромного для того времени народа, состоящего поначалу из различных племен; как государства, жизнь которого развертывалась на огромной территории. И весь оригинальный культурный опыт восточного славянства стал достоянием единой русской культуры. Она складывалась как культура всех восточных славян, сохраняя в то же время свои

региональные черты – одни для Поднепровья, другие – для Северо-Восточной Руси и т. д.

На развитие русской культуры влияло также то, что Русь складывалась как равнинное государство, открытое всем, как внутриплеменным отечественным, так и иноплеменным, международным, влияниям. И шло это из глубины веков. В общей культуре Руси отразились как традиции, скажем, полян, северян, радимичей, новгородских словен, других восточнославянских племен, так и влияние соседних народов, с которыми Русь обменивалась производственными навыками, торговала, воевала, мирилась, – угро-финскими племенами, балтами, иранскими племенами.

В пору уже своего государственного становления Русь испытывала сильное влияние соседней Византии, которая для своего времени была одним из наиболее культурных государств мира. Таким образом, культура Руси складывалась с самого начала как синтетическая, т. е. находящаяся под влиянием различных культурных направлений, стилей, традиций.

Одновременно Русь не просто слепо копировала чужие образцы и безоглядно заимствовала их, но применяла к своим культурным традициям, к своему дошедшему из глубины веков народному опыту, пониманию окружающего мира, своему представлению о прекрасном.

Поэтому в чертах русской культуры мы постоянно сталкиваемся не только с влияниями извне, но с их порой зна-

чительной духовной переработкой, их постоянным преломлением в абсолютно русском стиле. Если влияние иноземных культурных традиций было сильнее в городах, которые сами по себе являлись центрами культуры, ее наиболее передовых для своего времени черт, то сельское население было в основном хранителем старинных культурных традиций, связанных с глубинами исторической памяти народа. В селах и деревнях жизнь текла в замедленном темпе, они были более консервативны, труднее поддавались различным культурным новшествам.

Долгие годы русская культура – устное народное творчество, искусство, архитектура, живопись, художественное ремесло – развивалась под влиянием языческой религии, языческого мировоззрения. С принятием Русью христианства положение резко изменилось. Прежде всего новая религия претендовала на то, чтобы изменить мировоззрение людей, их восприятие всей жизни, а значит, и представления о красоте, художественном творчестве, эстетическом влиянии.

Однако христианство, оказав сильнейшее воздействие на русскую культуру, особенно в области литературы, архитектуры, искусства, развития грамотности, школьного дела, библиотек – на те области, которые были теснейшим образом связаны с жизнью церкви, с религией, – так и не смогло преодолеть языческих истоков русской культуры. Долгие годы на Руси сохранялось двоеверие: официальная религия, которая преобладала в городах, и язычество, которое ушло

в тень, но по-прежнему существовало в отдаленных частях Руси, особенно на северо-востоке, сохраняло свои позиции в сельской местности. Развитие русской культуры отразило эту двойственность в духовной жизни общества, в народном быту. Языческие духовные традиции, народные в своей основе, оказывали глубокое воздействие на все развитие русской культуры раннего Средневековья.

Под влиянием народных традиций, устоев, привычек, под влиянием народного мировосприятия новым содержанием наполнялась и сама церковная культура, религиозная идеология. Суровое аскетическое христианство Византии на русской языческой почве с ее культом природы, поклонением солнцу, свету, ветру, с ее жизнерадостностью, жизнелюбием, глубокой человечностью существенно преобразилось, что нашло отражение во всех тех областях культуры, где византийское, христианское в своей основе культурное влияние было особенно велико. Не случайно во многих церковных памятниках культуры (например, сочинениях церковных авторов) мы видим совершенно светские, мирские рассуждения и отражение чисто мирских страстей. И не случайно, что вершина духовного достижения Древней Руси – гениальное «Слово о полку Игореве» – все пронизано языческими мотивами, о чем мы еще скажем ниже.

Эта открытость и синтетичность древнерусской культуры, ее мощная опора на народные истоки и народное восприятие, выработанные всей многострадальной историей во-

сточного славянства, переплетение христианских и народно-языческих влияний привели к тому, что в мировой истории называют феноменом русской культуры. Ее характерными чертами являются стремление к монументальности, масштабности, образности в летописании; народность, цельность и простота в искусстве; изящество, глубоко гуманистическое начало в архитектуре; мягкость, жизнелюбие, доброта в живописи; постоянное биение пульса исканий, сомнений, страсти в литературе. И над всем этим господствовала большая слитность творца культурных ценностей с природой, его ощущение сопричастности всему человечеству, переживания за людей, за их боль и несчастья. Не случайно опять же одним из любимых образов русской церкви и культуры стал образ святых Бориса и Глеба, человеколюбцев, непротивленцев, пострадавших за единство страны, принявших муку ради людей. Эти особенности и характерные черты культуры Древней Руси проявились не сразу. В своих основных обличьях они развивались в течение столетий. Но потом, уже вылившись в более или менее устоявшиеся формы, долго и повсеместно сохраняли свою силу. И даже тогда, когда единая Русь политически распалась, общие черты русской культуры проявлялись в культуре отдельных княжеств. Несмотря на политические трудности, на местные особенности, это все равно была единая русская культура X – начала XIII в. Монголо-татарское нашествие, последующий окончательный распад русских земель, их подчинение соседним го-

сударствам надолго прервали это единство.

§ 2. Письменность, грамотность, школы

Основой любой древней культуры является письменность. Когда она зародилась на Руси? Долгое время существовало мнение, что письмо на Русь пришло вместе с христианством, с церковными книгами и молитвами. Однако согласиться с этим трудно. Есть свидетельство о существовании славянской письменности задолго до христианизации Руси. В 1949 г. советский археолог Д. В. Авдусин во время раскопок под Смоленском нашел глиняный сосуд, относящийся к началу X в., на котором было написано «горушна» (пряность). Это означало, что уже в это время в восточнославянской среде бытовало письмо, существовал алфавит. Об этом же говорит и свидетельство византийского дипломата и славянского просветителя Кирилла. Во время пребывания в Херсонесе в 60-е гг. IX в. он познакомился с Евангелием, написанным славянскими буквами. В дальнейшем Кирилл и его брат Мефодий стали основоположниками славянской азбуки, которая, видимо, в какой-то части основывалась на принципах славянского письма, существовавшего у восточных, южных и западных славян задолго до их христианизации.

Надо вспомнить и о том, что договоры Руси с Византией, относящиеся к первой половине X в., имели «противени» –

копии, также написанные на славянском языке. К этому времени относится существование толмачей (переводчиков) и писцов, которые записывали речи послов на пергамент.

Христианизация Руси дала мощный толчок дальнейшему развитию письменности, грамотности. На Русь со времени Владимира стали приезжать церковные грамотеи, переводчики из Византии, Болгарии, Сербии. Появились, особенно в период правления Ярослава Мудрого и его сыновей, многочисленные переводы греческих и болгарских книг как церковного, так и светского содержания. Переводятся, в частности, византийские исторические сочинения, жизнеописания христианских святых. Эти переводы становились достоянием грамотных людей: их с удовольствием читали в княжеской, боярской, купеческой среде, в монастырях, церквях, где зародилось русское летописание. В XI в. получают распространение такие популярные переводные сочинения, как «Александрия», содержащее легенды и предания о жизни и подвигах Александра Македонского, «Девгениево деяние», являющееся переводом византийской эпической поэмы о подвигах воина Дигениса.

Таким образом, грамотный русский человек XI в. знал многое из того, чем располагала письменность и книжная культура Восточной Европы, Византии.

Кадры первых русских грамотеев, переписчиков, переводчиков формировались в школах, которые были открыты при церквах со времени Владимира I и Ярослава Мудрого, а

позднее при монастырях. Есть немало свидетельств о широком развитии грамотности на Руси в XI–XII вв. Однако она была распространена в основном в городской среде, особенно в кругу богатых горожан, княжеско-боярской верхушки, купечества, зажиточных ремесленников.

В сельской местности, в дальних, глухих местах население было почти сплошь неграмотным.

С XI в. в богатых семьях стали учить грамоте не только мальчиков, но и девочек. Сестра Владимира Мономаха Янка, основательница женского монастыря в Киеве, создала в нем школу для обучения девочек.

Ярким свидетельством широкого распространения грамотности в городах и пригородах являются берестяные грамоты. В 1951 г., во время археологических раскопок в Новгороде, сотрудница экспедиции Нина Акулова извлекла из земли бересту с хорошо сохранившимися на ней буквами. «Я двадцать лет ждал этой находки!» – воскликнул руководитель экспедиции профессор А. В. Арциховский, давно предполагавший, что уровень грамотности Руси того времени должен был найти отражение в массовом письме, каким могли быть в отсутствие на Руси бумаги письмена либо на деревянных дощечках, о чем говорили иностранные свидетельства, либо на бересте. С тех пор в научный оборот введены сотни берестяных грамот, говорящих о том, что в Новгороде, Пскове, Смоленске, других городах Руси люди любили и умели писать друг другу. Среди писем – деловые до-

кументы, обмен информацией, приглашение в гости и даже любовная переписка. Некто Микита написал своей возлюбленной Ульяне на бересте: «От Микиты ко Улианици. Поиде за мене…»

Осталось и еще одно любопытное свидетельство о развитии грамотности на Руси: так называемые «граффити». Их выцарапывали на стенах церквей любители излить свою душу. Среди этих надписей размышления о жизни, жалобы, молитвы. Знаменитый Владимир II Мономах, будучи еще молодым человеком, во время церковной службы, затерявшись в толпе таких же молодых князей, нацарапал на стене Софийского собора в Киеве: «Ох тяжко мне» и подписался своим христианским именем: «Василий».

§ 3. Летописи

Летописи – это средоточие истории Древней Руси, ее идеологии, понимания ее места в мировой истории – являются одним из важнейших памятников и письменности, и литературы, и истории, и культуры в целом. За составление летописей, т. е. погодных изложений событий, брались лишь люди самые грамотные, знающие, мудрые, способные не просто изложить разные дела год за годом, но и дать им соответствующее объяснение, оставить потомству видение эпохи так, как ее понимали летописцы.

Летопись была делом государственным, делом княже-

ским. Поэтому поручение составить летопись давалось не просто самому грамотному и толковому человеку, но и тому, кто сумел бы провести идеи, близкие той или иной княжеской ветви, тому или иному княжескому дому. Тем самым объективность и честность летописца вступали в противоречие с тем, что мы называем «социальным заказом». Если летописец не удовлетворял вкусам своего заказчика, с ним расставались и передавали составление летописи другому, более надежному, более послушному автору. Увы, работа на потребу власти зарождалась уже на заре письменности, и не только на Руси, но и в других странах.

Летописание, по наблюдениям отечественных ученых, появилось на Руси вскоре после введения христианства. Первая летопись, возможно, была составлена в конце X в. Она была призвана отразить историю Руси со времени появления там новой династии, Рюриковичей, и до правления Владимира с его впечатляющими победами, с введением на Руси христианства. Уже с этого времени право и обязанность вести летописи были даны деятелям Церкви. Именно в церквах и монастырях обретались самые грамотные, хорошо подготовленные и обученные люди – священники, монахи. Они располагали богатым книжным наследием, переводной литературой, русскими записями старинных сказаний, легенд, былин, преданий; в их распоряжении были и великокняжеские архивы. Им подручней всего было выполнить эту ответственную и важную работу: создать письменный историче-

ский памятник эпохи, в которой они жили и работали, связав ее с прошлыми временами, с глубокими историческими истоками.

Ученые считают, что, прежде чем появились летописи – масштабные исторические сочинения, охватывающие несколько веков русской истории, существовали отдельные записи, в том числе церковные, устные рассказы, которые поначалу и послужили основой для первых обобщающих сочинений. Это были истории о Кие и основании Киева, о походах русских войск против Византии, о путешествии княгини Ольги в Константинополь, о войнах Святослава, сказание об убийстве Бориса и Глеба, а также былины, жития святых, проповеди, предания, песни, разного рода легенды.

Позднее, уже в пору существования летописей, к ним присоединялись все новые рассказы, сказания о впечатляющих событиях на Руси вроде знаменитой распри 1097 г. и ослепления молодого князя Василька или о походе русских князей на половцев в 1111 г. Летопись включила в свой состав и воспоминания Владимира Мономаха о жизни – его «Поучение детям».

Вторая летопись была создана при Ярославе Мудром в пору, когда он объединил Русь, заложил храм Святой Софии. Эта летопись вобрала в себя предшествующую летопись, другие материалы.

Уже на первом этапе создания летописей стало очевидным, что они представляют собой коллективное творче-

ство, являются сводом предшествующих летописных записей, документов, разного рода устных и письменных исторических свидетельств. Составитель очередного летописного свода выступал не только как автор соответствующих заново написанных частей летописи, но и как составитель и редактор. Вот это-то его умение направить идею свода в нужную сторону высоко ценилось киевскими князьями.

Очередной летописный свод был создан знаменитым Илларионом, который писал его, видимо, под именем монаха Никона, в 60–70-е гг. XI в., после смерти Ярослава Мудрого. А потом появился свод уже во времена Святополка, в 90-е гг. XI в.

Свод, за который взялся монах Киево-Печерского монастыря Нестор и который вошел в нашу историю под именем «Повести временных лет», оказался, таким образом, по меньшей мере пятым по счету и создавался в первое десятилетие XII в. при дворе князя Святополка. И каждый свод обогащался все новыми и новыми материалами, и каждый автор вносил в него свой талант, свои знания, эрудицию. Свод Нестора был в этом смысле вершиной раннего русского летописания.

В первых строках своей летописи Нестор поставил вопрос «Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал первым княжить и откуда Русская земля стала есть». Таким образом, уже в этих первых словах летописи говорится о тех масштабных целях, которые поставил перед собой автор. И

действительно, летопись не стала обычной хроникой, каких немало было в ту пору в мире, – сухих, бесстрастно фиксирующих факты, – но взволнованным рассказом тогдашнего историка, вносящего в повествование философско-религиозные обобщения, свою образную систему, темперамент, свой стиль. Происхождение Руси, как мы об этом уже говорили, Нестор рисует на фоне развития всей мировой истории. Русь – это один из европейских народов.

Используя предшествующие своды, документальные материалы, в том числе, например, договоры Руси с Византией, летописец развертывает широкую панораму исторических событий, которые охватывают как внутреннюю историю Руси – становление общерусской государственности с центром в Киеве, так и международные отношения Руси. Целая галерея исторических деятелей проходит на страницах Несторовой летописи – князья, бояре, посадники, тысяцкие, купцы, церковные деятели. Он рассказывает о военных походах, об организации монастырей, закладке новых храмов и об открытии школ, о религиозных спорах и реформах внутрирусской жизни. Постоянно касается Нестор и жизни народа в целом, его настроений, выражений недовольства княжеской политикой. На страницах летописи мы читаем о восстаниях, убийствах князей и бояр, жестоких общественных схватках. Все это автор описывает вдумчиво и спокойно, старается быть объективным, насколько вообще может быть объективным глубоко религиозный человек, руковод-

ствующийся в своих оценках понятиями христианской добродетели и греха. Но, прямо скажем, его религиозные оценки весьма близки к общечеловеческим оценкам. Убийство, предательство, обман, клятвопреступление Нестор осуждает бескомпромиссно, но превозносит честность, смелость, верность, благородство, другие прекрасные человеческие качества. Вся летопись была проникнута чувством единства Руси, патриотическим настроением. Все основные события в ней оценивались не только с точки зрения религиозных понятий, но и с позиций этих общерусских государственных идеалов. Этот мотив звучал особенно значительно в преддверии начавшегося политического распада Руси.

В 1116–1118 гг. летопись снова была переписана. Княживший тогда в Киеве Владимир Мономах и его сын Мстислав были недовольны тем, как Нестор показал роль в русской истории Святополка, по заказу которого в Киево-Печерском монастыре и писалась «Повесть временных лет». Мономах отнял летописание у печерских монахов и передал его в свой родовой Выдубицкий монастырь. Его игумен Сильвестр и стал автором нового свода. Положительные оценки Святополка были поумерены, а подчеркнуты все деяния Владимира Мономаха, но основной корпус «Повести временных лет» остался неизменным. И в дальнейшем Несторов труд входил непременной составной частью как в киевское летописание, так и в летописи отдельных русских княжеств, являясь одной из связующих нитей для всей рус-

ской культуры.

В дальнейшем, по мере политического распада Руси и возвышения отдельных русских центров, летописание стало дробиться. Кроме Киева и Новгорода появились свои летописные своды в Смоленске, Пскове, Владимире-на-Клязьме, Галиче, Владимире-Волынском, Рязани, Чернигове, Переяславле-Русском. В каждом из них отражались особенности истории своего края, на первый план выносились собственные князья. Так, Владимиро-Суздальские летописи показывали историю правления Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо; Галицкая летопись начала XIII в. стала, по существу, биографией знаменитого князя-воина Даниила Галицкого; о черниговской ветви Рюриковичей повествовала в основном Черниговская летопись. И все же и в местном летописании четко просматривались общерусские культурные истоки. История каждой земли сопоставлялась со всей русской историей, «Повесть временных лет» являлась непременной частью многих местных летописных сводов. Некоторые из них продолжали традицию русского летописания XI в. Так, незадолго до монголо-татарского нашествия, на рубеже XII–XIII вв. в Киеве был создан новый летописный свод, в котором отражались события, происходившие в Чернигове, Галиче, Владимиро-Суздальской Руси, Рязани и других русских городах. Видно, что автор свода имел в своем распоряжении летописи различных русских княжеств и использовал их. Хорошо знал летопи-

сец и европейскую историю. Он упомянул, например, Третий крестовый поход Фридриха Барбароссы. В различных русских городах, в том числе в Киеве, в Выдубицком монастыре, создавались целые библиотеки летописных сводов, которые становились источниками для новых исторических сочинений XII–XIII вв.

Сохранение общерусской летописной традиции показал Владимиро-Суздальский летописный свод начала XIII в., охвативший историю страны от легендарного Кия до Всеволода Большое Гнездо.

§ 4. Литература

Общий подъем Руси в XI в., создание центров письменности, грамотности, появление целой плеяды образованных людей своего времени в княжеско-боярской, церковно-монастырской среде определили развитие древнерусской литературы. Эта литература развивалась, складывалась вместе с развитием летописания, ростом общей образованности общества. У людей появилась потребность донести до читателей свои взгляды на жизнь, размышления о смысле власти и общества, роли религии, поделиться своим жизненным опытом.

Литература вызывалась к жизни также потребностями времени: нуждами церкви, заказами княжеской верхушки. На этом общем благоприятном культурном фоне появля-

лись оригинально и независимо мыслящие писатели, публицисты, поэты.

Нам неведомы имена авторов сказаний о походах Олега, о крещении Ольги или войнах Святослава. Первым известным автором литературного произведения на Руси стал священник княжеской церкви в Берестово, впоследствии митрополит Илларион.

В начале 40-х гг. XI в. он создал свое знаменитое «Слово о законе и благодати», в котором в яркой публицистической форме изложил свое понимание места Руси в мировой истории. О нем уже шла речь.

Во второй половине XI в. появляются и другие яркие литературно-публицистические произведения: «Память и похвала Владимира» монаха Иакова, в котором идеи Иллариона получают дальнейшее развитие и применяются к исторической фигуре Владимира I. В это же время создаются «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», «Сказание о Борисе и Глебе», святых покровителях и защитниках Русской земли.

В последней четверти XI в. начинает работать над своими сочинениями монах Нестор. Летопись была его завершающей фундаментальной работой. До этого он создал знаменитое «Чтение о житии Бориса и Глеба». В нем, как и в «Слове» Илариона, как позднее в «Повести временных лет», звучат идеи единства Руси, воздается должное ее защитникам и радетелям. Уже в ту пору русских авторов беспокоит эта

нарастающая политическая вражда в русских землях, в которой они угадывают предвестие будущей политической катастрофы.

Литература XII в. продолжает традиции русских сочинений XI в. Создаются новые церковные и светские произведения, отмеченные яркой формой, богатством мыслей, широкими обобщениями; возникают новые жанры литературы.

На склоне лет Владимир Мономах пишет свое знаменитое «Поучение детям», ставшее одним из любимых чтений русских людей раннего Средневековья.

В начале XII в. один из сподвижников Мономаха, игумен Даниил, создает свое, не менее знаменитое, «Хождение игумена Даниила в Святые места».

Богомольный русский человек отправился ко Гробу Господню и проделал длинный и трудный путь – до Константинополя, потом через острова Эгейского моря на остров Крит, оттуда в Палестину и до Иерусалима, где в это время было основано первое государство крестоносцев во главе с королем Болдуином. Даниил подробно описал весь свой путь, рассказал о пребывании при дворе иерусалимского короля, о походе с ним против арабов. Даниил молился у Гроба Господня, поставил там лампаду от всей Русской земли: около Гроба Христа он отпел пятьдесят литургий «за князей русских и за всех христиан».

И «Поучение», и «Хождение» были первыми в своем роде жанрами русской литературы.

XII – начало XIII в. дали немало и других ярких религиозных и светских сочинений, которые пополнили сокровищницу русской культуры. Среди них «Слово» и «Моление» Даниила Заточника, который, побывав в заточении, испытав ряд других житейских драм, размышляет о смысле жизни, о гармоничном человеке, об идеальном правителе. Обращаясь к своему князю в «Молении», Даниил говорит о том, что настоящий человек должен сочетать в себе силу Самсона, храбрость Александра Македонского, разум Иосифа, мудрость Соломона, хитрость Давида. Обращение к библейским сюжетам и древней истории помогает ему донести свои идеи до адресата. Человек, по мысли автора, должен укреплять сердце красотой и мудростью, помогать ближнему в печали, оказывать милость нуждающимся, противостоять злу. Гуманистическая линия древней русской литературы и здесь прочно утверждает себя.

Автор середины XII в. киевский митрополит Климентий Смолятич в своем «Послании» священнику Фоме, ссылаясь на греческих философов Аристотеля, Платона, на творчество Гомера, также воссоздает образ высоконравственного человека, чуждого властолюбию, сребролюбию и тщеславию.

В своей «Притче о человеческой душе» (конец XII в.) епископ города Турова Кирилл, опираясь на христианское миропонимание, дает свое толкование смысла человеческого бытия, рассуждает о необходимости постоянной связи души и тела. В то же время он ставит в своей «Притче» вполне зло-

бодневные для русской действительности вопросы, размышляет о взаимоотношении церковной и светской власти, защищает национально-патриотическую идею единства Русской земли, которая была особенно важна в то время, как владимиро-суздальские князья начали осуществлять централизаторскую политику накануне монголо-татарского нашествия.

Одновременно с этими сочинениями, где религиозные и светские мотивы постоянно переплетались, переписчики в монастырях, церквах, в княжеских и боярских домах усердно переписывали церковные служебные книги, молитвы, сборники церковных преданий, жизнеописания святых, древнюю богословскую литературу. Все это богатство религиозной, богословской мысли также составляло неотъемлемую часть общей русской культуры.

Но, конечно, наиболее ярко синтез русской культуры, переплетение в ней языческих и христианских черт, религиозных и светских, общечеловеческих и национальных мотивов прозвучали в «Слове о полку Игореве». Это поэма эпохи. Это ее поэтическое образное выражение. Это не только взволнованный призыв к единству Русской земли, не только горделивый рассказ о мужестве «русичей» и не только плач по погибшим, но и размышления о месте Руси в мировой истории, о связи Руси с окружающими народами. Века «Трояна» и Херсонес, венецианцы, немцы, греки – все они связаны с судьбой Русской земли, где славен лишь тот, кто выражает ее подлинные интересы.

А ведь эти произведения XII в., звучавшие на всю Русь, были созданы в период самой большой политической раздробленности страны.

§ 5. Архитектура

Недаром говорят, что архитектура – это душа народа, воплощенная в камне. К Руси это относится лишь с некоторой поправкой. Русь долгие годы была страной деревянной, и ее архитектура, языческие молельни, крепости, терема, избы строились из дерева. Прежде всего в дереве русский человек, как и народы, жившие рядом с восточными славянами, выражал свое восприятие строительной красоты, чувство пропорций, слияние архитектурных сооружений с окружающей природой. Если деревянная архитектура восходит в основном к Руси языческой, то архитектура каменная связана с Русью уже христианской. Подобного перехода не знала Западная Европа, издревле строившая и храмы, и жилища из камня. К сожалению, древние деревянные постройки не сохранились до наших дней, но архитектурный стиль народа дошел до нас в позднейших деревянных сооружениях, в древних описаниях и рисунках. Для русской деревянной архитектуры была характерна многоярусность строений, увенчивание их башенками и теремами, наличие разного рода пристроек – клетей, переходов, сеней. Затейливая художественная резьба по дереву была традиционным украшением

русских деревянных строений. Эта традиция живет в народе и до настоящей поры.

Мир Византии, мир христианства, стран Кавказа привнес на Русь новый строительный опыт и традиции: Русь восприняла сооружение своих церквей по образу крестово-купольного храма греков: квадрат, расчлененный четырьмя столбами, составляет его основу; примыкающие к подкупольному пространству прямоугольные ячейки образуют архитектурный крест. Но этот образец греческие мастера, прибывавшие на Русь начиная со времени Владимира, а также работающие с ними русские умельцы применяли к традициям русской деревянной архитектуры, привычной для русского глаза и милой сердцу. Если первые русские храмы, в том числе Десятинная церковь, в конце X в. были выстроены греческими мастерами в строгом соответствии с византийскими традициями, то Софийский собор в Киеве отразил сочетание славянских и византийских традиций: на основу крестово-купольного храма были поставлены тринадцать веселых глав нового храма. Эта ступенчатая пирамида Софийского собора воскресила стиль русского деревянного зодчества.

Софийский собор, созданный в пору утверждения и возвышения Руси при Ярославе Мудром, показал, что строительство – это тоже политика. Этим храмом Русь бросила вызов Византии, ее признанной святыне – константинопольскому Софийскому собору. В XI в. выросли Софийские соборы в других крупных центрах Руси – Новгороде, Полоцке,

и каждый из них претендовал на свой, независимый от Киева престиж, как и Чернигов, где был сооружен монументальный Спасо-Преображенский собор. По всей Руси были построены монументальные многокупольные храмы с толстыми стенами, маленькими оконцами, свидетельства мощи и красоты.

В XII в. традиции древнерусской архитектуры не утрачивают свою связь. По образному выражению одного искусствоведа, по всей Руси «прошагали русские однокупольные храмы-богатыри, сменившие прежние пирамиды». Купол возносился вверх на мощном, массивном квадрате. Такими стали Дмитриевский собор во Владимире-на-Клязьме, собор Святого Георгия в Юрьеве-Польском.

Большого расцвета архитектура достигла во Владимире-на-Клязьме в годы правления Андрея Боголюбского. С его именем связано строительство Успенского собора во Владимире, красиво расположенного на крутом берегу Клязьмы, белокаменного дворца в селе Боголюбово, «Золотых ворот» во Владимире – мощного белокаменного куба, увенчанного златоглавой церковью. При нем же было создано чудо русской архитектуры – храм Покрова на Нерли. Князь построил эту церковь неподалеку от своих палат после кончины любимого сына Изяслава. Эта небольшая однокупольная церковь стала поэмой из камня, в которой гармонично сочетаются скромная красота природы, тихая грусть, просветленная созерцательность архитектурных линий.

Брат Андрея Всеволод III продолжил эту строительную деятельность. Его мастера оставили потомству замечательный Дмитриевский собор во Владимире – величественный и скромный.

Одновременно строились храмы в Новгороде и Смоленске, Чернигове и Галиче, закладывались новые крепости, сооружались каменные дворцы, палаты богатых людей. Характерной чертой русской архитектуры тех десятилетий стала украшающая сооружения резьба по камню. Удивительное это искусство мы видим на стенах соборов во Владимиро-Суздальской Руси, Новгороде, других русских городах.

Другой чертой, роднящей всю русскую архитектуру той поры, стало органическое сочетание архитектурных сооружений с природным ландшафтом. Посмотрите, как поставлены и доныне стоят русские церкви, и вы поймете, о чем идет речь.

§ 6. Искусство

Древнерусское искусство – живопись, скульптура, музыка – с принятием христианства также пережило ощутимые перемены. Языческая Русь знала все эти виды искусства, но в чисто языческом, народном выражении. Древние резчики по дереву и камню создавали деревянные и каменные скульптуры языческих богов, духов. Живописцы разрисовывали стены языческих капищ, делали эскизы магических масок, ко-

торые затем изготовлялись ремесленниками; музыканты, играя на струнных и духовых деревянных инструментах, увеселяли племенных вождей, развлекали простой народ.

Христианская церковь внесла в эти виды искусства совершенно иное содержание. Церковное искусство подчинено высшей цели – воспеть Бога, подвиги апостолов, святых, деятелей Церкви. Если в языческом искусстве «плоть» торжествовала над «духом» и утверждалось все земное, олицетворяющее природу, то церковное искусство воспевало победу «духа» над «плотью», утверждало высокие подвиги человеческой души ради нравственных принципов христианства. В византийском искусстве, считавшемся в те времена самым совершенным в мире, это нашло выражение в том, что там и живопись, и музыка, и искусство ваяния создавались в основном по церковным канонам, где отсекалось все, что противоречило высшим христианским принципам. Аскетизм и строгость в живописи (иконопись, мозаика, фреска), возвышенность, «божественность» греческих церковных молитв и песнопений, сам храм, становящийся местом молитвенного общения людей, – все это было свойственно византийскому искусству. Если та или иная религиозная, богословская тема была в христианстве раз и навсегда строго установлена, то и ее выражение в искусстве, по мнению византийцев, должно было выражать эту идею лишь раз и навсегда установленным образом; художник становился лишь послушным исполнителем канонов, которые диктовала церковь.

И вот перенесенное на русскую почву каноническое по содержанию, блестящее по своему исполнению искусство Византии столкнулось с языческим мировосприятием восточных славян, с их радостным культом природы – солнца, весны, света, с их вполне земными представлениями о добре и зле, о грехах и добродетелях. С первых же лет византийское церковное искусство на Руси испытало на себе всю мощь русской народной культуры и народных эстетических представлений.

Уже в XI в. строгая аскетическая манера византийской иконописи превращалась под кистью русских художников в портреты, близкие к натуре, хотя русские иконы и несли в себе все черты условного иконописного лика. В это время прославился печерский монах-живописец Алимпий (Олимпий), про которого современники говорили, что он «иконы писать хитр бе [был] зело». Про Алимпия рассказывали, что иконописание было главным средством его существования. Но заработанное он тратил весьма своеобразно: на одну часть покупал все, что было необходимо для его ремесла, другую отдавал беднякам, а третью жертвовал в Печерский монастырь.

Наряду с иконописью развивалась фресковая живопись, мозаика. Фрески Софийского собора в Киеве показывают манеру письма здешних греческих и русских мастеров, их приверженность человеческому теплу, цельности и простоте. На стенах собора мы видим и изображения святых, и семью Ярослава Мудрого, и изображение русских скоморо-

хов, и животных. Прекрасная иконописная, фресковая, мозаичная живопись наполняла и другие храмы Киева. Известны своей большой художественной силой мозаики Михайловского Златоверхого монастыря с их изображением апостолов, святых, которые потеряли свою византийскую суровость; лики их стали более мягкими, округлыми.

Позднее складывалась новгородская школа живописи. Ее характерными чертами стали ясность идеи, реальность изображения, доступность. От XII в. до нас дошли замечательные творения новгородских живописцев: икона «Ангел Златые власы», где при всей византийской условности облика Ангела чувствуется трепетная и красивая человеческая душа. Или икона «Спас Нерукотворный» (также XII в.), на которой Христос со своим выразительным изломом бровей предстает грозным, все понимающим судьей человеческого рода. В иконе «Успение Богородицы» в лицах апостолов запечатлена вся скорбь утраты. И таких шедевров Новгородская земля дала немало. Достаточно вспомнить, например, знаменитые фрески церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (конец XII в.).

Широкое распространение иконописной, фресковой живописи было характерно и для Чернигова, Ростова, Суздаля, позднее Владимира-на-Клязьме, где замечательные фрески, изображающие «Страшный суд», украшали Дмитриевский собор.

В начале XIII в. прославилась ярославская школа ико-

нописи. В монастырях и церквах Ярославля было написано немало превосходных иконописных произведений. Особенно известна среди них так называемая «Ярославская Оранта», изображавшая Богородицу. Ее прообразом стало мозаичное изображение Богородицы в Софийском соборе в Киеве работы греческих мастеров, запечатлевших суровую властную женщину, простирающую руки над человечеством. Ярославские же искусники сделали облик Богородицы теплее, человечнее. Это прежде всего мать-заступница, несущая людям помощь и сострадание. Византийцы видели Богородицу по-своему, русские живописцы – по-своему.

На протяжении долгих веков на Руси развивалось, совершенствовалось искусство резьбы по дереву, позднее – по камню. Деревянные резные украшения вообще стали характерной чертой жилищ горожан и крестьян, деревянных храмов.

Белокаменная резьба Владимиро-Суздальской Руси, особенно времени Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, в украшениях дворцов, соборов стала примечательной чертой древнерусского искусства вообще.

Прекрасной резьбой славились утварь и посуда. В искусстве резчиков с наибольшей полнотой проявлялись русские народные традиции, представления русичей о прекрасном и изящном. Знаменитый художественный критик второй половины XIX – начала XX в. В. В. Стасов писал: «Есть еще пропасть людей, которые воображают, что нужно быть изящ-

ным только в музеях, в картинах и статуях, в громадных соборах, наконец, во всем исключительном, особенном, а что касается до остального, то можно расправляться как ни попало – дескать, дело пустое и вздорное… Нет, настоящее, цельное, здоровое в самом деле искусство существует лишь там, где потребность в изящных формах, в постоянной художественной внешности простерлась уже на сотни тысяч вещей, ежедневно окружающих нашу жизнь». Древние русичи, окружая свою жизнь постоянной скромной красотой, давно подтвердили справедливость этих слов.

Это касалось не только резьбы по дереву и камню, но и многих видов художественных ремесел. Изящные украшения, подлинные шедевры создавали древнерусские ювелиры – золотых и серебряных дел мастера. Они делали браслеты, серьги, подвески, пряжки, диадемы, медальоны, отделывали золотом, серебром, эмалью, драгоценными камнями утварь, посуду, оружие. С особенными старанием и любовью мастера-искусники украшали оклады икон, а также книги. Примером может служить искусно отделанный кожей, ювелирными украшениями оклад «Остромирова Евангелия», созданного по заказу посадника Остромира во времена Ярослава Мудрого.

До сих пор вызывают восхищение сделанные киевским ремесленником серьги (XI–XII вв.): кольца с полукруглыми щитами, к которым припаяны по шесть серебряных конусов с шариками и 500 колечками диаметром 0,06 см из проволо-

ки диаметром 0,02 см. На колечках закреплены крошечные зернышки серебра диаметром 0,04 см. Как делали это люди, не располагая увеличительными приборами, представить себе трудно.

Составной частью искусства Руси являлось музыкальное, певческое искусство. В «Слове о полку Игореве» упоминается легендарный сказитель-певец Боян, который «напускал» свои пальцы на живые струны, и они «сами князьям славу рокотали». На фресках Софийского собора мы видим изображение музыкантов, играющих на деревянных духовых и струнных инструментах – лютне и гуслях. Из летописных сообщений известен талантливый певец Митус (в Галиче). В некоторых церковных сочинениях, направленных против славянского языческого искусства, упоминаются уличные скоморохи, певцы, танцоры; существовал и народный кукольный театр. Известно, что при дворе князя Владимира, при дворах других видных русских властелинов во время пиров присутствующих развлекали певцы, сказители, исполнители на струнных инструментах.

И конечно, важным элементом всей древнерусской культуры являлся фольклор – песни, сказания, былины, пословицы, поговорки, афоризмы. В свадебных, застольных, похоронных песнях отражались многие черты жизни людей того времени. Так, в древних свадебных песнях говорилось и о том времени, когда невест похищали, «умыкали» (конечно, с их согласия), в более поздних – когда их выкупали, а

в песнях уже христианского времени шла речь о согласии и невесты, и родителей на брак.

Целый мир русской жизни открывается в былинах. Их основной герой – это богатырь, защитник народа. Богатыри обладали огромной физической силой. Так, о любимом русском богатыре Илье Муромце говорилось: «Куда ни махнет, тут и улицы лежат, куда отвернет – с переулками». Одновременно это был очень миролюбивый герой, который брался за оружие лишь в случае крайней необходимости. Как правило, носителем такой неуемной силы является выходец из народа, крестьянский сын. Народные богатыри обладали также огромной чародейской силой, мудростью, хитростью. Так, богатырь Волхв Всеславич мог обернуться сизым соколом, серым волком, мог стать и Туром Золотые рога. Народная память сохранила образ богатырей, которые вышли не только из крестьянской среды, – боярский сын Добрыня Никитич, представитель духовенства хитрый и изворотливый Алеша Попович. Каждый из них обладал своим характером, своими особенностями, но все они были выразителями народных чаяний, дум, надежд. И главной из них была защита от лютых врагов.

В былинных обобщенных образах врагов угадываются и реальные внешнеполитические противники Руси, борьба с которыми глубоко вошла в сознание народа. Под именем Тугарина просматривается обобщенный образ половцев с их ханом Тугорканом, борьба с которым заняла целый период в

истории Руси последней четверти XI в. Под именем «Жидовина» выводится Хазария, государственной религией которой было иудейство. Русские былинные богатыри верно служили былинному же князю Владимиру. Его просьбы о защите Отечества они выполняли, к ним он обращался в решающие часы. Непростыми были отношения богатырей и князя. Были здесь и обиды, и непонимание. Но все они – и князь и герои – в конце концов решали одно общее дело – дело народа. Ученые показали, что под именем князя Владимира не обязательно имеется в виду Владимир I. В этом образе слился обобщенный образ и Владимира Святославича – воителя против печенегов, и Владимира Мономаха – защитника Руси от половцев, и облик других князей – смелых, мудрых, хитрых. А в более древних былинах отразились легендарные времена борьбы восточных славян с киммерийцами, сарматами, скифами, со всеми теми, кого Степь столь щедро посылала на завоевание восточнославянских земель. Это были старые богатыри совсем древних времен, и былины, повествующие о них, сродни эпосу Гомера, древнему эпосу других европейских и индоевропейских народов.

§ 7. Быт народа

Культура народа неразрывно связана с его бытом, повседневной жизнью, как и быт народа, определяемый уровнем развития хозяйства страны, тесно связан с культурными про-

цессами. Народ Древней Руси жил как в больших для своего времени городах, насчитывающих десятки тысяч человек, так и в селах в несколько десятков дворов и деревнях, особенно на северо-востоке страны, в которых группировалось по два-три двора.

Все свидетельства современников говорят о том, что Киев был большим и богатым городом. По своим масштабам, множеству каменных зданий – храмов, дворцов – он соперничал с другими тогдашними европейскими столицами. Недаром дочь Ярослава Мудрого Анна Ярославна, вышедшая замуж во Францию и приехавшая в Париж в XI в., была удивлена провинциальностью французской столицы по сравнению с блистающим на пути из «варяг в греки» Киевом. Здесь сияли своими куполами златоверхие храмы, поражали изяществом дворцы Владимира, Ярослава Мудрого, Всеволода Ярославича, удивляли монументальностью, замечательными фресками Софийский собор, Золотые ворота – символ побед русского оружия. А неподалеку от княжеского дворца стояли бронзовые кони, вывезенные Владимиром из Херсонеса; в старом городе находились дворцы видных бояр, здесь же на горе располагались и дома богатых купцов, других видных горожан, духовенства. Дома украшались коврами, дорогими греческими тканями. С крепостных стен города можно было видеть в зеленых кущах белокаменные церкви Печерского, Выдубицкого и других киевских монастырей.

Во дворцах, богатых боярских хоромах шла своя жизнь –

здесь располагались дружинники, слуги, толпилась бесчисленная челядь. Отсюда шло управление княжествами, городами, селами, здесь судили и рядили, сюда свозились дани и подати. На сенях, в просторных гридницах нередко проходили пиры, где рекой текло заморское вино и свой родной «мед», слуги разносили огромные блюда с мясом и дичью. Женщины сидели за столом наравне с мужчинами. Женщины вообще принимали активное участие в управлении, хозяйстве, других делах (княгиня Ольга, сестра Владимира Мономаха Янка, мать Даниила Галицкого, жена Андрея Боголюбского и другие). Гусляры услаждали слух именитых гостей, пели им «славу»; большие чаши, рога с вином ходили по кругу. Одновременно происходила раздача пищи, мелких денег от имени хозяина неимущим. На всю Русь славились такие пиры и такие раздачи во времена Владимира I.

Любимой забавой богатых людей была соколиная, ястребиная, псовая охота. Для простого люда устраивались скачки, турниры, различные игрища.

В княжеско-боярской среде в три года мальчика сажали на коня, затем отдавали его на попечение и выучку пестуну (от «пестовать» – воспитывать). В 12 лет молодых князей вместе с видными боярами-советниками отправляли на управление волостями и городами.

Неотъемлемой частью древнерусского быта, особенно на Севере, впрочем, как и в поздние времена, являлась баня.

Внизу, на берегах Днепра шумел веселый киевский торг,

где, кажется, продавались изделия и продукты не только со всей Руси, но и со всего тогдашнего света, включая Индию и Багдад.

По склонам гор к Подолу спускались разнообразные – от хороших деревянных домов до убогих землянок – жилища ремесленников, работных людей. У причалов Днепра и Почайны теснились сотни больших и малых судов. Были здесь и огромные княжеские многовесельные и многопарусные ладьи, и купеческие усадистые насады, и бойкие, юркие лодочки.

По улицам города сновала пестрая разноязыкая толпа. Проходили здесь бояре и дружинники в дорогих шелковых одеждах, в украшенных мехом и золотом плащах, в епанчах, в красивых кожаных сапогах. Пряжки их плащей были сделаны из золота и серебра. Появлялись и купцы в добротных льняных рубахах и шерстяных кафтанах, сновали и люди победнее, в холщовых домотканых рубахах и портах. Богатые женщины украшали себя золотыми и серебряными цепями, ожерельями из бисера, который очень любили на Руси, серьгами, другими ювелирными изделиями из золота и серебра, отделанными эмалью, чернью. Но были украшения и попроще, подешевле, сделанные из недорогих поделочных камней, простого металла – меди, бронзы. Их с удовольствием носили небогатые люди. Известно, что женщины уже тогда носили традиционную русскую одежду – сарафаны; голову покрывали убрусами (платками).

Похожие храмы, дворцы, такие же деревянные дома и такие же полуземлянки на окраинах стояли и в других русских городах, так же шумели торги, а в праздники нарядные жители заполняли узкие улицы.

Своя жизнь, полная трудов, тревог, текла в скромных русских селах и деревнях, в рубленых избах, в полуземлянках с печками-каменками в углу. Там люди упорно боролись за существование, распахивали новые земли, разводили скот, бортничали, охотились, оборонялись от «лихих» людей, а на юге – от кочевников, вновь и вновь отстраивали сожженные врагами жилища. Причем нередко пахари выходили в поле вооруженные рогатинами, дубинами, луком и стрелами, чтобы отбиться от половецкого дозора. Долгими зимними вечерами при свете лучин женщины пряли, мужчины пили хмельные напитки, мед, вспоминали минувшие дни, слагали и пели песни, слушали сказителей и сказительниц былин, а с деревянных полатей, из дальних углов за ними с любопытством и интересом следили глаза маленьких русичей, чья жизнь, полная таких же забот и тревог, была еще впереди.

Глава 9. Начало монголо-татарского вторжения на Русь

§ 1. Рождение монгольской державы

В начале XIII в. на Русь стали доходить смутные слухи о появлении где-то на Востоке новой мощной державы степных кочевников. Эти сведения доносили купцы из Индии и Средней Азии, путешественники. А вскоре новая грозная опасность встала уже у русских границ. Это были монголо-татары.

О зарождении и развитии монгольского государства надо сказать особо, потому что на долгие годы его история трагически сплелась с судьбой русских земель, стала неотделимой частью российской истории.

Во второй половине XII – начале XIII в. на огромных пространствах от Великой Китайской стены до озера Байкал жили многочисленные монгольские племена. Собственно монголы были одним из этих племен. Именно это племя дало потом обобщенное имя всему монгольскому государству. Татары были другим здешним племенем, кочевавшим в районе озера Буир-Нур. Они враждовали с монголами, но позднее объединились под их началом. Но случилось так, что во внешнем мире и особенно на Руси именно это название –

«татары» закрепилось за народами нового государства.

Во второй половине XII в. среди монгольских племен, с учетом кочевой специфики, происходили примерно те же социальные процессы, что и в Западной Европе в V–VII вв., у восточных славян – в VIII–IX вв. Шло разложение первобытнообщинных отношений, появлялась частная собственность; хозяйственной основой монгольского общества стал уже не род, а отдельная семья. Это изменило весь уклад жизни монголов. Одно лишь большое различие имелось в жизни монгольского общества и народов Западной и Восточной Европы, проходивших тот же путь на несколько веков ранее. Основная часть монгольских племен, в первую очередь те, кто жил на юге, в степных районах, были кочевниками-скотоводами. Основой их хозяйства были несметные табуны коней, стада рогатого скота, овец. Северные племена, жившие в лесостепной и лесной полосе, в основном занимались охотой, звероловством, рыбной ловлей. На огромных пространствах монгольских земель не было равномерного развития отдельных племен. Южные племена были наиболее развиты в хозяйственном отношении, наиболее богаты. Кочевое скотоводство, превосходные пастбища давали здесь возможность отдельным семьям выделяться в хозяйственном отношении. В первую очередь такую возможность получали племенные вожди-ханы, племенные старейшины-нойоны. Появились семьи, в руках которых сосредоточивались тысячи голов скота, которые либо путем насилия, либо путем купли,

заклада захватывали себе лучшие, наиболее удобные пастбища. Так формировалась племенная знать, племенная верхушка во главе с ханом. Основная часть скотоводов-аратов все чаще попадала в зависимость от богатой верхушки монгольского общества.

Раньше монголы кочевали общинами – «куренями», или «кольцами», которые насчитывали до тысячи кибиток. В центре такого кочевья находилась кибитка вождя. Теперь стали появляться кочевья семьями-айлами, хотя в период военных противоборств старая куренная система организации войска еще сохранялась. Ханы, нойоны получили возможность за счет накопленных богатств нанимать к себе на службу дружинников-нукеров. У ханов-вождей появилась собственная гвардия из нукеров, которые помогали осуществлять контроль над собственным племенем, являлись ударной силой племени во время войн. И в этом смысле монгольское общество напоминало европейцев.

С самого начала развитие государственности у монголов, т. е. появление власти ханов, знати, нукерской гвардии, носило военизированный характер. Это не зависело от психологии народа, а объяснялось закономерностями складывания хозяйства, развития монгольского общества.

С раннего детства вся жизнь монголов была связана с лошадью. Один из путешественников, побывавший в их среде, писал: «Татары родятся и вырастают в седле и на лошади; они сами собой приучаются сражаться, потому что вся их

жизнь круглый год проходит на охоте». Лошадь была не только средством передвижения скотоводов, но и верным другом на охоте и войне, она давала мясо и молоко. Монголы вырастали крепкими, ловкими, смелыми. Начало социального расслоения общества, появление всесильных и богатых ханов, нойонов, складывание нукерских дружин в полной мере использовали бытовые особенности жизни монголов – их военную сноровку, неприхотливость, способность к быстрым и стремительным передвижениям в седле, их кибиточный транспорт, способный покрывать огромные расстояния.

Во второй половине XII в. между монгольскими племенами, как и в раннее время среди германских племен, восточных славян, началась межплеменная борьба за первенство. Создавались союзы племен, племенные конфедерации. Лидерами здесь стали степные, более развитые, лучше снаряженные и вооруженные племена. Те, кто побеждал, подчиняли своих противников, часть из них обращали в рабство, других заставляли служить своим военным интересам. Дух дружинного предпринимательства в эту пору перехода от первобытнообщинного строя к государству захватил монгольское общество. Точно так же как рождение государства Русь сопровождалось кровопролитными войнами между племенами и союзами племен, возвышением вождей, их отчаянными схватками между собой (вспомним убийство князем Олегом киевских князей Аскольда и Дира, войны полян против северян, радимичей, древлян, вятичей) – такие

же процессы протекали в монгольской среде второй половины XII – начала XIII в.

§ 2. Чингисхан

В конце 50-х – начале 60-х гг. XII в. одному из монгольских вождей, богатуру (герою) Есугэю из племени тайджиут, удалось объединить под своей властью большинство монгольских племен. В ту пору в его семье в 1162 г. родился старший сын Тэмучэн (Тэмуджин, Темучин), будущий Чингисхан. Однако Есугэй не долго был наверху. Враждовавшие с ним татары сумели отравить его. После этого улус Есугэя распался. Его дети были малолетними, не нашлось крепкой руки, чтобы поддержать его непрочную власть. Нукеры Есугэя разошлись к другим вождям.

Долгое время вдова Есугэя с детьми бедствовала, скиталась по монгольским степям, но потом подросшему Тэмучэну удалось собрать новую дружину и приступить к воссозданию отцовских завоеваний. К 1190 г., когда ему не было и тридцати лет, Тэмучэну в отчаянной борьбе с другими ханами удалось подчинить своему влиянию основную часть монгольских племен и занять трон хана «Хамаг монгол улуса», т. е. хана всех монголов. В эти годы он показал себя исключительно отважным воином, смелым до безрассудства. Современники рассказывают, как, будучи еще совсем молодым человеком, он бежал из плена с тяжелой деревянной колод-

кой на шее, а затем, скрываясь от врагов, просидел долгое время под водой, ухитрившись дышать ртом, чуть выступавшим над водной гладью.

Уже в то время Тэмучэн отличался беспощадностью и коварством в борьбе с врагами, умением стравливать их между собой, лавировать, отступать, когда этого требовали обстоятельства. Известно, что он участвовал в убийстве одного из своих братьев, заподозрив его в политической интриге против себя. Комплексом таких же качеств обладали и другие вожди – объединители племенных конфедераций и создатели единых раннефеодальных государств на необозримых просторах Евразии – от франкского короля Хлодвига, убившего всех своих родственников, и чешского короля Болеслава III, искалечившего одного своего брата и удушившего в бане другого, до Владимира I, по приказу которого был заколот его родной брат, и Святополка, пытавшегося уничтожить всех своих братьев.

Подчинив себе бóльшую часть монголов, Тэмучэн провел ряд реформ: ввел десятичную систему организации общества и армии – все взрослое население делилось на «тьмы» (10 тысяч), тысячи, сотни и десятки. Причем десяток, как правило, совпадал с айлой, т. е. семьей. Во главе этих отрядов, которые действовали и в мирное, и в военное время, стояли командиры, строго подчинявшиеся друг другу по служебной лестнице. Тэмучэн создал личную гвардию, которую разделил на «ночную» и «дневную», окружил себя

прочной охраной, ввел управление своим личным имуществом, дал большие привилегии своим нойонам и нукерам, освободив их от всяких налогов. Одновременно он продолжал подчинять себе монгольские племена, не вошедшие в его государство. Одним из последних было подчинено племя татар, убившее его отца.

На курултае (общем съезде монгольских вождей) в 1204–1205 гг. Тэмучэн был провозглашен великим каганом и получил титул Чингисхана – «великого хана». Тем самым ему удалось объединить монголов в единое централизованное государство. Таким образом, в ту пору, когда Русь раздиралась политическими усобицами, за тысячи километров от нее ковалась новая могучая централизованная империя с сильной подвижной армией, с талантливым, решительным, беспощадным властелином.

§ 3. Завоевания монголов

Государственно-военная машина монголов заработала на полные обороты в 1211 г., когда Чингисхан обрушился на Северный Китай. В течение нескольких лет монголы завоевали Северный Китай и в 1213 г. захватили его столицу Пекин.

Завоевание Северного Китая имело большое значение для развития самого монгольского государства. Как сказал впоследствии один из китайских советников Чингисхана,

«хотя мы империю получили, сидя на коне, но управлять ею, сидя на коне, невозможно». Захват Китая Чингисхан использовал для того, чтобы поставить на службу монгольскому государству огромный научный, культурный потенциал империи. Оказалось, что для монголов Китай с его древней цивилизацией сыграл во многом такую же роль, как Римская империя для западных «варварских» племен и «варварских» государств, образовавшихся на ее развалинах, как Византия для Руси, Болгарии, других близлежащих стран. Чингисхан ввел в своем государстве уйгурскую письменность, использовал в управлении опыт китайских чиновников, привлек к себе на службу ученых, военных специалистов. Известно, что монгольская армия была сильна не только своей могучей и быстрой конницей, где всадники были вооружены луками со стрелами, саблями, копьями, арканами, но и китайскими осадными стенобитными и камнеметными машинами, метательными снарядами с горючей смесью, в состав которой входила нефть.

Чингисхан располагал превосходной разведкой. Прежде чем отправиться в военный поход, монголы через купцов, путешественников, через своих тайных агентов тщательно собирали сведения о своих будущих противниках, о состоянии политического положения в их землях, об их союзниках и врагах, оборонительных сооружениях. Нередко роль разведчиков играли монгольские посольства, засылаемые в ту или иную страну перед ее завоеванием. В короткий срок

Чингисхан создал большую армию, вооруженную и оснащенную с помощью китайских специалистов по последнему слову тогдашней техники. В армии была строгая дисциплина. За бегство с поля боя смертью наказывался весь десяток, вся айла (семья), в которой служил этот воин. Угнетающее воздействие на врагов оказывали жестокие расправы монголов с противниками. Непокорные города они уничтожали – жгли, разрушали, а жителей либо уводили в плен (ремесленников, женщин, детей), либо, если это было мужское население, способное к сопротивлению, убивали.

После похода на Китай монголы повернули на запад острие своей мощной, хорошо организованной военной машины, способной к масштабным и долговременным войнам.

В 1219–1220 гг. они захватили Среднюю Азию. Под их натиском пали Бухара, Самарканд. Несколько месяцев Чингисхан осаждал главный город государства Хорезм Ургенч и в конце концов взял его, разгромил, а жителей увел в плен. Государства Средней Азии, расколотые, как и Русь, политическими распрями, действовали в одиночку и не могли противостоять монголам.

Захватив Среднюю Азию, монголы использовали в своих интересах ее искусных ремесленников, многовековой культурный и хозяйственный опыт. Из Средней Азии монгольское войско продвинулось в Северный Иран, вышло через Южный Прикаспий в Азербайджан, захватило город Шемаха и появилось на Северном Кавказе. Там монголы сломили

сопротивление аланов (осетин), которые тщетно обращались за помощью к половцам. Преследуя аланов, монголы появились и в землях половцев, в Приазовье, Крыму и овладели старинным византийским городом Сурожем (Судаком). Теперь перед ними расстилались половецкие кочевья и южнорусские степи.

§ 4. Трагедия на Калке

В половецких степях и на границах Руси появились два ударных корпуса Чингисхана – молодого талантливого полководца Джебе и умудренного опытом старого Субэде. Половецкий хан Котян, в пределы которого вступили монголы, обратился к русским князьям за помощью. Он писал своему зятю – князю Мстиславу Удалому, который в это время княжил в Галиче, придя туда по просьбе своевольных бояр: «Нашу землю суть днесь (сегодня) отняли, а вашу заутра (завтра), пришедше, возьмут». Однако в русских княжествах с сомнением встретили просьбу половцев о помощи. Во-первых, князья не доверяли своим старинным степным противникам, во-вторых, появление на русских границах новой, невиданной доселе монгольской армии было воспринято вроде еще одного выхода из степи очередной орды кочевников. Были печенеги, потом торки, потом половцы. Теперь появились какие-то татары. Пусть они и сильны, но русские рати громили всех степняков. Была уверен-

ность, что русские дружины одолеют и новых пришельцев. Такие настроения отразил и съезд князей в Киеве, который собрался по инициативе Мстислава Удалого. Там галицкий князь призывал к единству сил с половцами, к выступлению против неведомого и страшного врага. Но на призыв Мстислава Удалого откликнулись не все. Дали согласие участвовать в походе против татар киевский князь Мстислав Романович, Мстислав Святославич Черниговский, Даниил Романович, княживший в это время во Владимире-Волынском, а также князья помельче. Но самое главное, в помощи отказал могущественный владимиро-суздальский князь, сын Всеволода Большое Гнездо Юрий Всеволодович. Он, правда, пообещал прислать ростовский полк, но тот не явился.

Узнав о выступлении русского войска им навстречу, монголы, верные своему принципу раскола врага, послали к русским князьям посольство, которое заявило: «Мы слышим, что вы идете против нас, послушав половцев; а мы ни вашей земли не заняли, ни городов ваших, не на вас мы пришли, но на холопов и на конюхов своих на поганых половцев. А вы возьмите с нами мир…» Но уже наслышанные о коварстве и жестокости монголов, русские князья отказались вести с ними переговоры, перебили монгольских послов и двинулись навстречу неприятелю.

Первая схватка с монголами оказалась удачной. Передовые монгольские отряды были частью перебиты, частью бежали к своим главным силам. Русские дружины продолжали

продвигаться далее в степь, стремясь, как во времена противоборства с половцами, решить дело на вражеской территории, подальше от родных земель.

Решающая битва между объединенным русским войском и туменами (от слова «тьма») Джебе и Субэде произошла 31 мая 1223 г. на реке Калка, неподалеку от побережья Азовского моря.

В этом сражении еще раз проявился сепаратизм и политический эгоизм русских князей. В то время как дружины Мстислава Удалого и Даниила Романовича и некоторых других князей при поддержке половецкой конницы устремились на монголов, Мстислав Киевский огородился валом на одном из близлежащих холмов и не участвовал в битве. Монголы сумели выдержать удар союзников, а затем перешли в наступление. Первыми дрогнули половцы. Они бежали с поля боя. Это поставило галицкую и волынскую рати в тяжелое положение. Южные дружины мужественно сражались, но общий перевес сил был на стороне монголов. Они сломили сопротивление русичей, те побежали. Мстислав Удалой и Даниил Романович дрались в самой гуще бойцов, вызвав восхищение монгольских полководцев. Но их мужество не могло устоять перед военным искусством и силой монголов. Оба князя с немногими дружинниками спаслись от погони.

Теперь наступила очередь самой мощной среди русского войска – киевской рати. Попытка взять русский лагерь приступом монголам не удалась, и тогда они пошли на очеред-

ную хитрость. Джебе и Субэде пообещали Мстиславу Киевскому и другим бывшим с ним князьям мирный исход дела и пропуск их войска свободно на родину. Когда же князья раскрыли свой лагерь и вышли из него, монголы бросились на русские дружины. Почти все воины были перебиты, князья во главе с Мстиславом Киевским были захвачены в плен. Их связали по рукам и ногам, бросили на землю, а на них положили доски, на которые уселись во время победного пира монгольские военачальники.

Во время битвы на Калке погибли шесть видных русских князей, из простых воинов вернулся домой лишь каждый десятый. Только киевская рать потеряла около 10 тыс. человек. Это поражение оказалось для Руси одним из самых тяжелых за последнее время. Становилось очевидным, что на своих границах Русь получила еще одного грозного долговременного противника.

После битвы на Калке монголы повернули на северо-восток, вышли в пределы Волжской Булгарии, но, ослабленные потерями в южнорусских степях, потерпели на Волге ряд поражений. В 1225 г. они вернулись обратно в Монголию.

Теперь монголы овладели огромной территорией – от Китая до Средней Азии и Закавказья. Чингисхан поделил захваченные земли между своими сыновьями. Западные земли достались его старшему сыну Джучи (умер в один год с отцом, в 1227 г.). После его смерти во главе Западного улуса встал сын Джучи – молодой энергичный Бату. В 1235 г.

на курултае монгольских ханов, который проходил под руководством нового великого хана Угэдэя, третьего сына Чингисхана, было принято решение о новом походе на запад – в страну волжских булгар и на Русь, которые, по сведениям монголов, славились своими богатствами.

Над Русью нависла новая страшная опасность.

Раздел II. Северо-Восточная Русь

Глава 10. Ордынское владычество

§ 1. Батыево нашествие на Русь. Оборона Рязани

Страшный урок Калки русские князья не поняли, не усвоили. И наказание, еще более гибельное по последствием, последовало менее полутора десятилетий спустя после их поражения в Приазовье.

Первый удар татаро-монголы нанесли по Волжской Булгарии. Они не могли забыть, что именно в этих краях они потерпели первое поражение в 1223 г.

Ранней осенью 1236 г. в бескрайних поволжских степях появилась огромная армия. От горизонта до горизонта застлало небо пыльное облако: двигались десятки тысяч всадников, кибиток, телег, ржали кони, слышались резкие гортанные крики людей – все это сливалось в сплошной гул.

Потом Батый со своими темниками, стоя около раскинутого на холме шатра, смотрел, как вся эта масса людей, лошадей, верблюдов, средств транспорта на кожаных мешках,

наполненных хворостом или кусочками дерева, вплавь переправлялась через Волгу. В Европе вновь появился мощный и страшный враг.

Волжские булгары, предчувствуя беду, несколько раз обращались за помощью к князьям Северо-Восточной Руси, посылали им дары, отпустили на родину русских пленных и даже заключили с Русью мирный договор. Но в решающий момент князья не помогли своему старому сопернику: сказалась давняя и старая вражда между Русью и Булгарией.

Волжская Булгария была разгромлена быстро, ее главные города взяты штурмом и опустошены, население либо перебито, либо угнано в плен. К весне Волжская Булгария перестала существовать как самостоятельное государство.

После этого татаро-монголы широким фронтом двинулись на юго-запад. Их тумены нанесли удар от северного побережья Каспийского моря до кромки северных лесов; на юге – по аланам, севернее – по половецким степям и еще севернее – по землям лесных поволжских племен – мордвы, буртасов, мокши.

К осени 1237 г. завоеватели, разгромив войска местных народов, вышли к верховьям Дона и сконцентрировали все свои силы в районе нынешнего города Воронеж, на границе Рязанского княжества.

Зимой 1237 г., после погрома в землях волжских булгар, буртасов, мордвы, учиненного год назад, несметные полчища Бату-хана (по русским источникам, Батыя), внука Чин-

гисхана, обрушились на Северо-Восточную Русь. Если действия на Волге, а еще раньше в Приазовье были своего рода разведкой боем, то русский поход конца 30-х гг. стал результатом обширного плана, давно и тщательно обдуманного, подготовленного.

Но почему монголы двинулись на Русь зимой? Кажется, монгольское войско было не приспособлено для зимних переходов. Но дело в том, что Батый дождался, пока покрылись льдом русские реки, и после этого монголы по замерзшим руслам рек, как по мощеным дорогам, прошли среди густых заснеженных северных лесов прямо к русским городам.

Батый вел на Русь 12–14 туменов. Они насчитывали около 150 тысяч человек. Все русские княжества могли выставить против врага несколько меньше – около 100 тысяч великолепно вооруженных воинов. Но каждое княжество имело свою, отдельную, дружину и ополчение. Все они из-за политической раздробленности Руси, междоусобных войн князей, их зависти и ненависти друг к другу так и не могли собраться вместе. Каждый считал: «Пусть гибнет враг – сосед, до меня черед, может быть, и не дойдет, а дойдет – так отобьемся». Это и использовали монголо-татары.

Захватив ряд городов в Рязанском княжестве, в декабре 1237 г. татаро-монгольское войско подошло к самому крупному из них – столице земли – Рязани. Ханские послы, самоуверенные и наглые, появились в столице Рязанского княжества, и великий князь Юрий Игоревич выслушал их. От

имени своего господина они передали требование: все рязанские князья, от великого до удельных, должны дать ему десятину (десятую часть) – «во князех и в людех, и в конех, и в доспесех». Князь Юрий созвал совет с участием муромского и пронского князей. Он и сформулировал ответ хану: «Только когда нас не будет, то все ваше будет».

Стремясь лучше подготовиться к противоборству с татарами, найти союзников, выиграть время, князь послал к Батыю своего сына Федора и одновременно направил гонцов в Чернигов и Владимир-на-Клязьме с просьбой о помощи.

Вскоре из окрестных лесов пришла страшная весть: Федор и рязанские послы зарублены перед шатром Батыя, а татары уже движутся на Рязань.

В ответ рязанский князь вывел дружину в открытое поле. Но в первом же сражении русская рать была разгромлена, а князь Юрий убит. Три дня упорно оборонялась Рязань от полчищ Батыя. Напрасно смотрели осажденные рязанцы с городских стен на дороги, ведущие в сторону Чернигова и Владимира: они были пустынны. Другие князья даже не ответили на просьбу Рязани о помощи.

Татары под дробь барабанов, звуки дудок, прикрываясь щитами, шли на приступ городских стен, осыпали ее защитников тучей стрел, били могучими таранами в ворота, лезли вверх по штурмовым лестницам. Место павших занимали все новые и новые воины. Сказался перевес сил. 21 декабря Рязань пала, город был разграблен и сожжен. Вся княжеская

семья и рязанский епископ погибли в огне. Началось завоевание Руси.

Согласно народному сказанию, один из рязанских бояр, Евпатий Коловрат, вернулся из Чернигова, увидя пепелище родного города, собрал дружину из оставшихся в живых рязанцев и бросился вслед за татарами. Он смело нападал на татарские отряды, истребляя захватчиков. Лишь с большим трудом татары окружили воинов Коловрата и убили всех до единого. Погиб и сам герой – боярин Коловрат.

§ 2. Завоевание остальной Руси

1 января 1238 г. татаро-монгольское войско двинулось из Рязанской земли на север в пределы Великого княжества Владимирского. В это время владимирский князь Юрий Всеволодович лихорадочно собирал рать. К нему на помощь пришли полки из некоторых рязанских земель, из Москвы прибыли и остатки рязанской рати, был и отряд из Новгорода.

Первое крупное сражение между татарами и объединенным владимирским войском произошло около Коломны. Бой был долгим и упорным. В нем погиб один из татарских полководцев, сын Чингисхана. Но перевес сил вновь был на стороне татар. Они смяли владимирские полки, часть русской рати бежала во Владимир, а Батый прошел по льду Москвы-реки к Коломне и взял ее. Двигаясь дальше, тата-

ры осадили маленькую крепость – Москву. Пять дней сопротивлялась Москва татарским полчищам, но в конце концов была также захвачена и сожжена. Татары по замерзшим рекам продолжали свой путь и в начале февраля вышли к Владимиру. Со страхом смотрели жители со стен города на его окрестности – там не было видно снега: все было черно от людей, коней, кибиток. В городе оставалась княжеская семья. Сам же великий князь отправился на север собирать новую рать. Во главе обороны города остался его старший сын.

Татарские послы подъехали к стенам Владимира и потребовали сдачи города. С собой они привели одного из взятых в плен сыновей великого князя. Владимирцы ответили отказом. Молодой княжич был тут же убит на глазах матери.

Татары начали осаду Владимира. После нескольких штурмов и разрушения городских стен осадными орудиями они ворвались в город. Началась резня. Княжеская семья и множество жителей укрылись в соборе, но татары подожгли его, и все находившиеся там люди погибли в пламени и дыму.

Были захвачены и разгромлены другие крупные города Северо-Восточной Руси – Суздаль, Ростов, Ярославль, Городец, Переяславль, Кострома, Юрьев, Галич, Дмитров, Тверь и другие. К ним татары пришли также по ледяным речным дорогам.

Но у Руси оставалось еще собранное на севере новое войско. Это была последняя надежда. Князь Юрий ждал подмоги со стороны своего брата Ярослава Всеволодовича, кото-

рый в ту пору княжил в Киеве и имел сильную дружину, и от его сына – новгородского князя Александра (будущего Невского). Но ни тот, ни другой не пришли на помощь. 4 марта 1238 г. на реке Сить состоялась решающая битва. Татары подошли к русскому стану и из-за плохой дозорной службы русских внезапно и молниеносно обрушились на войско. Юрий даже не успел изготовить его к битве. Тем не менее сражение было крайне упорным. Окруженные татарами русские полки сражались отчаянно, многие воины были убиты, захвачены в плен. Сложил здесь голову и великий владимирский князь.

Теперь для татар был открыт путь на Новгород, но они, взяв Торжок, повернули обратно. Поход на северо-западную русскую столицу не входил в их планы: то ли они боялись весенней распутицы, то ли их силы были измотаны тяжелыми боями в Северо-Восточной Руси и Батый опасался похода на укрепленный город, обладающий сильной дружиной и ополчением, то ли они пощадили Северо-Западный край, потому что новгородцы во главе со своим князем не появились на реке Сить. История до сих пор хранит эту тайну.

Батый двинулся «облавой» на юг. По пути он без особого сопротивления захватывал, разорял и сжигал попадавшиеся ему небольшие русские города, но его войско надолго задержалось у небольшой крепости Козельск. Город оказал татаро-монголам отчаянное сопротивление. Семь недель продолжались осада и штурмы Козельска. Татары положили под

его стенами тысячи воинов, но в конце концов взяли Козельск. Прозвав его «злым городом», они истребили всех козельчан. Лишь после этого их войско ушло в южные степи.

Отдохнув на юге и набравшись сил, татаро-монголы в 1239 г. предприняли второй поход на Русь. Батый захватил Муромский край, города по Средней Волге, в том числе Нижний Новгород. Но главный свой удар он направил на богатые города Южной Руси. Были захвачены княжества Переяславское, Черниговское. Города брались с боя. Так, во время штурма Чернигова рукопашные схватки происходили по всему городу. Дружинники и жители сопротивлялись отчаянно, но сила сломила силу. Чернигов был взят.

Затем татаро-монголы снова повернули на юг, добили еще непокоренных половцев, вторглись в Крым и подчинили себе весь полуостров. Отдельные их тумены завоевали Северный Кавказ и Закавказье.

Осенью 1240 г. наступил печальный черед Киева. Это был третий поход татаро-монголов на Русь. По свидетельству авторов того времени, Батый вел на Киев около 600 тысяч воинов.

Конечно, не все они были монголами. В этом многонациональном войске шли отряды многих покоренных татаро-монголами народов – из Средней Азии, Половецкой степи, с Северного Кавказа. Как и во времена гуннского нашествия, казалось, вся Евразия двинулась на запад.

Полчища Батыя форсировали Днепр, разгромили крепо-

сти, прикрывавшие Киев с юга, и в ноябре подошли к «матери городов русских».

В первый же день штурма татары ворвались на стены первого пояса стен. На второй день преодолели вторую линию обороны. Сражения шли за каждый дом, каждую улицу. Во главе горожан стоял воевода Дмитр, в то время как княживший тогда в Киеве черниговский князь Михаил бежал в Венгрию за подмогой.

Последним оплотом защитников города стала Десятинная церковь. Татары начали бить в ее стены таранами. Вскоре стены не выдержали, и храм рухнул. Под ним погибли все его защитники, в том числе и раненый воевода. Город был опустошен и разграблен. Погибли знаменитые Золотые ворота, были разорены гробницы Софийского собора. Впервые за всю свою историю Киев был взят иноплеменниками.

Пройдя огнем и мечом по Киевской земле, татаро-монгольские тумены вторглись в Галицко-Волынское княжество, где правил талантливый полководец – князь Даниил Романович. Однако его дружина не могла противостоять превосходящим силам завоевателей. Тем не менее, как и в других частях Руси, местные жители стояли насмерть на стенах своих городов. Под Каменцем и Колодяжиным татары потерпели ряд неудач и лишь ценой больших усилий захватили эти города.

Ожесточенная борьба разгорелась за Владимир-Волынский. Взяв наконец город, татары жестоко отомстили его за-

хваченным в плен защитникам: им в голову повбивали железные гвозди. Даниил с семьей заперся в мощной крепости Холм и сумел отбиться от неприятеля; татары не стали штурмовать Холм и ушли дальше, на запад.

За четыре месяца Батый захватил всю Южную и Юго-Западную Русь и вышел на границу Венгрии и Польши. Теперь татаро-монгольские полководцы мечтали дойти «до моря франков», т. е. до Атлантического океана. Они хотели повторить путь гуннов.

Но сил у завоевателей оставалось все меньше и меньше.

Тысячи монгольских воинов полегли на просторах Руси при штурме русских городов. И хотя татаро-монгольская армия была еще многочисленна, но едва ли не половину составлявшие ее воины покоренных народов не хотели умирать за чуждые им интересы монгольских вождей.

В 1241 г. Батый прошел по землям Польши, Венгрии, Чехии, Молдавии, Валахии. Были захвачены тогдашние столицы Польши Краков и Венгрии Будапешт, другие крупные города восточноевропейских государств. Но уже в Чехии и Польше татарские тумены потерпели ряд поражений. Хорватия и Далмация были последними пунктами, до которых дошла татаро-монгольская конница. Там Батый в сражениях с объединенными армиями западных стран потерпел ряд неудач и в 1242 г. повернул назад.

В низовьях Волги, в привольных кочевых степях, Батый основал свою ставку – Сарай-Бату. Это была столица огром-

ного государства. Татары назвали его Золотой Ордой. Золотая Орда являлась частью огромной Монгольской империи с центром в далеком Каракоруме. Там правил верховный хан всех монголов. Ему подчинялся и Батый. Границы же его улуса протянулись от Иртыша на востоке до Карпат на западе, от Приуралья на севере до Северного Кавказа на юге. Русские земли попали в вассальную зависимость от Золотой Орды. И хотя «господин Великий Новгород» не подвергся нашествию, но и он вынужден был признать власть Батыя. Нашествия избежали лишь Полоцкое и Смоленское княжества.

Глава 11
Борьба русских земель за независимость

§ 1. Ордынское иго

Разоренной и опустошенной осталась Русь после того, как татаро-монголы ушли на запад. Большинство городов было сожжено, ремесленники частью погибли, частью были уведены в плен, пашни запустели и стали зарастать лесом, храмы были разграблены, многие из них сожжены. Погиб цвет русского воинства, вместе с ним – большинство русских князей и воевод. Хозяйственная и военная мощь Руси была резко подорвана.

Теперь, раскинув свою главную ставку в низовьях Волги, татаро-монголы начали устанавливать свой режим господства в русских землях, который впоследствии получил название татаро-монгольского, или ордынского ига. Завоеватели не оккупировали территорию Руси. Здесь постоянно не стояли татарские войска, не размещалось татарское население, в городах не сидели наместники хана. Во главе русских княжеств по-прежнему стояли русские князья, сохранились княжеские династии. Православная церковь беспре-

пятственно исправляла свои службы в оставшихся не разоренными храмах. В этом смысле русские княжества имели определенную автономию (от *греч*. «аутос» – сам и «номос» – закон), т. е. право заниматься своими собственными делами.

Но эта автономия была крайне ограниченной. Во-первых, только с разрешения хана Золотой Орды русские князья имели право занимать свои престолы. Они получали на это специальные грамоты – ханские «ярлыки». После гибели великого князя владимирского Юрия Всеволодовича ярлык на великое княжение Владимирское получил его брат Ярослав Всеволодович, бывший до этого времени киевским князем. Это был тот самый Ярослав, отец Александра Невского, который не явился на подмогу своему брату на реку Сить, где и погиб Юрий.

Такие же ярлыки получили и другие русские князья, в том числе великий князь галицко-волынский Даниил, признавший власть Орды. Для этого нужно было ехать в Сарай и выполнить унизительную процедуру: пройти сквозь очистительный огонь, который горел перед шатром хана, поцеловать его туфлю. Если возмущенные князья отказывались это сделать, их убивали. Так, был зарублен около ханского шатра великий черниговский князь Михаил Всеволодович. Он приехал за ярлыком на свой прародительский черниговский престол, но воспротивился унижению. Возможно, татары припомнили ему нежелание сдать Киев.

Ханы Золотой Орды зорко следили за поведением князей,

не давали им усилиться, возродить русские вооруженные силы, сплотить вокруг себя народ. Они стравливали князей между собой, возбуждали зависть, поощряли междоусобицы, мешали централизации Руси под главенством какого-либо одного княжества, одного сильного государственного деятеля. Непокорных, сильных и самостоятельных убирали с пути разными способами. Так, великий владимирский князь Ярослав Всеволодович был в 1246 г. вызван в далекий Каракорум и там отравлен.

Во-вторых, татары возложили на русские земли тяжелую дань – «ордынский выход», который должно было платить все взрослое население. Для этого людей переписывали, делили на десятки, сотни, тысячи. Специальные татарские отряды баскаков, расположенные в русских княжествах, следили за сбором этой дани и везли ее в Орду. В случае неповиновения они проводили жестокие карательные операции, мучили и убивали людей, терроризировали население. Русские люди должны были платить не только дань, но и другие налоги, введенные татарами, – поплужное (с каждого плуга в деревне), ямские деньги (от татарского слова «ям» – почтовая служба). Русские города должны были поставлять в Орду и в Монголию искусных ремесленников, а во время войн Орды с соседями предоставлять в распоряжение ханов военные отряды. Только духовенство и церковные земли были освобождены от дани. Татары с уважением относились ко всем религиям мира и даже разрешили открыть церкви на

территории Орды.

В-третьих, время от времени для устрашения русских людей или в случае их неповиновения татарским порядкам ордынские ханы предпринимали против Руси большие карательные экспедиции и снова грабили, жгли русские земли, уводили людей в плен. Таким набегам подвергались и Северо-Восточная Русь, и Галицко-Волынское княжество, и другие земли.

Итогом татаро-монгольского нашествия и установившегося ига стал очередной откат назад во всех областях русской жизни: обезлюдели города, оказались утраченными многие ремесленные специальности, захирело сельское хозяйство, в упадок пришла культура, на какое-то время даже прекратилось летописание. Замедлилась и централизация русских земель: своевольные князья, боярство снова старались уйти из-под влияния таких центров, как Владимир, Галич. А это наносило вред экономическому единству русских земель.

Большое отрицательное значение ордынского ига состояло и в том, что оно способствовало развитию в людях угодничества и раболепия перед сильными мира сего. Особенно эти качества развивались среди верхушки русского общества, в княжеской среде. Там понимали, что лесть, угодничество, унижение перед ханами и их помощниками помогали сохранить и приумножить власть и доходы. Зато такие люди, натерпевшись унижения перед татарами, сами старались потом унизить и оскорбить тех, кто находился в их подчине-

нии. В ходе десятилетий ига это все больше и больше проявлялось в русской жизни и переходило уже на все русское общество, въедалось в характер народа.

Вместе с тем Золотая Орда постоянно помогала русским князьям в их борьбе с врагами – литовцами, шведами, немцами. Иногда на помощь князьям приходила татарская конница. Это объяснялось тем, что ханы рассматривали борьбу с Русью как атаку на свои собственные владения. Не случайно многие пограничные с Владимирским княжеством земли не хотели оказаться от него в зависимости, так как это означало бы и подчинение Орде. Поэтому не захваченные нашествием Смоленское и Полоцкое княжества тщательно оберегали свою независимость от Владимирского княжества и Новгорода.

§ 2. Натиск врагов на северо-западе. Первые схватки с крестоносцами и литовцами

В ту пору, когда с востока на Русь надвигалась грозная опасность в лице полчищ Батыя, на ее северо-западных границах активизировались другие враги.

Пока Русь была сильной и единой, она сама расширяла свои владения по берегам Балтийского моря, в Финляндии. Позднее Новгородское княжество подчинило своей власти земли финского племени емь, племен корелов, води, ижоры,

а также в Восточной Прибалтике земли чуди (эстов). Полоцкие князья завладели землями ливов, латгалов и земгалов – предков латышей.

Теперь положение изменилось: за спиной этих княжеств уже не было могучих киевских ратей. Владимирское княжество само подверглось разгрому со стороны татаро-монгольских войск и лежало в руинах. Этим и воспользовались грозные соседи Руси. Это были немцы, шведы и литовцы.

Немецкие рыцари давно уже стремились захватить соседние прибалтийские земли. Их поддерживал германский император, помогая безземельным рыцарям получить населенные земли на востоке. Освятил эту агрессию и папа Римский, который считал богоугодным делом овладение землями местных язычников и обращение их в христианство. Так здесь объединилось воинственное католическое духовенство и алчные рыцарские отряды. Немецкие епископы при поддержке рыцарей открыли в этих землях ряд новых епископств, основывали крепости и, опираясь на них, начали завоевание края.

Большое значение имело строительство в устье Западной Двины крепости Рига и основание Рижского епископства. В 1202 г. на завоеванных землях немецкое духовенство и рыцари организовали Орден меченосцев. Его целью являлось дальнейшее завоевание Восточной Прибалтики, в частности земель чуди и латышских племен, и обращение язычников в христианство.

На белых плащах закованных в латы рыцарей красовались огромные черные кресты – как знак того, что они являются божьими слугами, а их дело – святое. Крестоносцы объявили еретиками, неверными, которых надо либо крестить, либо уничтожить, не только местные языческие племена, но и русских, которые исповедовали православие и не подчинялись Римской церкви. На деле же речь шла о захвате новых земель, покорении народов, овладении торговыми путями.

Вскоре в этих краях появился еще один воинственный немецкий духовный орден – Тевтонский. Он был создан немецкими крестоносцами в Иерусалиме во время Первого крестового похода. Позднее польские князья пригласили его в Прибалтику для борьбы со свободолюбивыми языческими племенами пруссов. Теперь тевтонцы также стали грозной и опасной силой в Прибалтике, и не только для местных язычников, но и для самих поляков.

Другой силой стали шведы.

Швеция давно вела с Новгородом напряженную борьбу за финские земли, а также за берега Невы. С 30-х гг. XIII в. папа Римский и в этих краях провозгласил Крестовый поход, призвав шведские церковные власти и рыцарей, чтобы они «против этих отступников и варваров подняли знамя креста». В число «отступников» попали и русские.

Третьей враждебной силой на северо-западных границах русских земель стало набирающее силы Литовское княжество. В конце XII – начале XIV в. ряд литовских племен объ-

единились в мощный союз. Этому способствовала и агрессия немцев в Прибалтике – опасность сплачивала литовцев. Вскоре литовские князья начали наступление на новгородские и полоцкие владения. Но одновременно сами литовцы стали подвергаться ударам Ордена меченосцев, который мечтал о захвате благодатных литовских земель и подчинении здешнего населения. Таким образом, Русь и Литва имели общего врага в лице Ордена меченосцев.

Первые шаги «крестоносной» агрессии русские земли встретили во всеоружии.

Защиту русских интересов в Прибалтике взяли на себя Новгород и Полоцк. Во втором десятилетии XIII в. полоцкие князья совместно с литовцами несколько раз воевали с Орденом меченосцев, а Новгород боролся с немцами за земли чуди. Их отбивал у рыцарей приглашенный в Новгород князь Мстислав Удалой. Но особенно активно действовал против крестоносцев переяславский князь Ярослав Всеволодович, которого новгородцы также приглашали в качестве руководителя своих дружин.

В 20-е гг. XIII в. Ярослав предпринял поход в финские земли и не позволил шведам овладеть ими. В то же время он возглавил два похода на Ригу, а потом организовал поход в захваченные немцами земли ливов. Военные действия новгородцев охладили наступательный пыл шведских и немецких рыцарей. Зато и те, и другие воспрянули духом, когда на русские земли напали татаро-монголы.

§ 3. Александр Невский

В 1238 г. Ярослав Всеволодович стал великим князем владимирским, а на княжение в Новгород послал своего сына Александра.

Александр Невский родился в 1221 г. Его мать была дочерью Мстислава Удалого, смелого и удачливого воина.

Впервые Александр оказался в Новгороде вместе с отцом, когда был еще совсем малышом. В возрасте 7 лет он был на время оставлен отцом на княжение, когда тот уехал из города. В 20-е гг. – первой половине 30-х гг. XIII в. юный князь был свидетелем напряженной борьбы Новгорода с немцами, шведами, Литвой. Он уже принимал участие в боевых походах отца. В битве с рыцарями за старинный город Юрьев в 1234 г. вместе с отцом участвовал и юный Александр. Это сражение произошло зимой. Новгородцы загнали немцев к реке, и когда тяжеловооруженные рыцари вступили на лед, тот стал под ними проваливаться, и рыцари начали тонуть. (Опыт этой битвы Александр запомнил и применил его позднее в знаменитом Ледовом побоище.) Юрьев был отвоеван, а немцы заключили с Новгородом мир.

А с 1236 г., в период борьбы отца за киевский стол и владимирское великое княжение, Александр стал его наместником в Новгороде. Ему было тогда 15 лет.

Когда отец стал великим князем владимирским, Алек-

сандр уже постоянно чувствовал за собой его поддержку. В это время владимирский князь стремился полностью подчинить себе Новгород. Поэтому между отцом и сыном, с одной стороны, и новгородцами, с другой, постоянно возникали распри. Но Новгород нуждался в сильном и талантливом военачальнике и в поддержке владимирских войск в борьбе с врагами, а потому терпел давление со стороны владимирского князя.

Александр сразу же показал себя умным и дальновидным государственным деятелем. Когда меченосцы предложили ему союз против литовцев, он отказался. Но не помог и литовцам, которые сами часто нападали на новгородские земли. Его цель заключалась в том, чтобы противники истощали себя в борьбе друг с другом и оставили в покое русские земли. Так и случилось. В 1236 г. литовское войско наголову разбило Орден меченосцев, и остатки рыцарей соединились с Тевтонским орденом. Теперь на северо-западных русских границах появилась их объединенная сила – Тевтонский, или Ливонский, орден, но на некоторое время немецкие рыцари притихли. Зато активизировались другие враги Новгорода – литовцы и шведы.

В 1239 г. литовцы захватили Смоленск и угрожали новгородским землям с юга. Александр организовал против них оборону, построил на южных границах Новгородского княжества ряд крепостей, а владимирский князь послал на литовцев свою рать, и та отбила Смоленск обратно.

В это время Батый уже завоевал земли Северо-Восточной Руси и готовился к походу на запад. Вот тут-то шведы, немцы и датчане вновь активизировали свои действия. Наступил решающий этап борьбы Руси за еще оставшиеся независимыми русские земли.

Тевтонские рыцари разорвали прежний мир и начали наступление на Псков. Сначала они овладели крепостью Изборск, а потом осадили и сам Псков. Взять его штурмом не удалось, но предатели из местных бояр и их помощники открыли городские ворота и впустили рыцарей в город. Одновременно датчане атаковали земли чуди, находившиеся на берегу Финского залива и принадлежавшие Новгороду.

В начале июля 1240 г. шведские рыцари высадились на берегу Невы. Они придали походу характер крестового. Грузились на корабли под пение религиозных гимнов, католические священники благословили их в путь. Целью шведов был уже не только захват новгородских владений в Финляндии, но и сокрушение самого Новгорода. Во главе шведского войска стояли известные шведские военачальники – ярл (князь) Фаси и зять короля ярл Биргер. С ними пришло несколько тысяч человек. Шведы раскинули лагерь и начали копать боевые рвы, возводить вал, создавать укрепление. Они хотели создать здесь опорный пункт и отсюда грозить Новгороду.

В древнем предании сохранилось обращение шведского вождя к новгородскому князю: «Если хочешь противиться мне, то я уже пришел. Приди и поклонись, проси милости,

и дам ее, сколько захочу. А если воспротивишься, попленю и разорю всю и порабощу землю твою и будешь ты мне рабом и сыновья твои». Это был ультиматум. Шведы, требуя от Новгорода безусловного повиновения, были убеждены в своем успехе. По их понятиям, сломленная татарами Русь не могла оказать им серьезного сопротивления.

Однако события разворачивались вовсе не так, как предполагали шведские крестоносцы. Еще на входе в Неву их суда были замечены преданными Руси ижорскими дозорщиками, их старейшина Пелгусий тут же дал знать о появлении противника в Новгород и позднее сообщал Александру о дислокации и количестве шведов.

Действия Александра были молниеносными: он решил ударить по шведам немедленно, не дав им закрепиться на берегах Невы. Он даже не успел сообщить о появлении шведов отцу и попросить у него подкрепления. Не было времени собирать и пешее новгородское ополчение. Александр повел на берега Невы лишь конную княжескую дружину.

Перед походом юный князь вошел в Софийский собор, помолился Богу и получил благословение архиепископа. На католический крест Русь отвечала крестом православным. Затем Александр обратился по старинному русскому обычаю к войску с речью. Там были и такие слова: «Не в силе Бог, но в правде!»

15 июля 1240 г., в девятом часу утра, Александр обрушил на ничего не подозревавших шведов удар конной дру-

жины и пеших, среди которых были отряды ижорян и корелов. Внезапное появление новгородской рати повергло шведов в панику. Часть их бросилась к своим кораблям, другие пытались переправиться на противоположный берег реки Ижоры. Шведские вожди попытались организовать рыцарей в боевой порядок, но все было тщетно. Дружинники Александра ворвались в лагерь, один из дружинников, Савва, подсек опору королевского шатра, и тот рухнул, вызвав ликование русского войска. В пылу сражения другой русский воин прямо на коне въехал по сходням на шведский корабль, был сброшен оттуда, выбрался из воды и снова устремился в сечу. Пример мужества и смелости показывал и сам 19-летний князь. В личном поединке он нанес удар копьем в лицо ярлу Биргеру, и того, раненного, унесли на корабль.

Разгром шведов был полным. Несколько их кораблей было изрублено и потоплено, погибло немало воинов. Наиболее знатных из них шведы погрузили на оставшиеся корабли и отплыли в море. Русское войско, по данным летописи, потеряло двадцать человек.

Александр Ярославич с триумфом возвратился в Новгород. Встретить его вышел весь город, был отслужен торжественный молебен. Сам князь в честь своей победы на Неве получил прозвище «Невский».

§ 4. Ледовое побоище

Но вскоре новгородцы поссорились с Александром Невским, и тот вынужден был уехать в свое родовое гнездо – Переяславль-Залесский. Этим немедленно воспользовались тевтонские рыцари. Зимой 1240–1241 гг. они захватили часть новгородских владений, воздвигли там крепость Копорье, перерезали все торговые пути, ведущие из Новгорода. Их дозоры появились в 30 км от города.

В этот критический момент новгородцы вновь обратились к владимирскому князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой прислать к ним на княжение одного из сыновей. Поехал младший брат Александра Невского Андрей, но он не сумел остановить немецкий натиск, и тогда Новгород попросил прислать Александра.

Поразительна незлопамятность молодого князя, если дело касалось общерусских интересов, хотя он имел жесткий и упорный характер. Вскоре Александр был уже в Новгороде.

Он действовал в своем стиле – стремительно и решительно. Вначале быстро организовал рать, куда вошли дружина, ратники ополчения, союзники – корелы и ижоряне, пришел и полк из Ладоги. По существу, против немцев Александр Невский поднял весь Русский Север.

Первый удар он обрушил на Копорье. Крепость была взята и разрушена. Затем Александр попросил помощи у отца,

и тот прислал владимирский полк во главе с Андреем. Усилившись, Александр повел на рыцарей дальнейшее наступление.

В этот период Батый не вмешивался в военный конфликт на Севере. Более того, хан был заинтересован в том, чтобы силами Руси отгородиться от агрессивных западных соседей. Это и использовал Александр Невский. Он лавировал между смертельными врагами Руси, отстаивая независимость русских северо-западных земель.

Ранней весной 1242 г. объединенное русское войско вошло в земли дружественной немцам чуди, Александр перерезал все пути, ведущие из немецких земель к Пскову, и полностью изолировал город. Решающий удар по Пскову князь нанес с запада, откуда его ждали меньше всего. Город был взят, тылы обеспечены, после чего русская рать вновь двинулась на запад.

К этому времени орден мобилизовал все свои наличные силы. В поход против Александра отправились практически все крестоносные «слуги Божьи» – тяжеловооруженные, закованные в латы конные рыцари. Именно они, построенные клинообразно, или «свиньей», как называли такое построение русские, наносили стремительный и мощный удар по вражескому войску; пехота, шедшая внутри клина и позади рыцарей, довершала разгром смятого и устрашенного противника. На этот раз во главе орденского войска шли сам магистр, вся орденская верхушка, многие епископы. С Алек-

сандром решено было покончить раз и навсегда, убрать с дороги наиболее способного и решительного русского полководца, овладеть полностью новгородскими землями, разделив их между немецкими феодалами, привести русских людей в лоно католичества.

Всей своей массой орденское войско обрушилось на передовой отряд Александра, воевавший в землях чуди: он был разгромлен. Зато теперь у новгородского князя было полное представление о противнике. Бороться с ним в открытом поле было бессмысленно: у немцев было большое превосходство в силах и тяжелом вооружении. Значит, надо было ограничить маневр рыцарской конной массы, сковать ее действия, использовать легкие в бою русские конные дружины, упорство русских пехотинцев.

Место боя, которое выбрал Александр Невский, и его ход показывают большое военное искусство выдающегося русского полководца XIII в.

Русская рать отступила к Чудскому озеру и там заняла позиции около его возвышенного и лесистого берега. Справа находился слабый лед, куда в случае успеха можно было оттеснить тяжеловооруженных рыцарей, и тогда озеро становилось союзником русских. Новгородскую и владимирскую дружины Александр поставил на флангах русского войска, а в центре расположил пехотинцев – лучников и бойцов, вооруженных топорами, мечами и крючьями, – раз сброшенному с лошади рыцарю уже невозможно было своими силами

вновь взобраться в седло, и здесь он мог стать добычей русских пешцев. Именно пехотинцы должны были выдержать первый и наиболее страшный удар рыцарской «свиньи».

Ранним утром 5 апреля 1242 г. из мглы, покрывавшей противоположный берег, на озеро выползла знаменитая тевтонская «свинья» и двинулась навстречу русской рати.

Первый же удар крестоносного клина прогнул русский центр. Лучники расстреливали первые ряды рыцарей, стаскивали их с коней, добивая на земле, но сзади плотным строем скакали все новые всадники, сокрушавшие русских. Вскоре центр был прорван, пехотинцы рассыпались в стороны, но немецкий клин уткнулся, как и замышлял Александр, в высокий, поросший лесом и заснеженный восточный берег озера. Движение рыцарей замедлилось, смешалось, и в это время в движение пришли крылья русского войска, обрушившие всю свою конную мощь на слабо защищенные лишь пехотинцами фланги и тыл немецкого клина. Рыцари смешались, им уже трудно было перестроиться и развернуться против окруживших их русских дружин. Первой побежала чудь, за ней немецкие пехотинцы. Русские умело оттеснили противника на слабый лед, и рыцари начали проваливаться под лед и тонуть, что еще более усилило панику в их рядах. Русские воины начали добивать врага. Лед озера покрылся кровью.

Разгром тевтонского войска был полным. Оставшиеся в живых тевтонцы бежали семь верст до противоположного

берега.

По данным русской летописи, на льду озера пали 500 рыцарей, а чуди – огромное множество, 50 именитых крестоносцев были взяты в плен.

Победа сломила надолго орденское движение на восток, определила путь независимого развития русских северо-западных земель. Вскоре немцы запросили у Александра Невского мира и отдали все захваченные земли.

Через несколько лет Александр отбил попытки Литвы захватить некоторые новгородские города и, верный своей активной военной тактике, сам устремился на литовцев и нанес им ряд поражений. Теперь западные и северо-западные границы Руси были защищены. Это была историческая победа.

§ 5. Возрождение Руси. Русь и Золотая Орда при Александре Невском

В 1246 г. на Руси стоял великий плач. Во Владимир из Каракорума привезли тело отравленного там великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича. Теперь владимирский стол был свободен. Наиболее авторитетным князем на Руси был Александр Невский. Его военные победы гремели по всему тогдашнему миру, дипломатический талант был широко известен. Монгольские правители опасались Александра. Они приказали ему прибыть в Каракорум якобы для того, чтобы даровать ярлык на великое княжение. Но Алек-

сандр медлил. Он понимал, что его ждет участь отца. Вместо этого во главе сильной дружины Александр явился во Владимир на похороны отца, что вызвало недовольство татаро-монгольских правителей. Они отдали ярлык на великое княжение брату Ярослава Всеволодовича. Затем Батый еще раз позвал Александра Невского в Орду. В послании хана говорилось: «Один ты не хочешь покориться мне. Но если хочешь обезопасить землю свою, то приди скорее ко мне, и увидишь от меня честь».

И вот Александр стоит перед Батыем, склонив голову, – высокий, русоголовый, двадцатишестилетний красавец перед маленьким, сорокалетним, но уже усталым и больным ханом, владыкой половины Европы. По свидетельству древнего источника, Батый был поражен умом и достоинством Александра Невского. Он якобы воскликнул: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему!»

С этих пор между ханом и русским полководцем установились дружеские и уважительные отношения. Но за этими отношениями стоял и расчет. Александру поддержка Батыя была необходима для борьбы с западными агрессорами, а также чтобы обезопасить русские земли от грабительских татарских набегов. Батыю Александр был нужен для того, чтобы тот поддерживал сильной рукой порядок на Руси, обеспечивал уплату дани, препятствовал яростным вспышкам русского неповиновения. Но одновременно русский князь был и опасен татаро-монголам как талантливый полководец

и опытный государственный деятель. Это понимали в Каракоруме. Там не хотели давать Александру власть над Русью и тем самым еще более возвысить его. В Монголии были недовольны и Батыем за то, что он поддерживает Александра Невского.

Батый сам не стал решать русские споры за ярлык и отправил двух братьев, Александра и Андрея, который тоже претендовал на титул великого князя владимирского, в далекую Монголию.

Два года пробыли братья в Монголии. Хитроумные монгольские правители решили вопрос с пользой для себя. Александр получил титул великого князя киевского, который был почетным, но не имел реальной цены, так как Киев был разорен и утратил власть на Руси. А Андрея удостоили титула великого князя владимирского, т. е. реального властителя быстро оправлявшихся от нашествия северо-восточных русских земель. Тем самым братьев противопоставили друг другу. Это была извечная тактика татаро-монголов.

Александр Невский спокойно воспринял интриги Каракорума. Однако он даже не появился в Киеве, а отправился к себе в Новгород и там продолжал организовывать оборону русских границ от врагов.

Лишь в 1252 г., когда отошли от дел в Монголии враги Александра Невского, Батый отдал ему ярлык на великое владимирское княжение.

Но пока Александр был в Орде, Андрей вместе с млад-

шим братом подняли восстание против татаро-монгольских завоевателей. Его действиями руководило и ущемленное самолюбие. Андрей всегда находился в тени славы своего знаменитого брата и теперь, лишившись титула великого князя, бросил ему открытый вызов.

Это были два разных подхода к отношениям с Ордой. Осторожная, взвешенная, дальновидная политика Александра Невского, который ненавидел Орду, но опасался идти на конфликт с ней, и пылкая, удалая, нерасчетливая политика Андрея Ярославича.

Александр Невский был еще в Орде, когда пришло известие, что Владимир, Переславль и некоторые другие города попытались сбросить с себя татаро-монгольское иго. Это было первое крупное восстание против власти Орды на Руси, и возглавили его князья Рюриковичи. Их дружинники перебили татар. Но Батый быстро подавил плохо подготовленное восстание: на Русь было направлено ордынское войско во главе с темником Неврюем – «Неврюева рать».

Неврюй прошел огнем и мечом по землям и городам, которые участвовали в восстании. Они снова были разгромлены, разграблены, а люди уведены в плен. Этот карательный поход еще раз показал, что у Руси еще не было сил сопротивляться Орде.

Андрей был разбит в сражении и бежал в Новгород, но город его не принял, и тогда он укрылся в Швеции, у врагов Александра Невского. Александр занял великокняже-

ский стол во Владимире. Но не стал мстить своим противникам на Руси – ни братьям, ни городам. Напротив, Александр Невский сделал все для того, чтобы объединить и сплотить Русь, централизовать ее. Только в этом он видел возможность в дальнейшем сопротивляться татарам.

В Новгород он послал наместником своего сына и сурово карал новгородцев за их сепаратизм. Зато, когда новгородские владения подвергались нападениям врагов, он тут же приходил на помощь. Так, он двинул полки против шведов, высадившихся на берегу реки Наровы – принадлежавших Новгороду землях чуди. Шведы, узнав о том, что сам Александр идет на помощь Новгороду, в панике бежали. В 1256 г. Александр, в последний раз в своей жизни, повел войско в земли финнов, которые были завоеваны шведами. В тяжелых зимних условиях Александр Невский одержал ряд блестящих побед над шведами, разгромил их крепости.

Александр вымолил прощение в Орде для Андрея, и тот вернулся на Русь.

В 1257 г. владимирский князь стоял перед тяжким выбором. В этот год татары, выполняя приказ великого хана Монголии, начали перепись русского населения для обложения новой данью. Привыкшая к произволу татар Северо-Восточная Русь стала выполнять приказ, но жители Новгорода, которые никогда не знали тяжелой татарской неволи, возмутились. Возглавил недовольных сын Невского Василий, княживший в Новгороде. И тогда Александр повел рать на Нов-

город. Он изгнал сына и провел вместе с татарами перепись, предотвратив тем самым разгром города татарами и появление на Руси новой карательной экспедиции.

Восстановив на Руси порядок, Александр Невский все свои силы и организаторский талант направил на возрождение Руси. Он способствовал восстановлению русских городов, вкладывал средства в строительство новых храмов, понимая, что церковь выступает как патриотическая и централизующая сила. При Александре Невском наметился возврат к единой и сильной Руси, как это было уже при Всеволоде Большое Гнездо. Александр Невский первым из русских князей начал укрывать часть «татарского выхода» и тем самым сохранять средства для восстановления Руси. В благоприятных условиях он поддерживал и открыто антитатарские выступления. Так, когда между Ордой и Монголией в начале 60-х гг. XIII в. начался разлад и новый ордынский хан Берке, брат умершего Батыя, отказался подчиниться Каракоруму, этим воспользовались русские земли: в ряде городов произошли мощные антитатарские восстания, и жители выгнали каракорумских сборщиков налогов. В те дни Александр рассылал грамоты с призывом «татар побивати». Наказания не последовало, так как Русь выступила не против Орды, а против Монголии, с которой враждовал Берке.

И все же коварный и жестокий хан запомнил эти действия владимирского князя. В 1262 г. он приказал Александру Невскому привести ему на помощь русскую рать для по-

хода против своих врагов в Иране. Александр отказал и поехал в Орду «отмаливать» русских воинов. А основную часть войска услал в Прибалтику для войны с орденскими силами. Берке уламывал Невского, но тот не соглашался. Наконец хан, продержав князя в Орде несколько месяцев, отпустил его на родину. Но до Владимира Александр не доехал. В Орде он тяжело заболел. Возможно, как и его отец, он был отравлен ханом.

Александр Невский добрался лишь до города Городца на Волге, где умер 14 ноября 1263 г. в возрасте всего сорока двух лет. Перед смертью он принял постриг и получил имя Алексей. Такова была традиция в княжеской среде.

Александра Невского оплакивала вся Русь. На его похоронах митрополит возгласил, что зашло солнце земли Русской, и народ с плачем отвечал: «Уже погибаем!» За свои подвиги на пользу Отечества и православной веры Александр Невский был причислен к лику святых.

Русь поднимает голову. Усилия Александра Невского по возрождению Руси не пропали даром. Уже при его жизни начали оживать русские города, восстанавливаться храмы, отстраиваться села. Но, пожалуй, самым главным результатом деятельности этого великого князя стало возрождение гордого духа свободы, порыва к борьбе за независимость своей земли, ненависти к «ордынщине», которые вдохнул Александр Невский в русский народ. Этого он добился и победами против крестоносцев и литовцев на северо-западе,

и мудрой и выдержанной дипломатией в отношениях с Ордой, и даже тогда, когда он стремился подавить антиордынские выступления на Руси. Всеми своими действиями Невский как бы говорил: надо восстанавливать Русь, возрождать ее, собирать силы и лишь после этого вступать в решающую схватку с врагом за свободу и независимость Родины. Этот неодолимый дух победителя начал витать над Русской землей со времени Александра Невского.

В южной Руси такую же гордую и свободолюбивую, но осторожную и взвешенную политику демонстрировал Даниил Галицкий, сумевший, как и владимирский князь, возродить из пепла южно-русские земли, укрепить крупные города, воссоздать сильное войско.

Не случайно, что вскоре после установления татаро-монгольского ига и в Северо-Восточной Руси, и в южно-русских землях стали вспыхивать стихийные антиордынские восстания, которые все чаще и чаще поддерживались князьями. Иногда сами князья и организовывали эти выступления. Так, жители Галицко-Волынской Руси несколько раз пытались освободиться от татаро-монгольской неволи.

Князь Даниил хотя и признал власть Орды, но постоянно стремился выйти из подчинения Сараю. В 50-е гг. XIII в. была предпринята попытка дать отпор карательному корпусу татар. Но позднее в Галицко-Волынской земле появилось новое сильное ордынское войско, которое восстановило власть татаро-монголов.

В начале 60-х гг. XIII в. вспыхнули восстания на северо-востоке. Их тайным вдохновителем был сам Александр Невский. Но и они были подавлены татаро-монгольскими карателями. Смерть Александра Невского надолго ослабила русские земли.

Сыновья Александра схватились в борьбе за власть, используя военные силы татаро-монголов. А те сталкивали их между собой, поддерживая то одного, то другого, разоряли русские земли, уводили людей в плен. Мелкие и тщеславные дети великого отца потеряли многое из того наследия, что оставил им Александр Невский: было ослаблено единство Руси, вновь раздробились ее военные силы. А это шло на пользу только Орде. И все же борьба продолжалась: восстание против татарских сборщиков дани вспыхнуло в Курске. Позднее жители Ростова выгнали татарский отряд из города, а жители Ярославля не впустили к себе ханского посланника. Но все эти вспышки сопротивления были также жестоко подавлены.

Ордынские правители пользовались любым случаем, чтобы устрашить русских людей, сломить их волю к сопротивлению. Так, во время новой схватки за власть между сыновьями Невского, уже в 90-е гг., ордынцы дважды приходили «ратями» на Русь и опустошали ее.

Но эти невзгоды и насилия не сломили народ. И в больших городах, и в селах, и в маленьких лесных деревеньках все крепче становилась ненависть к угнетателям, зрело чувство

народного единства. Но пройдет еще немало лет, прежде чем оно выльется во всенародный освободительный порыв.

§ 6. Великие «малые дела»

После нашествия, разрухи, карательных ордынских экспедиций, новых устрашающих набегов Русь возрождалась медленно, тяжело, постепенно. Александр Невский своей мудрой, осторожной централизаторской политикой во многом помог этому процессу. Его сыновья чуть было не пустили все на ветер. И все же, преодолевая тяжкий ордынский гнет, междоусобные войны князей, народ медленно, по крупицам поднимал из руин родной край. Причем в этом процессе участвовали все слои населения – наиболее умные, прозорливые, энергичные князья, крупные вотчинники – бояре, деятели церкви, купечество, ремесленники, крестьянство. Каждый находил свое место в общем деле развития Руси.

Общий подъем Северо-Восточной Руси с конца XIII – начала XIV в. был более мощным, чем, скажем, в южных и юго-западных русских княжествах – Киевском, Черниговском, Галицко-Волынском. И это при том, что земли на севере страны были менее плодородными, а климат более суровым.

Чем же объяснялся этот подъем? Почему со временем именно Северо-Восточная Русь, а не богатый солнечный юг, стала лидером русских земель?

В условиях татаро-монгольского нашествия и установившегося ордынского ига именно Волжско-Окское междуречье, а также новгородские земли стали наиболее безопасными для жителей Руси. Здесь тоже появлялись ордынские сборщики дани, сюда тоже приходили татарские отряды, поддерживая то одного, то другого князя или подавляя антиордынские восстания. Но все это происходило намного реже, чем на юге. Южнорусские земли, как и прежде, были открыты вторжению татарских туменов. Карательные ордынские рати появлялись здесь по любому поводу и добивали богатые южные города.

Кроме того, за ослабленные южнорусские земли шла борьба между сильными соседями – Польшей, Венгрией, Литвой; Северо-Восточная Русь была в стороне от этой борьбы. Она оказалась укрытой лесами, полноводными реками, озерами, болотами и от постоянной ордынской опасности. В лесных чащах севера жить было спокойней, чем на открытых пространствах юга.

Признав власть Орды, Северо-Восточная Русь тем самым получила защиту от натиска Литвы. Поддерживала Орда Русь и против крестоносцев. Это была неволя, но была и стабильность, и наиболее дальновидные и энергичные русские князья делали все для того, чтобы, сохраняя с Ордой уже устоявшиеся отношения, использовать ситуацию с пользой для Руси. Первым это блестяще делал Александр Невский.

В относительно спокойное Волжско-Окское междуречье

потянулись люди из других краев. Шли беженцы из Галицко-Волынской Руси, Киевской и Черниговской земель. Шли крестьяне, ремесленники, торговцы. Уходили под защиту северных лесов бояре со своими дружинами. Известен случай, когда в маленькую Москву с юга переселился крупный боярин и привел с собой 1700 вооруженных людей. Переселялись сюда и выходцы из псковских и новгородских земель, где постоянно кипела борьба с литовцами, немцами, шведами. Люди хотели покоя и безопасности.

Причем народом полнилась в первую очередь та часть Северо-Восточной Руси, которая была удалена и от Орды, и от западных границ. Это были земли небольших княжеств – Тверского, Московского, Ярославского. Но и старые земли – Владимирская, Ростовская, Суздальская – были предпочтительней для людей, чем беспокойные южные края.

В то же время здесь было все необходимое для жизни людей, и это проявилось уже в прошлые века. Худо-бедно, но здесь скромно, вполне достаточно хозяйствовали угро-финские и балтские племена, а позднее – пришедшие сюда славяне. Они жили рядом, перенимали опыт друг друга, роднились.

Прекрасные земельные угодья простирались среди лесов под Суздалем и Владимиром. Лес, реки, озера давали пищу и строительный материал. Здесь издревле была своя соль, болотная железная руда. Работай – не ленись, и можно было поднять и возродить родную землю.

Большую роль сыграли в этом деле князья. Потомки Владимира Мономаха и Юрия Долгорукого, дети и внуки Александра Невского, несмотря на распри и войны между собой, показали себя рачительными хозяевами. Во Владимирской Руси в целом, но особенно в небольших, хорошо укрытых от врагов Московском, Тверском, Ярославском, Нижегородском княжествах князья основывали новые города, создавали новые крепости, призывали на свои земли людей со всей Руси. Пришедшие сюда бояре с дружинами, как и прежние верные слуги местных князей, получали обширные земельные владения, населенные крестьянами. С конца XIII в. в этой части Руси восстановилось каменное строительство, в том числе церквей. Люди, приходившие помолиться в новые каменные храмы, видели воочию развитие края, приобретали духовную уверенность. Расширялись и обустраивались и прежние города, обносились пока еще дубовыми, но уже новыми стенами.

Большую роль в подъеме Руси играла церковь, монастыри. Во всех северо-восточных княжествах деятели церкви, используя средства верующих, в том числе поддержку князей, бояр, купцов, обустраивали свое хозяйство. Они строили храмы, расширяли приданные церковным организациям земельные участки, призывали на них крестьян, ремесленников, предоставляли им налоговые льготы, использовали их труд в своих интересах, богатели, но одновременно содействовали общему развитию хозяйства Руси.

Велика в этом деле была роль монастырей. Монастырские братства в городах и пригородах не только молились Богу, исполняли религиозные службы, привлекая к себе тем самым верующих людей, но и вели, как уже говорилось, собственное хозяйство. Монахи занимались огородничеством, осваивали при помощи пришлых бедных людей, ищущих защиты и поддержки, пашни, разводили крупный и мелкий скот, птицу, отстраивали хозяйственные комплексы, воздвигали вокруг монастырей высокие стены, ставили между ними башни. Это были настоящие крепости.

Именно в церквах и монастырях возобновились при поддержке княжеской власти угасшее было летописание. Здесь же переводились греческие и болгарские православные сочинения, возобновилась иконопись: мощная русская культурная традиция начинала новую жизнь.

Монастыри усердно осуществляли хозяйственную колонизацию Северо-Восточной Руси, освоение новых земель. Молитва здесь шла рядом с топором дровосека, сохой пахаря, косой, мотыгой…

В лесную глушь, подальше от мирских страстей и людских глаз, уходили отшельники-богомольцы. Рубили себе скромную избушку, ставили в изголовье икону, молились в одиночестве, готовились к встрече с Богом уже в иной жизни. Но и земная жизнь предъявляла к ним свои требования: надо было обороняться от зверя, добывать пропитание, согреваться в лютые морозы. Отшельники очищали от леса небольшие

участки земли, сеяли зерно, разводили огород.

Сюда, в лесные дебри, прослышав про святую жизнь такого отшельника, приходили верующие, просили утешения, духовной защиты. Несли в скромных узелках святому человеку, «что Бог послал» – хлеба, яиц, творогу, всякую зелень. Некоторые селились здесь, принимали постриг, становились монахами – зарождалось новое монастырское братство, зарождалась новая жизнь. Монастырь обрастал поселенцами, вокруг святой обители появлялись деревеньки. А сколько таких отшельников и таких обителей в тяжкие послебатыевы времена появилось на Руси! Медленно, но упорно монастырская колонизация, которая тянула за собой тружеников, крестьян и ремесленников, пробивалась по всей Руси.

Иногда крупные монастыри целенаправленно отправляли в дальние необжитые углы своих монахов на религиозный и гражданский подвиги, и те зажигали свет цивилизации в недоступных ранее местах.

В городах не только возобновилось каменное строительство, но возродились старые ремесленные специальности: кузнечное дело, кожевенное, гончарное, сапожное, плотничное, камнерезное и другие. Появились десятки новых ремесленных профессий; города полнились как своими, так и пришлыми ремесленниками. Для усиления обороны страны было важно, чтобы во всех княжествах, во всех крупных городах широкое распространение получило производство вооружения и доспехов. Не покладая рук трудились бронники,

щитники, ручники, кольчужники; кузнецы ковали не только бытовую и сельскохозяйственную утварь, но и мечи, боевые топоры, наконечники копий. Русь неторопливо, но упорно вооружалась, готовилась к новым битвам, и к главной из них – с Ордой.

Постепенно оживало русское крестьянство, бывшее в то время вместе с ремесленниками основной производящей силой в стране. Собственно, становление боярских вотчин, монастырских хозяйств, наполнение товарами как местных рынков, так и купеческих возов и кораблей, отправившихся в дальние края, во многом зависело от труда крестьянина на земле, в лесу, на рыбной ловле, ремесленника – в своей мастерской.

С горечью возвращались крестьяне из лесных укрытий, где они спасались от врагов, на свои пепелища, брались за топор, пилу, лопату, копали на скорую руку полуземлянки, уходившие полом в землю и крытые сверху деревянным настилом, валили первые деревья, уже основательно ставили новые рубленые избы, складывали очаги, и скоро струйки синего дыма, встававшие над новыми жилищами, показывали, что люди здесь опять вернулись к жизни.

Они распахивали заброшенные в тяжелую годину участки, производили и новые «росчисти», «сечи», отвоевывая у леса пядь за пядью.

Именно в это время зазвучало слово «починок» – так называли вновь возникшие крестьянские хозяйства в один-два

двора, которые появлялись на прежних пустошах, на лесных полянах и опушках.

Наполнялись людьми и старые, некогда большие пригородные села и отдаленные деревеньки. Постепенно подсечное земледелие и перелог уступали место трехпольным севооборотам. Подсечная система состояла в очищении почвы при помощи вырубки и сжигания леса или кустарника. Эту почву использовали до истощения, а потом забрасывали участки. Перелог же означал использование в течение нескольких лет одного и того же участка почвы с его последующим отдыхом. Теперь же они начали уступать место более прогрессивному способу обработки почвы – трехпольному севообороту (яровые и озимые хлеба и пар, т. е. отдыхающая пашня). В крестьянских хозяйствах растет число лошадей, волов, а тем самым увеличивается количество навоза, вывезенного на поля. Это повышало урожайность, давало больше продуктов на рынок. Развивались и сельские промыслы – охота, рыболовство, бортничество. В этом смысле Северо-Восточная Русь обгоняла другие районы страны.

Все более значительную роль в жизни Руси начинала играть торговля. Она оказалась той животворной артерией, по которой потекла свежая кровь возрождающейся русской экономики. Развитие торговли всегда было первым признаком возрождения любой страны.

Татаро-монгольское нашествие нанесло большой ущерб русской торговле. Осложняли дело и постоянные войны рус-

ских земель: Владимирско-Суздальского княжества с Литвой, Новгородского государства с немцами и шведами. В результате значительно ослабли торговые обмены с Прибалтикой, странами Центральной Европы, полностью были утрачены связи с Византией, Закавказьем. Постоянные торговые гости на русских рынках – армяне и грузины – исчезли с русских рынков. С Венгрией вели торговлю лишь города Южной Руси.

Теперь же, по мере восстановления хозяйства в Северо-Восточной Руси, оживления ремесленного производства, возрождалась и торговля. Восстанавливался торговый обмен между отдельными селениями. Крестьяне и ремесленники начали вывозить продукты своего труда и на местные рынки, и в другие города, отдаленные районы. Но, конечно, решающее значение имели здесь профессиональные торговцы.

По еще разоренным землям, заросшим бурьяном дорогам, где в любой момент могли появиться татарские боевые отряды, продвигались от города к городу, из княжества в княжество купеческие караваны. На север они везли хлеб и соль, на юг – рыбу и пушнину. Купцы (торговцы сукном) пробивались в западные страны, откуда везли сукна. Наладилась торговля с крымскими богатыми городами. Обширную торговлю начали вести монастыри. Их купцы уже не ограничивались закупками товаров для нужд монастырей, но сами вели посреднические операции.

Купечество и ремесленники для поддержки друг друга

объединялись в профессиональные организации – дружины или артели, сотни, ряды. Эта поддержка заключалась в том, что они использовали общие склады, помогали в сбыте товаров, предоставляли друг другу кредиты, страховали за счет общих средств на случай стихийных бедствий, гибели или разграблений торговых караванов во время опасного и далекого пути.

Вновь воспрянули ростовщики. Ростовщические сделки проводили и купцы, и монастырские казначеи, и бояре, и князья.

Все большее количество торговцев и ремесленников селилось там, где им было удобно сбывать продукты своего труда, товары, либо в слободах – больших селениях, окружающих города, либо в самих городах близ крепостей, близ кремля, чтобы в случае опасности уйти под защиту крепостных стен. Эти поселения назывались посадами, потому что князья и бояре зачастую «сажали» здесь своих людей, которые становились посадскими людьми. Среди посадских людей выделялись богатые купцы, крупные ремесленники, владельцы нескольких мастерских, ростовщики. Они имели свои хоромы, слуг, скупали земли. Другое дело посадская беднота – мелкие ремесленники, подмастерья, разного рода подсобные рабочие или работные люди. Их уделом была вечная нужда, заработок, который едва-едва обеспечивал дневное пропитание.

Вместе с развитием сельского и городского мира зрели и

противоречия между удачливой, динамичной, богатой верхушкой и теми, кого судьба отодвигала на городские и сельские задворки.

Но в целом и сельский, и городской люд нуждался в благополучии и покое, стабильности и поддерживал те силы в своих княжествах, которые были его опорой и защитой. И сами люди помогали власти – налогами, взносами на строительство крепостей и других объектов, на чрезвычайные военные расходы и готовы были постоять с оружием в руках за свои собственные и государственные интересы.

Личная инициатива, личные интересы, предприимчивость, сметка, риск лежали в основе действий всех этих людей – от князей и высшего духовенства до последнего крестьянина и ремесленника. Важно, что в новых, более благоприятных, чем прежде, условиях каждый на своем месте добивался определенных результатов. А в совокупности это и было развитие страны, усиление отдельных княжеств. В русских землях расширялось и укреплялось хозяйство, отстраивались города, появлялись новые храмы, увеличивались капиталы, которые создавали богатство и силу отдельных людей. Но одновременно они увеличивали богатство и силу земель, княжеств-государств.

Вместе с тем все эти процессы были глубоко противоречивы. Да, вотчинники и монастыри призывали к себе крестьян, помогали им устроиться на новом месте, давали право жить и работать на принадлежащих им землях, предостав-

ляли льготы. Но одновременно бедные и неустроенные люди попадали от них в зависимость, из которой потом было трудно вырваться: льготы и помощь кончались, а обязательство отработать, заплатить оброк натурой (частью урожая, живностью, овощами, рыбой, грибами, медом, ягодами) или деньгами оставалось. То же и ремесленники: они попадали в лапы ростовщиков, должны были платить оброк предметами труда или деньгами господам, на чьих землях стояли их дворы. А ведь были еще и государственные, т. е. общекняжеские, налоги, пошлины, поборы, обязанности отработать на починке дорог, мостов, вновь возводимых крепостей, храмов.

Князья же все в больших размерах предоставляли свободные еще от частных владений земли в руки бояр-вотчинников и своих дворцовых слуг и воинов в поместья, т. е. помещали их на своих землях, населенных крестьянами, и требовали за это определенные виды службы, в первую очередь военную. Та пирамида зависимости одних от других, которая зародилась еще в Древней Руси, теперь вновь ожила и активно развивалась в Северо-Восточной Руси. Эта зависимость людей друг от друга на основе права владения землей и усиливала экономическую мощь края, укрепляла княжескую власть, военные силы русских земель, но одновременно порождала противоречия между крестьянами, ремесленниками и вотчинниками, помещиками, монастырями, княжеской властью.

На нижней ступени общественной лестницы стояли, как и прежде, холопы, которые оказывались в полной собственности господ, – их можно было продать, купить, завещать, отдать в приданое или передать по наследству. Холопы работали и в домах господ в качестве прислуги, и в селах на пашне, на других работах. У них, в отличие от крестьян, не было своего хозяйства. Положение этой категории русских людей было наиболее тяжелым.

§ 7. Возвышение новых русских центров

В послебатыево время разными оказались судьбы русских земель. Южная и Юго-Западная Русь – земли Киевская, Черниговская, Галицко-Волынская – не только подвергались постоянным ордынским набегам, но и давлению со стороны сильных соседей – Литвы, Польши, Венгрии. Пока был жив Даниил Галицкий, южнорусские земли еще пытались сопротивляться врагу. Даниил содействовал централизации власти, возрождению хозяйства, укреплял города, связь с западными странами. Но татарские карательные экспедиции подрывали эти процессы. После смерти Даниила его преемникам не удалось противостоять соседям, и в XIV в. земли Галицко-Волынского княжества были поделены между Венгрией, Польшей и Литвой.

Литва и Польша захватили Киевское и Черниговское княжества.

Таким образом вся Южная и Юго-Западная Русь оказалась оторванной от остальной Руси. С XIV в. эти земли стали называться Малой Русью, или Малороссией.

К концу XIII и в начале XIV в. новые явления в жизни русских земель, приведшие к возрождению Руси, сказались там, где для этого были наиболее благоприятные условия. Закатывалась звезда старых русских центров, и восходили на политическом небосклоне новые звезды. Во-первых, это были западные и центральные русские земли (княжества Полоцкое, Смоленское и др.), которые не пережили татаро-монгольского нашествия и последующих карательных экспедиций, не знали над собой татарского бича и были свободны от ордынского ига.

Во-вторых, к ним относилось Окско-Волжское междуречье, особенно только недавно выделившиеся княжества – Тверское и Московское, которые начали развиваться уже после опустошительного нашествия. Они быстро стали центром притяжения народных сил. Эти небольшие княжества хорошо использовали силу своего местоположения на перекрестках сухопутных и водных торговых путей. Сюда реже доходили татарские рати, которые часто громили владимирские, суздальские, рязанские, нижегородские земли.

В-третьих, это был «господин Великий Новгород». Здесь хотя и ощущалась ордынская зависимость, и давил налоговый пресс Сарая, но новгородская аристократическая республика была менее зависима от Орды, чем княжества Се-

веро-Восточной Руси. Новгород отстоял свою независимость от натиска немцев и шведов, сохранил огромные владения на северо-западе, севере и северо-востоке Руси. К тому же никогда не прерывались связи Новгорода со странами Северной Европы, с немецкими торговыми городами, что усиливало новгородскую экономическую мощь.

Появление Литовско-Русского государства. Западные русские земли связали свою судьбу с Литвой. Поначалу Полоцкое княжество – после утраты своих позиций Киевским и Черниговским княжествами, после завоевания Южной и Юго-Западной Руси татарами, а позднее Венгрией, Польшей и Литвой – осталось, по существу, крупнейшим независимым русским княжеством на западе русских земель. Его единственным сильным соперником в этом крае стали литовские племена, которые в начале XIII в. создали сильный племенной союз. С Литвой боролись полоцкие князья, а также владимиро-суздальские князья Ярослав Всеволодович и Александр Невский. Постоянно отбивал натиск литовских войск и Великий Новгород. Литовцы стремились продвинуть свои владения на восток и старались завоевать смоленские земли. Поэтому Смоленское княжество в союзе с Владимиро-Суздальским княжеством всячески противостояло Литве.

Положение на западных границах Руси резко изменилось после татаро-монгольского нашествия и установления над

Северо-Восточной Русью ордынского ига. Теперь, как мы знаем, Владимиро-Суздальская Русь, а вместе с ней и мелкие княжества, входившие в ее состав, в том числе Тверское и Московское, стали «улусом» Золотой Орды, вынуждены были платить дань татарам, а их князья получали ярлык на княжение только с согласия золотоордынских ханов. В этих условиях Полоцкое княжество все чаще шло на союзные отношения с Литвой против опасности со стороны Орды.

Смоленское княжество также предпочитало иметь дело со свободной Литвой, чем с зависимой от Орды Северо-Восточной Русью. К тому же и Литва, и западные русские земли подверглись, как и Новгород, атакам немецких рыцарей. Литовцы и Полоцкое княжество совместно противостояли этому натиску.

Таким образом, поднимающаяся Литва, с одной стороны, стремилась прибрать к рукам русские земли, с другой – давала им защиту от Орды и немецких крестоносцев. С середины XIII в. на этом пути был достигнут компромисс: на полоцком троне утвердилась литовская династия. Однако Полоцкая земля сохранила свою автономию, свой язык, собственные законы, духовную культуру. Православная религия русских сосуществовала здесь с литовским язычеством. Существовало и полное равноправие литовцев и русских. Постепенно в этой части Восточной Европы появилось Литовско-Русское государство, основная часть населения которого оказалась восточными славянами.

С присоединением к этому государству Киевского и Черниговского княжеств, а также части Галицко-Волынской земли оно по своим размерам и составу населения напоминало Древнерусское государство. Особенно это стало очевидным, когда Полоцкая земля вошла полностью в его состав. Образовалась мощная балтославянская держава: 9/10 ее населения называли себя русскими.

Понятно, что и Смоленское княжество стало тяготеть к новому литовско-русскому центру, что обещало защиту от Орды. Не случайно владимиро-суздальские князья по инициативе и при поддержке Орды неоднократно ходили походами на Литву. Однако литовцы и русские отбивали этот натиск. В свою очередь, литовско-русская граница все дальше отодвигалась на восток и все больше русских земель входило в орбиту влияния Литовско-Русского государства.

Тверь становится лидером. На рубеже XIII–XIV вв. лидером среди русских земель становится Тверское княжество. Это случилось после того, как умер последний сын Александра Невского, великий князь владимирский Андрей Александрович. Его наследником по старшинству мог бы быть младший брат Даниил Александрович, князь московский. Но он умер раньше великого князя.

Теперь великокняжеский стол по старшинству переходил к племяннику Александра Невского, сыну его брата Ярослава Ярославича – Михаилу Ярославичу, князю тверскому. Но

все зависело от того, признает ли это старшинство Орда и получит ли Михаил Тверской ярлык на великое княжение от ордынского хана.

К этому времени Тверское княжество из безвестного ранее удела стало одним из сильнейших на Руси. А юный тверской князь вырос в умудренного опытом, сильного и хитрого политика, старшего из Рюриковичей, хотя ему было 33 года.

Если Москва располагалась в самом центре Окско-Волжского междуречья, через которое шли пути и на Чернигов, и на Волгу, и далее на юг, и в земли Великого Новгорода, и на польско-литовскую границу, то Тверь контролировала северную часть Волжского пути и дороги, идущие на юг из Новгородского княжества и прибалтийских земель.

Хотя Тверь, расположенная на берегу Волги, была защищена от нападений не так хорошо, как укрытая среди лесов и болот Москва, зато ее водная дорога – Волга – была значительней. Вместе с тем Тверь была наиболее удалена от крупных городов Владимиро-Суздальской Руси, через которые татары регулярно вторгались на Русь.

В Твери, как и в Москве, собирались беженцы из многих других областей, и в первую очередь тянулось население как с юга, так и со всего русского северо-востока, потому что сюда редко добирались татарские каратели.

К концу XIII в. в Тверской земле уже стояли сильные крепости – Кашин и Старица, а сама Тверь была хорошо укреплена и располагала сильной ратью.

Тверь стала городом, где после татаро-монгольского нашествия был построен первый в Северо-Восточной Руси храм Спаса. А это говорило о многом.

Тверь стала играть заметную роль в политической жизни Северо-Восточной Руси уже в первые годы после смерти Александра Невского. Его наследником на Руси великим князем владимирским стал младший брат – Ярослав Ярославич Тверской. Впервые Тверь обрела великокняжеский ярлык.

После смерти Ярослава Ярославича – в период борьбы за титул великого князя сыновей Александра Невского – тверские князья, его племянники, неизменно поддерживали слабейшего с тем, чтобы за счет этого укреплять собственную мощь.

Уже в 80-е гг. XIII в. юный Михаил Ярославич отказывался подчиняться воле своего дяди, великого князя, а когда тот попытался силой заставить тверского князя склонить голову, то Михаил стал «наряжать полки», и великий князь отступился. Успешно отбивала Тверь и натиск литовцев.

Михаил Тверской был известен своими дипломатическими способностями. Так, в начале 90-х гг. благодаря переговорам в Орде он сумел предотвратить появление ордынского войска на территории Тверского княжества, хотя все другие земли Владимиро-Суздальской Руси были разграблены.

Тверской князь был одним из первых, кто начал укрывать от Орды часть дани и использовать ее на усиление собствен-

ного княжества.

На рубеже XIII–XIV вв. Тверское княжество практически перестало подчиняться власти великого князя и стало само претендовать на первенство среди других русских земель. В 1305 г. Михаил Ярославич получил от хана ярлык на великое княжение и официально стал носить титул «великий князь владимирский». А это означало, что он стал, как и его отец, первым среди других русских князей.

Формально великому князю владимирскому подчинялись остальные русские земли, в том числе и Новгород. Тверь вышла на ведущие роли среди северо-восточных русских земель.

Первый московский князь – Даниил. В то время как Литовско-Русское государство и Тверское княжество уже набрали силу, Москва представляла собой еще маленькое и незначительное княжество, которое послушно выполняло волю более сильных князей.

В своем завещании Александр Невский оставил Москву своему младшему сыну Даниилу. В момент смерти отца ему было всего два года. А потому воспитателем и опекуном первого московского князя стал его дядя – великий князь Ярослав Ярославич Тверской. Так, едва выделившись в качестве самостоятельного княжества, Москва стала придатком Тверского княжества.

Но время шло, Даниил Александрович вырос, возмужал,

а дядя постарел и в 1273 г. умер. Этим временем мы и можем датировать начало самостоятельного правления одиннадцатилетнего князя.

И все равно Москва оставалась в тени других княжеств Северо-Восточной Руси. Титул великого князя переходил по очереди к старшим сыновьям Невского – Дмитрию Переяславскому, потом к Андрею Городецкому. Во время их борьбы между собой Даниил Александрович Московский неизменно выступал в союзе с Тверью то против одного, то против другого.

Позднее, когда Тверь значительно усилилась, Даниил Александрович начал принимать участие в союзах, направленных против Тверского княжества. Уже тогда зародилось будущее соперничество двух поднимающихся к силе и славе молодых русских княжеств.

В ходе противоборства сыновей Александра Невского, в котором принимали участие и ордынские войска, Москва вторично в своей истории была взята и разграблена татарами. Случилось это в 1293 г., в тот самый год, когда Михаил Тверской дипломатическими маневрами сумел уберечь Тверское княжество от очередного ордынского нашествия.

Однако Москва быстро оправилась от разгрома и продолжала играть все возрастающую роль в русских делах. Особенно это стало очевидным, когда умер старший сын Невского Дмитрий. Великим князем стал второй его сын – Андрей Городецкий, а младший – Даниил Московский – неожидан-

но встал в очередь за ним на ярлык великого князя владимирского. Теперь в постоянно тлеющих противоречиях русских княжеств с великим князем ведущая роль стала принадлежать Даниилу Александровичу. Не случайно Новгород пригласил его княжить в свой город, что стало признанием силы и значения московского князя.

В эти годы первый московский князь сполна наверстал упущенное в молодости, когда он вынужден был зависеть от старших князей и выполнять указания тверского князя. На рубеже XIII–XIV вв. Даниил показал всю силу своего характера. Он проявил себя как решительный, дальновидный и крайне жестокий политик. Кажется, вся сила и мощь человеческих качеств Александра Невского достались его младшему сыну.

В 1300 г. Даниил неожиданно напал на Рязанское княжество и во время переговоров захватил в плен рязанского князя. Это привело к тому, что Москва овладела принадлежавшей Рязани Коломной.

Затем так же вероломно Даниил захватил близлежащий Переяславль, где умер бездетным его племянник. По всем тогдашним правилам, Переяславское княжество, не имея наследника, должно было перейти к великому князю, но Даниил добился от умирающего племянника завещания в свою пользу. И пока старший брат Андрей жаловался в Орде на его самоуправство, Даниил ввел военный отряд в Переяславль.

А вскоре на западной границе княжества Даниил захватил Можайск, принадлежавший ранее Смоленскому княжеству. Теперь все течение Москвы-реки – этой важной торговой артерии – от истоков до устья находилось в руках Москвы.

Все это намного усилило Москву, увеличило экономическую и военную мощь княжества. Но сама судьба поставила предел успехам Даниила: в 1303 г. он скончался в возрасте сорока одного года, так и не дождавшись титула великого князя. Через год этот титул получил в Орде энергичный и удачливый Михаил Ярославич Тверской. Тверь явно брала верх над Москвой.

Глава 12. Возвышение Москвы

§ 1. Схватка Твери и Москвы за первенство

После смерти Даниила Александровича на московский престол встал его сын Юрий Данилович.

Юрий рос вместе с успехами Москвы. Он был рядом с отцом в борьбе за Коломну и Можайск. Он мечтал стать сыном великого князя. Теперь разом все рухнуло, и надо было начинать сначала.

Дело осложнялось тем, что ханом в Орде стал Тохта, который благоволил Михаилу Ярославичу и с беспокойством следил за быстрым усилением Москвы. И тем не менее Юрий сразу же бросил вызов Твери.

Как только Михаил направился в Орду за ярлыком, туда же помчался и Юрий, пытаясь отспорить себе право на великое княжение. Конечно, он вез дорогие подарки хану и его родне, видным ордынским вельможам. Уже на этом, начальном, этапе борьбы за верховный титул Юрий показал себя как политик исключительно честолюбивый, упорный, беспощадный и неразборчивый в средствах. Для него годилось все, что помогало победить соперника. И здесь он превосходил Михаила. Его даже не смущало то, что тверской князь

был старшим в роду, что его поддерживали бояре покойного великого князя и глава православной церкви митрополит Максим, который в 1299 г. перебрался из захваченного иноземцами Киева во Владимир-на-Клязьме.

Митрополит уговаривал московского князя не ездить в Орду и не ввергать нож раздора в русские земли, но Юрий Данилович шел напролом. Уже в это время он обещал дать хану больше дани, чем давал тверской князь. Михаил в свою очередь обещал еще больше: оба ведущих русских князя выслуживались перед ханом. По-другому и невозможно было в то время добиться успеха. В ожесточенной борьбе за власть соперники расплачивались деньгами, собранными с народа, трудом, тяготами, слезами русских крестьян, ремесленников, купечества. Но как всегда бывает в истории, судьбы простых людей мало заботили политиков.

Как мы знаем, в этом споре победил Михаил. Он вернулся с ярлыком великого князя. И тут же тверские наместники были направлены в Новгород. Войска были посланы и в Переяславль, недавно захваченный Москвой. Юрий Данилович отбил тверское войско, а сам попытался захватить зависимую от Твери Кострому. Тверь защитила свою «отчину».

Так началось грозное противостояние Твери и Москвы, полное кровопролитий, клятвопреступлений, тайных заговоров, постоянных обращений в Орду за поддержкой. Инициатором этой борьбы стал неуемный московский князь. Он попытался овладеть политическими позициями в Новгоро-

де и выгнать оттуда тверских наместников. Михаил ответил войной, разорениями московских земель, ожесточенными сражениями и гибелью людей, спаленными селами и городами. Успех в войне сопутствовал Михаилу, который показал себя незаурядным полководцем. В 1308 г. тверское войско даже осадило Москву, но та устояла.

Затем каждый из соперников попытался поставить после смерти прежнего митрополита на митрополичий престол своего человека. Они понимали, сколь велика поддержка церкви в этом противоборстве. Здесь победила Москва, и противник Твери митрополит Петр утвердился при поддержке Юрия Даниловича во Владимире.

Тем не менее Михаил Ярославич, опираясь на помощь хана Тохты, укреплял свои позиции. Он получил право самостоятельно, а не через татарских сборщиков дани – баскаков, собирать дань для Орды. Часть ее он продолжал утаивать. Михаил Ярославич привел к повиновению Новгород и начал наступление на новгородские вольности. Для этого он несколько раз блокировал с юга подвоз зерна в Новгород.

Михаил Ярославич присвоил себе титул «великий князь всея Руси», в письмах к нему уже появляется обращение «царь». Тверь откровенно претендовала на то, чтобы возглавить объединение русских земель.

Ситуация круто изменилась, когда на престол в Орде вступил новый хан Узбек.

По сложившейся традиции Михаил Ярославич поехал в

Орду, для того чтобы подтвердить у нового тамошнего владыки право на великокняжеский ярлык. Но за тем же туда двинулся и неугомонный Юрий. В это время Новгород попытался отложиться от Твери. Михаил вскоре вернулся на родину, привел с собой татарский отряд и подавил сопротивление Новгорода.

А Юрий остался в Орде и провел там четыре года, продолжая плести интриги против соперника. Юрий обвинил его в утаивании дани, скрытом сопротивлении Орде. В Сарае он женился на сестре хана Узбека и вернулся с татаркой-женой и мощным ордынским отрядом. С собой он вез долгожданный ярлык на великое княжение. Теперь Юрий Данилович Московский стал первым князем на Руси.

И вся Русь раскололась на два враждующих лагеря – во главе одного стояла Тверь, во главе другого – Москва. Компромисса между сильными, целеустремленными соперниками быть не могло. В этих условиях Орда, попеременно поддерживая то Михаила, то Юрия, стремилась ослабить оба княжества, не дать им превратиться в настоящего общерусского лидера.

Хотя тверской князь смирился с решением Орды, Юрию этого было мало: он хотел полностью уничтожить соперника. Осенью 1317 г. московско-татарское войско вторглось на территорию Тверского княжества, одновременно новгородцы ударили с севера.

Михаил одержал над противниками ряд блестящих побед.

Сначала он отразил новгородскую рать и заставил Новгород подписать мир. В это время московско-татарское войско шло войной по Тверскому княжеству. Горели русские села и деревни, воины вытаптывали поля, забирали людей в плен. Так – на костях русских людей – поднимался к могуществу и славе московский великий князь Юрий Данилович.

В решающем сражении Михаил наголову разгромил Юрия, в плен к тверскому князю попали многие московские бояре и жена Юрия. В то же время Михаил приказал своим полкам не трогать стоявших поодаль и наблюдавших за битвой татар.

И чем больше побед одерживал тверской князь, тем более подозрительно к нему относились в Орде. Своими победами Михаил рыл себе могилу.

Теперь к прежним обвинениям Юрий прибавил захват в плен и смерть в тверской неволе своей жены. Кто знает, может быть, сторонники Юрия и отравили ее.

Михаилу Ярославичу пришел приказ из Орды явиться к хану Узбеку для расследования всех дел на Руси. Такой же приказ получил и Юрий Данилович.

С тяжелым чувством ехал в Орду Михаил Ярославич. Он получил известие от верных людей, что хан готовит над ними расправу. Сыновья и соратники советовали ему бежать за рубеж, но Михаил отказался, полагая, что этим он лишь навлечет беду на Тверское княжество: он знал, что ордынская рать для разорения русских земель стоит уже наготове.

Перед отъездом Михаил Ярославич написал завещание, попрощался с семьей.

По прибытии в Орду Михаила Ярославича дважды приводили в собрание советников хана, и те бросали ему грозные упреки. Здесь же, в Орде обретался и ненавистник Михаила Ярославича московский князь. Он всячески интриговал против Михаила, наговаривал на него хану и его советникам.

Второй раз на ханское судилище Михаила привели уже с колодкой на шее. С него сняли княжеские одежды, обрядили в тряпье, поставили у его шатра стражу. Бывшие при нем соратники предложили тверскому князю бежать и даже припасли коней, но он отказался, решив испить свою горькую чашу до дна. Последние дни Михаил проводил в молитвах.

В один из дней к его шатру направилась группа вооруженных татар. С ними были московский князь и его приспешники. Они ворвались в шатер и начали избивать Михаила. Один из нападавших взял его за колодку и ударил оземь, другой вынул нож и ударил князя под ребра, а потом вырезал у него сердце и поднял его на ладони. Тело Михаила Ярославича было брошено на дороге.

Лишь позднее его отвезли на телеге прочь.

Победители привезли тело Михаила к себе в Москву и там захоронили. Только несколько недель спустя вдова Михаила и его сыновья отмолили останки князя у Юрия Даниловича и перезахоронили его в Твери. Русская православная церковь позднее объявила Михаила Ярославича Тверского святым.

Теперь, казалось, ничто не мешало Юрию Даниловичу утвердить свою власть на Руси. Однако, убрав одного сильного противника, ордынские правители вовсе не собирались усиливать мощь другого. Сын казненного князя Дмитрий Михайлович приехал в Орду, доказал невиновность отца и выявил все наветы московского князя. Теперь хан отнял ярлык на великое княжение у Юрия Даниловича и передал его новому тверскому князю. Юрий продолжил борьбу, нападая на тверские земли.

В 1324 г. соперники были вызваны для новых объяснений в Орду, и там, на глазах изумленного хана, тверской князь зарубил убийцу его отца – Юрия Московского. Через несколько дней татары казнили и его, но ярлык передали все-таки в Тверь, второму сыну Михаила Ярославича.

В ходе этой борьбы Тверь была надломлена, ее земли разорены. Погиб ее талантливый и яркий правитель, который попытался объединить под своей рукой русские земли. Орда могла торжествовать победу над обоими сильными русскими князьями.

§ 2. Возвышение Москвы. Иван Калита

После гибели Юрия Даниловича власть в Московском княжестве перешла к его брату – Ивану Даниловичу.

В отличие от необузданного, рискованного старшего брата, Иван Данилович был правителем осторожным, осмот-

рительным и неторопливым. Однако хитрость, жестокость и целеустремленность, свойственные потомкам Александра Невского, он сохранил полностью.

Иван Данилович хорошо понимал, что добиться успехов на Руси можно лишь при опоре на Орду, но так, чтобы не выказывать откровенно своих претензий на лидерство и не демонстрировать свою силу, как это делали Михаил Ярославич и Юрий Данилович. Главное для него заключалось в том, чтобы любыми путями столкнуть Тверь с Ордой. И такой случай скоро представился.

Уже со времени гордого и независимого Михаила Ярославича в Тверском княжестве копилась ненависть к ордынским насильникам. Особенно она увеличилась после убийства одного за другим их князей и разгрома тверских земель московско-татарскими войсками. Поэтому нужна была лишь искра, чтобы в Твери разгорелся большой пожар антиордынского восстания. Такой искрой стала в 1327 г. драка на торгу, когда тверичи пришли на выручку своему земляку, обиженному татарскими баскаками. Загудел вечевой колокол. Со всех сторон Твери на торг бросились люди. Началось избиение ордынских насильников. Главарь татарского отряда укрылся в княжеском дворце, но его подожгли вместе с ордынцами. Скоро восстанием была охвачена вся тверская земля.

Иван Данилович решил использовать благоприятный момент. Он выехал в Орду и предложил хану свои услуги. Об-

ратно Иван вернулся с татарским войском и жестоко подавил восстание. Огнем и мечом он прошел по тверской земле.

Тверской князь, носивший титул великого князя владимирского, бежал во враждебное Орде Литовско-Русское государство. За услуги Орде московский князь получил приращение к своим владениям: ему были переданы Кострома и Новгород, где ранее сидели наместники тверского князя.

Теперь силы Твери были вновь значительно подорваны.

Но Орда не была бы Ордой, если бы хан сразу же отдал все преимущества Ивану Даниловичу. Напротив, после бегства тверского князя ярлык на великое княжение хан, в обход московского князя, отдал в Суздаль. Орда продолжала играть на противоречиях между русскими князьями. И лишь в 1332 г., после смерти суздальского князя, Иван Данилович получил наконец титул великого князя владимирского.

Высшую власть в Северо-Восточной Руси Иван Данилович использовал сполна для усиления позиций Московского княжества.

Во-первых, он продолжал всеми мерами сотрудничать с Ордой, выказывал себя послушным подручным хана. Иван Данилович часто бывал в Сарае, вез подарки хану, его родственникам и сановникам, льстил им, вел себя смиренно и послушно. Он исправно платил дань Орде и вскоре получил право от имени Орды собирать дань со всех русских земель. Иван беспощадно выколачивал дань и жестоко карал за неуплату.

Во-вторых, Иван Данилович упорно и целеустремленно продолжал расширять пределы Московского княжества. При нем Москва начала объединять другие северо-восточные русские земли.

Огромные деньги проходили через его руки, и значительная часть их оседала в его личной казне. Используя собственные накопления и то, что он утаивал от Орды, Иван Данилович прикупал чужие владения, округлял свои. Там, где не работали деньги, он не брезговал откровенным насилием, угрозами. При этом Иван Данилович неизменно опирался на помощь Орды, владыка которой, обманутый его послушанием, не смог разглядеть в нем решительного и беспощадного политика. Иван присоединил к Москве княжества Ростовское, Галицкое, Белозерское, Угличское. Теперь Московское княжество стало самым крупным и сильным среди других русских княжеств.

В-третьих, московский князь проявил себя как рачительный и бережливый хозяин, скопидом. Он не тратил зря деньги, вел скромный образ жизни, много помогал нищим и убогим. Куда бы он ни шел, у него на поясе неизменно висел кошель с деньгами. Такой кошель на Руси называли калитой. Из этого кошеля он нередко доставал мелкую монету и оделял нуждающихся. Его так и прозвали в народе: «Иван Калита». Под этим именем он и вошел в русскую историю.

В-четвертых, Иван Калита превратил Москву в церковный центр русских земель. Он частенько приглашал к се-

бе погостить престарелого митрополита Петра, чья резиденция была во Владимире. В Москве владыку хорошо принимали и всячески обхаживали, ублажали. Петр подолгу жил в Москве. Там и умер и был похоронен в Успенском соборе, который в ту пору был еще деревянным. Покойного митрополита Петра объявили святым угодником и покровителем Москвы. К его гробнице стали стекаться паломники, около нее молились верующие.

Следующий митрополит уже переселился в Москву. Москва стала центром русской митрополии. Это увеличило значимость и авторитет Московского княжества.

При Иване Калите Русь вздохнула с облегчением: прекратились княжеские междоусобицы, ордынцы перестали совершать набеги на русские земли. Теперь Северо-Восточная Русь могла в полной мере использовать свое выгодное положение среди других русских земель.

Со времени Ивана Калиты титул великого князя владимирского прочно находился в руках московских князей. Более того, умирая, Иван Калита передал свою власть не старшему в роду, а своему сыну, вовсе не заботясь о мнении на этот счет Орды. Наследование в Московском княжестве пошло по прямой мужской линии – от отца к сыну.

§ 3. Вильно или Москва?

Осторожную и неторопливую политику Ивана Калиты

продолжали его сыновья – Семен Гордый (1340–1353) и Иван II Красный (1353–1359), что значит «красивый». По отношению к противникам они действовали разными методами – деньгами, оружием, хитростью, стравливали их между собой.

Семен Иванович недаром получил прозвище «Гордый». Он правил твердо и властно. Но по-прежнему и он, и его брат и преемник Иван Иванович, вставший на престол после того, как чума унесла в могилу всю княжескую семью, сохраняли тесные отношения с ордынскими ханами, могущественнейшим Узбеком и его наследником Джанибеком. Москва до поры до времени покорно следовала за политикой Орды. Одновременно в условиях мира и покоя она собирала силы и подчиняла себе другие русские княжества.

Тяжелейшую и кровопролитнейшую схватку с Тверью за лидерство в русских землях выиграла в конце концов Москва. Но на западных границах Московского княжества с каждым десятилетием набирал мощь новый противник – Литовско-Русское государство.

Созданная великими литовскими князьями Миндовгом и Гедемином, Литва к середине XIV в. превратилась в огромное и сильное восточноевропейское балтославянское государство. И пока Тверь и Москва боролись за лидерство в русских землях, усилившаяся Литва активно продолжала присоединять к себе русские земли.

В середине XIV в. великий литовский князь Ольгерд Ге-

деминович предъявил претензии на объединение не только Западной, Центральной, но и Северо-Восточной Руси. Перед историей встал выбор: кто – Вильно, столица Литовско-Русского государства, или Москва – одержит верх в этой борьбе.

Москва при этом прочно опиралась на Орду, а Литва – на все антиордынские силы. В пользу Литвы склонялась и верхушка Тверского княжества, а также часть новгородских бояр.

И тверичи, и новгородцы видели в союзе с Литовско-Русским государством защиту как от Орды, так и от натиска западных крестоносцев.

Первые крупные столкновения Москвы и Литвы произошли еще в 40-е гг. XIV в., когда Иван Калита с татарским отрядом предпринял поход на союзный с Литвой Смоленск, а вскоре Ольгерд нанес удар по Можайску, бывшей смоленской вотчине, отошедшей к Москве. Литовские войска стали появляться поблизости от Москвы.

Для Москвы дело осложнялось тем, что постоянный прежний господин и союзник Орда начала слабеть. Она, как и другие страны Европы, вступила, правда со значительным опозданием, в период феодальной раздробленности и политической нестабильности. В Сарае началась внутренняя борьба между отдельными ханами и стоящими за их спиной феодальными кланами. Время былой мощи постепенно стало сходить на нет. Этим немедленно воспользовались различные улусы Орды. Они начали отделяться, заявлять о сво-

ей независимости от Сарая.

Ослаблением Орды стали пользоваться и русские земли. Так, Москва постепенно вернула себе влияние в мордовских землях. Но Калита и его сыновья еще прочно держались за Орду.

Другое дело – Литва. Ольгерд повел энергичное наступление на западные владения Орды, освобождая из-под власти Сарая одни земли за другими.

В 1363 г. литовский князь разгромил объединенное татаро-монгольское войско в битве у реки Синие Воды, левого притока Южного Буга. Это была первая со времен Батыева нашествия крупная победа над силами завоевателей. Ольгерд показал, что Орду можно побеждать. Эта победа не только подняла престиж Литовско-Русского государства, но заставила задуматься и московских правителей о своих взаимоотношениях с Ордой.

Разгромленного противника литовско-русские войска гнали на восток, и вся территория между Днепром и Днестром была освобождена из-под ордынской власти и оказалась в руках Ольгерда.

В 50–60-е гг. XIV в. Ольгерд усиливает натиск на центральные, еще независимые Брянское и Смоленское княжества, захватывает исконно русские города Ржев, Торопец. При этом он опирался на поддержку Твери, откуда была родом его жена. Сын же его, Андрей, русский по матери, неоднократно водил полоцкие полки на восток, против Москвы.

В 1359 г. на московский стол сел девятилетний Дмитрий Иванович, будущий Дмитрий Донской.

И в этом же году Золотая Орда, после ожесточенной борьбы различных правящих группировок, распалась на две части. Границей между ними стала Волга. В западной части верх взял темник Мамай, который не был потомком Чингисхана, а потому не мог занимать ханский трон. Он действовал за спиной зависимых от него чингисидов, которых он менял одного за другим.

К востоку от Волги шли владения сарайского хана. Между ханом Сарая и Мамаем шла постоянная борьба.

К кому теперь обращаться, где выпрашивать ярлык, на кого ориентироваться – все эти вопросы сразу же встали перед правительством девятилетнего московского князя.

Дмитрий Иванович отправился в Сарай, сопровождаемый своими боярами. Но хан, опасаясь усиления Москвы, отдал ярлык на великое княжение нижегородско-суздальскому князю. Это был серьезный удар по самолюбию малолетнего князя. Потребовалась вторая поездка Дмитрия в Орду, потом третье посольство. И все – с подарками меняющимся на престоле ханам, с просьбами, унижениями.

Наконец Москва добилась своего, и очередной хан передал ярлык Дмитрию Ивановичу, и тут же московское войско двинулось на нижегородско-суздальского соперника. Тот не стал искушать судьбу и согласился в конце концов признать себя вассалом Москвы.

Но надо было еще получить признание от темника Мамая. Дмитрий Иванович побывал с этой целью в ставке Мамая.

Они встретились в шатре Мамая – всесильный темник, владыка половины огромной монгольской державы, и юный московский князь, выступавший здесь послушным просителем. Этот урок унижения Дмитрий также запомнил на всю жизнь. Только после подтверждения ярлыка у Мамая Дмитрий окончательно утвердился в положении великого князя.

К этому времени Москва добилась больших успехов в объединении под своей рукой русских земель. К Москве отошли Владимир, Дмитров и ряд других земель. Теперь Московскому княжеству принадлежала половина всех земель Северо-Восточной Руси. Москва опиралась на мощное, постоянно растущее хозяйство, на города этой половины Руси. Не случайно в это время Дмитрий Иванович построил в Москве белокаменную крепость – Кремль.

С рядом княжеств Москву связывали союзные отношения. Другие князья послушно шли за московским князем. Лишь Тверь, изолированная от других княжеств, тесно связанная с Литвой, первая поднявшая знамя борьбы с Ордой, оставалась заклятым врагом Москвы.

В этих условиях Дмитрий Иванович стал первым русским князем, который изменил сложившуюся традицию отношений с Ордой и бросил ей открытый вызов. С 1361 г. он перестал выплачивать татарам ненавистный ордынский «выход» – дань. Русские князья, идущие за Москвой, перестали

ездить в Орду за получением ярлыков на свои княжества.

Однако возвышение Мамая изменило положение дел. Он вновь заставил русских князей, в том числе и Дмитрия Ивановича, признать свою власть. В подтверждение своей силы Мамай предпринял ряд карательных экспедиций на Русь.

И все же Московское великое княжество шаг за шагом продвигалось к противостоянию с Ордой.

В это время Литва в союзе с Тверью нанесла по Москве ряд решающих ударов. Именно в 60-х – начале 70-х гг. решался вопрос: кто – Москва или Литва – сумеет объединить под своей властью все русские земли?

Первым бросил вызов Ольгерд. В 1368 г. он повел на Москву сильную литовско-русскую рать. В ее составе были и полоцкие полки. Ольгерд разгромил наспех собранную московскую рать и осадил Москву, где укрылся Дмитрий Иванович. Однако взять город Ольгерду не удалось. Новый каменный Кремль выдержал осаду, и раздосадованный литовский князь разгромил и поджег московский посад.

В ответ Дмитрий вместе с другими русскими князьями нанес удары по литовским союзникам. Московские рати вторглись в земли Брянского, Смоленского и, наконец, Тверского княжеств. Калуга и Мценск перешли к Москве. Тверь вынуждена была разорвать союз с Литвой.

В конце 1370 г. Ольгерд снова предпринял поход на Москву. Но Дмитрий Иванович на сей раз тщательно подготовился к войне, и московские рати оказали Ольгерду отчаян-

ное сопротивление. Но литовско-русское войско было более многочисленным, и выучка у него была повыше.

В результате Ольгерд снежной зимой снова дошел до Москвы, продержал ее в осаде восемь дней и вынужден был отступить.

Через год литовский князь совместно с тверским князем повторил свой рейд и потерпел поражение.

Это был критический момент в отношениях Вильно и Москвы. Литва была вынуждена уступить новой поднимающейся русской силе. По заключенному перемирию Ольгерд признал за Дмитрием Ивановичем титул великого князя.

Но не смирилась Тверь. За годы борьбы Литвы и Москвы тверской князь дважды добивался в Орде ярлыка на великое княжение. Но теперь Москва уже перестала считаться с Ордой: Дмитрий Иванович вовсе не собирался уступать с таким трудом добытое первенство. В 1375 г. Дмитрий Иванович организовал поход на Тверь двадцати русских князей всей Северо-Восточной Руси. Объединенное русское войско опустошило тверские земли и осадило Тверь. Тверской князь подписал продиктованные ему условия: он навечно отказывался от посягательств на титул великого владимирского князя и признавал себя «молодшим братом» московского князя, а также обязался быть соратником Москвы в борьбе с Литвой и Ордой.

§ 4. Начало борьбы с Ордой. Куликовская битва

Удар по Твери стал масштабной и хорошо продуманной политикой. Только сокрушив Тверь, Дмитрий Иванович мог возобновить борьбу с Ордой, которую он неудачно начал еще в 60-е гг., прекратив выплату дани. Тогда Мамай заставил его вновь пойти в ордынское ярмо.

Теперь же, после побед Литвы над Ордой, после бурного возвышения Московского княжества и подчинения ему половины Северо-Восточной Руси, Москва вновь, уже бесповоротно, взяла курс на освобождение от ордынского ига.

В 1374 г. Дмитрий Иванович разорвал все отношения с Мамаем, который к этому времени стал фактическим правителем Золотой Орды.

Русь прекратила уплату дани. Через год, поставив Тверь на колени, Дмитрий Иванович обезопасил себе тыл на случай противоборства с татарами.

Одновременно происходили важные события в Литве. Ольгерд умер, а его сын и преемник великий князь Ягайло круто повернул руль литовской политики в сторону сближения с католической Польшей. Вместе с Ягайло к власти пришли сторонники так называемой «литовской партии», которые ничем не хотели делиться с представителями русской знати – в Литве начались гонения и на православие. В даль-

нейшем Ягайло принял католичество.

Эти два поворота: Москвы – к борьбе с Ордой, к объединению против Орды всех русских княжеств, а Литвы – к принижению русских, большинства жившего в ней населения, – привели к важным историческим последствиям. Отныне не Тверь и не Литва стали лидером в борьбе с ордынским игом, а Москва и великий московский князь Дмитрий Иванович. Литва же все более становилась средоточием антирусских сил. И естественно, что Ягайло все более начинает склоняться к союзу с Ордой, а русские земли в составе Литовско-Русского государства с этих пор видят в Москве свое избавление от литовского засилья, а позднее, после унии (объединения) Литвы с Польшей – и от польского засилья, и от давления католичества. Жители полоцких, брянских, смоленских, витебских и других земель, и не только простой народ, но и русские князья, бояре, деятели православной церкви, все более активно поворачиваются в сторону Москвы.

Это был огромной важности исторический поворот в Восточной Европе, который надолго определил политику многих государств в этой части Европы.

А пока борьба русских земель, возглавляемых Москвой против Мамая, принимала все более ожесточенные формы.

В Нижнем Новгороде вспыхнуло восстание против прибывших сюда ордынцев. Полуторатысячный отряд татар был перебит нижегородцами. Некоторое время спустя Дмитрий Иванович послал войско на Волгу во главе с будущим героем

Куликовской битвы князем Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским (фамилия его указывает на то, что князь пришел из южных земель Руси, с Волыни). Московское войско овладело городом Булгар и установило контроль Руси над торговым путем по Волге.

Но московский князь на этом не остановился, послал сильный отряд на Казань и заставил в течение некоторого времени платить дань этого вассала Золотой Орды.

Со всех сторон московские рати обкладывали ордынские владения. А вдоль берегов Оки, откуда татары чаще всего прорывались на Русь, московские воеводы устроили сильную оборонительную линию с завалами на лесных дорогах, сторожевыми постами, с дежурившими на бродах военными отрядами.

Мамай принял вызов Москвы. Властный и сильный правитель, талантливый полководец, он вовсе не собирался уступать Дмитрию Ивановичу, которого еще юношей держал в ожидании перед входом в свой шатер, а потом милостиво вручил ему ярлык.

Во-первых, Мамай сурово покарал Нижний Новгород за уничтожение татарского отряда. Большая Мамаева рать прошла огнем и мечом по русским землям, союзным с Москвой. Нижегородское княжество было разорено.

Во-вторых, в 1377 г. Мамай подготовил новый поход на Русь, и навстречу ордынскому войску вышли полки нижегородско-суздальских князей и Московского княжества. Од-

нако русские воеводы не обнаружили татар и потеряли бдительность.

Татары, проведенные по лесным тропам враждебными Руси мордовскими старейшинами, внезапно прорвались к русскому лагерю на реке Пьяна, притоке Оки. В это время русские воины во главе с воеводами отдыхали, занимались охотой, бражничали, а их брони и оружие лежали в телегах. Как сказано в летописи, они вели себя «на Пиане, аки пиании».

Ордынское войско обрушилось на ничего не подозревавших русских. Разгром союзной рати был полным. Преследуя остатки русского войска, татары ворвались в Нижний Новгород и сожгли его.

Это был горький урок для Руси. Стало ясно, что Орда – это еще сильный и коварный враг, совладать с которым будет непросто.

Через год Дмитрий Иванович показал, что урок, преподанный Руси татарами, он усвоил хорошо.

Когда в Москву в 1378 г. пришли сведения о движении сильного ордынского войска во главе с Бегичем, московские воеводы встретили его во всеоружии.

Навстречу ордынцам вышла сильная московская рать во главе с самим великим князем. Перейдя Оку, Дмитрий Иванович встретил ордынское войско 11 августа на берегу Вожи, правого притока Оки. Татары не ожидали, что русская рать так глубоко выдвинется к югу, и пришли в замешательство. Но отступать было для ордынцев позорно: ведь они привели

в своем обозе огромное количество пустых телег для того, чтобы вывозить с Руси награбленное добро.

Бегич дал приказ атаковать русские полки. Тяжеловооруженные конные массы двинулись навстречу друг другу.

Бой был коротким и яростным. Русские выдержали напор монгольской конницы и нанесли по противнику мощные фланговые удары, смяв ряды татар. Затем фронтальный удар предпринял полк, руководимый Дмитрием Ивановичем. Он оказался решающим: ордынское войско дрогнуло и побежало. Разгром был полный: сотни татарских воинов были убиты, пять знатных ордынских князей были зарублены. Погиб и Бегич. Весь обоз, в том числе и пустые телеги для русского добра, достался победителям.

Получив известие о поражении на реке Воже, Мамай пришел в ярость.

Куликовская битва. Начало объединения Руси под началом Москвы, трудные победы московского князя над Литвой, отказ Москвы платить дань Орде и разгром войска Мамая на Воже поставили под вопрос владычество Золотой Орды над русскими землями. Русь поднималась во весь рост – сильная и независимая – во главе с мощным лидером – Москвой.

Прахом могли пойти все успехи Мамая в борьбе со своими соперниками за контроль над Сараем. Орда теряла один из самых богатых своих улусов.

Поэтому для Мамая восстановление власти и экономического гнета над русскими землями имело огромное значение. Это могло бы дать ему дополнительные средства в борьбе с соперниками в самой Орде. Победа над Москвой означала для него признание в качестве продолжателя дела великих монгольских ханов. Мамай открыто провозгласил возвращение Орды к временам Батыя, когда перед монгольской державой трепетал весь тогдашний мир. Он хотел примерно наказать Русь и вернуть ее под иго монголо-татар.

Два года готовился Мамай к походу на Русь. Он договорился о союзе с ненавистником Москвы великим литовским князем Ягайло. Старая вражда Литвы к Орде была забыта перед лицом усиления мощи Московского княжества, к которому уже потянулись русские земли, бывшие в составе Литвы.

Заручился Мамай и поддержкой рязанского князя Олега, запуганного ордынскими карательными набегами. Однако Олег, ненавидя татар, но боясь Москвы, сообщал обо всех планах ордынского владыки Дмитрию Ивановичу.

В поход на Русь Мамай вел всех своих вассалов с Северного Кавказа (черкесов, осетин), а также наемников – генуэзских панцирников. Общее число его войска достигало 60–65 тысяч человек. От Ягайло Мамай получил заверение, что тот придет к нему со своим войском на помощь.

Готовился к противоборству с Ордой и Дмитрий Иванович. Борьбу с Мамаем он превратил в общерусское дело.

Около 30 русских городов прислали своих воинов в войско Дмитрия Ивановича. Среди них были выходцы из Владимира, Суздаля, Ростова, Костромы, Ярославля, Серпухова, Звенигорода, Коломны, Белоозера, Мурома, Углича и других городов. В поддержку Москвы привели свои отряды и братья Ягайло – полоцкий князь Андрей Ольгердович и брянский князь Дмитрий Ольгердович. Как руководители русских земель, они остались верны прежней антиордынской политике.

Древние источники подробно рассказывают о составе русского войска, перечисляют всех князей, воевод, которые шли под знаменем Москвы; они говорят и о том, что наряду с княжескими дружинниками, профессиональными воинами в составе русского войска была масса простых людей – крестьян, ремесленников, купцов, представителей духовенства. Вся земля поднималась против заклятого врага. Дух патриотизма, гордости за свою землю охватил все слои населения. Вся Русь снаряжала, вооружала войско московского князя.

Огромную роль в воодушевлении всего русского воинства на ратный подвиг Дмитрия Ивановича сыграли видные деятели Русской православной церкви. Существует предание о том, что на борьбу с врагом Дмитрия Донского благословил Сергий Радонежский, известный всей Руси основатель Троице-Сергиева монастыря. В помощь он дал князю двух монахов – Пересвета и Ослябю, отличавшихся чудовищной силой.

Сбор русского войска был назначен в Коломне, куда со-

бралось 40–45 тысяч воинов.

Во главе войска стояли сам великий князь и два его помощника, талантливые полководцы – его двоюродный брат князь Владимир Андреевич Серпуховской и князь Дмитрий Боброк-Волынский. Оба они уже участвовали в битвах с татарами. Князь Серпуховской был одним из героев битвы на Воже, а Боброк-Волынский, кроме того, дрался с литовскими войсками.

Из Коломны, устроив сначала смотр своему войску, московский великий князь предполагал направиться на юг, откуда надвигалась по уже знакомым путям – на Дон и далее через Оку на Москву – ордынская гроза.

Здесь, в Коломне к Дмитрию прибыл посол от Мамая с требованием о покорности и выплате дани. Но Дмитрий Иванович ответил отказом. Стороны продолжали готовиться к борьбе.

Вначале Дмитрий Иванович принял меры обороны: он усилил московский гарнизон, укрепил Коломну, потом двинулся 20 августа на запад, на Оку, откуда можно было скорее всего ждать врага. К тому же этим грозным движением огромного войска он как бы упреждал Ягайло и демонстрировал готовность дать бой и Литве.

Здесь Дмитрий Иванович получил новые разведывательные данные: Мамай медлил с наступлением, ожидая подхода Ягайло, но тот не появлялся. И тогда московский князь начал наступательные действия: он вызвал к себе полки, ко-

торые оставлял для обороны Москвы, и переправился всей массой войск через Оку. Впервые в истории Русь перешла от обороны к атаке против Орды.

Потом пришли известия, что Мамай расположился на правом берегу Дона. Он продолжал ждать там литовцев. Выяснилось, что Олег Рязанский сохранял нейтралитет и никакой реальной помощи Мамаю не оказывал.

При подходе к Дону русские столкнулись со сторожевым отрядом Орды. Враг был разгромлен, и остатки отряда бежали к Мамаю. Теперь было ясно, что татары находятся близко и их появления можно было ожидать в любой момент.

Дмитрий Иванович ждал, но Мамая не было ни 6, ни 7 сентября.

В ночь с 7 на 8 сентября, в день Рождества Богородицы, русские начали переправу на противоположный берег Дона.

Всю ночь шла переправа по наведенным мостам и через броды.

Туманным и мглистым утром русские полки закончили переправу и выстроились на Куликовом поле, в треугольнике между течением Дона и его притоком рекой Непрядва.

Впереди стоял Большой полк, по флангам – полки Правой и Левой руки. Перед Большим полком располагался Передовой полк, а позади Запасной полк, резерв. Таким образом, русское войско имело три эшелона, прорвать которые было невероятно трудно.

Но главной тактической хитростью явилось создание За-

садного конного полка, который был укрыт в дубраве близ Дона, на левом фланге русского войска. Этот полк должен был появиться на поле боя внезапно для татар и изменить всю картину боя. Во главе его Дмитрий Иванович поставил лучших русских полководцев – князя Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка-Волынского.

Едва поднялся туман и рассеялась мгла, появилось татарское войско. Оно двигалось медленно в сторону русского лагеря. Сам Мамай разбил шатер за спинами своих воинов на Красном холме, чтобы оттуда руководить ходом боя. В центре туменов Мамая шли наемные панцирники. Ударная монгольская конница располагалась на флангах. Мамай предполагал опрокинуть силы русских в центре, а затем большими конными массами смять фланги русского войска.

Битва началась по традиции поединком богатырей. Против татарского гиганта Челубея вышел монах Пересвет. Воины устремились навстречу друг другу. Их удар был страшен. Щиты разлетались вдребезги. Пронзенные копьями, оба бездыханными упали наземь. И тут же татарские тумены двинулись вперед. С волнением смотрели на приближавшуюся массу врагов русские воины, сжав в руках мечи, боевые топоры, копья. Каждый из них понимал, что для Руси наступил исторический момент.

Дмитрий Иванович, в отличие от Мамая, надел доспехи рядового воина и вышел драться в Передовой полк. Свои княжеские латы он доверил другу – боярину Михаилу Брен-

ку, который встал под княжеское знамя.

Первый же яростный удар татар по центру прогнул русское войско, и Передовой полк отступил назад; тогда всю тяжесть боя взял на себя Большой полк. Каждый из противников начал осуществлять свою тактику битвы.

Дмитрий Иванович также перешел в Большой полк. Все русское воинство видело и знало, что их вождь вместе с ними сражается с оружием в руках против врага.

Теперь настал черед Большого полка. Татары продолжали свое неистовое наступление и стали теснить Большой полк. В самой гуще сражавшихся был великий князь. Воины видели, как он дрался то с одним, то сразу с двумя ордынцами. Телохранители прикрывали его, как могли, и все же не уберегли от ударов. Шлем и доспехи Дмитрия были исколоты и помяты. Сам он был ранен, но все еще держался в седле. Потом в общей толчее боя воины потеряли его.

А татары прорвались к центру Большого полка, к княжескому стягу, и, несмотря на яростное сопротивление русских, подрубили его и убили боярина Бренка.

Одновременно Мамай попытался сломить сопротивление русского войска на флангах. Однако ему не удалось поколебать правый фланг русской рати, и тогда татары всю тяжесть удара своей тяжелой конницы перенесли на левый флаг и добились успеха. Полк Левой руки не выдержал натиска и начал отступать. Теперь татарская конница, отбросив в сторону резервный полк, стала окружать Большой полк с фланга

и с тыла. Наступил критический момент битвы.

С тоской и болью смотрели русские воины из дубравы, как с воем и гиканьем татарские всадники проносились мимо, заходя в тыл русского войска и стремясь отрезать его от переправ через Непрядву и Дон. Владимир Серпуховской рвался в бой, но опытный Боброк-Волынский сдерживал его порыв. Он хотел, чтобы татары сами подставили Засадному полку свой фланг и тыл. Наступили самые драматические минуты битвы. И в этот момент Боброк-Волынский воскликнул: «Час прииде и время приближеся! Дерзайте, братья и други!» Свежая русская конница вихрем вылетела из дубравы и ударила во фланг и тыл оторопевшим татарам. Воспрянули духом Большой и Запасной полки, и воины бросились на врага. Началось наступление всей русской рати. Ордынцы смешались, повернули вспять, расстроили ряды наступавшей наемной пехоты.

Татары упорно сражались еще около часа, но вскоре среди Мамаева войска началась паника. Часть татар бросилась к Непрядве и вплавь пыталась перебраться на другой берег и уйти в степь. Многие из них утонули. Другие неслись стремглав мимо Красного холма, мимо шатра Мамая, не слыша отчаянных призывов своего предводителя. Мамай бросился в седло и в сопровождении отряда телохранителей и некоторых своих князей бежал с поля боя. Бег его был так стремителен, что русские дружины не смогли догнать его. Зато в руки русских попал весь обоз, богатая добыча. Много татар

пало на поле боя. Но погибли и тысячи русских воинов. Среди них было немало князей, бояр и воевод. Сложили здесь головы не только воины Северо-Восточной Руси, но и полочане и брянцы.

Лишь к вечеру отыскали Дмитрия Ивановича. Он, весь «истомленный», усталый, в окровавленных и помятых от ударов доспехах, но без тяжелых ран, лежал под деревом среди груды убитых татар и русских.

Литовское войско Ягайло так и не пришло к Куликову полю и остановилось в дне пути от него.

Восемь дней стояли русские полки на Куликовом поле, оплакивали и хоронили погибших.

А в это время Мамай бежал на юг. По пути остатки его войска были добиты соперником, претендентом на ханский престол в Орде ханом Тохтамышем, остальные перешли на его сторону.

Однако Мамай благополучно добрался до генуэзской колонии в Крыму, города Кафы (Феодосия). Там некогда могучий повелитель Золотой Орды был убит своими бывшими союзниками-генуэзцами.

Историческое значение Куликовской битвы. Победа Руси на Куликовом поле стала во многом переломной в истории Руси. После Куликова поля Русь стала другой страной. Впервые русские люди распрямили согнутую перед Ордой шею, попытались скинуть с себя оцепенение рабства, уни-

жения, заискивания перед татарами. Сто сорок лет они чувствовали себя людьми униженными и зависимыми, людьми второго сорта в своей же собственной стране. Теперь впереди забрезжил свет национальной свободы. Вместе с Куликовской победой пришли национальная гордость и достоинство. Эта победа всколыхнула национальное сознание народа, его национальную память, и это был главный итог победы. Не случайно Русь в преддверии Куликовской битвы была охвачена атмосферой национального подъема. Не случайно конец XIV и первые десятилетия XV в. были отмечены впечатляющим взлетом русской хозяйственной жизни, культуры, искусства, литературы, религиозным подъемом. Дух свободы раскрепостил людей, способствовал возрождению Родины во всех сферах жизни. Люди поняли, что есть в их жизни более высокая цель, чем личное благополучие и личный эгоистический интерес. Эта цель – свобода всего народа, свобода страны. И эта цель делала их богаче духом и счастливее. И князей, и бояр, и церковников, и купцов, и ремесленников, и крестьян. В борьбе за эту великую цель они были вместе.

Для Восточной Европы значение этой победы историки сравнивали с победой европейцев на Каталаунских полях во Франции над полчищами гуннов во главе с Аттилой. После поражения Орды при Синих Водах от Ольгерда и Куликовской битвы очередное долговременное наступление Азии на Европу было приостановлено. Отныне историческая инициатива в отношениях с Ордой переходит на сторону Руси:

Русь наступает, а Орда и отпадающие от нее улусы обороняются. Куликовская битва положила начало этому процессу.

Куликовская битва показала, что Москва стала настоящим выразителем общерусских национальных интересов и подлинным лидером в объединении русских земель, несмотря на последующие трудности и препятствия на этом пути как со стороны Орды, так и противников Москвы в самой Руси. Москва, опираясь на общерусскую поддержку, продолжает оказывать давление на еще не присоединенные к ней русские княжества. Ореол победы в Куликовской битве во многом помогал этим усилием и Дмитрию Донскому, и его преемникам.

С триумфом возвращалось обескровленное и поредевшее русское войско в Москву. С триумфом возвращался на Русь израненный, усталый Дмитрий Донской, ставший после этой победы национальным вождем всех русских земель в борьбе с внешними врагами. Мощное государство Мамая рухнуло. Но помимо своей воли Дмитрий Донской помог укрепиться в Орде сопернику Мамая хану Тохтамышу. Под его властью единство Золотой Орды было восстановлено, и теперь новый честолюбивый хан мечтал о восстановлении своей власти над «русским улусом». К концу этого же года Тохтамыш известил всех русских князей о своем вступлении на золотоордынский трон. Но он понимал, что вернуть реальную власть можно только силой. И еще он понимал, что Русь обескровлена и только теперь неожиданно можно нанести ей

смертельный удар.

К походу на Москву Тохтамыш начал готовиться немедленно. Он собрал огромную армию, состоящую из его свежих туменов, которые пришли с ним из Заволжья. Летом 1382 г. он задержал в Орде всех русских купцов, чтобы они не могли передать в Москву весть о готовящемся походе. Он уже не рисковал, как ранее Мамай, идти в открытую против Москвы. И это указывало на силу Москвы и слабость Орды. Но она была еще могущественна.

Появление в 1382 г. близ Оки новой золотоордынской рати стало для Дмитрия Донского полной неожиданностью.

Ордынцы перевалили через Оку по бродам, которые были указаны татарам рязанским князем Олегом, который трепетал перед Ордой.

Дмитрий Донской наскоро выехал в Переяславль, потом в Кострому для сбора сил. Москва осталась без своего вождя. Москвичи заблаговременно сожгли все посады, все деревянные постройки, чтобы лишить татар возможности соорудить передвижные башни для штурма стен.

Тохтамыш беспрепятственно подошел к самому Кремлю.

Уже на следующий день был предпринят первый штурм кремлевских стен при помощи приставных лестниц. Но москвичи отбились. Потом последовало еще два штурма, но каменная твердыня стояла неприступно. И тогда Тохтамыш пошел на хитрость: он попросил от москвичей небольшой дани и разрешения войти внутрь Кремля, чтобы посмотреть

город. Он поклялся, что не сделает ничего плохого и тут же отойдет прочь. У него есть счет только к великому князю. Поразмыслив, москвичи согласились – и были сурово наказаны.

Едва тяжелые, кованные железом ворота распахнулись, как татары ворвались внутрь Кремля, порубили его защитников, ограбили княжеский дворец и дома бояр, церкви, захватили княжескую казну, сожгли древние книги. Потом татары пошли «загоном» по другим русским землям, грабя их и убивая людей. Под Волоколамском один из их отрядов был разгромлен князем Владимиром Серпуховским. Русь начала приходить в себя. Однако едва сведения о приближении к Москве войска Дмитрия Донского и сильного отряда Владимира Серпуховского достигли Тохтамыша, он быстро отошел прочь, разграбив по пути и Рязанскую землю. Это также говорило о том, что Орда стала не та. Удар, нанесенный ей на Куликовом поле, не прошел для Сарая бесследно.

Тяжелое положение Москвы тут же попытался использовать тверской князь и предъявил права на великое княжение. Однако Орда поостереглась пойти на передел столов и территорий на Руси. Хотя ненависть к Москве, к Дмитрию Донскому была там очень велика, Тохтамыш сознавал, что это приведет к новой большой войне с Русью, к чему он не был готов. Не готов был к новому конфликту и Дмитрий Иванович. В результате Русь продолжала выплачивать дань Орде, но в своем завещании Дмитрий Донской передал по наслед-

ству титул на великое княжение владимирское своему старшему сыну Василию, не спрашивая разрешения Сарая. Владимирские земли он назвал в завещании своей «отчиной». Это было знаменательно. Орда шла к своему упадку. Русь, напротив, набирала силы и медленно, но верно шла к своему единству под руководством Москвы, преодолевая происки внешних врагов – Литвы и Орды, а также ломая сопротивление противников этого единства в лице Тверского, Рязанского, Нижегородского княжеств.

Вернувшись в Москву, Дмитрий Донской с горечью увидел сожженный город, тысячи убитых москвичей. Первые деньги в счет уплаты дани пошли в Орду.

И все же те усилия, которые он потратил во благо Руси, не пропали даром. Вскоре к Москве были присоединено Белозерское княжество. Своих послов в Москву прислал Ягайло, предлагая союз и дружбу. Быстро возрождалось хозяйство Руси, все больше людей тянулось в Московское княжество. Вновь было воссоздано сильное войско великого московско-владимирского князя. Прочной стеной рядом с ним стояло служилое боярство – опора хозяйственного и военного могущества развивающегося Русского государства.

Дмитрий Донской умер в 1389 г. Он прожил неполные сорок лет. Значительная часть их была посвящена борьбе с Литвой, Ордой, с различными русскими княжествами. В своей жизни он проделал около двух десятков военных походов, участвовал во многих сражениях, сотни часов провел

в седле. Своему старшему сыну Василию он оставлял княжество, которое вскоре стало ядром складывающегося единого Русского государства.

Глава 13. Русь при преемниках Дмитрия Донского: тернистый путь к единству и независимости

§ 1. Наследие Дмитрия Донского

Дмитрий Донской умер 19 мая 1389 г. в Москве. Ему было 39 лет. Московский стол, а с ним и владимирское великое княжение переходило к старшему сыну Василию, которому было только 17 лет. Но и другие сыновья не были забыты в отцовском завещании. Юрий унаследовал Звенигород, Андрей – Можайск, Петр – Дмитров. Младший, Константин, получил свою долю позднее. Кроме того, каждый из четырех старших сыновей получил часть территории Москвы – вероятно, Дмитрий не хотел обижать своих сыновей и полагал, что совместное владение Московским княжеством объединит их и еще больше возвысит среди князей Рюриковичей. На самом деле это завещание станет поводом для многолетней феодальной войны между его потомками.

Какое же наследство досталось юному Василию I? После Куликовской битвы авторитет и значение Московского княжества в общерусском масштабе существенно возросли. Однако в экономическом отношении его силы были подорваны.

В 1382 г. золотоордынский хан Тохтамыш мощным и внезапным броском напал на Москву и с помощью обмана захватил ее (жители города, убежденные в добрых намерениях хана нижегородскими князьями, сами открыли ворота). Расправа над подданными Дмитрия (сам он с семьей укрылся в Костроме) была ужасной: золотоордынцы нещадно рубили и духовенство, и знать, и простых горожан; княжеская казна, церковные богатства и имущество горожан были разграблены. Все оставшееся добро, в том числе и многочисленные книги, были сожжены. После этого отряды захватчиков ограбили Владимир, Переяславль, Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров, т. е. главные города Московского княжества, и, взяв в плен их жителей, с огромной добычей хотели двинуться дальше. Однако вскоре Тохтамышу донесли, что у Волока стоит большая рать Владимира Андреевича, верного союзника Дмитрия Донского, а в Костроме стягиваются силы великого князя. Помня о Мамаевом побоище, хан не стал рисковать и поспешил вернуться в Орду.

Несчастьем московского князя решил воспользоваться его давний соперник – тверской князь Михаил Александрович. Сначала он сманил к себе митрополита Киприана, постоянно имевшего трения с Дмитрием Донским, и, видимо, стал уговаривать того перенести митрополию в Тверь, затем вместе с сыном отправился в Золотую Орду, чтобы выпросить для себя ярлык на великое княжение во Владимире и соседнем Новгороде.

В ответ на это Дмитрию Ивановичу весной 1383 г. пришлось отправить к Тохтамышу своего старшего сына Василия с боярами, которым следовало отстоять его право на великое княжение и убедить хана в верноподданнических чувствах. Слова посланников были подкреплены огромной данью – с каждой деревни собирали по полтиннику. Но ненасытным степнякам и этого показалось мало. За сына князя они стали требовать 8000 рублей золотом. Только в конце 1385 г. юному Василию удалось бежать и укрыться в Литве. После этого руки у Дмитрия Донского оказались развязанными, он смог заставить своих недругов Олега Рязанского и Михаила Тверского признать себя «младшими братьями».

В итоге перед Василием I оказались все те же задачи, что были и у его предков: усиливать Москву и собирать вокруг нее земли, резко не портить отношения с Золотой Ордой, наращивая силы для решительной схватки, сдерживать экспансионистские устремления Литвы, претендующей на главенство во всей Руси. Большую помощь новому хозяину Кремля стали оказывать верные бояре отца, поставившие свои подписи под его духовной грамотой.

§ 2. Правление Василия I

Первые шаги молодого московского князя Василия Дмитриевича свидетельствовали об его осторожности и осмотрительности. Хотя он первым за годы ордынского ига получил

право на великое княжение не от хана, а от отца, великого князя Дмитрия Донского, поставляться на свой престол он предпочел по-старому: во Владимире в присутствии ханского посла Шихмата. Затем он отправил послов к митрополиту Киприану и попросил его вернуться в Москву. Тот не стал упрямиться и уже в марте 1390 г. прибыл в столицу. В истории русской культуры этот митрополит оставил довольно значительный след. При нем был составлен первый московский Летописный свод, имевший общерусское значение («Свод 1408 года»), расширились связи с Византией и Болгарией, усилилось их влияние на развитие русской духовности, литературы и живописи (особенно через творчество Феофана Грека).

Несмотря на постоянное столкновение интересов с Литвой, Василий Дмитриевич предпочел установить с ней дружеские отношения и укрепить их брачным союзом. В январе 1391 г. он женился на Софье, дочери Витовта, будущего великого князя литовского, который в то время находился в изгнании в Пруссии. Этим он усилил позиции в Литве своего тестя и способствовал его победе в борьбе за престол. Не желал Василий портить отношения и с Ордой. Летом 1392 г. он отправился к хану Тохтамышу с богатыми дарами и купил там ярлык на Нижегородское княжество, принадлежащее его родственнику по линии матери князю Борису Городецкому. В дополнение к Нижнему Новгороду московский князь получил также Городец, Мещеру, Тарусу, Му-

ром. Щедрость Тохтамыша объяснялась просто: он надеялся на помощь Василия в борьбе со своим грозным соперником Тамерланом, новым азиатским правителем.

Но московский князь не оправдал надежды хана. Тамерлан его разбил и вынудил бежать на Запад, сам же в 1395 г. двинулся на Русь. Хотя до Москвы доходили слухи, что у азиатского властителя более 400 тысяч воинов, Василий Дмитриевич решил защищать свои владения. Во главе войска он расположился за Коломною на берегу Оки, где можно было нанести ощутимый урон переправляющимся врагам. В Москву в это время по совету великой княгини Евдокии Дмитриевны была перенесена из Владимира общерусская святыня – икона Владимирской Богоматери (ее много лет назад привез из Вышгорода Андрей Боголюбский). Москвичи надеялись, что она защитит их от иноплеменной рати.

Все лето 1395 г. прошло в тревожном ожидании нападения безжалостного врага, а в конце августа пришла весть, о том, что, разорив Елец, Тамерлан повернул назад. Возможно, ранние холода испугали хана, и он предпочел вернуться в жаркую Среднюю Азию. Но для москвичей Владимирская Богоматерь стала считаться главной защитницей и заступницей земли Русской. На месте встречи ее у столицы вскоре был основан Сретенский монастырь.

После нашествия Тамерлана московский князь решил, что Золотая Орда ослабла, и дань ей можно не платить. На

несколько лет страна освободилась от тяжелого бремени. Василий же смог обратить свой взор на запад, на Литву. Там с 1392 г. правил его тесть Витовт, который ради расширения своих владений и усиления власти был готов самым жесточайшим образом расправляться с соперниками, даже из числа близких родственников. В итоге ему удалось завладеть Новгородом-Северским, Киевом, Оршей, Витебском и даже Смоленском, Ржевом, Великими Луками, т. е. исконно русскими городами. Это продвижение Витовта на Восток не могло не обеспокоить московского князя. Поэтому в 1398 г. он решил встретиться с тестем и решить вопрос о границах. Переговоры закончились тем, что граница с Литвой была обозначена вблизи Курска, Калуги, Боровска и Можайска, т. е. совсем рядом с Москвой. Но таковы были реалии конца XIV в., и не считаться с ними московский князь не мог.

Еще одной заботой Василия был Новгород Великий. Его свободолюбивые жители отказывались платить «черный бор», т. е. дань Золотой Орде, которую было поручено собирать со всех русских земель московскому князю. Кроме того, они не разрешали митрополиту Киприану судить свое духовенство. Сами же приютили у себя всех изгнанных Витовтом князей, поддерживали тесные контакты с ливонскими купцами, и этим вызывали ссоры Василия Дмитриевича с тестем.

Не желая вступать в открытый бой с городом-республикой, московский князь решил подорвать его экономическую

мощь. Большие доходы Новгороду приносила Двинская земля. Именно отсюда на рынки Европы шли драгоценные меха, а ко двору великого князя за хорошую цену поставлялись соколы и кречеты. В 1397 г. Василий отправил в Двинскую землю войско, и то без боя подчинило его власти огромный и богатый край. Однако новгородцы с потерей не смирились. В следующем году они снарядили 7-тысячную рать, которая огнем и мечом прокатилась по Белозерью и вынудила великокняжеского наместника сдаться. К Василию же было отправлено посольство с дарами и с притворным извинением за происшедшее. Новгородцы даже соглашались посадить у себя на княжении брата великого князя Константина.

Некоторой компенсацией потери Двинской земли для Москвы стало присоединение в конце XIV в. «Малой Перми», земель в районе реки Вычегды. С миссионерской деятельностью в 1382 г. туда направился православный просветитель Стефан Пермский. Он даже составил специальную азбуку для народов коми и перевел на их язык книги Священного Писания.

Вскоре выяснилось, что за спиной великого князя Витовт ведет явную анти московскую политику. В 1398 г. он заключил договор с Ливонским орденом о взаимной помощи. Сам Витовт намеривался овладеть Новгородом, рыцари – Псковом. Однако ни тот, ни другой город союзникам не удалось завоевать. Более того, в 1401 г. Смоленск поднял восстание против великого князя Литовского и изгнал его наместника.

Прежний смоленский князь Юрий Святославич вернулся в город и стал просить помощи у Василия I в борьбе с Витовтом. Но тот не откликнулся, видимо, считая себя сторонником тестя. В итоге в 1403 г. литовцы сначала взяли Вязьму, а потом с помощью бояр-изменников вернули Смоленск.

Занятый столкновениями с новгородцами из-за Двинской земли, Василий, казалось, не замечал, что основная угроза для московских владений идет с Запада. Только когда в 1405 г. Витовт протянул руки к Пскову, московский князь опомнился и послал рать сначала на р. Плавну к Вязьме, затем на Угру. Дело кончилось заключением мирного договора. Вскоре перед обоими князьями оказались более грозные противники. Витовт столкнулся с орденом, а Василию вновь пришлось сражаться с ордынцами.

К 1408 г. в Золотой Орде наконец-то закончилась длительная междоусобица, и власть оказалась в руках хана Булата. Поскольку Русь уже несколько лет уклонялась от уплаты дани, он решил наказать ослушницу и отправил войско под началом Едигея. Чтобы застать великого князя врасплох, тот решил предпринять поход на Москву глубокой осенью (обычно степняки нападали летом). В итоге его передовые отряды показались в московских пригородах 30 ноября, а 1 декабря прибыл сам военачальник с царевичами и расположился в Коломенском. Ордынцы намеривались действовать, как Тохтамыш в 1382 г., и добиться такого же успеха.

Поначалу все складывалось как в 1382 г. Великий князь

Василий I бежал в Кострому, Москву остался оборонять его дядя Владимир Андреевич, среди жителей царили паника и уныние. Отряды Едигея рассыпались по окрестностям столицы и вскоре разграбили Переславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов и даже Нижний Новгород и Городец. Однако время уже было не то. Москвичи быстро оправились от шока и стали готовиться к длительной обороне. Василий не просто отсиживался в Костроме, а собирал там рать, намериваясь ударить по Едигею с тыла. Союзник ордынцев тверской князь Иван Михайлович доехал только до Клина и не привез с собой стенобитных орудий, на которые так рассчитывали ордынцы. Ведь без них взять каменный московский Кремль было невозможно. Хитрый Иван Михайлович уже давно понял, что для русских земель главный враг – хан, а не московский князь. Да и сам Едигей чувствовал свою слабость – в Орде зрела новая смута, и Булат требовал его возвращения. В этих условиях он решил ограничиться награбленным добром и, взяв с москвичей выкуп в 3000 руб., 20 декабря покинул Коломенское. По дороге домой ордынцы еще ограбили Рязань.

Нашествие Едигея показало Василию, что с золотоордынскими ханами лучше жить в худом мире, чем в состоянии войны. Поэтому в 1412 г. он даже съездил в Золотую Орду с богатыми дарами и вновь исправно начал платить дань. Но при этом ему удалось окончательно закрепить за собой Нижний Новгород и Муром, на которые покушались его дядья

по линии матери.

В целом же Василию I за время своего правления удалось присоединить к Московскому княжеству не так уж мало земель и городов. К Нижнему Новгороду и Мурому о постепенно добавил Тарусу, Новосиль, Козельск, Перемышль, Бежецкий Верх, Вологду, Вятку, Пермскую землю. Тверской, суздальский и рязанский князья признавали его старшинство, свободолюбивые Псков и Новгород часто просили о помощи. С великим князем литовским Витовтом, хотя и были столкновения, но в основном отношения были вполне дружеские. После 1408 г. княгиня Софья не раз ездила в Смоленск для переговоров с отцом. Более того, в своей духовной грамоте именно Витовта Василий назначил опекуном и защитником своего малолетнего сына Василия и жены Софьи Витовтовны, хотя к моменту его смерти были живы его взрослые братья Юрий, Андрей и Константин. Получалось, что великий князь заранее предчувствовал, что доверять им своего наследника нельзя. И он оказался прав.

§ 3. Борьба за московский стол между потомками Дмитрия Донского

Василий I умер 27 февраля 1425 г. в возрасте 53 лет. На престоле он был 36 лет, что считалось достаточно долгим сроком для Средневековья. Московское княжество, а с ним и великое владимирское княжение перешли к его десятилет-

нему сыну Василию, (старший сын Иван умер в двадцатилетнем возрасте, раньше отца, как и остальные княжичи). Однако не все потомки Ивана Калиты и Дмитрия Донского захотели признать старшинство ребенка.

Первым предъявил права на московский стол Юрий Дмитриевич, брат умершего великого князя и дядя его наследника. Основанием для его претензий стало завещание Дмитрия Донского, в котором писалось, что в случае смерти его старшего сына, т. е. Василия I, великокняжеский престол должен занять следующий по возрасту сын, в данном случае, Юрий. Однако завещание Дмитрия писалось тогда, когда у Василия детей еще не было, он даже не был женат. Поэтому указывать его несуществующих детей отец не мог. Главной задачей для него в то время было закрепить московское и великое княжение за своими детьми.

Следует отметить, что после правления Василия I юридическую силу стало иметь его собственное завещание, а не отцовское. Это Юрий Дмитриевич признавать не захотел и вступил в непримиримую борьбу с племянником. Она затянулась на несколько десятилетий, поскольку была продолжена уже детьми Юрия.

Раздоры нового великого князя Василия II с дядей начались сразу же после смерти его отца. Когда митрополит Фотий (сменил Киприана в 1410 г.) призвал всех оставшихся в живых сыновей Дмитрия Донского поцеловать крест новому правителю, Юрий Дмитриевич тут же отъехал в свою вотчи-

ну Галич и стал собирать войско для похода на Москву. Против него выступило войско Василия, которого поддержали дядья Андрей Дмитриевич и Константин Дмитриевич. Поскольку Юрий бежал за Суру, битва не состоялась.

Тогда Василий II по совету опекунов решил отправить к дяде митрополита Фотия, чтобы решить все дело миром. Миссия имела успех – Юрий согласился не воевать с племянником, а положиться на суд золотоордынского хана. Шесть лет прошли мирно. Василий подрастал под опекой матери, энергичной великой княгини Софьи Витовтовны, и деда Витовта. До самой смерти великого князя Литовского в 1430 г. внук сохранял с ним хорошие отношения и даже не возмущался его частыми набегами на псковские и новгородские земли.

Дружба Василия II с могущественным литовским князем, видимо, останавливала Юрия Дмитровича от открытой борьба с ним. Но в 1431 г. он решил бросить Москве вызов – прислал текст разорванного мирного договора и потребовал, чтобы Василий ехал с ним на суд в Орду. Тому пришлось подчиниться, и с богатыми дарами и опытными боярами он отправился в путь.

Юрий рассчитывал на победу, поскольку имел дружеские отношения с влиятельным мурзой Тегинеем. Но ловкий боярин великого князя И. Д. Всеволожский перехитрил его. На ханском суде дело было решено в пользу Василия II. В утешение Юрий получил Дмитров и выморочный удел умерше-

го брата Петра.

После возвращения на родину Юрий побоялся жить в Дмитрове и вновь поселился в Галиче. Это позволило Василию вернуть свое владение. Однако в дальнейшем его дела пошли не слишком гладко. В Орде, за помощь, он пообещал И. Д. Всеволожскому выделить его внучке (по материнской линии) земельные владения ее отца, одного из рано скончавшихся сыновей Владимира Храброго.

Дома же оказалось, что мать по договору с вдовой Владимира Андреевича Еленой Ольгердовной сосватала ему другую внучку Владимира Андреевича, княжну Марию Ярославну. Наследником же всего Боровско-Серпуховского княжества был объявлен ее брат Василий. Естественно, что в этих условия внучка Всеволожского ничего не получила. Оскорбленным боярин покинул Москву и через некоторое время оказался при дворе Юрия Дмитриевича.

Окончательно рассорило племянника и дядю неприятное событие, случившееся на свадьбе великого князя. Во время свадебного пира великая княгиня Софья Витовтовна публично заявила, что на сыне Юрия Дмитровича Василии Косом надет драгоценный пояс, принадлежавший ее семье, и попыталась его снять. Тот не вынес оскорбления и тут же с братом отбыл в Галич. Там уже все было готово к походу на Москву.

О движении войска дяди Василий II узнал только тогда, когда оно уже было в Переславле. Спешно направленные по-

слы нашли противника еще ближе, в Троице-Сергиевом монастыре. Естественно, что в таких условиях великому князю не удалось собрать свои полки. В состоявшейся на реке Клязьма битве в апреле 1433 г. он был разбит и бежал в Кострому. Но дядя настиг его и там и взял в плен.

Добившись великого княжения, Юрий Дмитриевич не захотел обагрять руки кровью родственника и выделил ему в удел Коломну. Однако вскоре выяснилось, что ни московские бояре, ни московские жители не желают служить галичскому князю и отъезжают к Василию. Юрию пришлось смириться и признать старшинство племянника.

Но на этом борьба не закончилась, поскольку в нее вступили сыновья Юрия Дмитриевича, Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Они разбили войско Василия II и заставили его бежать в Новгород. После смерти отца в 1434 г. великим князем московским провозгласил себя Василий Косой. Однако с этим не согласились его родные братья и предложили Василию II помощь в борьбе с ним. В итоге великокняжеский стол вновь вернулся к законному владельцу, а Василий Косой опять стал пытаться его захватить. Во время одного из сражений он был схвачен великим князем и ослеплен. Претендентом на московское княжение остался только его брат Дмитрий Шемяка.

Сражения с родственниками отнимали у Василия II много сил и отвлекали от главной задачи – охраны Русской земли от ордынцев. Один из татарских ханов (Улу-Мухаммед), из-

гнанный из Сарая, в 1439 г. обосновался с сыновьями около Белева и стал регулярно совершать набеги на русские города. Великий князь не раз пытался собрать всех своих родственников, чтобы дать отпор степнякам, но те на его зов не откликались. Дело кончилось тем, что в одной из битв в районе Суздаля Василий попал к татарам в плен. Они согласились отпустить его на свободу только за огромный выкуп.

Василию пришлось согласиться на все условия хана и даже взять с собой в Москву несколько мурз, которым обещал щедрые пожалования. Сбор денег для его выкупа лег тяжелым бременем на все население Московского княжества, обескровленное татарскими набегами, междоусобицами князей, частыми пожарами и эпидемиями смертельных болезней. Все это подорвало авторитет великого князя среди подданных. В итоге некоторые бояре и служилые люди предпочли перейти на сторону Дмитрия Шемяки. Новое противостояние между родственниками закончилось тем, что в феврале 1446 г., когда Василий поехал молиться в Троице-Сергиев монастырь, заговорщики овладели столицей, схватили его мать, жену, казну разграбили, верных бояр и слуг перебили. Затем они схватили самого великого князя и вскоре ослепили.

Московское великое княжение оказалось полностью в руках Дмитрия Шемяки. Василия с женой он сослал в Углич, Софью Витовтовну – в Чухлому, бояр перебил и разогнал. Бежать удалось только малолетним сыновьям Васи-

лия – Ивану и Юрию, которые с князьями Ряполовскими заперлись в Муроме. Но вскоре их выманили и отправили к родителям в Углич.

Злоключения Василия II и его семьи (после ослепления он получил прозвище Тёмного) вызвали большое сочувствие к нему представителей духовенства, бежавших в Литву от Шемяки князей и простых москвичей. Борьбу против узурпатора возглавил брат великой княгини Марии Ярославны Василий. Общими усилиями Дмитрий Шемяка был разбит и бежал в Новгород. При поддержке тверского князя Бориса Александровича и духовенства Кирилло-Белозерского монастыря Василий Темный с семьей смог вернуться в Москву. 17 февраля 1447 г. он вновь сел на свой великокняжеский престол. Дружба с тверским князем была скреплена браком старшего княжича Ивана Васильевича с княжной Марией Борисовной.

Хотя Дмитрий Шемяка и его союзник Иван Можайский потерпели поражение, еще долгих шесть лет они представляли определенную угрозу для великого князя. В 1453 г. Дмитрий умер (предположительно, отравлен), а в 1454 г. Иван за какую-то провинность был лишен Можайска и бежал в Литву. Вскоре, в 1456 г., лишился своего удела и прежний союзник Василия II Василий Ярославич Серпуховской. По обвинению в измене он был схвачен и заточен в Вологде, где и умер. Все его земли были включены в состав Московского княжества. На уделе остался только один Михаил Андреевич

Верейский, который никакой угрозы для великого князя никогда не представлял.

Многолетняя усобица закончилась полной победой великого князя Московского Василия II. Он не только сохранил за собой те земли, которые завещал ему отец, но и присоединил владения своих многочисленных врагов-родственников. Даже Москва не делилась теперь на части, а целиком принадлежала Василию.

Таким образом, в самом Московском княжестве установилось единовластие. Препятствием для окончательного объединения всех русских земель вокруг Москвы оставались Рязанское и Тверское княжества, а также Новгород и Псков.

В 1456 г. Рязанское княжество без всякой борьбы, вполне естественным путем оказалось под протекторатом Москвы. Князь Иван Фёдорович Рязанский умер, и его малолетний сын был привезен в Москву. Правда, через семь лет он получил назад свое владение, но уже самостоятельной роли не играл.

Тверское княжество, даже добившись некоторого процветания при правлении Бориса Александровича Тверского, окончательно потеряло статус соперника Московского княжества в борьбе за великое княжение. При этом оно стало все больше склоняться к союзу именно с Москвой, а не с Литвой, как это было раньше.

В Новгороде же, напротив, про литовские настроения стали все больше усиливаться. Этому способствовали и неста-

бильная ситуация в Москве, и трения новгородских архиепископов, особенно при Евфимии II, с московскими митрополитами, и постоянные столкновения интересов новгородского боярства с великокняжескими интересами на Двине и Вологодчине. Пока шла междоусобица, Василий II был вынужден мириться с непокорностью новгородцев. Но, расправившись в 1456 г. с последним недругом, он направил свои полки на северо-запад. Сражение состоялось около Старой Русы. Победа великого князя была полной. Князь Оболенский-Стрига и воевода Фёдор Басенок ворвались в город и разграбили его. 4-тысячноее войско новгородцев пыталось сразиться с ними, но потерпело полное поражение (москвичи убивали лошадей под закованными в тяжелые латы новгородцами, и те как снопы валились на землю в полной беспомощности).

Весть о разгроме повергла жителей Новгорода в шок. Срочно было собрано и отправлено представительное посольство к Василию. Тот, хотя и принял послов милостиво, но сразу стал жестко диктовать свои условия: выплатить ему единовременно 8500 руб., ежегодно присылать «черный бор» (дань ордынцам), ничем не ограничивать власть его наместников, не принимать у себя его врагов и вернуть все купленные в его владениях земли. Взамен он отдавал новгородцам Торжок. Послы были вынуждены со всеми требованиями согласиться. С этого времени отношения Новгорода с Москвой нормализовались. В 1460 г. Василий с сыном Юри-

ем (Иван остался «ведать» Москвой) даже приехал к новгородцам погостить и два месяца пировал у них. Узнав об этом, псковичи прислали князю подарки и попросили Юрия стать их князем-защитником. В храме Троицы они возвели его на престол и вручили знаменитый меч Довмонта. Обласканный и одаренный Юрий вернулся в Москву, оставив в Пскове своего наместника.

К концу правления власть Василия II возросла настолько, что он почти перестал платить дань Золотой Орде. Быстро сменяющиеся ханы пытались совершать набеги на русские земли, но каждый раз в районе Оки терпели поражение и были вынуждены возвращаться ни с чем.

В правление Василия Тёмного русская национальная церковь окончательно укрепилась. После смерти в 1378 г. русского по национальности митрополита Алексея московскими митрополитами были присылаемые из Константинополя иностранцы. Некоторые из них, к примеру, Киприан, не со всеми великими князьями могли найти общий язык и не столько поддерживали и укрепляли верховную власть, сколько с ней соперничали. Поэтому союз светской власти с Церковью сложился далеко не сразу. Вступивший в 1410 г. на митрополичий стол грек Фотий обнаружил, что все движимое и недвижимое церковное имущество разграблено. Много усилий пришлось потратить ему, чтобы доказать свою нужность великому князю и вернуть утраченные богатства. Однако после его смерти в 1431 г. вновь Московская мит-

рополия оказалась без пастыря. Еще при Фотии в Киеве был поставлен свой митрополит – Герасим, который пытался подчинить себе московских иерархов. Но добился только своего признания в Новгороде. Шесть лет в Москве не было митрополита, поскольку сражавшимся за великое княжение претендентам не было до этого дела.

Только в 1437 г. временно укрепившийся на престоле Василий II созвал всех архиепископов и епископов и велел избрать им нового митрополита. Выбор пал на рязанского архиепископа Иону, потратившего много сил для примирения князей. Однако, когда тот прибыл в Константинополь для поставления от рук патриарха, то выяснилось, что его место уже занял грек Исидор. Поскольку к этому времени и в Киеве не было митрополита (Герасим был сожжен литовским князем), то удачливый грек вновь смог объединить две митрополии.

Правда, в Москве Исидор пробыл совсем недолго, поскольку получил приглашение ехать на Восьмой Вселенский собор во Флоренцию. Предполагалось, что на нем произойдет объединение Западной и Восточной церквей. Византийский император Иоанн Палеолог (супруг дочери Василия I Анны) пошел на этот шаг, желая получить помощь от римского папы в борьбе с турками). Действительно, после долгих дебатов в 1439 г. Флорентийская уния была подписана, в том числе и Исидором. Однако в Москве поступок нового митрополита вызвал великокняжеский гнев, и тот был вы-

нужден спасаться бегством в Рим.

В 1443 г. Василий II вновь, уже самолично, возвел в московские митрополиты Иону, не спрашивая разрешения у константинопольского патриарха. Так русская церковь фактически стала независимой и уже сама стала выбирать своего главу. После взятия в 1453 г. Константинополя турками это положение окончательно закрепилось.

С момента поставления и до своей кончины (17 марта 1461 г.) Иона был верным помощником великого князя во всех делах.

Сам Василий II не намного пережил своего пастыря. После тяжелой и продолжительной болезни он умер 27 марта 1462 г. Московский и великокняжеский владимирский престол перешел к его старшему сыну Ивану, вполне взрослому 22-летнему мужчине, имевшему жену и 4-летнего наследника. После ослепления отца он стал его глазами, часто сопровождал в военных походах или управлял столицей в его отсутствие.

Казалось бы, в этих условиях всю власть и все земельные владения следовало оставить именно Ивану, чтобы предотвратить возможность новых усобиц в будущем. Но Василий II этого не сделал. Он вновь, как его предшественники, разделил наследство между пятью сыновьями, правда, больше всего досталось старшему сыну. В его владении оказались следующие города: треть Москвы, Коломна, Владимир, Переславль, Кострома, Галич, Устюг, Вятка, Суздаль, Нижний

Новгород, Муром, Юрьев, Великая Соль, Боровск, Суходол, Калуга, Алексин. Это было значительно больше того, что получил когда-то сам Василий.

Юрию он оставил: Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов и Хатунь, т. е. разбросанные по разные стороны от Москвы города. Андрею Большому достались: Углич, Бежецкий Верх и Звенигород; Борису – Ржев, Волок и Руза; Андрею Меньшому – Вологда, Заозерье и несколько волостей в Костроме. Владения младших братьев, как видим, совсем невелики в сравнение с тем, что получил главный наследник Иван.

Такой раздел предполагал, что младшие князья не будут оспаривать старшинство у Ивана, Значит, единоначалие в Московском княжестве нарушено не будет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в правление Василия Тёмного был заложен прочный фундамент для создания Русского централизованного государства. Его преемникам осталось присоединить окончательно ослабленную Тверь, полузависимые Рязань, Ростов и Ярославль, сломить вольнолюбивых новгородцев и псковичей и начать отвоевывать свою отчину (Смоленск и Северские города) у Литвы.

Глава 14. Русская культура второй половины XIII – первой половины XV века

§ 1. Общественная мысль

Татаро-монгольское нашествие нанесло страшный удар по русской культуре. Если в политическом отношении, т. е. в создании централизованного государства, Русь имела сходные черты со странами Западной Европы (к примеру, Англия и Франция в современных границах появились тоже в конце XV в.), то в культурном отношении она осталась далеко позади передовых европейских стран. Причина была и в изоляции от других культурных центров, и в подчиненном положении у народа, стоящего на более низкой ступени цивилизационного развития. Поэтому тема единения и борьбы с захватчиками стала главной для лучших образцов отечественной культуры этого времени.

Вторую половину XIII в. историки считают одним из наиболее мрачных периодов в истории Руси. Казалось, что культурная жизнь замирает и едва теплится. Однако это было далеко не так. Событием стал Церковный собор 1274 г., на котором были приняты «Правила митрополита Кирилла», ре-

гулирующие внутрицерковную жизнь. Кроме того, начался процесс восстановления памятников церковного и гражданского законодательства. В итоге в 1284 г. появились Рязанская кормчая книга, а в 1282 г. – Софийская кормчая книга, в которую вошла «Русская правда», Краткий летописец и выписки из различных произведений. В 1288 г. в Киеве был создан список «Мерила праведного» – переводного законодательного памятника.

Не замирает и литературная деятельность. Среди писателей можно назвать Серапиона Владимирского (сначала был архимандритом в Киево-Печерском монастыре, затем – епископом во Владимире). От его творчества до нас дошли пять Слов – проповедей, в которых он ярко рисует картину разорения Руси и пленения ее народа.

К концу XIII – началу XIV вв. относится «Житие» Александра Невского, ставшее образцом для многих последующих книжников и излюбленным чтением для русских людей.

Самым крупным литературным памятником Южной Руси является Галицко-Волынская летопись, описавшая события с начала XIII в. до 1292 г. Именно в ней наиболее подробно было рассказано о битве на Калке и Батыевом нашествии, о многолетней борьбе за Галич и Волынь различных претендентов.

Образ замечательного книжника и проповедника рисует «Житие Авраамия Смоленского», написанное его учеником Ефремом. Оно свидетельствует о том, что в XIII в. Смоленск

являлся крупным культурным центром.

От XIV в. дошло сравнительно небольшое число памятников общественной мысли. К их числу можно отнести лишь летописи и компилятивные сборники поучений типа «Измарагда» и «Маргарита». Значительным явлением было создание по заказу нижегородского князя Константина Дмитриевича общерусского Летописного свода – Лавреньевской летописи, которая, по мнению исследователей, легла в основу всех остальных региональных сводов XIV в. В это время появились и первые московские сочинения. К их числу относится «Житие Петра», написанное ростовским епископом Прохором.

В Твери создается «Сказание о Шевкале», повествующее о том, как тверской князь Александр сжег живьем татарского наместника. Вторым ярким памятником являлась «Повесть об убиении в Орде тверского князя Михаила». Оба произведения прославляли борьбу с ненавистными татарскими захватчиками.

Новгородские и псковские памятники были менее эмоционально окрашены, поскольку ни Новгород, ни Псков не пострадали от Батыева нашествия. В Новгороде в первой половине XIII в. были созданы два сочинения русских паломников Григория и Стефана о царьградских святынях, в Пскове – «Повесть о князе Довмонте». В Ростовской земле были написаны жития местных епископов: Леонтия, Исаии и Авраамия. В них подчеркивалась независимость ростовских

иерархов от киевских и отмечалась их тесная связь с Константинополем. В это же время появилась местная легенда о царевиче ордынском Петре, принявшем православие. О самостоятельности и значимости Ростова, как литературного центра, свидетельствует Ростовская летопись княгини Марии Михайловны, включенная в состав Лавреньевской летописи (1377 г.).

В целом же литература XIII–XV вв. развивалась на основе традиций, выработанных литературой киевского периода. Литературный язык новых произведений сохранил свой старый облик.

Важным явлением общественной мысли второй половины XIV в. стало еретическое движение стригольников. Оно возникло приблизительно в середине века среди низшего духовенства Новгорода. Точное происхождение названия ереси неизвестно. По одной версии, руководитель движения дьякон Карп до принятия сана был стригольником, т. е. либо стриг овец, либо был парикмахером. По другой – для принятия в секту совершался особый обряд пострижения волос.

Чему же учили стригольники? Прежде всего, они отрицали роль Церкви как посредницы между Богом и человеком. Молиться, по их мнению, можно было в любом месте. Сами они собирались в особые общины, выбирали учителя из числа наиболее достойных людей, хорошо знавших «писания книжные». Свое учение они также оформляли в виде книг и давали читать членам общины. Церковные же догма-

ты, всю обрядовую сторону и само духовенство они отвергали, считая, что церковные иерархи лишь стремятся к личному обогащению и ведут недостойный образ жизни.

Объективно стригольники боролись за создание новой реформационной церкви, простой и дешевой, с доступными для понимания простых людей догматами. Это роднит их с реформаторскими движениями Западной Европы.

Однако официальная церковь сочла критику в свой адрес крамольной. В 1375 г. в Новгороде состоялась публичная казнь еретиков. Однако даже после гибели руководителей стригольничества, оно продолжало жить в Новгороде и в соседнем Пскове. Анти еретические послания были вынуждены писать и константинопольский патриарх Нил, и известный просветитель Стефан Пермский, и московский митрополит Фотий. В целом, почти 100 лет иерархам пришлось очищать свою паству от «злокозненных стригольнических заблуждений». С другой стороны, критика стригольников привела к тому, что в церкви была отменена симония – плата за получение церковной должности и улучшилось нравственное состояние ее служителей.

Новые явления в русской литературе появляются после Куликовской битвы 1380 г. Победа над войском Мамая способствовала росту национального самосознания русского народа, появлению тенденций к его объединению, сплоченности, осознанию многими людьми общности политических интересов. Победа Дмитрия Донского высоко подняла пре-

стиж Московского княжества, которое с этого времени становится самым главным выразителем идей общерусского единства и центром политического и культурного развития русских земель. В московских монастырях – Богоявленском, Симоновом, Андрониковом, Чудовом, в Успенском соборе собираются огромные книжные богатства, привозимые из Греции и Сербии, создаются центры книгописания, привечаются талантливые книжники и иконописцы. Большое влияние на всю общественную жизнь в стране стал оказывать подмосковный Троицкий монастырь и его основатель Сергий Радонежский. Именно он благословил князя Дмитрия на битву с Мамаем, он разослал по всей стране своих учеников, которые стали основателями многих знаменитых монастырей.

После Мамаева побоища создается целый цикл произведений, рассказывающих о героизме русских воинов и их славной победе. Первой в самом конце XIV в. стала летописная повесть об этом событии, написанная в жанре воинских повестей. Литературной обработкой ее является писание рязанского старца Софония «Задонщина». По своим художественным особенностям это произведение очень сходно со «Словом о полку Игореве». Однако образные средства «Слова…», служащие для выражения скорби, в этом памятнике использованы для выражения радости по поводу победы над врагом. Кроме того, понятие «Русская земля» в нем ассоциируется с Московским княжеством, а не Киевом.

Автор подчеркивал, что под знамена Дмитрия Донского собрались все русские князья, и это обеспечило общую победу (на самом деле в Куликовской битве участвовали далеко не все князья). Эта идеализация нужна автору для того, чтобы убедить читателей в важности объединения всех русских земель вокруг Москвы.

Произведением Куликовского цикла является «Сказание о Мамаевом побоище». Считается, что оно появилось после нашествия Едигея в 1408 г., во время которого московский князь Василий Дмитриевич проявил трусость и бежал из Москвы. Вероятно, его автор хотел еще раз прославить подвиг Дмитрия Донского, как бы напоминая его сыну о долге московского князя защищать свою землю. В целом же в этом произведении много легендарных и вымышленных сведений, свидетельствующих о том, что «Сказание…» уже было чисто литературным памятником, а не хроникой реального события.

Последним памятником этого цикла является также «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». Оно было создано, предположительно, в начале XV в. Особенностью этого произведения является то, что в нем повествование о светском человеке превращено в житие святого, а сам князь наделен такими идеальными чертами, которые должны были убедить читателей в его святости. Кроме того, в «Слове» князь Дмитрий прямо именуется «царем, великим князем всея Руси,

осподарем всей земли Русьской», т. е. государем всех Русских земель, а не одной Москвы, как было на самом деле. Автор умышленно искажает факты, что подчеркнуть главенство московского правителя.

С конца XIV в. в Москве расцветает летописное дело, при этом московские летописи становятся общерусскими задолго до того, как Москва превращается в столицу централизованного государства. Характерно название летописного свода конца 80-х г. XIV в. «Летописец великий русский», который начинался с «Повести временных лет». Он был положен в основу Троицкой летописи, составленной в 1408 г. по указанию великой княгини Евдокии Дмитриевны. В 1423 г. (по Шахматову) в Москве был составлен Владимирский полихрон, вобравший в себя всевозможные летописные и нелетописные заметки общерусского характера. Получалось, что московские летописи как бы готовили общественное создание к тому, что именно Москва будет центром объединения всех русских земель.

Большую роль в укреплении политического главенства Москвы играло духовенство. В 1326 г. ростовский епископ Прохор написал Житие митрополита Петра, который первым из иерархов стал жить при дворе московского князя. На рубеже XIV и XV вв. это житие было переделано митрополитом Киприаном в более обширное и витиеватое повествование. Позднее южнославянский выходец серб Пахомий Логофет создал житие другого выдающегося митрополита,

Алексея, сподвижника Дмитрия Донского. На начало XV в. приходится творчество замечательного троицкого книжника Епифания Премудрого. Его перу принадлежат жизнеописания таких выдающихся деятелей, как Сергий Радонежский и Стефан Пермский. Сочинения Епифания – образец витийства словес, ставшего популярным у русских книжников в XV–XVI вв.

Еще одним выдающимся литературным памятником XV в. было «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, тверского купца. Его путешествие в Индию продолжалось с 1466 по 1472 г. На обратном пути, в Смоленске, он умер. Сочинение Афанасия было доставлено в Москву и включено в летопись. Для нас оно ценно и с историко-археологической стороны, поскольку описывает Древнюю Индию, и с историко-литературной стороны, как предвестник очерковой литературы, и как памятник, раскрывающий богатый внутренний мир русского человека.

§ 2. Архитектура и живопись

Татаро-монгольское нашествие нанесло тяжелый удар по всем сторонам культурной жизни русских земель. Только с середины XIV в. постепенно начинают восставать из руин города и села, особенно в наиболее опустошенных центральных районах. В не разоренных врагом Новгороде и Пскове этот процесс шел быстрее. Более того, в XIV в. здесь начи-

нают складываться самостоятельные школы зодчества и живописи. Однако и здесь каменное строительство на время замирает. Основная застройка – деревянная. Богатые боярские и княжеские хоромы представляли собой комплекс деревянных срубов, часто двухэтажных с вышками теремов и пристройками сеней. Избы простых людей также строились на основе срубов, но меньшего размера. Церкви возводились также из дерева с высокими шатровыми покрытиями и маленькими луковичными главками. Каменное строительство наиболее интенсивно начинает вестись в Новгороде только с середины XIV в. В это время строятся и перестраиваются башни Детинца, оборонительной крепости. Возводятся удивительные по красоте церкви Успения на Болотове, Фёдора Стратилата, Спаса на Ильине улице, сохранившиеся до нашего времени. В первой половине XV в. новгородский архиепископ Евфимий, ярый сторонник новгородского сепаратизма, обустроил свой «владычный двор» каменными зданиями. Главной постройкой стала Грановитая палата – трехэтажное кирпичное здание с одностолпным залом для парадных приемов. Ее строили немецкие мастера, используя элементы готики.

В Пскове в XIII в. возводится каменный Детинец на высоком мысу при впадении Псковы в Великую. В 1330 г. строится пограничная твердыня Изборск с могучими стенами и башнями. В XIV в. начинают обновляться старые соборы XII в.: собор Снетогорского монастыря, Троицкий собор.

Создателем последнего был псковский мастер Кирилл.

Значительную роль в развитии новгородского искусства XIV в. сыграл греческий мастер Феофан Грек. Он прибыл из Византии в 70-х годах. До нас дошли его росписи церкви Спаса на Ильине улице. Он писал лики святых размашистыми ударами кисти, белые блики резко наброшены на красно-коричневые тона, складки одежды изломаны острыми углами. В итоге его фрески создают впечатление сдержанной страстности.

Влияние Феофана прослеживается в росписи церкви Фёдора Стратилата, церкви Спаса на Ковалёве и других.

В самом начале XV в. Феофан был приглашен в Москву, где расписал несколько соборов и написал ряд икон для кремлевского Благовещенского собора вместе с Андреем Рублевым. Его кисти, видимо, принадлежит и знаменитая икона Донской Богоматери, которая считалась покровительницей Дмитрия Донского.

Если мастера Новгорода и Пскова опирались на свои древние традиции, то сравнительно молодая Москва черпала архитектурные идеи во владимирском наследии.

Главными инициаторами каменного строительства в Москве становятся великие князья. Первые белокаменные соборы появляются в Кремле при Иване Калите. Это Успенский собор (1326), церковь Спаса на Бору (1328–1330), Архангельский собор (1333) и церковь-колокольня Иоанна Лествичника (1328), игравшая роль дозорной вышки. Эти пер-

вые соборы не были похожи на современные. Они были приземистыми и небольшими по объему. Успенский собор, к примеру, был копией Георгиевского храма в Юрьеве-Польском.

Дмитрий Донской, готовясь к решительной схватке с Ордой, возводит вокруг Кремля каменные стены (1367). В стратегически важных городах Коломне и Серпухове строятся белокаменные храмы, ставшие частью оборонительных сооружений.

С начала XV в. быстрыми темпами развивается монастырское строительство. Каменные соборы появляются в Саввино-Сторожевском монастыре под Звенигородом (1405), в знаменитом Троице-Сергиевом монастыре (1423), в Андрониковом монастыре в Москве (1427). В их архитектуре нашли отражение новые русские национальные черты: «величество, светлость, пространство», которые наиболее отчетливо проявятся в конце XV–XVI вв.

С XIV в. в живописи Москвы начинает развиваться самостоятельное направление. Большая роль в этом принадлежала митрополиту Петру, который сам был иконописцем. Некоторые исследователи полагают, что им была написана икона «Спас Ярое Око» для Успенского собора. Возможно, под началом Петра работала целая артель греческих художников, обучавшая мастерству русских иконописцев. Известно, что в 40-х г. XIV в. в Москве работали сразу две артели. Греки расписали Успенский собор, русские мастера – Ар-

хангельский, Спаса и Иоанна Лествичника. Известны даже их имена: Семён, Иван, Гайтан (возможно, «немец»).

Настоящий взлет в московском живописном искусстве начинается после Куликовской битвы. Он связан с именами Феофана Грека, Андрея Рублёва, Прохора из Городца, Даниила Чёрного. Каждый из них был выдающимся, уникальным и самобытным мастером.

Летом 1405 г. Феофан, Андрей и Прохор расписали по заказу Василия I Благовещенский собор. Вместе они написали великолепные иконы для его иконостаса, который сохранился до наших дней.

В 1408 г. Андрей Рублёв и Даниил Чёрный расписывают Успенский собор во Владимире. В традиционные иконографические схемы они вносят много нового. Легкими, светлыми мазками они придают лицам большую выразительность, гибкими линиями как бы заставляют фигуры двигаться ритмично, грациозно и свободно. В их росписи нет и следа суровой аскетичности Феофана Грека. От нее веет светлой радостью, бодростью, надеждой.

Самым совершенным и знаменитым произведением Андрея Рублёва считается икона «Троица», написанная приблизительно в 1423 г. для иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. В основе ее библейский сюжет о посещении Авраама и Сарры тремя ангелами. Поэтому на иконе изображены трое прекрасных крылатых юношей, сидящих за столом и ведущих тихую беседу. Среди них царит

полное согласие и единение. Это впечатление достигается замкнутостью композиции – фигуры ангелов как бы образуют круг. Колорит иконы создает атмосферу легкой, светлой и радостной гармонии, он как бы повторяет цветовую гамму русского пейзажа.

Для русской живописи «Троица» Рублёва стала открытием, новым словом, образцом для подражания. Тема дружбы, согласия и любви была одной из наиболее животрепещущих в преддверии междоусобных баталий средины XV в. В последующее время эта икона была одной из наиболее любимых и почитаемых и для князей, и для простых людей.

В целом же XV в. искусствоведы называют «золотым веком» московской иконописи. Во второй его половине рублевские традиции получают дальнейшее развитие в творчестве другого выдающегося художника – Дионисия.

§ 3. Прикладное искусство

Татаро-монгольское нашествие нанесло большой удар по русским художественным ремеслам. Города, где они развивались, были разрушены, сами мастера толпами угнаны в плен. Папский посол Плано Карпини, посетивший в 1246 г. ставку великого хана в Монголии, был поражен красотой ханского трона, украшенного не только золотом и драгоценными камнями, но и тонкой резьбой по кости. Оказалось, это было творение русского мастера Козьмы. Некоторые ремес-

ла окончательно погибли, например, изготовление цветного стекла и ювелирных украшений из него.

Только с конца XIV в. ремесла на Руси начинают возрождаться. Вскоре исключительного совершенства достигает художественное литье из металла. Образцом его является оклад «Евангелия» (1392) боярина Фёдора Андреевича Кошки (он был родоначальником Романовых). На синем эмалевом фоне расположено множество литых фигурок: Деисуса, святых, ангелов. Известно, что именно в Москве были наиболее искусные литейщики. Так в 1342 г. для отливки колокола для новгородской церкви Святой Софии был приглашен московский мастер Борис. В 1420 г. москвичи научили псковских мастеров отливать свинцовые доски для кровли.

Высоким мастерством отличались и московские ювелиры. Об этом свидетельствует яшмовая чаша, оправленная золотой сканью мастера-москвича Ивана Фомина. Чеканными рельефами из серебра был украшен оклад иконы Владимирской Богоматери. В Троицком монастыре работал в 1410–1431 гг. замечательный резчик-скульптор Амвросий. Образцом его искусства является золотая панагия-складень, хранящаяся в музее Сергиева Посада.

Блестящего расцвета с конца XIV в. достигает художественное шитье. Оно было исключительно женским занятием. Шили главным образом цветными шелковыми нитями, золотые и серебряные нити сначала употребляли в очень умеренном количестве. Мастерицы обычно собирались в

княжеских и монастырских мастерских, где выполняли работу на заказ. Для композиции использовали церковные сюжеты, которые предварительно наносились на ткань. Затем мастерицы подбирали для него подходящие цвета.

Одним из лучших образцов московского шитья является пелена княгини Марии (вдовы Симеона Гордого), на которой изображен Деисус.

По мере возвышения Москвы при дворе ее князей начинают появляться иностранные мастера. Известно, что Дмитрий Донской очень интересовался огнестрельным оружием и приглашал немецких мастеров для его изготовления. При Василии I стали делать порох. В XV в. при московском дворе начали чеканить свою серебряную монету.

В 1404 г. серб Лазарь сделал большие часы с боем и установил их на Великокняжеском дворе. Для москвичей они стали своего рода достопримечательностью.

§ 4. Быт

О бытовой стороне жизни русских людей XIII–XV вв. известно мало. Можно только предположить, что с веками она менялась не слишком существенно.

Новым в жизни русских князей стали поездки в Золотую Орду, где они должны были выказывать ханам свои верноподданнические чувства. Для гордых и свободолюбивых воинов это было тяжелым бременем. Поэтому в бытовом от-

ношении ордынцы оказали мало влияния на русских людей. Можно предположить, что они переняли от степняков лишь искусство верховой езды, неприхотливость в еде и одежде во время военных походов. Все остальное было для русских людей чуждым и неприемлемым.

Значительно существенным было влияние греческого духовенства. Так, при митрополите Киприане новый год стал начинаться с сентября, как в Византии. Славянские имена и прозвища были постепенно вытеснены христианскими, появляются фамилии, указывающие на род и предков.

Постепенно умирает обычай жениться без церковного венчания. Девушки перестают выходить замуж ранее 12 лет, более ранние браки духовенством запрещались. В быту укореняются некоторые церковные правила: не пить вино до обеда, не сквернословить за столом, не принимать в домах бабок-ведуний и не посещать их для ворожбы.

Одним из занятий знатных юношей стали рыцарские бои. Очень ценилось искусство владения луком, мечом, копьем. Иногда возникавшие споры или размолвки разрешали поединком. Все представители знати старались обзавестись хорошими конями. Во время парадных выездов их украшали богатой сбруей.

Очень распространены были среди знатных людей совместные пиры. При этом великие князья еще не отделяли себя от гостей. Они лишь сидели во главе общего стола. Во время застолий употребляли много разных медов, пива, жа-

реной дичи, всевозможных пирогов.

Одежда знатных людей шилась из сукон, привозимых из Европы, шелка (доставлялся с Востока), мехов, украшалась кожей, драгоценными камнями, золотыми и серебряными бляхами. Простые люди носили платья из льна, зимнюю одежду – из овчины.

Внутреннее убранство домов было очень простым: в центре – большая печь, которая топилась по черному; полати, стол, лавки. У богатых людей они могли быть покрыты коврами, шелковыми скатертями, шкурами зверей. Все наиболее ценные вещи хранились в погребах для сохранности и от пожаров, и от «лихих гостей».

Раздел III. Создание русского национального государства со столицей в Москве (конец XV–XVI века)

Глава 15. Московское княжество в XV веке

§ 1. Территория и население

К середине XV в. территория Московского княжества существенно выросла. Если Иван Калита не владел даже всей территорией современной Московской области, то уже Василий Тёмный обладал почти всем ее пространством (за исключением Клина), а также частью Калужской, Тульской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской и Тверской областей. На юго-востоке граница Московского княжества проходила по рекам Ока и Цна. Лужа, Верея, Боровск и Мещера уже были под властью Москвы, а Рязанское же княжество свои земли постепенно теряло. С Великим княжеством Литовским гра-

ница проходила по р. Угра, городам Перемышль, Лихвин, Козельск, Кросна. При этом владения князей Одоевских, Белевских и Воротынских, служивших московскому князю, оставались в Литве. С Новгородом граница проходила по Волоку, Бежецкому Верху, Вологде. Но Устюг уже был московским, а ряд территорий, например, Торжок, находился в совместном владении.

На востоке по реке Ворона до Хопра шла граница с Большой Ордой, однако на Дону все еще сохранялось самостоятельное Елецкое княжество. По Волге в районе Нижнего Новгорода проходила граница с камскими булгарами – будущим Казанским ханством.

Срединное положение Москвы было одним из важных факторов ее возвы-шения. Ока и Волга служили естественными барьерами для защиты от внезапных нападений степняков. Не случайно в течение нескольких столетий именно на Берегу (берегу Оки) стояли княжеские, а потом и царские полки, оберегая московские земли.

Наличие естественной преграды способствовало тому, что московские земли стали исключительно притягательными для населения южных княжеств. В массовом порядке оно стало переселяться в окрестности Москвы. С приростом населения стали увеличиваться доходы московских князей.

Благоприятным было положение Москвы и относительно торговых путей. После образования Золотой Орды большой торговый путь из Азии в Европу стал проходить по Вол-

ге, Оке, Москве-реке к Волоку и далее к Новгороду Великому. Кроме того, Москва была посредницей и между старым Югом, и новым Севером; и между северо-западом, и юго-востоком.

Еще одним важным фактором для роста могущества Московского княжества была открытость его границ на северо-восток. Именно туда, подальше от золотоордынского владычества, могли переселяться и крестьяне, и промысловики, и даже монахи. Неслучайно монастырская, а за ней и крестьянская колонизация на Север усиливается в XV в. Эти новые земли, не учтенные ханской переписью 1275 г., приносили московским князьям дополнительные доходы.

Рост населения Московского княжества происходил не только за счет переселения из других земель и естественного прироста на своих территориях, но и за счет пленных, выкупаемых московскими князьями в Орде. Они даже носили особое название – ордынцы и расселялись на пустующих великокняжеских землях.

Однако в целом население Московского княжества вряд ли было большим. Опасность для жизни людей представляли не только набеги ордынцев и княжеские усобицы, но и пожары, эпидемии и всевозможные стихийные бедствия. Летописи содержат множество сведений на этот счет.

Приблизительно с середины XIV до середины XV вв. в Москве было 17 крупных пожаров. Например, в 1337 г. сгорело 18 церквей и все дома жителей вокруг них; в 1357 г.

сгорело 13 церквей; в 1389 г. выгорело несколько тысяч дворов; в 1453 г. от Кремля остались одни угли и головешки; в 1458 г. треть Москвы превратилась в пепелище. В огненной стихии гибли горожане и скот.

Голод из-за неурожаев был постоянным явлением в XIV–XV вв. В 1309 г. из-за нашествия мышей хлеб был съеден прямо на корню. В 1364 г. летом стоял страшный зной, леса и болота горели, реки высохли. Урожаю зерновых был нанесен большой урон. В 1365 г. все повторилось, и начался сильный голод. В поисках хоть какого-нибудь пропитания бедняки тысячами умирали на дорогах и в городах.

В 1370 г., напротив, зима началась слишком рано. Хлеб сжать не успели, и он ушел под снег. Но в Великий пост внезапно началась оттепель, снег сошел и больше не выпадал. Летом вновь запалил зной, на солнце появлялись какие-то пятна, и стало сумрачно. Вновь горели леса, болота, высохли реки и озера. Голод был таким, что даже звери выходили из лесов и бродили по опустевшим деревням и селам, птицы замертво падали на землю.

В 1373 г. вновь летом не выпало ни капли дождя. Следующий век начался с похолодания. В 1407 г. лето было сумрачным и дождливым, с востока прилетели какие-то насекомые, которые объели листья на деревьях и кустах, и те засохли. В 1418 г. снег выпал уже 15 сентября, начались сильные морозы. Урожай зерновых был потерян. В 1421 г. все повторилось. Зима была такой лютой, что люди гибли не только от

голода, но и от холода.

В 1429 г. вновь началась засуха. Опять горели леса. Много птиц и зверья погибло, а рыба два года пахла гарью. Но уже с 1486 г. снова началось похолодание. До 1456 г. урожаи были плохими, поэтому продовольствие на рынках стоило очень дорого.

Крайне неблагоприятные климатические условия XIV–XV вв. заставили земледельцев искать новые формы ведения сельского хозяйства. Пшеница и ячмень постепенно вытесняются более холодоустойчивыми культурами – рожью и овсом. Перелог и подсека заменяются пашенной паровой системой. Эта аграрная перестройка была связана и с тем, что в центральных районах основные лесные пространства оказались освоенными. Новые двухпольная и трехпольная системы были более прогрессивными формами использования земли. Они позволяли менять, т. е. чередовать, культуры на полях, заботиться о плодородии почвы. Крестьянское население становится оседлым и привязывается к конкретным земельным наделам. Кроме того, ведение сельскохозяйственных работ оказывается менее трудоемким, чем при подсечном земледелии.

К массовой гибели людей приводили не только голод, но и эпидемии. В 1353 и 1363 гг. страшная болезнь, легочная чума, унесла жизни тысяч людей в Новгороде, Пскове, Москве, Рязани, Нижнем Новгороде, Коломне, Владимире, Суздале, Можайске, Дмитрове, Белоозере. Она начиналась как бы с

удара в грудь, затем был кашель с кровью, сильный жар, пот, озноб, выступали железы, тело покрывалось гнойниками. Через три дня наступала смерть. В итоге в Москве каждый день умирало от 50 до 100 человек. В Смоленске и на Белоозере вообще не осталось жителей.

В 1409 г. началась другая эпидемия, получившая название «костолом». Болезнь начиналась с того, что руки и ноги искривлялись судорогами, все кости хрустели, зубы скрежетали, разум мерк. Несмотря на страшные боли, некоторые заболевшие выздоравливали. В 1414 г. костолом повторился. В 1417 и 1425 гг. повторилась эпидемия старой болезни, проявляющейся в кровохарканье.

Людские жизни уносили и другие стихийные бедствия. Например, в 1399, 1406, 1442, 1460 гг. были такие сильные бури и грозы, что с домов срывало крыши, деревья вырывало с корнем. Ливни вызывали наводнение. В 1446 г. даже было землетрясение. Толчки ощущались в Москве, Суздале, Новгороде.

§ 2. Власть московского князя, доходы, устройство двора, армия, способ управления княжеством

В XIV–XV вв. Московское княжество передавалось по наследству от отца к сыну или ближайшему родственнику. Права наследника фиксировались в духовной грамоте его

предшественников. Право же на великое владимирское княжение, а вместе с ним старшинство среди остальных князей и право на сбор дани для Золотой Орды со всех русских земель давались золотоордынскими ханами в виде ярлыка. Однако уже Дмитрий Донской пренебрег ханской волей и великое княжение Владимирское передал по наследству своему сыну Василию I. Но формально считалось, что московский князь получал верховную власть из Золотой Орды, поэтому его поставление осуществлялось ханским послом во владимирском Успенском соборе (к примеру, в соседней Литве великого князя литовского поставлял церковный иерарх).

С одной стороны, зависимость от Золотой Орды ограничивала власть московского князя, поскольку он считался ханским улусником. С другой стороны, воля хана как бы возвышала великого князя над всеми остальными подданными, делая его самодержавным правителем. Получалось, что свою власть великий князь получал свыше, т. е. от хана, и в этом отношении был полностью независим от желания людей, населявших его княжество.

Получение ярлыка на великое княжение способствовало росту могущества и богатства московского князя. Сбор дани со всех русских земель был исключительно выгодным делом. Еще в 1275 г. все земли были переписаны по ханскому указу, и население обязали платить посошную подать. Сначала ее собирали ханские баскаки. Затем сбор дани был поручен местным властям. Например, в городах-республиках Новго-

роде и Пскове ее собирали посадники, в независимых княжествах – Рязанском, Тверском и других – их князья, и т. д. Все платежи стекались к московским князьям. Известно, что в XIV в. Коломна платила 342 руб., Можайск – 235, Звенигород – 272, Дмитров – 111, Нижегородское княжество – 1500, Углич – 105 и т. д. Если какой-либо город или владелец земли не мог заплатить нужную сумму, то мог потерять самостоятельность и переходил под власть великого князя московского. Некоторые владения просто переходили к нему за долги.

Поскольку в XIV и особенно XV в. в Золотой Орде часто шла династическая борьба, ханская власть была непрочной и недолговечной, то московские князья пользовались этим и дань не всегда посылали, оставляя ее в своей казне. В итоге они не только закрепили за собой положение старшего среди остальных князей, но и в материальном отношении превзошли их всех.

Следует отметить, что система выдачи ярлыка на великое княжение и сбор дани со всех русских территорий препятствовали развитию сепаратистских тенденций и постоянно собирали все земли воедино. Ханский ярлык давал право московскому князю вмешиваться в дела всех остальных княжеств и городов и посылать в них своих наместников. Ханская перепись стала основой для сбора всевозможных налогов уже в пользу великого князя. Позднее на ее основе были составлены писцовые книги, по которым уже платились

государственные налоги тягло. На базе чрезвычайной дани, собираемой для кормления ханских послов и обеспечения их передвижения (яма), появились дополнительные налоги: кормовые (для иностранных послов и государевых людей), ямские и т. д.

Непосредственно в казну князя население было обязано платить торговые пошлины, налоги за занятие промыслами, деньги за судопроизводство. Некоторые промыслы, например варка соли в Галиче, Юрьеве, Городце, отлов бобров в малых реках, рыбная ловля ватагами на северных морях и реках, разведение лошадей, охотничьих собак, приносили дополнительные доходы.

В течение XIV–XV вв. родственные отношения внутри великокняжеского рода изменяются. Начинает закрепляться практика передачи престола от отца к старшему сыну, минуя братьев. Попытка Юрия Дмитриевича и его сыновей изменить ее ни к чему не привела. Младшие в роду, т. е. удельные, князья были обязаны служба старшему. Тот в свою очередь должен был их «кормить», т. е. наделять землями, и оберегать от недругов. Собственные же родовые владения мелких князей начинают постоянно уменьшаться (одни разорялись степняками, другие продавались за долги).

Главным гарантом силы и могущества московского князя была его дружина, т. е. войско. Она все еще делилась на старшую и младшую чадь. Старшую составляли бояре. Но и среди них была градация. Главными считались ближние бояре,

т. е. те, кто с давних лет служил московскому князю и имел свои земельные владения около Москвы. Затем шли введенные бояре, т. е. те, которые переселялись из других княжеств и за свою службу получали в кормление города. В них они были обязаны судить от лица князя, собирать налоги и организовывать оборону. Были также путные бояре, которые получали доходы и для себя, и для князя с торговых путей (по предположению С. М. Соловьёва). В итоге ближние бояре входили в княжескую думу и находились при великом князе; введенные и путные бояре осуществляли управленческие функции княжеских чиновников на местах. Кроме того, они были сборщиками налогов.

Этих бояр – наместников и сборщиков налогов можно считать прародителями будущих государственных управленцев.

Бояре, находившиеся при великокняжеском дворе и входившие в думу, играли роль совещательного органа. В него же входили окольничие – более низшие чины, организующие княжеские выезды.

Следует отметить, что и бояре, и окольничие сохраняли за собой право выезда на службу к другому князю с принадлежащими им землями. Но со временем он становился все более сложным. Суд в боярских землях стали осуществлять те князья, на чьей территории они находились, бояре же обязаны были защищать от врагов те города, где были их земли, а не где они служили. Весьма запутанным было и их соб-

ственное решение судебных тяжб. Все это привело к тому, что бояре стали крайне редко покидать своего патрона и целыми поколениями верно и преданно ему служить (в княжении Василия Тёмного это было наглядно видно).

Младшую дружину составляли дворяне, носившие название детей боярских. Они не входили в думу, но также сохраняли право свободного выхода. Младшая дружина составляла основу княжеского войска – конницу. Полководцами же обычно назначались представители старшей дружины. Во время военных походов в войско князя должны были вливаться городовые полки.

Полков было пять: Передовой, Великий, Правой и Левой руки, Засадный. Кроме того, население приграничных городов должно было нести пограничную службу на заставах.

Княжеский двор и княжеское хозяйство обслуживали всевозможные слуги: стольники, чашники, конюший, ловчий, ясельничий, дворский, казначей, ключник. Составлением различных документов и посольскими делами занимались дьяки и подьячие. Писцы составляли описи земель, приставы отправлялись для разбирательства судебных дел.

По дворцовому ведомству служили не только вольные люди, но и холопы. Обычно они были садовниками, псарями, ремесленниками и т. д.

Еще при Дмитрии Донском в Москве было изменено городское управление. Должность тысяцкого была упразднена. Вместо него стал назначаться наместник, как и в других

крупных городах. Но в независимых городах, например Новгороде и Пскове, было свое самоуправление в лице посадника и веча. Там наместник был лишь представителем князя и его функции и права строго оговаривались в договорной грамоте. Однако между наместниками и городским самоуправлением часто возникали споры и столкновения, нередко заканчивающиеся войной между Москвой и Новгородом.

Право назначать своих наместников на независимые территории давал великому князю ханский ярлык. Формально эти наместники были представителями Золотой Орды, а сам великий князь считался его улусником. Но поскольку татаро-монгольское ханство с каждым годом все больше и больше слабело, власть над русскими землями оказывалась в единоличных руках московского князя.

В собственном княжестве административными единицами управляли княжеские чиновники: волостями – волостели, станами – становщики, селами – посельские. Это уже было определенной формой государственного управления.

§ 3. Социальная структура

Высшее сословие в XIV–XV вв. было довольно дифференцированным. На самой высокой ступеньке стояли великий князь и его ближайшие родственники удельные князья, сохранявшие некоторую самостоятельность. Они имели собственные уделы, получаемые по наследству, двор, вой-

ско, администрацию. Но во время военных походов великого князя им следовало быть его союзниками.

Ниже шли служилые князья, т. е. те князья Рюриковичи или Гедиминовичи, которые поступили на службу к великому князю. Они сохраняли, как правило, свои родовые имения и имели право менять сюзерена. Обычно они занимали высшие посты в войске. Почти равное с ними положение занимали ближние бояре, т. е. те, которые с давних пор служили московским князьям и также имели родовые земельные владения. Далее шли введенные бояре и чуть ниже – путные. Они были, видимо, из числа тех, кто сравнительно недавно перешел на службу в Москву. За свою службу они получали в «кормление» города или право сбора налогов с торговых путей. Еще ниже находились окольничие, в обязанность которых входило сопровождать князя в поездках и организовывать его путь. Вместе со всеми боярами они входили в думу – совещательный орган при великом князе. Дети боярские, по сути воины или рыцари, стояли еще ниже. За свою службу они получали земельные владения во временное пользование, т. е. в поместье. Однако сохраняя право отъезда к другому сюзерену.

В XIV–XV вв. княжеский двор еще был обособлен от княжеской ад-министрации, поскольку управлял только собственными владениями князя, а администрация – землями, подчиненными Золотой Орде. Среди слуг также была своя иерархия. Старшим был дворецкий, ведавший всем дворцо-

вым хозяйством, затем шел казначей, конюший, стольники, спальники и т. д. Но на все эти должности вряд ли назначались особенно знатные люди, поскольку их функции были не столько почетными, сколько служебно-хозяйственными.

В крупных торговых независимых городах была своя иерархия. На высшей ступеньке находились житные люди, т. е. наиболее богатые, имевшие свой дом, хозяйство, множество слуг. Из их числа выбирались посадники и члены городского самоуправления. За ними шли «гости», т. е. наиболее богатые купцы. Далее находились торговые люди, т. е. те, кто непосредственно осуществлял торговые операции. Остальные горожане назывались либо земскими людьми, либо числяками. Они занимались ремеслом и мелкой торговлей и имели собственные дома.

Для удобства управления и сбора налогов городское население делилось на сотни, в Новгороде – на концы. В крупных торговых городах на сотни делилось и купеческое сословие. Высшее положение занимала Гостиная сотня. В Москве она занималась торговыми операциями великокняжеского двора и имела представительства в других торговых городах. В Новгороде, кроме того, был создан особый «Немецкий двор» для торговли с прибалтийскими странами.

Ниже находилась Суконная сотня, в которую, видимо, входили гости, торговавшие с европейскими странами (именно оттуда привозили сукна). Особые купцы-сурожане, осуществлявшие торговые операции со странами Востока.

Следует отметить, что на международных рынках «русскими» товарами считались: меха, кожа, волос (шерсть), щетина, сало, воск, скот, лес, постели (пуховики), посуда из дерева или глины. «Немецкими» товарами были: хлеб, соль, сельдь, пиво, вино, сердолик, золото, серебро, медь, олово, свинец, сера, иголки, четки, пергамент, бумага. С Востока привозили: жемчуг, драгоценные камни, шелк, оружие, пряности.

Вместе с торговлей развивалось и ремесло. Самыми большими по численности были артели каменщиков и плотников. Частые пожары опусто-шали целые города, и строительство шло постоянно. Самым крупным заказчиком был великий князь, возводивший и городские стены, и церкви, и всевозможные оборонительные сооружения на границах страны. По количеству заказов не намного отставало от него духовенство. Ведь именно XV в. считался веком монастырского строительства. Среди ремесленников популярными были профессии литейщиков, кузнецов, седельщиков, лучников, оружейников, щитников и др. Профессии сапожников и портных в то время были менее распространены, поскольку обувь и одежду шили домашние мастера.

Поскольку эта часть городского населения была самой многочисленной и больше всего платила дани (согласно Ханской переписи, и богатые, и бедные платили одинаково), то великий князь делал все возможное, чтобы она не уменьшалась. Он запрещал городским жителям переезжать с места

на место и продавать свои земли не тяглецам. Кроме того, численников нельзя было брать в услужение ни к боярам, ни к духовенству. Сами же они имели право заниматься любым промыслом.

Однако бремя налогов было столь тяжелым, что сами горожане пытались его сбросить любым путем и наняться на службу к богатому и влиятельному человеку. Хотя их жизнь становилась легче, но свой социальный статус они понижали, превращаясь в холопов. Правда, понятие «холоп» вовсе не было тождественно понятию «раб». Условия службы обычно оговаривали в особом договоре – кабале. По истечении обговоренного срока холоп мог вновь стать свободным.

Особый социальный статус имели ордынцы – выкупленные в Орде пленные. Они были полусвободными людьми. По княжескому указу, они селились в отдельных слободах и занимались той деятельностью, которая нужна была великому князю. Брать их на иную службу было запрещено.

На низшей ступеньке находилось сельское население, т. е. крестьяне, которые таковыми в то время еще не назывались. Они делились на черных людей и пашенных. Первые жили на землях великого князя и платили ему налоги в зависимости от размера пашни. Стремясь, чтобы эта часть населения не уменьшалась, князь давал черным людям всяческие льготы и относительную свободу в выборе занятий. Главное, что от них требовалось, – вовремя заплатить налог.

Пашенные люди своей земли не имели и нанимались на

работу к ее владельцам. Их называли наймитами. За свой труд они получали деньги. Но, видимо, наймитов было мало. Более распространенной формой отношений между работником и хозяином был ряд – т. е. особый договор. Если работник отдавал по договору половину урожая, то он назывался половником, если треть – третником. Иногда пашенные люди брали у хозяина в долг деньги для обустройства своего хозяйства. Их называли серебряниками. Без уплаты долга они не имели права покинуть хозяина. В целом же пашенные люди были лично свободны и могли менять хозяев.

Однако со временем великий князь стал стремиться к тому, чтобы ограничить крестьянский выход, поскольку малоземельные служилые люди разорялись, оттого что крестьяне бегали от владельца к владельцу, желая получать льготы. «Выход» стал разрешаться только два раза в год: весной и осенью, до основных сельскохозяйственных работ. Некоторым монастырям давалось право не отпускать от себя старожильцев, т. е. тех крестьян, которые жили на их землях достаточно долго. Черносошных крестьян вообще было запрещено переманивать тем, кто не подчинялся великокняжеской власти.

Самой бесправной частью населения были полные холопы, т. е. те, кто был куплен на невольничьем рынке или оказался в кабале за крупные долги. Фактически они были рабами своих владельцев.

Сложная и крайне разветвленная социальная структура

русского общества в XIV–XV вв. свидетельствовала о том, что процесс поляризации только начинался, четко выраженных и замкнутых сословных групп еще не было, отсутствовало и единое социальное пространство, поскольку экономическое развитие разных частей страны сильно различалось.

Духовенство представляло собой особую социальную группу, которая в то время еще сохраняла и правовую, и материальную самостоятельность.

§ 4. Православная церковь

В XIV–XV вв. православная церковь сохраняла определенную независи-мость от московского князя. Это было, во-первых, связано с тем, что она подчинялась константинопольскому патриарху. Во-вторых, территория митрополии была существенно больше, чем собственные владения великого князя. Ведь митрополиту подчинялись до XV в. многие земли бывшей Киевской Руси, а сам он считался, в первую, очередь, Киевским, а потом Владимирским и Московским. В третьих, власть московского и великого владимирского князя не освящалась Церковью, поскольку тот получал ее от золотоордынского хана.

Однако и великий князь, и митрополит нуждались друг в друге. Московский князь, претендуя на власть во всех русских землях, должен был подкреплять ее авторитетом церковного иерарха. Поэтому он стремился сделать Москву

не только административным центром, но и религиозным. Здесь обустраивается резиденция митрополита, здесь возводятся каменные соборы, сюда переносятся святыни (икона Владимирской Богоматери), здесь появляются свои святые (первый московский митрополит Петр, затем Алексий и позднее Иона; князь Даниил и другие).

Митрополиты нуждались в князьях как защитниках своего имущества и своих владений. Например, сменивший митрополита Киприана Фотий обнаружил, что все митрополичье имущество разграблено и для его собственного существования средств нет. Только с помощью великого князя все было возвращено и митрополия восстановлена.

Без помощи великого князя вряд ли московским митрополитам удалось бы сохранить свое владычество над всей своей огромной епархией. К примеру, в середине XV в. новгородский архиепископ Евфимий явно стал тяготиться своим подчиненным положением и стал стремиться к сепаратизму. В условиях междоусобия в великокняжеской семье ему почти удалось отделиться от московской митрополии. Но с помощью власти московского князя «заблудшие овцы» были возвращены в лоно официальной церкви.

Фактически московскому митрополиту подчинились девять епископий: Новгородская, Рязанская, Ростовская, Суздальская, Тверская, Коломенская, Пермская, Сарская и Подонская (с середины XV в. она стала базироваться в Крутицах на окраине Москвы).

В материальном отношении Церковь считалась независимой от вели-кокняжеской власти. Ее доходы складывались из пожертвований верующих, платы за отправление церковных обрядов и судебные разбирательства по духовным вопросам, а также средств, получаемых от земельных владений собственно церквей и монастырей. Однако, несомненно, что вклады великого князя и членов его семьи составляли немалую их часть.

Золотоордынское владычество, опустошительные набеги и тяготы по уплате дани подталкивали многих людей к тому, чтобы уйти подальше от мирской суеты в монастыри. В данном случае характерен пример Сергия Радонежского. Его родители жили в Ростове и окончательно разорились. Для себя и своих детей они выбрали один путь – в монастырь. Но, вероятно, без средств стать иноком какого-нибудь монастыря было невозможно, поэтому юноша (в миру Варфоломей) поселился в уединенном месте в лесу и стал вести там монашеский образ жизни. Поскольку его жилище было недалеко от Ростовской дороги, многие узнали о нем и стали приходить и селиться рядом. Так возник Троице-Сергиев монастырь.

Примеру Сергия последовали многие его ученики и стали в XV в. активно осваивать бескрайние северные просторы. Там были основаны Кирилло-Белозерский монастырь, Ферапонтов, Соловецкий, Антониево-Сийский и многие другие. Пока это были лишь небольшие скиты с малочисленной и

скромной братией. Но со временем они превратятся в крупнейших и богатейших землевладельцев (и путем пожертвований, и путем покупок), в центры духовной мысли и книгописания.

С середины XV в. положение православной церкви начинает меняться. После взятия в 1453 г. Константинополя турками московская митрополия становится фактически независимой. Свои внутренние дела иерархи начинают решать самостоятельно на совместном соборе. Даже вопрос о новом митрополите становится его прерогативой, правда, при одобрении кандидатуры великим князем. Позднее именно великий князь, а затем и царь будет называть его имя. Первым избранным митрополитом стал Иона (в 1448 г.). После его смерти таким же образом на митрополию был возведен Филипп, затем Геронтий и т. д.

Однако, став самостоятельной (от Константинополя), попав под влияние великого князя, московская митрополия потеряла часть своих владений. В 1459 г. Казимир IV поставил в Киеве своего митрополита, и территория Великого княжества Литовского перестала подчиняться московскому митрополиту. В этих условиях церковные иерархи еще больше осознали свою зависимость от великого князя и теснее стали сплачиваться вокруг его трона. Хотя до полной гармонии в отношениях светских и духовных властей было еще далеко.

Подводя итог состоянию Московского княжества во вто-

рой половине XV в., следует отметить, что в нем создались все предпосылки к тому, чтобы стать ядром формирующегося русского национального государства. Власть московского князя упрочилась настолько, что право на великое владимирское княжение он стал передавать по наследству. Сама территория Владимирского княжества превратилась в наследуемое владение. Без особого труда были присоединены Нижний Новгород, Муром, Суздаль, Вологда и Белоозеро.

Расширение владений, усиление власти и увеличение материального благосостояния московского князя привели к тому, что именно к нему на службу устремились бояре и воины (дети боярские) из других княжеств. На его землях стали охотно селиться пашенные люди. Московское княжество становится самым многолюдным, хотя вряд ли его население было больше нескольких миллионов (считается, что около 6).

Одновременно процессу усиления Московского княжества шел процесс ослабления и распада Золотой Орды. Смуты второй половины XIV в. привели к тому, что на месте единого государства образовалось несколько самостоятельных ханств. При впадении Камы в Волгу появилось Казанское ханство. После разгрома Тимуром городов в Нижнем и Среднем Поволжье Тохтамыш бежал в Киев, потом в Крым, и там сформировалось Крымское ханство. Новые ханства соперничали с Большой Ордой и этим еще больше ее ослабляли.

Московские князья пристально следили за ситуацией в Орде и ловко использовали в своих целях. Собранная ежегодная дань очень часто оседала в их казне. Отправленные в Новгород и Псков наместники действовали в интересах Москвы, готовя почву для их окончательного присоединения.

Получалось, что, поступая по указке Золотой Орды, великие князья создавали условия для будущего объединения русских земель в централизованное государство. Ведь после свержения ига сам князь становился государем всея Руси, его наместники – чиновниками, дань – государственным налогом. Оставалось только одно – сбросить ордынское иго.

Глава 16. Великие деяния государя всея Руси Ивана III

§ 1. Вступление на престол

После смерти Василия II Тёмного московский и великокняжеский стол получил его старший сын Иван. Он родился 22 января 1440 г., перенес с отцом немало лишений (к примеру, в феврале 1446 г. он едва спасся с младшим братом Юрием, когда заговорщики схватили его отца в Троице-Сергиевом монастыре) и после ослепления Василия стал его очами и главным помощником во всех делах. Чтобы закрепить за сыном престол, отец рано женил его (в 12 лет) на дочери тверского князя Бориса Александровича Марии. Обручение княжича состоялось еще раньше, в 1447 г., когда вся великокняжеская семья находилась в изгнании. В то время взрослыми считались лишь женатые мужчины.

С 1451 г. в официальных документах Иван именовался уже великим князем. Поскольку борьба с мятежным Дмитрием Шемякой еще не была завершена, а в 1452 г. юный князь по воле отца возглавил московскую рать, направившуюся в многодневный поход на далекий Север к устью Ваги, чтобы окончательно разгромить врага. С этим испытанием он успешно справился. В страхе Дмитрий бежал в Новгород,

где вскоре умер.

Имя Ивана, как соправителя отца, постоянно встречалось в официальных документах того времени, даже в носивших международный характер, например, под договором Москвы с Великим Новгородом от 1456 г.

В 1459 г. юному князю вновь пришлось возглавить московское войско, чтобы отразить набег хана Ахмата. В 1460 г. он «ведал» Москвой, пока отец с братом разрешали проблемы с Новгородом Великим, и в это время у него уже был наследник, двухлетний сын Иван, получивший прозвище Молодого.

Василий II Тёмный скончался 27 марта 1462 г., оставляя этот мир спокойно. Преемственность его престола была надежно обеспечена.

Хотя Иван III получил великое княжение по отцовской духовной грамоте, он не стал нарушать традицию и безропотно принял ярлык из рук ханского посла. Время окончательного разрыва с Ордой еще не пришло. Впереди была борьба с непокорным Новгородом Великим.

Как уже отмечалось, Московское княжество к тому времени простиралось на север до Великого Устюга. Лишь Ростовское и Ярославское княжества вторгались в него узкими полосами. Поэтому уже в начале своего княжения Иван III решил покончить с их самостоятельностью, но не силой, а мирным путем – куплею. Ярославские и ростовские князья уже давно раздробили свои владения и самостоятельной роли не

играли. Поэтому с готовностью перешли под великокняжеский патронат, пополнив когорту служилых князей, стоящих у престола.

Особой заботой великого князя была охрана границ. Особенно напряженная обстановка складывалась в отношениях с Казанским ханством, которое предъявляло территориальные претензии, препятствовало волжской торговле и грабило приграничные русские города. Понадобилось совершить три похода на Казань (с 1467 по 1489 гг.), пока после успешной осады Казани Юрием Васильевичем, братом Ивана III, не был заключен мирный договор. Он был в силе почти десять лет, позволяя великому князю решать свои дела на Западе.

§ 2. Присоединение Новгорода

В Новгороде Великом тем временем назревала смута. Ее затевала вдова посадника И. Борецкого Марфа с сыновьями. Они не желали подчиняться московским порядкам и подговаривали городскую боярскую верхушку перейти под патронат польского короля и великого князя литовского Казимира IV. Он обещал, что сохранит городские вольности и не будет вмешиваться во внутренние дела Новгорода.

В 1470 г. ситуация обострилась. Умер новгородский архиепископ Иона, и встал вопрос о том, где и от кого поставляться новому владыке: в Москве или в Киеве, где были разные

митрополиты? Чтобы обезопасить себя, новгородцы пригласили на службу литовского князя Михаила Олельковича с дружиной. Но, на всякий случай, московского наместника не прогнали. Он-то и известил Ивана III о про литовских настроениях в городе.

Когда выяснилось, что новый архиепископ Филофей не намерен ехать в Москву, Иван решил пресечь крамолу огнем и мечом. К лету 1471 г. начался сбор войск. К московским отрядам присоединились полки из Твери, имевшей с великим князем союзнические отношения, Вятки и даже Пскова, соперника Новгорода в торговых делах.

В начале июня десятитысячный авангард во главе с князем Д. Д. Холмским выступил в путь. За ним отправились полки во главе с известным воеводой князем И. В. Стригой-Оболенским и самим Иваном III. Уже в конце июня Холмскому удалось захватить Старую Русу и разбить несколько новгородских отрядов. Решающая битва состоялась 14 июля на реке Шелонь. Новгородское войско было полностью разгромлено. Вся боярская верхушка попала в плен. Потерпели поражение и новгородские полки, стоявшие на Двине.

Как видим, за каких-то 70 с небольшим лет московские силы настолько возросли и окрепли, что смогли за месяц сломить некогда грозного противника – Новгородскую республику. Согласно мирному договору, новгородцы признавали себя «отчиной великого князя», какие-либо самосто-

ятельные сношения с иностранными державами, в первую очередь с Литвой, им запрещались. В управлении городом большую роль стали играть великокняжеские наместники и дворецкий. Многие северные волости перешли во владение Ивана III. За свои вины новгородцы были обязаны заплатить огромную по тем временам сумму в 16 тыс. руб. Четверо главных зачинщиков смуты были публично казнены, остальных под конвоем отправили в коломенскую тюрьму. Однако это было только началом окончательной ликвидации Новгородской республики.

Первоначально после победы над новгородцами Иван III не ликвидировал их городское самоуправление; остались и вече, и должность посадника. Однако внутренние раздоры в городе привели к тому, что часть жителей, недовольная самоуправством посадника Ананьина, обратилась с жалобами на него к Ивану III. Тот решил отправиться в Новгород «с миром», но со многими людьми, чтобы во всем разобраться. В конце октября 1475 г. он выехал из Москвы и уже у Вышнего Волочка был встречен жалобщиками. Новгородские власти во главе с архиепископом Феофилом постарались оказать великому князю всяческие почести и преподнесли множество даров. Не отстали от них и жалобщики.

26 ноября на Городище состоялся княжеский суд. Иван счел обвинения в адрес посадника и его сторонников справедливыми и приказал их арестовать и отправить в оковах в Москву. Кроме того, с них была взыскана огромная по тем

временам сумма штрафа – 1500 руб.

Новгородцам понравился справедливый суд Ивана III, и с того момента многие из них стали ездить в Москву и просить там защиты от своих обидчиков. Однако оставались в городе и сторонники отделения Новгорода от Москвы и присоединения к польскому государству. В мае 1477 г. они подняли мятеж против сторонников великого князя и убили их. Великому князю они написали, что не желают называть его государем и тиунов его (т. е. судьей) к себе пускать не намерены.

Новгородские события заставили Ивана III вновь взяться за оружие и во главе войска отправиться наводить порядок в своей отчине. В октябре с четырьмя полками он выступил в поход. На всем пути к нему с подарками приезжали челобитчики, просившие принять их на службу. Выслали послов и новгородские власти. Им Иван III заявил, что пришел навести в городе порядок и от своего намерения не откажется, поскольку в городе слишком много изменников.

27 ноября московские полки расположились на льду озера Ильмень. Новгородцы решили пойти на уступки великому князю и отправили к нему послов. В ходе многодневных переговоров выяснилось, что Иван III ни о чем договариваться не хочет и твердо решил присоединить город к своему государству, т. е. ликвидировать в нем самоуправление и назначить свою администрацию. Новгородским властям пришлось с этим смириться, поскольку отстаивать свои вольно-

сти с оружием в руках они не могли: возглавлявший их рать князь В. В. Шуйский отказался им служить и перешел на сторону великого князя.

14 декабря было объявлено, что в Новгороде не будет ни веча, ни посадника, а вечевой колокол будет снят и отправлен в Москву. Но великий князь не будет лишать новгородцев их имений и земельных владений, самих же их не будет назначать на службу в столицу. Для содержания его администрации следует выделить половину волостей архиепископских и монастырских и все новоторжские (г. Торжка). Кроме того, все население обязано платить ежегодную дань по полгривны с сохи (соху составляли три пахаря с лошадьми).

15 января князь И. Ю. Патрикеев с четырьмя московскими боярами получил от новгородцев грамоту с 58 печатями о том, что они клянутся верно служить Ивану III. После этого князь стал приводить новгородцев к крестному целованию. Новыми наместниками были назначены князья И. В. Стрига-Оболенский и его брат Ярослав.

Стремясь искоренить крамолу, великий князь, кроме того, приказал схватить главных сторонников польского короля – М. Панфилова и М. Борецкую с несколькими горожанами. Их отправили в московскую тюрьму. Однако вскоре оказалось, что эта мера была явно недостаточной. Менее чем через два года наместники стали доносить, что владыка Феофил и некоторые знатные новгородцы ссылаются с польским королем Казимиром и хотят восстановить прежние вольно-

сти.

Ситуация осложнялась тем, что польский король вошел в союзнические отношения с золотоордынским ханом и планировал совместный поход на Москву. Кроме того, активные действия великого князя по централизации власти и земель в своих руках вызвали неудовольствие у его братьев Андрея Большого и Бориса Волоцкого, и те задумали измену. Им не понравилось, что старший брат не поделился с ними ни землями рано умершего Юрия Дмитровского, ни конфискованным добром арестованных новгородских бояр. Со своим войском они отправились в Псков и вознамерились «отъехать» в Литву. В итоге число союзников у Ивана III уменьшилось, а число врагов возросло. Но это не остановило его от того, чтобы навести в Новгороде порядок. В октябре 1479 г. он с небольшим отрядом отправился в свою отчину, якобы с миром. На самом деле его сын Иван Моло́дый уже собирал большое войско для усмирения непокорных. Когда все полки прибыли, великий князь вновь приступил к городу и потребовал, чтобы перед ним были открыты ворота. Но горожане ответили отказом. Только после того, как московские пушки начали стрелять по городским укреплениям, владыка, новый посадник, тысяцкий и знатные новгородцы вышли к Ивану. Тот сделал вид, что прощает ослушников, но войдя в город, начал расправу.

Архиепископ Феофил был сведен с кафедры и отправлен на покаяние в Чудов монастырь в Московском Кремле. Все

его богатства были отписаны в казну. Архиепископом стал старец Троице-Сергиева монастыря Сергий, правде, уже в 1484 г. новгородцы заставили его покинуть город. К этому времени владыка тяжело заболел.

В ходе расследований были выяснены имена 100 главных заговорщиков, и они были казнены по приказу великого князя. 100 других знатных семейств были разосланы по городам бывшего Московского княжества. Эта политика переселения продолжилась и позднее.

В 1478 г. 50 наиболее богатых новгородских купцов были отправлены во Владимир. В 1478 г. более 7000 новгородцев перевели в Нижний Новгород, Муром, Переяславль, Ростов, Кострому. На их место приехали жители Москвы и других центральных городов.

Одновременно предпринимались меры по присоединению к Москве всех принадлежащих Новгороду земель на Севере. Наибольшее сопротивление оказала Вятка. Ее воевода даже пытался нападать на великокняжеские города и села в Великоустюжской волости. Кончилось дело тем, что в 1489 г. великий князь отправил против вятчан войско во главе с князем Д. Шеней и Г. Морозовым. Те осадили город и вынудили его сдаться. Главные противники Москвы были повешены, а остальные представители знати с женами и имуществом были отправлены в Боровск, Алексин и другие города.

Политика переселения оказалась более эффективной, чем аресты и казни. Лишенные родных корней, свободолюбивые

горожане уже не имели возможности бороться с Иваном III. В чужой местности они находились под бдительным оком великокняжеской администрации и были разобщены.

§ 3. Конец татаро-монгольского ига

Процесс укрепления и усиления Московского княжества шел параллельно с процессом развала и дряхления Золотой Орды. После отделения от нее Казанского и Крымского ханств она даже называться стала иначе – Большая Орда. Умелая политика московских князей привела к тому, что крымские ханы, враждовавшие с золотоордынцами, стали их союзниками. Более того, некоторые опальные царевичи из Казани или Орды находили приют в Москве и служили великому князю.

Естественно, что в этих условиях Иван III вовсе не был склонен считать себя золотоордынским улусником и не хотел платить дань. Хан Ахмат был вынужден терпеть это, пока его собственное положение было непрочным и сил для похода на Русь было мало.

Если в начале правления Ивана III отношения с Большой Ордой были вялотекущими, то с Казанским ханством постоянно возникали военные конфликты. В 1467 г. служащий в Москве татарский царевич Касим попытался с помощью полков великого князя захватить власть в Казани. Но хан Ибрагим не позволил ему даже переправиться через Волгу и

направил вслед отступившим московским полкам свое войско. В итоге были разорены окрестности Галича. В отместку Иван III приказал выжечь земли около Казани. Столкновения продолжались весь 1468 г. Весной 1469 г. великим князем был предпринят более грандиозный поход на Казань. С помощью судовой рати предполагалось напасть с двух сторон: от Нижнего по Волге и от Вятки по Каме. Уже 21 мая русские ратники оказались у Казани. Используя элемент внезапности, они взяли посады, посекли сонных татар и освободили всех пленников. Вскоре казанцы запросили мира, и он был подписан. Однако, когда один из отрядов из Вятки попытался проплыть мимо Казани к Нижнему Новгороду, то ему пришлось вновь силой оружия прокладывать себе путь среди казанских судов.

Это заставило великого князя направить новое войско против непокорных казанцев. Осенью 1468 г. его возглавили удельные князья Юрий и Андрей Васильевичи. Увидев грозные московские полки, хан Ибрагим снова запросил мира и согласился отпустить всех пленников, которые находились в Казани уже несколько десятилетий. Этот мирный договор оказался более прочным, чем предыдущие, и на несколько лет обезопасил восточные границы Русского государства.

Начавшееся после смерти Ибрагима междоусобие его сыновей еще больше ослабило Казанское ханство. Иван III поддержал Магмет-Амина и помог ему стать новым ханом. В благодарность тот стал считать себя «братом» великого кня-

зя и установил с ним дружеские отношения.

Но если Казанское ханство не претендовало на то, чтобы считать Московию своей данницей, то хан Большой Орды Ахмат лишь ждал удобного случая для того, чтобы вновь поставить московского князя на колени. В 1471 г. он вступил в союзнические отношения с великим князем литовским и польским королем Казимиром и начал собирать поход на Москву. Летом 1472 г. он подошел к Алексину и начал готовиться к форсированию Оки.

Однако Иван III вовремя получил известия о ханском походе и принял меры по защите своих владений. На Оку напротив Алексина были направлены с войском его братья, сам он отправился в Коломну, затем в Ростиславль. В Серпухове расположился его брат Андрей. Общая численность русских войск по данным летописей достигала 180 000 человек.

Увидев перед собой грозные полки, хан Ахмат был вынужден отступить, ограничившись разграблением одного Алексина. После этого он попытался мирным путем добиться от Ивана III уплаты дани и несколько раз отправлял в Москву посольство. Однако великий князь уже давно почувствовал свою силу и быть данником Орды не собирался.

Тогда Ахмат решил выждать и в подходящий момент, когда ситуация в Москве ухудшится, нанести новый удар. При этом он не прекращал свои контакты с Казимиром. В начале 1480 г. от короля пришла весть о мятеже великокняжеских братьев Андрея Большого и Бориса Волоцкого и о походе

Ливонского ордена на Псков. Подстрекая Ахмата к походу на Москву, Казимир обещал присоединиться к нему со своим войском.

Не бездействовал и Иван III. Весной он заключил договор о взаимопомощи с крымским ханом Менгли-Гиреем, который обещал нейтрализовать Казимира, грозясь напасть на Литву.

Весной 1480 г. хан Ахмат стал собирать войска. Об этом тут же стало известно в Москве. Вновь по приказу великого князя на берега Оки отправились заградительные полки. Младший брат великого князя Андрей встал у Тарусы, сын Иван у Серпухова, сам государь направился в Коломну. Но Ахмат не захотел в одиночку форсировать широкую и многоводную Оку и направился к реке Угра, где, видимо, надеялся соединиться с Казимиром. В спешном порядке туда же двинулись московские полки и опередили хана. Все броды и переезды оказались в их руках.

Несомненно, Иван III был осведомлен о численности ордынских войск, о связях Ахмата с Казимиром и возможном их соединении, поэтому он принял меры не только к тому, чтобы достойно встретить противника, но и к тому, чтобы защитить столицу и обезопасить свою семью.

В Москве готовились к обороне города. Ее возглавили: князь М. А. Верейский, союзник великого князя, московский наместник князь И. Ю. Патрикеев, дьяк В. Мамырев, митрополит Геронтий, ростовский архиепископ Васси-

ан. Великая княгиня Софья, вторая жена Ивана III, с детьми и казной была отправлена на Белоозеро. В случае поражения мужа она должна была бежать на крайний Север, от туда – в Европу.

Сам Иван III первоначально никак не мог решить, где быть ему самому. Некоторые приближенные уверяли его, что сражаться с татарами ему не стоит, поскольку он может попасть в плен и держава окажется обезглавленной. Другие же, напротив, считали, что личным примером государь может поднять воинов на невероятные подвиги. Дело кончилось тем, что великий князь покинул полки и вернулся в Москву, то же самое он просил сделать и сына Ивана. Однако молодой княжич заявил: «Умру здесь, а к отцу не поеду».

С неодобрением к отъезду Ивана III из полков отнеслись и москвичи. Ростовский владыка Вассиан заявил князю, что за его бегство вся кровь христианская падет на его голову. Это окончательно убедило великого князя в том, что его место в войске.

Тем временем на Угре в октябре уже начались первые столкновения между передовыми отрядами ордынцев и русскими полками. Татары пытались из луков обстрелять русские позиции, но стрелы даже не долетали до них. Напротив, русские пищали наносили урон коннице противника и никому не давали возможности переправиться через Угру.

Однако ни Ахмат, ни Иван III не решались вступить в открытый бой. Великий князь тянул время, зная, что через ко-

роткое время снега покроют землю, и татарские лошади лишатся корма, а без конницы ордынцы реальной угрозы не представляли. Ахмат же пытался дождаться помощи от своих союзников. Но время оказалось на стороне Москвы.

Переговоры с Иваном III ничего не дали Ахмату. В его ставку не приехали ни сам великий князь, ни его родственники, ни даже бояре. Не появилась и подмога из Литвы. Простояв до 11 ноября на берегу Угры, со своим замерзающим и голодающим войском хан двинулся назад, но не через русские территории, которые охранялись великокняжескими войсками, а через земли своего союзника Казимира, как бы мстя за его измену. Следует отметить, что польский король в это время отражал атаки крымского хана на Подолию и стоять против Москвы не мог.

Нагруженный добычей Ахмат решил зазимовать в устье Донца, но в январе был убит своим противником ханом Иваком. Последний, желая подольститься к великому князю и получить подарки, отправил в Москву посла с известием, что главного врага Ивана III уже нет в живых. Так окончательно было покончено с многовековым золотоордынским игом. Отныне великий князь даже формально не должен был считать себя чьим-либо данником или улусником. Он становился государем всех русских земель, некогда подчинявшихся Орде.

Наконец-то титул Ивана III без всяких оговорок мог звучать так, как он был обозначен в знаменитом «Послании

на Угру» владыки Вассиана: «Благоверный, христолюбивый, благородный. Богом венчанный и Богом утвержденный, в благочестии всей вселенной в концы воссиявший, в царях пресветлейший, преславный государь великий князь Иван Васильевич всея Руси». С ханскими ярлыками было покончено раз и навсегда.

§ 4. Расширение границ государства

После присоединения Новгорода и его северных владений вопрос о собирании Москвой всех русских земель не был закрыт. Оставались независимыми Рязанское и Тверское княжества, Псков и ряд других городов, входивших в состав Древней Руси. Но слияние их с владениями Ивана III было лишь делом времени, поскольку государь объявил себя единственно законным наследником великих князей Киевских. В свой титул он даже включил добавление «государь всея Руси».

Рязанский князь Василий еще во времена Василия Тёмного был взят в Москву и там воспитывался. В 1464 г. Иван III отпустил его на родину, но связи с ним не прервались, поскольку он женился на сестре великого князя Анне. Напротив, молодая чета очень часто приезжала к своим родственникам в столицу. В 1483 г. рязанский князь Василий умер, завещав свое владение старшему сыну Ивану. Тот сразу же заключил договор со своим московским дядей, по которому

значился как младший брат великого князя и его сын с правами и обязанностями удельного князя. Во внешних сношениях он не имел никакой самостоятельности и был обязан выполнять указания из Москвы.

После смерти Ивана Рязанского в 1500 г. его сын Иван попал в еще большую зависимость от великого князя. Это предрешило судьбу его владений.

С Тверью отношения складывались сложнее. Пока была жива первая жена Ивана III Мария, сестра тверского князя Михаила Борисовича, связи между двумя княжествами были самые дружественные. Однако с 1484 г. Михаил Борисович стал все больше поглядывать в сторону Литвы и даже вступил в родственные отношения с Казимиром. В итоге был заключен договор, по которому тверской князь обязывался во всех делах помогать новому родственнику. Он явно носил анти московскую направленность. Это сразу же стало ясно Ивану III. В ответ он направил свои войска в Тверскую землю и начал наводить там порядок. Казимир не пришел на помощь Михаилу Борисовичу, и тот был вынужден признать главенство Москвы. По новому договору его права приравнивались к правам удельного князя, и он лишался самостоятельности во внешнеполитических делах.

С потерей независимости Михаил Борисович лишился и ближнего окружения. Все его видные князья и бояре отъехали ко двору Ивана III, который щедро наделил их новыми земельными владениями. В этих условиях Михаил вновь по-

пытался сблизиться с Литвой и даже отправил к Казимиру гонца. Но тот был схвачен и допрошен в Москве. Великому князю стало ясно, что тверскую крамолу следует выжигать огнем и мечом. 8 сентября 1485 г. московское войско окружило Тверь. После того как посады были сожжены, тверская знать в массовом порядке начала переходить на сторону Ивана III и проситься к нему на службу. Под покровом ночи Михаил Борисович был вынужден бежать в Литву, а его владения перешли в распоряжение великого князя. Править Тверью он отправил своего старшего сына Ивана, приходившегося Михаилу Борисовичу племянником. Поэтому формально Тверское княжество еще какое-то время продолжало существовать.

Довольно долго сохранял независимость верейский князь Михаил Андреевич. Он считал себя союзником Ивана III и активно помогал ему в борьбе с ордынцами. Более того, он даже породнился с великим князем через его вторую жену Софью Палеолог. Он, женил своего сына Василия на ее племяннице. В качестве подарков от тетки греческая княжна получила некоторые ювелирные украшения первой жены Ивана III. Узнав об этом, великий князь возмутился, но вместо того, чтобы наказать свою жену, он обрушился с опалой на ни в чем не повинного верейского князя Михаила Андреевича. Когда его сын Василий с женой бежали в Литву, тот лишился своего удела. В духовной грамоте он был вынужден написать, что свою отчину передает «господину и госуда-

рю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Этим он признавал права Ивана III считаться властителем всех русских земель.

Удачи в деле собирания земель привели к тому, что дремавшие до этого самодержавные устремления Ивана III стали проявляться все ярче и ярче. Особенно заметно это проявилось в его взаимоотношениях с братьями. В 1472 г., после смерти Юрия Дмитровского, он без всякого совета с остальными братьями присоединил его владения к своим. Среди них были такие стратегически важные и крупные города, как Можайск, Дмитров, Серпухов. Затем он заставил Андрея Угличского и Бориса Волоцкого подписать с ним договоры о том, что после его смерти они не будут искать великое княжение и отнимать его у его детей. Далее он решил наложить свое вето на переход служилых князей и бояр от одного удельного двора к другому. Отныне можно было переходить на службу только ко двору великого князя. Удельные же князья не имели права никого у себя привечать. Это вызвало возмущение у великокняжеских братьев Андрея и Бориса, и они даже задумали отъехать в Литву. Это было как раз накануне «стояния на Угре» против хана Ахмата. Объединившись, вместе с семьями и слугами, удельные князья двинулись в Великие Луки. Оттуда они отправили гонцов к Казимиру, прося помощи в ссоре с братом. Но великий князь литовский и польский король отказался быть посредником и лишь согласился принять княжеских жен и дать им

в кормление Витебск. Тогда удельные князья направились в Псков. Там их сначала приняли с радостью в надежде, что они станут защищать горожан от Тефтонского Ордена. Но у братьев были иные планы. Они разрешили своим воинам грабить самих псковичей, отбирая продовольствие и ценные вещи.

В это время Иван III готовился сбросить ордынское иго и очень нуждался в союзниках против Ахмата. Узнав о его затруднениях, Андрей и Борис согласились помочь при условии, что, получат прибавку к своим владениям. Выбора у великого князя не было, и он согласился на уступки. Отряды удельных князей прибыли на Угру и существенно усилили русское войско.

Хотя после «стояния на Угре» Иван III и поделился с братьями своими землями, но тем недолго пришлось ими владеть. После смерти младшего брата Андрея Меньшого великий князь по завещанию получил все его владения. Это заставило его обновить договоры со средними братьями. С 1486 г. те уже не имели права пользоваться уделами кого-либо из умерших братьев, не могли претендовать и на Верейское княжество, Новгород, Псков, Тверь и Кашин, поскольку великий князь получил их «своим промыслом», по старшинству. В договоре вновь подчеркивалось, что удельные князья во всем должны были поддерживать великого князя и предоставлять в его распоряжение свои полки.

Но Андрей и Борис до конца не хотели осознать свою за-

висимость от старшего брата.

В 1491 г. Иван III приказал братьям послать свои войска на помощь своему союзнику – крымскому хану Менгли-Гирею. Но Андрей не подчинился и не отправил своих воинов, полагая, что русские люди не должны помогать татарам. Этим, как оказалось, он подписал себе приговор. По приказу великого князя его схватили и бросили в тюрьму. В конце 1494 г. в заточении он умер. Его сыновья разделили участь отца.

Борис Волоцкий умер своей смертью и даже смог передать удел сыну. Но тот уже никакой самостоятельной роли не играл и безоговорочно подчинялся Ивану III.

Таким образом, к концу XV в. сформировалась основная территория Русского централизованного государства со столицей в Москве. Иван III сосредоточил в своих руках огромную по тем временам державу, простиравшуюся от Баренцева моря и Северного Ледовитого океана на севере, Балтийского моря на западе, Уральских гор – на востоке, верховий Дона – на юге. Хотя русские земли несколько веков находились под властью Золотой Орды, процесс их объединения в национальное государство был синхронен образованию национальных государств в Западной Европе. К концу XV в. Франция очистила свою территорию от англичан и стала одной из крупнейших стран в своем регионе. Англия покончила с братоубийственной войной Алой и Белой розы и сплотилась вокруг новой династии – Тюдоров. Великое княже-

ство Литовское в унии с Польским королевством успешно отстаивало свои позиции в борьбе с Тевтонским орденом и еще пыталось стать главным объединительным центром для южной части Древнерусского государства. Однако непримиримые противоречия между католиками и православными подрывали внутреннее единство этого государственного образования.

Несомненно, Иван III хорошо знал ситуацию в соседней Литве, поэтому после укрепления своих позиций внутри страны обратил свой взор на ее земли. Ведь он, как потомок Рюрика, считал своей отчиной все земли Киевской Руси. Русские князья, проживавшие на литовских землях и подчинявшиеся Казимиру, с симпатией смотрели на московского великого князя. Его успехи по собиранию земель и в отстаивании независимости своего государства свидетельствовали о силе и мудрости. Поэтому в 1482 г. несколько литовских князей православного вероисповедания, в их числе Михаил Олелькович, которого новгородцы когда-то приглашали оборонять их город, Фёдор Бельский и другие задумали перейти на службу к Ивану III вместе со своими владениями, простиравшимися до Березины. Но Казимиру донесли об их планах, и он решил нанести удар первым. Князю Бельскому пришлось бежать прямо из церкви, где он венчался. В Москве он был принят с ласкою и пожалован новгородскими землями. С этого времени переход на русскую службу литовских князей стал частым явлением. Многим из них не нравилось

засилье в Литве польского католического духовенства.

Вместе с тем обострились и русско-польские отношения. Для разрешения конфликта Иван III решил привлечь своего союзника крымского хана. Уже в сентябре 1482 г. древний Киев был им сожжен и разграблен.

Вместо агрессии против Новгорода и Пскова Казимир был вынужден оборонять свои собственные земли и подписать с Москвой мирный договор на 10 лет.

Еще одним союзником Ивана III в борьбе с польским королем Казимиром стал Молдавский господарь Стефан. Его жена была двоюродной сестрой великого князя. Дружеские отношения были закреплены браком Ивана Молодого и дочери Стефана Елены. Свадьба состоялась в самом начале 1483 г.

В 1492 г. срок перемирия Русского государства с Великим княжеством Литовским и Польским королевством истек. Великий князь стал понимать, что война неизбежна. Смерть короля Казимира лишь ее ускорила, поскольку его владения оказались поделенными между двумя его сыновьями. Это ослабило польско-литовское государство. В начале 1483 г. на службу к Ивану III выехали князья Воротынские, Иван и Семен, с отчинами и захваченными городами Серпейск и Мещовск. В это же время великокняжеские воеводы князья Данила Щеня и Василий Патрикеев взяли Вязьму. С отчиной приехал служить и князь М. Р. Мезецкий.

Видя, что его держава тает на глазах, великий князь ли-

товский Александр, сын Казимира, решил упрочить свое положение браком с дочерью Ивана III Еленой. Переговоры по этому поводу тянулись несколько лет, пока в январе 1495 г. Иван III не согласился отдать дочь литовским послам.

Однако этот брак не улучшил отношений между соседями, поскольку Елена постоянно жаловалась отцу на притеснения со стороны мужа из-за того, что она отказывалась принять католичество. Недовольны были правлением Александра и многие русские князья. Вскоре начался их массовый переход на сторону Ивана III. Среди них были: С. И. Бельский, внук Шемяки Василий Иванович, сын И. А. Можайского Семён Иванович, князь Мосальский. Вместе с собой они забирали свои волости: Чернигов, Стародуб, Гомель, Любич, Рыльск, Новгород Северский. Чтобы защитить их владения, великий князь приказал своим воеводам занять города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск, Путивль, Дорогобуж. Это не понравилось Александру, и он приказал своему гетману К. Острожскому выступить в поход. Решающая битва состоялась 14 июля 1500 г. на реке Ведроша. Русский полководец князь Д. Щеня действовал настолько успешно, что литовцы были разбиты, а гетман попал в плен. Другие воеводы взяли Торопец, Оршу, Мстиславль.

Все это существенно расширило владения великого князя на западе. Великое княжество Литовское ослабло настолько, что реальным соперником Москвы уже быть не могло.

В условиях полного разгрома великий князь литовский

Александр был вынужден заключить с Иваном III мир. При посредничестве венгерского посла договорились, что шесть лет будет длится перемирие, во время которого литовская сторона не будет претендовать на владения государя и великого князя всея Руси: земли московские, новгородские, псковские, рязанские, пронские, вотчины князей Семёна Стародубского, Василия Шемячича, Семёна Бельского, князей Трубецких, Мосальских, а также на города – Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белая, Торопец, Острой. Всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища, 13 сел.

Договор был подписан 25 марта 1503 г. и действовал до 1509 г. Иван III не ограничился присоединением земель Великого княжества Литовского. Он понимал, что для успешного развития торговли с Западной Европой необходим выход в Балтийское море. Поэтому в 1492 г. на берегу реки Наровы напротив крепости Нарва возвел русское укрепление, названное Иван-городом. Чтобы закрепить успех, в 1495 г. войско великого князя вторглось в шведские владения и вскоре дошло до Выборга. В следующем году была разорена вся Финляндия. В ответ шведы сожгли Иван-город и заставили Ивана III подписать мирный договор на шесть лет. Но для потомков это направление расширения русской территории уже было обозначено.

Следует отметить, что земли Русского государства посте-

пенно расширялись и на восток. С 1487 г. Казанское ханство считало себя вассалом Москвы. Одновременно началось подчинение и присоединение поволжских народов: чувашей, мордовцев, марийцев.

Вятская земля какое-то время пыталась сохранить независимость. Но летом 1489 г. «за неисправление вятчан» Иван III отправил против них рать во главе со своим прославленным полководцем князем Д. В. Щеней. Войско быстрым маршем добралась до главного города Хлынова и окружила его. Горожане не стали ждать штурма и сдались. Чтобы прочно укрепиться в этой земле, великий князь использовал прежнюю тактику переселения наиболее знатных людей с захваченной территории в свои центральные города.

После присоединения Вятки началось освоение этого края. В 1491 г. на реке Цыльма были найдены залежи серебряной и медной руды, туда были отправлены экспедиции промышленников, которые занялись выплавкой металлов. Однако полностью обеспечить все потребности государства в серебре и меди они не смогли. Их приходилось доставлять из Европы.

В конце 90-х годов начинается продвижение на Урал и Зауралье – в бескрайние сибирские просторы. В 1499 г. был даже предпринят поход на земли нижней Оби. Он как бы стал предвестником будущего интенсивного освоения Сибири, начавшегося почти через 100 лет.

§ 5. Во главе единого государства

Присоединение к бывшему Московскому княжеству, ставшему ядром единого Русского государства, новых земель привело к тому, что под властью Ивана III оказались весьма разнородные по своему устройству территории. Удельные княжества ранее управлялись их владельцами, новгородские земли – вечем и посадниками, Северские города – литовской знатью, и т. д. Необходимо было все это разнообразие привести к единому образцу и установить единовластие и единый для всех закон.

Прежде всего, Иван III, как уже отмечалось, принял новый титул «государя и великого князя всея Руси». Отныне при переписке с ним внутри страны все были обязаны обращаться к нему только в такой форме. Более того, он назвал себя самодержцем и объявил, что волен в своих великих княжествах: кому хочет, тому их и отдает. Вновь присоединенные земли он стал считать своей собственностью и раздавал служилым людям за их службу в поместье. Данная форма землевладения была новой временной формой землепользования, поскольку не была наследуемой. После смерти служилого человека его поместье могло вновь отойти в казну. Отписывались в казну и имения лиц, попавших в опалу.

Таким образом, Иван III провозгласил себя не только верховным правителем, но и собственником территории, входя-

щей в его государство. Когда имперский посол предложил ему принять от германского императора королевский титул, Иван заявил, что его предки сами владели своей державой, поэтому ни в каком «поставлении» он не нуждается.

Еще одним новшеством стало то, что удельные князья полностью потеряли свою самостоятельность. Они были обязаны служить и подчиняться государю. Князья Рюриковичи и Гедиминовичи, хотя и заняли в придворной иерархии первое место, но все больше и больше стали сливаться с боярством. Лишь наиболее знатные из них считались служилыми князьями и сохраняли при великом князе некоторую независимость и достаточно высокое положение. Например, долгое время князь И. Ю. Патрикеев, из рода Гедиминовичей, считался московским наместником и главой правительства. Князь В. Д. Холмский, потомок тверских князей, даже смог жениться на великокняжеской дочери Феодосии. Но если при деде и отце Ивана III даже дети боярские могли служить тому, кому хотели, то отныне никто не имел права покидать по своему усмотрению великокняжескую службу. Ослушников ждало суровое наказание. Уже с 1474 г. стала вводиться практика крестоцелования. Она заключалась в том, что служилый князь или боярин давал на себя крестоцеловальную запись, в которой обязывался служить государю и великому князю до самой своей смерти. Поручителями по нему выступали церковные иерархи и представители знати. В случае измены их поручника они обязывались запла-

тить крупный штраф Ивану III. Получалось, что такие записи превращали служилых людей в кабальных холопов великого князя.

Не только сами удельные князья потеряли независимость, но их дворы в случае необходимости должны были сливаться с великокняжескими. Главным совещательным органом при государе оставалась Боярская дума. Но число бояр существенно возросло. В нее влились князья присоединенных земель. Из них назначались наместники в крупные города, главные воеводы. Непосредственно при Иване III находилась Ближняя дума, состоящая из четырех бояр. Став государем, он еще не вознес себя не небывалую высоту и часто устраивал совместные пиры со своими боярами.

Изменение статуса великого князя сказалось и на его дворе. Растет число обслуги, среди которой появляются новые должности: постельничего, постельного дьяка, занимавшихся охраной и обустройством постельных покоев, сокольничего и ясельничего. Первый ведал ловчими птицами, второй – кормом для лошадей.

Некоторые исследователи (С. М. Соловьёв и другие) предполагают, что при Иване III появились первые приказы: Разрядный, Холопий, Житный.

Однако в источниках сведений о них нет. Возможно, существовали лишь определенные лица, занимавшиеся формированием войска, сбором продовольствия для великокняжеского дворца. Несомненно, должна была быть служба, ве-

давшая сбором налогов, т. е. казна. Ведь в виде дани они собирались с конца XIII в. Известно, что сбор налогов осуществлялся по территориям называвшимися четвертями. Их было четыре: Московская, Владимирская, Новгородская и Рязанская. Со всех земель центральных областей собирался единый налог – по полгривны с сохи. Однако размер сохи был разным: хорошей земли – 800 четвертей, средней – 1000, худой – 1200. В городах соху составляли несколько дворов, при этом учитывался достаток их владельца. Так, средних дворов входило в два раза больше, чем лучших, а младших – в четыре раза больше. Это было сделано для того, чтобы облегчить тяжесть налогов для беднейшего населения.

Кроме посошного обложения, налогами и пошлинами облагались все торговые операции по купле и продаже товара, осуществляемые в крупных городах.

В итоге казна великого князя собиралась не только в Москве, но и в Твери, где этим занимался дворецкий, в Новгороде – наместник, а также на Белоозере и в Вологде. Доходы великого князя были неизмеримо больше, чем у его предков.

Определенные изменения произошли и в армии. Для широкомасштабных походов Ивана III прежние старшая и младшая дружины уже были недостаточны. Полков становится пять: Большой, Правой и Левой руки, Передовой, Сторожевой. Общее число воинов в них могло достигать 180 000 человек (во время стояния на Угре). Во время отдельных по-

ходов численность войска колебалась от 20 000 до 40 000. Рост войска произошел как за счет новых владельцев поместий – детей боярских, так и за счет обязательной воинской повинности. В некоторых местностях с четырех сотен жители обязаны были поставлять в войско одного воина на коне, в других – с десяти сотен.

На воинскую службу принимали также «охотчих» людей, представителей купеческого сословия, казаков и даже татар, состоящих на службе у татарских царевичей. Все это свидетельствует о том, что старое дружинное начало формирования войска начинает отмирать.

Главным свидетельством создания единого государства стал свод законов – Судебник 1497 г., который ввел одинаковые судебно-процессуальные нормы во всех частях страны. Отныне судить спорные и уголовные дела должны были великокняжеские наместники и волостели вместе с дьяками. Особо сложные дела выносились на суд самого государя. При этом право суда имели не все бояре, окольничие и т. д., а лишь те, кто получал его от великого князя.

Целый ряд преступлений предусматривал смертную казнь: убийство господина, крамола, воровство церковного имущества, похищение людей, поджог, многократное воровство или иное тяжкое преступление.

Для доказательства вины использовались свидетельские показания, арест с поличным, судебный поединок и клятва (крестоцелование).

Статьи Судебника относились не только к уголовным преступлениям, но и регулировали взаимоотношения между людьми во время торговых операций, наследственные вопросы. В нем было зафиксировано право крестьян переходить от одного владельца земли к другому один раз в год: за неделю до Юрьева дня (праздника в честь святого Георгия, 26 ноября) и неделю после. При этом крестьяне были обязаны заплатить «пожилое», размер которого зависел от числа прожитых у данного хозяина лет.

Новым в Судебнике Ивана III по сравнению с Русской Правдой было то, что месть и самосуд не допускались, истец вознаграждался за потери и обиды частью имущества обвиненного. Кроме того, в Судебнике четко регламенти-ровалось кому и как осуществлять судебный процесс.

Ко времени Ивана III относится появление на гербе русского государства изображения двуглавого орла. Исследователи до сих пор спорят, под чьим влиянием он возник, поскольку его изображение было не только на гербе Византийской империи, но и на гербах Болгарии, Венгрии, Священной Римской империи. Думается, что истоки этого изображения находятся все же в Византии. Остальные страны, считавшие себя наследниками погибшей империи, лишь заимствовали его. К их числу следует отнести и Русское государство, провозгласившее себя «Третьим Римом». Кроме того, некоторые иностранные дипломаты, пытаясь вовлечь Ивана III в антитурецкую коалицию, убеждали его, что через

жену, византийскую принцессу Софью Палеолог, он может претендовать на византийский престол.

Печать Ивана III имела не только изображение двуглавого орла, но и изображение на другой стороне всадника, поражающего копьем дракона. Всадник был на древнем гербе Московского княжества.

Создание единого государства было ознаменовано и другим важным событием – принятием нового календаря. Ранее год начинался с 1 марта, а с 1492 г. (по летосчислению от сотворения мира это был 7000 г., и некоторые церковники даже предсказывали конец света) началом года стало 1 сентября. Получалось, что новое вторгалось во все стороны жизни русских людей.

Изменился и статус Москвы. Теперь она была столицей обширного государства. Иван III с самого начала своего самостоятельного правления интересовался строительной деятельностью. В 1462 г. он поручил известному строителю Василию Ермолину отремонтировать часть обветшавшей стены белокаменного Кремля (от Свибловой стрельницы до Боровицких ворот) и Фроловские ворота.

После реконструкции с наружной стороны Фроловские ворота стал украшать резной горельеф с изображением Георгия Победоносца на коне, поражающим дракона, который представлял собой герб Московского княжества. С внутренней стороны ворот был изображен святой Дмитрий, покровитель Москвы.

В 1467 г. по просьбе матери великого князя Марии Ярославны Ермолин достроил собор Вознесенского монастыря – место погребения великих княгинь.

Иван III знал, что главным украшением любого города считался собор, где проходили праздничная служба, зачитывались важнейшие правительственные указы, объявлялись государевы распоряжения, сообщались всевозможные сведения и т. д. Прежний московский собор, возведенный еще при Иване Калите, был мал и сильно обветшал. Поэтому государь распорядился найти подходящих мастеров и возвести большой храм, похожий на Успенский собор во Владимире. В 1472 г. митрополит Филипп нашел двух русских мастеров, которые подрядились выполнить великокняжеский заказ. Строительство шло три года, но закончилось полным провалом – здание рухнуло, когда попытались перекрыть его сводами. Тогда пригласили мастеров из Пскова. Они заявили, что причина неудачи русских мастеров была в плохом качестве извести. Сами они, видимо, не взялись поправить дело, поэтому по совету жены Софьи Палеолог Иван III приказал своему послу в Италии подыскать там подходящего архитектора. Из многочисленных мастеров согласился отправиться в далекую Русь только один – Аристотель Фиораванти с сыном и учеником Петром.

Итальянский архитектор также сделал вывод, что русским мастерам не удалось возвести Успенский собор не из-за просчетов в проекте, а из-за плохого качества материала. По-

этому он приказал полностью разрушить все сооружение и под своим присмотром начал обжиг новых кирпичей. Строительство шло с 1475 по 1479 гг. С этого времени Аристотель стал любимейшим мастером великого князя. Он отливал пушки и колокола, чеканил монету, возводил мосты во время походов русского войска.

На этом строительная деятельность в Кремле не закончилась. Великий князь стал активнейшим образом выписывать в Москву всевозможных мастеров. В 1491 г. венецианский архитектор Марко Фрязин закончил строительство Грановитой палаты, предназначенной для торжеств. Старый деревянный дворец уже не сочетался с этой красивой постройкой, поэтому было решено возвести новый, каменный. Однако в 1493 г. новый дворец сгорел, и великокняжеской семье пришлось несколько лет ютиться в домах придворных. Только в 1493 г. был заложен новый дворец, с погребами и ледниками, поскольку до этого интенсивно отстраивались кремлевские стены и башни. Этой работой занимались итальянские мастера: Алевиз, Антон Трязин, Марко Фрязин. Не остались без дела и псковские мастера. Им была поручена постройка на великокняжеском дворе Благовещенского собора. В последние годы жизни Ивана III началась перестройка и Архангельского собора. Таким образом, все основные грандиозные постройки Кремля возникли именно тогда, когда формировалось русское национальное государство.

По приказу государя русские послы нанимали в европей-

ских странах самых разнообразных специалистов: рудознатцев, литейщиков, ювелиров, лекарей, оружейников и даже органного игреца. В их задачу ставилось отыскивать полезные ископаемые (серебряная и медная руды были найдены в бассейне р. Цымли), возводить здания и крепостные стены, отливать пушки, колокола, изготавливать украшения и дорогую посуду, лечить членов великокняжеской семьи.

Приглашая разнообразных специалистов к своему двору, Иван III стремился к тому, чтобы во всем походить на просвещенных европейских монархов, и организовывал свой быт по их образцу. Несомненно, что главной его советчицей была вторая жена – византийская принцесса Софья Палеолог (первое ее имя было Зоя), оказавшаяся в Риме под покровительством римского папы после захвата Константинополя турками. Брак русского государя и принцессы был заключен в ноябре 1472 г. при непосредственном участии Римского папы, планировавшего вовлечь Русское государство в анти турецкую коалицию. Но Иван III всегда действовал только в своих интересах. С помощью супруги он существенно расширил свои международные контакты. Ведь Софья была племянницей последнего византийского императора, ее отец Фома был Морейским деспотом, мать – знатной гречанкой, старшая сестра Елена – сербской королевой, младший брат Мануил принял мусульманство и жил в Константинополе при дворе турецкого султана, второй брат, Андрей находился под покровительством Римского папы, ино-

гда навещал сестру и выполнял ее поручения.

Иван III, несомненно, понимал, что его жена очень знатного происхождения, получила европейское образование и обладает широким кругозором. Поэтому он позволил ей иметь собственный двор, состоящий из ее дальних родственников и знатных греков, принимать иностранных послов. До этого великие княгини были заняты преимущественно домашними делами и в управление государством не вмешивались. При Софье дипломатические сношения с папой Римским и итальянскими государствами становятся весьма частыми. Москву посещают европейские дипломаты, которые ярко и образно описывают свои впечатления в записках и сообщениях. Эти сведения распространяются в европейских странах и знакомят общественность с Русским государством. К числу таких записок можно отнести «Путешествие в Персию» венецианского посла А. Контарини и «Сообщение о России» грека Г. Перкамота.

Контарини отметил, что в Москве в 1477–1478 гг. было много греков и итальянцев. Часть из них приехала с Софьей, часть была приглашена на службу великим князем. Свои впечатления от Ивана III и его семьи он описал так: «Государю от роду лет 35. Он высок, но худощав. Вообще, он очень красивый человек. У него есть два брата и мать, которая еще жива. Есть у него и сын от первой жены, но он в немилости у отца, т. к. нехорошо ведет себя с деспотиней (Софьей). Кроме того, у него есть две дочери, говорят, что

деспотина беременна». (В данном случае упоминаются дочери великого князя Елена и Феодосия).

Грек Перкамот свое сообщение записал в 1487 г. и в нем также сообщил об Иване III и его семье. Он отметил, что «у великого князя два брата и четверо сыновей. Все они имеют свои дворцы и земельные владения. В качестве главных советников при государе состоят четыре боярина. За свою службу они наделены землями, поэтому содержат пышные дворы. Всего же при великом князе находится до 3000 дворян. Государь очень любим и почитаем своими подданными. Обращается с ними с большой простотой и щедростью, иногда с ними пирует и развлекается тем, что заставляет всех много пить. При дворе содержатся большие собачьи своры, поскольку любимым занятием является охота».

Оба иностранца сообщили много сведений о торговле. Контарини описал огромный рынок на льду реки Москва, на котором можно было купить зерно, говядину и свинину целыми тушами, кур, гусей, зайцев рыбу, дрова и сено за очень небольшую цену. Торговля на нем шла до середины дня. Потом торговцы и покупатели отправлялись в таверны, где ели и пили. После обеда все отдыхали. Перкамот заметил, что русские люди одеты зимой в великолепные меха – лис, соболей, горностаев, белок. Летом – в шерстяные ткани, шелк, парчу, лен.

Все эти сведения свидетельствовали о процветании государства.

Действительно, объединение русских земель способствовало активному развитию торговли, ремесла, росту городов, увеличению количества пашенной земли. Подчинение Казани привело к тому, что Волжский торговый путь со странами Востока стал более спокойным и безопасным для русских купцов. Новгород, хотя и потерял независимость, но оказался под охраной великокняжеского войска. Строительство Иван-города открывало выход в Балтийское море. Присоединение Северских земель способствовало развитию товарооборота между западными и центральными районами.

Обширные международные связи Ивана III способствовали развитию торговли с различными странами. Так, московские купцы ежегодно отправлялись в Астрахань за солью. Ее везли по Волге, Оке и Москва-реке. Кроме того, они ездили в Кафу, Константинополь, Азов, Токату, откуда привозили шелк, всевозможные ткани, бумагу, кушаки, сафьян, сабли, луки, гребни, ожерелья, драгоценные камни, губки, ковры, жемчуг, ладан, мыло, орехи, имбирь, перец, миндаль, ревень, шафран, мускус, краски. Эти товары они возили потом в Киев, Полоцк, Вильно, Путивль. В Европе русскими товарами считались: меха белок, лис, бобров, горностаев, рысей, выдр, воск, мед, шелковые ткани, шубы, кожухи, епанчи, шапки, однорядки, овчины, щиты, бубны, некоторые москательные товары.

Приезжали в Москву и иностранцы, обычно, из германских государств и Польши. Они в большом количестве ску-

пали великолепные меха и продовольствие, особенно зерно. Ногайцы и ордынцы привозили лошадей, которые активно использовались в быту. Иван III покровительствовал торговле, но наказывал купцам не ездить в одиночку, а присоединяться к его посольствам. Во время дипломатических переговоров в Крыму и Турции он постоянно рекомендовал послам защищать интересы русских торговых людей.

Внутри страны великий князь всегда интересовался устройством ярмарок. Иногда по его указанию место их проведения менялось. Его заинтересованность в торговле была связана не только с тем, что она приносила большие доходы казне в виде всевозможных пошлин, но и потому, что его собственное хозяйство имело излишки, которые становились товаром.

Рост торговли способствовал расцвету городов. Г. Перкамот сообщал, что в одном только Владимире было 60 тысяч очагов, т. е. домов. Число же жителей должно было достигать 200 тысяч и более. Москва, по его сведениям, была меньше – 30 тысяч очагов. Такими же были Новгород и Псков. Но были города, в которых средний же размер очагов колебался от 4 тысяч до 10 тысяч. Эти данные свидетельствуют о том, что население в городах было достаточно большим, и Русское государство не было малолюдным.

§ 6. Общественная мысль

Объединение русских земель под властью московского князя и образование Русского национального государстве, несомненно, нашло отражение в общественной мысли. Одним из наиболее ярких проявлений нового стало умственное брожение, названное в историографии новгородско-московской ересью.

Новгородская республика с давних лет имела теснейшие связи с Западной Европой. Город даже входил в Ганзейский союз, и его торговые люди имели право ездить и торговать во многих городах Польши и германских государств. Это не могло не сказаться на их кругозоре, верованиях и образовании. Москвичи в этом отношении существенно отставали. Поэтому после присоединения Новгорода Иван III многих образованных представителей духовенства и дьячества взял к своему двору. В Новгород же был отправлен чудовский архимандрит Геннадий Гонзов, который должен был обуздать свободолюбивое местное духовенство. Одновременно великий князь боролся с «житьими людьми», т. е. с зажиточными горожанами, и в массовом порядке переселял их в центральные районы.

Геннадий ревностно взялся за дело и даже отказался почитать местных святых. Он постоянно стал находить отличия в верованиях новгородцев и своих. Друзьям в Москву

он писал, что «Новгород с Москвою не едино православие». Четко поняв свою задачу, новый архиепископ решил искоренить крамолу. В данном случае он действовал по аналогии с великокняжеским наместником боярином Яковом Кошкиным, устраивавшим массовые казни по подозрению в заговоре против своей особы.

В 1488 г. Геннадий написал Ивану III о попах, которые не почитали иконы и весьма скептически отзывались о церковной организации. Однако, вопреки ожиданию, великий князь весьма прохладно отнесся к доносу на так называемых еретиков. Ему уже было известно, что они выступают против церковных богатств и ее земельных владений, которые представлялись Ивану III «лакомым куском». Поэтому объявленные еретиками попы Алексей и Денис были взяты в Москву и поставлены служить в кремлевские храмы. Здесь их взгляды нашли понимание среди образованной верхушки московского общества. Наиболее ярым их приверженцем стал государев дьяк Фёдор Курицын и даже великокняжеская сноха Елена, прозванная Волошанкой.

Однако Геннадий не сложил своего оружия. Он стал рассылать послания видным иерархам об опасности еретических верований и добился в 1490 г. созыва собора «на еретики». Во время разбирательств духовные судьи пришли к мнению, что еретики отрицают Троицу, божественную сущность Христа и его матери, иконы, крест и все связанные с ними догматы. Более того, вероотступники считали, что цер-

ковь и духовенство не нужны, поскольку сам человек – Церковь, сам может жить по 10 заповедями и «творить благие дела».

Получалось, что новые еретики были как бы последователями старых, т. е. стригольников. Поэтому Собор осудил еретиков и разрешил Геннадию наказать их по своему усмотрению. Тот не придумал ничего лучше, чем повторить обряд католической инквизиции: еретиков одели в шутовские одежды, посадили на лошадей задом на перед, надели на головы колпаки из бересты с надписью: «Се есть сатанино воинство», а потом колпаки подожгли. После такого наказания многие священнослужители умерли.

В Москве же новгородские просветители продолжали действовать. Они познакомили общественность с сочинением античных философов «Мудрость Меандра», с «Логикой» арабского ученого Аль-Газали, с астрологическим трактатом «Шестокрыл» и сочинениями других философов древности. Под их влиянием Фёдор Курицын написал «Лаодикийское послание», в котором проводил мысль о свободе воли, о важности грамотности и образованности для человека. Он осуждал грубые суеверия и «мирослужение», под которым подразумевал сребролюбие и низменные человеческие чувства.

Следует отметить, что умственные искания новгородских просветителей поддерживал даже митрополит Зосима, не веривший в некоторые церковные догматы. Но в 1494 г. ему пришлось оставить митрополию, возможно, не по своей во-

ле. Иван III понял, что конфликт с церковью может существенно подорвать его авторитет и власть. Поэтому вскоре он охладел к просветителям и решил поддержать ортодоксальных церковников.

В конце 1504 г. в Москве вновь собрался церковный собор. Воинствующие церковники во главе с новым митрополитом Симоном и волоцким игуменом Иосифом потребовали смертной казни для тех, кого они объявили еретиками. С согласия великого князя на льду реки Москва построили клетку, в нее заключили Фёдора Курицына и двух его единомышленников и сожгли. Несомненно, что подобная казнь была предложена архиепископом Геннадием, который полагал, что образцом борьбы с еретиками должна стать испанская инквизиция.

Хотя с умственными исканиями начала века в Москве, казалось, было покончено самым варварским способом, они в дальнейшем не прекратились. Русские люди еще долгое время пытались осмыслить свое место в новом государственном образовании, его роль и значение во всемирно-историческом процессе и т. д. Но все это проявилось уже позднее, при сыне Ивана III и его внуке.

Сам Иван III очень интересовался историей своей династии, и, свергнув Ордынское иго, хотел занять высокое место в иерархии европейских государей. Поэтому в инструкции послу Ю. Д. Траханистову, направленному к императору Священной Римской империи Фридриху в 1489 г., он по-

дробно охарактеризовал свою власть. Во-первых, поскольку он владеет многими землями, то государем считается великим, во-вторых, обладает по Божьей воле самовластием и делает то, что хочет, в-третьих, он наследник своих прародителей, которые были в любви и приятельстве с римскими императорами.

Несомненно, что Иван III на основе летописей хорошо изучил свое родословие, идущее от легендарного Рюрика. При этом он как бы опустил период подчинения Золотой Орде, поэтому постоянно утверждал, что он «Божиею милостию государь на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеет от самого Бога». Поэтому поставляться от кого-либо он не намерен, тем более от императора Священной Римской империи, который избирался на совете духовных и светских лиц и получил власть не от предков или от Бога, а от своих подданных.

Собственное возвеличивание великого князя полностью поддерживали церковные иерархи. Митрополит Зосима писал, что Иван III являлся прямым наследником, и царя Константина, утвердившего православную Христову веру, и христолюбивого великого князя Владимира Киевского, просветившего Русскую землю святым крещением. Поэтому его можно назвать новым царем Константином новому граду Константину, т. е. Москве и всей Русской земле. Он прямо называл государя «благоверным и христолюбивым великим князем, всея Руси самодержцем».

Получалось, что церковь признавала владельческие права Ивана III над всеми русскими землями и даже объявляла его новым императором Константином, призванным охранять и распространять православие. Церковные иерархи даже прямо проводили линию от императора Константина к Владимиру Великому и далее к Ивану III. Этим они подчеркивали его исключительно важное положение относительно остальных великих князей – и киевских, и владимирских, и литовских.

Объединив русские земли и воссоздав Русское национальное государство, Иван Васильевич вознесся на небывалую высоту и в сознании своих подданных, и на международной арене. Он постарался, используя личные заслуги в деле собирания земель, поставить себя вровень с ведущими европейскими королевскими домами.

§ 7. Проблема престолонаследия

Несомненно, Иван III осознавал значимость своих деяний. Поэтому он не хотел оставлять свою могучую и обширную державу недостойному наследнику. Кого же выбрать? – вот вопрос, который стоял перед ним все последние годы жизни. Дело в том, что от первого брака с Марией Тверянкой у него был только один сын – Иван Молодой. Он родился в 1458 г., возмужав, стал верным помощником отца и даже, как и он, назывался великим князем. После присоединения

Твери получил ее в управление и стал великим князем Тверским. Формально получалось, что великокняжеский сын получил Тверское княжество по наследству, поскольку его мать была тверской княжной. Она умерла в 1467 г. – либо из-за неправильного лечения, либо была умышленно отравлена. Современники вспоминали, что ее тело было настолько распухшим, что не помещалось в гробу.

Второй женой Ивана III стала Софья Палеолог, когда Ивану Молодому, наследнику престола, было уже 24 года. Его отношения с мачехой, видимо, были довольно напряженными.

Первыми детьми Софьи были девочки, и проблему для престолонаследия они не представляли. Но в 1479 г. родился сын, носивший два имени – Гавриил и Василий, затем еще несколько сыновей: Юрий, Дмитрий, Иван, Симеон, Андрей, Борис. Естественно, что Софья захотела, чтобы престол достался ее сыновьям, поскольку участь удельных князей была незавидной.

Но, пока был жив Иван Молодой, изменить порядок престолонаследия она не могла. Однако в 1490 г. княжич заболел. Казалось, что его недуг не смертелен – на ногах появились непонятные язвы, при ходьбе причинявшие боль и неудобство. Для лечение был выписан из-за границы лекарь Леон. Однако его способ лечения оказался настолько неподходящим, что больной вскоре умер. Казнен был и горе-лекарь. Следует отметить, что Иван Иванович болел камчу-

гой – разновидностью проказы, которую в то время лечить не умели.

Иван Молодой, как уже отмечалось, был женат на дочери Валашского господаря Елене, и у него подрастал сын Дмитрий (родился в 1483 г.). Если бы он получил престол, то законным наследником должен был стать Дмитрий. Традиция передачи власти старшему сыну в роду великих князей уже существовала несколько веков. Но из-за его безвременной кончины наследника перед Иваном III встал вопрос: кому передать власть: внуку Дмитрию или старшему сыну второй супруги Василию?

После передачи Софьей Палеолог драгоценностей из великокняжеской казны своей племяннице, жене верейского князя, Иван III несколько охладел к супруге. Возможно, он опасался, что та пытается приблизить к себе и возвысить греческих родственников, которые были чужды русскому боярству, главной опоре престола. Поэтому в 1497 г. он принял решение передать престол внуку Дмитрию. Чтобы официально закрепить за ним власть, был разработан обряд венчания на великокняжеский престол и записан в особом документе – Чине венчания. Образцом для него, видимо, служили и древние русские обряды посажения на княжение, и аналогичные действа в соседнем Великом княжестве Литовском.

О решении великого князя стало известно окружению Василия, которому уже было 18 лет, и который учился управ-

лять страной. По сообщению Уваровской летописи, княжич задумал организовать заговор, чтобы расправиться с Дмитрием и захватить белозерскую казну для дальнейшей борьбы за власть. Его мать Софья пригласила к себе бабок-ворожей, возможно, для приготовления отравы не только для Дмитрия, но и для самого Ивана III.

Следует отметить, что практика расправы с соперниками с помощью ядов была достаточно распространена в то время. Современники подозревали, что от отравленного пояса умерла первая жена великого князя Мария Тверянка, далеко не лекарственные средства содержались в снадобьях, которыми лечили Ивана Молодого, и т. д.

Иван III очень быстро узнал о готовящихся кознях со стороны жены и сына (Софью при дворе не любили, множество глаз постоянно следило за каждым ее шагом). Тут же начались расправы. Василий был взят под стражу, пять детей боярских и дьяк Ф. Стромилов из его окружения были казнены, Софью поместили в охраняемое помещение подальше от личных покоев государя, а «баб лихих» спустили под лед.

После этого началась подготовка к церемонии венчания на великое княжение Дмитрия-внука. Она состоялась 4 февраля 1498 г. в Успенском соборе Кремля. По многим параметрам все действо было большим новшеством для русского двора. Во-первых, церемония проходила в московском соборе. До этого все официальные акции, связанные с вокняжением, устраивались в Успенском соборе Владимира. Во-вто-

рых, главными участниками должны были стать митрополит Симон и Иван III. До этого церковные иерархи и великие князья в таких церемониях не участвовали. Обряд поставления на великое княжение осуществлял золотоордынский посол.

В составленном описании церемонии – Чине венчания, писалось, что действующий великий князь благословил будущего князя, т. е. Дмитрия, при себе и после себя великим княжением Владимирским и Московским, и Новгородским, и Тверским и возложил на него бармы (оплечия) и княжескую шапку. Позднее она будет названа «шапкой Мономаха», которую византийский император Константин Мономах якобы подарил своему внуку, киевскому князю Владимиру Всеволодовичу, прозванному за это Мономахом.

Все происходившее освящалось митрополитом Симоном, который, кроме того, произнес поучение юному князю. После выхода того из собора сын Ивана III Юрий осыпал его золотыми и серебряными монетами. Затем Дмитрий посетил Архангельский собор, где помолился у гробов родителей и предков, и Благовещенский собор.

Казалось, великий князь навсегда хотел закрепить трон за внуком. О своем решении он оповестил всех своих родственников, написал в Новгород Великий, Рязань, Псков и даже казанскому хану. Однако в ранге официального наследника Дмитрий-внук пробыл совсем недолго.

Источники не дают нам точных сведений о причинах

неудовольствия Ивана III внуком. Возможно, в поведении и поступках Дмитрия он не увидел должного почтения к себе и беспрекословного подчинения. Может быть, подросток не показал себя достойным продолжателем великих дел деда. Воспитанный матерью, дочерью молдавского господаря, юный княжич мог иметь существенно более узкий кругозор и приниженное представление о роли государя, чем сын византийской царевны, имевший законные права на императорский трон в Константинополе.

Объяснение может крыться и в самом характере великого князя. Старея, он становился все более мнительным и жестокосердным по отношению к близким людям. Только за собственное мнение по вопросу о взаимоотношении между Русским государством и Великим княжеством Литовским поплатился самый знатный боярин и двоюродный брат государя князь И. Ю. Патрикеев. Почти 40 лет управлял он Боярской думой, входил в самый ближний круг; 27 лет был московским наместником. Однако 31 января 1499 г. он был арестован вместе с сыновьями Василием и Иваном и зятем С. Ряполовским, имевшим один из самых высоких чинов «слуги и боярина». Разгневанный Иван III за «самовольство и высокоумие» даже приказал их казнить. С трудом митрополит вымолил прощение для Патрикеевых – они были пострижены и отправлены в отдаленные монастыри. Ряполовский же был обезглавлен.

В этих условиях попасть в немилость деда для пятнадца-

тилетнего Дмитрия было несложным, тем более, что яростно боровшаяся за власть «грекиня» каждый его промах могла представить преступлением в глазах мужа.

Династическая борьба кончилась тем, что уже в 1498 г. Василий вновь оказался у отца в чести, получил титул великого князя и был пожалован Новгородом и Псковом. Последний, правда, в состав Русского государства еще не входил и формально сохранял независимость. С этого времени началось падение Дмитрия-внука. В апреле 1502 г. вместе с матерью он оказался в опале. Его лишили титула великого князя и посадили «за приставы». Через короткий срок официально наследником Ивана III был провозглашен Василий.

Судьба Дмитрия и его матери оказалась печальной. Только перед смертью великий князь распорядился выпустить внука из темницы. К этому времени Елена Волошанка уже умерла (18 января 1505 г.), не было в живых и ее соперницы Софьи Палеолог (скончалась в апреле 1503 г.). Но его свобода была совсем недолгой. Получивший престол, Василий навсегда заточил в темнице своего соперника. В 1509 г. Дмитрий умер, возможно, не своей смертью.

Поскольку в источниках нет точных сведений о причинах репрессий в адрес Дмитрия-внука и его матери, некоторые исследователи полагают, что Иван III был вынужден пожертвовать ими для блага государства и сохранения его единства. В противном случае могла бы разгореться новая феодальная война, которая подорвала бы устои с таким трудом возрож-

денной державы. Все это свело бы на нет великие деяния самого государя.

Великий князь, судя по завещанию, больше всего боялся, что русские земли вновь распадутся. Поэтому он распорядился отдать почти все свои владения старшему сыну Василию. Остальным братьям следовало почитать того вместо отца и во всем слушаться. В итоге Василий унаследовал всю Москву и ее окрестности, великое княжение Тверское, Новгородское, Вятскую землю, Псковскую землю, часть Рязанской. Братья же получили разбросанные по разным местам города́: Юрий – Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу, Брянск и Серпейск; Дмитрий – Углич, Хлепень, Зубцов, Мезецк и Опаков; Семен – Бежецкий верх, Калугу, Козельск; Андрей – Верею, Вышгород, Любутск, Старицу. При этом их права были ограничены. Они не имели права чеканить монету, устраивать ярмарки, вершить суд, собирать торговые пошлины.

В случае их бездетной смерти владения отходили Василию.

В последний год жизни Иван III страдал от смертельного недуга и делами почти не занимался. Он скончался 2 октября 1505 г. в 66 лет, из которых 43 года был на великокняжеском престоле.

Подводя итог долгому правлению Ивана III, следует отметить, что оно имело огромное значение для Русского государства. Ведь именно ему удалось окончательно покончить с золотоордынским игом и удельным междоусобием, собрать

большую часть земель воедино и приступить к созданию единого государства со столицей в Москве. При нем сформировалось представление о верховной власти как суверенной и самодержавной, полученной от Бога и ответственной только перед ним. При нем начал формироваться государственный аппарат в центре и на местах, единообразная форма судопроизводства по общему для всех своду законов – Судебнику 1497 г., единообразие в сборе налогов и пошлин. Были отрегулированы взаимоотношения между владельцами земли и крестьянами, между хозяевами и холопами.

Именно Иван III наметил те направления, по которым Русское государство стало расширяться в дальнейшем. Именно он построил Иван-город в Прибалтике, отправил исследовательские экспедиции на Север и в Зауралье, усмирил Казань, установил дипломатические контакты с некоторыми закавказскими государствами, Турцией и Крымским ханством, начал открытую борьбу с Великим княжеством Литовским за исконно русские территории.

В международном масштабе он поставил свое государство на существенно более высокий уровень, чем оно было раньше. Дружбы с ним стали искать и Дания, и император Священной Римской империи, и итальянские города-государства.

Многие исследователи спорят о личности Ивана III. Был ли он великим воином, хорошим дипломатом, умным политиком? Думается, он был в первую очередь человеком с го-

сударственным складом ума, умевшим подчинять свои собственные желания и пристрастия государственным интересам. Он умел мыслить и действовать масштабно и с перспективой на будущее. Обозначенный им план развития Русского государства не смогли реализовать не только сын, внук и правнук, но и государи XVII в. Но для всех его заветы служили руководством к действию, а его дела – образцом для подражания.

Глава 17. Наследник государя всея Руси Василий III

§ 1. Вступление на престол

Целый ряд известных историков (С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и другие) относили правление Василия III к эпохе Ивана III, т. е. его отца. Однако это вряд ли правомерно, поскольку Василий был на престоле 28 лет и добился немалых успехов в деле укрепления Русского национального государства. Поэтому следует более обстоятельно рассмотреть его деятельность и развитие страны и общества в первой трети XVI века.

После опалы на Дмитрия-внука Василий стал правой рукой отца и беспрекословно выполнял все его поручения. В 1503 г. Иван III тяжело заболел и был вынужден отдать бразды правления государством в руки сына. В это время Василию уже было 25 лет, и он все еще не был женат, т. е. не считался вполне взрослым и самостоятельным человеком. Длительное безбрачие, видимо, объяснялось сложностями с престолонаследием. Иван III долго не мог окончательно решить вопрос – кому оставить трон. Если бы выбор пал на Дмитрия-внука, то дети Василия могли создать в будущем проблему для его наследников.

Великий князь хорошо помнил, сколько бед и несчастий причинили его отцу дети дяди Юрия Дмитриевича.

Однако на пороге смерти Иван III уже выбирать не мог. Дмитрий сидел в темнице. Василий же твердой рукой прибирал власть к своим рукам. Первоначально предполагалось найти ему невесту в соседних странах. Наиболее подходящей кандидатурой представлялась дочь датского короля Елизавета. Но та предпочла стать женой бранденбургского курфюрста. Тогда было решено поискать невесту для наследника престола среди русских знатных фамилий. Для сына всеми нелюбимой «грекини» было особенно важным найти опору в русском обществе, и родственники жены вполне могли ею стать. Согласно легенде, Василию предстояло выбрать будущую жену из 1500 знатных девиц, привезенных во дворец. Думается, их число было существенно меньшим, а кандидатура, намечена заранее.

Женой Василия стала Соломония, дочь Ю. К. Сабурова, происходившая из древнего костромского боярского рода, представители которого в самом начале XIV в. начали служить московским князьям. Особые заслуги были у них перед великими княгинями, Софьей Витовтовной и Марией Ярославной. Это обстоятельство, видимо, стало главным при избрании Соломонии на роль великокняжеской невесты. Кроме того, важным являлось и то, род Сабуровых, а в него входили и Годуновы, и Вельяминовы-Зерновы, был очень разветвленным и многочисленным, поэтому мог стать мощной

поддержкой для будущего государя.

Действительно, разрядные книги фиксируют, что при Василии III на придворных должностях и в войске появилось много Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых, а отец жены даже получил боярство.

Для укрепления трона сына Иван III постарался удачно женить его сестер. К примеру, Феодосия стала женой видного полководца князя В. Д. Холмского.

Свадьба Василия и Соломонии состоялась 4 сентября 1505 г. К этому времени Иван III был уже настолько болен, что управлять страной не мог. Наполовину парализованный, он лежал в своих покоях и думал только о спасении души. Поэтому он даже распорядился освободить Дмитрия-внука. Пригласив к себе, он попросил у него прощение за арест и собирался дать свободу. По сведениям некоторых иностранцев, у опального сразу же появились сторонники среди знати, и он стал представлять определенную опасность для Василия.

Будущий государь сразу это понял, поэтому, как только Иван III скончался (2 октября 1505 г.), Дмитрия тут же вновь заковали в кандалы и бросили в темницу, где через три года он умер.

Вскоре выяснилось, что Дмитрий имел сторонников не только при дворе, но и вне государства. Казанский хан Мухаммед-Эмин официально заявил, что клялся быть в любви и дружбе с великим князем Дмитрием Ивановичем и не

желает иметь ничего общего с Василием, который изменил своему родственнику и обманным путем его арестовал.

В ответ Василий III уговорил брата Мухаммеда-Эмина, царевича Абдул-Латифа, находившегося на Руси, принять православие и даже женил его на своей сестре Евдокии. Получивший имя Петра казанский царевич стал новым претендентом на казанский престол и должен был сыграть важную роль в грядущей войне с Мухаммед-Эмином.

В апреле 1506 г. началась подготовка казанского похода. Во главе войска были назначены удельные князья Дмитрий Иванович Углицкий и Фёдор Борисович Волоцкий. В помощь им были направлены многие известные полководцы: князья Ф. И. Бельский, А. В. Ростовский, Д. Ф. Курбский, Д. В. Щеня и др. 28 июня начался штурм Казани. Однако он оказался неудачным. Мухаммед-Эмин заманил виднейших воевод в ловушку и расправился с ними. Несколько тысяч русских воинов было перебито, остальные бежали.

Сложными были и взаимоотношения Русского государства с Великим княжеством Литовским. Александр настоятельно требовал возврата Северских городов, грозился разорвать мирный договор и объединиться с ливонским магистром. Однако на этот раз провидение помогло Василию III. 20 августа 1506 г. великий князь литовский Александр внезапно умер.

Так, не самым удачным образом началось правление сына Ивана III, объявившего себя наследником всех славных дел

отца, не желавшего что-либо менять ни во внутренней, ни во внешней политике и оставившего при себе его ближайшее окружение.

Василий III даже не пожелал повторить церемонию венчания на великое княжение Дмитрия-внука и вступил на престол, как и отец, без пышных мероприятий и обрядов.

§ 2. Расширение границ государства

После смерти Александра великим князем литовским и королем польским стал его брат Сигизмунд. Он поставил перед собой цель вернуть утраченные Северские города. Для этого он вступил в союзнические отношения с крымс-ким ханом Менгли-Гиреем и даже согласился возродить старый обычай получения ярлыка на великое княжение от ханского посла. При этом он постарался, чтобы за ним были закреплены права не только на утраченные при Иване III земли, но и на Псков и Новгород.

В этих условиях война с Литвой была неизбежна. Для Василия III она началась в благоприятных условиях, поскольку один из виднейших литовских магнатов князь Михаил Глинский поднял против Сигизмунда восстание. Он был недоволен ущемлением своих прав, которые раньше, при Александре, буквально не знали границ.

Военные столкновения начались в марте 1507 г. Уже летом союзники Сигизмунда крымцы стали разорять Белёв,

Одоев, Козельск. Против них направились русские воеводы, разбили их и далеко отогнали в степи. Одновременно были сожжены окрестности Мстиславля.

Узнав о восстании Глинских, Василий III предложил им перейти на русскую службу и обещал сохранить за ними все города, которые они смогут отвоевать у Сигизмунда. В помощь им посылалось войско во главе с князем Василием Шемячичем. В итоге в мае 1508 г. Глинские присягнули русскому государю.

Объединенными усилиями планировалось захватить Минск и Слуцк. Однако эти города оказались хорошо укрепленными и не сдались воеводам. Вскоре на помощь им пришел Сигизмзунд, и Глинские со своими сторонниками были вынуждены бежать в Москву. Там они стали именоваться «литвой дворовой». Среди бывших литовских князей были: И. Озерецкий, Д. и В. Жижемские, М. Гагин, А. Друцкий, И. Козловский и другие.

Русская и литовская стороны поняли бесперспективность дальнейших военных действий и сели за стол переговоров. 8 сентября 1508 г. был подписан «вечный мир», который подтвердил переход в состав Русского государства Северских городов и окружающих их земель. Это было большим достижением нового правительства. Василий III добился официально признания всех завоеваний, осуществленных его отцом.

Сложные взаимоотношения с соседями требовали укреп-

ления русских городов. Около 1506–1507 гг. вокруг Тулы был построен каменный кремль. Он должен был защитить город от набегов степняков. В 1507 г. укрепляются стены Иван-города – важнейшего русского города в Прибалтике. Осложнения отношений с Казанским ханством потребовали строительства в 1508 г. новых каменных стен у Нижнего Новгорода. Даже Псков, еще формально не вошедший в Русское государство, был обнесен новой каменной стеной.

Не прекращались строительные работы и в столице. Весной 1508 г. под руководством Алевиза Фрязина со стороны реки Неглинной был выкопан ров и обложен камнем и кирпичом. Он проходил по Красной площади до Москва-реки, делая Кремль неприступным бастионом. К этому времени возведение его новых стен уже заканчивалось.

В 1508 г. в Кремле были освящены две новых церкви: необычайной красоты Архангельский собор, ставший великокняжеской усыпальницей, и одноглавый храм Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. Великолепный кремлевский ансамбль довершила двухэтажная колокольня Иоанна Лествичника. Все это возводилось по проектам итальянских зодчих, которых Василий III, как и отец, усиленно зазывал в свою страну. Весной этого же года наконец-то был достроен каменный великокняжеский дворец.

Иван III оставил своему сыну четкую программу дальнейшего расширения границ государства. После Новгорода потерять независимость предстояло Пскову. Этот город

не только являлся одним из крупнейших центров ремесла и торговли, но и был важным стратегическим пунктом на границах с Литвой и Ливонией. Его не рез пытались подчинить и немецкие рыцари, и литовские паны. Но он уже давно находился в вассальной зависимости от московских князей. Поэтому городское управление было как бы двойным: и великокняжеский наместник, и выборные посадники.

Весной 1509 г. в Псков был назначен новый наместник – князь И. М. Репня-Оболенский. Он сразу же начал наводить свои порядки, что очень не понравилось свободолюбивым псковичам. Воспользовавшись поездкой Василия III в Новгород, обе конфликтующие стороны обратились к нему с жалобами друг на друга. После разбирательства великий князь обнаружил «большие вины» псковичей и приказал арестовать посадников. Затем был снят вечевой колокол, вече уничтожено и установлена власть двух наместников, как в Новгороде. Псковичи же были вынуждены целовать крест великому князю, обязуясь верно ему служить.

24 января Василий III сам прибыл в Псков. Он пригласил к себе самых знатных горожан и объявил им, что переселяет их с семьями в окрестности Москвы. На их место из Новгорода прибыли новгородские дети боярские, которые составили военный гарнизон. Новыми наместниками стали боярин Г. Ф. Давыдов и конюший И. А. Челяднин. Приказными делами стали ведать два московских дьяка. Князь Репня-Оболенский, получив награду за содействие в присоеди-

нении Пскова, был повышен по службе.

Таким образом, совершенно бескровно, Псковская земля вошла в состав Русского государства. Этому способствовали предыдущие успехи московских государей по собиранию земель и созданию благоприятных условий для их развития в будущем. По данным летописей, с 1516 г. в Пскове началось бурное строительство, свидетельствующее об экономическом подъеме в этом крае.

Следующим важным экономическим и стратегическим пунктом для продвижения на Запад был Смоленск. Он находился в верховьях Днепра и соединял центральные русские земли с южными – у Киева. Но присоединение его к Русскому государству не могло быть легким делом, поскольку он уже длительное время находился под властью великих князей литовских. Василий это понимал и начал заранее готовиться к Смоленским походам.

Прежде всего, следовало сформировать боеспособное войско. Уже с начала XVI в. на вооружении русских воинов появились пищали – огнестрельное оружие, похожее на ружья. Закупка пищалей, видимо, производилась в европейских странах за счет казны. Ими вооружали царских телохранителей и особые отряды стрельцов, сформированные не из дворян, а из людей по прибору, т. е. из «охотчих» людей, из посадской среды. В Москве стрельцы поселились в слободке Наливки (у Якиманки), а также были размещены в Пскове, Новгороде, Кореле, Копорье, Орешке, т. е. в городах

у западной границы.

При дворе появилась новая должность оружничего, ведавшего вооружением и его изготовлением.

В связи с тем, что осада городов требовала проведения больших вспомогательных работ (рытье рвов, сооружение насыпей, подкопов и т. д.), для службы в войске стали привлекать сельское население. С «сохи» полагалось выставлять по одному человеку. Сбор посошных людей, управление пищальниками и строительством оборонительных сооружений было поручено городовым приказчикам. Оплата всех этих работ производилась за счет нового налога – «примета». Ямская служба перестает быть натуральной повинностью населения. Ею начинают заниматься особые люди – ямщики. Для оплаты их службы вводится новый налог – «ямские деньги». В итоге эта служба становится более упорядоченной и хорошо организованной, способствуя тесной взаимосвязи Центра с окраинами государства.

Перед Смоленскими походами Василий III решил обезопасить свои границы. Он направил в Крым к Менгли-Гирею посольство с подарками и уведомлением о своих дружеских чувствах. В ответ в 1510 г. прибыла царица Нур-Салтан, желавшая проведать своих сыновей Абдул-Латифа и Мухаммед-Эмина. Василий торжественно встретил ее в Москве и обеспечил охрану для поездки в Казань. Итогом ее визита стало установление дружеских отношений с казанским ханом, закрепленных в 1512 г. «крепким миром и дружбой».

В дружбе с Москвой был заинтересован и Ливонский орден, опасавшийся польско-литовской экспансии. Тесные связи с Россией стал устанавливать император Священной Римской империи, недовольный браком Сигизмунда с дочерью венгерского магната Варварой.

Несомненно, великому князю литовскому и польскому королю Сигизмунду стало известно о готовящемся походе русского войска на Смоленск. Поэтому он стал настраивать крымских царевичей против великого князя и провоцировать их нападения на русские земли. В итоге весь 1512 г. пришлось оборонять южные города от степняков. Осенью пришла весть, что Сигизмунд взял под стражу сестру Василия Елену (вдову великого князя литовского Александра), и она вскоре умерла, по слухам была отравлена. Это сразу же послужило поводом для войны, которая назревала уже несколько лет.

14 ноября 1512 г. к Смоленску отправились передовые отряды, 19 декабря выступил и сам великий князь со старшими братьями и ведущими полководцами. В Москве остались младшие братья, Семен и Андрей.

Осада Смоленска продолжалась шесть недель, но результата не принесла. Город представлял собой первоклассную крепость. Удалось только разорить окрестности Минска, Орши, Киева и некоторых других городов. В марте следующего года началась оттепель, санный путь ухудшился, и пришлось вернуться домой. Но при этом Василий принял решение ор-

ганизовать новый поход уже летом.

В 1513 г. внешнеполитическая обстановка вновь была для Русского государстве благоприятной. В марте в Москву прибыло посольство из дружеской Дании, в мае шведы в Новгороде подтвердили мирный договор, заключенный на 60 лет. Император Максимилиан отправил к Василию III отряд пехоты, пушки и мастеров осадного дела. Даже будущий крымский хан Мухаммед-Гирей, узнав о мощном войске Василия III, стоявшем у южных границ, предложил быть «за один» на общего недруга польского короля.

Все это позволило великому князю двинуть к Смоленску свои основные полки. 11 сентября в поход выступил и он сам с братьями. Предположительно русское войско насчитывало 80 тысяч человек. Часть его направилась к Полоцку и Витебску.

На этот раз Василий простоял под Смоленском четыре недели. Город постоянно обстреливался из мощных орудий, одну башню даже удалось разрушить. Но и на этот раз он выстоял. Начавшиеся холода заставили русское войско вновь вернуться ни с чем.

Неудачи не остановили Василия, тем более, что в лице императора Максимилиана он обрел мощного союзника. В феврале 1514 г. между монархами был подписан договор о совместной борьбе против Сигизмунда и даже о разделе территории его страны (правда, он так и не был ратифицирован). В случае удачи к Москве отошли бы все бывшие вла-

дения Киевской Руси вместе с Киевом. Важной особенностью договора являлось то, что Василий именовался в нем царем (цесарем), т. е. равным по значимости самому императору Священной Римской империи. Это было прямым свидетельством возросшего могущества Русского государства и его главы. Взамен великий князь шел на уступки Ганзейскому союзу (союзу европейских торговых городов). В Новгороде открывался ганзейский торговый дом, имевший право беспошлинной торговли солью. Но и русским купцам становился доступным путь в Европу.

Третий Смоленский поход начался весной 1514 г. Сам Василий с братьями выступил в начале июня. На этот раз его войско было оснащено большим количеством тяжелых артиллерийских орудий. По некоторым данным, их было более 100. Осада началась с обстрела города из мощных пушек. Они нанесли гарнизону такой урон, что городское руководство решило вступить с Василием III в переговоры. Их возглавил с русской стороны М. Глинский, показавший себя ловким дипломатом. В итоге смоляне приняли решение капитулировать, поскольку скорой помощи от Сигизмунда ждать не приходилось.

Василий обошелся с побежденными горожанами исключительно мягко. Тем, кто не хотел ему служить, было позволено покинуть город со всем имуществом. Оставшимся было выдано жалованье, и сохранены их земельные владения. 1 августа в город торжественно въехал новый государь. На-

селение дало ему клятву верности, однако, не все искренне.

Наместником был назначен князь В. В. Шуйский, верный сподвижник Василия. М. Глинский же остался ни с чем, хотя, по некоторым данным, Смоленск был обещан ему в вотчину за помощь в его взятии.

Чтобы развить успех, великий князь отправил сразу несколько полков вглубь литовской территории. Некоторые литовские князья сразу же начали переходить на русскую сторону. Так, подданными государя стали жители Мстиславля во главе с князем Михаилом, Кричева, Дубровны. Однако вскоре начались неудачи. Пришла весть, что обидевшийся М. Глинский задумал изменить и перейти на сторону Сигизмунда, между ведущими полководцами М. И. Булгаковым и И. А. Челядниным начались распри и соперничество.

В итоге М. Глинский был схвачен и отправлен в тюрьму. Воеводы же не смогли объединиться, и были разбиты литовским князем К. Острожским под Оршей. Весть об их разгроме всколыхнула смолян. Многие во главе с архиепископом Варсонофием задумали перейти на сторону Сигизмунда и сдать ему город. Но В. В. Шуйский узнал об измене и начал расправу. Владыку под стражей отправили в Дорогобуж, а знатных горожан казнили. Их трупы для устрашения остальных мятежников повесили с внешней стороны на крепостную стену. Там их и увидел К. Острожский, надеявшийся с помощью сторонников короля Сигизмунда вновь овладеть городом. Вскоре прибыл отряд русских воинов, отбро-

сивший литовцев от города, и угрозы его потери для русского государя не стало.

Однако попытка измены показала Василию III, что и в Смоленске следует повторить практику переселения городской верхушки вглубь страны. Наиболее богатые купцы были отправлены даже в Москву, где образовали особое поселение смолян. По приказу великого князя они стали заниматься торговыми операциями с европейскими странами.

Хотя литовцам и удалось разгромить русское войско под Оршей, никаких других успехов достигнуть они не смогли. Почти на целый век Смоленск оказался для них потерянным, а граница Русского государства существенно отодвинулась на запад. Престиж Василия III в глазах европейских монархов поднялся еще выше, поскольку все увидели, что он способен лично брать штурмом хорошо укрепленные города-крепости и отвоевывать территории у сильных соседей.

Однако после взятия Смоленска у Русского государства отношения испортились не только с Великим княжеством Литовским, но и с Крымским ханством и даже со Священной Римской империей. Дело в том, что Сигизмунд стал всячески настраивать императора Максимилиана и нового крымского хана Мухаммед-Гирея против Василия III, обещая первому военную помощь в борьбе с турецким султаном, второго вовлекая в антирусский союз. В этих условиях московским дипломатам приходилось использовать все свое искусство, чтобы ловко лавировать среди противников,

выискивая среди них возможных союзников. Оказалось, что для нейтрализации Крыма следует установить дружеские отношения с Портой, а для борьбы с Сигизмундом полезен союз с Орденом.

Император с папой Римским всячески склоняли Василия III к вступлению в анти турецкую коалицию и обещали посредничество в заключении мирного договора с Сигизмундом. Великий князь сделал вид, что идет навстречу (особенно уверился в этом имперский посол С. Герберштейн, несколько раз посещавший Москву), но выдвинул неприемлемые для короля условия: возврат России ее «отчины» – Киева и других юго-западных городов.

Дело кончилось тем, что между враждующими странами было заключено перемирие на один год. При этом великий князь понял, что только силой он сможет окончательно закрепить за собой Смоленск.

В декабре 1518 г. в Казани умер хан Мухаммед-Эмин. Василий постарался сделать все возможное, чтобы Казанское ханство не оказалось в сфере влияния Крыма, и отправил туда своего ставленника Шигалея, сына касимовского хана Шейх-Аулияра, уже давно служившего московским князьям.

Усилия русских дипломатов привели к тому, что к лету 1519 г. удалось договориться с крымским ханом и ливонским магистром о совместном выступлении против Сигизмунда. Ливонский орден должен был нанести удар по Поль-

ше с севера, крымцы – по Волыни. Князьям В. В. Шуйскому с М. В. Горбатому было приказано напасть на Могилев, Минск, Вильно. Перед войсками не стояла задача взятия городов, они лишь должны были про-демонстрировать силу русского оружия и заставить короля сесть за стол переговоров. Расчет оправдался – в начале 20-х гг. с польско-литовской стороной начался усиленный обмен посольствами. Все это свидетельствовало о том, что в сфере внешних сношений были достигнуты определенные позитивные результаты. Они подкреплялись и внутриполитическими успехами.

Василий III твердо придерживался курса отца по ограничению владельческих прав своих родственников. Поэтому он всячески стремился к ликвидации удельных княжеств. Однако возмужавший рязанский князь Иван Иванович захотел сам распоряжаться в своем уделе и в 1517 г. даже стал ссылаться с крымским ханом, прося о помощи. Все это стало известно в Москве. Рязанский князь был посажен под стражу. В 1521 г. ему удалось бежать в Литву, а его владение – Рязанское княжество, было окончательно присоединено к Русскому государству.

Потенциально своими считал Василий и уделы братьев и племянников. В 1513 г., после смерти Фёдора Волоцкого, его земли отошли к казне, в 1518 г., та же участь постигла владения умершего Семена Калужского, в 1521 г. – Дмитрия Углицкого. В 1518 г., после смерти Василия Стародубского, его княжество перестало быть независимым. Очередь бы-

ла за Василием Шемячичем, сидевшим в Новгороде-Северском и сохранявшим видимость независимости. Это продолжалось всего лишь до 1522 г. Затем и он потерял удел.

Удельными князьями оставались только Юрий Дмитровский, считавшийся наследником престола до рождения у Василия сына в 1530 г., и младший брат Андрей, получивший в 1519 Старицу. Последний находился в полном подчинении у Василия и, казалось, никакой угрозы не представлял.

По сообщению С. Герберштейна, сын Ивана III Василий завершил начатое отцом и отнял у князей и иных властителей их города и укрепления. Отныне обороной страны стал ведать сам великий князь и назначенные для этого чиновники. В начале 20-х гг. завершилось строительство тульского каменного кремля. В 1521–1531 гг. был возведен стратегически важный Коломенский кремль. Итальянские мастера Алевиз Новый, Петр Фрязин и его брат вели большие строительные работы в Москве. К 20-м гг. XVI в. город настолько вырос, что его население достигло 100 тысяч человек. Иностранцы отмечали, что русская столица была вдвое больше Флоренции, Праги, Кёльна. Да и Новгород был крупнее Рима, который по своим размерам не превосходил Владимир, Псков, Тверь, Смоленск. Всего же в Русском государстве насчитывалось более 150 городов, и глухим и малонаселенным краем оно не было.

Василий III любил загородные поездки, поэтому недалеко от Переславля для него была отстроена загородная рези-

денция – Александрова слобода. В том же районе был заложен Данилов монастырь, основатель которого стал в будущем крестным отцом обоих сыновей Василия.

В целом же первая треть XVI в. характеризуется интенсивным ростом городского, церковного и монастырского строительства и активного освоения Севера. По мнению исследователей, это свидетельствовало об экономическом подъеме страны.

Однако далеко не все складывалось благоприятно для молодого государства. Воинственный крымский хан Мухаммед-Гирей желал подчинить себе и Казанское, и Астраханское ханства. Препятствием для этого было сильное влияние на эти ханства Москвы. Поэтому Мухаммед решил первым нанести удар и нейтрализовать противника.

Прежде всего, он добился того, что московский ставленник Шигалей был изгнан из Казани. На ханский престол был возведен его брат Сагиб-Гирей. Уже в мае 1521 г. тот спровоцировал нападение на Унженскую волость. Однако казанцы не захотели обострять отношения с Москвой и свергли крымского ставленника. Новым ханом стал Саадат-Гирей.

Мухаммед-Гирей понял, что Василий III не оставит без внимания казанские дела, поэтому решил уже летом напасть на Русь. 28 июня его полчища перешли Оку. Для русских полков в Серпухове и Кашире это оказалось полной неожиданностью, и они были перебиты. Путь к Москве оказался открытым. Боясь попасть в плен, Василий бежал с братьями

Юрием и Андреем в Волоколамск. Паника охватила все центральные районы. Этим воспользовались крымцы и нещадно разграбили все небольшие населенные пункты, посады городов, монастыри. Толпами русских людей угоняли в плен.

Помощь великому князю пришла из Пскова и Новгорода. Заслышав о подходе новгородских и псковских полков, Мухаммед-Гирей, нагруженный богатой добычей, предпочел отойти в степи. По некоторым данным, крымский хан даже заставил Василия III дать грамоту, в которой тот обещал платить ежегодный «выход», т. е. – дань. Однако во время осады Рязани ее воевода И. В. Хабар обманным путем выманил эту грамоту и уничтожил. За это получил боярский чин.

Мухаммед-Гирею пришлось недолго радоваться своей победе. Зимой следующего года он предпринял поход на Астрахань и даже взял город. Однако в ходе сражений с ногайцами был убит вместе с сыном. Победители же вторглись в Крым и разорили его.

Новым крымским ханом стал Сагиб-Гирей, уже неспособный влиять на дела в Казани. Летом 1523 г. Василий предпринял поход к устью Суры, как бы осуществляя разведку боем. На месте впадения Суры в Волгу был заложен город-крепость Васильград (Васильсурск), который должен был стать плацдармом для походов против Казанского ханства. Весной 1524 г. русское войско во главе с Шигалеем и ведущими полководцами направилось к Казани. Сухопутная рать должна была сражаться в поле, судовая – осадить го-

род. В страхе Сагиб-Гирей бежал в Крым. Казанцы пытались обороняться, но силы оказались неравными. Дело кончилось тем, что они били челом русским воеводам и согласились присягнуть на верность великому князю. Поскольку русские воины понесли большие потери, особенно пострадала судовая рать, то было принято решение вернуться домой. Вслед за ними прибыли казанские послы с просьбой о мире. Василий III пошел им навстречу, но постановил перенести международный торг из Казани в Нижний Новгород для безопасности русских купцов, которых казанцы постоянно грабили и даже убивали. Через несколько лет это привело к тому, что экономическая мощь ханства оказалась подорванной.

Осложнившиеся отношения с Крымом привели к тому, что Василий был вынужден в 20-е годы больше внимания уделять защите границ своего обширного государства, чем новым приобретениям. Чтобы закрепить за собой Смоленск, он вел дипломатические переговоры не только с Сигизмундом, но и с новым императором Карлом V и римским папой, которые должны были стать посредниками в его отношениях с великим князем литовским и польским королем. Однако император и папа были заинтересованы лишь в том, чтобы вовлечь Русское государство в анти турецкую коалицию и не испытывали желания портить отношения с Сигизмундом. Все же в конце декабря 1526 г. перемирие на шесть лет было подписано (до конца 1532 г.). Это стало большим достижением русской дипломатии, поскольку вновь приобретенные

западные земли оставались за Василием уже на законном основании.

§ 3. Дела семейные

На первый взгляд, семейные дела великого князя не имели прямого отношения к истории Русского государства. Однако отсутствие в его семье детей, т. е. наследников престола, со временем стало оказывать существенное влияние на взаимоотношения с окружающими. Ведь дальнейшие перспективы правления Василия становились неопределенными.

В первое время брак с Соломонией Сабуровой представлялся очень удачным. Ее родственники тесными рядами сплотились у великокняжеского трона. Отец, Ю. К. Сабуров, стал видным боярином, его брат Иван – дворецким. Брат великий княжны Иван Юрьевич получил должность рынды, дядя Андрей Васильевич стал окольничим и воеводой, его сын Михаил – кравчим. Сестра Соломонии Мария стала женой князя В. С. Стародубского, сохранявшего независимость и считавшегося союзником Василия III.

Однако годы шли, а наследников все не было. Становилось ясным, что Соломония бесплодна. Вероятно, Василий любил жену, поэтому достаточно долго никак не реагировал на то, что в семье нет детей. Только в начале 1523 г., как сообщают источники, он начал «кручиниться о своей великой княгине», т. е. через 18 лет бесплодного брака.

Осенью был собран собор, состоящий из высшего духовенства и бояр. На нем Василий заявил, что из-за неплодия жены не знает, кому оставить Русскую землю. Братья в наследники не годятся, поскольку «своих уделов не умеют устраивать». В ответ все собравшиеся посоветовали ему разойтись с женой и вступить в новый брак.

Однако среди духовенства нашлось немало противников развода. Они утверждали, что отсутствие детей – Божье наказание обоим супругам. Наиболее активно отстаивал эту точку зрения афонский монах Максим Грек, приглашенный в Москву великим князем для перевода с греческого на русский язык церковных книг. Его поддержал Вассиан Патрикеев, «князь-инок», писатель и публицист, находившийся одно время в доверительных отношениях с Василием III. В итоге вопрос о разводе не получил дальнейшего развития в 1523 г.

Однако вскоре великий князь понял, что, если ничего не менять, то наследником станет его брат Юрий Дмитровский, постоянный соперник во всех делах. Кроме того, он обнаружил, что обласканный им Максим Грек отнюдь не стремится быть его помощником, более того, своей критикой очерняет в глазах подданных и, используя друзей, ссорит с турецким султаном. Василий же в борьбе с Крымом именно дружбу с султаном хотел использовать в качестве своей главной «козырной карты».

В итоге по инициативе великого князя в 1525 г. над Максимом Греком и его сторонниками был устроен суд. Во вре-

мя процесса их обвинили в том, что они восхваляли «басурманские обычаи» и хулили порядки в Русском государстве. Кроме того, они якобы ссылались с пашами и провоцировали их напасть на русские земли.

Приговор был достаточно суров: И. Н. Берсень-Беклемишев, сын боярский и дипломат, был казнен, Максим Грек и его окружение были сосланы под надзор в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Некоторые исследователи полагают, что строительство Новодевичьего монастыря также было связано с вопросом о разводе великого князя. Поскольку прямой вины Соломонии ни в чем не было, то ссылать ее в отдаленный монастырь, вроде, не следовало, но и постригать в Вознесенском кремлевском монастыре было нельзя. Поэтому Василий решил построить для бывшей жены новый монастырь рядом со столицей. Строительство началось в мае 1524 г. и было завершено через год. В ноябре 1525 г. под именем София Соломония была пострижена. Возможно, если бы она со смирением отнеслась к своей участи, то оказалась бы в Новодевичьем монастыре. Но она растоптала монашеское одеяние и долго сопротивлялась, не желая принять постриг. Поэтому после пострига в московском Рождественском монастыре она была отправлена в Покровский монастырь в Суздале.

Во время развода с Соломонией у Василия III уже была на примете невеста. Ею стала Елена, юная и красивая племянница знаменитого Михаила Глинского, который помог рус-

скому войску овладеть Смоленском, но потом попал в опалу. Свадьба состоялась 21 января 1528 г. в Кремле. По непонятной причине никто из родственников невесты на нее не был приглашен.

Следует отметить, что новая жена имела глубокие родовые корни. Свой род Глинские вели от хана Большой Орды Ахмата, кроме того, имели в роду знатных сербов Пéтровичей и многих литовских князей. Этим браком великий князь как бы реабилитировал себя в глазах много сделавшего для него Михаила Глинского, отводя ему роль опекуна своих будущих детей.

Но долгожданные наследники в новом браке появились далеко не сразу. Этим воспользовалась Соломония (Софья) и стала распространять слухи о том, что родила сына Юрия. Таким способом она хотела реабилитировать себя в глазах общественности и очернить бывшего мужа. Но вряд ли этот ребенок существовал в действительности. В предполагаемой могиле мальчика археологи нашли лишь детскую одежду.

После женитьбе на Елене Глинской Василий несколько изменил свой двор. В феврале 1527 г. из тюрьмы был выпущен Михаил Глинский. Его тут же женили на дочери князя И. В. Оболенского. Видное место при государе занял бывший литовский князь Ф. И. Мстиславский. Он даже получил в жены племянницу великого князя, дочь татарского царевича Петра и Евдокии Ивановны, и таким образом породнился с ним. Возвышая литовских князей, Василий проводил

политику закрепления их при своем дворе. Для этого он использовал поручные записи и крестоцелование. Так, Михаил Глинский должен был поцеловать крест государю и дать ему клятву верности. Кроме того, целая группа видных князей и дворян должна была нести личную ответственность за действия Глинского. В случае его бегства им следовало выплатить 5 тыс. руб. самым знатным князьям Д. Ф. Бельскому, В. В. Шуйскому и Б. И. Горбатову.

Те, в свою очередь, лично отвечали перед великим князем. Аналогично прикреплен к трону был и Ф. И. Мстиславский.

Василий даже запретил князьям переходить на службу к своим братьям и всех ослушников сурово наказывал. Это новое явление, появившееся при Иване III и развивавшееся при его преемнике, свидетельствовало об усилении самодержавия в Русском государстве.

Поскольку часть русского духовенства, преимущественно нестяжательского направления, осудила второй брак Василия, то после женитьбы на Елене Глинской он начал опираться на иосифлян во главе с митрополитом Даниилом. Это привело к тому, что в 1526 г. новым новгородским архиепископом стал лужицкий архимандрит Макарий (впоследствии митрополит), ростовским архиепископом – Кирилл, пермским епископом – Алексей.

Наконец 25 августа 1530 г. произошло то радостное событие, которого великий князь ждал все свое правление – у

него родился сын Иван. 4 сентября в Троицком монастыре он был крещен. На радостях Василий простил всех опальных, в числе которых за разные проступки в разное время входили: Ф. И. Мстиславский, М. Д. Щенятев, Б. И. Горбатый, М. А. Плещеев, Я. Л. Морозов и др.

В то же время, рождение наследника дало возможность великому князю окончательно расправиться со своими врагами. В 1531 г. был созван новый собор на Максима Грека и его сподвижника Вассиана Патрикеева. Последний был обвинен в том, что «развратил, по своему разуму» великую святую книгу Кормчую и хулил русских чудотворцев, не видя в них святости. Максим Грек вновь был обвинен за неправильные переводы священных книг и критику в адрес русских монастырей, владевших землями с крестьянами и всевозможными богатствами.

В итоге Максима Грека сослали в Тверской Отрочь монастырь, а Вассиана Патрикеева – в Иосифо-Волоколамский монастырь, где он вскоре умер.

Рождение наследника побудило Василия вновь заставить ненадежных князей дать крестоцеловальную запись не только себе, но и жене и сыну. В 1531 г. ее дали новгородцы и братья великого князя Юрий и Андрей. Некоторые иностранные источники сообщали, что отношения между сыновьями Ивана III становились все более напряженными.

После рождения сына великий князь занялся обустройством более близкой к столице, чем Александрова слобода,

загородной резиденции – Коломенского. 3 сентября 1532 г. там был торжественно освящен великолепный храм Вознесенья. Пир по поводу этого события продолжался три дня, и на нем присутствовали все великокняжеские родственники.

Вскоре после этого события, 30 октября, Елена Глинская родила второго сына, получившего имя Юрий (таков был обычай в великокняжеской семье). Правда, позднее выяснилось, что ребенок глухонемой и в умственном отношении не совсем полноценен.

Имея двух сыновей, Василий III мог уже не бояться за судьбу престола – он должен был достаться его сыновьям, а не братьям или возможным племянникам. Поэтому он разрешил своему младшему, наиболее послушному, брату Андрею жениться. Свадьба состоялась 2 февраля 1533 г. Женой Андрея Старицкого стала Ефросиния Андреевне Хованская, дочь одного из знатных, но довольно бедных князей Гедиминовичей. Правда, Василий не смог предвидеть, что родившиеся в этом браке дети создадут большие проблемы и сложности для его сына Ивана.

Юрию же Дмитровскому жениться так и не пришлось. Запрет старшего брата, видимо, был одним из поводов для натянутых отношений между ними.

Осень 1533 г., казалось, не предвещала никаких трагических событий в великокняжеской семье. В конце сентября, как обычно, Василий III с женой и детьми отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Затем он поехал на

Волок на охоту. Во время поездки он почувствовал боль в левом бедре и обнаружил маленький прыщик. Предположительно у него начинался периотонит. С каждым днем великому князю становилось все хуже. Проведенное лекарями лечение привело лишь к тому, что на месте прыща образовалась опухоль, и из нее стал в большом количестве вытекать гной. Чувствуя, что состояние здоровья становится угрожающим, Василий повелел доставить завещание и созвать виднейших бояр. На совещании 26 октября был обсужден текст нового завещания.

Только 23 ноября великому князю с большими муками удалось вернуться в Москву. Сразу же к больному были вызваны видные бояре и родственники: братья Андрей и Юрий, В. В. Шуйский, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов и другие. Они были ознакомлены с завещанием великого князя. Наследником объявлялся старший трехлетний сын Иван. Его опекунами – ближайшие родственники: князья Д. Ф. Бельский и М. Л. Глинский. Великой княгине было приказано «под сыном своим государство держати до возмужания его». Младший сын Юрий получил в удел Углич. Вскоре после этого, в ночь с 3 на 4 декабря 1533 г., Василий III скончался.

Подводя итоги 28-летнего правления Василия III, следует отметить, что он был достойным наследником всех славных начинаний отца по созданию Русского национального государства. При нем продолжалось «собирание зе-

мель»: в 1510 г. был окончательно присоединен Псков, около 1521 г. перестало существовать Рязанское княжество, ликвидировались уделы. В 1513 г. после смерти Фёдора Волоцкого его владения отошли к великому князю, в 1518 г. не стало Калужского удела Семена Ивановича, в 1521 – Углицкого удела Дмитрия Ивановича. Вскоре после смерти Василия, в 1533 г., был арестован Юрий Дмитровский, а в 1537 г. – Андрей Старицкий. Ликвидация уделов стала возможной лишь потому, что великий князь запрещал братьям жениться и они умирали без наследников (исключением стал только Андрей Старицкий, имевший сына Владимира и дочь Марию).

Василий III смог расширить владения и за счет присоединения бывших владений Великого княжества Литовского. В упорной борьбе был завоеван Смоленск. Благодаря умелой дипломатической политике государя, удалось закрепить за Русским государством и этот стратегически важный город, и северские земли, ранее присоединенные Иваном III.

Успешные походы на Казань (1505, 1524, 1530) поставили это ханство в вассальную зависимость от Москвы. Перенос торга в Нижний Новгород и строительство Васильсурска постепенно подорвали экономику ханства. Это создало условия для его окончательного завоевания уже сыном Василия Ивановича. В период правления Василия I добрососедские отношения были установлены с Ливонией, Данией, Швецией, Крымом и Турцией, Империей и Римским папой. Все это подняло престиж Русского государства на междуна-

родной арене.

В правление Василия III власть великого князя существенно возросла.

Он открыто называл себя самодержцем, вольным распоряжаться судьбами подданных. Практика их отъезда на службу к другим дворам была окончательно ликвидирована. Отныне князья и бояре были вынуждены давать крестоцеловальные записи и поручаться друг за друга имуществом.

Василий III объявил себя и главой Боярской думы, и главнокомандующим над всеми вооруженными силами в стране (раньше великий князь возглавлял только свою дружину). Высшей судебной инстанцией становится великокняжеский суд. От имени государя издаются законы, касающиеся всех жителей государства, а не только владений самого великого князя. Удельные князья теряют право вести самостоятельную внешнюю политику. Она – прерогатива верховного правителя. Роль удельных князей сводится лишь к тому, чтобы быть помощниками старшего брата и исполнять его волю.

После присоединение западнорусских земель при дворе великого князя оказалась прослойка служилых князей литовского происхождения (Мстиславских, Одоевских, Глинских, Воротынских, Бельских, Трубецких и других), которые сохраняли наследственные вотчины и занимали особое положение, т. е. помогали великому князю только тогда, когда это соответствовало их собственным интересам. Например, в походах на Казань они могли не участвовать, но с

польско-литовским королем биться были обя-заны. Некоторые из них, в частности Василий Шемячич, владели огромными территориями и сохраняли полунезависимое положение. Но великий князь лишь формально считал его союзником. На самом деле он стремился к тому, чтобы полностью подчинить себе и лишить земельных владений. При Василии III процесс ликвидации самостоятельности служилых князей только начался, завершен он был уже его сыном Иваном Грозным.

Хотя при Василии III к Русскому государству было присоединено много земель, единого целого они еще не составили. На это указывает отсутствие одинакового налогового обложения. Например, в Новгородской земле единицей обложения была обжа, в Перми – лука, в Пскове – выть, на Севере – маленькая сошка и т. д. Кроме того, новгородский владыка и наместник имели право самостоятельных дипломатических сношений с Ливонией и Швецией. Управлялись вновь включенные земли также отдельно, самостоятельными дворцами во главе с дворецкими. Существовали должности новгородского дворецкого, тверского, рязанского, дмитровского и углицкого. Великорусскими землями ведал большой дворецкий, который по своим функциям не смешивался с остальными. Это территориальное управление, как рудимент прежней раздробленности русских земель, сохранялся достаточно долго и стал особенностью формирующегося государственного аппарата.

При Василии III существенно возрос двор, при этом иерархия среди служащих обозначилась более четко. Важнейшим чином стал конюший, затем – дворецкий. Оба вошли в Боярскую думу и заняли в ней первые места. Далее шли: окольничие, оружничий, ясельничий, сокольничий, ловчий, постельничий. Последний считался ниже чинов, связанных с охотой, поскольку Василий III имел к этому виду развлечений особое пристрастие.

Существенно возрастает роль казначеев и печатников. Если раньше в их ведении была лишь великокняжеская казна, то со временем они стали ведать и общегосударственными вопросами. Характерно, что на должность казначея при Василии назначались преимущественно выходцы из Византии, греки Траханиотовы и Ховрины-Головины. При них сильно разросся аппарат чиновников (дьяков), занимавшихся управленческими вопросами. Обычно дьяками становились грамотные люди из поповского сословия или из холопов (служилых людей князей и бояр).

На местах крупные города управлялись наместниками, которые назначались великим князем из числа наиболее знатных князей и бояр. Фактически города отдавались им в кормление, т. е. они вершили там суд, собирали всевозможные налоги, часть которых шла им в карман. Помощниками наместников были городовые приказчики, которые осуществляли административно-финансовую деятельность.

Василию III удалось полностью подчинить церковь своим

интересам. При нем митрополит Даниил во всем поддерживал светскую власть, поскольку великий князь помогал ему бороться и расправляться с нестяжателями, критиковавшими Церковь за стремление к обогащению.

Таким образом, Василий не только внес существенный вклад в развитие Русского централизованного государства, но и начертал своему преемнику дальнейшую программу действий по укреплению и расширению его границ. Сыну предстояло окончательно ликвидировать самостоятельность удельных и служилых князей, сформировать госаппарат, упорядочить свод законов, который был еще достаточно рыхлым, расширить границы и на запад, и на восток, и даже на юг, где сохранялись остатки некогда грозной Золотой Орды.

Глава 18. Дальнейшее развитие Русского государства при Иване Грозном

§ 1. Регентство Елены Глинской

По завещанию Василия III наследником престола объявлялся его старший сын Иван. Но тому было только 3 года и, естественно, что править самостоятельно он не мог. Реальной главой государства стала его мать – великая княгиня Елена Васильевна Глинская. Она понимала, что основными соперниками ее малолетнего сына являются взрослые и вполне дееспособные братья умершего мужа – Юрий и Андрей. Даже если бы они сами не претендовали на власть, вокруг них могли сгруппироваться все противники правительства регентши.

Решительная Елена не стала ждать возможных заговоров и нанесла удар первой. 11 декабря 1533 г. Юрий Дмитровский был брошен в тюрьму, а младший, Андрей Старицкий, еще раз приведен к присяге Ивану IV, т. е. старшему сыну Василия III. Произвела она и некоторые изменения в Боярской думе. Конюшим боярином, т. е. старшим из бояр, стал князь И. Ф. Телепнев-Оболенский (Овчина-Оболенский-Те-

лепнёв), приходившийся Елене дальним родственником. Его троюродная племянница была женой М. Глинского, дяди великой княгини. К тому же он был родным братом мамки сына Елены Глинской Ивана – Агрофены Челядниной.

Хотя Иван Федорович происходил из достаточно знатного рода князей Оболенских и был известным полководцем, стремительный взлет в конюшие породил слухи о том, что он стал фаворитом молодой правительницы. Следует отметить, что на военной карьере его новый чин никак не отразился. Летом 1534 г., в Коломне, он возглавлял самый низший полк – Левой руки, осенью командовал Передовым полком в войске, возглавляемом князем В. В. Шуйским. В 1537 г. он был вновь воеводой только Полка Левой руки. Все это свидетельствует о том, что слухи об его особом положении при дворе, возможно, были сильно преувеличены.

Несмотря на попытки укрепить свою власть, Елене не удалось добиться единства в Боярской думе. Между старомосковской знатью и выходцами из Польско-Литовского государства, т. е. между Шуйскими, Захарьиными-Юрьевыми, с одной стороны, и Глинскими, Бельскими с другой сразу же возникло соперничество. Начавшаяся война с Польско-Литовским государством этот конфликт лишь обострила. Дело кончилось тем, что князь С. Ф. Бельский со своими сторонниками бежали в Литву. Князь В. В. Шуйский воспользовался этим и обвинил в измене князя М. Л. Глинского. Тот был снова посажен в тюрьму. Елена не посмела вступиться

за дядю, поскольку в условиях войны не хотела ссориться с главными военачальниками.

Без твердого военного руководства, обычно осуществляемого государем, сражения на литовском фронте приняли затяжной характер. В августе 1535 г. после длительной осады пал Стародуб. В этих условиях русская сторона была вынуждена начать мирные переговоры. Они закончились подписанием в 1537 г. перемирия на несколько лет. По его условиям Москва теряла Любич и Гомель.

Неудачи на военном фронте заставили Елену искать виновных. Оказалось, что во время военных походов против Литвы князь Андрей Старицкий под разными предлогами отказывался в них участвовать. Для регентши и боярского суда это показалось очень подозрительным. Началось следствие. Князь Андрей попытался было бежать в Новгород, но по дороге был схвачен и отправлен в заточение, где вскоре скончался. Сурово наказаны были и все его приближенные и сторонники.

Проводя внутреннюю политику, Елена Глинская и окружающие ее бояре стремились быть рачительными хозяевами. Важным мероприятием стало проведение денежной реформы. До нее вес монет в разных районах России существенно колебался, и это затрудняло торговые операции. Было решено всю равновесную монету перечеканить по новому образцу в виде «копейки». Свое название эта монета получила от изображения всадника с копьем. Она еще носила назва-

ние «новгородки», так как «московки», монеты, на которых изображался всадник с саблей, стали считаться лишь частью «новгородок», т. е. более мелкой монетой.

Правительство регентши вело активную борьбу с «лихими людьми». Обязанность преследовать их была возложена на губных старост, которых выбирали из числа уездных дворян или наиболее видных горожан. В итоге губные старосты стали иметь статус окружных судей.

Правительство постоянно предпринимало меры по сокращению податных привилегий монастырей и уменьшению количества земельных владений. Ведь то и другое снижало доходы казны и ухудшало материальное положение служилых людей, живших за счет доходов от поместий, раздаваемых правительством.

Продолжилась и начатая Иваном III и Василием III строительная деятельность. В Москве была построена под руководством итальянского архитектора Петрока Фрязина китайгородская стена. Она окружила густонаселенный посад, раскинувшийся вдоль берега Москва-реки. Новые укрепления были возведены в приграничных городах: Стародубе, Почепе, Пронске; новыми городами-крепостями стали Себеж, Темников на реке Мокша, Любим на реке Обнора.

Но правление Елены Глинской оказалось недолгим – 3 апреля 1538 г. она умерла в еще достаточно молодом возрасте. Современники полагали, что регентша была отравлена по указанию князей Шуйских, желавших максимально влиять

на юного государя.

После кончины Елены Глинской власть перешла к Боярскому совету, поскольку юному великому князю Ивану было только 7 лет.

§ 2. Боярское правление

Первоначально после смерти великой княгини в Боярский совет вошли те, кто был назначен опекунами юного Ивана IV. Это князья В. В. Шуйский Немой и его брат Иван, князья Бельские, Дмитрий и Иван Фёдоровичи, М. Ю. Захарьин и другие. Видную роль в правительстве стал играть и митрополит Даниил. Вместе они объединились против бывшего временщика князя И. Ф. Овчины-Оболенского-Телепнёва, и бросили его в тюрьму. Современники вспоминали, что Овчина умер в тех же оковах, что и М. Глинский, когда-то замученный по его приказу.

Уже осенью 1538 г. среди членов Совета начались разногласия. В итоге верх одержали князья Шуйские. Они арестовали И. Ф. Бельского, свели с митрополии Даниила и казнили их сторонника дьяка Ф. Мишурина. Новым митрополитом в феврале 1539 г. стал бывший троицкий игумен Иоасаф.

В. В. Шуйский торжествовал. Малолетний великий князь Иван оказался полностью в его власти. Чтобы приблизиться к трону на законных основаниях, он в 50 лет женил-

ся на юной княжне Анастасии Петровне, двоюродной сестре Ивана IV. Свой старый боярский двор он оставил родственникам, а сам переехал на подворье удельного князя А. И. Старицкого в Кремле. Однако в разгар своего триумфа В. В. Шуйский заболел и на рубеже 1538/1539 г. умер. Его место тут же занял брат Иван. Но особым авторитетом у бояр он не пользовался. Это понял митрополит Иоасаф и обратился к Боярской думе с «печалованием» о судьбе заточенного на Белоозере князя И. Ф. Бельского. В итоге летом 1540 г. тот был выпущен из тюрьмы и вновь оказался в Москве. В декабре был освобожден и малолетний сын Андрея Старицкого Владимир.

Распри среди бояр привели к ухудшению внешнеполитической обстановки. Летом 1541 г. крымский хан Сагиб-Гирей подошел к берегам Оки. Только энергичная атака Д. Ф. Бельского заставила его отступить и вернуться в степи. Ухудшились отношения с Казанским ханством. Под предлогом обороны городов от казанцев И. Шуйский был направлен во Владимир. Однако там он стал собирать силы для решительной схватки со своим главным врагом – И. Ф. Бельским. В ночь на 3 января 1542 г. сторонники Шуйских схватили князя Бельского и сослали на Белоозеро, где тот вскоре умер. Сведен с митрополии был и его «печальник» Иоасаф. Новым митрополитом был избран новгородский архиепископ Макарий, известный своей книжной ученостью и стремлением к возвышению Русской церкви (в

Новгороде он начал работу по составлению сборников житий русских святых).

Однако и временщику И. В. Шуйскому недолго пришлось радоваться победе: 14 мая 1542 г. он умер.

В итоге явных лидеров среди боярских группировок не оказалось, хотя в думе оставались и видный полководец Д. Ф. Бельский, и новый глава партии Шуйских Андрей Михайлович. Пользуясь слабостью центральной власти, каждый боярин и князь старался извлечь выгоду лично для себя. Об этом времени Иван IV позднее писал: «Напали на города и села, мучили различными способами жителей, без милости грабили их имения. Всех подданных считали своими рабами, учинили неправды и беспорядки, от всех брали безмерную мзду и за мзду все только и делали».

Боярское правление оказалось неэффективным и нежизнеспособным в молодом Русском государстве. Созданное усилиями московских князей, оно требовало для успешного развития монархического способа управления и жесткой централизации для унификации внутреннего состояния разрозненных частей, вошедших в его состав в течение XV–XVI вв. Это хорошо понял «грозный внук» Ивана III и достойный сын Василия III Иван IV.

§ 3. Формирование личности Ивана IV Васильевича Грозного

Формирование личности первого русского государя, официально принявшего титул царя, проходило в очень сложных условиях. В три года он лишился отца, но был объявлен наследником престола. Для того, чтобы взойти на него, ему следовало только достичь совершеннолетия под опекой матери. Однако уже в 8 лет он лишился этой опоры и стал игрушкой в руках боярских временщиков. Никто серьезно не занимался его образованием и воспитанием, никто не заботился о создании для него подобающих его сану бытовых условий. Каждый «халиф на час» лишь использовал юного великого князя в своих целях.

С горечью вспоминал Иван, что бояре кормили его с братом, «яко иностранных или яко убожайшую чадь». В итоге мальчики постоянно ощущали нехватку одежды и обуви и даже голодали.

С особенным пренебрежением относились к юному государю и его младшему брату Юрию князья Шуйские. Они, видимо, помнили, что их предок князь Андрей Александрович на иерархической лестнице был выше Даниила Московского, родоначальника московских князей. Заходя в комнату к играющим детям, князья не кланялись им и не оказывали ни малейшего почтения. Развалившись на лавке и по-

ложив ноги на постель Василия III, они молча наблюдали за мальчиками. Никто из них никогда не говорил добрых слов сиротам, не стремился хоть немного их приласкать.

Будущий царь рос в атмосфере жестокости, притворства, ненависти и лютой зависти. Естественно, это не могло не сказаться на его характере, общечеловеческих представлениях и самосознании. Он рано понял, что власть возносит человека на небывалую высоту и позволяет распоряжаться людскими судьбами по его собственному усмотрению. Но в одиночку добиться многого нельзя – надо окружать себя единомышленниками и защитниками.

В детстве Ивану пришлось пережить немало трагических событий, которые также повлияли на его характер. Вот одно из них. Митрополит Иоасаф, обеспокоенный судьбой государства и юного государя, пытался примирить враждующие боярские партии. В январе 1542 г., во время мятежа Шуйских, он хотел организовать крестный ход с участием великого князя Ивана. Мальчика разбудили рано утром и отвели в собор, где началась Божественная литургия. Но это не остановило мятежников. Они сначала схватили близкого к Ивану князя Петра Щенятева, потом с шумом набросились на митрополита. В его келью даже полетели камни.

Митрополит был вынужден спасаться бегством и укрыться на подворье Троицкого монастыря. Но и там его не оставили в покое. Толпа молодых детей боярских набросилась на него, порвала одежду и чуть не убила. Дело кончилось тем,

что по решению Боярской думы, контролируемой Шуйскими, Иоасафа сослали на Белоозеро.

В сентябре следующего года вспыхнул новый боярский мятеж. На заседании Боярской думы, в присутствии Ивана и нового митрополита Макария, князь А. М. Шуйский со своими сторонниками набросились на боярина Ф. Воронцова. Его обвинили в дурном влиянии на государя. Боярин был основательно избит и чуть было не лишился жизни. Только заступничество Макария спасло Воронцова. При этом пострадал и сам митрополит: Ф. Головин наступил на край длинной мантии пастыря, и та порвалась.

Все эти безобразные сцены разыгрывались на глазах у юного Ивана IV. Они не могли не повлиять на него. В возрасте 13 лет он приказал псарям затравить собаками ненавистного Андрея Шуйского. С этого времени «почали бояре от государя страх имети и послушание». В ближайшее окружение государя вошли его родственники – дядя М. В. Глинский и бабка Анна Глинская. Они посоветовали Ивану расправиться со всеми мятежниками. Ф. Шуйского, Ф. Головина, князя И. Кубенского сослали, А. Бутурлину отрезали язык, были наказаны и многие другие знатные лица. Бояре поняли, что их самовольству и самоуправству пришел конец. Иван же всю оставшуюся жизнь стал ревностно оберегать от любых посягательств свое право распоряжаться судьбами государства и подданных. С этого времени его кредо было – безграничная самодержавная власть.

Систематическим образованием Ивана IV никто не занимался. Под началом матери и дядьки-наставника, с пяти лет, он был обучен грамоте, затем изучил книги Священного Писания. Восполнять пробелы в знаниях ему пришлось самому. Большая библиотека отца и деда была в этом отношении хорошим подспорьем. Особенно привлекали юношу книги по истории государств, о военных походах. Идеалом стали великие деяния и завоевания древних римлян. Им ему хотелось подражать.

Для себя юный государь сделал главный вывод – во всех делах, связанных с управлением страной, он должен разбираться сам и не полагаться на советников. В противном случае он не сам будет править, а более знающие люди будут это делать за него. Поэтому Иван тщательно овладевал военным искусством, изучал государственное устройство других стран, дипломатию, историю Руси, своих предков и т. д. Большую помощь в этом ему оказывал опытный и начитанный книжник митрополит Макарий. Еще в бытность в Новгороде он собрал хорошую библиотеку и готовился к созданию многотомного энциклопедического труда – Четей-Миней.

Таким образом, можно сделать вывод, что для понимания эпохи Ивана Грозного, полной драматизма и неясностей, следует заглянуть в детство царя. В нем находятся все ответы на трудные вопросы и сложные загадки этого времени, полного драматических событий.

§ 4. Венчание на царство

Иван IV стал первым государем, который не только принял царский титул, но и вступил на престол после обряда венчания. До Василия III великие князья ставились ханскими послами и получали из их рук ярлык на верховное правление. Вся процедура проходила во владимирском Успенском соборе. Василий III, видимо, сел на престол без всяких церемоний, получив только отцовское благословение. Обряд венчания он проигнорировал, потому что эта процедура была разработана для его соперника Дмитрия-внука.

У Ивана IV ситуация была иной. Никаких соперников и претендентов на трон у него не было. Великим князем он был объявлен уже в три года, но реальную власть должен был получить только в 16 лет, т. е. достигнув совершеннолетия Поскольку до этого страной управляли бояре, то требовался некий особый обряд, показывающий всем, что молодой государь вырос и берет бразды правления в свои руки. Церемония венчания на великое княжение для этого подходила как нельзя лучше, поскольку осуществлялась в храме, была публичной, торжественной, освещалась митрополитом и высшим духовенством. Она давал возможность присутствующим увидеть, как Иван берет в свои руки скипетр – символ власти и надевает уже не великокняжескую шапку, а царский венец.

Таким образом, обряд венчания на царство ставил как бы две цели: официально продемонстрировать, что наследник престола начинает самостоятельное правление, и показать, что его монарший статус возрос, поскольку царский титул приравнивал Ивана к западноевропейским королям.

Однако, по установившимся в Европе правилам, королевский титул давался монархам либо римским папой, либо императором Священной римской империи. Тогда он приобретал законное основание и признавался остальными западными правителями.

Венчание Ивана IV было как бы самовольным, поэтому польские короли его новый царский титул так и не признали. Не признавали они титулы всех остальных русских царей до второй половины XVII в.

В 50-е гг. XVI в. русской дипломатии пришлось потратить много сил для того, чтобы константинопольский патриарх и восточные иерархи подтвердили законность царского титула Ивана IV. Для этого были составлены и отосланы в Константинополь легендарные сказания о происхождении русских князей от римского императора Августа и о дарах византийского императора Константина киевскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху. В число этих даров, якобы входили знаменитая шапка Мономаха и бармы, дающие право потомкам Владимира право на царский титул. В итоге получалось, что Иван IV по своему происхождению и дарам Константина имел законное право на царскую власть и цар-

ский венец.

Для церемонии венчания Ивана IV был разработан пространный текст Чина, включающий процедуру миропомазания, которой не было в Чине венчания Дмитрия-внука. Вместе со Сказаниями он был также отправлен в Константинополь патриарху. В итоге в 1560 г. Иван IV получил от восточных патриархов грамоту, узаконивающую его новый царский титул.

Реальная процедура венчания Ивана, видимо, была много скромнее. В целом она походила на ту, что осуществил Иван III в отношении Дмитрия-внука в 1498 г.

В источниках отмечено, что мысль о венчании на царство пришла в голову самому Ивану, когда ему было только 16 лет. Но более вероятно, что она была подсказана митрополитом Макарием, опекавшим наследника и желавшим с его помощью остановить боярское самоуправство. Будучи человеком книжным, он мог подсказать молодому монарху, что киевский князь Владимир Мономах неслучайно получил свое прозвище. Вероятно, у него были какие-то отношения с византийским императором Константином Мономахом. (Тот приходился ему дедом, но умер, когда княжич был совсем юн). Так появилась легенда о дарах Константина, позволившая Ивану заявить, что он хочет «поискать прародительских чинов» и сесть на царство, как садились «прародители цари и великие князья и сродник Владимир Всеволодович Мономах».

Подготовка к церемонии венчания была недолгой. 16 января 1547 г. в Успенском соборе Кремля в присутствии знати и высшего духовенства митрополит Макарий венчал Ивана IV царским венцом, т. е. просто возложил на него бармы (оплечия) и царский венец. При выходе из собора и при посещении других кремлевских храмов нового царя обсыпáл золотыми монетами его брат Юрий.

С этого времени церемония венчания на царство стала обязательной для всех новых монархов. Правда, постепенно она усложнилась, и в ней стали принимать участие большое число различных лиц. Это должно было наглядно продемонстрировать всем, что царь получает власть в окружении родственников и ближних бояр. Постепенно увеличилось и число царских регалий. На Ивана возложили лишь венец и бармы. Его сын Федор получил еще скипетр и яблоко – символ державы. Затем добавился животворящий крест и ряд других регалий.

Но ни венчание, ни возраст не делали Ивана окончательно взрослым. По русским обычаям, полностью самостоятельным человек становился только после женитьбы. Поэтому сразу после венчания на царство состоялась свадьба молодого монарха. Это важное событие произошло 3 февраля 1547 г.

По некоторым данным, первоначально Иван хотел найти невесту в иностранных государствах, но, поразмыслив о том, что с иностранкой может не сойтись нравом и в своем доме,

как и прежде, будет одинок, решил поискать будущую жену в своей стране. В декабре 1546 г. по всем городам были разосланы правительственные грамоты с требованием отправить на смотрины в Москву знатных девушек-невест. Общее число кандидаток, видимо, было значительным, но выбор пал на ту, которую Иван мог знать с детства – на дочь умершего окольничего Р. Ю. Захарьина Анастасию. Ее родственники уже несколько веков служили московским князьям и занимали при их дворах наиболее видные места. Так, ее дядя Михаил Юрьевич входил в ближнюю думу Василия III и даже носил прозвище «око государя». Более того, одна из представительниц рода Кошкиных-Захарьиных уже была женой московского князя. Это Мария Голтяева, ставшая женой младшего сына князя Владимира Храброго (двоюродного брата Дмитрия Донского) Ярослава. Уже дочь Марии и князя Ярослава, тоже Мария, стала женой великого князя Василия II Темного.

Поэтому появление во дворце Анастасии Романовны и ее многочисленных родственников особых перестановок среди знати не вызвало. Иван же получил в лице жены не только любящую и заботливую супругу, но и мудрую советчицу во всех делах. По мнению многих известных историков, именно Анастасия умела смирять буйный нрав царя и направлять его в нужное русло государственных дел и забот.

Не успели отгреметь торжества по поводу царской женитьбы, как на Москву обрушилась огненная стихия. Силь-

ные пожары вспыхнули 12 апреля, 20 апреля, 3 и 21 июня. Огонь бушевал не только на посаде, но и в Кремле. У соборов обгорели верха. Постельная палата сгорела вместе с казной, Оружейная – с оружием. В Китай-городе выгорели все лавки с товарами, жители улиц Неглинной, Рождественки, Покровки, Мясницкой остались без крова. Царь с женой спаслись на Воробьевых горах, митрополита Макария едва живого вывезли в Новоспасский монастырь.

На фоне народных бедствий противники царских родственников, Глинских, стали распространять слухи о том, что город сгорел из-за их волшебства. 26 июня толпа москвичей собралась на Соборной площади и стала требовать расправы над бабкой царя Анной Глинской и ее сыновьями, Михаилом и Иваном. Поскольку в Кремле был только Юрий, москвичи накинулись на него и убили. Затем толпа бросилась к царю в Воробьево и стала требовать выдача остальных Глинских.

Вид разбушевавшегося народа, несомненно, испугал юного царя. Позднее он вспоминал о пережитом: «Вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, и смирился дух мой». Иван понял, что простые люди являются грозной силой, способной все смести на своем пути. Но при этом они готовы ему подчиняться, поскольку видят в нем справедливого судью и защитника. Это он хорошо запомнил на всю жизнь и стал использовать в будущем для борьбы со своими врагами.

Бояре, настроившие против Глинских народ, могли тор-

жествовать. Могуществу царских родственников пришел конец. Для своего ближнего окружения царь был вынужден выбрать иных людей. Кроме митрополита Макария, его духовным наставником стал благовещенский протопоп Сильвестр, автор знаменитого «Домостроя» и нравоучительных посланий. Роль советчика по государственным делам перешла к рядовому придворному Алексею Адашеву. Будучи постельничим, он по роду службы постоянно находился при царской особе и смог стать для царя близким человеком. В этом не было чего-либо необычного. Во время сиротского детства Иван понял, что представители высшей знати стремятся лишь к личной выгоде и власти и при этом ловко им манипулирует. Менее знатные люди, напротив, готовы были честно служить, поскольку их благополучие полностью зависело от его воли. Кроме того, молодой царь проще находил общий язык с ровесниками, а не с престарелыми вельможами. Именно с ними он пожелал начать самостоятельное правление и назвал близких себе людей «Избранной радой». В то же время он не стал портить отношений и с заслуженными боярами в Думе. Поэтому в феврале 1549 г. был созван Собор примирения. На нем присутствовали: высшее духовенство, бояре, думные люди, дьяки, представители дворянства.

Во вступительной речи Иван сначала обвинил бояр в самоуправстве и злоупотреблениях властью во время его малолетства, но потом заявил, что прощает им их вины и просит объединить усилия и приступить к решению важней-

ших задач, стоящих перед государством. По его мнению, они заключались в следующем: следовало усмирить непокорных соседей, в первую очередь, Казань, упорядочить законодательство, провести реформы в армии, в государственном управлении и т. д.

Исследователи полагают, что Собор 1549 г. был первым земским собором, свидетельствующим о том, что Иван IV не хотел править только с помощью высшей знати, но пытался опереться на представителей разных сословий и желал информировать их о своих действиях.

Перед решающей схваткой с Казанским ханством солидарность сословий и их сплоченность вокруг престола были особенно важны царю.

§ 5. Взятие Казани и Астрахани

После смерти Василия III отношения с Казанским ханством окончательно испортились. Пришедший к власти в 1535 г. Сафа-Гирей проводил явную анти московскую политику. Он поощрял набеги своих подданных на Вятскую землю и окрестности Нижнего Новгорода. Себя же признавать вассалом малолетнего великого князя отказывался. В итоге правительство было вынуждено постоянно посылать во Владимир заградительные полки. Это очень обременяло русские войска, поскольку приходилось оборонять южные подступы к центральным районам от крымцев, а западные границы от

литовцев.

За десятилетие правления Сафы-Гирея тысячи русских людей оказались в татарском плену, нижегородские земли запустели. Волжский торговый путь в страны Востока стал исключительно опасным, и лишь немногие русские купцы рисковали по нему плыть. Все это подталкивало московское правительство к решительным действиям против Казани.

Первые Казанские походы предпринимались еще по инициативе боярского правительства. Но, как отмечали современники, из-за распрей между Шуйскими и Бельскими никаких результатов не принесли. Возмужавшему Ивану IV стало ясно, что он сам должен возглавить войско и добиться успеха. Этим он докажет всем, что является достойным наследником деда и отца, постоянно расширявшим границы государства.

Первый самостоятельный поход царь предпринял глубокой осенью 1548 г. Он рассчитывал, что зимой на Волге станет лед и удастся по нему перейти к городу. Но расчет не оправдался. Зима оказалась теплой, снег таял, делая дороги непроходимыми для подвод с орудиями. Таким же неудачным оказался и поход 1550 г.

Иван понял, что причина провала военных кампаний не только в плохой погоде, но и в самом войске, и приступил к его реорганизации. До этого оно состояло из дворянской конницы, пестрой по своему составу, поскольку воины экипировались за свой счет. На одних были надеты кольчуги, на

других, парчовые кафтаны, на третьих – стеганые фуфайки, не было однородности и в вооружении. Кто сражался саблями, кто – копьями, кто стрелял из лука. У полководцев не было ни стратегии, ни тактики. Все скопом бросались на врага, стараясь лишь показать личную доблесть и храбрость.

С лета 1550 г. начались реформы. Первым был обнародован приговор о местничестве, который должен был упорядочить взаимоотношения между воеводами, часто устраивавшими местнические тяжбы друг с другом и этим срывавшим службу. Отныне главным стал считаться Большой полк, а его воевода – главнокомандующим. Далее шли равные по значимости Передовой полк Правой руки, ниже – полк Левой руки и Сторожевой. Местничество разрешилось только в мирное время. Во время военных походов оно было запрещено.

Далее для упорядочения военных назначений был составлен список наиболее знатных князей и дворян – «Избранная тысяча». Главные воеводы отныне должны были назначаться из их числа. Все они получили поместья в окрестностях столицы, и по первому зову царя им следовало прибыть на службу. В 1551 г. была составлена «Дворовая тетрадь», в которую записали всех дворян, обязанных нести воинскую службу. Каждые 2–3 года следовало составлять новую перепись.

Таким образом, удалось довести состав дворянской конницы до 200–300 тысяч воинов. Но она собиралась только в особых случаях. Регулярные полки были существенно мень-

ше. Они состояли из 3 тысяч тяжелой кавалерии и 10 тысяч легкой. Первые были одеты в кольчуги и шлемы из металлических пластин и были вооружены мечами, копьями и палицами. Вторые – в обычных легких кольчугах, с саблями и луками. Позднее к ним добавились конные стрелки из мушкетов, численность которых доходила до 20 тысяч. Более мощным подразделением стала и пехота. Стрелецкое войско, вооруженное пищалями, доходило до 30 тысяч. Даже в мирное время регулярное войско занималось учениями и совершенствовало свое мастерство под руководством иностранных офицеров, которых царь активно зазывал к себе на службу.

Вооружение и экипировка регулярного войска осуществлялась за счет казны, воины получали жалованье и были освобождены от налогов.

Оклад стрельца равнялся 4 рублям в год. Он выплачивался за счёт особого налога – «пищальных денег». Офицеры получали в несколько раз больше. Дворянам же за службу выделялись только земельные владения. В их обязанность входило не только участвовать в военных походах царя, но и нести пограничную службу на берегах Оки (там стояло до 60 тысяч воинов), либо на западных рубежах у Смоленска. Кроме того, охранные функции осуществляли все жители небольших приграничных городков.

Готовясь к Казанским походам, царь Иван особое внимание уделил артиллерии, поскольку без нее взять хорошо

укрепленный город было нельзя. Он выписал иностранных мастеров литейного дела и поручил им устройство Пушечного двора. Там через некоторое время было отлито более 2 тысяч пушек и налажено производство пищалей.

В ходе двух первых Казанских походов Иван понял, что для успешной атаки на Казань необходимо иметь поблизости опорный пункт. Поэтому в мае 1551 г. в устье реки Свияга (впадает в Волгу в 20 км от Казани) был отправлен отряд под руководством московского союзника – хана Шигалея (Шаха-Али), изгнанного из Казани. Одновременно у Углича под началом опытного зодчего И. Г. Выродкова был подготовлен строительный материал для крепости с семью башнями. По Волге его сплавили к Свияге, где русские мастера за 4 недели возвели город-крепость Свияжск.

Внезапное появление русского укрепления произвело сильное впечатление на чувашей, которые согласились присягнуть на верность Ивану IV и помочь ему в новом походе на Казань. Казанцы тоже испугались и прислали к царю послов, которые заявили о готовности посадить на свой престол Шигалея. Однако вскоре они вновь изменили, надеясь на помощь крымского хана. Решительная схватка становилась неизбежной.

В мае 1552 г. начался сбор русского войска. В июне на лугах Москвы-реки был устроен смотр полков. Общая их численность достигала 150 тысяч.

1 июня во главе с царем войско двинулось к Казани. В

пути пришла весть, что крымский хан Девлет-Гирей осадил Рязань и Тулу. В помощь городам был отправлен Дворовый полк под руководством царского шурина Д. Р. Юрьева, который быстро отогнал крымцев.

Тем временем 23 августа царское войско подошло к Казани и стало готовиться к штурму. Город был хорошо укреплен с толстыми двойными дубовыми стенами. Вскоре выяснилось, что даже мощные артиллерийские атаки результата не дают. Поэтому под главные Арские ворота был сделан подкоп, и в день решающего штурма 30 сентября они были взорваны. В пролом устремились русские полки, и после ожесточенных боев 2 октября город пал. Казанское ханство перестало существовать.

Для управления городом и краем были назначены царские наместники. Встретивший в Москве победителей митрополит Макарий возложил на голову царя новый венец – Казанский. В 1554 г. к нему добавился еще один – Астраханский. Взятие последнего оплота Большой Орды оказалось довольно несложным делом. Раздираемое междоусобной борьбой Астраханское ханство было очень слабо. К тому же соседняя Ногайская Орда вошла в союзнические отношения с царем Иваном и помогла 30-тысячному русскому войску взять город почти без сопротивления. Отряды последнего хана Ямгурчея были окончательно разгромлены.

Взятие Казани и Астрахани имело большое значение для Русского государства. Во-первых, прекратились захватниче-

ские набеги на восточные территории, они начали успешно осваиваться русскими поселенцами. Во-вторых, в состав страны вошли многие поволжские народы (чуваши, марийцы, мордовцы, некоторые башкирские племена), и она стала многонациональной. Народы Поволжья и Среднего Приуралья получили возможность для более успешного экономического и культурного развития, избавившись от ханского гнета. В-третьих, Россия отныне могла контролировать весь Волжский торговый путь со странами Востока. Именно по нему доставлялись в Европу предметы роскоши, шёлк, оружие, кони и т. д. Продажа восточных товаров приносила огромные прибыли и казне, и русским купцам.

Кроме того, ликвидация остатков Золотой Орды позволила Русскому государству активизировать свою политику в юго-восточном направлении: установить дружеские отношения с Персией, закавказскими княжествами и позднее – с Грузией. Менее грозным стал и Крым. В 50-х годах была построена Тульская засечная полоса, состоящая из системы городов-крепостей, между которыми возводились остроги и лесные завалы. Она шла от Тулы на Рязань. Потом были созданы новые засечные линии от Казани до Козельска и даже южнее.

Реорганизация армии, походы на Казань и Астрахань, строительство оборонительных укреплений требовали много средств. Поэтому царь начал политику по ограничению церковно-монастырского землевладения, поскольку из-

за его роста ухудшалось экономическое положение дворянства (размер поместий и вотчин уменьшался за счет пожертвований духовенству).

В сентябре 1550 г. был принят приговор, запрещавший духовным феодалам создавать новые слободы и ставить новые дворы в старых слободах. В январе 1551 г. царь созвал церковный собор, на котором изложил свою программу реформирования церкви. Она состояла из 100 глав, поэтому зафиксировавший ее памятник получил название «Стоглав». Главное, к чему стремился Иван, это – ликвидировать церковно-монастырское землевладение, чтобы увеличить размер раздаваемой служилым людям земли. Но митрополит Макарий это царское начинание не поддержал, и реформа не состоялась, новшеством стала только регламентация церковных служб и монастырского быта. Для подготовки священнослужителей было решено основать несколько специальных училищ в Москве и крупных городах.

В целом же церковный Собор провозгласил незыблемость православных догматов и согласился лишь слегка видоизменить обрядовую сторону и укрепить церковную дисциплину.

Но все же царю Ивану удалось несколько ограничить монастырское землевладение. В мае 1551 г. был принят приговор, по которому монастырям запрещалось без согласования с царем покупать боярские вотчины, забирать земли дворян за долги, а также они должны были вернуть все земли, пожалованные им во время малолетства государя.

Земельный вопрос был одним из наиболее животрепещущих для Ивана IV, ведь основные собираемые в казну налоги были поземельными, земля служила платой за службу и воинских людей, и чиновников. Поэтому в середине XVI в. начались поземельная перепись и составление новых писцовых книг. Они позволили ввести единую окладную поземельную единицу – большую соху. Но ее размер не был одинаковым для всех сословий и разных видов почвы. Для служилых дворян она платилась с 800 четвертей «доброй земли» (в одном поле при трехпольной системе), для духовенства – с 600 четвертей, для крестьян – с 500. Сохранялись и прежние подати и повинности: «ямские деньги», «городовое дело», «пищальные деньги», «полоняничные» (для выкупа пленных).

Новый порядок сбора налогов потребовал изменений в центральных и местных органах управления. Они были связаны с тем, что территория государства росла, и управленческие функции «изб» все более расширялись и осложнялись. Со временем они стали называться приказами. В них сосредоточивалась вся делопроизводственная деятельность соответствующих ведомств. Так, в Посольском приказе велась вся дипломатическая документация, в Разрядном приказе составлялись росписи полков и разбирались местнические дела, в Земском – контролировался сбор налогов с городов, в Поместном – решались вопросы дворянского землепользования и т. д. Приказы, кроме того, начинают осуществлять судебные функции и строить свою деятельность не по терри-

ториальному принципу, как было до этого, а по ведомственному. Правда, вновь приобретенные земли сначала управлялись отдельными дворцами (Казанским, потом – Сибирским).

В 50-е годы появляются новые приказы: Стрелецкий, ведавший вопросами, связанными со Стрелецким войском, Челобитный, возглавляемый А. Адашевым и осуществлявший функции контроля над другими государственными учреждениями и боровшийся со злоупотреблениями властью воевод и дьяков.

Новшества появились и в местном управлении. «Кормления» наместников постепенно отменяются, поскольку они были связаны с большими злоупотреблениями властью. Суд на местах переходит к выборным губным старостам. Они подчинялись непосредственно Разбойному приказу. Такие суды губных старост появились не только в центральных городах, но и в Поволжье.

Правда, некоторые татарские князьки долго не могли смириться со своим поражением и неоднократно подталкивали поволжские народы к восстаниям. Для усмирения их приходилось посылать войска в 1552–1557 гг., в 1571–1574 и даже в 1584 г.

§ 6. Время реформ

Иван IV понимал, что реформировать следует не только

армию, но законодательство, управление, взаимоотношения с церковью и многое другое.

Самым главным стало составление нового свода законов, взамен устаревшего и довольно сумбурного Судебника 1497 г. Всего в новый Судебник 1550 г. вошло 99 статей, из которых 3 были новыми, а остальные существенно изменены. Так, власть наместников и волостелей была существенно ограничена и ставилась под контроль местной и центральной администрации. Усиливалось значение местных выборных властей: старост, целовальников. Их присутствие на суде становилось обязательным. Высшей судебной инстанцией провозглашался сам государь. Важное значение в судопроизводстве имел и приговор Боярской думы, который как бы подкреплял решение царя.

Ряд статей касался прав вотчинников выкупать ранее проданные земли. Подтверждалось и прежнее право крестьян покидать в Юрьев день одного землевладельца и переходить к другому. Однако в ряде случаев крестьян разрешалось «холопить» и лишать права выхода. Но при этом в Судебнике была статья о правовом статусе холопов, защищавшая их от произвола господ.

Некоторые статьи были направлены против монастырей-вотчинников. Они лишались податных привилегий (тарханов) и не имели право брать на службу посадских людей, которые должны были платить налоги в казну.

Перед судебным разбирательством старосты были обяза-

ны провести сыск – специальное расследование, чтобы наказывать только виновных.

Таким образом, приблизительно с середины 50-х гг. XVI в. кормления были полностью ликвидированы, а судебную функцию и сбор податей стали осуществлять местные выборные органы: «излюбленные головы» и целовальники. Подати поступали в особые территориальные приказы – Четверти (вся страна делилась на четыре части). Однако в крупных приграничных городах власть наместников была сохранена, поскольку они должны были организовывать оборону и возглавлять городовые дружины. В небольших приграничных городах военными вопросами ведали воеводы.

В итоге, реформа местного управления привела к тому, что в сборе налогов и судопроизводстве стало больше порядка и справедливости, оборона же городов оказалась в руках профессиональных военных, назначаемых из Москвы.

В 1556 г., для улучшения комплектования царского войска, было принято Уложение о службе. Согласно его положениям каждый владелец поместья или вотчины был обязан со 150 десятин выставлять одного человека на коне и с вооружением. Те, кто не выполнял это постановление, штрафовались. Во время военных походов служилым людям платилось жалование. Этим царь хотел привлечь дворян к исправному выполнению долга. Кроме того, чтобы убедиться в боеспособности войска, он устраивал смотры и заставлял воевод присылать военно-учетные списки служилых людей.

Ивану хотелось, чтобы во всех делах были законность и порядок. Поскольку знать постоянно устраивала местнические споры и под их предлогом отказывалась служить, с 1556 г. начинают составляться официальные разрядные книги, за год до этого был составлен Государев родословец, раскрывающий историю каждого знатного рода.

В целом, проведенные в 50-е гг. XVI в. реформы имели важное значение для дальнейшего развития и укрепления Русского государства, поскольку упорядочивали законодательство, улучшали центральное и местное управление, судопроизводство, четко регламентировали сбор налогов, укрепляли армию и т. д. Исчезнувшие во время боярского самоуправства законность и порядок с их помощью были восстановлены.

Однако во взаимоотношениях Ивана IV с ближайшим окружением уже появилась трещина, со временем все более расширяющаяся. Она возникла весной 1553 г., во время тяжелой болезни царя. Его состояние было настолько плохим, что возник вопрос о наследнике престола. Ближайшее советники царя, в число которых входили братья царицы Данила и Никита Захарьины-Юрьевы, порекомендовали ему составить завещание и назвать будущим царем своего малолетнего сына Дмитрия (тот только недавно родился). Но многие представители знати не захотели целовать крест «пеленочнику» и вознамерились посадить на престол Владимира Старицкого, двоюродного брата Ивана (сына Андрея Старицко-

го). В случае его успеха участь вдовы-царицы и малютки-царевича была бы трагической: для первой – отдаленный монастырь, для второго – могила. Это прекрасно осознавал тяжелобольной царь и был крайне возмущен изменой своих былых соратников, в первую очередь Сильвестра и А. Адашева.

К счастью для себя и своих близких, Иван выздоровел, но навсегда для себя внес в черный список имена тех, кто собирался ему изменить и готов был назвать новым государем Владимира Старицкого. К самому же двоюродному брату он стал относиться с большим подозрением, часто превратно толкуя все его поступки и слова. В нем он видел теперь только своего соперника и тайного врага.

§ 7. Ливонская война и опричнина

Взятие Казани и Астрахани существенно укрепило позиции Русского государства на Востоке и Юге. Вассальную зависимость от него признали даже далекое Сибирское ханство и Кабарда. Сам крымский хан пребывал в шоковом состоянии. Это позволило царю Ивану в марте 1556 г. направить на Днепр отряд под командованием М. И. Ржевского. Тот беспрепятственно доплыл до Очакова, взял острог и затем благополучно вернулся домой. Успехи русских воевод произвели большое впечатление на киевского наместника князя Д. Вишневецкого, и он перешел на службу к царю Ивану. В начале 1558 г. ему было поручено возглавить 5-тысяч-

ный полк и дойти до Перекопа. Поход удался: не ожидавшие нападения, крымцы в страхе откочевали вглубь Крыма. Через год царские войска во главе с Вишневецким и Д. Адашевым вновь напали на степняков: первый – в районе Азова, второй – на Днепре. Адашеву даже удалось на судах выйти в Азовское, потом – в Черное море и напасть на татарские поселения на их берегах. С триумфом полководец вернулся домой. Эти походы показали слабость крымских укреплений и возможность успешной борьбы с ханом. Но царь Иван не стал развивать успехи в этом направлении и устремил свой взор на Запад – на Ливонию, которая когда-то была союзницей Москвы в борьбе с польскими королями, а теперь отказывалась платить дань – «юрьевские деньги», и притесняла православное население.

Перед первым Ливонским походом, предпринятым в январе 1558 г., царь разослал по городам грамоты, в которых разъяснял цель своих действий – «отвоевать отчину» и покарать гонителей православной веры. Первые походы оказались очень успешными. Были взяты: Нарва, Дерпт, Ревель. Русские гарнизоны были назначены в такие города, как Алыст, Ракобор, Красный, Изборск, Вышгород, Орешек и другие. Ливонцы согласились начать переговоры. В 1559 г. было подписано перемирие. Но оно оказалось крайне невыгодным для России. Воспользовавшись передышкой, ливонский магистр вступил в союзнические отношения с польским королем и получил от него военную помощь.

Для царя Ивана наступили тяжелые дни. Его горячо любимая жена Анастасия тяжело заболела и в августе 1560 г. скончалась. Ранняя смерть молодой и цветущей женщины показалась царю очень странной. Он стал подозревать, что некогда близкие ему протопоп Сильвестр и окольничий А. Адашев отравили ее. Священник был отправлен на покаяние в Кирилло-Белозерский монастырь, а Адашев – на дальнее воеводство, где вскоре умер. Вокруг Ивана IV стало формироваться новое окружение: князь И. Ф. Мстиславский, родственники умершей царицы В. М. Юрьев, Д.Р. и Н. Р. Захарьины-Юрьевы, боярин Ф. И. Умной-Колычев.

Боясь за жизнь малолетних сыновей (старшему Ивану было только 6 лет, а младшему, Фёдору, – три года), царь приказал построить для них в Кремле особый двор, доступ в который был разрешен только их воспитателям. Сам же решил вновь жениться с учетом интересов Русского государства. В это время царю было важно закрепить за собой Казанское и Астраханское ханства, а для этого следовало войти в родственный круг восточных правителей. Поэтому его выбор пал на молодую черкесскую княжну Марию Темрюковну, дочь кабардинского князя Темрюка, царского вассала с 1558 г. Ее сестра была женой ногайского хана, тетка являлась одной из жен крымского хана. Свадьба состоялась в августе 1561 г. После этого при русском дворе появилось много горцев, ставших видными полководцами. Их стали именовать князьями Черкасскими.

Осенью 1562 г. царь Иван задумал поход против Литвы, союзницы Ливонии. По этому поводу он созвал Земский собор, на котором была намечена главная цель – Полоцк. Во главе армии Иван решил встать сам, поэтому на всякий случай составил завещание. Наследником он объявил старшего сына Ивана, Фёдору предстояло стать удельным князем Суздальским Брат Юрий и двоюродный брат Владимир Старицкий обязывались им верно служить.

30 ноября царское войско выступило в поход. Через два месяца оно подошло к Полоцку. Осада началась с артиллерийского обстрела. Затем был взят острог и разгромлены отряды, вышедшие из города. Ночью 14 февраля Полоцк был подожжен, а утром его жители сдались. Это было большой удачей царя Ивана. С триумфом вернулся он домой. Однако там его вновь стали преследовать несчастья. В один год (1568) умерли его малолетний сын Василий (от Марии Темрюковны), брат Юрий, всегда отличавшийся болезненностью, и митрополит Макарий, мудрый советчик и надежный помощник во всех делах. На этом фоне донесение дьяка С. Иванова о многих «неправдах» Владимира Старицкого и его матери показались очень подозрительными. Княгиню Ефросинию постригли в монахини, а за Владимиром усилили надзор.

Неудачи продолжали преследовать царя Ивана. В конце января 1564 г. пришло известие о том, что на реке Улла русское войско во главе с князем П. И. Шуйским разбито литов-

скими полками. Сам полководец был убит, а более 600 дворян попали в плен. Началось расследование для выяснения причины неудачи. На головы воевод обрушились репрессии. Некоторые из них задумали отъехать в Литву. Среди них оказался видный военачальник князь А. М. Курбский, к которому царь всегда благоволил. Весть об его измене расстроила Ивана IV, поскольку выяснялось, что никому нельзя доверять. Царю стало казаться, что ближнее окружение в любой момент может отдать его на поругание соседним монархам. Еще больше раздосадовали его дерзкие послания Курбского, в которых тот всячески чернил царя, желая оправдать свой неблаговидный поступок. Пришлось вступить с беглым князем в полемику и в ответных посланиях высказать свое мнение о сути царской власти и обязанностях подданных.

В июле 1564 г. царем был предпринят новый поход на Великое княжество Литовское, но и он не принес удачи. Правда, удалось отогнать Девлет-Гирея, грабившего Рязанские земли.

В этих условиях царь Иван сделал для себя вывод о том, что в столице его окружают недруги и жить там с семьей небезопасно. Местом нового пребывания была выбрана Александрова слобода, где находился загородный дворец его покойного отца. В декабре 1564 г. государевы кареты и подводы выехали из ворот Кремля. В них находились не только члены царской семьи, но и придворные, слуги с многочисленным имуществом. На обычную поездку по монасты-

рям это было не похоже. 8 января оставшиеся в Москве бояре получили царскую грамоту, в которой тот заявлял, что не желает править в условиях, когда воеводы не обороняют страну от недругов, не желают подчиняться его приказам, а духовенство лишь печалуется за тех, кого следует сурово наказать.

Вряд ли царь Иван, действительно, хотел оставить престол. Своим посланием он лишь хотел добиться согласия подданных на новые непопулярные реформы – введение опричнины для искоренения крамолы, т. е. уничтожения всех настоящих и мнимых врагов царя. И он его получил. Уже 5 января в Слободу прибыла делегация от всех сословий. На коленях ее члены просили Ивана сменить гнев на милость, вернуться на царство и в дальнейшем править государством, «как ему, государю, годно» – изменников и лиходеев казнить и миловать по своему усмотрению. Всем становилось ясно, что отныне царствование будет грозным и кровавым.

Иван IV, уже ставший Грозным, торжественно объявил челобитчикам, что возвращается на государство, но создает свой особый опричный двор и для его содержания, «на свой обиход», забирает ряд городов и земли на западе, юге и в центре страны. Остальной территорией бояре и приказные люди будут управлять «по прежнему обычаю».

Созданием опричнины царь решал сразу несколько задач: сформировал вокруг себя круг верных людей, целиком зави-

сящих от его воли и не затевающих местнических споров, и войско, служащее для охраны и искоренения крамолы. Кроме того, он увеличил размер государственной земли за счет наследственных владений князей и бояр, лишая их самостоятельности и материального благосостояния. В итоге он получал возможность нанимать на службу новых людей, раздавать им поместья и тем самым расширять государственный аппарат и увеличивать численность армии.

В начале февраля царь с семьей вернулся в столицу, и тут же начались казни. Первыми сложили головы те, кто подозревался в особой близости к Владимиру Старицкому: видный полководец князь А. Б. Горбатый, брат его жены П. П. Головин, несколько князей Оболенских. Лишены были родовых вотчин и отправлены в Поволжье ростовские, стародубские, суздальские и ярославские князья. Владимир же вместо Старицы получил близкий к столице Дмитров, чтобы находиться под бдительным надзором.

Иван понимал, что массовые расправы над известными людьми могут вызвать всеобщее недовольство. Поэтому решил отстроить несколько резиденций на тихом и спокойном Севере. Одной из них стал мощный Вологодский кремль, второй – один из островов Белого моря. Туда он решил перевести часть сокровищ, которые позволили бы его семье достойно жить за границей (царь не исключал и такого конца своего правления). Можно предположить, что Иван собирался бежать в Англию, с которой с 1553 г. установились

тесные торговые контакты через северные моря.

Число опричников продолжало расти. Сначала это войско состояло лишь из 1000 лично преданных царю людей для его охраны. Затем оно возросло до 20 тыс. воинов, вооруженных пищалями, саблями, луками. В народе их стали называть «кромешниками», поскольку они одевались в черные рясы и вешали собачьи головы на шею лошадям. С шумом врываясь в города и села, эти воины наводили ужас на мирное население. Особенно прославился жестокостью царский любимец Малюта Скуратов-Бельский.

Опричные казни и репрессии вызвали глухой ропот среди боярства, духовенства и простолюдинов. В мае митрополит Афанасий в знак протеста сложил сан и отправился на покой в Чудов монастырь. Иван Грозный понял, что надо искать пути примирения с подданными.

К числу таких попыток следует отнести Земский собор 1566 г., на который было приглашено 374 человека от всех сословий (кроме крестьян). На нем обсуждался главный вопрос – продолжать ли Ливонскую войну до окончательной победы или ограничиться уже сделанными небольшими территориальными приобретениями. На заседании собора все выразили готовность поддержать царя в борьбе за свою «отчину». Но при этом несколько дворян попросили отменить кровавую опричнину и не делить государство на части. По этому вопросу царь ни на какие уступки не пошел, полагая, что с главными врагами, т. е. с Владимиром Старицким и

сепаратистским Новгородом, он еще не расправился.

Опричниной были недовольны и представители духовенства. Новый митрополит Филипп Колычев (до этого был хорошо известен как игумен Соловецкого монастыря) начал открытую борьбу с царским нововведением. В своих публичных проповедях в Успенском соборе он начал критиковать Ивана Грозного за то, что тот проливал кровь невинных христиан. Один раз Филипп смело обратился к царю и заявил, что Бог раз поднял его выше всех, то и взыщет суровее за всех напрасно убиенных.

Естественно, что обличения православного пастыря не могли не возмутить Ивана, считавшего себя вправе казнить или миловать подданых по собственному усмотрению. Поэтому он потребовал отставки Филиппа. В ноябре 1568 г. Освященный собор свел митрополита с кафедры и сослал в Отроч-Успенский монастырь в Твери. Там приблизительно через год Филипп был задушен Малютой Скуратовым.

После Земского собора Иван IV начал готовиться к новому Ливонскому походу. Узнав об этом, польский король Сигизмунд II отправил виднейшим московским боярам и полководцам (И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому, И. Д. Бельскому и И. П. Фёдорову) письма с приглашением перейти к нему на службу. Но они попали к царю, и вельможи с трудом смогли оправдаться. Подозрения в их адрес все же остались. Поэтому сентябрьский поход в Ливонию так и не состоялся. В неудачах царь стал обвинять подданных, в

первую очередь И. П. Фёдорова, который без разбирательства был казнен. Через год, в сентябре 1569 г., погиб и самый главный соперник Ивана Грозного Владимир Старицкий. Предположительно, он был обвинен в смерти царицы Марии Темрюковны и отравлен. С его кончиной удельная система фактически перестала существовать.

По мере того как обстановка в Русском государстве все больше и больше ухудшалась (бесчинства опричников, казни и опалы возмущали многих русских людей), соседнее Великое княжество Литовское существенно укрепилось. В 1569 г. оно подписало с Польшей унию об объединении и вошло в состав единой Речи Посполитой. Теперь России на западных границах уже противостояла мощная объединенная армия, оснащенная и обученная по европейскому образцу. Чувствуя свою силу, Сигизмунд II обратился с письмами с предложениями о принятии подданства не только к московским боярам, но и к жителям Новгорода и Пскова. Возможно, у некоторых они вызвали колебания по вопросу: кому служить? Особенно подозрительной для царя показалась сдача литовцам мощной крепости Изборск.

Иван Грозный давно смотрел с подозрением на крупнейший и богатейший торговый город на Западе – Новгород. Новгородские власти продолжали сохранять право на самостоятельные международные контакты, купцы ездили для торговли в соседние недружественные царю страны, заботясь лишь о своей выгоде. Поэтому он стал готовиться к решаю-

щему удару по вызывающим его недовольство сепаратистам.

Перед походом на Новгород официально было объявлено, что новгородские власти задумали перейти в подданство к польско-литовскому королю, извести царя Ивана и посадить на московский трон Владимира Старицкого. Несомненно, повод был явно надуманным, поскольку после отделения от Русского государства новгородцев уже не должна была интересовать судьба царя. К тому же Владимира Старицкого уже не было в живых.

В начале января 1570 г. опричники ворвались в город. Вся новгородская верхушка во главе с архиепископом Пименом была схвачена. После прибытия царя начались казни. Современники зафиксировали, что в течение пяти недель ежедневно подо льдом в водах Волхова гибло от 1000 до 1500 человек. Обезлюдели и были разграблены все окрестности в радиусе 300 км. Особенно пострадали церкви и монастыри. Все их сокровища стали собственность царя и были вывезены в Москву. В итоге Новгород как религиозный центр, соперничающий со столицей, перестал существовать. Окончательно подорвана была и его экономика, существенно уменьшились людские ресурсы.

Если Новгородские походы Ивана III в какой-то мере были оправданны, поскольку осуществлялись в русле общей программы собирания русских земель в единое государство, то рейд Ивана IV был основан только на его личной мнительности и подозрительности. После него за русским царем

окончательно закрепилась слава кровавого тирана, ведущего войну с собственным народом. Даже в следующем веке русские публицисты будут вспоминать о новгородском погроме, как одной из причин Смуты начала XVII в.

Опричное войско и его бесчинства стали вызывать у всех откровенную ненависть. Его называли не иначе как бесовским, хотя царь пытался придать ему видимость монашеского ордена. Всех сподвижников он называл братией, себя игуменом. Афанасий Вяземский был келарем, Малюта Скуратов пономарем. Они носили черные монашеские одеяния на овечьем меху сверху, снизу были богатые парчовые одеяния, как бы показывая двойственность своей сущности: служить царю и искоренять крамолу. К шее лошадей привязывались собачьи головы, к кнутовищу – метлы из собачьей шерсти. Считалось, что опричники, как собаки, должны быть верны государю и грызть всех его врагов. Вместе с монашескими посохами они носили под рясами длинные ножи, которые в любой момент могли всадить в спину жертве. В Александровой слободе «братия» усваивала разнузданные оргии, обагряя землю кровью мнимых врагов грозного царя.

Репрессии дополнялись стихийными бедствиями: неурожаями, голодом, моровыми поветриями. Все это привело к массовому оттоку городского и сельского населения из центральных районов на окраины, на Дон, в Поволжье, и даже за Урал. Там стали образовываться казачьи поселения, свободные от царских налогов. Правда, казакам приходилось, вести

борьбу с кочевниками самостоятельно. Поэтому все мужское население было не только землепашцами, но и искусными и храбрыми воинами. Со временем эти поселения стали местом, куда бежали противники царского режима и опальные из числа мелких дворян и простолюдинов.

Последним актом опричнины стали массовые казни приказных людей в Москве на площади у «Поганой лужи» 25 июля 1570 г. Первым с особой жестокостью был казнен дьяк Посольского приказа И. М. Висковатый.

Его обвинили в пособничестве польскому королю, турецкому султану и крымскому хану и «изменнической» с ними переписке. Затем лишились жизней казначей Никита Фуников, дьяк Поместного приказа Василий Степанов и более сотни других служилых людей. Всем ставили в вину растрату царского имущества, казнокрадство, злоупотребление властью. Таким образом, Иван IV «навел порядок» в ведомствах, официально подчинявшихся Боярской думе. Этим он показывал всем, что перестает заниматься только своими опричными делами и вновь берет бразды правления в свои руки.

Занимаясь внутренними делами, Иван Грозный, приостановил военные действия на ливонском фронте. Он решил заключить перемирие с Речью Посполитой и попытаться отвоевать земли у более слабой Швеции. Ливония же, по его планам, должна была остаться вассальным государством во главе с датским принцем Магнусом, за которого он выдал

замуж дочь Владимира Старицкого Марию. Прибывшему в Москву Магнусу следовало принять участие в новых Ливонских походах.

Вскоре царь Иван убедился в полной недееспособности опричного войска в борьбе с внешними врагами. Весной 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей узнал от лазутчиков, что в центральных районах мало жителей (кто бежал от репрессий опричников, кто умер от болезней и голода), защищать города некому, основное войско стоит на литовской границе, а царь в Слободе только с «кромешниками», которых все ненавидят. Эта ситуация показалась ему благоприятной для набега. Поэтому 5 апреля с огромным войском он выступил в поход по направлению к Москве.

Царю Ивану об этом походе донесли слишком поздно. Только 15 мая он направился к Серпухову, надеясь соединиться с береговыми полками. Однако те вовремя не подошли, и Ивану пришлось спасаться бегством на север от надвигающегося «крымского вала». Столица оставалась на разграбление врагу.

24 мая Девлет-Гирей подошел к Москве. С Воробьёвых гор он увидел, что город защищен мощными крепостными стенами, взять которые татарская конница не смогла бы. Поэтому он решил поджечь посады и подождать, пока огонь не охватит весь город. Так и сделали. Через три часа от белокаменной столицы остались только обугленные развалины. Большая часть жителей либо сгорела, либо задохнулась от

угарного газа. Тех, кто пытался спастись в Москве-реке, татары вылавливали и брали в плен. Ограбив все окрестности, с неплохой добычей они вернулись в Крым.

Сожжение столицы крымцами показало, что внутренняя политика Иван Грозного крайне неразумна, поскольку истощила людские ресурсы и деморализовала общество. Отмена опричнины стала насущной необхо-димостью.

После смерти Марии Темрюковны, которую некоторые современники считали инициатором учреждения опричнины, царь Иван решил показать всем, что порывает с прошлым и хочет жениться по старинному обычаю. Летом в Москву вновь стали приглашать невест. Для себя царь выбрал Марфу Васильевну Собакину, состоявшую в дальнем родстве с его первой супругой Анастасией, для старшего сына Ивана – Евдокию Богдановну Сабурову из древнего боярского рода (к которому принадлежала и первая жена его отца).

Однако третья царская жена оказалась еще менее долговечной, чем первые две. Она умерла через три недели после свадьбы. Вряд ли ее смерть была естественной, но Иван на этот раз никого винить не стал, видимо устав от кровавых разборок с придворными. Он начал готовиться к войне со шведским королем Юханом III. Зимой царское войско прибыло в Новгород. В январе 1572 г. несколько отрядов вторглись вглубь шведской территории. Шведы тут же предложили заключить до лета перемирие. Царь согласился его под-

писать, поскольку опасался нового крымского набега.

Действительно, уже в июле Девлет-Гирей повторил поход. Но на этот раз в Молодях, в 45 км от Москвы, его уже ждал заградительный полк князя М. И. Воротынского, оснащенный мощной артиллерией. В состоявшейся 30 июля битве князь впервые использовал Гуляй-город (закрытые щитами телеги с пушками), который помог нанести хану сокрушительный удар, и он бежал. Эта победа окончательно похоронила его честолюбивые планы отторгнуть от Русского государства Астрахань и Казань.

Разгром крымцев вновь поднял авторитет русского царя на международной арене. В 1572 г. после смерти польского короля Сигизмунда в Литве возник план избрания на вакантный престол либо младшего царевича Фёдора, либо самого Ивана IV. Однако условия для русских претендентов оказались неприемлемыми. Поляки требовали, чтобы они приняли католичество и жили в Кракове.

Осенью этого же года началась подготовка к новому походу царя против шведов. В нем принял участие не только Иван Грозный, но и оба его сына, которым полагалось на практике овладевать военным искусством.

На этот раз удача сопутствовала русским войскам. Были взяты несколько городов в Эстонии: Пайда, Коловер, Коркус. Дойти удалось до Колывани (Таллина). На этот раз после серии неудач вновь Иван возвращался победителем.

Но борьба за Ливонию истощала силы государства. Толь-

ко в самом начале она шла с хилым Ливонским орденом. Затем в схватку вступили и Польско-литовское государство, и Швеция. На двух фронтах победить было очень трудно. Весь 1574 г. Иван готовился к новому походу. Проводил смотр войск, осматривал оборонительные укрепления на случай нового нападения крымцев.

Осенью 1575 г. вновь был созван Земский собор, на котором, видимо, обсуждались перспективы Ливонской войны. Сведения о нем глухие и неясные. Возможно, бояре и представители боярства высказались за прекращение истощавших страну сражений и подали об этом челобитную. Она вызвала царский гнев, но пойти против воли большинства он не смог. Тогда вновь был устроен политический маскарад. На этот раз Иван Грозный стал не игуменом, а «Иваном Московским». Титул великого князя всея Руси он передал племяннику Марии Темрюковны сыну ногайского хана Симеону Бекбулатовичу. Публично тот был посажен на царский трон и наделен всеми полномочиями государя. Хотя Симеон правил всего год, Ивану удалось собрать 40 тыс. руб., себе на «подъем». Причина этой акции до сих пор неясна, предположительно царь хотел чужими руками подавить внутреннюю оппозицию и с помощью Симеона собрать новые средства для продолжения войны. Может быть, отказываясь от русского престола, Иван хотел подтолкнуть поляков и литовцев к избранию новым королем именно его, поскольку в Речи Посполитой до 1576 г. продолжался период «без-

королевья».

Так или иначе, но походы в Ливонию продолжились. В 1575 г. был захвачен сначала Салис, потом – Пернов. В итоге в руках у царя оказалось все побережье до Ревеля (Таллина, иное название – Колывань).

На 1577 г. был назначен последний решающий поход, в ходе которого предстояло взять ливонские города и провозгласить Магнуса главой вассальной Ливонии.

В январе русские войска предприняли поход в те ливонские земли, которые подчинялись Речи Посполитой, и начали осаду Ревеля. Вскоре почти все города, кроме Ревеля и Риги, сдались царю Ивану. Однако это был последний успех в двадцатилетней войне. Новые неудачи свели на нет все, чего достиг царь за долгие годы, истощая собственную державу.

§ 8. Последние годы грозного царя

Первым предвестником будущих неудач стал отказ австрийского императора признать законность приобретений Ивана IV в Ливонии. Он не желал ослабления Речи Посполитой и не согласился разделись с царем ее земли. Максимилиан лишь просил поддержать кандидатуру своего сына на вакантный польский трон. Но это не входило в московские планы. В итоге новым королем польско-литовского государства стал трансильванский князь Стефан Баторий, опытный

и энергичный полководец. Он не стал сражаться с царем на чужой территории, т. е. в спорной Ливонии, и свой первый удар нанес по Полоцку. В 1579 г. этот город вновь отошел к Литве. Русский гарнизон оказался в нем слишком слабым, поскольку царю приходилось рассредоточивать свои войска по всем многочисленным ливонским городам.

В следующем году Стефан Баторий нанес удар уже по Великим Лукам. Здесь также войск было мало, и оказать серьезное сопротивление королю было некому. В спешном порядке царь отправил к королю посольства и запросил мира. Он готов был отдать Полоцк, Озерище, Усвят и даже города в Ливонии, но Баторий уже требовал Псков, Новгород и Смоленск. Правда, осенняя осада Смоленска оказалась для короля неудачной, и он вернулся в Вильно.

Ослаблением Русского государства воспользовался шведский король и уже 4 ноября 1580 г. захватил Корелу и ее окрестности.

Чтобы отвлечься от военных неудач, Иван Грозный решил жениться в шестой раз. Четвертая жена, Анна Колтовская, оказалась бесплодной и была в 1572 г. пострижена в монахини. Пятая, Анна Васильчикова, тоже не смогла быстро забеременеть, и была отправлена в 1575 г. в монастырь, где вскоре умерла. Новой избранницей царя в сентябре 1580 г. стала дочь окольничего Ф. Нагого – Мария. С помощью ее многочисленной родни царь, видимо, хотел укрепить свой шатающийся трон. К этому времени царевич Иван уже был

женат дважды, детей не имел и готовился к третьему браку с Еленой Шереметевой. Женат был и младший Фёдор на дочери Ф. Годунова Ирине. Ее честолюбивые родственники уже давно входили в ближайшее царское окружение и даже дослужились до боярских чинов.

После свадебных торжеств, по некоторым данным, вновь был созван Земский собор, чтобы решить вопрос о борьбе со Стефаном Баторием. На нем представители всех сословий заявили, что страна разорена и возможности воевать с противником нет. Царю советовали замириться с королем.

Однако вопрос о мире уже не зависел от Ивана Грозного. С. Баторий вновь собрал войско и вознамерился захватить Псков. 18 августа 1581 г. началась его осада. На первом этапе удача была на стороне поляков. Они пробили бреши в стенах и даже захватили одну из башен укреплений. Однако русские воины не пали духом. Воевода князь И. П. Шуйский проявлял чудеса мужественности и изобретательности. Засевшие в башне поляки были вместе с ней взорваны, а русские полки мощной атакой отбросили врагов за реку. В дальнейшем королю не удалось добиться какого-либо успеха. Осада затягивалась, наступили холода, армия стала таять от болезней, вызванных морозами и недоеданием. Первыми ее покинули наемники, не желавшими без жалованья проливать кровь.

Баторию не удалось овладеть не только Псковом, но даже небольшим Псково-Печорским монастырем, который обо-

роняли несколько десятков стрельцов, монастырские слуги и местные крестьяне. Становилось ясным, что продолжение военной кампании не имеет перспектив.

В ноябре 1581 г. в Александровой слободе разыгралась очередная кровавая драма. Старший сын, наследник престола царевич Иван, вдруг осмелился вступить с отцом в спор. В чем была его суть, так и осталось неизвестным. По одним данным, царевич вступился за свою беременную жену, которую свекор хотел поколотить за слишком простой наряд. По другим, что более вероятно, он захотел отправиться в Псков и помочь осажденным жителям. Отца же он обвинил в бездействии и трусости. В ответ тот в гневе схватил жезл и нанес сыну смертельный удар в голову. Через несколько дней в сильной горячке Иван скончался.

Несомненно, что для царя это была большая потеря. Долгие годы именно в лице старшего сына он видел продолжателя своих дел. Иван получил хорошее образование, с ранних лет приобщался к делам, связанным с управлением страной, в возрасте 15 лет стал участником военного похода в Ливонию и с этого времени постоянно сопровождал отца в любых его поездках. Он поддержал его даже при учреждении непопулярной опричнины и стал одним из «кромешников».

После гибели Ивана наследником был объявлен Фёдор, которому уже было 24 года и, будучи женат, он считался взрослым и самостоятельным человеком. Но он, видимо, не был столь близок отцу, как старший сын, поскольку жил сво-

им двором, состоящим из родственников жены, не участвовал в опричных оргиях, отказывался постоянно менять жен, как брат и сам царь. В Речи Посполитой даже распространялись слухи о том, что Фёдор нередко вступал в конфликты с отцом и даже хотел бежать из страны (последнее кажется маловероятным, и в русских источниках подтверждения не находит).

Можно лишь предположить, что смерть старшего сына надломила Ивана Грозного, морально и физически. Поэтому сражаться за Ливонию сразу с двумя противниками он был не в состоянии. Русские дипломаты стали активно склонять Стефана Батория и шведского короля к заключению мирных договоров с царем. Поскольку польский король упрямился, пришлось прибегнуть к посредничеству папы Римского и его посла Антонио Поссевино. В итоге в 1582 г., после жарких споров в местечке Ям-Запольский было заключено перемирие на 10 лет. Полоцк и Ливония отходили к Речи Посполитой, но России возвращались Великие Луки и земли в их окрестностях (кроме Велижа). Через год удалось добиться мира и со Швецией. По Плюсскому перемирию, заключенному на 7 лет, царь отказывался от всех своих приобретений в Эстонии и Карелии. Таким образом, получалось, что двадцатилетняя Ливонская война, истощившая страну, не дала никаких результатов. Были утрачены даже те земли (в районе Иван-города), которые завоевали предки Ивана Грозного.

К 80-м г. XVI в. хозяйственное разорения Русского го-

сударства стало катастрофическим. Это зафиксировали новые писцовые книги, которые начали составлять в это время. В центральных уездах запахивалось лишь приблизительно 15 % земли, в районах Новгорода и Пскова, находившихся вблизи полей сражения, положение было еще хуже. Там осваивалось менее 10 % пахотной земли. Все остальное представляло собой пустоши. Становилось ясным, что государственные налоги платить почти некому. Были разорены не только черносошные крестьяне, но и мелкопоместные дворяне. Крупными вотчинниками оставались только представители высшей знати и монастыри, но последние имели много льгот и доходы казне не приносили.

Чтобы улучшить материальное положение дворян, главных воинских людей, правительство было вынуждено дать им льготы по уплате налогов, но при условии, что они будут распахивать всю пашню, расчищать пастбища и сенокосы и привлекать к себе пашенных людей. Для того чтобы крестьяне не меняли господ, стали вводиться «заповедные годы» (с 1581 г.), во время которых был запрещен выход в Юрьев день, правда, пока не на всей территории.

В последние годы правления Ивана Грозного кризис чувствовался повсюду: казна была пуста, армия разваливалась. Боярская дума бездействовала, а сам царь пребывал в состоянии нерешительности и неопределенности. Хотя его мятущаяся душа все время требовала перемен, дряхлеющее тело было на них неспособно.

По царскому требованию постоянно создавались росписи полков для военных походов, но сами походы не осуществлялись. Молодая жена Мария Нагая, родившая в октябре 1582 г. сына Дмитрия, перестала интересовать Ивана, и он задумал жениться снова. На этот раз ему непременно хотелось найти невесту в Англии. С этой страной у России были самые дружеские отношения и были налажены постоянные торговые контакты через порт на Белом море. Царь состоял в переписке с королевой Елизаветой и даже сначала вознамерился попросить ее руки. Но узнав, что она не столь уж молода и красива, передумал. По его просьбе ездившие в Англию дипломаты узнали, что у королевы есть племянница Мария Гастингс, молодая и красивая девушка. Именно ее и решил взять себе в жены стареющий монарх. В данном случае он явно переоценивал свои возможности и свое положение дряхлеющего и женатого в шестой раз мужчины. Правда, хитрые англичане прямо не отказали царю, желая получить от него торговые льготы. К нему даже был отправлен посол для переговоров о возможном браке.

Однако смерть Ивана Грозного, последовавшая 18 марта 1584 г. прервала этот фарс. По традиционным меркам, царь умер рано – в 53 года. Но бурная жизнь уже давно его истощила. По воспоминаниям современников, он выглядел настоящим стариком с не сгибающейся спиной, трясущимися руками, воспаленными и слезящимися глазами и страшно опухшими ногами. Изучавшие его скелет антропологи при-

шли к мнению, что из-за сильного отложения солей во всех суставах царь Иван был почти неподвижен. Кроме того, они обнаружили в его останках значительное количество ртути, которая и могла стать причиной смерти. Но вряд ли царь был умышленно отравлен. Ртуть могла входить в состав мазей, которыми растирали больные суставы, поскольку об ее ядовитых свойствах в то время еще не знали.

По мнению известного историка С. М. Соловьева, Иван IV умер от отравной болезни, вызвавшей гниение внутри и опухоль снаружи. Некоторые современники, преимущественно иностранцы, предполагали, что царь был убит – либо отравлен, либо задушен. Но эта версия представляется маловероятной, поскольку хорошо известно, что он тяжело болел в последние годы жизни. Чувствуя кончину, монарх разослал по монастырям грамоты, в которых просил отпустить ему все прегрешения, в наиболее крупные обители были сделаны огромные по тем временам вклады.

Подводя итог, следует признать, что Иван IV Васильевич Грозный был выдающимся государственным деятелем и крайне сложной и противоречивой личностью. Несмотря на провал Ливонской войны, он многое сделал для развития и становления Русского государства. Взятие Казани и Астрахани имело громадное значение по нескольким причинам: и потому, что существенно расширяло границы государства, и потому, что ликвидировало остатки Золотой Орды, неко-

гда грозного врага Руси. С уничтожением поволжских ханств открывался свободный путь в страны Востока, приносящий русским купцам и казне большие доходы, создавалась возможность для освоения южных плодородных земель. Русское государство становилось многонациональным, а государь к шапке Мономаха присоединял еще два царских венца. После взятия Казани открывалась перспектива освоения огромных сибирских просторов. Неслучайно, что в самые последние годы правления Ивана туда была направлена экспедиция Ермака, очень удачная поначалу. Казаки смогли нанести ощутимый удар хану Кучуму.

Достижением Ивана Грозного следует считать реформы в государственном управлении и законодательстве. Значимой была и реорганизация армии. В ней появились полки профессионалов, состоящие из стрельцов и иностранных наемников.

Огромное значение для укрепления международного престижа страны и самого государя стало принятие им царского титула, поскольку уравнивало его с европейскими монархами. Но, болезненно цепляясь за свою власть, Иван IV постарался вознести себя на небывалую высоту и уже не разрешал считать себя первым среди равных, как это делали дед и отец. На высоком золотом троне, в сверкающих драгоценными камнями одеждах он возвышался над всеми, как представитель Бога на земле. Придворные же были обязаны буквально пресмыкаться перед ним, демонстрируя покорность

и преданность. Оторвавшись от окружающих, царь оказался в самоизоляции, особенно во второй половине своего правления. Это превратило его во мнительного и жестокого тирана, болезненно реагирующего на чужую славу. Многие выдающиеся полководцы и государственные деятели, способные стать опорой трона, были либо казнены (как М. И. Воротынский, разгромивший крымцев при Молодях и спасший Москву от нового разорения), либо постриглись в монахи, чтобы быть подальше от царя (как выдающий полководец И. В. Большой Шереметев, постоянно наводивший ужас на крымцев), либо оказались в ссылке (как А. Адашев). Около трона толпились лишь льстивые царедворцы, малопригодные к самостоятельной деятельности. Они боялись говорить Ивану правду и лишь потакали его низменным прихотям и дурным чертам характера. Все это привело к тому, что царь в последние годы перестал реально и правильно оценивать ситуацию, совершал ошибки и толкал страну в пропасть своими неразумными действиями. В этом отношении самые печальные последствия имело введение кровавой опричнины и продолжение бесперспективной и разорительной Ливонской войны. Своему наследнику он оставил множество проблем, требующих немедленного решения. Федору следовало наладить контакт с деморализованным обществом и примирить бывших врагов, создать условия для восстановления экономики страны, навести порядок в дворцовом хозяйстве, вновь привести «под царскую руку» бунтующие поволжские наро-

ды, продолжить политику присоединения Сибири, вернуть утраченный выход в Балтийское море, разрешить все конфликты с польским королем, желательно мирным путем, создать надежный заслон от набегов крымского хана, восстановить разоренные города, в первую очередь столицу, так и не оправившуюся от пожара 1571 г.

Несомненно, что все эти задачи были даже более сложными, чем достались самому Ивану Грозному, поскольку состояние общества и государства в середине 80-х гг. было буквально плачевным. Фёдору предстояло не столько двигаться вперед, сколько разгребать руины и восстанавливать страну.

Глава 19. Закат династии московских князей. Царь Федор Иванович

§ 1. Оценка личности царя Федора в историографии

8 марта 1584 г. на московский престол взошел 27-летний, третий сын грозного царя Ивана и его первой жены Анастасии Романовны Юрьевой-Захарьиной. На трон его вознесли трагические события в царской семье: первенец Дмитрий утонул в младенческом возрасте, второй сын Иван, долгие годы считавшийся наследником престола, пал от руки отца во время одной из его вспышек ярости.

В научной и художественной литературе утвердилось мнение, что Фёдор отличался слабоумием и был не способен к самостоятельной государственной деятельности. Многие маститые историки прошлого и настоящего (Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, отчасти. С. М. Соловьёв, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников и др.) полагали, что сначала за царя правил некий регентский совет, назначенный отцом, потом – правитель Борис Фёдорович Годунов. Из книги в книгу повторяются такие характеристики Фёдора, составленные иностранцами: «Царь мал ростом, доволь-

но худощав с тихим, даже подобострастным голосом, с простодушным лицом, ум имеет скудный или, как я слышал от других (польский посол Л. Сапега) и заметил сам, не имеет никакого, ибо сидя на престоле во время посольского приема, не переставал улыбаться, любуясь то на свой скипетр, то на державу…» Шведский дипломат П. Петрей описывал его сходно: «Царь Фёдор от природы был почти лишен рассудка, находил удовольствие только в духовных предметах, часто бегал по церквам трезвонить в колокола и слушать обедню. Отец горько упрекал его за это, говоря, что он больше похож на пономарского, чем на царского сына». Лишь некоторые отличия во внешности Фёдора можно обнаружить в сходной характеристике английского дипломата Дж. Флетчера: «Фёдор небольшого роста, приземист, опухл, нос у него ястребиный, походка нетвердая. Он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается. Он прост и слабоумен, но очень тих и милостив и чрезвычайно набожен».

Все эти характеристики, как уже отмечалось, принадлежат иностранцам, которые не испытывали симпатий к русскому царю, как и он к ним. Л. Сапега был против избрания Фёдора на польско-литовский престол после смерти С. Батория в 1586 г. Флетчеру было высказано от лица царя Федора много нелестных слов по поводу злоупотребления в России английских купцов. П. Петрей никогда не видевший Фёдора Ивановича, мог очернить его из-за провала шведский дипломатии во время переговоров 1591–1595 гг., закончив-

шихся подписанием выгодного для русской стороны Тявзинского мирного договора.

Казалось бы, отчасти повторяют сведения иностранцев русские источники – публицистические сочинения Смутного времени. В некоторых из них Фёдор представлен исключительно набожным человеком, заботящимся только о небесном и отдавшим бразды правления государством другим лицам. Разнятся лишь имена тех, кто якобы правил за царя. В «Повести о честном житии царя Фёдора», написанной в период предвыборной борьбы Бориса Годунова за престол, именно он выглядит мудрым соправителем Фёдора. В про Шуйских памятниках указано, что в регентский совет при царе входил князь И. П. Шуйский, в про Романовских – главная роль отводится боярину Н. Р. Юрьеву-Захарьину, деду царя Михаила.

Все это свидетельствует о том, что борьба за престол, развернувшаяся после бездетной кончины Фёдора Ивановича, вылилась на страницы публицистики. Авторы, сторонники того иди иного претендента, пытались обосновать их права на трон тесной связью с царем Фёдором.

Обращение к документальным источникам показывает совсем иную картину. Ни в одном из них нет данных об умственной отсталости царя Фёдора, напротив, всюду он представлен деятельным и самостоятельным правителем (в актовом материале, дипломатических документах, разрядных книгах и т. д.). Отсутствуют и сведения о регентском сове-

те, якобы назначенном Иваном Грозным. В завещании, написанном Иваном IV в 1572 г., Фёдор во всем равен старшему брату Ивану, кроме отношения к престолу. Тут он должен подчиняться старшему брату и его прав не оспаривать, даже если кто-нибудь будет подталкивать его к борьбе. Получаемое им наследство было очень внушительным, много больше, чем получали братья Василия III или брат Ивана IV Юрий. Фёдор должен был стать обладателем Суздаля и еще 14 городов, т. е. играть вполне самостоятельную роль при старшем брате. Если бы он страдал слабоумием и был недееспособным, то вряд ли бы отец наделил его столь внушительным уделом. Кроме того, вообще вызывает сомнение, что Иван IV, всю свою жизнь боровшийся с боярским самоуправством, мог назначить бояр-соправителей при взрослом сыне.

Откуда же появились сведения об этом совете? Прежде всего, о нем сообщили иностранные дипломаты, побывавшие в 1584 г. в Москве. Однако их источником могли быть только неясные слухи о внутри кремлевской борьбе у трона нового царя, поскольку московское правительство тщательно скрывало свои тайны от иностранцев. На самом деле в Кремле, скорее всего, шла борьба за вхождение в Ближнюю думу нового царя, как раз и состоящую со времен Ивана III из четырех бояр. Иностранцы могли назвать ее регентским советом для умаления самостоятельного значения Фёдора, еще сохранявшего шансы на польско-литовскую корону при

бездетном короле С. Батории.

Некоторые русские публицистические сочинения также сообщали о каком-то совете из четырех бояр, но называли разный его состав. Спорили о его составе и многие историки (А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников, В. И. Корецкий). Но, как уже отмечалось выше, данные публицистики вряд ли можно считать абсолютно достоверными, поскольку они были связаны с политической борьбой в Смутное время.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повторяющиеся отрицательные характеристики царя Фёдора в иностранных письменных источниках не отражали реальность, а были связаны с неприязненным отношением их создателей к русскому монарху. Необъективность иностранцев и их умышленное искажение действительности в соседних государствах были хорошо известны в России. Например, стремящийся к власти Борис Годунов тратил немало средств на подкуп иностранных дипломатов и купцов, чтобы те распространяли о нем в своих странах только самые благоприятные сведения и не сочиняли небылиц.

Судить о способностях царя Федора Ивановича и его правлении следует по его делам и достижениям, которые наглядно отражают русские документальные источники.

§ 2. Первые мероприятия нового правительства

Иван Грозный оставил сыну тяжелое наследие: разоренную страну, разобщенное общество, нерешенные международные проблемы. Следовало предпринимать срочные меры к восстановлению прежнего величия и про-цветания Российского государства.

Первым актом нового царя стало создание нового правительства. Еще при Иване Грозном, сразу после женитьбы Фёдора на Ирине Годуновой около него сформировался свой двор, состоявший преимущественно из родственников жены. Они и должны были стать его новым окружением, взамен отцовского. Несомненно, это вызвало ожесточенную борьбу у трона. Проявлением этой борьбы стал мятеж Б. Бельского, фаворита Ивана Грозного. Часть бояр приняла его сторону, но потерпела поражение. Первым в ссылку отправился сам Б. Бельский, затем был смещен казначей П. Головин, через некоторое время постригся в монастырь и видный боярин князь И. Ф. Мстиславский. В Углич на удел был выслан последний сын царя Ивана Дмитрий вместе с матерью – царицей Марией и многочисленными родственниками Нагими.

Можно предположить, что основным спорным вопросом при дворе нового царя в первые дни его правления был вопрос о статусе последнего сына Ивана Грозного – Дмитрия.

Вероятно, часть бояр хотела, чтобы именно он был назван официальным наследником Федора Ивановича, поскольку у того не было детей. Но сам царь и его окружение были категорически против этого. Ведь Дмитрий родился в шестом браке Ивана Грозного, который по церковным канонам уже не считался законным. Поэтому Федор даже отказался считать его братом и запретил упоминать его имя в числе своих родственников. Его трон плотным кольцом окружили родственники его жены Годуновы.

Новым царским дворецким стал боярин Г. В. Годунов, который с юных лет опекал Фёдора, считаясь его дядькой. Конюшим боярином был назначен Б. Ф. Годунов, брат царицы Ирины. Главой Стрелецкого приказа стал боярин И. В. Годунов, известный своими воеводскими подвигами еще при Иване IV. Дипломатическое ведомство, т. е. Посольский приказ, начал курировать боярин С. В. Годунов, до этого служивший окольничим. После того как Б. Ф. Годунову отдали в подчинение еще и Земский приказ, а в Думе видное место занял боярин Д. И. Годунов, в руках Годуновых оказались важнейшие рычаги по управлению страной. Царь Фёдор в лице родственников жены получил верных и надежных помощников во всех делах, каких не было у его отца. Это существенно укрепило его трон и стало залогом будущих успехов.

Новое правительство начало свою работу с ревизии всех дел в ведомствах и казны. Годуновы потребовали отовсюду описи царского имущества (оно хранилось в несколь-

ких территориальных дворцах), золота, серебра, драгоценностей, произвели осмотр всех приказов, книг годового дохода, финансов. Во всех судах были сменены казначеи, судьи, дьяки. В особо значимых городах, крепостях и поселках были назначены новые воеводы, верные царской семье. Заметные изменения произошли и в составе дворов царя и царицы.

В апреле был собран Земский собор, на котором Фёдор, видимо, объявил общественности о своих решениях и поставил на обсуждение вопрос о венчании на царство. Дело в том, что этот обряд еще не имел устоявшейся практики. Первым был венчан Дмитрий-внук еще при жизни деда, но престол не получил. Вторым венчался Иван IV, но не когда вступил на престол, а когда стал совершеннолетним и решил закрепить за собой царский титул. Фёдор получал по завещанию отца и трон, и титул, поэтому формально надобности в венчании не было. Однако 31 мая, в день рождения царя, венчание состоялось. Значит, оно была признана официальной церемонией, которую следовало осуществлять при вступлении царя на престол.

В Чине венчания Федора Ивановича подробно описывалось, как осуществлялась эта церемония. Главные роли в ней играли Годуновы, которые несли царские регалии в Успенский собор и окружали царя во время священнодействий. Этим они публично зафиксировали свое высокое положение у трона.

Первый указ царя Фёдора касался амнистии всех лиц,

осужденных отцом. Он сразу же подняла его авторитет в глазах подданных. На жителей соседних государств благоприятное впечатление произвело освобождение без всякого выкупа пленных литовцев, поляков и ливонцев, захваченных в ходе многолетней Ливонской войны. У бедняков стала популярной ежегодная раздача «поминков» (милостыни) по умершим родителям царя, по брату и деду. Кроме того, на погребение нищих из казны выделялись особые деньги.

Для улучшения экономического положения горожан и мелкопоместного дворянства были отменены податные привилегии монастырей и ограничен рост их земельных владений. Чтобы дворяне окончательно не разорялись из-за ухода крестьян-кормильцев, в некоторые годы отменялся «Юрьев день» и вводились урочные лета (5 лет), во время которых можно было разыскивать беглецов, не заплативших «пожилое». Но эти меры носили временный характер, поэтому делать вывод о том, что в конце XVI в. крестьяне были окончательно закрепощены, нельзя.

Есть сведения о том, что Фёдор лично интересовался вопросами землевладения и землепользования. После составления в 1586 г. описей дворцовых владений, он ознакомился с ними и внес коррективы относительно уплаты налогов. Во время посещения Новгорода в 1590 г. он лично принял все челобитные местных помещиков и распорядился не взимать налоги с помещичьей запашки, которую обрабатывали бобыли. К середине 80-х г. составление писцовых книг было за-

кончено. В них вошло описание южных земель и сибирских приобретений, сделанных Ермаком. Правительством принимались меры по упорядочению служилых кабал. Все они регистрировались в Холопьем приказе, добровольные ограничивались 6 месяцами.

Уже в первый год правления Фёдора началось возведение Белого города («Царь-города») вокруг разросшихся посадов. Строительство было поручено приказу Каменных дел. Руководителем проекта был назначен Фёдор Конь. Протяженность стен (по современному бульварному кольцу) была 9 км с 27 крепостными башнями. В Кремле воздвигли новый храм Вознесения в одноименном монастыре, каменные здания для приказов, в Китай-городе – каменные лавки для торговли.

Новые города-крепости стали возводится по всей стране. В 1584–1585 гг. было завершено строительство Архангельска, ставшего центром европейской торговли. На Дону возник Воронеж, рядом – Ливны, Курск, восточнее – Кокшайск, Санчурск. За счет казны стали строить крепостные стены в Смоленске, Казани, Астрахани. Со временем был приведен в порядок и царский дворец, имевший жалкий вид при Иване Грозном, предпочитавшем жить в Александровой слободе. Посещавшие в конце XVI в. Кремль иностранцы, отмечали великолепие дворца, украшенного замысловатыми канделябрами, часами, коврами и шкафами с дорогой посудой. Для царицы Ирины была отстроена своя приемная палата,

получившая название Малой Золотой. В ней она встречала иностранных послов, привозивших подарки лично ей, паломников, знатных женщин и устраивала семейные празднества. Все это свидетельствовало об ее особо почетном положении и самостоятельной роли в дворцовой жизни, которых не было у жен Ивана IV.

Современники отмечали, что в первые годы своего правления царь Фёдор принял много мер для вывода страны из кризисного положения: уменьшил или совсем отменил наиболее тяжелые пошлины и налоги, продажных чиновников замененил честными и добросовестными людьми. Чтобы судьи не вымогали взятки, им увеличили жалованье и земельные наделы. Большие перемены чувствовались повсюду. В результате государство и управление обновились настолько, будто это была совсем другая страна. Новое лицо было противоположно старому. Каждый человек жил мирно, уверенный в своем месте, в том, что ему принадлежит. Везде восторжествовала справедливость.

Положительно оценили деятельность Фёдора даже жители соседних стран. Они говорили, что укрощение внутренних раздоров было много важнее удачных военных походов, поскольку «внутреннюю рану труднее вылечить, чем наружную».

Новому царю пришлось заниматься не только внутренними проблемами, но и внешними. Воспользовавшись смертью царя Ивана, взбунтовались поволжские народы, крымские

татары весной 1584 г. опустошили южные города. Поэтому пришлось срочно собирать войска и отправлять их сразу в двух направлениях: на восток и юг. Принятые меры дали положительные результаты. Поволжские народы вновь согласились «быть под рукой у русского царя», крымцы же были отогнаны и разбиты. Взятые в плен русские люди возвратились домой. Для предотвращения новых набегов ко двору турецкого султана, сюзерена крымского хана, по приказу царя было направлено посольство с предложением дружбы и расширения взаимовыгодных торговых контактов.

Наиболее сложными и запутанными были отношения с Речью Посполитой и Швецией, лишивших царя Ивана всех его приобретений в Ливонии. С обоими государствами Россия была в состоянии войны. Однако уже в 1586 г. воинственный С. Баторий умер, и именно Фёдора православная часть Литвы стала прочить в новые короли. Но поляки-католики заявили, что проголосуют за него только при условии, что он примет католичество, будет коронован в Кракове и переберется туда на местожительство, в титуле Федор должен писаться сначала польским королем и великим князем литовским и лишь потом русским царем. Все это было неприемлемо для православного государя. Поэтому новым польским королем был избран шведский королевич Сигизмунд.

Вскоре выяснилось, что и внутри Русского государства не все благополучно. «Старая гвардия» царя Ивана Гроз-

ного не желала без боя сдавать свои позиции и только выискивала удобный повод, чтобы скинуть ненавистных Годуновых. Особенно возмущались их засильем знатные князья Шуйские, рассчитывавшие на первые роли в Боярской думе и правительстве. Осенью 1586 г. герой Псковской обороны И. П. Шуйский с племянником Андреем Ивановичем подговорили митрополита Дионисия, крутицкого архиепископа Варлаама Пушкина и московских купцов выступить против «неплодной» царицы Ирины Годуновой и заставить царя Фёдора развестись с ней. Однако Фёдор расценил их действие как оскорбление всего царского рода. Всегда мягкий и милостивый, на этот раз он был тверд и даже жесток. Князья Шуйские были пострижены в отдаленные монастыри и там вскоре умерли. Дионисий и Варлаам лишились своих кафедр и также были сосланы, купцов же и представителей посада казнили.

С этого момента авторитет Ирины и ее родственников стал незыблемым. Наиболее видное место в думе занял ее дядя Дмитрий Иванович, умный и хитрый политик, выдвинувшийся из постельничих еще при Иване Грозном. Вслед за ним шли его племянники: Борис Фёдорович, Степан Васильевич, Григорий Васильевич, Иван Васильевич. Постепенно выдвигались и более дальние родственники: Никита Васильевич и Семен Никитич Годуновы, многочисленные Сабуровы и Вельяминовы, входившие с ними в один род Зерновых.

§ 3. Учреждение патриаршества

Вопрос об автокефалии русской церкви стоял давно, поскольку с 1453 г. патриарх Константинопольский, которому подчинялся митрополит Московский, находился под властью турецкого султана и влачил довольно жалкое существование. Очень часто его посланцы приезжали в Москву просить материальной помощи у русских государей. Но только царь Фёдор смог сделать русскую церковь окончательно самостоятеьной.

С самого начала своего правления Фёдор Иванович уделял большое внимание церковным делам. Когда его казна вновь наполнилась (благодаря рачительности Г. В. Годунова и скромности быта царской четы, годовые доходы достигли почти 1,5 млн. руб.), он стал делать щедрые вклады в монастыри, выделять деньги на церковное строительство и одаривать иерархов. Но с митрополитом Дионисием у Федора Ивановича доверительные отношения не складывались. Окончательный разрыв произошел после его выступления против царицы Ирины. Новым митрополитом стал архиепископ Ростовский Иов, бывший до этого Ново-Спасским архимандритом и хорошо знакомый царской семье, поскольку в его ведении находилась родовая усыпальница Захарьиных-Юрьевых, родственников матери Фёдора. Иов сразу же стал верным помощником и советчиком царя.

Тесные взаимоотношения с новым патриархом побудили Фёдора стать инициатором учреждения патриаршества. С этим предложением он и выступил на заседании Боярской думы. Но опытные бояре решили, что самовольно устраивать подобную акцию не следует. Проще одарить восточных патриархов и получить их согласие на отделение русской церкви от константинопольской патриархии.

Летом 1586 г. в Москву прибыл за милостыней патриарх антиохийский Иоаким. Его щедро одарили и сообщили о царском желании учредить в Москве патриархию. В Константинополе ему следовало известить об этом самого главного патриарха и узнать его мнение. Летом 1587 г. в Москву прибыл грек Николай и сообщил, что Иоаким имел беседу по интересующему Фёдора вопросу с патриархом Константинопольским. Оставалось получить согласие иерусалимского и александрийского патриархов. Через год в Москву пришла весть, что в Смоленске «безвестно», без официального извещения, появился патриарх Константинопольский Иеремия. Его тут же пригласили в столицу.

Переговоры об учреждении патриаршества были поручены царскому шурину Б. Ф. Годунову и главе Посольского приказа А. Я. Щелкалову. Они встретились с Иаремией и с сочувствием выслушали его рассказ о притеснениях со стороны султана, о бедственном положении православной церкви под гнетом турок. Его речи они передали царю Федору, и тот предложил Иеремии остаться в России, но поселиться

не в Москве, а во Владимире, поскольку в столице уже есть пастырь Иов. К тому же общаться с греком, не знающим русского языка, будет сложно и царю, и духовенству.

Иеремия не захотел жить вдали от царского двора, но согласился, что в Русском государстве, где православная церковь находится в столь цветущем состоянии, следует быть патриарху. Богато одаренный, он даже без согласия остальных патриархов решил поставить во главе Московской патриархии того, кто будет угоден царю Фёдору.

Формально были устроены выборы из трех кандидатов. Но, естественно, что выбор пал на царского любимца Иова. В торжественной обстановке в январе 1589 г. он первым был рукоположен в патриархи Московские и всея Руси. Новые духовные саны получили и другие русские иерархи; новгородский, ростовский, казанский и крутицкий архиепископы стали митрополитами, шесть епископов стали архиепископами.

В грамоте об учреждении патриаршества писалось, что ветхий Рим пал от Аполлинариевой ереси, второй Рим, т. е. Константинополь, захвачен безбожными турками, третьим Римом стало Российское царство, превзошедшее всех благочестием, а царь Фёдор – единственным христианским царем во всей Вселенной. Действительно, в глазах международной общественности и всего православного мира именно Москва становилась одной из главных религиозных столиц мира.

Патриарх Иеремия получил не только щедрые дары, но и

письмо Фёдора к турецкому султану, в котором тот просил его, как своего брата, беречь патриарха и давать ему достойное содержание.

В 1591 г. в Москву прибыл тырновский митрополит, который привёз грамоту от четырех восточных патриархов с их согласием на учреждение Московской патриархии. В ней они писали, что, кроме Бога и святого царя Фёдора и его царицы, надежды и помощи ни от кого не имеют. Святым стали называть Фёдора Ивановича и некоторые русские авторы, писавшие о нем уже после его смерти. Можно даже предположить, что в начале XVII в. существовал проект канонизации царя Федора, поэтому сохранились его изображения с нимбом. В некоторых городах к местным соборам пристраивались приделы в честь святых Фёдора и Ирины для увековечивания памяти царя и царицы.

В воспоминаниях современников правление Федора Ивановича осталось как тихое и не мятежное, а государство – процветающее. Это было вызвано не только взвешенной и разумной внешней и внутренней политикой, но и личными качествами царя, его высоким моральным обликом, резко контрастировавшим с яростным и необузданным отцом.

§ 4. Нарвский поход 1590 г.

Одним из наиболее тяжелых последствий Ливонской войны для России стала потеря Балтийского побережья и го-

родов-крепостей в Карелии, которые были захвачены шведским королем. Уже в первые годы правления Фёдор поставил цель вернуть их. В октябре на границу со Швецией были отправлены послы для переговоров о возврате утраченных территорий за денежный выкуп в 15 тыс. руб. Но шведов это не устроило.

Новая попытка разрешить конфликт мирным путем была предпринята в 1589 г., но в ответ царь Фёдор получил лишь бранное письмо от короля Юхава III, в котором тот заявлял, что не будет ждать окончания перемирия и первым нападет на русские земли. Пришлось царю отвечать, что и его рати к войне готовы. Правда русские новые послы пытались сторговаться уже за 20 тыс. руб., но король заявил, что только в бою отдаст завоеванное.

В январе 1590 г. по зимнему пути русское войско во главе с самим царем выступило к Новгороду. Федор Иванович хорошо помнил, как дважды сопровождал в таком же походе отца и брата, и поэтому чувствовал себя уверенно. Большим полком командовал самый знатный князь Ф. И. Мстиславский, Передовым – наиболее удачливый полководец Д. И. Хворостинин, Дворовым – царские родственники Б. Ф. Годунов и Ф. Н. Романов (двоюродный брат царя по линии матери).

Первой удачей стало взятие Передовым полком Яма. Затем основное войско осадило Иван-город и Нарву (они находились на противоположных берегах реки Нарвы). Лобовые

атаки удачи не принесли, поэтому царь Фёдор повелел обстреливать крепостные стены из дальнобойных орудий. Уже 25 февраля шведы согласились начать мирные переговоры, закончившиеся подписанием перемирия на один год. По его условиям России возвращались Ям, Иван-город и Копорье. Победителем возвращался Фёдор Иванович сначала в Новгород, где его ждала жена, потом в Москву.

На этом прибалтийские дела не закончились. Через год вновь русские дипломаты вступили в переговоры со шведами. Для подкрепления их слов в районе Новгорода расположилось царское войско. В 1592–1594 гг. военные действия были вновь возобновлены. Под началом видных воевод был совершен рейд вглубь шведской территории до самого Выборга. Это заставило шведских дипломатов быть сговорчивее. В мае 1595 г. в небольшом поселении Тявзино был подписан «вечный мир». К Русскому государству без всякого выкупа вновь отходило Прибалтийское побережье в районе Иван-города и Орешка и города Ям, Копорье, Корела. Нарву, правда, шведы так и не отдали, не желая терять контроль над русской торговлей через Балтийское море.

Внешнеполитические успехи Фёдора существенно подняли его авторитет в европейских странах. В Речи Посполитой стали поговаривать, что «Москва теперь не старая и не боится поднять оружие против победителей Грозного. Надобно от Москвы беречься уже не Полоцку, не Ливонской земле, а надобно беречься от нее Вильне», т. е. столице Литвы.

В правление Федора Ивановича существенно расширяются международные контакты России. Москву неоднократно посещают послы римского императора, склонявшие Фёдора к анти турецкому союзу. Но царь ограничился лишь материальной помощью Рудольфу в виде большого количества драгоценных мехов.

Укрепление русских позиций на Кавказе привело к тому, что в 1586 г. в Москву прибыл посол от кахетинского государя Александра с просьбой принять его в благосклонное подданство. Фёдор отнесся к этому желанию грузинского правителя положитеьно и отправил в помощь ему войско во главе с Д. И. Хворостининым. К своему пышному титулу он добавил: «Государь земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли».

Царь Фёдор стремился укрепить свои позиции не только на западе, юге, но и на востоке. Именно при нем началось интенсивное освоение сибирских просторов. В 1584 г. пришла весть, что экспедиция Ермака провалилась, и сам атаман убит. В ответ по царскому указу в Сибирь стали посылаться все новые и новые отряды. Осенью воевода И. Мансуров основал в устье Иртыша городок и обязал живших там остяков платить ясак. Воеводы В. Сукин и И. Мясной основали на берегу реки Туры крепость Тюмень. Д. Чулков в 1587 г. заложил Тобольск, ставший вскоре главным сибирским городом. Затем появились и другие города-крепости: Пелым, Берёзов, Сургут, Тара, Нарым, Кетский острог, ставшие опор-

ными пунктами для продвижения русских землепроходцев дальше на Восток.

Воеводе В. Кольцову-Мосальскому удалось выследить хана Кучюма и разбить его войско. Вся его многочисленная знать была взята в плен и отправлена в Москву. Самому хану от имени Фёдора было предложено принять русское подданство и поступить на царскую службу. Но тот гордо отказался и позднее был убит своими бывшими союзниками.

После присоединения Сибири при царском дворе оказалось много местных князьков и ханских родственников. Многие из них стали военачальниками и получили земельные пожалования.

§ 5. Последнее нападение крымского хана на Москву

В царствование Фёдора произошло еще одно знаменательное событие – последний раз крымский хан осмелился подойти к стенам русской столицы. Произошло это летом 1591 г.

Причиной набега стало пренебрежительное отношение царской администрации к крымским послам и отказ присылать хану дорогие «поминки», т. е. подарки. Царь считал хана вассалом турецкого султана и предпочитал иметь дело с сюзереном, тот же все еще видел Москву своей данницей.

Летом 1591 г., узнав, что основное царское войско сто-

ит под Новгородом для борьбы со шведами, Казы-Гирей решил внезапно напасть сразу на Москву, как бы повторяя «подвиг» Девлет-Гирея в 1571 г.

Русскому послу в Крыму, предварительно ограбленному, было заявлено, что войско собирается для похода на Литву.

Дезинформация и стремительность нападения привели к тому, что собрать дополнительное войско для защиты столицы уже было невозможно. Поэтому царь Фёдор приказал полкам береговой линии обороны в спешном порядке отойти к Москве. На берегу Оки оставили лишь небольшой отряд для разведки.

Первоначально планировалось вступить в бой с крымцами у Коломенского. Но разведчики донесли, что у хана не менее 100 тыс. конников, и те просто сомнут малочисленные русские полки. Тогда было решено недалеко от Данилова монастыря поставить «гуляй-город» – заграждение из телег с пушками. Именно такой «гуляй-город» помог М. И. Воротынскому разбить крымцев в битве при Молодях.

Ранним утром 2 июля все немногочисленные защитники города (представители двора во главе с Б. Ф. Годуновым и береговые полки во главе с Ф. И. Мстиславским) укрылись за оборонительным сооружением и приготовились к вражеской атаке.

Видя всю тяжесть положения, царь Фёдор решил сам возглавить оборону. Он хорошо помнил, как бегство отца в 1571 г. деморализовало защитников, и Москва была сожже-

на. Поэтому он не только ознакомился в планом обороны, но и лично отправился в полки. Там, ободряя воинов, он спрашивал их о здоровье и всячески укреплял их боевой дух. По царскому указу в «гуляй-городе» была установлена походная церковь в честь Сергия Радонежского, потом патриарх Иов с духовенством окропил всех святой водой и обнесли укрепление чудотворной иконой Донской Богоматери.

Утром 4 июля войско хана подошло к окраинам Москвы и расположилось в оврагах у реки Котёл. Для затравки были отправлены отряды ханских сыновей, но они были быстро рассеяны конницей иностранных наемников. Затем по царскому указу начался массированный обстрел расположения крымцев из дальнобойных орудий. Одновременно ударили пушки на всех крепостных стенах и башнях столицы. Стало казаться, что город объят дымом и огнем. Ужас охватил не только рядовых степняков, но и самого хана. В довершение всего в его стане «случайно» оказался царский гонец, который сказал, что на подмогу Москве идет новгородская рать, которая должна с тыла нанести удар врагам.

Ханское войско охватила паника, и ранним утром следующего дня оно бросилось бежать, бросая немногочисленные пожитки. Даже расписной ханский возок был обнаружен у переправы через Оку. Посланные за беглецами царские войска никого не догнали, поскольку те направились прямо в Крым и даже отказались от традиционных грабежей по пути. Так бесславно закончилось последнее нападение на Москву

крымского хана.

Царь Фёдор щедро наградил всех защитников столицы и устроил мно-годневные пиры. В память о славной обороне на месте обоза был основан Донской монастырь. Его главной святыней стала икона Донской Богоматери, которую установили в новом храме.

Позорное бегство крымского хана показало, что он окончательно утратил свое могущество и перестал представлять серьезную угрозу для Русского государства. Но для того, чтобы обезопасить южные границы, по приказу царя стали возводиться новые города-крепости: Кромы, Белгород, Оскол, Саратов, Царицын, Уржум и др.

§ 6. Проблема престолонаследия

Самым сложным во время всего царствования Фёдора оставался вопрос о престолонаследии. Хотя царь уже достаточно давно был женат, наследника у все не было. Ирина была многократно беременна, но дети во время родов погибали. Современные антропологи обнаружили, что у царицы был слишком узкий таз. Проблему могло решить кесарево сечение, но о нем в то время еще не знали.

В Угличе проживал последний сын Ивана Грозного царевич Дмитрий, но он был рожден от шестой жены, которая по церковным законам считалась незаконной. Кроме того, он страдал эпилепсией и был слаб здоровьем. Официально, как

уже отмечалось, Фёдор отказывался считать его наследником и запрещал упоминать его имя в числе своих родственников.

Окружавшие царевича Нагие во главе с царицей Марией, несомненно, вынашивали честолюбивые планы по захвату престола в случае внезапной кончины царя Федора. В первую очередь они собирались расправиться с ненавистными Годуновыми. В этой атмосфере злобы по отношению ко всем приближенным Фёдора Ивановича, воспитывался царевич Дмитрий.

Несомненно, что настроения в Угличском уделе были известны в столице, поэтому для надзора туда был отправлен государев дьяк М. Битяговский с родственниками. С его приездом Нагие лишались права бесконтрольно распоряжаться доходами удела и самоуправствовать в нем. Это не могло не вызвать у них недовольство, и, в итоге, создало конфликтную ситуацию.

15 мая 1591 г. случилось несчастье – царевич Дмитрий погиб. По свидетельству очевидцев, мамки, кормилицы и мальчиков-жильцов, царевич сам покололся ножом, который оказался в его руке во время приступа эпилепсии. Но такая версия не устроила его мать, прибежавшую на шум. Она решила обвинить в убийстве дьяка Битяговского, его сына и племянника и натравила на них угличан. Ни в чем не повинные люди были схвачены горожанами и убиты.

Для разбирательства происшествия в Углич была от-

правлена прави-тельственная комиссия во главе с князем В. И. Шуйским. Она допросила более 100 человек и пришла к выводу, что царевич погиб по недосмотру его родственников, которые были виноваты не только в этом, но и в том, что оболгали государевых чиновников, натравили на них горожан и спровоцировали их убийство.

В итоге по решению Боярской думы Мария Нагая была пострижена в монахини и сослана на Север, ее родственники отправлены в тюрьмы и на дальнее воеводство, часть угличан казнили, часть отправили в Пелым. Угличский удел перестал существовать.

Нежданной радостью для Фёдора и Ирины стало рождение в мае 1592 г. дочери, царевны Феодосии. По этому случаю были выпущены из тюрем все опальные, по монастырям по монастырям были разосланы богатые дары. Царский шурин Б. Ф. Годунов даже стал строить брачные планы по поиску возможного жениха для малютки, чтобы закрепить за ней трон. В доверительной беседе с имперским послом Н. Варкочем Борис заявил, что царская чета хочет пригласить ко двору юного австрийского принца с тем, чтобы в будущем он мог стать мужем царевны и вместе с ней править. Для этого ему заранее следовало обучиться русскому языку, принять православие и узнать местные обычаи. Однако ранняя смерть Феодосии (25 января 1595 г.) разрушила все эти планы. Данное событие стала страшным ударом для Фёдора и Ирины, поскольку перспектива иметь наследников стала

еще более призрачной для них.

Несомненно, царь очень любил жену, поэтому не пошел на крайнюю меру и не развелся с ней, как это сделал его дед Василий III. Вероятно, он считал «бесчадие» Божьим наказанием за грехи предков, и в первую очередь, отца. Мысль о том, что на нем заканчивается династия московских князей, создавшая Российское царство и несколько веков правящая в нем с ощутимыми успехами и достижениями, несомненно, терзала Фёдора. От некогда многочисленного племени Калиты оставалась только дочь Владимира Старицкого, уже вдовствующая и принявшая постриг под именем Марфа. Было понятно, что для мирской жизни она уже была мертва. Какие-то виды на престол мог иметь племянник царицы Марии Темрюковны Симеон Бекбулатович, правивший один год по прихоти Ивана Грозного. Но он уже давно был сослан в село Клушалино и там через некоторое время ослеп.

Единственным реальными претендентами становились родственники царя Фёдора по линии матери братья Романовы: Фёдор, Александр, Василий, Михаил и Иван, и родственники царицы Ирины, в первую очередь ее родной брат Борис. Но их права на престол уже были спорны и требовали дополнительного подкрепления со стороны Боярской думы и Земского собора.

В самом конце 1597 г. тяжелая болезнь приковала царя Фёдора к постели. Все усилия врачей не дали результата. В ночь с 6 на 7 января 1598 г. он скончался. Наследницей бы-

ла объявлена царица Ирина. Население страны стало приносить ей присягу. Никто не хотел перемен, и все были готовы служить продолжательнице дел умершего царя. Однако безутешная вдова править не стала и вскоре постриглась в Новодевичий монастырь под именем Александра. Это повергло русское общество в шоковое состояние, и оно было готово согласиться с любой кандидатурой, которую назовут власти. Роль вершителя судеб взял на себя патриарх Иов. Он назвал имя самого подходящего кандидата, по его мнению, – Бориса Фёдоровича Годунова. Иов публично заявил на Земском соборе, что именно Борис был соправителем умершего царя Федора Ивановича, главным участником всех его славных дел.

Таким образом, успешное правление Фёдора Ивановича создало благоприятные условия для перехода власти к брату его жены – Б. Ф. Годунову. Простым людям внушалось, что Борис Годунов усмирил поволжские народы, принимал активное участие в учреждении патриаршества, водил полки под Нарву, отогнал крымского хана от столицы, вел большую строительную деятельность по всей стране, получал от зарубежных монархов подарки, равные царским, и т. д. Поэтому, как наиболее достойнейший из всех возможных претендентов, он должен стать новым царем.

В итоге вышло так, что Б. Ф. Годунов получил престол не за свои личные заслуги, которых было совсем немного, а за достижения царя Фёдора, умело интерпретированные патри-

архом Иовом. Первый выборный царь это не понял и в своем правлении стал подражать не Федору Ивановичу, а его отцу Ивану Грозному, тем самым предрекая свой скорый и бесславный конец.

Настоящим продолжателем дел Фёдора уже после Смуты, во многом вызванной неудачным правлением царя Бориса, стал его двоюродный племянник Михаил, первый царь из династии Романовых. Он искренне стремился к тому, чтобы при нем «Российское царство аки солнце сияло, на все стороны ширилось, многие окрестные государства учинились в подданство и послушание, и никоторая кровь и война не бывала, как это было при Фёдоре».

В целом следует сделать вывод, что в правление Фёдора завершился процесс создания Русского централизованного государства, которое превратилось в многонациональное. Русская церковь стала автокефальной, западные и южные границы укрепились, поскольку велось строительство засечных полос и оборонительных укреплений, началось интенсивное проникновение на восток – в Сибирь, поэтому территория государства стала быстро увеличиваться. По указанию царя было завершено описание основных земель европейской части, совершенствовалось законодательство, реформировалось государственное управление, улучшался сбор налогов, что приводило к постоянному росту казны.

Глава 20. Русская культура XVI века

§ 1. Общественная мысль

Образование Русского национального государства, существенное расширение его границ, провозглашение царства, разгром остатков Золотой Орды, способствовали резкому подъему национального самосознания русских людей. Именно в XVI в. пишутся произведения о роли и месте Руси в христианском мире, сущности царской власти, ее Божественном происхождении, обязанностях подданных и т. д. Но в них еще нет незыблемых доктрин и догматов. Многие, поднятые в них вопросы, предмет обсуждения и полемики. Это было неслучайно. Молодое государство искало свой путь в европейской цивилизации, возводило свой фундамент в культуре и общественной мысли.

В публицистических произведениях XVI в. с невиданными до того широтой и размахом обсуждались многие важные вопросы. Среди них: основы государственного устройства, характер и пределы царской власти, ее место во взаимоотношениях с духовными властями, положение в стране служилых людей и даже крестьянства. В некоторых произведениях открыто выражался протест против рабской и крепостной зависимости крестьян и холопов, унижения человеческого

достоинства «меньшой братии» «сильными мира сего».

Некоторые писатели прямо ставили вопрос о равенстве всех людей, поскольку они имели общего предка Адама, и отрицали сословную иерархию. Эти новые идеи в литературе XVI в. отражали подъем рационалистических и демократических настроений в русском обществе.

Укрепление государства, внешнеполитические и военные успехи (взятие Смоленска, Казани, Астрахани, Сибири, выход на Балтику, учреждение патриаршества) способствовали росту международного престижа Русского государства. Все это отражалось на национальном самосознании русских людей самым положительным образом.

Возрастает значение Москвы как культурного центра всех воссоединенных земель и княжеств. Приоритет новой столицы уже никто не оспаривает.

Процесс образования и укрепления Русского государства и связанные с ним изменения в политическом строе входящих в его состав удельных княжеств так или иначе затрагивали все слои общества. Складывание новых общественных отношений способствовало активизации политической мысли. В итоге литературные жанры в XVI в. максимально насыщены публицистическим содержанием. Традиционно считается, что этот век был веком публицистики. Главным в ней был вопрос о месте и роли России в мировом масштабе.

На рубеже XV и XVI вв. начинает активно развиваться теория «Москва – Третий Рим». Впервые она была выска-

зана в созданной в Новгороде «Повести о белом клобуке». Ее автор утверждал, что после падения ветхого Рима и нового Рима Константинополя, именно в Русской земле должна воссиять благодать Святого Духа.

Затем эта теория была обоснована в посланиях псковского монаха Филофея. В них он прямо утверждал, что Русь является центром всего христианского мира. Кроме того, он высказал идею о Божественном происхождении царской власти, которая способна собрать все русские земли воедино и стать гарантом их крепости.

Дальнейшее развитие эти идеи получили в «Сказании о князьях Владимирских». В его основе, по мнению исследователей, лежит послание Спиридона-Саввы, несостоявшегося митрополита Киевского, оказавшегося волею судеб в ссылке в Ферапонтовом монастыре. В этом произведении приводится родословие легендарного Рюрика, который, по мнению автора, происходил от брата римского императора Августа, носящего имя Прус. Литовские же князья, по утверждению автора «Сказания», шли от одного из рабов смоленского князя – его конюха.

«Сказание о князьях Владимирских» было особо любимо Василием III и Иваном Грозным. По указанию последнего оно было использовано в «Степенной книге», составленной в середине XVI в. митрополитом Афанасием. В ней приводилось родословие великих князей и последовательно описывалось их правление. Кроме того, легендарное родословие

Рюрика было отражено в росписях Золотой палаты в царском дворце и во фресках Архангельского собора.

Активная политическая борьба проходила в церкви. К началу XVI в. в ней сформировалось два направления – иосифлян и нестяжателей. Первое возглавлялось игуменом Волоцкого монастыря Иосифом, который полагал, что церковь должна иметь значительные материальные богатства, чтобы быть сильной и независимой. Нестяжатели же во главе с Нилом Сорским и Вассианом Патрикеевым считали, что у церкви может быть только духовное богатство, поэтому монахам следует жить своим трудом и постоянно нравственно очищаться. Идеологи обоих направлений оставили множество сочинений в защиту своих суждений. Иосифу Волоцкому принадлежит «Устав монастырской жизни», «Просветитель», всевозможные послания разным лицам. Нил Сорский также написал «Устав монастырской жизни», «Предание ученикам» и разные послания. В них он развивал идеи нравственного и духовного совершенствования, очищения духа и плоти от мирских забот и т. д. Они находили отклик в сердцах многих простых монахов, возмущавшихся стремлением иерархов к наживе.

Учение Нила Сорского в дальнейшем было развито в трудах Вассиана Патрикеева, знатного князя и боярина, постриженного в монахи по указанию Ивана III. Он вступил в открытую полемику с иосифлянами и начал работу над Кормчей книгой – сводом обязательных правил для духовных лиц.

Деятельность Вассиана привлекла внимание Василия III, который, как и отец, вынашивал планы секуляризации монастырских и церковных земель. В это время в Москву с Афона прибыл для перевода книг ученый грек Максим. Он сблизился с нестяжателями и сформировал особый кружок для любителей просвещения.

На его заседаниях обсуждались самые различные вопросы, в том числе и о сути царской власти, об обязанностях государя вести нравственный образ жизни, быть милостивым, заботиться о подданных. Все это звучало как критика в адрес Василия III, собравшегося развестись с первой супругой и вступить в новый брак.

В итоге Максим Грек и его ученики были обвинены в еретичестве и разосланы по отдаленным монастырям. Но и в заточении ученый грек продолжил литературную деятельность и в конце жизни собрал свои сочинения в несколько томов. Они оказали большое влияние на таких писателей и общественных деятелей, как Андрей Курбский, Фёдор Карпов, старец Артемий, протопоп Сильвестр, книжник Зиновий Отенский и др.

Нестяжательские идеи были подхвачены монахами Белозерских монастырей уже в середине века. Некоторые из них стали подвергать критике даже учение о Троице и всевозможные церковные догматы (святость икон, мощей, креста и др.). Об этом стало известно руководству церкви, и в Москве начались анти еретические соборы. На них были вызваны и

нестяжатели во главе со старцем Артемием. В итоге, все они были обвинены в искажении церковных догматов вместе с настоящими еретиками и отправлены в тюрьмы. Некоторым удалось бежать в Литву и там развивать свои идеи.

Наиболее известным создателем еретического учения стал Феодосий Косой. Поскольку его взгляды были притягательными для жителей приграничных местностей, русские книжники создали, по указанию митрополита Макария, несколько фундаментальных анти еретических сочинений. «Послание многословное» стало плодом творения кирилло-белозерских старцев, «Истинные показание» – настоящий теологический трактат – написал ученик Максима Грека Зиновий Отенский. Все эти произведения получили особое значение в связи с Ливонской войной, которую царь объявил борьбой за чистоту православия. В итоге борьба официальной церкви с нестяжателями закончилась их полным разгромом.

В 50-е г. во время проведения царем Иваном IV реформ, резко возрос интерес публицистов к проблемам государственного устройства. Наиболее значимы в этом отношении сочинения Фёдора Карпова. Он писал, что для успешного развития любой страны в ней следует править царям с другими начальниками. Обязанность их – осуществлять законность и порядок, неповинных защищать, виновных – казнить. Правда и закон должны лежать в основе любого общества, гарант их соблюдения – царь.

Целую программу реформ изложил в своих челобитных к Ивану IV Иван Пересветов. Он писал, что царь не должен отдавать власть корыстолюбивым вельможам, которые не соблюдают законы, попирают правду, творят насилие. Править следует самому «с грозой», следить за деятельностью судей и других чиновников, издать справедливые законы, заботиться о воинском чине, главной опоре власти. Образцом монарха для публициста был турецкий султан Магомед.

Пересветов подверг критике некоторые порядки в Русском государстве, в частности рабство и крепостничество. Он отметил, что «раб срама не боится и чести не добывает», поэтому только свободные люди могут заботиться о благе и славе страны. Чины и земли, по его мнению, следует давать не за знатность, а за личные заслуги. Тогда власть царя будет сильна и справедлива.

Еще один публицист, входивший в число Макарьевских книжников, – Ермолай-Еразм также полагал, что обязанностью царя является забота о подданных. В трактате «Благохотящим царям правительница и землемерие» он заявил, что предметом особого внимания царя должен стать крестьянский труд, на котором держится вся страна. Существующие законы и налоги разоряют пахарей. Необходимо всех их отменить и ввести продуктовую ренту, состоящую из одной пятой урожая.

Изучая публицистику XVI в., можно заметить, что только в период реформ авторы свободно выражали свои взгляды

по различным вопросам. Со второй половины 60-х г. спорщиков остается только два: сам царь и бежавший в Литву князь Андрей Курбский. В письмах к своему оппоненту Иван Грозный утверждал, что власть свою он получил от Бога, поэтому никаких ограничений ее со стороны людей быть не может. Все подданные – холопы, которых он волен казнить или миловать. Если же кто-либо противится царской власти, то, значит, противится самому Богу и, как вероотступник, должен быть казнен.

В ответных посланиях А. Курбский заявлял, что неправедные цари, предающие забвению Божьи заповеди, справедливые законы и правду, не могут считаться настоящими властителями, а являются тиранами и мучителями. Долг истинных христиан – свергнуть их. В своем обширном сочинении «История о великом князе Московском» публицист представил Ивана IV именно таким злодеем, попирающим Божьи законы. Следует отметить, что это произведение писалось тогда, когда в польско-литовском государстве обсуждался проект избрания на престол русского царя, и задача Курбского состояла в том, чтобы всячески очернить кандидата. К тому же он пытался оправдать самого себя за измену государю, которому он давал клятву верности.

Новым явлением для второй половины XVI века становится создание коллективных фундаментальных трудов, посвященных провозглашению царства. К их числу относится уже упомянутая «Степенная книга». В ней описано 17 сту-

пеней Ивана IV, т. е. родовых колен, его предков, как бы ведущих его в небо.

Под руководством митрополита Макария была начата работа по составлению 10-томного Лицевого (т. е. иллюстрированного) летописного свода. Он должен был начаться повествованием от сотворения мира и закончиться серединой XVI в. К сожалению, полностью создание этого памятника не было завершено.

Непосредственно деятельности Ивана Грозного был посвящен «Летописец начала царства» (с 1538 по 1552 гг.). Взятие Казани со всеми подробностями было описано в «Казанской истории». Ее автор предположительно был в плену и стал очевидцем штурма города царскими войсками. В его сочинении много ярких и красочных картин, бытовых сцен. Оно было очень популярно среди русских книжников и часто переписывалось.

К этому же жанру исторических повестей примыкает «Повесть о пришествии Стефане Батория под град Псков», описывающая героическую оборону города в 1581–1582 гг.

Еще одним грандиозным, почти энциклопедическим трудом, стали «Великие Четьи-Минеи». Они состояли из 12 томов, насчитывающих 27 тыс. страниц, и были задуманы будущим митрополитом Макарием еще в Новгороде. В Москве он создал кружок книжников, которые стали реализовывать его идею объединения всех церковных и исторических сочинений о святых, написанных в разных частях страны за

несколько веков. Некоторые писатели даже отправились в отдаленные районы и записали там устные народные предания. Одним из них стала «Повесть о Петре и Февронии», привезенная из Мурома и литературно обработанная Ермолаем-Еразмом.

Дух энциклопедизма захватил многих книжников. Так благовещенский протопоп Сильвестр составил своеобразную энциклопедию по домоводству, назвав ее «Домостроем». В ней он собрал сведения о нормах жизни русской семьи, поместил много полезных советов по приготовлению пищи, хранению продуктов и т. д.

Отенский монах Зиновий в полемическом трактате «Истины показание» описал устройство мира (по его мнению, он состоял из четырех стихий), высказал свое представление о сущности и роли человека (образ и подобие Божества), разъяснил главный богословский догмат о Троице. Затронул он и другие вопросы: суть царской власти, значении материальных богатств, дал представление о церковных обрядах, иконах, иконографии, церковном пении и многом другом.

Деятельность митрополита Макария способствовала расцвету агиографического жанра. После официальной канонизации в 1547 г. многих русских святых, создаются их жития. Среди их авторов были: Лев Филолог, вологодский епископ Иоасаф, книжник Василий-Варлаам. Излюбленными жанрами стали не только жития, но и похвальные слова, всевозможные повести и сказания, каноны. Известно, что такого

рода сочинительством занимался сам царь Иван и его старший сын.

§ 2. Школа, просвещение, книгопечатание

Сохранилось довольно мало сведений об организации образования в XVI в. По косвенным данным, можно сделать вывод о том, что для некоторых категорий служилых людей и духовенства существовали особые училища. Дьяков и подьячих обучали непосредственно при приказах. От них требовалась грамотность, счет, умение хорошо писать. Служащие Посольского приказа обязаны были знать языки, историю своей страны и соседних государств, географию. Для работы в Поместном приказе следовало разбираться в землемерии, в Разрядном приказе – в родословиях знати.

Для изучения истории использовались хронографы, летописи, всевозможные исторические сочинения. Особо пытливые ученики могли получить представление об античной литературе и философии по переводным памятникам: «Мудрость Менандра», сборнику афоризмов «Пчела», трудам Иоанна Дамаскина, Василия Великого, Иоанна Богослова и др.

Менее специальное образование давали училища при монастырях и церквях. В них детей обучали грамоте по азбуковникам, часословам и Псалтыри. В предисловиях к этим

книгам иногда содержалось наставление по обучению грамотности и письменности. Они заключались в том, что читать следовало выразительно, а для заучивания необходимо было переписывать отрывки из книг.

В 1574 г. во Львове первопечатник Иван Фёдоров напечатал первую славянскую «Азбуку», в котором были тексты для чтения и правила грамматики.

Для обучения счету был создан учебник, названный «Цифирной счетной мудростью», в которой содержались простейшие задачи.

В церковных школах обязательно обучали пению. Учившиеся были непременными членами церковных хоров.

Следует отметить, что на Стоглавом соборе было принято постановление об устройстве училищ во всех городах. Учителями в них должны были стать священники и дьяконы. Посещали их в основном дети посадского населения. Знать предпочитала обучать своих отпрысков дома. Для этого к ним нанимали специальных учителей и воспитателей, носивших название дядек. Кроме грамотности и счета, знатные мальчики в первую очередь должны были овладевать воинским искусством: скакать на лошади, владеть различными видами оружия.

Об образовании девочек заботились много меньше. Вряд ли многих из них обучали грамотности. Главным было рукоделие и умение вести дом и хозяйство.

В вопросах воспитания руководством служило сочинение

Иоанна Златоуста «О воспитании детей». В нем подчеркивалась особая роль в воспитании отцов, их ответственность за судьбу детей. Отмечалось, что главная задача родителей состояла в прививании детям хороших качеств: скромности, честности, приветливости, милосердия, нищелюбия, бескорыстности, трудолюбия. Они обязаны были дать детям образование, научить рукоделию и домашним навыкам.

Одним из средств воспитания считались телесные наказания, но при этом нельзя было проявлять гнев и жестокость. Требования к детям следовало предъявлять в зависимости от их возраста и способностей.

Известный ученый XIX в. А.И. Соболевский изучал вопрос о грамотности русских людей в XVI в. Материалом для него служили подписи под различными документами. Оказалось, что среди белого духовенства грамотными были все, среди монахов 70 %, среди придворных – 78 %, среди помещиков Севера – 80 %, среди новгородских помещиков – 55 %, среди посадских людей – 20 %, среди крестьян – 15 %. Все это свидетельствует о том, что грамотность была достаточно широко распространена среди разных слоев населения, особенно среди высшей прослойки. В итоге потребность в книгах постоянно росла, а книгописные мастерские ее удовлетворить не могли. Поэтому по царскому указу в середине XVI в. была создана книгопечатная мастерская. Некоторые исследователи считают, что началом книгопечатания следует считать царский указ от 1553 г. В дру-

гой грамоте от 1556 г. извещалось, что мастер М. Нефедов изготовил несколько книг: три Евангелия, две Псалтыри и две Триоди. В 60-х г. количество книгопечатников увеличилось. Наиболее известным стал Иван Фёдоров, отпечатавший в 1564 г. Апостол. Позднее он уехал в Литву и там продолжил свою деятельность. Но мастера остались и в Москве. В 1565 г. был издан «Часовник», в 1568 г. – новая Псалтырь Невежи Тимофеева, в 1577 г. к работе подключился его сын Андроник. Книгопечатная деятельность продолжалась до конца века. Но издавались только богослужебные книги. С расширением территории страны потребность в них постоянно росла.

§ 3. Архитектура

Образование централизованного государства отразилось и на архитектуре. Главное строительство велось в Москве, преимущественно в резиденции великих князей, а потом и царей, т. е. в Кремле. Старые постройки уже не соответствовали новому статусу Кремля, поэтому еще при Иване III началась их реконструкция. В столицу приглашались мастера из Новгорода, Пскова, Италии. Они привезли с собой новую строительную технику и архитектурные проекты. Наряду с белым камнем стал широко употребляться красный кирпич, применявшийся до этого в Новгороде. Оттуда же перенимается техника использования железных связок. Новым стано-

вится сочетание кирпичных стен с белокаменными деталями, придающее сооружениям особый нарядный вид.

Первым был перестроен Успенский собор (1475–1478 гг.), которому полагалось быть главным храмом страны (до этого им считался Успенский собор во Владимире). Приглашенный из Италии Аристотель Фиорованти должен был скопировать владимирский образец. Но он подошел к заданию творчески, Московский собор лишь внешне повторяет образец: пятиглавие, колончатый пояс, позакомарное покрытие. В целом его формы строго геометричны, поэтому внутреннее пространство шире и светлее. Исчезли хоры, на которых раньше стояла великокняжеская семья, своды стали выше и тоньше. Поэтому современники отмечали, что Успенский собор больше похож на светские палаты, чем не храм. Им нравилось его №величественность, светлость и звонкость».

Новые светские элементы были внесены и в архитектуру Архангельского собора, построенного Алевизом Новым в 1505–1509 гг. Внешне храм был украшен наподобие двухэтажного «палаццо» в духе Ренессанса. Закомары заполнены пышным орнаментом с раковинами, пилястры расчленены на два яруса, нижний этаж оформлен аркадами, резьбой, расписан красками с позолотой. Столь радостное и светлое сооружение не совсем соответствовало своему назначению быть усыпальницей великих князей.

Благовещенский собор был построен в самом конце XV в.

(1484–1489 гг.) псковскими мастерами, поэтому более связан с русской стариной. Он считался придворным храмом, поэтому соединился через древние хоры с дворцом. Первоначально он был трехглавым, на высокой подклети с галереей. В середине XVI в. к нему пристроили приделы, и он приобрел современный вид.

Великокняжеский, а потом и царский дворец представлял собой сложное сооружение из новых каменных палат и старых деревянных построек, соединенных открытыми переходами и галереями. На Соборную площадь он выступал корпусом Грановитой палаты, построенной в 1484–1491 гг. итальянскими зодчими Марко Руффо и Пьетро Солари. Она представляла собой большой (500 кв. м.) одностолпный зал, перекрытый четырьмя крестовидными сводами. По своей архитектуре он был похож на трапезную Троице-Сергиева монастыря, построенную в 1469 г. В. Д. Ермолиным.

Еще одним новым зданием стала колокольня «Иван Великий». Ее построил в 1505 г. Бон-Фрязин. Она состояла из нескольких восьмериков с аркадами для колоколов. В 1532 г. к ней была пристроена звонница псковского типа.

Таким образом, появляется новый грандиозный кремлевский ансамбль, подчеркивающий величие Русского государства, мощь и красоту.

В конце XV в. перестраиваются также кремлевские стены и башни (1485–1495). Итальянские архитекторы Пьетро Солари и Алевиз Новый повторяют планировку XIV в., но

стены возводят выше (от 10 до 17 м), башни – мощнее. Всего их становится 18. По своей неприступности Московский Кремль превосходил многие крепостные сооружения Западной Европы. Он стал образцом для крепостей в Нижнем Новгороде, (1500–1511), Коломне (1525–1531), Туле (1514–1521). В 1534–1588 гг. к Кремлю с востока была пристроена стена Китай-город, носившая ранее название Великого посада и окруженного деревянной изгородью – китаем. Новая крепость была ниже кремлевской с толстыми приземистыми башнями. Видимо, итальянский архитектор Петрок Малый не хотел, чтобы Китайгородские постройки заслоняли величественный ансамбль Кремля.

В 1-й половине XVI в. выдающимися памятниками градостроительства становятся крупные монастыри. Они показывают, как русские зодчие тонко чувствовала связь архитектуры с природой и своими постройками лишь украшали ландшафт. Примерами могут служить ансамбли Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Борисоглебского (под Ростовом) монастырей.

Новым явлением становится каменное гражданское строительство. В крупнейших монастырях возводятся монументальные трапезные палаты. Примером служат трапезные Андроникова и Пафнутьев-Боровского монастырей. Они, как правило, двухэтажные. Внизу – хозяйственные постройки, вверху – большой зал, крытый высокой деревянной кровлей. Во 2-й половине XVI в. в Кремле возводятся каменные зда-

ния для приказов (до нас они не дошли). Обычно они были двухэтажными, с высокими крытыми крыльцами, ведущими на второй этаж.

Еще одним новым явлением XVI в. становится влияние шатровой деревянной архитектуры на каменную. Примером может служить храм Вознесения в Коломенском, построенный Василием III в 1532 г. в честь рождения наследника Ивана. Это сооружение всеми своими элементами подчеркивает идею вознесения, неудержимого роста храма из недр земли, который достигает небывалой по тем временам высоты в 462 м. Современники считали эту постройку «вельми чудным высотою, красотою и светлостью».

Определенное влияние шатровой архитектуры сказалось и на находящемся рядом Дьяконовском храме. Он был построен Иваном IV в 1547 г. в память о своем венчании на царство.

Но самым выдающимся памятником шатровой архитектуры следует считать Покровский собор что на Рву, или храм Василия Блаженного на Красной площади. Он был построен русскими зодчими Бармой и Посником Яковлевым в 1555–1560 гг. Его строительством Иван Грозный хотел увековечить важнейшее событие своего царствования – взятие Казани. Собор должен был стать монументом славы и торжества русского оружия и самого государя.

Собор состоит из центральной шатровой главки и девяти приделов и отличается декоративностью (отсюда его

несколько названий). Особую красоту ему придает сочетание кирпича и белого камня, сверкающие главки из «белого железа» и цветные майоликовые украшения центрального шатра. Недаром некоторые иностранцы сравнивали его с диковинным растением, мощно растущим из самой земли. Русские же люди называли его Иерусалимом, подчеркивая его особую святость и посвящение множеству святынь.

Вторая половина XVI в. была достаточно тяжелым временем для России, и это наглядно отразилось в архитектуре. Монументальное строительство почти прекращается. Можно назвать лишь несколько значительных построек: Софийский собор в Вологде (1568–1570) – простой и лаконичный пятикупольный храм, и Успенский собор в Троице-Сергиевом монастыре, возведенный уже при Фёдоре Ивановиче в 1585 г.

В конце века всеми постройками руководил Приказ Каменных дел. Под его началом выдающийся зодчий Фёдор Конь возводит мощную стену Белого города (1585–1593) и Смоленский кремль (1595–1602).

В Подмосковье появляются изящные постройки и загородных поместьях царских родственников Годуновых: храм Преображения, колокольня, плотина и дворец в Больших Вязёмах, церковь в селе Хорошёве, ансамбль в селе Остров.

§ 4. Живопись

В XVI в. много новых явлений появилось и в живописи. Главным стала строгая регламентация иконописной деятельности. Согласно постановлениям Стоглавого собора от 1551 г., иконописцы обязаны были следовать иконописным подлинникам и древним образцам. Все новшества осуждались и запрещались.

При митрополичьем и царском дворах создаются живописные мастерские, куда собирают иконописцев со всей страны. В итоге именно столичное искусство становится образцовым и официальным. Для развития иконописи это имело отрицательное значение, поскольку препятствовало проникновению в нее новых веяний и тенденций.

Крупнейшим представителем московской школы живописи конца XV в. был Дионисий (1440–1502). Он не был монахом и работал на заказ вместе с сыновьями Владимиром и Феодосием. Далеко не все его работы дошли до нас. Судить о его мастерстве можно по фрескам в церкви Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре. Изображенные на них фигуры святых поражают хрупкостью, утонченностью, возвышенной одухотворенностью. Особую красоту придает им декоративность и богатый орнамент. В Третьяковской галерее и Успенском соборе Кремля хранятся несколько икон письма Дионисия.

Самыми ранними росписями XVI в. в Москве являются фрески Благове-щенского собора, выполненные в 1508 г. артелью живописцев во главе с сыном Дионисия Феодосием. В целом они посвящены Богородице, но есть в них и сюжеты, связанные с Апокалипсисом и с теорией о происхождения великих князей от римских императоров.

К 1515 г. относятся фрески Успенского собора в Кремле. Они выполнены в духе школы Дионисия, но система росписи уже более сложная и совершенная.

Особый интерес представляют фрески Успенского собора в Свияжском монастыре (1561 г.). В куполе изображено так называемое Отечество – вариант Троицы, в верхней части – сюжеты из ветхозаветной истории, в алтаре – портреты Ивана Грозного, митрополита Макария и настоятеля монастыря Германа.

Очень интересны росписи светских помещений. Так в Большой Золотой палате царского дворца на стенах и потолке были фрески, иллюстрирующие «Сказание о князьях Владимирских» и военные подвиги Ивана Грозного. До нас они, правда, не дошли, и известны лишь по описаниям Симона Ушакова.) Малая Золотая палата, построенная для Ирины Годуновой, была расписана сценами из жизни знаменитых женщин: византийской императрицы Елены, легендарной царицы Динары, княгини Ольги.

В 1547 г. после грандиозного пожара в Москву были приглашены псковские мастера. Они должны были восстановить

фрески кремлевских соборов. После выполнения заказа они создали серию икон на библейские сюжеты, которые поразили современников своей необычностью, поскольку были выполнены в виде аллегорий. Например, Бог Саваоф был изображен лежащим внутри небесной сферы, Иисус Христос – в доспехах воина.

Против новых изображений выступил посольский дьяк Иван Висковатый, считавший себя большим знатоком иконографии. По его настоянию был собран церковный собор в 1553–1554 гг. Однако духовенство приняло сторону живописцев и осудило дьяка за вмешательство в чужие дела.

Иконописцам же были позволены некоторые вольности при изображении библейских и исторических сюжетов. Строго регламентированными остались только евангельские сюжеты.

Можно считать XVI в. временем расцвета книжной миниатюры. Если раньше иллюстрированные рукописи были редки, то во 2-й половине века создаются сразу несколько многотомных иллюстрированных книг. Самым грандиозным трудом является «Лицевой летописный свод» (60–70-е гг.). В нем помещено около 16000 рисунков-миниатюр.

Иллюстрированными должны были стать и макарьевские «Великие Четьи-Минеи», но живописцам удалось поместить рисунки только в первом томе.

Изысканной красотой и изяществом отличались вышедшие из книгописной мастерской Годуновых богослужебные

книги, в основном «Псалтыри». Они использовались для подарков в монастыри.

В связи с развитием книгопечатания возник новый художественный жанр – гравюра. Образцом его являются иллюстрации Апостола, изданного Иваном Фёдоровым в 1564 г.

В конце XVI в. в иконописи появляется новое течение, названное строгановской школой. Лучшие мастера были москвичами: Прокопий Чирин, Никита, Назарий, Фёдор и Истома Савины, Стефан Арефьев, Емельян Москвин и др. Они выполняли заказы богатых промышленников Строгановых. Работы данных мастеров отличались изощренностью и тонкостью письма, орнаментальностью и обилием золота. На иконах появляется много бытовых оценок и деталей, фоном служат красивые пейзажи. Все это свидетельствовало о проникновении светских мотивов в церковную живопись.

§ 5. Декоративно-прикладное искусство

XVI в. можно считать также временем расцвета декоративно-прикладного искусства. Это было связано с тем, что элементы роскоши начинают проникать не только в быт царского дворца, но и в дома знати и богатых горожан, интенсивно развивается ювелирное искусство. В нем широко применяется чеканка по золоту и серебру (образцом является серебряная рака Сергия Радонежского, изготовленная по заказу царя Фёдора), скань, тиснение, украшения из эмали и

драгоценных камней, тончайшая чернь. В Золотой кладовой Троице-Сергиева монастыря хранится множество замечательных образцов ювелирного искусства XVI в.

Высочайшего искусства достигает плоская резьба по дереву. Образцом является царское место Ивана IV в Успенском соборе, резной иконостас Софийского собора в Новгороде и в церкви Иоанна Богослова близ Ростова.

Успешно развивается художественное литье из меди и бронзы. Знаменитыми становятся отлитые в Москве колокола, украшенные затейливыми орнаментами. Шедевром литейного искусства стала «Царь-пушка», отлитая в 1586 г. мастером Андреем Чоховым.

Продолжает развиваться художественное шитье. Под руководством царицы Анастасии создается в Кремле особая мастерская, где изготавливаются плащаницы и пелены для усыпальниц Архангельского собора.

Аналогичная мастерская была и у Ефросиньи Старицкой, матери Владимира, двоюродного брата царя. Образцы ее творчества хранятся в музее Троице-Сергиева монастыря.

В конце века в декоративно-прикладном искусстве появляется особый Годуновский стиль. Для него было характерно использование во всевозможных изделиях большого количества золота, серебра, драгоценных камней, жемчуга. Образцом его является паникадило над ракой царя Фёдора, изготовленное по указанию царицы Ирины, и оклад на икону «Троица» Андрея Рублева, хранившуюся в Троице-Сергие-

вом монастыре.

§ 6. Быт

О быте русских людей в XVI в. мы можем судить главным образом по сочинениям иностранцев, которые активно стали посещать Россию. Это были не только дипломаты, но и купцы, и всевозможные специалисты, приглашаемые на службу ко двору.

Главное, что бросилось в глаза многим, – особая роскошь царского дворца. Иностранцы подробно описывали его богатое убранство (вытканные золотом ковры, украшенные драгоценными камнями балдахины, царский трон, золоченые канделябры вычурной формы), изумлялись обилию ценной посуды, полностью заполнявшей особое помещение. Их поражали золотые одеяния царя и придворных, украшенные дорогими мехами, искусной вышивкой, жемчугами и самоцветами. Со всей тщательностью они описывали великолепные кареты и породистых лошадей.

Если раньше дома вельмож отличались от крестьянских только размерами, то теперь они стали строиться на каменном подклете, с красивыми крыльцами, высокими кровлями. Во внутреннем убранстве появились ковры, бархатные подушки, шкафы с красивой посудой.

Если в конце XV в. на московском рынке на льду Москвы-реки иностранцев удивляло только обилие дешевых про-

дуктов, то в середине XVI в. они отмечали, что на огромном торжище в Китай-городе можно было купить любой товар: и верхнюю одежду, и всевозможные ткани, и посуду, и конскую сбрую, и ювелирные украшения. Значит, все это покупалось и использовалось в быту русских людей.

Мало изменений происходило лишь в пище. По мнению иностранцев, она оставалась простой и грубой: хлеб, каши, горох, соленая рыба, капуста, лук, чеснок. Овощей все еще мало, а фруктов почти нет. Только приблизительно в середине века в русских садах появились яблони, до этого были только смородина, крыжовник и вишни.

Но горячительных напитков стало существенно меньше, поскольку правительство вело постоянную борьбу с пьянством. Пить можно было всего несколько раз в году по большим праздникам.

Положение женщин в семье было довольно сложным. На своей половине они были полными хозяйками всего, но без разрешения отца или мужа они не имели права покидать дом, посещать же им разрешалось только церковь.

Глава 21. Кризис русской государственности в Смутное время

Смерть царя Фёдора привела к затяжному династическому кризису, осложненному междоусобными битвами, социальными конфликтами и ино-странной интервенцией. Целых 15 лет русские люди примеряли «шапку Мономаха» тому или иному претенденту, и каждый севший на трон новый монарх казался им недостойным Великого Русского государства.

С 1598 г. поцарствовать, удалось четверым, претендовали и отчаянно боролись за власть еще четверо.

Почему же избрание монарха оказалось таким трагически сложным делом для русских людей тогда, когда в соседней Речи Посполитой оно было достаточно обыденным явлением и не приводило к затяжной междоусобной войне? Дело в том, что за многовековую историю Росси проблема выбора государя никогда не стояла, и самой процедуры избрания не было. Со времени Киевской Руси страной правили представители одного княжеского дома Рюриковичей, и борьба за корону возникала только внутри него. Московским князьям удалось собрать земли и стать государями «всея Руси». К наследуемым владениям, благодаря собственным усилиям, им удалось прибавить огромные по площади земли. В итоге Русское государство образовалось не как добровольный со-

юз народа (так оно должно образовываться, по мнению государственников), а как разросшийся удел московских князей. Великий князь, а потом и царь был как бы стержневым началом всего объединения. С его утратой целое разрушилось и распалось на составные части. Это и произошло в Смуту. Только, когда русские люди осознали себя единым народом и поняли важность согласия и объединения, они смогли вновь восстановить государственное устройство и избрать на престол того, кто устраивал всех.

Таким образом, возрожденное после Смуты государство окончательно избавилось от удельных рудиментов и приобрело свои истинные черты.

§ 1. Первый выборный царь Борис Федорович Годунов

Личность Бориса Фёдоровича Годунова всегда привлекала внимание видных историков, писателей и поэтов. Каждый пытался ответить на два вопроса: каким образом Борис, не принадлежащий к царскому роду, смог нарушить вековую традицию престолонаследия и занять московский трон, и почему его конец был столь бесславным. Некоторые историки (Н.М. Карамзин, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров А. А. Зимин и др.) вслед за публицистами Смутного времени полагали, что первый выборный царь получил престол ценой кровавого преступления – убийства последнего сына Ива-

на IV царевича Дмитрия. Потом, будучи разоблачен самозванцем Гришкой Отрепьевым, Борис оказался в изоляции, русское общество отвернулось от него. В итоге он потерпел полный крах. Такую же трактовку образа Бориса предложил и А. С. Пушкин в знаменитой трагедии «Борис Годунов».

Но ряд историков, например С. Ф. Платонов и Р. Г. Скрынников, считали, что у Б. Ф. Годунова не было причин убивать царевича Дмитрия, и что престол он получил за личные заслуги. По мнению Платонова, Борис показал себя мудрым правителем при царе Фёдоре. Скрынников писал, что тот выдвинулся во времена опричнины и занял первые роли в правительстве уже в последние годы царствования Ивана Грозного. Эту же точку зрения поддержал А. П. Павлов.

Чтобы более правильно ответить на два спорных вопроса, касающиеся личности Б. Ф. Годунова, следует обратиться к документальным источникам, фиксировавшим факты, а не их вольную интерпретацию публицистами, а потом и историками.

Прежде всего, следует развеять миф о худородности Годуновых. С. Б. Веселовский доказал, что этот род имел глубокие корни и был достаточно знатен. Летописи сохранили сведения о его предках, костромских боярах, с самого начала XIV в. В 30-х годах этого же века они отправились на службу ко двору московского князя и заняли в нем одно из самых высоких мест. Получалось, что по знатности этот род

был равен любому старомосковскому боярскому роду, например Кобылиных-Кошкиных – родоначальников Захарьиных-Юрьевых, Шереметевых, Колычовых и др. В самом начале XV в. род бывших костромских бояр разделился на три ветви: Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых. Самые высокие должности при дворе заняли представители старшей ветви, т. е. Сабуровы, положение Годуновых оказывалось ниже.

После женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой Годуновы стали видными воеводами и получили значительные земельные пожалования около Новгорода, Твери и Вязьмы. Именно их успешная служба позволила молодому Борису выиграть несколько местнических споров с князьями Сицкими, Телепнёвыми, Елецкими и Овцыными. Официально было записано, что он знатнее их всех.

Отец Б. Ф. Годунова, Фёдор Кривой, видимо, имел дефект зрения и не служил. После ранней смерти Федора его дети Василий, Борис и Ирина оказались на попечении дяди Дмитрия Ивановича. Тот сначала служил при дворе царского брата Юрия, его племянник Григорий Васильевич стал дядькой царевича Фёдора.

После смерти Юрия Дмитрий Иванович оказался при царском дворе и уже в 1567 г. получил должность постельничего и возглавил Постельный приказ. В его обязанность входило устраивать и оберегать государев сон. В это же время началась служба 15-летнего Бориса – он стал стряпчим в прика-

зе дяди. Конечно, для знатного юноши подавать царю Ивану платье было не самым лучшим занятием, но оно позволило ему выделиться и стать любимцем государя. В 1570 г. Борис уже рында царевича Ивана. В следующем году он женится на дочери Малюты Скуратова Марии и входит в родственные отношения с самым знатным князем Д. И. Шуйским и самим царем через князя И. М. Глинским, поскольку оба князя были женаты на сестрах Марии. Настоящий взлет его карьеры начинается с 1577–1578 гг., когда его сестра становится женой царевича Фёдора. Сначала он получает чин кравчего, затем становится боярином. Быстро восходят по лестнице чинов и его родственники: дядя Дмитрий Иванович – боярин, двоюродные братья Степан Васильевич и Иван Васильевич – окольничие.

После воцарения Фёдора в 1584 г. родовая корпорация Годуновых становится главной опорой его трона. Но Борис далеко не сразу выдвинулся на первые роли среди своих родственников. В Боярской думе он всегда был ниже дяди, в военных походах – ниже двоюродных братьев. Для царя Фёдора всегда самым близким человеком оставался бывший дядька Григорий Васильевич, получивший должность дворецкого.

Определенную известность Б. Годунову принесло покровительство иностранным купцам и пленным. Богато одаренные, они сообщали в своих странах о государевом шурине как о весьма влиятельном человеке. В итоге лично к нему

стали присылать письма некоторые европейские монархи. Английская королева Елизавета просила оказать помощь ее купцам, которых царь Фёдор не жаловал, австрийский император Рудольф через Бориса пытался склонить царя к анти турецкой деятельности.

Только после успешной обороны Москвы от Казы-Гирея в 1591 г. Б. Годунов получил самый высокий при дворе чин слуги и стал постоянным членом Ближней думы. Но в войске он был по-прежнему ниже князя Ф. И. Мстиславского, в Боярской думе – ниже Мстиславского, Трубецких и дяди.

В некоторых иностранных источниках Борис назван правителем земли. Но это означало лишь то, что он был главой Земского приказа, ведавшего городами: их охраной, благоустройством, сбором налогов (тягла).

Некоторые исследователи полагали, что с самого начала правления Фёдора Ивановича Борис рассматривался как его возможный наследник. Но вряд ли это могло быть, поскольку он был старше царя на пять лет и долго не имел наследника. Только в 1589 г. у него родился сын Фёдор. Поэтому убивать в 1591 г. царевича Дмитрия для Б. Годунова не имело смысла, никаких перспектив на трон в это время у него не было.

Возможно, что после смерти царевны Феодосии в некоторых кругах Борис стал рассматриваться как возможный наследник царя. Это выразилось в том, что иностранные послы стали привозить подарки лично ему и даже его сыну.

Но умирающий царь Фёдор не решился объявить шурина

своим преемником. Трон он передал жене Ирине, полагая, что та распорядится им по своему усмотрению. Можно предположить, что царица пыталась какое-то время править самостоятельно, но после того, как воеводы таких важных городов, как Новгород, Смоленск и Псков, отказались подчиниться ее указам и затеяли местничество, она приняла твердое решение уйти в монастырь.

Вместе с ней в Новодевичий монастырь отправился и Борис Годунов. Он ничем не рисковал, поскольку в Москве ситуацию контролировали многочисленные родственники и патриарх Иов, верный их семье.

Формально правящая царица сама имела право передать власть брату (практика передачи власти по духовной грамоте была распространена среди московских князей), но оба понимали, что этот способ крайне ненадежный. Необходимо было убедиться в желании и готовности подданных служить новому государю. Сделать это было можно только на достаточно представительном Земском соборе, сходном по своим функциям с Польским сеймом, избиравшим польских королей.

Поэтому сразу же после пострижения Ирины было объявлено о созыве избирательного Земского собора, на который должны были приехать представители всех крупных городов. По мнению исследователей, 17 февраля 1598 г. в Успенском соборе собралось более 500 человек.

После смерти царя Фёдора русское общество пребывало в

шоковом состоянии, поэтому, кроме Бориса, на соборе никаких кандидатур предложено не было. За царского шурина высказался патриарх Иов и рассказал собравшимся о том, что именно он был соправителем умершего царя и на этом поприще показал себя мудрым политиком и рачительным хозяином. Только брат царицы, по утверждению Иова, мог стать продолжателем славных дел Фёдора Ивановича. Поскольку перемен никто не хотел, все дружно высказали свое согласие избрать новым царем Бориса Фёдоровича.

Но даже после своего единодушного избрания Борис не решился сразу поехать во дворец. Он хотел наглядно убедиться в желании подданных служить ему и показать всем, что к власти не стремится. Поэтому представителям Земского собора заявил, что хочет остаться в монастыре и служить сестре.

Тогда по указанию патриарха толпы народа отправились к Новодевичьему монастырю и, стоя на коленях, начали умолять Бориса принять царский венец. Но тот был непреклонен и отвечал отказом. Наконец, 21 февраля (этот день Иов объявил праздником в честь Богоматери Одигитрии) все высшее духовенство во главе с патриархом, знать и великое множество народа с крестами и иконами направились в Новодевичий монастырь. Там Борису поднесли икону Владимирской Богоматери и заявили, что само Божество пришло умолять его принять царский венец. Противиться Божьей воле не смогли ни царица-инокиня, ни ее брат. Ирина-Алек-

сандра благословила Бориса на царство. Тут же в местном соборе он получил благословение и от патриарха.

Но даже после этого нареченный царь не поехал в Кремль, возможно, он все еще страшился власти. Его переезд состоялся только 1 апреля, да и то потому, что с южных границ приходили тревожные вести о готовящемся походе на Москву крымского хана. Вероятно, крымцы полагали, что в Русском государстве наступило безвластие, и защищать границы будет некому. Но их расчет не оправдался.

Борис очень быстро взял бразды правления в свои руки. Уже 7 мая во главе огромного войска он выступил к Серпухову. Мобилизованы были и городовые дружины в приграничных крепостях. Все это, очевидно, стало известно хану, и он не решился напасть. Вместо войска в царский стан на берегу Оки прибыли ханские послы. Они смогли наглядно убедиться в том, что Борис способен защитить свое государство от недругов.

Вернувшись с триумфом в Москву, нареченный царь стал готовиться к своему торжественному венчанию. Оно состоялось 1 сентября 1598 г., в первый день нового года (в некоторых источниках венчание датировано 3 сентября).

Чтобы подданные навсегда запомнили это знаменательное событие, празднества продолжались до 10 сентября. Для народа на площадь выкатывались бочки с медом и пивом, жарились бараньи и свиные туши, раздавались караваи хлеба. Все придворные чины получили тройное годовое жалованье,

население на год было освобождено от налогов, пять лет царь обещал никого не казнить и выпустил на волю всех заключенных. С этого времени 21 февраля стало новым церковным праздником, который отмечался крестным ходом в Новодевичий монастырь.

Новый царь начал щедро раздавать чины. Боярство получил князь М. П. Катырев-Ростовский, А. Н. Романов, князья А. Б. Трубецкой, В. К. Черкасский и Ф. А. Ноготков. Своим многочисленным родственникам он дал только окольничество, как бы показывая всем, что чтит людей не по родству, а за заслуги.

В первые два года правления Борис старался быть рачительным хозяином, милостивым и щедрым господином, справедливым судьей. Он разобрал все местнические споры, назначил в некоторые города новых воевод, облегчил налоговое бремя (строительство стало ввестись за счет казны), поощрял торговлю и ремесло, издал ряд указов, касающихся освоения Сибири, чтобы ее богатства не расхищались, точно определил размер повинностей зависимых крестьян.

В Сибири продолжилось строительство новых городов (Мангазея, Верхотурье, Томск и др.). Хан Кучум был окончательно разбит, его семья перевезена в Москву. Для освоения новых земель на восток стали направляться не только казаки и стрельцы, но и молодые девушки им в жены и крестьянские семьи. Для организации хозяйственной деятельности переселенцам оказывалась материальная помощь из казны.

Отличительной чертой Бориса была любовь к иностранцам и всему зарубежному. Он сразу же пригласил к себе на службу ливонцев, покинувших родину из-за шведско-польской войны, и дал им хорошие оклады и земельные владения, которые были больше, чем у местных дворян. По его просьбе из-за границы постоянно выписывались различные специалисты: врачи, рудознатцы, часовщики, ювелиры. Его личная охрана состояла только из иностранных наемников, что не могло не вызвать возмущения у русских придворных. Духовенству не понравилось, что иностранцам разрешили построить кирху на окраине Москвы. Осудило оно и план царя пригласить из Европы ученых мужей и открыть высшее учебное заведение для знатных юношей. Поскольку страна нуждалась в хороших специалистах, по инициативе царя 20 молодых людей были отправлены для обучения в разные европейские страны. После Смуты из них в Россию вернулся только один человек.

Борис не хотел вести кровопролитных и дорогостоящих войн. Ливонию он решил подчинить с помощью дипломатических интриг. Для этого он пригласил к себе опального шведского принца Густава, брата Сигизмунда III, с тем, чтобы женить его на дочери Ксении и сделать потом властителем Ливонии. Но тот оказался человеком малодостойным, и жениться на царской дочери не захотел. Пришлось выслать его в Углич. Новым женихом царевны, по царскому замыслу, должен был стать датский королевич Иоганн, младший брат

короля. Осенью 1602 г. он прибыл в Москву и был всячески обласкан царской семьей. Однако уже в октябре Иоганн внезапно заболел и вскоре скончался. Это стало ощутимым ударом для Бориса и его дочери. Провалился и его план найти невесту для сына в закавказских княжествах. Отправленное туда посольство после кровопролитных сражений с горцами вернулось ни с чем. Все честолюбивые замыслы царя Бориса почему-то рушились на глазах. Они лишь вызывали возмущение у русской знати, с которой царь не желал породниться, как его предшественники московские князья.

Если в первые годы своего правления Борис был еще достаточно бодр и деятелен, то потом всевозможные болезни стали его одолевать. Очень часто вместо отца на престоле восседал его сын, как бы приучая всех к мысли, что именно он наследует царский венец. По мнению современников, Фёдор был прекрасно для того времени образован, отличался благонравием, хорошо разбирался в государственных делах, был красив внешне. В будущем он мог бы стать вполне достойным правителем, но судьба распорядилась иначе.

Царь Борис не хотел воевать, поскольку не обладал ни воинскими талантами, ни полководческим опытом. Поэтому ему пришлось заботиться об укреплении границ страны. С берегов Оки линия обороны сместилась на юг и стала проходить у Царёва-Борисова, Белгорода, Валуйки. Сюда за счет казны привозили хлебные запасы, вооружение, порох, снаряды. Основные заградительные полки стояли теперь у

Мценска, Новосили и Орла. В помощь им в случае опасности должны были подойти городовые дружины из Рязани, Михайлова и Пронска.

Большое внимание уделял царь деятельности приказа Каменных дел. Для строительных работ постоянно выделялись большие денежные средства. В итоге в Кремле была построена новая приемная палата с множеством колонн. Ее с восхищением описывали многие иностранные послы. Для Стрелецкого и Пушкарского приказов возвели новые каменные здания. К Конюшенному приказу по европейскому образцу подвели водопровод. Через Неглинку построил широкий мост с лавками для купцов. Для прославления своего имени Борис приказал надстроить верх колокольни «Иван Великий» и под ее куполом золотыми буквами написать свой полный царский титул. Эта надпись сохранилась до сих пор.

Но и это показалось мало честолюбивому монарху. Он задумал возвести в Кремле храм Святая Святых – точную копию иерусалимского собора. Для него начали завозить мрамор и отливать золотые скульптуры святых. Но завершить строительство Борис не успел. При Лжедмитрии постройка была разобрана для возведения нового царского дворца.

Еще одним актом возвеличивания имени царя стало строительство города Царёва-Борисова. Оно было поручено Б. Я. Бельскому, родственнику царицы. Но по доносу тот попал в опалу и был сослан в Нижний Новгород.

Новшеством правления Бориса было использование на

службе «охотчих людей», преимущественно в войске. Они не получали поместий, а лишь денежное жалованье, как стрельцы. Это стало продолжением реформ Ивана Грозного по созданию профессиональной армии.

Став царем, Борис занялся обширной благотворительной деятельностью, надеясь привлечь на свою сторону духовенство. Исключительно богатые вклады делались им в Троице-Сергиев монастырь (возможно, он предчувствовал, что именно здесь будут покоиться его останки). Денежные вклады неоднократно получал Иосифо-Волоколамский монастырь, родовая усыпальница Бельских. Часто бывал царь в Новодевичьем монастыре, где жила его сестра-монахиня.

Богомольные поездки царской семьи в Троице-Сергиев монастырь превратились для москвичей в грандиозное зрелище. Необыкновенным великолепием поражали царские кареты, восхищали роскошные наряды сопровождавших их дворян и дворянок, изумляли замыкающие процессию десятки тысяч стрельцов в полном вооружении со знаменами и набатами на красивых лошадях из царских конюшен.

Однако при всей роскоши и несомненных успехах и достижениях царь не чувствовал себя уверенно. Ему казалось, что знать плетет тайные нити заговоров и строит козни. Чтобы быть в курсе всех замыслов, он решил ввести систему доносов, по которой слугам разрешалось подглядывать и подслушивать господ и о любом их неблаговидном поступке доносить в особый фискальный приказ. Его возглавил царский

родственник С. Н. Годунов. В награду доносчики получали имущество арестованных господ. Эта система имела самые печальные последствия для морально-нравственных устоев русского общества. Даже родители с детьми и жены с мужьями стали остерегаться говорить друг с другом откровенно. Слуги же договаривались между собой и умышленно оговаривали хозяев, чтобы завладеть их имуществом.

Одними из первых жертв доноса стали пять братьев Романовых, которые по женской линии считались ближайшими родственниками умершего царя Фёдора. Трое из них входили в Боярскую думу (Фёдор и Александр были боярами, Михаил – окольничим). Возможно, Борис опасался, что со своей многочисленной родней они представляют опасность для его трона, поэтому решил первым нанести удар и полностью истребить все их племя.

Современники предполагали, что «Дело Романовых» было сфабриковано С. Н. Годуновым, который подкупил одного из слуг Александра Никитича и приказал ему подбросить в господскую казну мешочек с ядовитыми корешками. После этого был сочинен донос.

Так это было или иначе, но царские ищейки нашли корешки у Александра Романова. После этого в Боярской думе началось шумное разбирательство. Оно продолжалось около года – с ноября 1600 г. по лето 1601 г. В результате следствия все братья Романовы и их многочисленные родственники были обвинены в том, что покушались на жизнь царя и,

значит, стали опаснейшими государственными преступниками. Старшего брата Фёдора Никитича с женой постригли в монахи, их детей с тетками отправили в Белозерскую тюрьму, младших братьев выслали в Сибирь. Репрессиям подверглись все их родственники: Черкасские, Сицкие, Репнины, Шереметевы, Шестуновы, Карповы и многие другие. В итоге Дума и царский двор буквально обезлюдели. Вскоре в Москву одно за другим стали приходить трагические известия о безвременной кончине опальных. Первым умер Александр, затем Михаил и Василий Романовы, за ними князь Б. К. Черкасский и князь И. В. Сицкий с женой. Тяжело заболели Иван Романов, жена Фёдора Никитича монахиня Марфа и вдова князя Черкасского.

Все это произвело самое негативное впечатление на придворную знать. Становилось ясным, что Борис был продолжателем дел не царя Фёдора, а Ивана Грозного. Но если прирожденному государю подданные были вынуждены прощать и ярость, и лютость, то выборному они были не намерены прощать даже малейшие промахи и стали искать удобного повода, чтобы отомстить за опалы и репрессии.

Недовольство знати вызвало не только жестокое наказание представителей одного из наиболее уважаемых боярских родов, но и попытки царя Бориса отменить местничество, т. е. право отказываться от службы под предлогом умаления родовой чести. На соборе 1601 г. он заявил, что не может организовать оборону государства от крымцев из-за того, что

воеводы своевольничают и отказываются служить там, где им предписано. Царя поддержал патриарх Иов, упрекнувший бояр за «худое и оплошное» отношение к службе. В итоге местничество было запрещено и в 1601, и в 1602 гг. Всех ослушников сажали в тюрьмы или понижали в чине.

Не ведя войн, Борис заставлял боевых воевод нести городовую службу, организовывать охрану населенных пунктов в ночное время, тушить пожары и т. д. Это многим было не по вкусу. К тому же русскую знать постоянно раздражала особая привязанность царя ко всему иностранному и самим иностранцам.

Как ни старался Б. Годунов прославить свое имя, все его правление оказалось очень несчастливым. Один за другим умирали его родственники и близкие люди, оставляя трон без опоры. Первым, вслед за царем Фёдором, скончался дворецкий Г. В. Годунов, в 1602 г. умер И. В. Годунов – видный военачальник, курировавший все военные ведомства; в 1603 г. ушла в мир иной царица-инокиня Александра, пользовавшаяся всеобщим уважением и любовью; окончательно одряхлел и отошел от дел дядя Дмитрий Иванович, умный политик и опытный царедворец. Он умер на рубеже 1604 и 1605 гг. Еще раньше не стало окольничего А. П. Клешнина, опытных полководцев Б. Ю. Сабурова и С. Ф. Сабурова, верного постельничего И. Безобразова (свою службу в этой должности он начал еще при Фёдоре). Сам Борис постоянно недомогал и испытывал огромные мучения от

приступов подагры (из-за неправильного питания она была широко распространена среди знати).

Сокрушительный удар царствованию Б. Ф. Годунова нанесла природа. Три года подряд, начиная с 1601 по 1603 гг., лето было коротким, холодным и дождливым. Зерновые не успевали вызревать и сгнивали на корню. В стране начался массовый голод, приведший к большой смертности в центральных районах. Дело доходило до того, что главы семейств выгоняли своих домочадцев на улицу, не желая их кормить. Многие холопы лишились крова и пищи. Это заставило царя Бориса в 1602 г. издать указ о возобновлении Юрьева дня. Теперь крестьяне вновь на законном основании могли покидать земли, на которых нельзя было прокормиться. В итоге многие сельские жители стали переселяться на юг, где похолодание было не столь ощутимым. Там на границах образовывались военизированные казачьи поселения, ни от кого не зависящие и никому не платящие налогов. В них создалась благодатная почва для развития самозванческой аванюры.

В конце 1603 г. до царя дошли слухи, что в Речи Посполитой появился самозванец, выдающий себя за давно умершего царевича Дмитрия. Началось расследование, к которому подключили православное духовенство Литвы. Вскоре выяснилось, что Дмитрием назвался беглый чудовский монах Гришка Отрепьев, который когда-то служил у бояр Романовых и Черкасских. Это очень обеспокоило Бориса, поскольку

он стал подозревать, что самозванческую авантюру организовали опальные бояре. За теми, кто остался в живых, усилили надзор. В Литву же для опознания беглеца был направлен его дядя Смирной Отрепьев. Но самозванец отказался с ним встретиться, и вопрос о его личности остался открытым. Некоторые даже полагали, что Дмитрием назвался сын А. Курбского, другие считали его незаконнорожденным сыном С. Батория. Были и другие версии.

Осенью 1604 г. войско Лжедмитрия, состоявшее из отрядов польских и литовских наемников и казаков, пересекло западную границу России и вступило на ее территорию. В приграничные города полетели «прелестные письма» самозванца, в которых он рассказывал о «чудесном» спасении от рук убийц, подосланных к нему в детстве Б. Годуновым, и просил о помощи для возвращения себе «отчего трона». На многих жителей северских городов они произвели огромное впечатление. Все захотели помочь гонимому царевичу свергнуть ненавистного царя Бориса.

В спешном порядке в Москве стали собирать войско против смутьяна. Но ни сам царь, ни его сын Фёдор, которому уже было 15 лет, не возглавили его. Главнокомандующим был назначен князь Ф. И. Мстиславский, состоящий в близком родстве (по женской линии) с опальными Романовыми.

Среди восьми бояр Годуновых нашелся только один – Иван Иванович (сын Иване Васильевича), способный возглавить далеко не самый важный Сторожевой полк. Прошло

то время, когда дружные Годуновы во время военных походов царя Фёдора контролировали все основные полки (чтобы не вызвать местничества они, обычно, назначались вторыми воеводами). Теперь трон Бориса предстояло защищать той знати, которая на себе испытала его тяжелую руку и не питала к нему добрых чувств.

Один за другим стали сдаваться Лжедмитрию северские города. Даже если некоторые воеводы пытались оказать сопротивление, горожане их связывали и отводили к самозванцу силой. Но тот никого не наказывал, а лишь журил за неверие, желая тем самым привлечь знать на свою сторону.

В первой же битве под Новгородом-Северским царское войско потерпело поражение. Мстиславский был тяжело ранен. Вскоре ему на смену прибыл опытный полководец князь В. И. Шуйский. 21 января 1605 г. под Добрыничами он смог заманить войско Лжедмитрия в засаду и нанести ему сокрушительный удар. Сам самозванец едва спасся на раненой лошади. Прибыв в Путивль, он решил, что с мечтами о троне следует расстаться.

Но царские воеводы не развили успех. Никто не бросился вдогонку за авантюристом, чтобы окончательно добить. В нерешительности войско застыло под Кромами, где горстка казаков во главе с атаманом Корелой мужественно отбивалась уже несколько месяцев.

Напрасно слал Борис воеводам грозные послания, напрасно побуждал их к активным действиям. Войско таяло на гла-

зах: одни бежали в стан самозванца, другие умирали от болезней (в зимнее время войско стояло под открытым небом в болотистой местности).

Наконец, постоянное ощущение тревоги и страха окончательно подорвали слабое здоровье царя. 13 апреля 1605 г. он скоропостижно скончался, возможно, от апоплексического удара. Следуя традиции в царском роду, его в спешном порядке постригли под именем Боголеп. Пышные похороны состоялись в Архангельском соборе рядом с захоронением царя Фёдора. Но тело Бориса пролежало там совсем недолго, ровно столько, сколько смог удержатся на престоле его сын Фёдор.

Сразу после смерти царя Бориса было объявлено, что на престол восходит царевич Фёдор Борисович и его мать Мария. Хотя царевичу уже было 16 лет, он все еще считался несовершеннолетним до женитьбы. Из полков были отозваны видные полководцы князья Ф. И. Мстиславский и В. И. Шуйский, видимо, для участия в венчании Фёдора на царство. Но в тех условиях это было большой ошибкой. В войско взамен них отправили князя М. П. Катырева-Ростовского и П. Ф. Басманова, прославившегося мужественной обороной Новгорода-Северского и получившего за это боярский чин. Они должны были стать главнокомандующими. Новые росписи полков возмутили остальных воевод. Все они отправили в Москву грамоты с требованием местнического суда, но ответа не получили. Это стало второй ошиб-

кой нового правительства. Судя по всему, ни Фёдор, ни его мать не имели реального представление о положении самозванца, не знали о массовом переходе городов на его сторону, о шаткости царских воевод. Дело кончилось тем, что во время назначенного на 7 мая сражения с кромчанами большая часть царского войска перешла на сторону самозванца. Только немногим сторонникам Годуновых удалось бежать в Москву, остальные были арестованы и отправлены в Путивль.

В Москве полученные известия о переходе армии на сторону Лжедмитрия были восприняты, как гром среди ясного неба.

Новое правительство попыталось отправить к Коломне отряд стрельцов, который должен был остановить самозванца. Но в нем обнаружилась шаткость, и даже это небольшое войско растаяло.

Ранним утром 1 июня в Красном Селе появились два посланца Лжедмитрия с «прелестными» грамотами. Это были Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. Рассказами о доблестях «царевича» они быстро склонили местных жителей на свою сторону и в окружении их прибыли на Лобное место. Там их поддержали и москвичи. В итоге огромная толпа ворвалась в Кремль, схватила Фёдора с царицей Марией и царевной Ксенией и с криками и издевательствами отвела на старый боярский двор.

Арестованы были и все их многочисленные родственни-

ки. Сабуровых и Вельяминовых заставили поехать на поклон к самозванцу, остальных заперли в тюрьме. К этому времени Лжедмитрий уже переместился в Тулу. Узнав о московских событиях, он повелел своим новым боярам князьям В. В. Голицыну и В. М. Мосальскому отправиться в столицу и решить судьбу Годуновых. 7 июня те задушили Фёдора и царицу Марию, Ксению отвели на двор к Мосальскому. Вскоре был убит ненавистный всем С. В. Годунов и пострижен в монастырь С. Н. Годунов. Остальных их родственников отправили в Сибирь. С «легкой руки» царя Бориса она стала отныне местом ссылки опальных лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.